

А. В. Огнёв

Правда против лжи. О Великой Отечественной войне

Тверь. 2011

isbn 978-5-91229-063-3

Полемиическая книга участника Великой Отечественной войны, заслуженного деятеля науки РФ Александра Васильевича Огнёва "Правда против лжи. О Великой Отечественной войне" адресована широкому кругу читателей. Она написана после многолетнего изучения научных трудов советских и иностранных авторов, воспоминаний участников войны и ознакомления с многочисленными изданиями СМИ об истории и истоках нашей Победы. Главное внимание в ней сосредоточено на тех событиях Великой Отечественной войны, которые вызывают споры, извращаются в печати, телевидении и Интернете, в школьных и вузовских учебных пособиях. В книге ставится задача защитить правду о Победе советского народа, с реальными фактами в руках противостоять многочисленной лжи, оградить участников войны от клеветнических измышлений идеологических противников.

Оглавление

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	1
ГЛАВА 1. НАДО ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ, ЕСЛИ ХОТИМ ЗНАТЬ БУДУЩЕЕ.....	4
ГЛАВА 2. ПОЧЕМУ АТАКУЮТ ПОБЕДУ?	16
ГЛАВА 3. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	32
ГЛАВА 4. МЮНХЕНСКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО	44
ГЛАВА 5. КАКОВА РОЛЬ ПОЛЬШИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВОЙНЫ?	54
ГЛАВА 6. ПОЧЕМУ БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ?	66
ГЛАВА 7. УКРЕПЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ.....	79
ГЛАВА 8. РАЗГРОМ ФРАНКО-АНГЛИЙСКИХ АРМИЙ.....	88
ГЛАВА 9. ПЛАН "БАРБАРОССА" ПОДПИСАН.....	93

ГЛАВА 10. КАК ГЕРМАНСКАЯ АГРЕССИЯ СТАЛА ВНЕЗАПНОЙ	101
ГЛАВА 11. ЛОЖЬ В. РЕЗУНА И ЕГО КОМПАНИИ	114
ГЛАВА 12. О МЕТОДОЛОГИИ ПОИСКОВ ИСТИНЫ	123
ГЛАВА 13. БЫЛИ ЛИ СОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ НАПАСТЬ НА ГЕРМАНИЮ?	129
ГЛАВА 14. ПОЧЕМУ СТАЛИН "ПОВЕРИЛ" ГИТЛЕРУ?	136
ГЛАВА 15. ТРАГИЧЕСКИЙ ПРОСЧЕТ	149
ГЛАВА 16. ЖЕСТОКИЕ ПОРАЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ	153
ГЛАВА 17. ПОЧЕМУ НЕМЦЫ ПОДОШЛИ К МОСКВЕ?	163
ГЛАВА 18. О КОМАНДИРАХ КРАСНОЙ АРМИИ	176
ГЛАВА 19. ПРОВАЛ ПЛАНА "БАРБАРОССА"	185
ГЛАВА 20. БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД	198
ГЛАВА 21. КАТАСТРОФА В БИТВЕ ЗА КИЕВ.....	204
ГЛАВА 22. ПОРАЖЕНИЕ В ВЯЗЕМСКОМ КОТЛЕ	216
ГЛАВА 23. БОИ ЗА КАЛИНИН.....	229
ГЛАВА 24. ОБОРОНА МОСКВЫ.....	240
ГЛАВА 25. РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ	247
ГЛАВА 26. НЕУДАЧИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В 1942 ГОДУ	259
ГЛАВА 27. БИТВА ЗА СТАЛИНГРАД.....	271
ГЛАВА 28. И НА НАШЕЙ УЛИЦУ ПРАЗДНИК	280
ГЛАВА 28. МОЖНО ЛИ БЫЛО РАНЬШЕ ОСВОБОДИТЬ РОСТОВ?	287
ГЛАВА 28. РЖЕВСКИЙ ГАМБИТ И ЕГО СМЫСЛ.....	302
ГЛАВА 31. Г. К. ЖУКОВ - НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ РОССИИ	313
ГЛАВА 32. КУРСКАЯ БИТВА	328
ГЛАВА 33. ПОБЕДА В БОЯХ ЗА ДНЕПР И НАШИ УДАРЫ В 1944 ГОДУ	339

ГЛАВА 34. ОПЕРАЦИЯ "БАГРАТИОН"	345
ГЛАВА 35. ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ.....	352
ГЛАВА 36. ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗГРОМА ГЕРМАНИИ	358
ГЛАВА 37. ПОРАЖЕНИЕ ЯПОНИИ	370
ГЛАВА 38. О ВТОРОМ ФРОНТЕ	373
ГЛАВА 39. ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ	378
ГЛАВА 40. УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ	389
ГЛАВА 40. СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ВОЙНА.....	398
ГЛАВА 40. ВОЙНА И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	405
ГЛАВА 39. ВОЙНА, СИСТЕМА И ПАРТИЯ	412
ГЛАВА 44. И. В. СТАЛИН	419
ГЛАВА 45. ПИСАТЕЛИ В БОРЬБЕ С ВРАГОМ	432
ГЛАВА 46. РУССКИЙ ХАРАКТЕР	447
ГЛАВА 47. ПАТРИОТИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ	459
ГЛАВА 48. ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ И РУСОФОБИИ	468
ГЛАВА 49. НУЖНО ЛИ КАЯТЬСЯ РУССКОМУ НАРОДУ?	474
ГЛАВА 50. ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ В 1941-1945 ГОДЫ?	485
ГЛАВА 51. ПРОБЛЕМА ПРАВДЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	497
ГЛАВА 52. О СУДЬБЕ ПЛЕННЫХ	505
ГЛАВА 53. О ШТРАФБАТАХ И ПОТЕРЯХ	513
ГЛАВА 54. БЫЛ ЛИ "ТРЕТИЙ" ПУТЬ?	521
ГЛАВА 49. ВОЙНА И ПИСАТЕЛИ ЭМИГРАЦИИ.....	534
ГЛАВА 50. ПОРАЖЕНИЕ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ.....	539
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	546

Глава 1. Надо знать прошлое, если хотим знать будущее

Философ, социолог и писатель А. Зиновьев писал: "XX век был вершиной русской истории, и именно в XX веке Россия сыграла решающую роль в истории человечества. ...хотя русский коммунизм разгромлен, он оставил неизгладимый след во всей истории человечества". Советский Союз был великой державой, добился для себя справедливого геополитического пространства, первым в мире запустил в космос человека, по качеству жизни в 1990 г. (по данным рейтинга ООН) мы были на 26-м месте в мире. А в 2007 г. Россия заняла лишь 71-е место и 120 место в мире по показателям здоровья населения.

СССР был новым выдающимся - прогрессивным - явлением в мировой истории по своему социально-политическому устройству, но в нем вместе с тем проявлялось и такое, что не может быть одобрено: репрессии, недостаточно оправданная политика по отношению к крестьянству, ставка на безоглядный интернационализм, грубые просчеты в экономике и подборе руководителей государства. Разложившаяся и предавшая народ и рядовых коммунистов партийная верхушка не заслуживает снисхождения в оценке их губительной для нашей страны деятельности.

В 90-е годы прошлого столетия в главных идеологических основах России в результате колоссальной геополитической катастрофы многое трагически сломалось, перевернулось, кардинально менялись привычные социальные и нравственные представления. Современные реформаторы, выступая против марксистской идеологии, подменили идеалы международной солидарности трудящихся идеалами сплочения компрадорской буржуазии с мировым капиталом на основе долларowego интернационализма. Они чернят все, что связано не только с советской властью, но и с русскими национальными традициями. А. Зиновьев заключил: "История фальсифицируется так, что через несколько поколений о России может исчезнуть даже память. Ее просто искусственно забудут" (Советская Россия. 20.07. 2006).

Радио и телеканалы денно и ночью льют поток лжи и клеветы. Идет интенсивная информационная война против русского народа, конечная цель которой - создать хаос в умах людей и глушить в их сознании ростки патриотизма, коллективизм, идею социальной справедливости, внедрять космополитическое миропонимание. Политика либералов нацелена на разрушение нашего национального самосознания, нравственно-психологического здоровья народа, на искажение верных представлений об истинно человеческих ценностях, о добре и зле - и в своей глубинной основе - является одной из форм выражения русоненавистничества. "Это, - и издева-

тельство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие формы ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого качества, и оголтелая (вот уж к месту слово) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки - все чужое..." (В. Распутин).

Но стоит хоть немного вникнуть в то, почему либералы не любят Россию. Свою роль в этом играет их давняя традиция поносить ее. Негативное отношение к ней у "высшего света" обозначилось давно. А. Пушкин в повести "Рославлев", прославляя подвиг нашего народа в 1812 году, писал о людях великосветского круга: "Любовь к отечеству казалось педанством. ...Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием. ...Словом, общество было довольно гадко".

Космополитизм, отсутствие любви, уважения к родине, искренней заинтересованности в решении ее неотложных задач характеризуют немалый слой современной интеллигенции. Презрительным отношением к русскому народу наполнен художественно беспомощный роман И. Одоевцевой "Оставь надежду навсегда". В нем маршал Волков, выражающий заветные авторские мысли, утверждает, что В. С. Печерин "был одним из проницательных русских людей, он был одним из умнейших людей своего времени". Волков с восторгом говорит о его заявлении: "Как сладко отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтожения". Озлобленная русофобка В. Новодворская откровенничает: "На месте России может остаться пепелище, тайга, братская могила. Нам нельзя ее жалеть".

В конце 80-х гг. средства массовой информации обрушили на людей поток зловонной лжи. Либералы, восприняв клевету Рейгана "СССР - империя зла", преднамеренно очерняли и очерняют деятельность советской власти, которая установила более справедливый общественный строй, дала простор производительным силам, сумела победить в ужасной войне с Германией и ее союзниками. А. Ципко - сейчас главный научный сотрудник Института экономики РАН - посчитал, что "нельзя освободиться от коммунизма, не разрушив эту страну, это исчадие ада". Ведь "ленинско-сталинский социализм был самой чудовищной античеловеческой системой не только в истории России, но и в истории Европы..." (Литературная газета. № 7. 2006.).

Невыносимо страшные страдания принес ему этот ад крошечный. Угрозами и побоями его вынудили учиться на философском факультете МГУ, затем загнали его на должность консультанта международного отдела ЦК КПСС, с 1988 года заставили работать "под непосредственным руководством Яковлева в ЦК КПСС, а потом одновременно и с Горбачевым и с ним в "Горбачев-фонде". Легко ли было ему слушать этих говорливых предателей идей социализма?

В. Ерофеев безапелляционно заявил: "Советская власть всех обидела, нет ни одного человека, которого она бы не обидела и не обманула". Посочувствуем ему: больше всех очень жестоко настрадался от нее сам он. По вине советской власти он неудачно родился в семье дипломата, его стальными палками загнали жить в захолустный Париж, а потом затолкнули учиться в безвестный МГУ, а далее, используя людоедский диктат, заставили писать и защищать диссертацию в захудалом Институте мировой литературы имени А. М. Горького.

И как не удивиться: сквернослов Ерофеев, лихо объявивший поминки по советской литературе, "не знающий", кто написал "Тихий Дон", писавший о циничном Маркизе де Саде и попавший под его влияние, был назначен официальным представителем Минпечати в Германии, он постоянно выступает по российскому телевидению. В. Путин сказал ему: "Мы вас с женой любим смотреть по телевизору". Видно, ему не претит то, что мазохист Ерофеев в аннотации к своим произведениям писал: "В Париже я предал родину на всю последующую жизнь... Я предал родину, не заметив этого: легко и свободно", в ней он "так никогда и не почувствовал себя своим". Не за это ли наградили его французским орденом?

Главные идеологические усилия разрушителей России направлены на то, чтобы очернить Октябрьскую революцию и Великую Отечественную войну, доказать необходимость и плодотворность для России буржуазной контрреволюции 1991 г. Либералы вывалили море грязи на Ленина и Сталина, советскую власть представили как казарменный строй, который принес с собой лишь репрессии, отсутствие свободы, равенство в нищете, пустые полки магазинов. Они **игнорируют очевидные завоевания социализма - гарантированное право на труд и отдых, бесплатное образование и здравоохранение, защита материнства и детства, высокий уровень образования, успешное развитие фундаментальных наук, культуры и искусства.**

Либералы, "забывая" о выдающихся достижениях социализма в экономической и социально-культурной области, преподносят советское прошлое в таком искаженном виде, что это растлевает общество, подрывает возможности воспитывать молодое поколение в любви к своей Родине. Но все-таки им надо помнить то, что говорил президент США А. Линкольн: "Можно все время обманывать одного человека, можно какое-то время обманывать всех, но нельзя всех обманывать все время". **Патриоты - самого разного политического цвета - должны быть кровно заинтересованными в полной истине о нашей истории, если они хотят блага русскому народу, желают видеть Россию великой и могучей.**

В наше время разгораются споры вокруг вопроса о судьбе "исторической России". Февральская революция привела к хаосу, развалу России и поражению в Первой мировой войне, что убедительно показал А. Солженицын в цикле "Красное колесо". Заведующий аналитиче-

ским отделом Института политического и военного анализа А. Храмчихин в своей книге "Русские на войне" (2010) придерживается мифа - "большевики на немецкие деньги в 1917 году развалили армию". Даже в "Независимой газете" (10.12. 2010) возразили ему: "Но это, видимо, лишь потому, что не проанализировал пока такие явления, как "керенщина", "корниловщина" и "эсеровщина". И не задумался, почему большевики прятались в шалашах по Разливам. А так же не задался простым вопросом: "В какой валюте немцы платили большевикам?" Отметим здесь мысль генерала А. Деникина: "Когда говорят на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие. Развалило армию военное законодательство последних месяцев". Он имел в виду принятый при Временном правительстве приказ № 1, который отменил единоначалие в армии и предписывал избрать командиров по решению комитетов из нижних чинов.

24.09.2005 года на втором телеканале А. Солженицын сравнил происшедшее в феврале 1917 года с тем, что сотворили демократы в 1991-1993 гг. Историк-диссидент М. Назаров, у которого дед, белый офицер, командовал отрядом в армии Колчака и был расстрелян красными, признал: "Крушение исторической российской государственности произошло в феврале 1917 года. Октябрь был лишь закономерным для России плодом Февраля, обнаружив разрушительную суть февразизма" (Литературная газета. 14. 07. 1995).

В разрушении "исторической России" участвовали царское окружение, армейская верхушка, церковные священнослужители. 6 марта 1917 года Священный Синод опубликовал послание, в котором "принял к сведению и исполнению" акты об отречении от престола Николая и Михаила Романовых; отменил обязательное упоминание во время церковных служб имени императора и постановил "возносить моления о благоверном Временном правительстве". По воспоминаниям очевидца, "в адрес Синода и обер-прокурора потоком пошли телеграммы, обращения, послания, приветствия, в которых православные архиереи и духовенство дружно проклинали "самодержавное прошлое", над которым "свершился суд Божий и грозный суд народной воли", а Россия "воскресла для жизни новой на святых началах братства, равенства и свободы". Владыка Амвросий - единственный епископ, не принявший февральский переворот, - был уволен и сослан" (Завтра . № 1. 2010).

Генерал А. Брусилов, руководивший наступлением русской армии против австро-немецких войск в Первую мировую войну, пришел к выводу: "...революция была русской необходимостью. ...Россия находится сейчас в неизмеримой нужде... И нельзя в этом обвинять новую власть. Большевики во многом оказались правы. ...**Большевики, наконец, сохранили целостность России**" (Родина. 1989. № 10. С.72). Ленин хотел "добиться во что бы то ни стало

того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной". Его обвиняют в том, что он "изобрел и использовал как орудие преступления государственную хлебную монополию, хлебную карточку, всеобщую трудовую повинность, продовольственную разверстку". Продразверстка "была введена в России 29 ноября 1916 года по инициативе царского министра земледелия А.А. Риттиха". Государственную хлебную монополию ввело 25 марта 1917 г. Временное правительство. Продовольственные карточки появились в 1916 г. в крупных городах, а после 29 апреля 1917 г. повсеместно.

Российская империя начала тогда распадаться. Что было бы с Россией, если бы большевики не победили в годы гражданской войны? А. Ципко, восхваляя "возвращение русскому народу... нравственного подвига героев Белого движения, подвига Деникина и Врангеля", не считается с тем, что они принесли народу много крови и страданий. Белые опирались на помощь Англии, Франции, США, Японии, их своекорыстное участие в нашей гражданской войне затянуло ее и дорого обошлось России. Без их помощи белых разгромили бы намного раньше. У. Черчилль заявил: "Было бы ошибкой считать, что в ходе гражданской войны в России мы сражались там за белое дело. Нет, это белые воевали за наши интересы". Еще во время первой мировой войны Черчилля "терзали заботы, как бы сконцентрировать главные силы кайзеровской Германии на разгроме царской России, а самому Альбиону уйти от выполнения обязательств, взятых в рамках Антанты. Черчилль в 1918 году призывал расчленить нашу страну на "сферы действия", которые должны были завершиться распадом российского многонационального государства" (В. Фалин).

Писатель В. Нилов отметил: "Белое движение в гражданскую войну воевало не за историческую, т.е. монархическую и православную, Россию, а за Россию февральскую, ориентированную на Запад, т.е. за подобие горбачевско-ельцинской России (или наоборот: горбачевско-ельцинская Россия была воскресением и продолжением февральской России)" (Завтра. 18. 06. 2002.). Именно белые по своей исторической функции были разрушителями России, а большевики восстановили ее целостность и могущество. А. Зиновьев с полным правом утверждал: "И если бы не произошла Октябрьская революция, не сложился советский строй в России, Запад разгромил бы и захватил бы этот регион уже давным-давно. **Если бы не произошло у нас того, что произошло под руководством Ленина, Россия давно уже стала бы колонией и была растащена на кусочки**".

Госдума вывела из свода праздничных нерабочих дней 7 ноября - важнейший ключевой момент в истории России. 16-19 октября 2009 года Левада-центр спросил респондентов об отношении к Октябрьской революции, оказалось, что 57 % отвечают: либо что она открыла но-

вую эру в истории России, либо дала толчок и ускорила развитие последней. Негативное мнение в ее адрес высказали 26 % (ранее их было 30).

3 ноября 2010 года Ципко опубликовал в "Независимой газете" статью "Пустые идеалы, бессмысленные жертвы" с подзаголовком "7 ноября - праздник коммунистического тупика", где известил: "И самое страшное, если бы не было Октября, то не было бы у циничного Запада необходимости сталкивать лбами монстра Гитлера с монстром Сталиным, не было бы необходимости на протяжении практически трех лет вести войну один на один с фашистской Германией. Куда ни глянь, ты увидишь - многие жертвы в нашей 70-летней истории были вызваны прежде всего желанием воплотить идеалы Октября в жизнь". Вот такие мысли, совершенно оторванные от конкретных реалий исторического развития России, проповедуют ловкие перевертыши, бывшие работники ЦК КПСС.

Ципко пишет о "русофобской идеологии Октября": он "был совершен не во имя России, ее народов, а во имя всемирной коммунистической революции". Эта мысль в своей сути извращает ход исторических событий. **Идеалы социальной справедливости, свободы, равенства были привлекательны для большинства русских людей.** Во время Октябрьской революции русский народ воспринял лозунги о всеобщем братстве, отразившие его глубинные надежды и чаяния, поверил на какое-то время в осуществимость мечты раздуть мировой революционный пожар, но нацеленность на реализацию этой утопической идеи в конечном счете неблагоприятно отразилась на судьбе русской нации, которая оказалась в роли трагической жертвы, принесенной в угоду всеохватному интернационализму. Эта сторона нашей истории - одна из главных в критической идеологии лжедемократов. Они вырывают ее из совокупности общественных обстоятельств и отталкиваются от нее в оценке Октября и Ленина.

Октябрьская революция была величайшим событием XX века, а либералы объявили её незаконным государственным переворотом, совершенным кучкой преступников. Она принесла огромные жертвы и разрушения, много горя и страданий, стала национальной трагедией, но вместе с тем эта революция была закономерным порождением русской жизни, поставила наш народ на новый уровень исторического развития. Философ Н. Бердяев, высланный в 1922 г. из России, заявил: "Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, тем более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках".

Во время Октябрьского восстания в Петрограде было убито 8-10 человек и ранено около 50 человек. 8 ноября 1917 года советское правительство приняло Декрет об отмене смертной казни. Оно освободило под честное слово бывших министров Временного правительства, юнкеров, защищавших Зимний дворец, разбитого в бою генерала Краснова. После победы Октября на заседании Петроградского Совета В. И. Ленин говорил: "Террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять". До конца июня 1918 года большевики не расстреляли ни одного своего политического противника. 30 августа 1918 года Ленин был тяжело ранен, в этот же день убили М. Урицкого, а раньше был убит В. Володарский. В ответ на такие злодеяния последовал красный террор.

Революция, приведшая к гражданской войне, затрагивающая интересы многих миллионов людей, в белых перчатках не делалась, в это время Ленину приходилось принимать решения, которые с точки зрения общечеловеческой морали, с позиций человека нашего времени кажутся неправомерными. Ленин надеялся, что "вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана". Но антикоммунисты всех мастей и сосредоточили на этих - вынужденных - решениях свой основной критический огонь, подкрепляемый ложью.

Горький в очерке "В. И. Ленин" писал, что во время гражданской войны ему "часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта. "Чего вы хотите? - удивленно и гневно спрашивал он. - Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы - что же? Не должны, не в праве бороться, сопротивляться?".

Вместе с тем Горький не помнил случая, когда бы Ильич отказал в его просьбе облегчить судьбу тех или иных людей, спасти их жизнь. Он отметил удивившую его черту - готовность Ильича "помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность, а и заботу о будущем их". Лидер правых эсеров социолог Питирим Сорокин, с 1919 года профессор Петроградского университета, в начале 20-х гг. участвовал в заговоре против советской власти, был приговорен к смертной казни, но по предложению Ленина ее заменили высылкой из России.

"Интернационалисты" послеоктябрьской поры не находили ничего хорошего в дореволюционной России, а нынешние космополиты (их наследники) ненавидят русскую культуру, внедряют в сознание молодежи мысль о том, что все было плохо при советском строе. Для этого они используют СМИ, школьное и вузовское обучение, систему распределения грантов и премий, что стало формой поддержки и подкупа сторонников либерально-западнической ориента-

ции. Но все-таки либералы пока не добились окончательной победы в этой разнузданной пропаганде. В 2010 году ВЦИОМ опросил граждан о том, какие чувства они испытывают к словам "советское и антисоветское". Результат: первое вызывает в несколько раз больше позитивных ответов, чем негативных, второе же связывается большинством граждан только с негативными чувствами и ассоциациями: "Осуждение, Разочарование, Ненависть, Гнев, Стыд, Вина, Страх, Ужас, Скепсис". На вопрос "Хотите ли возврата в СССР?", поставленный 1 декабря 2010 года в Гайдпарке, 70% респондентов ответили, что они хотят этого возврата.

М. Назаров, не понимает, почему "красные патриоты" верны "мертворожденному коммунизму", считает главным ответ на вопрос: была ли власть компартии "взлетом российской государственности"? Если была, то тогда борьба против нее была и остается "предательской" (Завтра. 25.07. 2000). Да, предательской. **Такого взлета, как в послевоенный период, Россия не знала за всю свою тысячелетнюю историю, никогда она не играла такой важной роли в мировой истории.** Под руководством Сталина после трех разрушительных войн она - за счет собственных ресурсов - достигла невиданного могущества, стала второй экономической и военной державой мира.

Разрушая нашу историческую память, чувство самоуважения и национального достоинства, воюя с советским прошлым, очернители вытравливают из народного сознания те великие свершения, которые должны быть нашим нетленным национальным достоянием. Когда смотришь, что и как преподносят телеканалы зрителям, то становится ясно, что антигосударственный, антинародный настрой характерен для основной массы работников "нашего" телевидения. Ныне официальные представители власти заявляют, что одна из первоочередных задач её структур - всемерно добиваться десталинизации, т.е. десоветизации общественного сознания.

Эту задачу уже свыше четверти века выполняет Н. Сванидзе, который не переносит все, что связано с эпохой советской власти. Во время президентских выборов в 1996 году он заявил, что честность не нужна журналистам, что они могут быть свободны от профессиональной морали до тех пор, пока реформаторы не добьются полной победы над "красно-коричневыми". Такая удобная позиция и определяет деятельность современной власти и её идеологической прислуги. Сванидзе кощунственно приравнял комсомольцев военных лет к гитлеровской молодежи, подло оболгал Павлика Морозова. Специальная комиссия тщательно исследовала все обстоятельства смерти Павлика Морозова и решила, что неправомерно исключать его из Почетной книги, учрежденной пионерской организацией имени В. И. Ленина.

Сванидзе "обнаружил", что "подпись Сталина стоит под указанием, имеющим силу закона, о лишении жизни детей начиная с 12-летнего возраста. Причем Сталин лично понизил возраст. Детей с 12 лет расстреливали по этому указу, в т. ч. по 58-й статье (за контрреволюционные действия)" (Российская газета. 22.04. 2010). Это ложь. С. Черняховский сообщил: "17 мая 2010 года Пресненский российский суд отказал Евгению Джугашвили в иске к радиостанции "Эхо Москвы", распространившей оскорбительную клевету в адрес его деда, хотя "то, что известное заявление Матвея Ганопольского было оскорбительной ложью, - уже вполне очевидно" (Завтра. 26.05. 2010.).

Либералы постоянно вопят об ужасах советской жизни и репрессиях. У некоторых из них (Н. Сванидзе) пострадали от репрессий родственники. В их нападках есть немалая доля сугубо личной обиды на Сталина и советскую власть. Но есть и другие, у которых никто не погиб, которые получили в советское время высшее образование, работали на хороших должностях, но которые считали, что им отдавали не все, что они заслужили, что "за бугром" подобные им деятели живут намного лучше, чем они.

Яркий пример - поведение дважды Героя Советского Союза, генерал-майора А. Леонова, который первым в мире в марте 1965 года вышел в открытый космос. В 2009 г. накануне своего юбилея он говорил в "Известиях": "В начале 1990-х у меня было очень тяжелое время. Меня только уволили из армии, пенсия 5000 рублей". И вот тогда его пригласили для создания сети Альфа-банка по стране. Он стал порученцем совета директоров крупной компании, успешно представляет проекты строительства малоэтажных поселков, получил орден "За заслуги перед Отечеством" 4-й степени, ему вручили орден Св. Анны за подписью великой княгини Марии Владимировны, Международное дворянское собрание наградило орденом Чести. Он стал рассуждать: "Каждому человеку нужны кусочек земли и свой дом. Разве мы могли мечтать об этом при советской власти?" (Советская Россия. 14.08. 2010). Он забыл, что при ней в деревнях, поселках, да и в городах многие имели и свой дом, и "кусочек земли" в виде приусадебного или дачного участка. От советской власти он оставил бы лишь системы образования и здравоохранения, все тогдашние успехи, кажется ему, давались невообразимой ценой, "взять даже космическую программу".

А. Леонов, наспигованный постулатами либералов, плохо знающий историю Великой Отечественной войны, объявил, что он не понимает "тех, кто восхваляет Сталина. Это же был палач! Мы войну выиграли не за счет его "умелого" руководства, а за счет миллионов солдат которых бросали в мясорубку". Спросим его: можно ли было без умелого руководства разгромить фашистскую Германию? Но Леонов не всё идеализирует в современной России: "Не пой-

мешь, кто страной управляет. Депутаты поражают своим цинизмом, продажностью". К тому же в 2009 году ограбили его дом, забрали 100 тыс. долларов, золотые и серебряные вещи. Хочется верить, что знаменитый космонавт в конце концов сумеет посмотреть на действительность не с сугубо личной, а с общенародной точки зрения, здраво оценит то, к чему пришел наш народ в результате "демократизации" великой державы.

В сентябре 2010 г. А. Пивоваров показал на НТВ фильм "Брест. Крепостные герои". А. Бобров в "Советской России" (28.09. 2010) процитировал его интервью и подчеркнул, что автор фильма активно участвует в позорном деле дегероизации советской истории. Пивоваров, использовавший идеи книги В. Бешанова "Брестская крепость" (2005) и монографии Р. Алиева "Штурм Брестской крепости" (2008), объяснил: он осознанно дал приведенное выше название фильму, так как защитники Бреста "были дважды крепостными. В буквальном смысле, потому что обороняли крепость. А еще они оказались между жерновами двух бесчеловечных машин - государственной и военной, - абсолютно безразличных к частным судьбам. Они были крепостными. И, рассказывая про героев, перед которыми мы все должны преклонить колени, я не хочу делать никаких реверансов в сторону той государственной машины, которая поставила этих людей в такие чудовищные условия, когда единственный выбор - умереть героем". Сам он стал откровенным рабом доллара, крепостным криминальной системы.

В роли С. С. Смирнова, лауреата Ленинской премии, много сделавшего для восстановления действительной истории обороны Брестской крепости, в фильме выступил его сын Константин, объявивший в интервью газете "Московский комсомолец": "А что касается отца... На мой взгляд, это поколение трагическое. Они были изломаны этой властью. Страх у них был в подкорке". Этот холеный сынок развращен криминальной властью, возможностью получать деньги за счет подлого предательства деяний старшего поколения. Он изрыгал: "Я считаю, что Никита Сергеевич - одна из выдающихся фигур в истории человечества. Иисус Христос, Хрущев и Горбачев. Я ненавижу коммунистов и советскую власть". Такое вызывает правомерное недоумение и брезгливость.

Презрение появляется и тогда, когда я читаю ложь другого сына С. Смирнова - режиссера А. Смирнова, заявившего, что во время коллективизации с 1929 по 1932-й год "из центральной России было депортировано 5 миллионов семей", "получается, что депортировано более 25 млн. человек" (Российская газета. 07.10. 2010). Он писал о праздновании юбилея В. Шукшина на Алтае: "... приезжаем мы в Бийск, нас везут в городской театр, зал полон. Через пять минут у меня волосы стали дыбом от того, что я услышал и со сцены и из зала. ...Выступали неведомые мне графоманы да кое-кто из публицистов, известных по журналу "Наш современник". Я взял мик-

рофон и высказался. Зал ответил мне улюлюканьем и свистом... Через два дня был праздник на горе Пикет в Сростках, родном селе Шукшина. Собралось тысяч тридцать. На сцене - известные писатели, артисты. И опять толпу сознательно подогревали. ...Это было омерзительное зрелище. В толпе разжигалась ненависть. Московские интеллигенты, люди сытые и хорошо одетые, втолковывали сибирским крестьянам, что все их беды кончатся, стоит только уничтожить врага - жидов и масонов..." (Литературная газета. 06.06. 1990). Омерзительно этакое читать, настоль оно далеко от действительности. Это утверждаю как очевидец: я участвовал в конференции в Барнауле, посвященной В. Шукшину, был в Бийском театре и на горе Пикет. Правда, во время выступления Смирнова возник шум: слишком развязно он держался, менторским тоном вещал о малой образованности этого писателя.

Такие примеры характеризуют отчетливо проявившуюся в нашей жизни традиционную проблему отцов и детей, серьезное различие их социально-политических позиций. Многие "дети", получив хорошее советское образование, устроившись на удобных и сытных должностях, в период пресловутой перестройки в своих идеологических взглядах фактически слились с теми, с кем героически сражались их отцы в годы Великой Отечественной войны.

Тогда Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) обслуживал нацистскую Германию, сотрудничая с "Абвером" и "СД". После войны энтээсовцы существовали на деньги ЦРУ. Они усилили сейчас пропагандистскую работу по очернению нашей Победы в Великой Отечественной войне. НТС имеет не менее 50 региональных отделений в России, официальный сайт в Интернете, журнал "Посев", "зарегистрированный в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций в 2002 году и ставший рупором для таких политических фигур, как Новодворская, Немцов, Каспаров, Березовский, Буковский и других русофобов" (Завтра. 27.01. 2010).

В 2004 г. журнал "Посев" опубликовал декларацию "Пора избрать путь" профессора МГИМО, одного из руководителей НТС А. Б. Зубова, в которой утверждается: "...разрушители исторической России, а порой и кровавые палачи русского народа не должны далее занимать в "монументальной пропаганде" и топонимике место, которое во всех странах принадлежит национальным героям, на образах которых воспитываются новые поколения. Мы должны сменить имена и образы советской пропаганды на те имена, которые действительно достойны подражания как величайшие деятели отечественной культуры, пламенные патриоты, созидатели и защитники России, борцы за действительную свободу..." (Завтра. 17.03. 2010). Отсюда вытекает: да здравствуют Краснов, Власов, Резун, Пеньковский, Калугин, проклятье и позор - В. Талалихину, З. Космодемьянской, Л. Чайкиной, Н. Кузнецову, О. Кошевому, У. Громовой, Ю. Гага-

рину. Глава комиссии парламента Эстонии по иностранным делам в ноябре 2004 года, впав в маразм, объявил: победа СССР над фашизмом - "грубая и циничная ложь". В Литве советскую символику приравнивали к фашистской. В прибалтийских государствах и на Украине поощряют тех, кто воевал вместе с фашистами, и преследуют активных борцов с ними. Посмертно было присвоено звание Героя Украины руководителю УПА, офицеру СС Роману Шухевичу, воевавшему вместе с немецкими войсками против Советской армии. Кем же теперь считают те, кто утратил разум в результате влияния националистического угара, Героев Советского Союза, в том числе и 2069 украинцев? Неужели они стали врагами Украины?

Легендарный разведчик Н. И. Кузнецов помог установить местонахождение ставки Гитлера под Винницей, передал в Центр информацию о подготовке немецкого наступления на Курской дуге, сообщил о приготовлении покушения на Сталина, Черчилля и Рузвельта в Тегеране. В Ровно и Львове он уничтожил высокопоставленных германских начальников: графа Гана, имперского советника финансов на правах министра генерала Гея, императорского советника связи фон Райса, майора Винтера, агента гестапо майора Геттеля, командующего "восточными войсками" генерала фон Ильгена, главного судью сенатс-президента Украины Функа, вице-губернатора Галичины Бауера, начальника канцелярии губернатора Шнайдера. Об этом правдиво написано в интересной книге Д. И. Медведева "Сильные духом" и в статье Н. Струтинского, сподвижника Н. Кузнецова, "Котел Галичины" (Советская Россия. 17.07. 2003).

29 октября 1992 года А. Рондарев напечатал в газете "Московский комсомолец" глумливый памфлет о Н. Кузнецове, убитом бандеровцами в марте 1944 года. В подзаголовке к своему опусу он заявил: "Половина написанного о Николае Кузнецове - враньё". Он назвал книги Д. Медведева "брехней чистой воды", "историей для дефективных детишек". Сам Кузнецов, оказывается, был "простым сибирским валенком", он не получил даже среднего образования, его выперли из комсомола.

Лауреат Нобелевской премии Жолио-Кюри сказал: "Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний назвал Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста, уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество". Факт трагической гибели Кузнецова, как отметил его сподвижник В. Ступин в "Правде" от 26 ноября 1992 года, подтвержден обнародованными шифрограммами из гестаповских архивов, а также - и это особенно важно - хвастливыми рапортами убийц в штаб "Украинской повстанческой армии". В Канаде нашлись свидетели расправы бандеровцев над партизанами.

Н. Кузнецов, ведя разведку среди фашистских оккупантов, не ввязывался в столкновения с подразделениями ОУН-УПА, ни разу не выстрелил в тех, кто сотрудничал с ними. В Львове демонтирован памятник Герою Советского Союза Н. И. Кузнецову, на его месте стоит камень с надписью: в этом месте будет сооружен памятник Владимиру Кубийновичу, который в 1943 году непосредственно участвовал в формировании дивизии СС-"Галичина". В ней офицерский состав был немецкий, командовал ею оберфюрер СС Фриц Фрайтаг. Её вояки присягали на верность Гитлеру.

При заключении этой главки хочется вспомнить древнеиндийское изречение: "Где чтят недостойных и презирают достойных, там находят себе прибежище трое: голод, смерть и страх".

Глава 2. Почему атакуют Победу?

Сегодня на сознание и поведение людей в немалой степени влияют представления о том, какой была наша прошлая жизнь. Именно поэтому история России XX века - и особенно события Великой Отечественной войны - стали ареной острой политической борьбы. В книге "Методология истории" (2001) профессор В. Ф. Коломийцев подчеркнул: "Историческая наука - социальная память людей, своего рода хранитель "генетического кода" мировой цивилизации. Представления о минувшем образуют важнейшие составные части общественного сознания". История - это политическое оружие, которое можно использовать как для укрепления, так и для разрушения генетической памяти народа. "Всякий, кто хотел бы игнорировать наследие, делать "всё наоборот", по сути оказывается утопистом, если не ретроградом. У всех цивилизованных наций история - это не просто часть культуры, но и национальное достояние" (С.178). Китайский мыслитель Конфуций учил: "Изучай прошлое, если хочешь знать будущее". Об этом, добавив немаловажные смысловые акценты, говорил М. Горький: "Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего".

Очерняя советскую историю, либералы разъединяют нашу историю, прививают новым поколениям осуждение советского периода как якобы самого преступного и ужасного отрезка истории всех времён и народов. Развенчивая его, реформаторы пытаются оправдать развал великой державы - Советского Союза - и того мерзкого, что они совершили в 1991 году и в последующее время. Сотрудник ИМЛ Г. Бордюков и работник "Комсомольской правды" А. Афанасьев писали в этой газете 5 мая 1990 года: "Самый "убойный" аргумент в оправдание созданной в 30-е годы системы - выигранная война. По сути дела, это последний плацдарм, на который отступили с боями сторонники системы. Логика такая: пусть даже Сталин делал все непра-

вильно, но коли его модель общественного устройства обеспечила победу над фашизмом, то уже хотя по одному этому она была целесообразна..." Этот аргумент - кость в горле либералов.

Великая Отечественная война, наша великая Победа над фашистской Германией и ее союзниками свидетельствуют об исторической плодотворности социалистического строя, показали его огромные преимущества перед капиталистическим. Это подрывает усилия реформаторов очернить суть советской системы и политику руководства СССР, и потому они всеми силами пытаются обесценить нашу Победу в глазах людей. Именно в этом заключается ответ на вопрос: "Почему черный миф о войне получает прописку на главном телеканале страны, им исподволь вводится в массовое сознание? Почему на это тратятся государственные деньги?" (Литературная газета. 2004. № 37).

Давно известно: если выстрелишь в прошлое из пистолета, то будущее ударит по тебе из пушки. Сейчас по советскому периоду российской истории беспрестанно палят из орудий всех калибров. В конце 50-х годов военный теоретик У. Джексон выпустил в Англии книгу "Семь дорог в Москву", в которой он охарактеризовал вражеские нашествия на Россию с древнейших времен и сделал вывод: "Вооруженные походы на нее всегда терпели неудачу, как доказали вторжения шведов, французов и немцев. Больше того, размеры катастроф прогрессивно увеличивались с каждым последующим нашествием. Единственная надежная дорога в Москву - путь викингов, давших конструктивные услуги, которые хотел и просил сам русский народ. Будем надеяться, что никто никогда не соблазнится осуществить вооруженное решение, которое, как учит история, потерпит неудачу и может повлечь за собой ядерное уничтожение человечества".

Когда английского фельдмаршала Б. Монтгомери попросили составить список военных ошибок, которых следует избегать, под номером один он написал: "Вторжение в Россию. Это всегда неудачная мысль". Стратеги Пентагона цитировали высказывание немецкого военного теоретика К. Клаузевица: "Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действиями внутренних раздоров".

Страны НАТО во главе с США много лет вели хорошо спланированную идеологическую, политическую, экономическую и психологическую войну против Советского Союза, чтобы вызвать в нем эти слабости и раздоры. Президент Г. Трумэн 30 сентября 1950 года утвердил директиву Совета национальной безопасности СНБ-68, которая стала основой политики правительства США в отношении СССР. В ней говорилось, что надо "сеять семена разрушения внутри советской системы", "вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов", "наша политика и действия должны быть таковы, чтобы

вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля - первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества" (Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М. 1983. С. 63). Можно констатировать, что эти поставленные перед американскими спецслужбами задачи выполнены.

В программе Совета безопасности США, принятой в 1961 году после опасного для судьбы всего мира Карибского кризиса, снова обосновывалась необходимость взорвать СССР изнутри. Для этого ставилась задача представить его как последнюю и самую хищную империю на земле, доказать, что он "не был архитектором победы, а является таким же злодеем, как и фашисты", предлагалось "с помощью агентов влияния захватить средства массовой информации, разрушить коллективистский образ жизни, отрезать прошлое от настоящего, тем самым лишив страну будущего".

Особое внимание иностранные спецслужбы и их печать уделяли и уделяют нашей молодежи. Американский журнал "Кольерс", выпустивший в октябре 1951 года специальный номер, посвященный "завоеванию и оккупации" СССР американской армией, писал: "Необходимо добиться того, чтобы в будущей войне (в Советском Союзе) не было "Молодой гвардии", не было Космодемьянских и Матросовых".

Известно, что кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Как отметил президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л. Ивашов, "до сих пор пытаются вытравить из сознания российской молодежи смысл Победы, осознание ее грандиозности". Свою лепту в это внес А. Солженицын, который доказывал, что нам необходимо не гордиться, а стыдиться Победы, так как на войне "мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг...", правительство Сталина "сделало все, что могло, для проигрыша войны: уничтожило линии укреплений, подставило авиацию под разгром, разобрало танки и артиллерию, лишило толковых генералов и запретило армиям сопротивляться" (Архипелаг ГУЛАГ). Стоит ли опровергать это? Но беда в том, что телевидение, либеральная печать, радио, интернет распространяют по сути дела такую - откровенно лживую - концепцию войны.

Бывший американский посол Бим писал в своих мемуарах: "Когда мои сотрудники в Москве принесли мне ворох неопрятных листов за подписью Солженицына, я вначале не знал, что делать с этим шизофреническим бредом. Когда же я засадил за редактирование и доработку этих "материалов" десяток талантливых и опытных редакторов, я получил произведение "Архипелаг Гулаг". Мастерски проведенная по всему миру реклама этой книги нанесла мощный

удар по диктатуре пролетариата в СССР" (Правда России. 05.02. 1997). Это на самом деле сильно ударило по советской идеологии.

И реклама была действительно отменной. В 1981 году во Франции советская делегация из общества "Знание" почти ежедневно встречалась с представителями французской общественности, на встречах присутствовали наши бывшие соотечественники. Запомнилась Мария из маленького городка Рокефора. Когда наша делегация - 16 человек - вошла в помещение на ужин вместе с французами, мы услышали и увидели, как женщина славянской внешности, сжав руками щеки, горько-горько плакала, нет, точнее сказать рыдала. Мы подошли к ней и сквозь слезы услышали поразившие нас - повторяющиеся - выкрики: "Мы лучше вас живем. У вас нет свободы". Не скоро она успокоилась. Во время ужина шла дискуссия по разным проблемам. Мария пригвоздила советскую власть вопросом: "Почему из России все гениальные люди уезжают?" "Кто, например?" "Солженицын!" "А почему вы считаете его гениальным?". "Об этом все знают". "Какие его произведения вы читали?" Молчание. Я спросил французов, присутствовавших на ужине, какие произведения Солженицына они читали. Никто ничего не читал. Но все знают, что он гениальный... Марию, по ее словам, немцы вывезли в Германию, судьба распорядилась так, что она вышла замуж за француза. Она интересовалась, можно ли ей послать в Россию письмо, а куда - в какой город или в какое село - она не захотела сказать. Что-то нехорошее вошло за нею? При прощании она снова громко зарыдала...

Доктор геолого-минералогических наук Э. Избеков признал, что он больше всего переживал, читая "Архипелаг Гулаг" А. Солженицына: "Как так, думал я, капитан-фронтовик..., прошедший ужасы войны, ни за что ни про что попадает в лагерь с омерзительным и унижительным бытом? А. Солженицын действительно великий мастер слова. Его роман буквально перевернул мою душу. В дальнейшем я прочитал еще один его прекрасный роман "Раковый корпус"... Как много, думал я, мы не знали! А может быть, у меня глаза были зашорены и я видел только хорошее? После чтения Солженицына я принял решение выйти из партии..." (Советская Россия 06.03. 2001).

Московские "образованцы" - при одобрении В. Путина - включили в обязательный минимум произведений по русской литературе XX века для изучения в школе "Архипелаг Гулаг", напичканный фальшивыми домыслами о советской жизни и Великой Отечественной войне. С какой целью это сделано? Э. Радзинский, по его словам, читал бы эту "книгу Солженицына вслух в школе". Не только "тиран живет" в Радзинском, в нем кипит ненависть хорошо оплачиваемого прислужника нынешней власти к Сталину и правде, укорененная склонность смотреть на жизнь с нужных олигархам позиций. Надо совершенно закрыть глаза на страдания миллио-

нов людей, чтобы так поносить советскую эпоху: "Целые поколения сошли в могилу, не зная, что такое достойная обеспеченная, сытая жизнь" (Российская газета. 21.10. 2010). Когда лауреату Ленинской, Государственной и Нобелевской премий Ж. Алфёрову исполнилось 80 лет, президент Д. Медведев наградил его орденом "За заслуги перед Отечеством" четвертой степени, а вот сытому Э. Радзинскому - второй. Высоко ценят его антинародная власть и олигархи.

Великий "поэт на все времена" А. Твардовский опубликовал в журнале "Новый мир" повесть А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича" и несколько его рассказов, но их идеологические позиции резко расходились. Солженицын сообщил, что Твардовскому он "не открывался, вся сеть" его "замыслов, расчётов, ходов, была скрыта от него". Твардовский сказал о его пьесе "Олень и шалашовка": "Я бы (в случае её опубликования) написал против нее статью. Даже бы и запретил". О "Раковом корпусе" Солженицына он отозвался: "Даже если бы печатание зависело целиком от одного меня, я бы не напечатал. Там неприятие советской власти... У вас нет подлинной заботы о народе! Такое впечатление, что вы не хотите, чтобы в колхозах было лучше... У вас нет ничего святого...". Твардовский ни в коем случае не желал разрушения основ советской власти, чего изо всех сил добивался Солженицын.

В конце 80-х годов и начале 90-х либералы добивались деидеологизации нашей политической жизни, всей государственной системы (по своей сути это была борьба с коммунистической идеологией). Д. Лихачев на встрече с Ельциным в 1994 г. заявил, что "наше государство перестало быть идеологическим. Это величайшее достижение" (Литературная газета. 23.11. 1994). Но идеология - это "система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания - философии, политике, праве, морали, искусстве, религии" (Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. М. 1957. С. 868). А государство - орудие прежде всего политической власти. Если криминальная власть в России защищала бы только общенациональные интересы, то и в этом случае она не лишилась бы идеологического содержания. Но она стоит прежде всего на страже интересов компрадорской буржуазии, тех, кто ограбил народ, кто развалил великую державу, обрек 25 миллионов русских на горестное проживание вне родины.

Раньше разрушители, ведя борьбу за умы миллионов людей, выбросили как свое знамя лозунг деидеологизации государственных основ советской жизни, а сейчас наблюдается обострение информационной борьбы. "...после победы универсального либерализма над коммунизмом мы наблюдаем невиданную идеологизацию текущего проекта" (Н. Нарочницкая. Литературная газета. 2004. № 44). В чем суть этого проекта?

Властвующие круги умалчивают о своих сокровенных целях, о своей конкретной идеологии. Но она в общих чертах вырисовывается: правящие верхи ставят задачу во что бы то ни ста-

ло войти в западную цивилизацию (и ничего зазорного нет, мол, в послушном выполнении американских требований и указаний), добиться того, чтобы стала священной частная собственность, чтобы государственное устройство России походило на США, Англию, где одна из двух господствующих партий сменяет другую (этим объясняется появление партии "Справедливая Россия"), и это не приводит к смене общественного строя. Суть идеологизации состоит в том, чтобы оправдать все, что принесла ужасного перестройка, убедить людей в том, что Россия идет по верному пути "управляемой демократии", что ничего иного - более плодотворного - не существует на всем белом свете, а для этого надо чернить достижения советской власти, показать, что она была бесчеловечной, погубившей фантастическое количество людей.

Антисоветчики-русофобы используют в идеологической борьбе знаковые слова "тоталитаризм", "репрессии", "сталинизм", "десталинизация", "депортация", "оккупация", "голодомор" и т.п., которые при освещении конкретных общественных явлений маскируют их истинную суть, навязывают людям предвзятые представления о советской жизни. И чрезмерное обилие иностранной лексики в СМИ - замаскированный знак разрыва правящей верхушки с трудящимися, объединяющий тех, кто в наше смутное время в душе презирает Россию. Невольно вспоминается Твардовский: "Я знаю, как слова опасны. Как могут быть вредны подчас". Мудрец Конфуций утверждал: "Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу".

Смешивая разные жизненные явления, скрывая политические позиции нынешних олигархов и их обслуги в правительстве, буржуазные публицисты хотят заставить людей забыть ключевые понятия, связанные с классовой, политической борьбой. Не случайно они кричат о необходимости десталинизации, для её осуществления приняли удобный для власти закон об экстремизме, преследуют патриотические публикации, фактически запретили политические дискуссии в Государственной думе.

Как сообщило 30.08. 2001 г. телевидение, запатентованный западник М. Касьянов критиковал учебники по истории за то, что там используются термины "рабочий класс", "трудовая интеллигенция" и не показаны привлекательные стороны демократического строя. Ципко мечтает о запрещении пропаганды "классовой морали и марксистской теории насильственного свержения существующего строя". Он хвалит Путина за то, что "он просто перехватил многие близкие и понятные народу лозунги у оппозиции. Например, патриотизм и государственность - именно с этим многие годы выступали Зюганов и другие, особенно после расстрела Белого дома". Такой перехват пытается осуществить и часть ультраправой компрадорской буржуазии, которая используется Западом как средство давления на российскую власть.

Наши верхи, если судить по их политике и практике, полагают, что сейчас - при полном контроле над Государственной думой, при почти безраздельном господстве в СМИ - наступило наконец долгожданное время, когда можно сделать то, что не сумели, не успели реформаторы совершить при Ельцине, эффективно подавить, вытравить из сознания людей все, что было притягательным достижением советской власти. И это, мол, поможет быстрее объединиться им с Западом.

Среди сегодняшней верхушки России есть влиятельный деятели, предающие ее национальные интересы, связанные с организованными преступниками, пришедшими во власть в 90-е годы. "...политическая опора нынешнего правящего класса, равно как и его деньги, жены, дети, особняки, яхты и т.д., находятся за пределами России. Это обуславливает его постоянную склонность к коллаборационизму с Западом и готовность пренебрегать интересами своей страны" (Ю. Квицинский). И. Панарин заключил: "...в руководстве страны есть две группы сил, одна из которых защищает национальные интересы России, другая - интересы транснациональных корпораций и других государств. От исхода этой борьбы, по сути, зависит наше будущее (Завтра. 11.02. 2009). Политолог А. Кива размышлял: "...куда более опасными для будущего России являются те, кто считает, что наша страна должна проводить политику как внутреннюю, так и внешнюю, которая бы не шла в противоречие с интересами Запада, и в первую очередь США. Особая опасность этой позиции в том, что ее разделяют многие из тех, кто находится во власти, кто поддерживает президента Путина и правящую партию "Единая Россия" (Литературная газета. № 33. 2005) .

При обсуждении перспектив российско-американских отношений 28 июля 2010 г. в институте Никсона (Вашингтон) советник российского президента И. Юргенс, директор Института современного развития, "заявил, что в России не все считают развал СССР "геополитической катастрофой", что целью тех, кто так не считает, является встраивание России в систему евроатлантической безопасности и вступление в НАТО". Он призывает как можно быстрее интегрировать Россию в это НАТО. Приходится согласиться с Ципко: "Нынешние либералы не просто антипатриоты, русофобы, это еще и сознательные или бессознательные могильщики России как суверенного государства, как субъекта истории" (Литературная газета. № 22. 2004).

Таким является телекомментатор В. Познер, ранее восклицавший, что верит в построение коммунизма, обличавший пороки США. Он приравнял СССР к гитлеровской Германии, укорял нас за то, что мы еще не покаялись за депортации, репрессии и за Прибалтику. Он рассказал: "Я вырос с американской народной музыкой, и как-то мне уже в России (СССР) прислали пластинку кантри. Я начал ее слушать, и со мной случилась истерика - реву, не могу остановиться.

Это было время, когда я думал, что никогда не вернусь в Америку". Он написал книгу по-английски, а по-русски она не получалась. Он чувствует, что Россия ему неродная страна, он - "не ее часть". Он писал, где "хотел бы быть похороненным": "Есть в Калифорнии по дороге из Сан-Франциско в Лос-Анджелес такое место, прямо над Тихим океаном скала, сверху течет горная речка, снизу бьют ключи, и все это над дышащим океаном. У индейцев это считается святой землей - место, где сходятся три воды. ...я подумал: вот тут бы лежать моему праху" (Общая газета. № 21. 2001). Он "научился быть хамелеоном", теперь усиленно пропагандирует в России милый ему образ американской жизни, делает все от него зависящее, чтобы подорвать русское самосознание.

Разные политические силы давят на президента Медведева и премьера Путина, отсюда проистекают их "шатания", явные противоречия в отношении к Великой Отечественной войне. В поздравлении с Днем Победы В. Путин, когда был президентом, заявил: "Вы с честью выстояли в самой страшной в истории человечества войне и спасли мир от нацизма. Подвиг воинов-победителей, Ваш подвиг, стал ярчайшим примером беззаветного служения Отечеству и любви к Родине. Мы свято чтим память героев и искренне благодарны всем, кто отстоял нашу свободу". Хорошие слова, но если бы они не расходились с деятельностью власти.

Уже 20 лет буржуазная власть проводит реформу за реформой. В результате - жизнь трудящихся становится все хуже. Российским преобразователям стоило бы помнить наставление древнекитайского философа, государственного деятеля Шана Яна: "Если выгода не будет десятикратной, законов не меняют".

Д. Медведев и В. Путин нашли "достойный" выход из криминальной обстановки в России, переименовав милицию в полицию. Они тем самым дают понять, что от советской жизни ничего не осталось, что власть ныне безраздельно принадлежит олигархам и крупным чиновникам. А то, что в годы Великой Отечественной войны были полицейские, прислужники фашистов, которые издевались над людьми, уничтожали их, уже забыто, много ли осталось тех, кто хорошо знает об этом?

Для энтаэссовцев наша Победа - миф, они, обслуживающие во время войны фашистскую Германию, а после её поражения - США и Англию, не хотят признать, что Вторую мировую войну развязывали именно эти государства. Под влиянием либеральной пропаганды при опросах о 60-летию Победы в Великой Отечественной войне московские старшеклассники рассуждали: "Зачем вообще нужна была победа в этой войне? Если бы мы ее проиграли, рынок пришел бы к нам еще тогда, и мы бы давно были развитой европейской страной"; "Если бы мы сразу сдались немцам, сохранились бы наши люди и наши города в целостности и сохранности. Не бы-

ло бы никакой разрухи"; "Зачем так называемые герои совершали свои так называемые подвиги? Все эти Зои Космодемьянские, все эти Александры Матросовы?" (Литературная газета. № 18. 2005).

Как тут не вспомнить Смердякова из романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" с его низкопоклонством и ненавистью к России, который признался: "Я всю Россию ненавижу. В 12-м году было на Россию нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнего, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки".

Новоявленные смердяковы свободно распространяют свои тлетворные идеи, не получая должного отпора ни от нашей общественности, ни от государства. Газета "Коммерсантъ" (10.05. 2008) опубликовала ряд ответов читателей на вопрос: "Что было бы, если бы победили немцы?" Один из них заявил: "Фашизм со временем переродился бы в демократию, как это произошло со многими фашистскими режимами (Испания, Чили). И на территории России, возможно, комфортно проживало бы цивилизованное демократическое общество". Другой читатель отозвался об этом откровении: "Говорить так - совсем не понимать намерений Гитлера. Фашизм переродился в демократию только после своего исторического поражения! Если бы он исторически победил, т.е. Россия была завоевана, вся ее территория превратилась бы в огромный концлагерь, где местное население играло бы роль пушечного мяса. Кроме того, многократно усилившись за счет огромной советской оборонной промышленности, фашизм вполне возможно смог бы дать бой и заокеанским демократиям. Что бы было после этого, страшно даже представить. Такой МРАК не поддается воображению". Третий читатель трезво заключил: "...мы бы или не родились вообще! ...либо родились бы в бараке и работали где-нибудь на шахте во благо третьего Рейха".

Развязные очернители благородство превращают в подлость, героизм - в глупость, а предательство - в подвиг. С. Сычев, говоря об Александре Матросове, заявил, что "нормальный человек на амбразуру не полезет" (Литературная газета № 49. 2007). 30 октября 2008 г. в "Вече Твери" И. Мангазеев выразил недовольство тем, что в моей монографии "За правду о Великой Отечественной войне" бичуется В. Батшев, который в книге "Власов" восхвалял этого предателя, З. Космодемьянскую представил "психически больной школьницей", А. Матросова - бойцом штрафного батальона и уголовником, утверждал, что А. Гайдар "погиб не на фронте - его убили надзиратели в сталинском лагере". Как понять газетчика, который защищает клеветника и ищет плохое у молодого солдата Матросова, отдавшего свою жизнь за Родину?

15 мая 2009 г. был опубликован Указ президента РФ № 549 "О комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России". Членом комиссии стал одиозный Н. Сванидзе. Он к тому же - член Общественной палаты. Он распространяет мысль о желательности передать Курильские острова Японии. Выступая в "Зеркале" 20 сентября 1998 г., он заявил, что если премьер-министр Е. Примаков в своей деятельности будет осуществлять политику, близкую по своему характеру программе коммунистической фракции думы, то у него возникнет конфликт с телевидением, а ведь все каналы на 90% либеральные. Он лгал: "При стрельбе по Белому дому никто не погиб. Стреляли болванками" (Эхо Москвы. 21.05. 2010).

Право же, неумно ожидать от Сванидзе противодействия фальсификации истории в ущерб России. Но как он попал на выше указанные - немаловажные - общественные посты? Чьи интересы он защищает? Почему он получает государственные награды? Возможно, есть часть правды в докладе заместителя директора Института прикладной математики им. М. Келдыша РАН профессора Г. Малинецкого о перспективах РФ, в котором говорится, что в рамках нашей государственной власти "постоянно левая рука делает нечто противоположное тому, что делает правая, и обе они вместе - противоположное тому, что властью декларируется и как будто бы планируется" (Новости портала Столетие. Ру. 26.10. 2009).

Телевидение - самое мощное средство воздействия на умонастроение общества, но в последние годы стал происходить отток телезрителей. "От телевидения уходит наиболее активная и молодая часть населения. Интернет - вот альтернатива, которую она избрала. По данным ФОМ, аудитория интернета в России достигла в 2010 году 40 млн. человек и продолжает расти. Относительная свобода этого информационного пространства дает возможность и черпать, и размещать информацию, альтернативную позицию властей" (Советская Россия. 06.07. 2010).

Патриотическая оппозиция недостаточно использует эту возможность. Многие сообщения в Гайдпарке, например, в октябре - ноябре 2010 г. включали в себе антисоветскую начинку. Р. Бармаков "полюбопытствовал": "Вы хотите прихода нового Сталина?" 52% респондентов ответили "хочу", а 39% - "нет, не хочу". На провокационный вопрос Н. Иванова "Что будем делать с мавзолеем?" 49% респондентов заявили "оставить", 35% - "убрать". Н. Разгуляев спросил "Были ли большевики предателями России и русского народа?" Ответы 64% - нет, 33% - да. В. Васин предложил дилемму: "Советский "социализм" или "сегодняшний "капитализм". 70% читателей выбрали "советский социализм со всеми недостатками" и только 16% - "капитализм в России по западному образцу".

Читатели Гайдпарка вряд ли могут предельно точно характеризовать настрой людей всей России, но думается, что даже приведенные выше факты свидетельствуют о расколе в сознании её основных общественных сил. Понимая это, правительственная обслуга бросает большие средства, чтобы добиться полной победы в этом противостоянии. Её трусливый наймит, выступающий под псевдонимом "Рыжий кот", в ответ на общеизвестные требования "вернуть хорошее, что было при советской власти", чудовищно расходясь с действительностью, так расшифровал это хорошее: "концлагеря, пустые прилавки, уничтожение науки, жизнь в вечном страхе, нищета". Г. Загрунный в статье "Куда Россию завели социализм с коммунизмом" объявил, что процесс деградации её "начался с 1917 года". И. Псевдонимов обнародовал кричащую уже самим названием статью "Революция - кровавая рана на теле русского народа все еще кровоточит". Активный участник подобных обсуждений Е. Родин в публикации "Если бы не было Октябрьского переворота" предсказал, что в этом случае "Сталин бы занимался грабежами и убийствами"... Вот в какие клинические пределы заводит родиных пещерный антикоммунизм.

12.11. 2010 г. гайдпаркер В. Шигорин поставил вопрос: "Кто для Вас Сталин?" и призывал к сдержанности и цивилизованному стилю ведения дискуссии. Когда же ответы на этот вопрос ему категорически не понравились, он бросил на чашу весов свою "сдержанность": "Сталин - ничтожная, преступная тварь, маньяк, благодаря стечению обстоятельств, забравшийся на вершину власти и уничтоживший десятки миллионов людей. Сталин это пример управления государством полной бездарью".

Участники таких осуждений, как правило, не имеют не только остатков совести, но и минимума знаний, чтобы проводить свои - заданные свыше - идеи при сохранении внешней видимости объективности. Они бросают в пекло идейной борьбы любые придуманные или уже опровергнутые факты, помогающие замутив русское национальное сознание. Примером служит обсуждение "Кого вы считаете автором "Тихого Дона?", проведенное в Гайдпарке 6 ноября 2010 г. по инициативе В. Шигорина. На этот вопрос 69% респондентов ответили: "Автор - Шолохов", 17% - "Не знаю кто, но не Шолохов". 8% - "Автор - Федор Крюков".

Организаторы обсуждения ставили перед собой задачу оживить клеветническую версию о плагиате М. Шолохова при написании "Тихого Дона". Они использовали то, что уже до них сочиняли его хулители. А как же быть с тем, что их лживые выдумки убедительно опровергнуты? Ну и пусть, решили они, миллионы читателей не знают этих опровержений, напечатанных в изданиях с небольшим тиражом.

Ярый невежда Шигорин вещает: "Шолохов в принципе ничего не писал"; "То, что стащил у Крюкова - несомненно". Но доподлинно известно: у Крюкова, умершего в начале 1920 года,

не было возможности работать над крупным произведением во время гражданской войны, его архив 1917-1920 гг. сохранился, в нем 12 тысяч страниц, и там нет никаких намеков на автограф "Тихого Дона".

В обсуждении привлекли в качестве судей Шолохова супругов А. Макарова и С. Макарову, авторов непрофессиональной брошюры "К истокам "Тихого Дона" (1991), перепечатанной в 1993 г. "Новым миром". Мне довелось доказывать в "Нашем современнике" (1995. № 5) и монографии "М. Шолохов и наше время" (1996), что, пытаясь дискредитировать Шолохова, они проявили в своем опусе литературоведческую безграмотность, идейно-эстетическую глухоту, прискорбное непонимание авторской концепции "Тихого Дона" и сердцевины характера Григория. Никто этих выводов, подкреплённых неопровержимыми фактами, не оспорил.

Шигорин. по его словам, не претендует "на роль исследователя литературного творчества". Но все равно как читатель он "должен иметь возможность обсуждать все аспекты, включая биографию писателя и вопросы авторства". Да, все можно обсуждать, но можно ли, если ты хочешь быть честным, использовать клевету? При обсуждении верно определили: "Автор данной статейки - просто недалекий провокатор...". Над его примитивными приемами в освещении проблемы авторства иронизировали: "А вы знаете, что автор этой статьи не Шигорин. Не знаю кто, но не он".

Эта позорное обсуждение - малюсенькая частичка акции, ставящей далеко идущие задачи по разрушению русского самосознания.

16 мая 2010 г. гайдпаркер М. Крискуладзе писал об изменении восприятия Великой Отечественной войны: "Подвиг русского солдата Ивана уважал весь мир, как пример мужества и стойкости всего русского народа!!!" А что теперь? "В бывших соцстранах (прибалтийских и не только) Ивана обзывают самого захватчиком, ставят его заслуги под сомнение или откровенно преследуют ЕГО защитников". Если судить "по современным художественным фильмам, на которых, кстати, воспитывается современная молодежь", то получается, что "Иван смело воевал под дулом ЗАГРАДОТЯДОВ... И поили его перед боем спиртягой, чтобы умирать не боялся за Сталина, а воевал с врагом чуть ли не из-за страха, что свои расстреляют как предателя и дезертира. И Зою Космодемьянскую, Сашу Матросова и т. д. выдумали коммунисты, чтобы запудрить мозги наивному, глупому и доверчивому Ивану, развить в нем патриотизм и фанатизм в виде любви к Родине и ее великому вождю Сталину. Не было смелости у Ивана, своих боялся пуще фашистов и воевал из-за страха, а не от отваги!? ...Так кто он, Русский Иван, освободитель или поработитель и кто меня пытается в этой жизни запутать, зачем, с какой целью ???"

В поздравлении В. Путина с 63-й годовщиной нашей Великой Победы, посланном ветеранам войны и тыла, в частности, сказано: "Есть исторические вехи, значение которых не меркнет с течением времени. Каждый прошедший год лишь с возрастающей силой подчеркивает их величие и значимость. Победа нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне - по праву и навсегда в этом ряду. Память о ней, гордость за беспримерный подвиг воинов и тружеников тыла передаются из поколения в поколение, объединяют всех нас, служат нам незыблемым нравственным ориентиром. Уверен, что наши дети и внуки будут чтить, беречь и защищать честь солдата-освободителя, историю и достоинство своей великой Родины". Все это верно. Но вот что поражает: на поздравлении советский солдат стоит под Красным знаменем, на котором нет символов Победы - звезды, серпа и молота? И седьмого ноября 2010 г. участники парада на Красной площади шли под Красным знаменем без этих дорогих нам символов. Зачем перекрасили Знамя? Это же оскорбляет участников Великой Отечественной войны. Нет ли в этом "перекрашивании" желания по крупицам лишить наш народ исторической памяти?

Сейчас к 70-летию Победы готовится 12-томный труд о Великой Отечественной войне, одна из объявленных целей его - борьба с нападками фальсификаторов на историческую правду. Г. Гудков, заместитель председателя комитета ГД по безопасности, опубликовал в информационно-аналитическом журнале "Сенатор" в 2010 г. письмо "22 июня ровно в четыре часа...", где заявил: "Чем меньше остается с нами реальных участников боев Великой Отечественной, тем больший простор открывается перед жуликами, бессовестно вычеркивающими "неудобные" факты военных и предвоенных лет. "Вторую Мировую войну выиграла Соединенные Штаты и Великобритания" - одна ложь. "Фашистскую Германию победил военный гений Сталина и его окружения" - другая ложь, не менее циничная и кощунственная по отношению к памяти советских людей, павших на полях Великой Отечественной войны. "Приватизация" Победы в Великой Отечественной войне лагерем неосталинистов аморальна. Только честный анализ всех событий войны и предшествующих ей лет способен дать отпор фальсификаторам истории, в том числе зарубежным".

Но что значит "честный анализ"? Доктор исторических наук В. Зимонин ответил Гудкову: "Ведь проще всего бить, не утруждая себя действительно глубоким анализом всего комплекса исторических фактов, тех, кто стоял у руля Советского Союза ("Сталин и его окружение") в канун и в годы Великой Отечественной войны (они беззащитны), а заодно и тех, кто пытается, оценивая тот драматический период в истории нашего государства, дать объективную, комплексную оценку плюсов и минусов в деятельности советского руководства, в том числе И.В.

Сталина, успехов и неудач Красной Армии, и все же видит в нашей истории больше позитива, чем недостатков, навешивая на них ярлык "неосталинистов" и обвиняя их в "патриотическом пиаре" и "приватизации" ими ...Победы нашего народа в Великой Отечественной войне".

Президент Д. Медведев сказал о фальсификациях, связанных с Великой Отечественной войной: "...такие попытки становятся всё более жёсткими, злыми, агрессивными. ...количество трактовок - причём очень спорных - этого периода не становится меньше. Почему так происходит? Конечно, в каждой науке могут быть свои трактовки, но, наверное, это объясняется и тем, что становится всё меньше и меньше тех людей, кто участвовал в войне, видел её собственными глазами. И вот этот вакуум, этот пробел - либо по неведению, либо зачастую умышленно - заполняется новым видением, новыми трактовками войны. И, по сути, мы оказываемся в ситуации, когда должны отстаивать историческую истину и даже ещё раз доказывать те факты, которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными. Это трудно, иногда даже ...противно. Но это необходимо делать". В Парламентской ассамблее Совета Европы кощунственно приравнивали фашизм к коммунизму, гитлеровский рейх к СССР. Д. Медведев, недальновидно подогревающий холодную войну против президента Белоруссии А. Лукашенко (не по подсказке ли США?), назвал Сталина преступником. Действительно, такую клевету противно опровергать, а в СМИ, школах и вузах её подают как непреложную истину.

Глава президентского Совета по содействию развития института гражданского общества и правам человека М. Федотов провозгласил своей миссией "десталинизацию" общественного сознания в России. Он и его единоверцы жаждут принять президентский Указ, который запретил бы "прославление сталинизма". Видимо, стремлением выполнять такую задачу объясняется ряд поступков и высказываний наших правителей. Видный публицист В. Третьяков заметил, обращаясь к президенту Д. Медведеву: "Сначала накануне Дня Победы сами объявляете Верховного главнокомандующего собственной Армии-победительницы преступником (причем без суда), а потом возмущаетесь, что сразу после этого Европейский суд по правам человека объявляет преступником советского партизана Василия Кононова. И как теперь будете возражать? ... А знаете, кто теперь следующими будут обвинены в "преступлениях против человечества" и "военных преступлениях"? Правильно - уже солдаты Советской Армии времен Великой Отечественной войны" (Завтра. 26.05. 2010). Не понимают (или не хотят понять), к сожалению, наши верхи, что, объявляя преступником Сталина, они создают хорошие условия тем, кто обвиняет советских солдат-победителей в разных преступлениях.

27 января 2009 года на заседании оргкомитета "Победа" Д. Медведев зачитал тесты по истории России к ЕГЭ, в одном из них значилось "Что является следствием коренного перелома в

ходе войны: ...расстрел всех немецких солдат, находящихся в советском плену?" Он заключил: "Если мы дальше будем по таким учебникам и по таким тестам готовить наших школьников... вы представляете, какие у них знания будут о периоде Великой Отечественной войны? В таких вопросах, к сожалению, проявляется не только неуважение к нашей истории, но, если хотите, известная доля провокации". В. Путин в июне 2007 года сказал об одном из существенных недостатков в преподавании нашей истории: "многие учебники пишут люди, которые работают за иностранные гранты" (Литературная газета. № 42. 2007).

В таких учебниках господствуют концепции, идеологически выгодные недругам России, в результате их воздействия наша история искажается в умах учеников. В учебном пособии для учащихся X-XI-х классов общеобразовательных учреждений "Современная русская литература: Эклективный курс" (2006) под редакцией профессора Б. Ланина "почти половина пособия отведена творческому наследию И. Бродского (1940-1996) - в главах "Современная поэзия" и "Современная эссеистика" (А. Яковлев).

В учебнике по литературе для X-XI классов (СПб.2005) при раскрытии темы Великой Отечественной войны игнорируются произведения А. Фадеева, М. Шолохова, К. Симонова, А. Твардовского, Ю. Бондарева, она представлена только художочным творчеством не знающего фронтовой жизни Г. Владимова и стихотворением И. Бродского "На смерть Жукова", в котором написано: "Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую! Что ж, горевал? Вспомнил ли их умирающий в штатской белой кровати? Полный провал. Что он ответит, встретившись в адской области с ними?" Получается, что место знаменитого полководца Г. Жукова в аду...

В книге "Русская литература: Научно-популярное издание для детей" (2007) есть раздел "Великая Отечественная война и советская литература", в котором фигурирует Ю. Семёнов, но нет Ю. Бондарева, В. Некрасова, Е. Носова, В. Богомолова, В. Кондратьева, К. Воробьева, Г. Бакланова, В. Катаева.

Издательство "Высшая школа" в 2002 г. выпустило учебное пособие "Русская литература XX века" для вузов под редакцией С. Тиминой. Богатая, высокохудожественная проза о Великой Отечественной войне в нем фактически проигнорирована, представлена лишь романами В. Астафьева "Прокляты и забыты" (почему не "убиты"?) и "Генерал и его армия" Т. Владимова (может быть, Г. Владимова?), искаженно показавшими борьбу нашего народа с фашизмом. Чем объяснить то, что в учебнике опущены фамилии и творчество участников войны - К. Симонова, Ю. Бондарева, Е. Носова, М. Алексеева, К. Воробьева, В. Кондратьева и ряда других писателей? Их романы, повести и рассказы, раскрывающие многомерную правду о войне, по своей художественной ценности не идут ни в какое сравнение с макулатурным творчеством постмодернист-

ской и "массовой" литературы. Это пособие ориентирует читателей на превратное понимание русской литературы XX века: в своей основе она представлена антисоветской, антипатриотической, потерявшей связь с реалистической основой. Такая направленность пособия нацелена на то, чтобы отрывать молодое поколение от своих корней, патриотических традиций, помогать глушить русское национальное самосознание, вытравливать устремленность к социальной справедливости.

Важной частью борьбы за души молодых людей, в конце концов за сохранение целостности России должно стать действенное противодействие массивному наступлению против народно-патриотических основ русской литературы. Огромный ущерб наносится патриотическому воспитанию молодежи, например, тем, что романы Н. Островского "Как закалялась сталь" и А. Фадеева "Молодая гвардия" выброшены из школьных программ.

10 мая 1945 года я целый день ходил по Вене, навсегда врезалась в память советская девушка в военной форме, которая регулировала движение автомашин на центральной улице австрийской столицы. Мне она показалась прекрасным символом нашей блистательной Победы. Теперь в день Победы мы не можем внятно ответить себе на вопрос: во что превратился этот праздник? Что случилось с нашей Родиной в лихоносные годы пресловутой "перестройки"? СМИ распространили много лжи, небылиц и фальшивок о Великой Отечественной войне, сейчас в ней не найдешь ничего такого, что было бы не извращено, не опошлено, не оклеветано. Псевдодемократы, помогая США и ее союзникам оплевывать советскую историю, дискредитируют нашу великую победу над Германией. Постулаты фашистской пропаганды восприняты ими и дополнены новыми лживыми измышлениями.

Фальсификаторы, отрезая "прошлое от настоящего", коверкая нашу историческую память, создают представление о напрасно пролитой нами крови, о бездарности советских полководцев, обильно приписывая им надуманные ошибки и преступления. Они всё, что свидетельствует об их благородстве и умении, обходят, а акцентируют внимание на том, что их не красит. Растленные ревизоры героизма нашего народа прикрывают свое русофобство тем, что они, мол, освобождают историю России от неправды, добиваются истины. На самом деле они создают новые лживые мифы, растлевающие сознание наших людей, извращающие решение проблемы главного смысла и цены нашей Победы.

Развенчивая героизм солдат Великой Отечественной войны, оскверняя имена-символы - З. Космодемьянскую, А. Матросова, Н. Гастелло, В. Талалихина, О. Кошевого и других славных сынов России, - либералы заявляют, что они не были героями, их создала советская пропаганда. Для гнусных очернителей нет ни полководческого гения Г. Жукова, ни подвигов названных

выше героев, ни благородства миллионов наших солдат, ценой своей жизни защитивших Родину и освободивших Европу от фашизма. Стремясь уничтожить историческую память нашего народа, они уверяют, что советские правители наделали столько непростительных ошибок, совершили столько преступлений, к тому же и воевали мы не за правое дело, что в Великой Отечественной войне нет ничего такого, чем можно было бы нам гордиться.

Это они довели до самоубийства маршала С. Ахромеева, бывшего солдата Т. Зинатова, который ушел из жизни там, где воевал, - в Брестской крепости, написав перед смертью, что у него нет сил "бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени", что он хочет "умереть стоя, чем ...жить на коленях". На их совести смерть самобытного поэта Ю. Друниной, шагнувшей в жестокое пламя войны со школьной скамьи. Она написала перед своей самовольной кончиной: "Как летит под откос Россия, // Не могу, не хочу смотреть". По словам Р. Киреева, замечательный поэт Б. Примеров покончил с собой "оттого, что видел, как унижены, обмануты, раздавлены миллионы его соотечественников". Мне понятно обращение писателя М. Алексева к бывшему фронтовику в романе "Мой Сталинград" (1993): "О, дорогой мой Степан! Может, и хорошо, что не дожил ты до нынешних наших дней? Ей, Богу, хорошо!.."

Глава 3. Лирическое отступление

В настоящей книге наше прошлое, события Великой Отечественной войны пропущены через мое глубоко личное восприятие, которое, как я полагаю, в немалой степени отражает оценку этих событий, сложившуюся у подавляющего большинства людей, родившихся в 20-30 годы прошлого века. Это убеждение дало мне право прибегать к фактам моей длительной и не так уж простой жизни, что может помочь читателям лучше понять мой общественный настрой.

Жизнь не раз подбрасывала мне "и души прекрасные порывы" и желание отстраниться от сложного клубка неприятных явлений, ожидая, что они сами по себе в конце концов выявят свою неприглядную явь или вдруг по неведомой мне причине навсегда исчезнут, испарятся в неведомую даль. Воспитанный на творчестве Н. Островского, я не раз вспоминал его слова: "Перебирая в памяти год за годом, проверяя свою жизнь, как беспристрастный судья, и с глубоким удовлетворением решил, что жизнь прожита не так уж плохо. ...Самое же главное - не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть, и на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови". Я доволен тем, что в годы Великой Отечественной войны нашел свое место среди её участников, воевал в многострадальной пехоте.

Белорусский классик В. Быков написал: "Не уменьшая заслуг воинов других родов войск, их вклада в победу, я выделяю все же именно его - пехотинца минувшей войны, далеко не бравого вида солдата в помятой, запачканной глиной шинельке, в обмотках на ногах, часто полусонного, вконец измученного, с не дожеванным куском зачерствелого хлеба в противогазной сумке, притерпевшегося к своей тяжелой доле, но всегда готового по свистку ротного кинуться в огонь - навстречу гибели или победе. Когда вы встретите ...пехотинца - бывшего солдата, сержанта, младшего офицера стрелкового полка, - поклонитесь ему до земли: подвига более героического не найти в веках. ...лично я, немного повоевавший в пехоте и испытавший часть ее каждодневных мук, как мне думается, постигший смысл ее большой крови, никогда не перестану считать ее роль в этой войне ни с чем не сравнимой ролью. Ни один род войск не в состоянии сравниться с ней в ее циклопических усилиях и ею принесенных жертвах. Видели ли вы братские кладбища, густо разбросанные на бывших полях сражений от Сталинграда до Эльбы, вчитывались ли когда-нибудь в бесконечные столбцы имен павших, в огромном большинстве юношей 1920-1925 годов рождения? Это - пехота".

Многоликий В. Юдин, уже 15 лет прославляющий генерала-предателя П. Краснова, затронул самое святое, что было в моей жизни, - участие в Великой Отечественной войне. В печати он упрекал меня в том, что я поздно - только в 1945 году - вступил в партию, и, опираясь на практику своей жизни, сфантазировал: "Огнев смело решил вступить в КПСС", потому что "первым героически подниматься в атаку на фашистские танки уже нужда отпала" (Вече Твери. 30.09. 2007). Юдин проявил дремучее непонимание патриотического настроения советской молодежи военного времени. Мне было 19 лет, когда я стал кандидатом в партию в начале 1945 года. До этого был комсомольцем, и потому у меня, командира стрелкового отделения, никогда не отпадала обязанность первым бросаться в атаку.

13 сентября 1943 года на комсомольском собрании батальона я призвал товарищей во время предстоящего наступления встать первым в атаку, чтобы дать пример остальным бойцам. На собрании присутствовал командир батальона И. М. Третьяк. Во время войны ему присвоили звание Героя Советского Союза, а позже и Героя социалистического труда. В 1987-1991 годы он, генерал армии, был заместителем министра обороны СССР, главнокомандующим войсками Противовоздушной обороны. К большому сожалению, в 2007 г. он ушел из жизни. И. Третьяк был последним из тех, с кем я вместе воевал. У меня есть от него телеграмма.

Я был в рядах партии с 1945 года по 1991, сейчас - сторонник, но не член КПРФ. У меня есть некоторые расхождения с нею в идеологических установках (например, не верю в реальную осуществимость принципа "от каждого по способностям, каждому по потребностям"), к

тому же в свои далеко не молодые годы мне трудно нести партийные нагрузки. Но я не без пользы для патриотического движения использую свои знания и перо для утверждения идей народовластия. Представитель Президента по Тверской области В. Белов 13 ноября 1993 года в газете "Кимрская жизнь" заявил, что его "тревожат симптомы коммунистической деятельности", цитадель "подпольного обкома коммунистов" - "Тверской государственный университет, на филологическом факультете это завкафедрой профессор Огнев". Это он повторил в газете "Президент" (1993. 24-26.11). Такой вывод он сделал, изучая в печати мои статьи, развенчивающие разрушительную политику демократов.

В том, что я не решился восстановиться в партии, какую-то роль играет груз давних встреч с партийными руководителями, некомпетентных в вопросах науки и литературы, но решительных в своих опрометчивых выводах. При жизни Сталина можно было, не боясь мести, критиковать руководящих деятелей любых рангов (сам он в последние годы был вне критики). В 1952 году я, работая учителем, обратился к первому секретарю Астраханского обкома партии с просьбой помочь провести дорожку к школе № 58, но ответа не получил. После этого на собрании актива города я подверг его острой критике за бюрократизм - и через два месяца дорожку построили. Но шли годы, и я на своей шкуре чувствовал, как все труднее становилось находить общий язык с партийным начальством.

В 1981 г., выступая с докладом на торжественном вечере в Калининe, посвященном памяти А. Фадеева, в присутствии нескольких сотен людей со всей области я без всякого умысла ни слова не сказал о Л.И. Брежневe. Как мне казалось, само собой разумеется: отмечается юбилей знаменитого писателя-земляка, и в такой обстановке совсем не к месту публично расписываться в верноподданнической любви к генсеку, всем же ясно, что это будет попахивать неумным лицемерием. Но эту установку опровергли в своих выступлениях московские писатели Ю. Верченко и А. Алексин (ныне он в Израиле) и местные ораторы, секретари горкомов и райкомов партии. Они восторженно восхваляли престарелого партийного вождя, с блеском продемонстрировав, как надо славословить, чтобы угодить начальству. Слушая их, можно было подумать, что все собрались здесь чествовать Л. Брежневa, а не выдающегося писателя А. Фадеева.

Через день меня вместе с секретарем парткома Калининского ТвГУ прямо с лекции вызвали в обком партии к секретарю по идеологии Н. И. Соболеву. Слывший в общем-то неплохим человеком, он заявил, что в моей речи на прошедшем вечере многие заметили политический "подтекст", вызов официальной пропаганде. Зачем надо было подчеркивать то, что Фадеев отказался от предложения написать биографию Сталина, что он стойко защищал Либединского, когда того исключали из партии? Секретарь помолчал, смотря прямо в глаза неразумному

смутьяну, а я с неподобающей настойчивостью попросил уточнить, в чем же заключается "подтекст" моего выступления, ведь отмеченные мной эпизоды характеризовали порядочность, принципиальность Фадеева.

Обкомовский секретарь буркнул, что надо лучше понимать руководящую роль партии, и спросил: "Почему Вы в своем докладе и статье, опубликованной в областной газете, использовали личные впечатления о встрече Фадеева с читателями"? Это обвинение я успешно отвел: "Почему я не мог вспомнить то, что сам видел и слышал? Во вчерашней "Правде" напечатана статья о Фадееве, в ней есть личные воспоминания автора публикации". Ничего вразумительного секретарь не мог возразить на это и перевел разговор на недавний случай, когда я сопротивлялся тому, чтобы в школьном лектории заменить лекцию, посвященную военной прозе, разбором сочинения Леонида Ильича "Малая земля".

Тогда руководитель общества "Знание", столкнувшись с моим несогласием, с недоумением смотрел на меня, как бы спрашивая: "Откуда ты, такой храбрый, а вернее сказать, дурак, нашелся?" Поняв, что плетью обуха не перешибешь, что надо сделать, чтобы волки были сыты и овцы целы, я предложил назвать лекцию "Современная военная проза. "Малая земля" Л. И. Брежнева" - и это компромиссное решение не вызвало особых возражений. Я напомнил, как обстояло тогда дело, и подчеркнул, что не вижу ничего плохого в своей позиции. Секретарь понял, что убедительных аргументов для обвинительного заключения у него не нашлось, но, заключая беседу, он сказал: "Наш разговор - материал для размышлений. Обком партии не может быть безразличным к политической позиции заведующего кафедрой советской литературы". Все это было нелепо: хотя я не скрывал своего критического отношения к ряду практических проявлений политики партии, но никогда не был противником советской власти, никаких вредоносных для нее идей не проводил.

Лжедемократические деятели сейчас целенаправленно развращают молодежь, они с неприкрытой злостью пишут о бывших фронтовиках. Для них герои России - презренные генералы Краснов, Власов и подобные им пособники фашистов. А Подрабинек в "Письме советским ветеранам" разглагольствовал: "...ваше время кончилось. Ваша родина - не Россия. Ваша родина - Советский Союз. Вы - советские ветераны, и вашей страны, слава Богу, уже 18 лет как нет. ...Это вы, советские ветераны, защищали советскую власть и потом были обласканы ею, а теперь боитесь правды и цепляетесь за свое советское прошлое. Советское прошлое - кровавое, лживое и позорное. ...Презрение потомков - самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима". Для него ветераны "борьбы с советской властью ...- подлин-

ные герои нашей страны". Только презрение и брезгливость может вызвать это злобное откровение махрового антисоветчика.

В печати обличали фронтовиков: "А живут все, и оголтелая власть, и фронтовики за счет погибших". Обидные стрелы пущены в жизнь участников боев во время Великой Отечественной войны. Не стану возражать: я живу за счет погибших. Среди них мой отец, погибший в 1941 г. где-то в районе Ржева, мой дядя Василий Бойков тогда же нашедший свою смерть от рук немцев. Другой дядя, Петр Бойков, четырежды раненный, умер через пять лет после окончания войны. Другие дяди - фронтовики Иван Бойков, Анатолий Огнёв, Михаил Огнёв - умерли 15-20 лет назад. Но сам-то я тоже воевал, был ранен и контужен на фронте, выходит, не живут ли те, кто обличает меня и других фронтовиков, прошу прощения за нескромность, за счет и моей крови, которая окропила смоленскую землю?

6 сентября 2010 года в Гайдпарке спрашивали: "...а что же вы, храбрые окопники-ветераны и фронтовики, делали после войны? Удобно пристраивались у кормушек?". Отвечу. У моей матери, не считая меня, было четыре дочери, самой младшей в июне 1941 г., когда отец ушел на войну, было три месяца. Как было маме прокормить и одевать их во время войны и после неё (пенсия на детей была мизерная) - это очень трудно представить нынешним людям, она и две её дочери, мои сестры, преждевременно ушли в могилу. Две других сестры сейчас инвалиды.

В июне 1941 года мне только что исполнилось 16 лет, 28 июня я вместе с другими юношами и девушками приехал в верховье Волги рыть противотанковый ров, затем работал в колхозе, на лесозаготовках в жгучие морозы. В январе 1943 г. я был призван в армию. В июле того года меня оставили в 48 учебном полку автоматчиков обучать призывников 1926 года рождения. Вырвался на фронт, стал командиром отделения в 90-м гвардейском стрелковом полку. Если бы я не воевал, то неуютно бы мне жилось в нравственно-психологическом плане: я чувствовал бы себя неполноценным человеком. Теперь, когда моя жизнь со всей очевидностью подошла к "заходу солнца", могу со всей определенностью сказать: если было во мне что-то хорошее, то оно лучше всего проявилось в огненные годы Великой Отечественной войны.

В апреле 1947 года я вернулся в мирную жизнь, образование - один курс педучилища, нормально учиться, не работая, не было возможности, надо было помогать матери и сестрам. Без передышки, не давая себе никакого послабления, я работал и учился в вечерней школе, затем в институте и аспирантуре. После демобилизации из армии мне довелось работать в Коканде, Астрахани, Тамбове, Ельце, Барнауле, Саратове и Твери. И везде были неприятные - подчас

острые - столкновения с начальством. Возможно, истоки их заключались не только в моем упрямом, "дурном" характере, но и в нарушении очевидной жизненной справедливости.

Всегда ли я поступал правильно? Нет, иногда, сдерживая себя, с тупой терпеливостью молчал, а надо было с безоглядной решимостью пытаться дать отпор подлости, в другой раз начинал бороться за честное решение важного дела, но то ли не умел, то ли не хватало сил довести борьбу до победного завершения. Мое жизненное кредо свелось к принципу: работай честно, не проходи мимо несправедливых событий, вмешайся, если сможешь положительно повлиять на их ход, но не особенно рыпайся, если понимаешь, что твоя донкихотская борьба ничего хорошего не принесет.

Самое постыдное в моей жизни - выступление (свыше 50-ти лет назад) на партсобрании Елецкого пединститута при обсуждении письма ЦК КПСС о маршале Г. К. Жукове. Не стоит оправдывать себя тем, что тогда, зная о моем "бунтарском" настрое, меня провокационно вытаскивали на трибуну. Мог бы и не поддаться натиску и промолчать, хотя это и вызвало бы хулу идеологических "передовиков". Но я вышел, тускло промямлил о том, что у Жукова проявлялось неправильное отношение к политработникам. Вина моя была в том, что я тогда сам не до конца верил тому, что писали о прославленном маршале, а прямо сказать об этом не решился.

Но когда в 1991 году мастер словесных рулад М. Горбачев распустил КПСС, я на собрании тверских писателей, пребывавших - в своем большинстве - в подавленном состоянии, оценил его поведение: "Он - предатель". Когда в октябре 1993 года по приказу Б. Ельцина расстреливали Верховный Совет, я на заседании кафедры заявил: "Кто отдал приказ об этом расстреле - преступник, кто расстреливал - палач!".

До начала 90-х годов прошлого века моя совесть полностью принимала мысль гениального русского поэта А. Твардовского: "Я знаю, никакой моей вины // В том, что другие не пришли с войны..." Но порой давали себя знать слова поэта "но все же, все же, все же...". Теперь же, когда обвиняют СССР в разжигании Второй мировой войны, приравнивают коммунизм к фашизму, когда публично оскорбляют память погибших защитников Родины и ныне живущих, это стало постоянной сердечной болью.

Какой мы оставляем свою Родину нашим внукам и правнукам? Фронтовики безвозвратно уносят с собой личное знание того, как в огненные военные годы своей кровью, своим подорванным здоровьем защищали родную землю от лютого врага. И разве может гневно не биться сердце от мысли о границах России, которые в наше время проходят недалеко от Смоленска и

Брянска? Всю жизнь преследует она, // Давно прошедшая война. // Покоя нет ни вечером, ни днём. // И даже ночью беспросветной // Лежу под вражеским огнём.

Неотвратимо быстро катятся годы, один за другим мы, бывшие фронтовики, умираем, и с нами уходит неповторимый мир, несущий в себе и жестокую житейскую простоту былого времени и вместе с тем настоящее очарование его высокой поэтичности, нашей нетерпеливой устремленности в незыблемо-вечное. Вместе с нами безвозвратно уходит наша святая правда о Великой Отечественной войне, когда в смертельно опасные для Родины годы, жертвуя своей жизнью, молодой кровью, своим здоровьем, мы защищали ее от рвущихся в нашу страну алчных захватчиков. Часто вспоминаю своих боевых товарищей, родственников, павших на фронте, многое - с грустью, горечью, негодованием.

Горько сталкиваться с изменой приятелей, преподавателей, аспирантов, встречаться с двоедушием, неискренностью, ложью, клеветой, быстрой переменчивостью общественных позиций. Чтобы как-то освободиться от тягостных мыслей, иногда хочется окунуться в более приятные размышления об очень дальнем военном времени, когда я, как мне представляется, был наиболее чист и прекрасен в своих мыслях, устремлениях и деяниях, в этом я пытаюсь найти спасительное успокоение и оправдание своей долгой жизни. Мне крайне грустно оттого, что очень мало осталось в живых солдат Великой Отечественной войны, что я не могу связаться ни с одним из тех, с кем вместе сражался в пехоте-матушке.

Однажды профессор кафедры русского языка ТвГУ Кузнецова Р. Д. (сейчас её нет в живых), с радостной заинтересованностью сообщила мне, что по местному телевидению мне передал привет фронтовой товарищ, воевавший вместе со мной в одном полку, проживающий сейчас в Алтайском крае. Это была огромная нечаянная радость, выходит, остался в живых еще один... Но кто это? Как это будет здорово встретиться нам, есть что вспомнить и обсудить! Я сразу позвонил в редакцию телевидения, слезно умолял сообщить фамилию и адрес товарища, который поздравил меня с праздником славной победы, но редакторша с металлическим оттенком в голосе и непонятной брезгливостью ответила, что с такими просьбами обращаются многие, выполнить их невозможно, а почему нельзя - она не захотела, даже не попыталась объяснить.

Мне стало опустошительно горько на душе, я тогда не догадался, что эта журналистка - по велению свыше - беззаветно любит всех участников войны, искренне восторгается их беспрецедентным подвигом, всячески прославляет их в своих передачах, но что поделаешь, если у нее нет никаких сил, времени и, главное, даже элементарного желания практически помочь хотя бы одному из них.

Мои оценки и суждения могут вызвать у ряда читателей несогласие, некий диссонанс в их представлениях о былой и современной жизни, но мне хотелось бы, чтобы они попытались вдумчиво осмыслить приведенные в этой книге факты, осознавая, что у меня есть полное право честно заявить о своей позиции. Мне кажется, что вскоре свидетельства и оценки бывших фронтовиков приобретут, может быть, ценность некоего фактического документа.

В моем дневнике есть давняя запись о занятии в Кимрском педучилище в декабре 1946 года. Тогда я, младший лейтенант, во время служебной командировки завернул в Кимры, чтобы увидеть своего друга Виктора Крылова, с которым перед самой войной один год вместе учился. Мне разрешили побывать на уроке по литературе. В моем отзыве об уроке сквозит скептическое отношение к тому, что преподаватель с излишним усердием использовал постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград".

20 мая 1989 года газета "Смена" напечатала статью тверского краеведа Д. Куприянова, где он, извратив суть моего доклада на общесоюзной научной конференции в Бежецке, обратился к ректору Калининского университета с предложением серьезно подумать над тем, могу ли я вообще работать в вузе. Он не постеснялся заявить, что я компрометирую свой университет "перед литературной наукой", потому что в моих словах проскальзывало "что-то от ждановского постановления". Редакция "Смены" в примечании к этой статье заявила: "Такие люди, как А.В. Огнев, не имеют морального права выступать сегодня публично и в печати, признаваясь в своей безграничной любви к поэтессе, выдавая себя за давних и преданных поклонников ее таланта". Меня обвинили в ждановском отношении к Ахматовой и одновременно, тут же - в том, что я признался в любви к ней... Непостижимо тупая логика.

18 июля 1989 года "Советская культура" поддержала эти бездоказательные обвинения. 12 января 1990 года "Литературная Россия" напечатала мою заметку "Красивые слова...". В ней я спросил главного редактора "Советской культуры" А. Беяева: "...если вы считаете, что мне нельзя работать в вузе и писать об Ахматовой (я не поносил ее и в то же время не говорил о "своей безграничной любви" к ней), то есть ли моральное право у вас возглавлять газету, где восхваляют писателей (Б. Пастернак), которых вы бичевали в книге "Идеологическая борьба и литература"? Не по вашим ли указаниям в то время, когда вы работали в идеологическом отделе ЦК КПСС, разносили журналы "Наш современник", "Волга", писателей В. Пикуля, В. Крупина, критика М. Лобанова?"

Крайне огорчительны для моего старческого сознания недалёковидная политика антинародной власти России и плюс личная напасть: перед концом жизни меня бесстыдно оклеветали.

"Вече Твери" и другие желтые газеты опубликовали за три последних года до 15 порочащих мое достоинство лживых статей.

В статье "Науке - лозунги не замена" (Вече Твери. 31.03. 2009) лихой в измышлениях доцент ТвГУ А. Бойников написал: "Астафьев к тому же в романе "Прокляты и убиты", по словам Огнёва, "искаженно" показал борьбу нашего народа с фашизмом. Правда, отзывы истинных фронтовиков свидетельствуют об обратном". Он без колебаний убрал меня из числа "истинных фронтовиков". Из контекста ясно, что обо мне шла речь, когда он писал: "...славу Астафьева "своими писаниями постоянно дискредитируют примазавшиеся к ней околотитературные комсорги и обозники". Никогда не был я обозником. Рассуждая обо мне, Бойников взял слово фронтовик в кавычки: "С такими "фронтовиками" мне говорить больше не о чем...". Из "Словаря русского языка": "В кавычках - не заслуживающий присвоенного им названия, звания". Бойников утверждает, что я, воевавший командиром стрелкового отделения, получивший на фронте ранение и контузию, награжденный орденами, фронтовик в кавычках. Трудно придумать более гадкое оскорбление

Бойников в статье "Блуд на крови" (Вече Твери. 15.04. 2009) объявил А. Фадеева, видного классика русской литературы, который много сделал для победы над Германией, для воспитания патриотизма у нашей молодежи, "литературным пигмеем". Кем же является сам автор таких - выходящих за пределы нормального мышления - оценок? Он выступил против изучения студентами романов А. Фадеева "Молодая гвардия", В. Ажаева "Далеко от Москвы", пьесы А. Салынского "Барабанщица", замечательной поэзии Е. Исаева, фронтовика, Героя Социалистического труда. Для него он "третьестепенный и давно забытый писатель". Больше всего он не приемлет правдивые произведения о Великой Отечественной войне. Он не признает заслуг её участников (погибших и ныне живущих) в том, что они своей жизнью и кровью дали ему возможность благополучно жить.

Осознав, что в литературном плане его примитивные наскоки получают сокрушительный отпор, он решил унижить меня как ученого и человека. Чего стоит подлое название его пасквиля - "Блуд на крови". Он клеветает, что я устраиваю блуд на "пролитой крови" (речь идет о крови, пролитой на фронте мной и моими родными). Он уверяет, что "такие, как А. Огнёв, ...принимаются откровенно спекулировать на своем участии в Великой Отечественной войне и, движимые каким-то гадостным снобизмом, брюзгливо попрекают следующие поколения тем, что они, дескать, не воевали". Это ложь, нигде я не попрекал новые поколения за то, что они не воевали. Он нашел у меня "казуистическое фиглярство", "явление литературоведческого транссексуализма", "пещерность и псевдонаучность квазипрофессорского мышления", заявил, что я

"потерял совесть, не исключая, что вместе с головой", у меня "совесть под каблуком, а стыд под подошвой..." (Вече Твери. 15.04. 2009). Вопиющая нравственная ущербность выпирает у сего автора. Можно представить, какой "патриотизм" воспитывают у студентов подобные преподаватели.

О мотивах наскоков Бойникова можно сказать словами Г. Галилея: "Невежество - мать злобы, зависти, алчности и всех прочих низких и грубых пороков...". Но главная причина его неистовства заключается не только в зависти и желании прославиться, существеннее другое: я мешал ему и его вдохновителям беспрепятственно утверждать свои либеральные постулаты и оценки советской литературы на кафедре и в какой-то мере в печати. Бойникова выводит из себя то, что я в своих работах разоблачаю губительную для России политико-экономическую суть либерализма. И потому он гневается на то, что Огнёв "любит клеймить либералов!", деятельность которых сыграла пагубную роль в судьбе России.

Говоря о стихотворении Бродского "На смерть Жукова", Бойников бичует меня за "облыжные и глупые заявления" о том, что Жуков встретится в аду с погибшими солдатами. Он заявил обо мне: "Эту развесистую клюкву, не имеющего ничего общего с наукой, неустанно цитирует вот уже второй десяток лет". Его учителя и союзники никак не смогли доказать мысль о том, что, мол, речь идет всего лишь о загробном суде. Бродский "чуть самолет за границу не угнал" (Литературная газета .№ 29. 2009).

Бродский назвал Тютчева "холуем" и "державной сволочью". Он писал о судьбе своей родины: "Для меня все это кончилось на Чаадаеве и его определении России как провале в истории человечества". Не случайно он немалую часть прозы писал на английском языке и использовал ненормативную лексику. Бродский не хотел, чтобы его похоронили в России. Сравним его с белорусским писателем В. Быковым, ставшим в 90-е годы диссидентом: "Он явно котировался вместе с Генрихом Беллем, Гюнтером Грассом, и уж никак не меньше масштабом был. То есть давай диссидентом в Европу, откажись от гражданства, возвысь голос против диктатуры и все - Нобелевка у тебя в кармане. Но Быков был тут неприступен: от гражданства не откажусь никогда, хочу жить на родине, хочу помереть на родине" (Российская газета. 06.03. 2008).

А. Твардовский отозвался о поэзии И. Бродского: "Стишки никудышные". Гениальный композитор Г. Свиридов: "У Бродского нет совсем свежести. Все залапанное, затроганное чужими руками, комиссионный магазин. "Качественные", но ношенные вещи, ношеное белье, украшения с запахом чужой плоти, чужого тела, чужого пота. Нечистота во всем". Либерал В. Пьецух заключил: "Бродский - это даже не эквилибристика слова - это простая неграмотность". Б. Васильев с грустью определил, что Бродский - "поэт ...только для очень рафинированных

людей, которых сегодня в России не осталось. Их просто единицы". Н. Андрияшин и ряд других литераторов верно считают: "Случай с Нобелевкой И. Бродскому - наиболее "яркий" пример некомпетентности лиц, волей которых присуждаются премии".

Либерал Е. Рейн 8-14 апреля 2009 года написал в "Литгазете": "У Бродского появились тысячи эпигонов, а результаты плачевные, нулевые". Талантливый писатель А. Лиханов, много сделавший для детей России, хорошо знающий их нужды и чаяния, справедливо протестует: "Вместо стихов Никитина и Кольцова о природе наши школьники уже в 3-м классе учат наизусть Бродского. Хотя лингвистическая структура его стихов трудна для маленького ребенка. Там и модернизм и политика... А ведь у русских классиков красивый, лёгкий и правильный русский язык. ...к сожалению, традиция "русскости" из начальных классов сейчас уходит. Да и из программы средней школы (на мой взгляд, это позор) выброшена вся советская литература" (Литературная газета. 2008. № 52). И этот космополит Бродский стал знаменем либерально-западнической творческой интеллигенции.

Прошу прощения у читателей за то, что - в силу обстановки - я вынужден цитировать хвалебные отзывы о самом себе. В. Кириллов в статье "Линия фронта - наша совесть" (Вече Твери. 01.07. 2009) писал: "Прославление предателей сопровождается клеветой в адрес настоящих героев, подлинных патриотов своей родины. В Твери, например, уже не первый год ведется травля фронтовика, замечательного ученого, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей России А.В. Огнёва". Председатель Союза писателей России В. Ганичев сказал: "Лауреатом премии "Прохоровское поле" "стал и Александр Васильевич Огнёв - участник Великой Отечественной войны, профессор, историк, человек, который на себе все прочувствовал. Он - один из современных борцов против фальсификации нашей Отечественной истории. ...Как на пропагандистский крючок об "империю зла" многие внутренние агенты влияния цепляли и многие постулаты западной фашистской пропаганды, чтобы вслед за Гитлером создать новый порядок против России, за счет России и на обломках России. Александр Васильевич создал прекрасные книги, разоблачающие деятельность этого "комитета антипобеды", существующего также и в наших границах" (Российский писатель. № 9-10. 2008).

Все чаще приходят на ум слова из песни: "Настанет день и с журавлиной статей..." Нередко вспоминаю свою затерявшуюся в глухих тверских лесах родимую деревню Красненькое, в которой до войны было до пятидесяти дворов, а теперь зимой в ней не встретишь ни одной живой души. По опустевшей, сжавшейся до девяти разрушающихся изб деревне свободно рыскают, как настоящие хозяева, голодные волки и злые кабаны. В марте 2010 года я получил от двоюродной сестры Тони письмо из деревни Ермолино (в ней раньше было до ста дворов), в

котором она с глубокой печалью сообщила: "В деревне у нас совсем мало людей. 10 домов жилых, в большинстве по одному человеку. Летом приезжают дачники. А скотины в деревне совсем нет. У Беловых одна корова на всю деревню. Ну хоть молоко возят в магазин по 40 рублей за пакет, я беру. ...А участников войны нет ни одного человека, все померли. В Хребтове жил один и то прошлым годом умер. В Хребтове не живет ни один человек, в Змееве живут 4 человека, в Горшкове - 5. В Красненьком ни одного человека, может, летом кто приезжает". Многие сотни лет в этих селениях проживали, трудились в поте лица своего тысячи людей, держали скот, пахали, сеяли, убирали урожай, косили сено, прокладывали дороги, собирали ягоды и грибы, ухаживали за лесом, любили, растили детей. И все это бездумно, варварски порушено.

Уже давно нещадно царапает моё сознание неотвязный вопрос: как мы, победители в самой страшной войне, допустили в мирное время жуткий развал своей великой державы? Сыграли каждый из нас какую-то роль - пусть самую-самую микроскопическую - в возникновении этой трагической катастрофы? Из очень давнего времени, которое теперь порой кажется каким-то причудливым сном, нереальностью, незаметными бесцветными пылинками подкатилась, сверля меня, обжигая моя вконец расшатанные нервы мысль о какой-то моей личной вине перед своей погибшей деревней, своим народом, перед бесконечно родной Россией.

Мне было приятно читать слова моей бывшей студентки Альбины Кукайло в письме от 18 марта 2005 года: "Низкий поклон Вам за опаленную войной юность, за мужество, принципиальность, которые нужны нам и в мирное время не менее чем на фронте. Вы, как мы понимаем, вечный "диссидент", "несогласный, противоречащий": всегда видели общественные пороки и смело разоблачали, бичевали отступников от идеи, справедливости и правды". Т. Марфина, у которой отец погиб на войне, написала: "Весь день 9 мая проплакала. Жаль было моих родных, оставшихся на полях сражений. Вы, мои дорогие, спасли Родину. Но не смогли защитить тех, кто остался жив в этой войне. Да, мне очень жаль этих старых, седых, больных ветеранов - тех, кто выжил. Вы помогли спасти Родину от фашистского нашествия, но вы не спасли ее от более страшного нашествия - нашествия ...изуверов, лишающих чести и достоинства наших внуков и правнуков, толкающих их в пучину разврата, пьянства, наркомании..." (Советская Россия 05.06.2004). Этих горькие слова сконцентрировали в себе немало правды, они, видимо, и раскрывают истоки моих душевных терзаний, моей вины перед погибшими фронтовиками. О своем настрое я писал: Давным-давно друзья солдаты // Ушли навечно в мир иной. // Не знаю в чем, но виноваты // Мы перед ними и страной.

16 сентября 2005 года Сергей Васильевич Викулов, бывший главный редактор журнала "Наш современник", написал мне: "Прочитал Вашу книгу "Традиции, война и судьба России".

Глубоко взволнован, переполнен чувством восхищения, благодарности, уважения к Вам, как к русскому человеку-Гражданину, выдающемуся сыну России. Захотелось написать Вам, но не уверен, тот ли адрес у Вас в Справочнике СП за 1986 г. Если Вы подтвердите его, я напишу Вам более подробно о том, что осталось у меня на душе после прочтения Вашей книги (Неужели она до сих пор "монография" в 200 экземпляров? Немедленно надо переиздать как книгу: время требует этого!). 20 декабря 2005 года: "Горькие думы, переполняющие меня, абсолютно родственны Вашим. Они полностью укладываются в два слова, которыми Вы намереваетесь назвать свою новую книгу: "Уничтожение России". Нам, прошедшим войну, оставшимся в живых, видеть это невероятно тяжело. ...А жизнь идет. И мы должны успеть сказать самое главное, что в ней было, пока мы ходим на земле. Потомки будут удивляться, если мы предстанем перед ними немymi, безвольными, робкими, с менталитетом, как теперь говорят, рабов, быдла...".

Настоящая книга - попытка "успеть сказать самое главное", то, что было с Россией, с нами в труднейшие - трагические - годы Великой Отечественной войны, как пришла наша великая Победа и как подло извращают это фальсификаторы.

Глава 4. Мюнхенское предательство

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу и закончилась 2 сентября 1945 года безоговорочной капитуляцией Японии. В эту самую разрушительную, самую кровопролитную во всей истории человечества войну было вовлечено 72 государства, погибло 55 миллионов человек. Кто развязал ее? Адольф Гитлер и его окружение? И больше никто не виноват?

Многие исследования истории международной политики приводят к мысли, что все мировые войны организовывались англичанами. Г. Элевтеров назвал Великобританию "главной виновницей развязывания двух мировых войн, лидирующей и направляющей силой зла" (Советская Россия 02.11.2006). В этой мысли есть немало правды, но все-таки не грешит ли она излишней категоричностью, не уменьшает ли тем самым в какой-то мере зловещую роль Германии?

Учитывая в немалой мере верную мысль о вине Великобритании в развязывании войн, все-таки надо признать, что есть доля истины в первой части утверждения профессора Г. Телятникова в "Очерках о Великой Отечественной войне" (2005): "Виновник развязывания 2 мировой войны - фашистская Германия. Поэтому несостоятельны попытки поставить в этом отношении на одну доску с ней США, Англию и Францию, а тем более обвинять США в том, что они породили Гитлера, обеляя тем самым его самого". Следует уточнить эту мысль: конечно,

аморально обелять Гитлера, но не надо забывать и то, что американские монополии своими капиталами помогли ускоренному развитию немецкой военной промышленности в 20-30-е годы.

Доктор исторических наук Ю. Рубцов отметил: "В августе 1934 г. американская "Стандарт Ойл" приобрела в Германии 730 тыс. акров земли и построила крупные нефтеперерабатывающие заводы, которые снабжали нацистов нефтью. Тогда же в Германию из США было доставлено тайно самое современное оборудование для авиационных заводов, на котором начнется производство немецких самолетов. От американских фирм ... Германия получила большое количество военных патентов, и по американским технологиям строился "Юнкерс-87". К 1941 г., когда во всю бушевала Вторая мировая война, американские инвестиции в экономику Германии составили 475 млн. долл." (Российский писатель. № 7-9. 2010). Тогда американскому концерну "Дженерал моторс" принадлежал немецкий завод "Опель", выпускавший бронемашину и грузовики.

Серьезное влияние на приход нацистской партии к власти сыграл глубокий финансово-экономический кризис 1929-1933 гг. В Германии стало более 6 млн. безработных. Сложившаяся обстановка после унижительного для нее Версальского мирного договора способствовала приходу к власти Гитлера с его ура-патриотической пропагандой. Этот договор от 28 июня 1919 г. ввел на Германию жёсткие военные ограничения. Немецкая сухопутная армия не должна была превышать 100000 человек, из них не более 4000 офицеров. Всеобщая воинская повинность отменялась. Запрещалось иметь танки, военную авиацию, подводные лодки.

В Германии была богатая почва для агрессивной фашистской политики. Генерал А. Брусиллов, побывавший в Германии свыше 25 раз, беседовавший "с массой людей всевозможных классов и общественных положений", писал: "Случалось беседовать с людьми, рекомендовавшимися социал-демократами, и которые твердо исповедовали свои социалистические убеждения, но, как только затрагивались вопросы о мировом значении Германии, большинство с.-д. сразу превращались в тигров, яростно требовавших для Германии всемирного владычества. Не знаю, как теперь, но до 1914 г. включительно, по мнению немцев всех сословий, возрастов и положений (со спартаковцами мне не приходилось сталкиваться), Германия -- страна исключительная, предназначенная самим Богом к всемирной гегемонии, а все остальные народы, в особенности славяне, пригодны уваживать собою ниву, на которой немцы будут возделывать германскую культуру" (Диалог. 2003. № 6. С. 64).

25 июня 2010 года гайдпаркер В. Соколов утверждал: "Путь к власти фюреру нацизма Гитлеру "умело" подготовил большевистский "мудрый вождь" тов. Сталин, и уже только за одно это ему вечное проклятие миллионов жертв его тирании и недалёковидной бездумной поли-

тики". Свою ненависть к Сталину он обнаружил, а вот доказать его "вину" не смог. Он отметил, что противостоять сговору Гитлера с крупными промышленниками и банкирами могли только социал-демократы и коммунисты, для чего им нужно было выступить единым демократическим фронтом, и нацисты никогда бы не оказались у власти.

"Однако, - пишет он, - заправлявший Коминтерном Сталин решил иначе. Под его диктовку осенью 1928 года после ряда неудач на международном уровне Коминтерн переходит к тактике "третьего периода" с теорией социал-фашизма, согласно которой между буржуазной демократией, а также социал-демократией и фашистской диктатурой нет никакой разницы, в соответствии с чем отвергалось любое сотрудничество компартии и социал-демократов, что сделало невозможным создание единого антифашистского фронта". Сомневаюсь в том, что этот фронт, если верно учитывать создавшуюся тогда общественно-политическую обстановку в Германии, смог бы противостоять эффективной националистической демагогии гитлеровской клики.

Еще 24 февраля 1920 года Гитлер огласил программу партии, которая называлась Национал-социалистической рабочей партией Германии. Не стоит забывать то, что компартия Германии в 1932 и начале 1933 г. несколько раз обращалась к социал-демократической партии с призывом создать единый антифашистский фронт, но лидеры социал-демократов отвергли все её предложения о единстве действий против фашизма. Рабочий класс оказался разобщенным. На выборах 1932 г. в рейхстаг компартия получила около 6 миллионов (16,9 %) голосов, партия Гитлера - 37,4 %. В 1933 г. была установлена фашистская диктатура, Гитлер стал рейхсканцлером, а вскоре - после смерти президента П. Гинденбурга - объявил себя главой государства.

В. Соколов не посчитался и с тем, что в 1928 г., когда состоялся шестой конгресс Коминтерна, Сталин единолично не командовал им, тем более не руководил он коммунистической партией Германии, которую возглавлял выдающийся политический деятель Э. Тельман. Кстати укажем: В. Брюханов поддержал ложь предателя В. Резуна-Суворова о том, что "еще до 1933 года Сталин планировал разгром Германии, а потому способствовал приходу к власти Гитлера. Ведь Тельман, который вполне мог поступить по отношению к СССР, как потом поступил Гитто, устраивал Сталина меньше" (Литературная Россия. .17.05. 2002). Никаких реальных фактов о таком непостижимо глупом "планировании" никто привести не может.

Гитлеровские постулаты в "Майн Кампф" отражали старые - наиболее оголтелые - идеи экстремистских кругов юнкерски-буржуазного империализма конца XIX - начала XX в. Это и план создания "Срединной Европы" под руководством Германии, и традиционные идеи "Дрангах Остен", и программа завоеваний, выдвинутая в "Меморандуме германских профессоров" (08.07. 1915), в которой планировался захват Северо-Восточной Франции, Бельгии, Голландии,

Польши, Балкан, Прибалтийских государств, Украины, Кавказа, Ближнего Востока, Индии, большей части Африки, Центральной и Южной Америки.

В 1915 году Гинденбург, Людендорф и другие руководители германской армии выдвинули идею заключить сепаратный мир на Западе и ударить всей мощью по России, сделать ее главным объектом немецкой экспансии. В то время появился меморандум Секта, идеи которого совпадают с внешнеполитической частью гитлеровской идеи в "Майн кампф". В нем предлагалось: "Сепаратный мир с Францией и Бельгией, - на основе сохранения статус кво. Затем все сухопутные вооруженные силы против России. Завоевание 10 мил. кв. миль, изгнание всего населения, за исключением немцев, конечно. ... мы не должны разбрасываться по всему миру, мы должны сосредоточить все наши усилия в Европе. Создать Восточную империю".

А. Гитлер говорил: "Чем для Англии была Индия, тем для нас станет восточное пространство... Колонии - владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей". Он долгое время надеялся сделать Англию своей союзницей, в 20-е годы считал, что "двумя единственно возможными союзниками Германии являются Англия и Италия". Захватив в 1933 году власть в Германии, Гитлер сразу стал проводить откровенную политику реваншизма и экспансии. В дневнике Й. Геббельса, министра пропаганды, близкого его соратника по партии, зафиксировано: "18 августа 1935 г. ...Фюрер счастлив. Рассказал мне о своих внешнеполитических планах: вечный союз с Англией. Хорошие отношения с Польшей. Зато расширение на Востоке.... 9 июня 1936 г. фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет. Тогда настанет и наш великий час. Тогда мы запасемся землей на сто лет вперед". Вот главная цель гитлеровской политики: расширить жизненное пространство Германии за счет земель России.

Летом 1939 г. была возможность остановить откровенную экспансию германского фашизма, если бы правители Англии и Франции были более дальновидными, не стремились столкнуть Германию с Советским Союзом. Английский военный историк Б. Лиддел Гарт, автор книги "Вторая мировая война" (2002), заметил: "В английских правительственных кругах выдвигалось немало предложений относительно того, чтобы позволить Германии осуществить экспансию в восточном направлении и таким образом отвести опасность от Запада. Эти круги доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести жизненное пространство и давали ему понять это" (С. 22). Это узколюбое стремление завладело умами большей части британской правящей элиты. Премьер С. Болдуин в 1936 году говорил: "Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы эта драка была между большевиками и нацистами". Английский консерватор лорд Ллойд заявил: "Мы предоставим Японии свободу действий против

СССР. Пусть она расширит китайско-маньчжурскую границу до Ледовитого океана и присоединит дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на Восток и тем самым обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии. Таким образом можно будет отвлечь от нас Японию и Германию".

В мае 1937 года английское правительство возглавил консерватор Н. Чемберлен, ярый сторонник политики сговора с Германией. Министр иностранных дел Англии лорд Галифакс 19 ноября 1937 г. договорился с Гитлером выступать "единым фронтом" против большевизма. По словам Л. Гарта, "Чемберлен питал чувство глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс - религиозную антипатию". "Преградив дорогу коммунизму, Гитлер оказал неоценимую услугу не только Германии, но и всей Западной Европе, а потому вполне оправданно видеть в Германии стену, сдерживающую наступление большевизма на Запад", - говорил в 1938 году Галифакс. Союзниками Чемберлена и Галифакса в откровенном попустительстве агрессивным планам Гитлера стали руководители раздираемой внутренними раздорами Франции премьер-министр Даладье и министр иностранных дел Ж. Бонне.

Чтобы эффективнее противостоять агрессивным притязаниям Германии, в 1935 году был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией. А что было потом? Беззастенчиво нарушив условия Версальского мира, Германия в марте 1936 году ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону.

Американский историк и журналист У. Ширер писал в своей книге "Взлет и падение третьего рейха" (1991): "...оккупация Рейнской зоны - совсем незначительная военная операция - открывала, как понимал Гитлер, а кроме него только Черчилль, новые возможности в потрясенной Европе, поскольку стратегическая обстановка коренным образом изменилась после того, как три немецких батальона перешли через Рейн. ...пассивность Франции и отказ Англии поддержать ее хотя бы действиями, которые носили бы чисто полицейский характер, обернулись для Запада катастрофой, положившей начало серии других катастроф, более масштабных. В марте 1936 года две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили. Для Франции это явилось началом конца. Ее восточные союзники - Россия, Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия были поставлены перед фактом: Франция не будет воевать против Германии в случае её агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над созданием которой она так кропотливо трудилась".

У. Ширер в содержательном двухтомном труде стремился более или менее объективно осветить историю гитлеровского режима, причины возникновения и хода Второй мировой войны. Он использовал секретные государственные архивы Германии: министерства иностранных дел, штабов верховного командования вермахта (ОКВ), сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных (ОКЛ) и военно-морских (ОКМ), национал-социалистской партии и тайной полиции Г. Гиммлера, изучил материалы конференций и совещаний, переписку нацистских главарей, дневники дипломатов, политиков и генералов, воспоминания лиц из окружения Гитлера, показания обвиняемых и свидетелей на Нюрнбергском процессе.

План захвата Австрии Гитлер утвердил 24 июня 1937 г. 12 марта 1938 г. германские войска при попустительстве Англии, Франции и США оккупировали её. Только СССР осудил этот неприкрытый акт агрессии. Не получив никакого отпора от западных государств, Гитлер после этого незамедлительно предъявил претензии на Судетскую область Чехословакии. 23 апреля её посланник в Москве сообщил в Прагу: "СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией принять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии". 26 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, повторив это, добавил: "Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции".

Французское правительство, сделав вслед за Англией, определяющей ставку на сговор с Германией, не стало согласовывать свою политику, касающуюся чехословацкой проблемы, с Советским Союзом. Английский премьер-министр Н. Чемберлен настойчиво искал возможности полюбовно договориться с Берлином. Гитлеру стало ясно, что он не хотел - совместно с другими ведущими державами - искать реальные пути, которые стали бы серьезно сдерживать захватнические действия Германии в будущем. Когда 30 сентября 1938 г. на заседании чехословацкого правительства обсуждался вопрос, подчиняться ли принятым в Мюнхене решениям, главный аргумент в пользу капитуляции был такой: "Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдет война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой" (Документы внешней политики СССР. Т. XXI. 1 января - 31 декабря 1938 г. М. 1977. С. 554).

17 марта 1938 года советское правительство предложило созвать международную конференцию под эгидой Лиги Наций или вне ее для обсуждения мер, которые могли бы предотвратить дальнейшую агрессию Гитлера. 24 марта Чемберлен в палате общин публично отклонил это предложение: "Такие действия неизбежно приведут к тому, что усилится тенденция к образованию групп государств... что само по себе враждебно перспективам мира в Европе". Он от-

казался и от предложения, по которому Британия гарантировала бы помощь Чехословакии в случае нападения на нее, более того, он не обещал помогать Франции, если ей понадобится бы выполнить взятые на себя обязательства по франко-чешскому пакту. После такого откровенно капитулянтского заявления у Гитлера были все основания не сомневаться в том, что не только Англия останется в стороне, если он использует военную силу для решения судьбы судетских немцев, но и Франция, не заручившись поддержкой Англии, отступит перед агрессивным напором Германии. Он знал, что по условиям пактов, заключенных с Францией и Чехословакией, СССР был обязан прийти на помощь Чехословакии только в том случае, если Франция первой окажет ей такую помощь.

Гитлер, выступая перед своими генералами 5 ноября 1937 года, подчеркнул, что обрушиться на чехов следует молниеносно и что произойти это может уже в 1938 г. Весной 1938 года правительства Англии и Франции начали настойчиво добиваться от Чехословакии уступок судетским немцам, которые, если быть объективным, не испытывали непоправимой дискриминации со стороны чешских властей. 3 мая германский посол в Лондоне Герберт фон Дирксен сообщил в Берлин, что лорд Галифакс уведомил его о демарше, который британское правительство намерено вскоре предпринять в Праге, "чтобы убедить Бенеша удовлетворить максимум требований судетских немцев". 7 мая английский и французский министры в Праге, как докладывал германский посол в Берлин, стали принуждать правительство Чехословакии "пойти на крайние уступки" в деле удовлетворения их требований.

Чехословацкое правительство сначала не собиралось безропотно поднимать руки вверх. 20 мая на экстренном заседании кабинета под председательством президента Э. Бенеша было решено провести частичную мобилизацию. Это привело Гитлера в ярость. 30 мая 1938 года он подписал директиву о "неуклонном решении разгромить Чехословакию с помощью вооруженных сил в ближайшем будущем" (Нюрнбергский процесс... Т. 7. С. 338). Если бы тогда началась война, то, как впоследствии заявляли немецкие генералы, хорошо знающие положение дел, Германия проиграла бы её, причем быстро. Они основательно опровергали аргументы защитников политики Чемберлена и Даладье, утверждавших, что Мюнхен спас Запад не только от войны, но и от поражения в войне, в частности спас Лондон и Париж от полного разрушения в результате бомбардировок люфтваффе.

Когда на суде в Нюрнберге спросили генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, какова была реакция немецких генералов на подписание Мюнхенского соглашения, он ответил: "Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления чешских пограничных укреплений. С

чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию". Сам Гитлер, познакомившись с чешскими укреплениями, говорил К. Буркхардту, верховному комиссару Лиги Наций в Данциге: "То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас - мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план. Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали".

12 сентября, когда на партийном съезде Гитлер метал угрозы в адрес Чехословакии, начальник штаба французских сухопутных войск генерал Гамелен уверял премьера Даладье, что если дело дойдет до войны, то "страны демократии продиктуют условия мира". Ширер отметил: "В разгар чешского кризиса... Гамелен, сопровождавший главу своего правительства в Лондон, 26 сентября повторил свои заверения Чемберлену и постарался подкрепить их анализом военной обстановки. Он стремился расшевелить не только британского, но и своего премьер-министра. Это ему, по всей видимости, не удалось. В конце концов, перед тем как Даладье отбыл в Мюнхен, Гамелен объяснил ему, на какие территориальные уступки в Судетской области можно пойти, не опасаясь за безопасность Франции, объяснил, что основные чешские укрепления, важные в стратегическом отношении железные дороги, предприятия оборонной промышленности нельзя отдавать немцам. ...добавлял, что ни в коем случае нельзя позволять немцам отрезать Моравский коридор. Совет сам по себе неплохой, но только в том случае, если Чехословакия понадобится бы Франции в войне против Германии. А Даладье на это не решался".

Главы правительств Англии и Франции знали, что попытка захватить Чехословакию военным путем приведет Германию к поражению. Почему же они пренебрегали национальными интересами своих стран, проводили пресловутую политику "умиротворения", опасных уступок агрессору, что привело к роковому мюнхенскому сговору? Главный ответ состоит в том, что в Англии и Франции господствовали антисоветские настроения, стремление разрешить свои противоречия с Германией за счет СССР. Пагубную роль в это время играла и политика США. Американский посол в Париже советовал Франции отказать в помощи Чехословакии. Государственный секретарь США С. Уэллес предупредил премьера Даладье, что Франции нельзя ввязываться в войну с Германией из-за Судетской области. Если же это случится, что США не дадут Франции "ни одного солдата, ни одного су кредита".

19 сентября Праге вручили англо-французское требование передать Германии районы, населенные судетскими немцами. Президент Чехословакии Бенеш обратился за помощью к СССР и получил положительный ответ. 21 сентября М. Литвинов на заседании совета Лиги Наций сказал о готовности СССР выполнить взятые на себя обязательства. Маршал А. Василевский в книге "Дело всей жизни" (М. 1984) сообщает: "В сентябре 1938 г., когда над Чехословакией на-

висла опасность, а мы еще не знали, что мюнхенское предательство сорвет её оборону, и собирались оказать ей, вместе с Францией, как это предусматривалось договором, помощь, - штаб КОВО получил директиву наркома К.Е. Ворошилова привести в боеготовность Винницкую армейскую группу и вывести её к государственной границе СССР" (С. 92).

Но Франция и Англия изо всех сил давили на чехословацкое правительство, которое не хотело отдать Германии Судетскую область. Черчилль в труде "Вторая мировая война" писал: "В 2 часа ночи на 21 сентября английский и французский посланники в Праге посетили президента Бенеша, чтобы фактически уведомить его о том, что нет надежды на арбитраж на основе германо-чехословацкого договора 1925 г., и чтобы призвать его принять англо-французские предложения, "прежде чем вызвать ситуацию, за которую Франция и Англия не могут взять на себя ответственность". Французское правительство, по крайней мере, достаточно стыдилось этого уведомления и предложило своему посланнику сделать его только в устной форме". Другие источники конкретизируют содержание этого ультиматума: "Если война возникнет вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого участия, и в этом случае ответственность за провоцирование войны полностью падет на Чехословакию. Если чехи объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне".

Как вытекает из этого заявления, Лондон и Париж не исключали, более того, желали осуществить крестовый поход против СССР. В Чехословакии развернулись стихийные манифестации, началась всеобщая забастовка. 23 сентября в ней объявили всеобщую мобилизацию. В этой критической обстановке близорукие правители Англии и Франции 26 сентября согласились с территориальными требованиями Гитлера. Бенеш колебался, метался, но все-таки мужество покинуло его, и он сдался перед общим натиском Гитлера, Англии и Франции. Впоследствии он писал: "Поведение Советского Союза в отношении нас свидетельствовало о том, что он выполнил бы все свои обязательства и обещания и с этой целью ускорил свои военные приготовления". СССР, открыто выступив в защиту Чехословакии, оказался после этого фактически в международной изоляции.

Одну из главок в книге "Вторая мировая война" Черчилль назвал "Мюнхенская трагедия". Он провидчески заявил в печати 21 сентября 1938 г.: "Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции".

На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Кейтель сказал: "Я уверен в одном: если бы политическая обстановка не была благоприятной после... Мюнхена, мы никогда не проникли бы в Чехословакию. Я твердо убежден в том, что, если бы Даладье и Чемберлен заявили в Мюнхене: "Мы выступим", - мы ни в коем случае не приняли бы военных мер. Мы не имели средств для прорыва Богемской линии Мажино. У нас не было войск на западе". Но у недалеких правителей Англии и Франции, парализованных классово-слепотой и сильным антисоветизмом, как отмечалось, были иные цели. 29-30 сентября на конференции в Мюнхене, в которой участвовали Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини, судьба Чехословакии была решена. Это был по своей сути военно-политический сговор не только против нее, но и против СССР, советских представителей даже не пригласили в Мюнхен. Подталкивая Германию к походу на Восток, английский премьер Чемберлен перед отлетом после Мюнхенского соглашения заявил Гитлеру: "Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах".

Позорное Мюнхенское соглашение, когда Франция и Англия цинично отдали Чехословакию на растерзание Гитлеру, лишив ее пятой части территории, половины тяжелой промышленности, резко изменило политическую и стратегическую обстановку в Европе, нанесло колоссальный удар по политике коллективной безопасности, стало решающим шагом к Второй мировой войне.

14 марта 1939 года Германия оккупировала Чехию (это серьезно не повлияло на умонастроение и позиции Чемберлена), 22 марта захватила Клайпедскую область Литвы и предъявила ультиматум Польше о Данциге и "коридоре". К этому времени Германия существенно увеличила - за счет первоклассных военных заводов Чехословакии - свой военно-промышленный потенциал.

Кое-кто из исследователей пытается уверить читателей, что "Гитлер меньше всего хотел начинать еще одну "большую войну". "Народ Германии и особенно немецкие генералы не были готовы пойти на подобный риск: их пугал опыт первой мировой войны. ...Гитлер, несмотря на свою в высшей степени неразборчивость в средствах, долгое время был осторожен в достижении своих целей", - утверждал генерал-лейтенант З. Вестфаль в сборнике "Роковые решения". Каким же образом - без "большой войны" - Гитлер намеревался увеличить "жизненное пространство" Германии за счет России? Или он решил расстаться с этой своей заветной мыслью? Но нет никаких серьезных доказательств, подтверждающих такое легковесное предположение.

Западные враги России, доморощенные российские либеральные публицисты-антисоветчики предусмотрительно "забывают" о позорном Мюнхенском сговоре европейских

демократий, когда ищут виновников возникновения войны, и бесстыдно - не считаясь с реальными историческими фактами - перекалывают ответственность за это на советское правительство.

Глава 5. Какова роль Польши в развязывании войны?

Ю. Мухин в книге "Крестовый поход на Восток" безоговорочно назвал Польшу "агрессором, начавшим Вторую мировую войну в Европе". Так ли это? Не забыл ли он о злобещей роли Гитлера и милитаристов Германии? Вторая мировая война началась в результате отказа Польши удовлетворить ультимативные германские требования. Согласно им надо было передать "вольный город Данциг" Третьему рейху, дать разрешение на постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, которые свяжут Восточную Пруссию с основной частью Германии.

Западные демократии сеяли у поляков иллюзии о том, что в случае войны они окажут Варшаве должную помощь. 31 марта 1939 г. в палате общин премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен заявил: "...в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтёт необходимым оказать сопротивление своими национальными вооружёнными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом. Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества" (Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. Т.1. 29 сентября 1938 г. - 31 мая 1939 г. М. 1990. С. 351)

14 - 19 мая 1939 г. в ходе франко-польских переговоров Франция пообещала в случае нападения Гитлера на Польшу "начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации" (Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М. 2004. С. 302). Англо-польские переговоры 23-30 мая привели к тому, что Лондон заявил о своей готовности предоставить Варшаве 1300 боевых самолётов для польских ВВС и предпринять воздушные бомбардировки Германии в случае войны. Эти обещания были целенаправленно спланированным обманом, а кичливое польское руководство наивно верило им. Оно самонадеянно полагало, что Гитлер не решится начать войну, лелеяло планы создания великой Польши, с алчной глупостью ждало того времени, когда можно будет захватить Украину и Белоруссию.

Анализируя военно-политическую обстановку в Европе в 1939 г., Л. Гарт посчитал: "Единственная возможность избежать войны заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой

России, единственной державы, которая могла оказать Польше непосредственную помощь, и таким образом сдержать Гитлера" (С. 27). Но это претило британским консерваторам. По словам А. Тейлора, "англичане с ужасом отшатнулись" от предложения заключить договор с Советским Союзом: "война, в которой они бы сражались на стороне Советской России против Германии, для них была немыслима" (Вторая мировая война: два взгляда. М. 1995. С. 397).

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) в отчетном докладе И. Сталин предупредил западных правителей: "Опасная и большая политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом". Это предвидение полностью сбылось.

Правители Великобритании и Франции, понимая, что военно-политическая обстановка складывается не так, как хотелось бы им, предложили советскому правительству взять на себя обязательство: в случае вовлечения их в военные действия оно оказало бы "немедленное содействие, если оно будет желательным". 15 апреля Англия и Франция дали гарантии Польше, Греции и Румынии. Оценивая требования Англии об односторонних обязательствах СССР, И. Сталин рекомендовал В. Молотову запросить мнения полпредов о них. И. Майский написал: "Мне уже не раз приходилось указывать на то, что "душа души" Чемберлена в области внешней политики сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран".

Советские руководители резонно посчитали, что "должен быть создан единый фронт взаимопомощи между тремя державами на принципах взаимных и равных обязательств. Там, где нет взаимности, нет возможности наладить настоящее сотрудничество". В. Молотов на сессии Верховного Совета 31 мая отметил серьезное ухудшение международного положения и подчеркнул, что основой соглашения должен быть "принцип взаимности и равных обязанностей". 26 июня советский посол в Лондоне Майский сообщил наркому иностранных дел Молотову: "Бивербрук вчера говорил мне, что война близка и что она, вероятно, начнется нынешней осенью... Риббентроп убедил Гитлера, что Англия и Франция не способны к серьезной войне и что из переговоров о тройственном союзе ничего не выйдет".

Чемберлен все еще лелеял свою мечту о том, что Гитлер поведет свои войска на завоевание восточных территорий. В середине июля 1939 года английские и германские представители вели в Лондоне переговоры, которые по своей военно-политической направленности носили антисоветский характер. Обстановка все больше накалялась, но английское и французское правительства не хотели заключить равноправный договор с Советским Союзом. Для того, чтобы хитроумно возродить уже полностью провалившуюся "политику умиротворения", они пытались создать видимость переговоров, искали приемлемый для них путь к сделке с обнаглевшим аг-

рессором, заставить Польшу пойти навстречу германским требованиям. Они хотели заключить договор, похожий на мюнхенский.

Л. Безыменский в книге "Гитлер и Сталин перед схваткой" отметил, что он "долгое время склонялся к переоценке угрозы "второго Мюнхена", теперь посчитал, что "мюнхенские настроения" и спекуляции на них были для Гитлера лишь умелым маневром, в котором он шантажировал и Англию, и Польшу, и Советский Союз". Безыменский критикует советскую историографию, "которая в угрозе "второго Мюнхена" видела оправдание решения Сталина сорвать переговоры с Англией и Францией и пойти на предложение Гитлера". Он посчитал, что Сталин осуществил "второй Мюнхен", пытаясь "обыграть Гитлера с целью выигрыша жизненно для СССР необходимого времени на реконструкцию Красной Армии и воссоздание ее былой мощи". Это заключение оправдывает позиции правительств Англии и Франции, а именно они сорвали заключение договора с СССР. Сталин в той опаснейшей обстановке нашел единственно верный выход, сумел использовать противоречия западных стран для того, чтобы расколоть их и не допустить их объединения в борьбе с СССР.

Посол Германии Дирксен 24 июля 1939 года доложил своему министру иностранных дел Риббентропу, "что достижение соглашения с Германией является для Англии все еще самой важной и желанной целью". Самый проникательный буржуазный политик того времени У. Черчилль, трезво оценивая обстановку, резко критиковал пагубную для самих западных демократий политику Чемберлена и Галифакса: "Ясно, что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками -- фронтом мира, -- могут привести к успеху. ...Наше правительство должно понять, что ни одно из этих государств Восточной Европы не сможет продержаться, скажем, год войны, если за ними не будет стоять солидная и прочная поддержка дружественной России в сочетании с союзом западных держав".

Правительство Англии, стремясь усыпить встревоженное общественное мнение, в начале августа приняло советское предложение начать военные переговоры. 11 августа 1939 г. английская и французская миссии прибыли в Москву для переговоров, не имея полномочий заключить военное соглашение (английскому адмиралу Драксу документ прислали лишь к концу переговоров). Уже это не могло внушать серьезного доверия к целям, поставленным перед ней правительствами Англии и Франции. Советская делегация во главе с наркомом обороны К. Ворошиловым представила развернутый план возможных военных действий против агрессора. "...из рассекреченных недавно Службой Внешней Разведки (СВР) России документов следует, что буквально дней за десять до заключения Пакта и за две недели до официального начала войны,

т.е. до 01.09.39 г., И. Сталин встречался с представителями делегаций Англии и Франции, предложив не только заключить трехсторонний договор о взаимопомощи на случай агрессии, но и перебросить к границе Германии до миллиона солдат, чтобы не допустить, сдержать очевидные агрессивные устремления Германии" (А. Пивоваров).

По словам английского дипломата Г. Феркера, "задолго до прибытия британской военной миссии английское посольство в Москве получило инструкцию правительства, в которой указывалось, что переговоры ни в коем случае не должны закончиться успешно". В секретном наставлении для английской делегации говорилось, что "британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах". 8 августа 1939 г. посольство США в Англии сообщило в Вашингтон: "Военной миссии, которая в настоящее время отправляется в Москву, было дано указание приложить все усилия, чтобы продлить переговоры до 1 октября".

Переговоры зашли в тупик. 21 августа адмирал Дракс предложил отложить переговоры на 3-4 дня, поскольку не был получен ответ на вопрос о пропуске и действиях советских войск на территориях Польши и Румынии. Министр внутренних дел США Г. Икес пришел к выводу: "Чемберлен... надеется, что Гитлер в конце концов решит двигаться на Восток, а не на Запад. Вот почему он медлит в отношении соглашения с Россией". Гарт имел основания обвинить английское правительство в срыве московских переговоров и создании условий, подготовивших заключение советско-германского пакта о ненападении. О нем он писал: "...при рассмотрении положения в Европе в последующие годы нельзя сказать с такой уверенностью, как в 1941 году, что меры, предпринятые Сталиным, нанесли ущерб России. Западу же все это нанесло неизмеримый урон" (С. 28).

Ю. Мухин призвал не ставить на одну доску Англию и Францию: "В действительности же категорически против военного союза с СССР была только тогдашняя Англия, которая стремилась использовать стремление СССР к военному союзу с нею для того, чтобы вынудить Гитлера учитывать имперские амбиции Великобритании". Но сущая беда заключалась в том, что французское правительство на практике не проявляло должной самостоятельности, в своей внешнеполитической деятельности послушно плелось в хвосте английских хитросплетенных замыслов.

Когда Чехословакию настойчиво принуждали к капитуляции, Чемберлен стремился объяснить Гитлеру позицию Великобритании: "...исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти

решение, приемлемое для всех кроме России" (Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М. 1989. С. 191). "Кроме России" - эта фраза подчеркивает, чего жаждал Чемберлен, который вынашивал план создать англо-германский союз. 29 июня 1939 года Галифакс от имени своего правительства выразил готовность договориться с немцами по всем вопросам, "внушающим миру тревогу". Предварительный зондаж проводили видные члены консервативной партии, предлагавшие "Гитлеру разделить мир на две сферы влияния: англо-американскую на Западе и германскую - на Востоке". Зная, что не позже сентября вермахт нападет на Польшу (11.04. 1939 г. Гитлер подписал "план Вайс" - о подготовке войны против нее), Англия решила пожертвовать ею, чтобы расчистить дорогу Германии на восток.

Начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер (он занимал этот пост с 14.08.1939 по 24.09.1942 гг., часто встречался с Гитлером) записал в служебном дневнике 14 августа 1939 года: "Англичанам дано понять, что фюрер после разрешения неизбежного для Германии польского вопроса еще раз обратится к Англии с предложениями. В Лондоне поняли. Париж также знает о нашей решимости. Поэтому весь большой спектакль приближается к своему концу... Англия уже теперь зондирует почву на предмет того, как фюрер представляет себе дальнейшее развитие обстановки после разрешения польского вопроса". В дневнике Гальдера: "28.08. 1939 г. 13 час. 30 мин. Визит Н. Гендерсона (посол Великобритании в Германии) к фюреру. Вручение памятной записки. Н. Гендерсон: "Нет никакой основы для переговоров. Фюрер не обидится на Англию, если она будет вести мнимую войну". Стоит запомнить эту мысль о "мнимой войне".

Чемберлену и его сторонникам противостояли более дальновидные английские политики - Черчилль, Иден и другие, видевшие главную опасность в Гитлере, а не в политике большевиков. 4 мая 1939 г., комментируя предложение о союзе, сделанное СССР англичанам, Черчилль писал: "Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение. Английский народ, который ...принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства - Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитываемыми, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь".

Многое тогда зависело от политики польских правителей. 20 июня 1939 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек поручил своему заместителю Арцишевскому встретиться с

германским послом в Варшаве фон Мольтке и заверить последнего, что польское правительство не заключит "никакого соглашения с Советами" (Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С.17). Примечательно то, что польско-английский договор от 25 августа 1939 года "имел секретное приложение, в котором, в частности, Литва объявлялась сферой интересов Польши, а Бельгия и Голландия - Великобритании".

Польское правительство категорически отказывалось от советской помощи в случае германской агрессии. Министр иностранных дел Франции, наконец осознав, что она попадает в зловещую немецкую ловушку, посчитал 22 августа 1939 г. необходимым "попробовать предпринять в самом срочном порядке новые усилия перед маршалом Рыдз-Смиглы с целью устранить, пока еще есть время, единственное препятствие, которое вместе с тем мешает заключению трехсторонних соглашений в Москве". На самом деле уже не было времени, чтобы можно было решительно изменить твердолобую политику Польши, заставить ее трезво оценить опаснейшую ситуацию.

Черчилль так охарактеризовал обстановку 1939 года: "Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60--70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур. Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. ...И вот теперь, когда все эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши - той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства" (Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 156).

Гитлер не сомневался в том, что Англия и Франция бросят Польшу на произвол судьбы, и решил использовать их планы в своих далеко идущих целях. 11 августа 1939 года Гитлер в беседе с комиссаром Лиги Наций в Данциге К. Буркхардтом указал: "Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами". 22 августа 1939 г. на совещании с военными подчеркнул, заявив о своем решении начать войну с Польшей, Гитлер сказал: "Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому" (Гальдер Ф. Т. 1. С. 135). Он подчеркнул: "Несчастных червей - Даладье и Чемберлена - я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас... Польша будет опустошена и заселена немцами...".

Генерал З. Вестфаль в сборнике статей "Роковые решения" признал: "Основным роковым решением было то, которое исходило из ошибочного предположения Гитлера, что западные державы позволят ему уничтожить Польшу, не заступившись за своего союзника. Как только было принято решение о вторжении в Польшу, решилась и наша судьба". Генерал Г. Гудериан в "Воспоминаниях солдата": "Гитлер и его министр иностранных дел были склонны считать, что западные державы не решатся начать войну против Германии и у нее поэтому развязаны руки для осуществления своих целей в Восточной Европе" (С. 89). Генерал К. Типпельскирх в своей "Истории второй мировой войны" писал об убежденности Гитлера в том, что Англия и Франция не решатся напасть на Германию, если она обрушится на Польшу: "Когда Гитлеру перевели ультиматум английского правительства, он точно окаменел - он понял, что ошибался относительно возможной реакции англичан и действовал слишком неосторожно" (С. 8). Он после продолжительного молчания спросил Риббентропа: „Что же теперь будет?“

Первого сентября 1939 года Германия стремительно вторглась в Польшу. Англия и Франция, объявив 3 сентября войну Германии, не вели против нее активных боевых действий, на что очень надеялась Польша, которая под ударами немецких войск стала рассыпаться как картонный домик. Дав публичное обязательство защищать ее, Англия и Франция цинично предали свою союзницу, удивительно спокойно наблюдая, как немецкие соединения крушат польскую армию.

Поляки явно преувеличивали тогда свои военные возможности. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне 18 августа 1939 года заявил: "Не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!" Г. Иссерсон писал в работе "Новые формы борьбы" (1940) о главной ошибке польского командования: "На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами".

Ф. Гальдер занес 7 сентября 1939 года в свой дневник: "Кое-какие факты говорят о том, что западные державы не хотят войны... Французский кабинет отнюдь не настроен на решительность и героизм". Начальник английского генштаба полагал, что Польша сможет продержаться против Германии минимум полгода. Главнокомандующий французской армией 31 августа выразил надежду, что поляки смогут долго противостоять немцам, "сражаться до весны 1940 года". В 2007 г. американец Р. Пайс оправдывал поведение британцев и французов в сентябре 1939 года тем, что "у них не было ни сил, ни возможностей" помочь тогда Польше". Наш публицист Г. Рычков посчитал основной причиной позорного бездействия западных союзников Польши то, что Франция "не смогла отмобилизовать армию и перевести экономику на военные рельсы" (Правда России. № 23. 2001).

Весомые факты опровергают эти версии. М. Мельтюхов в книге "Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941 гг." (2002) писал: "Сил для наступления было вполне достаточно. К началу сентября 1939 года французские войска на германской границе насчитывали 3253 тыс. человек, 17,5 тыс. орудий и миномётов, 2850 танков, 1400 самолётов первой линии и 1600 в резерве. Кроме того, против немцев могли быть задействованы свыше тысячи английских самолётов. Им противостояли 915 тыс. германских войск, имевших 8640 орудий и миномётов, 1359 самолётов и ни одного танка" (С. 82).

Английский историк Д. Кихме в своей книге "Несостоявшаяся битва" (1967) утверждал, что Франция и Англия, начав боевые действия против Германии, одержали бы решающую победу. Но они отказались дать "именно то сражение, которое покончило бы с войной, а возможно, и с самим Гитлером осенью 1939 года". Генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в книге "Утерянные победы" отметил, что "французская армия с первого дня войны во много раз превосходила немецкие силы, действующие на Западном фронте". А. Тейлор подчеркнул: "Если бы французы предприняли наступление, у немцев не было бы возможности сопротивляться". З. Вестфаль заключил: "Если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны". Генерал-полковник А. Иодль, начальник штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ), на Нюрнбергском процессе признал: "Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и анг-

лийских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными".

Посетивший линию фронта французский писатель Ролан Доржелес, в то время военный корреспондент, удивился царившей там тишиной: "Артиллеристы, расположившиеся у Рейна, смотрели, сложа руки, на немецкие колонны с военным снаряжением, передвигавшиеся на другом берегу реки, наши лётчики пролетали над огнедышащими печами заводов Саара, не сбрасывая бомб. Очевидно, главной заботой высшего командования было не провоцировать противника". 8 сентября весьма встревоженный польский военный атташе во Франции полковник Фыд доложил в Варшаву: "До 7.9.39 10 часов на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно также нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше". (История Второй мировой войны. М. 1974. Т. 3. С. 25). Польские военные представители 9 сентября 1939 г. на встрече с начальником английского имперского генерального штаба фельдмаршалом Э. Айронсайдом узнали, что вообще не существует британского плана военной помощи Польше.

Ширер на вопрос "Почему же французская армия, располагавшая на Западе подавляющим превосходством... не предприняла наступление, как письменно обещали генерал Гамелен и французское правительство?" ответил: "Было много причин: пораженческие настроения французского высшего командования, правительства и народа; память о том, как была обескровлена Франция в первую мировую войну, и стремление при малейшей возможности не допустить подобной бойни; осознание, что к середине сентября польские армии будут окончательно разгромлены и немцы вскоре смогут перебросить свои превосходящие силы на Запад и остановить первоначальное продвижение французов; страх перед немецким превосходством в артиллерии и авиации. Французское правительство с самого начала настаивало на том, чтобы английские военно-воздушные силы не бомбили объекты в самой Германии, опасаясь, что в качестве ответной меры немцы могут нанести бомбовые удары по французским заводам, хотя бомбардировка Рура, индустриального сердца рейха, могла обернуться для немцев катастрофой. ...На вопрос о том, почему Франция не выступила против Германии в сентябре, наиболее обоснованный ответ дал Черчилль. "Это сражение ... было проиграно несколько лет назад. В Мюнхене в 1938 году; во время занятия Германией Рейнской области в 1936 году, за год до того, как Гитлер ввел воинскую повинность, игнорируя условия Версальского мирного договора. Теперь подошло время расплаты за горестное бездействие союзников, хотя в Париже и Лондоне, казалось, думали, что этой расплаты можно избежать".

Будущий президент Франции Шарль де Голль, выдающийся политический и военный деятель, писал: "...когда в сентябре 1939 года французское правительство... решило вступить в уже начавшуюся к тому времени войну в Польше, я нисколько не сомневался, что в нем господствуют иллюзии, будто бы, несмотря на состояние войны, до серьезных боев дело не дойдет", тогда во Франции "некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере, они были озабочены тем, как нанести удар по России" (Вторая мировая война в воспоминаниях. М. 1960. С. 196).

И после первого сентября 1939 г. и первой половины 1940 г. правители Англии и Франции, ведя пресловутую "странную войну", все еще считали основным противником не Германию, а Советский Союз. Они не хотели отказываться от политики "умиротворения Гитлера", не расстались со своими заветными надеждами столкнуть Германию и СССР.

Выступая 4 октября 1939 года в палате общин, британский министр иностранных дел Галифакс выказал неудовольствие тем, что Гитлер, заключив пакт о ненападении со Сталиным, поступил вразрез всей своей прежней политике. Французский политолог Р. Арон безоговорочно оправдывал Мюнхенский сговор и даже позорную капитуляцию Франции в 1940 года. Почему? Да только потому, что она помогла "бросить немцев в направлении их восточных притязаний". А если бы Франция не была разбита, то "нападение на Советский Союз совершенно было бы отложено". Национальные интересы своего народа и государства для подобных деятелей - сущие пустяки, самое главное - существенно ослабить, расчленив СССР. Главная причина удивительного бездействия Франции в то время коренилась в подорванности национального духа народа, особенно господствующих кругов в ней, они стали поразительно мало ценить государственную самостоятельность своей страны.

Кое-кто полагает, что договору с Германией была серьезная альтернатива: если бы Советский Союз не подписал его, то мировая война не началась бы. Но гитлеровское руководство еще 3 апреля 1939 года решило напасть на Польшу не позднее 1 сентября, "никаких оснований считать, будто советско-германский пакт о ненападении был решающим шагом к развязыванию второй мировой войны, действительно нет" (М. Наринский). Война разразилась бы вне зависимости от судьбы этого договора. Однако историк В. Дашичев рассудил: "Если бы война началась в сентябре без наличия пакта 1939 года, она бы не развивалась так неблагоприятно для нас, потому что Гитлер был бы зажат в тиски с двух сторон - с запада и востока. Фактор Советского Союза действовал бы на Гитлера и не позволил бы ему добиться столь быстрой победы даже над Польшей" (Комсомольская правда. 08.08. 1989). Но Дашичев предусмотрительно не попытался ответить на закономерные вопросы: каким образом дал бы себя серьезно знать этот "фак-

тор"? Откуда появились бы у Польши существенные дополнительные силы? Хорошо ли он понимал положение и возможности СССР в то время?

Генерал Д. Волкогонов в своей книге "Триумф и трагедия" писал, что стремление Сталина "любой ценой уберечься от пламени войны сопровождалось идеологической уступкой Гитлеру". Да, были в известной мере эти уступки. Но этого требовали интересы безопасности Советского Союза. Волкогонов порицал Сталина за то, что СССР не помешал "Гитлеру в нападении на Польшу", но не сказал, как можно было это сделать.

В. Резун-Суворов писал, что Сталин мог предотвратить мировую войну, для этого ему надо было объявить: СССР будет защищать территорию Польши, ставшей жертвой Второй мировой войны, как свою собственную. 5 мая 2005 года польский сейм обратился к правительству России с требованием осудить Сталина за то, что в 1939 г. он поддержал Германию в войне против Польши. Не поддержал. Сейм почему-то совсем "забыл", что перед этим Польша приняла активное участие в подлом разделе Чехословакии, заняла недальновидную антисоветскую политику.

Черчилль так оценил поведение правителей Польши: "Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться".

Сразу после заключения Мюнхенского соглашения 30 сентября польское правительство направило чешскому правительству ультиматум, в котором потребовало немедленной передачи ему пограничной Тешинской области, в ней в 1938 г. проживало 156 тысяч чехов и всего 77 тысяч поляков. У. Черчилль констатировал: "В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных!" (Кн. 1. С. 147).

В Пакте о ненападении с Польшей, подписанном в Берлине 26 января 1934 года (28.04.1939 г. Германия разорвала его), были секретные антисоветские статьи, поляки собирались воевать вместе с вермахтом против СССР, желая в награду заполучить Украину. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич 25 сентября 1938 года высокомерно сказал американскому послу У. Булиту: "Начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом... Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, что в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства".

В декабре 1938 года в докладе разведотдела Главного штаба Войска Польского утверждалось: "Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель - ослабление и разгром России". 28 декабря 1938 года состоялась беседа советника посольства Германии в Польше Рудольфа фон Шелии с посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским, который говорил: "Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на Западе и политические цели Польши на Востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршо-Седлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов" (Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. - 31 мая 1939 г. М. 1990. С. 162).

26 января 1939 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил Риббентропу, что она "претендует на Великую Украину и на выход в Черное море" (С.195). Какая историческая слепота! Это говорилось за 8 месяцев до катастрофического крушения польского государства в результате нападения Германии. 20 августа 1939 г. Ю. Бек сказал послам Франции и Англии: "Я не допускаю, что могут быть какие-либо использования нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. Мы не хотим его". Каким образом и почему мы должны были в то время помочь Польше, наотрез отвергавшей нашу помощь и лелеявшей за-

ветную мечту захватить Украину? Что вразумительное могут привести при ответе на этот вопрос хулители политики советского правительства?

Ст. Куняев на передней обложке книги "Русский полонез" (2006) приводит отрывок из интервью профессора Вечоркевича польской газете "Rzeizprospolita" от 28 сентября 2005 г.: "Мы могли бы найти место на стороне Рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск". Вот о чем до сих пор сожалеет польская элита. Современная антирусская политика Польши свидетельствует, что эта близорукая элита все еще не хочет извлечь должного урока из трагических событий истории. Поневоле вспоминаются нелюбезные оценки выдающегося английского военно-политического деятеля У. Черчилля, которые он давал польским правителям.

Глава 6. Почему был заключен советско-германский пакт?

По мысли А. Солженицына, в 1940-1941 гг. советское руководство склоняло Германию к объявлению войны СССР. 5 мая 2010 года в Информационно-дискуссионном портале Ю. Кузнецов вещал: "И чем еще, кроме войны мог закончиться пакт Молотова-Риббентропа 1939 г., в результате которого СССР вошел в Польшу всего на 17 дней позже Германии, оттяпал впоследствии и страны Прибалтики, Бессарабию и Северную Буковину, часть Финляндии. Что надо было ожидать дальше? Что Гитлер даст время Сталину сформировать на прихапанных плацдармах мощный военный кулак для нападения на Германию, как недавно на Финляндию? ...На самом деле "вероломное нападение" 22 июня 1941 г. было единственно верным стратегическим решением в условиях неизбежной войны с превосходящим по силам противником". Вина за развязывание войны без каких-либо оснований категорически и без анализа исторической обстановки того времени перекладывается на Советский Союз, а какую изощренно хитроумную политику вели тогда фашистская Германия, Англия, Франция - это вне внимания яростного антисоветчика.

Д. Волкогонов в книге "Триумф и трагедия" рассудил: Сталин поспешил "в августе 1939 года. Кто знает, прояви он терпение, а Лондон и Париж прозорливость, антифашистская коалиция могла бы быть создана еще два года назад...". Не было тогда никакой прозорливости у Лондона, Парижа и Варшавы. Стремясь хоть как-то обвинить советское правительство за "неразумность" его внешней политики, историк М. Семиряга посчитал, что СССР должен был отвергнуть предложение Германии как неприемлемое или затягивать переговоры с ней и упорно добиваться "заключения военного соглашения с Англией и Францией. Даже если бы оно и не бы-

ло заключено немедленно, то все равно угроза его, как дамоклов меч, висел бы над агрессором и удерживал его от немедленных авантюр" (Литературная газета. 05.10. 1988). Не удержал бы. Советское правительство проявляло терпение, попыталось медлить с началом переговоров с Германией, но вскоре стало яснее ясного, что тянуть с заключением соглашения с ней - означает столкнуться с вермахтом, а тогда Красной Армии многого не хватало, чтобы вести большую войну, к тому же на востоке шли жестокие бои с японскими войсками.

Гитлер учитывал, что, если военный договор трех стран будет заключен, его расчеты бить противников поодиночке сорвутся. Он спешил как можно скорее заключить пакт о ненападении с СССР. Министр иностранных дел Германии Риббентроп сделал такое предложение 3 августа 1939 года, но Москва не приняла его. Заявив, что Англия пытается столкнуть Советский Союз с Германией, он позже повторил это предложение. Военно-политическая обстановка все больше обострялась. 19 августа немецкий посол Шуленбург встретился с Молотовым и попросил срочно принять Риббентропа в Москве. Молотов ответил ему, что пока невозможно точно определить время такой поездки, ибо к ней надо хорошо подготовиться. Зная ориентировочный день вторжения немцев в Польшу и учитывая возможное изменение обстановки в связи с этим, Сталин назначил дату приезда Риббентропа в Москву не раньше 26-27 августа (он ожидал положительного сдвига на переговорах с Англией и Францией).

Этот срок Гитлер не принял. В ночь с 20 на 21 августа он в телеграмме Сталину указал, что между Германией и Польшей может очень быстро разразиться кризис, в него будет вовлечен и Советский Союз, если он не согласится на заключение договора о ненападении. Гитлер предложил принять его "министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее - в среду, 23 августа". На этот день планировалась важная встреча Геринга с Чемберленом в Англии. На каких условиях должен был состояться их очередной сговор? Не готовился ли новый Мюнхен, теперь уже за счет Польши, который помог бы направить фашистские войска на Советский Союз? Эту тайну все еще хранят британские архивы.

Вечером Сталин послал Гитлеру телеграмму с согласием на приезд Риббентропа 23 августа. Советское правительство понимало, что Чемберлен стремится - за счет интересов СССР - сговориться с агрессором, и потому Сталин принял фактически вынужденное решение заключить пакт о ненападении с Германией, который был подписан 23 августа. Намеченный полет Геринга в Англию не состоялся.

25 июня 2010 года гайдпаркер В. Волчков посчитал, что выдвинутая в "Московском комсомольце" версия о присутствии Гитлера при подписании пакта 1939 г. весьма вероятна. Какие он выдвинул доказательства в подтверждение этой гипотезы? Вот они: "Советско-германских

переговоров, а тем более подписания Договора о ненападении и Договора о дружбе и границе между СССР и Германией не ожидал никто. До этого СССР выступал за обуздание германской агрессии в Европе. А Гитлер исходил из оценки советской внешней политики как "жидо-большевистской", т. е. для него непереговороспособной. И вдруг два государства ДОГОВОРИЛИСЬ... КАК ПРОИЗОШЕЛ ЭТОТ ПОВОРОТ ПОЗИЦИЙ? ...с какой стати при подписании договора между Молотовым и Риббентропом ПРИСУТСТВОВАЛ СТАЛИН? Его присутствие не лезло ни в какие протокольные рамки".

Запутанная и накаленная военно-политическая ситуация заставила наше правительство пойти на заключение пакта 23 августа 1939 года, ибо Англия и Франция не захотели заключить равноправный договор о взаимопомощи с Советским Союзом, всячески стремились подтолкнуть Германию предпринять поход на восток. Сталин присутствовал при подписании пакта потому, что хотел подчеркнуть этим полную готовность нашего правительства точно выполнять эту договоренность. Протокольные рамки не должны были сковывать осуществления намеченной цели, крайне важной для судьбы государства. Разве эти рамки помешали Сталину после подписания советско-японского Пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 года неожиданно придти к поезду, чтобы любезно проводить японского министра иностранных дел Оцуку Мацуоку?

В. Молотов говорил писателю В. Карпову: "Гитлер еще в 1939 году действительно, как потом выяснилось, был настроен развязать войну против нас и готовился к этому усиленно". Л. Исаков писал: "Если бы не советско-германский пакт о ненападении, Гитлер в условиях японской поддержки на Востоке бросился бы на нас несомненно..." (Слово. 2002. № 2. С. 103). Однако М. Наринский не верил в такой поворот событий, потому что "нет никаких документов, которые свидетельствовали бы о том, что Германия планировала войну против Советского Союза осенью 1939 года". Не все совершается по заранее детально разработанному плану, и если "нацистский рейх в тот момент просто не был готов к такой войне", то СССР в еще большей степени не был готов к ней. Тогда Сталин "считал, что только к 1943 г. мы можем встретить немца на равных". И мог ли он не учитывать того, что 15 апреля 1939 г. наш разведчик Р. Зорге сообщил о выступлении Риббентропа перед своими сотрудниками, который заявил, что "главная цель Германии - заключить продолжительный мир с Англией и начать войну с СССР"?

17 апреля 2005 года Б. Бишоф в австрийском издании "Die Presse" рассуждал: "Непонятно, почему Москва не хочет слышать о том, что она не может умыть руки, считая себя невиновной в том, что Советский Союз заключил перед началом Второй мировой войны в 1939 году пакт с Третьим рейхом Гитлера, по которому оба тирана поделили между собой Восточную и Центральную Европу". Подобные авторы с наивностью примитивной незнайки делают вид,

будто и не было Мюнхенского соглашения, когда Франция и Англия бросили Чехословакию в ноги Гитлеру. Рафаэль Пош 5 июня 2004 года отметил: "...западная сторона полагала, что заключенный в 1939 году пакт Молотова-Риббентропа демонстрировал общие черты нацизма и сталинизма. О позоре демократии, о позиции этих стран в отношении фашизма в преддверии войны и об имперской близости с Гитлером и Муссолини практически не говорится. Возможно, по причине очевидной актуальности" ("La Vanguardia". Испания).

23 декабря 1989 года по поручению Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года на II Съезде народных депутатов СССР А. Н. Яковлев выступил с докладом о последствиях подписания в 1939 г. Договора о ненападении между СССР и Германией. Он утверждал, что переговоры в Москве между СССР, Англией и Францией о создании антигитлеровской коалиции были сорваны по вине Сталина, который выдвинул неприемлемые требования, и потому проект соглашения не был подписан. Была вина, но только не Сталина, а западных стран. К. Ворошилов разъяснил: "Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил" его в результате того "что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий" (Известия. 27.08.1939).

Много лет в общественное сознание настойчиво внедряется ложь об ответственности советского правительства за начало этой войны. В одиозном учебнике А. Кредера "Новейшая история. XX век", победившего (!) в конкурсе по программе "Обновление гуманитарного образования", Советский Союз объявлен "соучастником развязывания новой войны". Вина за ее начало перекаладывается на СССР в ряде передач и статей в средствах массовой информации, в фильмах "Последний миф" и "Мировая революция для товарища Сталина". Немецкий историк В. Глазбок и другие последователи нацистов провели кампанию под лозунгом "Война по вине Германии - ложь". Поэт Ю. Левитанский заявил: "Сейчас уже совершенно ясно, что не будь безумной политики Сталина и "нашей партии", этой войны могло не быть" (Литературная газета. 13.02.1991). На самом деле **советское правительство сделало все, что от него зависело, чтобы предотвратить войну, а огромная ответственность за ее начало лежит не только на гитлеровской верхушке, но и на руководителях Франции и - особенно - Англии.** Подталкивая Германию к походу против СССР, они, уступая ее притязаниям, не приняли его предложения о коллективной безопасности, на которую наше правительство сделало ставку еще в середине 30-х гг.

Заявления о вине Сталина, подобные тому, что приведены выше, обычно ограничиваются эмоциональными всплесками, подаются как бесспорные аксиомы, фактические доказательства не приводятся, а в действительности они являются звеньями циничной лжи глобальной значимости. Если же приводятся какие-то сенсационные фактики, то при проверке обычно они оказываются насквозь выдуманными.

Академик А. Сахаров утверждал: "В начале 20-х годов... Сталин считал, что с Гитлером можно поделить сферы влияния". Предположим, проявив гениальное предвидение, Сталин точно определил ход истории на 10 лет вперед и предугадал приход Гитлера к власти. Но надуманность этого "открытия" вскрывает такой факт: в 1933 г. Гитлер захватил власть, и по инициативе Сталина сразу было расторгнуто сотрудничество между Красной армией и вермахтом. В воспоминаниях А. Сахарова утверждается, что "во время немецкой оккупации Тулы (очень недолгой)" женщины-сестры обратились за помощью к немцам. "После вступления советских войск в Тулу все сестры были арестованы и попали в СМЕРШ" (Знамя. 1990. № 12. С. 87). Но как этому верить, если немцы не сумели взять город-герой Тулу?

Писатель Б. Васильев ничтоже сумняшеся заявил: "В сентябре 1939 года Сталин с жадностью ухватился за возможность разделить территорию Польши с фашистской Германией. ...в нем существовала варварская жажда территорий. Их он хапал, не задумываясь о последствиях..." (Тверская жизнь. № 43. 2001). Думал ли сей "хапающий" автор о последствиях своих таких антипатриотических заявлений?

В учебных пособиях Л. Пятницкого "История России для абитуриентов и старшеклассников" (1995) и А. Левандовского и Ю. Щетинова "Россия в XX веке" (1997) для X-XI-х классов общеобразовательных учреждений утверждается, что наше правительство, заключив советско-германский договор 23 августа 1939 года, допустило крупную внешнеполитическую ошибку. Осуждая этот пакт, многие пишут, что он привел к мировой войне.

Такой лживый мотив явно преобладал за "круглым столом" в 1989 г. в Институте США и Канады АН СССР. Историк В. Дашичев безоговорочно говорил об агрессивности СССР, который якобы инициировал войну: "Подписав с Гитлером пакт о ненападении, Сталин подписал тем самым приговор Советскому Союзу, ибо он позволил осуществить общий стратегический план войны, который разрабатывался германским генералитетом еще со времен первой мировой войны. Сталин ликвидировал сдерживающий фактор России для Гитлера и позволил ему таким образом разбить Францию и укрепить свой тыл для главной цели - разгрома Советского Союза. С Германией категорически нельзя было заключать договор, ибо он открыл зеленую улицу второй мировой войне".

В таком же духе рассуждал С. Случ: "Главное, что получил Гитлер, - это свобода рук на Западе. ...И именно это обусловило разгром Франции и других западных держав в течение пяти недель. ...И с этой точки зрения можно оценить советско-германский договор 23 августа 1939 года не только как просчет советской внешней политики, но и как преступное действие со стороны сталинского руководства" (Комсомольская правда. 08.08. 1989). Ни слова не говоря о вине Англии и Франции, С. Заворотный и А. Новиков бездумно вторили им: "Сталин предоставил Гитлеру уникальную возможность, о которой германский генералитет безуспешно мечтал с начала века: разгромить Францию, не боясь удара с востока, а потом, повернувшись назад, наброситься на Россию" (Комсомольская правда. 23.01. 1990).

Значит, Сталин совершил "преступное действие", поступил крайне недальновидно по отношению к Франции, не сумел понять, что она и Россия - традиционные союзники, находящиеся в одной лодке. Не будем вспоминать о походе Наполеона в 1812 г. и сожженной тогда Москве, о боях в Крыму и осаде Севастополя в 1853-1856 гг., в которой Франция сражалась против России. Остановимся на позднем периоде её истории.

В незавершенном романе В. Пикуля "Барбаросса" ответственность за срыв переговоров между СССР, Англией и Францией летом 1939 г. возлагается на Сталина, который восхищался Гитлером, "дрожал за свою шкуру", вел капитулянтскую политику по отношению к Германии. Эта концепция, признал В. Пикуль, сложилась у него под влиянием "великолепного историка" В. Дашичева. Во время переговоров с делегациями Англии и Франции нашему правительству стало предельно ясно, что их главная цель - столкнуть СССР с Германией.

В Кремле знали, говорил В. Молотов писателю И. Стаднюку, "что какой-то швед по поручению Геринга каждый день на своем личном самолете летал из Берлина в Лондон и доставлял оттуда Герингу заверения Чемберлена: Германия, мол, свободна в своих действиях против Советского Союза" (Правда. 22.06. 1993). Этот швед - Б. Далерус - упомянут в Приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге. Он "был исполнен желания помочь Англии и Германии. ...предотвратить войну между этими двумя странами. Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того, чтобы отговорить правительство Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши" (Нюрнбергский процесс... Т.7.С.346). Англичане вели в Лондоне тайные переговоры с немцами в то самое время, когда англо-французская делегация обсуждала в Москве варианты военного соглашения с СССР, это они пытались использовать как средство давления на Германию.

А. Шпеер, близкий к Гитлеру человек, министр вооружения и боеприпасов Германии, в своих "Воспоминаниях" сообщил: "...мы слышали, что германский министр иностранных дел

ведет переговоры в Москве. Во время ужина Гитлеру передали записку. Он пробежал ее глазами, какое-то мгновение, краснея на глазах, он окаменел, затем ударил кулаком по столу так, что задрожали бокалы и воскликнул: "Я поймал их! Я их поймал!" Но через секунду он овладел собой, никто не отважился задавать какие-либо вопросы, и трапеза пошла своей обычной чередой.

После нее Гитлер пригласил лиц из своего окружения к себе: "Мы заключаем пакт о ненападении с Россией. Вот, читайте. Телеграмма от Сталина". Она была адресована "Рейхсканцлеру Гитлеру" и кратко информировала о состоявшемся единении. Это был самый потрясающий, волнующий поворот событий, который я мог себе представить -- телеграмма, дружественно соединявшая имена Гитлера и Сталина. Затем нам был показан фильм о параде Красной армии перед Сталиным с огромной массой войск. Гитлер выразил свое удовлетворение тем, что такой военный потенциал теперь нейтрализован и повернулся к своим военным адъютантам, собираясь, обсудить с ними качества вооружения и войск на Красной площади.

...Вечером 23 августа после того, как Геббельс прокомментировал сенсационное известие на пресс-конференции, Гитлер попросил связать его с ним. Он хотел знать реакцию представителей зарубежной печати. С лихорадочно блестящими глазами Геббельс сообщил нам услышанное: "Сенсация не могла быть грандиознее. А когда снаружи долетел звон колоколов, представитель английской прессы произнес: "Это похоронный звон по британской империи". На эйфорически упоенного Гитлера это высказывание произвело самое сильное впечатление в этот вечер. Теперь он верил, что вознесся над самой судьбой".

В. Дашичев категорично утверждал, что "пакт 1939 года был неизбежен - при Сталине. При разумном государственном деятеле ...все было бы совершенно иначе, и была бы возможность обуздать гитлеровскую агрессию" (Комсомольская правда. 08.08. 1989). Как следовало обуздать её? Излишне разумный Дашичев ничего внятного об этом не сказал. Весомые факты говорят о том, что советское руководство сделало очень многое, если не все, чтобы предотвратить войну. Летом 1939 г. оно с большой заинтересованностью вело переговоры с Англией и Францией о заключении оборонительного пакта, но их хитроумные правители строили иные планы (не стоит забывать их слов о "крестовом походе против большевизма") и, обманув самих себя, попали в немецкую петлю.

25 июня 2010 года в Гайдпарке указали, что многие делают "упор на то, что СССР, заключив этот договор, остался в проигрыше - между ним и Германией не стало буферных государств, в результате Гитлер получил возможность напасть непосредственно на нашу страну". А остался ли какой-то буфер, если бы Советский Союз не заключил договор с Германией и со-

блюдал нейтралитет? Это ведь не мешало бы немцам напасть на Польшу, захватить всю её территорию и выйти на границы с СССР, ввести свои войска в Литву, Латвию и Эстонию и расположить свои войска недалеко от Ленинграда, вблизи Минска. В этом случае результаты нападения вермахта на СССР, конечно, были бы более катастрофическими, чем это случилось в 1941 году.

"Тверская жизнь" 14 августа 2009 года опубликовала статью под названием "Пакт Молотова-Риббентропа: не хуже, чем преступление", в которой выпирает антисоветская тенденциозность. Писатели западнического толка А. Вознесенский, В. Ерофеев, Ю. Мориц, Б. Ахмадулина категорически оценили этот пакт как "чудовищный" (Наш современник. 2005. № 10. С. 188). Но разве не ясно: поносить Сталина за пакт о ненападении - поступать поистине чудовищно. Это свидетельствует либо о полном непонимании исключительной сложности и опасности международной обстановки того времени, либо о скудоумном поддакивании тем очень многим ненавистникам России, которые привыкли мазать советское прошлое одной черной краской.

Генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров записал в дневнике сказанные 7 сентября 1939 года слова Сталина: "Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократ. странами и поэтому вели переговоры, но Англия и Франция хотели иметь нас в батраках и при этом ничего не платить". Недобросовестные авторы пособия "Россия. Век XX" (1997) вводят в заблуждение читателей, заявив, что Сталин выбрал в союзники Гитлера, "поскольку для него более близким по душе, похожим да и понятным был германский "национальный социализм", чем "классово чуждый буржуазный парламентаризм".

Немецкое правительство несколько раз предлагало Москве заключить договор о ненападении, но она не откликнулась на это. Если бы она снова не приняла такого предложения, то Гитлер мог бы объявить в удобный для себя момент: Россия не хочет заключить с нами пакт о ненападении, значит, она готовит агрессию против нас, и с ней надо говорить языком пушек. Если бы события пошли по этому пути, то этому очень радовались бы Лондон и Париж, мечтавшие о том, что Германия и Советский Союз наконец-то столкнутся, обескровят друг друга в жестокой войне, а они после этого властно продиктуют им свои - выгодные для них - условия мира. Франция и Англия заключили договоры о ненападении с Германией, а СССР почему-то не мог совершить то, что сделали эти государства, которые к тому же в это самое время вели с нею переговоры о военном союзе.

Августовский пакт с Германией был полностью оправдан: никакого иного решения, более надежно отвечавшего интересам безопасности СССР, в то время не имелось: попытки заключить равноправный договор о взаимопомощи с Англией и Францией потер-

пели неудачу, наша армия реорганизовывалась и перевооружалась, не была готова к успешному отражению фашистской агрессии.

Советский народ воспринял этот пакт с пониманием: худой мир лучше доброй ссоры, тем более войны. Но договор о дружбе с Германией от 28 сентября 1939 года вызвал у многих наших людей некоторое недоумение, воспринимался как вынужденный зигзаг в политике. Слишком сильно давала себя знать опасность, нависшая над нашим государством с двух сторон.

В 1938 году у озера Хасан японские войска пытались захватить наши высоты "Заозерная" и "Безымянная" и создать плацдарм для наступления на Владивосток, но были разбиты Красной армией. В 1939 году создалась опасная обстановка в районе реки Халхин-Гола, где после воздушных налетов 3 июля японцы начали наступление против монгольских и советских войск. Президент США Ф. Рузвельт 2 июля 1939 года просил нашего полпреда "передать Сталину и Молотову, что на днях весьма авторитетный японский деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества по эксплуатации богатств Восточной Сибири... Фантастично, но характерно для планов японских "активистов", которые не оставили мыслей об авантюрах в вашем направлении". 16 апреля 1939 года Зорге сообщил, что посол Германии в Японии "получил сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент".

Япония, устраивая нападение в районе Халхин-Гола, рассчитывала получить от СССР, у которого осложнилась обстановка на Западе, территориальные и политические уступки, добиться от него отказа поддержки Китая, создать себе более выгодные условия для переговоров с Великобританией и США. Советские и монгольские войска вели тяжелые бои с японцами в июне и июле, а в августе они под командованием Г. Жукова нанесли им крупное поражение, после чего они вынуждены были заключить перемирие с Советским Союзом. Это серьезно отрезвило воинственные японские круги в отношениях с нашей страной. В начале апреля 1941 года Япония подписала московский пакт о взаимном ненападении с Советским Союзом, что вызвало сильнейшее негодование Гитлера.

А. Яковлев решил, что договор от 23 августа 1939 года с Германией, охарактеризованный "российским парламентом как акт империализма", стал ревизией "стратегического курса на коллективную безопасность" (на самом деле он был сорван Англией и Францией подписанием Мюнхенского соглашения), посчитал его отступлением "прежде всего от ленинских норм советской внешней политики, от ленинского разрыва с тайной дипломатией" (Правда. 18.08.1989). Волкогонов, назвав этот пакт "совершенно циничным", тоже оценил его как "отступление от ленинских норм внешней политики": "советская страна опустилась до уровня

...империалистических держав". Да, нам пришлось "опуститься" до их уровня в критической обстановке, так как стало ясно, что без тайной дипломатии не обойтись. С волками жить - по-волчьи выть. Ленин говорил о необходимости не отказываться "от военных соглашений и с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить её положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы" (Т. 36. С. 323).

В печати отмечали низкий научный уровень работ Волкогонова. В книге "Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина" (1991) он тепло говорил о "гениальной духовной мощи Ленина". И в том же году в "АиФ" (№ 41) писал, что его философские работы "довольно примитивны", ему он "представляется малосимпатичной личностью". В работах этого перевертыша уже отмечали ряд нелепостей. Дополним их. Волкогонов утверждал, что Сталин лично встречался с болгарским послом Стаменевым в Москве для того, чтобы попытаться заключить "сепаратный мирный договор с немцами, подобный Брест-Литовскому" (в "Барбароссе" В. Пикюля Сталин, Молотов и Берия "навестили" Стаменева). На самом деле с ним встречался П. Судоплатов, один из руководителей советской разведки, его задачей "было запустить дезинформацию относительно возможного мира с Гитлером, используя Стаменева в качестве источника" (Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. М. 1997. С. 6).

Это была попытка выяснить возможности прекращения боев, чтобы выиграть время для мобилизации резервов. При использовании книги П. Судоплатова надо учитывать сообщение генерал-лейтенанта В. Кирпиченко: "Служба внешней разведки все-таки вынуждена была сказать через наше пресс-бюро, что ряд позиций автора неверен и целиком находится на его совести. Кстати, сам Судоплатов и не является автором книги, его мемуары писали американцы, супруги Шехтеры, по его воспоминаниям" (Красная звезда. 12.07. 2003).

Волкогонов утверждал, что после Сталинграда Сталиным "овладела настойчивая идея окружения". Но как быть с тем, что в 1943 году Г. Жуков, А. Василевский, А. Антонов предложили окружить в районе Орла вражескую группировку, а Сталин не поддержал их? То же самое было, когда возникла идея окружить немцев у Кривого Рога. Жуков знал, что Сталин "пока вообще по ряду обстоятельств не очень уверен в целесообразности более решительного применения операций на окружение противника" (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М. 1983. Т. 3. С. 77). Сталин не склонен был окружать немцев на своей территории потому, что не хотел создавать условий для разрушений наших городов, считая, что надо создавать такую обстановку, чтобы враг "быстрее уходил". А окружать "потом, на территории противника" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. М. 1973. С. 122).

В четырехтомном труде "Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки" секретное приложение к пакту от 23 августа 1939 года и сентябрьский договор о дружбе с Германией критикуются с морально-правовых позиций. Конечно, хорошо бы советскому правительству всегда сохранять кристальную честность во внешней политике, но куда бы это завело СССР?

При развале Варшавского блока США словесно обещали М. Горбачеву не расширять НАТО в восточном направлении. Генеральный секретарь НАТО Вернер в Брюсселе 17 мая 1990 года сказал: "Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ, дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности". А что получилось в действительности? Сейчас западные политики с насмешливостью дают знать, что нечего вспоминать об этих официально не оформленных заверениях, к тому же те, кто это обещал, уже не у власти. Кое-кто хотел, чтобы и Сталин был бы таким же удобным для Запада партнером, как болтливый предатель М. Горбачев, много сделавший, чтобы подвести СССР к огромной геополитической катастрофе.

Иногда утверждают, что при заключении августовского пакта "Сталин продемонстрировал миру образцы величайшей безнравственности, нанеся удар по авторитету СССР". Как же надо было поступить ему? Не защищать интересы своей страны? Не думать о выгоде для нее? Стать игрушкой в руках Англии и Франции, которые предали Чехословакию (а потом фактически и Польшу) потому, что им хотелось подтолкнуть Гитлера к походу на Восток?

В. Кожин писал, что "Сталин в августе 1939 года вел себя точно так же, как Чемберлен в сентябре 1938-го". Здесь неверно говорить "точно так же", и потому он уточнил свою мысль: "поведение Чемберлена было и "циничнее", и, уж безусловно, "позорнее" (Наш современник. 1998. № 10. С. 148). Да, западные правители вели себя в той очень сложной обстановке гнусно, намного хуже, чем советское правительство.

Как оценить нравственность Г. Трумена, будущего президента США, который 23 июня 1941 года с поразительным цинизмом говорил: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше"? В. Бережков, переводчик Сталина, писал об "аморальности" нашей политики: "В некоторой степени это верно, но надо иметь в виду, что мы имели дело с государствами, которые тоже вели очень аморальную политику. Если мы возьмем Мюнхен, отношения с Чехословакией, невмешательство во время войны в Испании, отношение к аншлюсу Австрии - это разве моральная политика? ...В тот драматический

момент... каждый выгадывал, как ему поступить, чтобы было минимум потерь, чтобы хоть как-то обеспечить свою безопасность" (Комсомольская правда. 08.08. 1989).

По странной мысли Дашичева, "в пакте 1939 года ярчайшее проявление нашел сталинизм во внешней политике. ...Сталин задолго до 1939 года задумал столкнуть Англию, Францию и Германию - и он, очевидно, полагал, что это столкновение станет генератором революционных событий в Западной Европе, а СССР сможет стоять в стороне "третьего радующегося". Но это был колоссальный просчет, допущенный Сталиным по его невежеству". Эти уничижительные слова о "невежестве" Сталина характеризуют их автора в неблагоприятном виде.

Либерал Ю. Афанасьев, бывший член КПСС и ректор архивного института, объявил СССР "поджигателем войны": с 1939 по 1941 год Сталин вынашивал и стремился реализовать "агрессивные планы" с целью "расширения социализма". По его словам, "для понимания истинных причин трагедии в первую очередь следует обратить внимание на текст речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г.", когда он говорил: "Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен... Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию".

Профессор В. Анфилов поправил недобросовестного историка: "Политбюро 19 августа действительно состоялось, но на нем рассматривались другие вопросы. Приписанные Сталину слова являются злобной фальшивкой, давно гуляющей по свету. Приведенные слова не соответствуют даже стилю языка Сталина" (Независимая газета. 23.06. 2000). В 30-е годы Сталин не проводил в жизнь доктрину мировой революции, и потому Троцкий подметил, что "сталинизм стал худшим тормозом мировой революции", что "международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней". Со второй половины 30-х годов и особенно в 1940-1941 годах он не считал нужным вести активную подрывную коминтерновскую деятельность в буржуазных государствах.

Теперь то, что долгое время тщательно скрывалось за семью печатями в недрах зарубежных разведок, беззастенчиво бросается в костер политической борьбы. В. Мусатов хвалил Резуна, нахально назвавшегося Суворовым, за то, что он "сделал выбор не в пользу спокойного "проживания", но в пользу более высоких материй" (Литературная Россия. 16.06. 2000). В действительности Резун, предав Родину в 1978 году, выдал ряд советских разведчиков, стал сотрудником английских спецслужб. Он фактически раскрыл их тайные планы давних лет в книге

"Ледокол". Если Дашичев смело утверждал, что от августовского договора 1939 года "выиграл только один человек - Адольф Гитлер и фашистская Германия. Для нас это была сплошная потеря", то Резун как главную ошибку Гитлера решительно преподнес то, что он заключил пакт о ненападении с СССР, повернулся к нему спиной и позволил ему подготовиться к войне.

Ширер посчитал, что "Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин". Оттянув нападение Германии почти на два года, Сталин спутал планы правящих кругов Англии и Франции, сильно просчитались они вместе с Гитлером: необходим был их объединенный фронт, а получилось совсем другое. Этот столь желанный им фронт оказался расколотым. Заключив договор с Германией, СССР сорвал планы объединения англо-французской реакции с германским фашизмом в общий антисоветский фронт.

В. Топоров вещал: "СССР и Германия тайно заключили агрессивный союз и начали мировую захватническую войну. ...То обстоятельство, что Англия и Франция тогда же, в сентябре 1939 года, не объявили войны нашей стране, свидетельствует лишь о нерешительности их тогдашних правительств" (Нева. 1990. № 6. С. 165). Надо сильно ненавидеть нашу страну, чтобы утверждать, что она начала мировую войну. Можно подумать, что Топоров совсем не знает обстановки 1939 года, сожалея о том, что Англия и Франция не стали одновременно воевать с Германией и Советским Союзом. Это же настоящая шизофрения.

Но, трезво поразмыслив, приходишь к выводу: дело тут не в психической болезни. Исторический ход событий должен был привести к объединенной борьбе западных стран против Советского Союза, к совместному продолжению политики "Drang nach Osten" - вот что устроило бы тех, кто недоволен нашей победой в Отечественной войне. Напрасно немецкий профессор Г. Якобсен утверждал, что "угрозы антисоветского фронта западных держав с Германией не существовало вообще" (Литературная газета. 30.08. 1989). На самом деле в 1939-1941 годах планировались и не раз делались попытки свернуть вооруженный конфликт между западными державами и направить их объединенные армии против СССР.

Советское руководство не могло не замечать того, что тогда вырисовывалась возможность общего фронта западных демократий с фашистской Германией. Пакт о ненападении разрушил эту очень опасную для СССР намечавшуюся комбинацию, внес немалый раздражительный элемент в отношения Японии с Германией, значительно улучшил наши военно-стратегические позиции.

Японский историк Х. Тэратани посчитал, что тогда Сталин проявил себя государственным деятелем высшей квалификации": " ...не будь пакта о ненападении, судьбы мира сложились бы по-иному и отнюдь не в пользу СССР. Заключив договор с Германией, Советский Союз спутал

карты всех своих противников. Технически это было выполнено просто ювелирно. Были перечеркнуты планы англичан, заигрывавших и с Германией и - в меньшей степени - с СССР, а на деле пытавшихся сравить их между собой. Но наибольший шок перенесла Япония. Союзница фашистской Германии в борьбе за "новый порядок" в мире, Япония получила 23 августа 39-го страшный удар. Никогда - ни до, ни после - в истории не было случая, чтобы японское правительство уходило в отставку по причине заключения договора двух других государств между собой. Здесь же отставка последовала незамедлительно. Рискну предположить, нисколько не умаляя военных успехов советских войск на Халхин-Голе, что пакт во многом предрешил исход кампании, настолько была деморализована Япония. Договор, несомненно, изменил соотношение сил в мире в пользу СССР... Сталин в 39-м году сделал объективно лучшие ходы с точки зрения интересов СССР как государства" (Комсомольская правда. 01.09. 1989).

В июле 2009 года Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла провокационную резолюцию "О воссоединении разделенной Европы" и объявила 23 августа "Днем памяти жертв сталинизма и фашизма". Далекое зашли в своей пропагандистской работе озлобленные фальсификаторы истории, потерявшие элементарный здравый смысл. Вот какой нестерпимой костью в горле анти-советчиков и русофобов стал договор от 23 августа 1939 года между Советским Союзом и Германией. Историк И. Пыхалов верно заключил: "...не будет преувеличением сказать, что, заключив 19 августа 1939 года советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа - пакт Молотова-Риббентропа, СССР уже тогда выиграл 2-ю мировую войну на "дипломатическом фронте". Именно этого и не могут простить Сталину ненавидящие свою страну и пресмыкающиеся перед Западом доморощенные российские либералы".

В мемуарах "Вторая мировая война" Черчилль писал: "Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, - знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет". **Этот договор разрушил коварные планы Англии и Франции немедленно направить германские войска против Советского Союза и не допустил того, чтобы ему пришлось воевать одновременно на двух фронтах - на Дальнем Востоке и на Западе.** Он предоставил очень нужную нашей стране возможность на протяжении почти двух лет оставаться вне войны.

Глава 7. Укрепление безопасности советских границ

Молниеносный разгром польской армии стал крайне неприятной неожиданностью для советского руководства, сначала оно не намеревалось вести военные действия в Польше. У. Ширер в работе "Взлет и падение третьего рейха" констатировал: "Правительство в Кремле, как и

правительства других стран, было ошеломлено той быстротой, с какой немецкие армии пронеслись по Польше". Это действительно так.

8 сентября, когда немецкие танковые дивизии достигли предместий Варшавы, Риббентроп направил "срочное, совершенно секретное" сообщение Шуленбургу в Москву о том, что успех операций в Польше превзошел "все ожидания" и что в сложившихся обстоятельствах Германия хотела бы знать о "военных намерениях Советского правительства". На следующий день В. Молотов ответил, что "Россия применит вооруженные силы в ближайшие дни. ...Польша разваливалась, и вследствие этого у Советского Союза возникла необходимость прийти на помощь украинцам и белорусам". 12 сентября Гитлер в беседе с главнокомандующим сухопутными войсками генерал-полковником Браухичем сказал: "...русские, очевидно, не хотят выступать... Русские считают, что поляки будут согласны заключить мир" (Независимая газета. 23.06. 2000). Профессор Р. Жюгжда безосновательно считал, что польский "поход Красной армии был для Германии неожиданностью, вызвал ее беспокойство: он отрезал рейх от румынской нефти, не дал возможности закрепиться в Галиции" (Советская Россия. 24.08. 1988).

Гитлер хотел заставить Советский Союз официально вступить в войну. А. Орлов отметил: "Сразу же после вступления в войну Англии и Франции Риббентроп настойчиво предлагал СССР ввести свои войска в Польшу". Чем обусловлена эта настойчивость? Если бы советское правительство стало действовать тогда по провокационной по своей сути подсказке Гитлера, сразу ввело бы свои войска в Польшу, то это могло бы привести к тяжким для нас военно-политическим последствиям, потому что "не было никаких гарантий, что Англия и Франция не объявят войну СССР, если Красная Армия перейдет советско-польскую границу" (Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. М. 1998. Т. 1. С. 30). Случись такое - западные демократии объявили бы СССР таким же агрессором, как и Германия, у нее серьезно повысились бы шансы замирииться с Англией и Францией, быстрее освободить все силы вермахта для выполнения главной задачи гитлеровского руководства - завоевания жизненного пространства на востоке. СССР "оказался бы изолированным в будущем столкновении с Германией. Однако Советский Союз был достаточно осторожен" (Л. Безыменский).

Верховный Совет СССР осудил секретный протокол о сферах влияния Германии и Советского Союза, но Г. Перевозчиков-Хмурый в "Советской России" (05.03. 2005), привел серьезные доказательства того, что его не было. Если он все-таки существовал, то можно как угодно бичевать его с позиций некоего абстрактного идеала и пренебрегать при этом сложнейшей исторической реальностью. 8 сентября 1939 года посол США в Польше сообщил в Вашингтон: "Польское правительство покидает Польшу ... и через Румынию направляется ...во Францию" (Воен-

но-исторический журнал. 1990. № 10. С. 22). Как надо было поступить советскому руководству, когда правительство Польши бежало, а немцы подходили к Бресту и Львову? Позволить им занять Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику и начать войну против нас нападением на Минск и Ленинград?

14 сентября 1999 г. антироссийский "Мемориал" посчитал нашу защиту Западной Белоруссии и Западной Украины "трагедией для их жителей" и призвал руководство России "публично назвать это преступлением" (Русская мысль. № 4287.1999). Но в 1939 году, как писал тогда бывший английский премьер-министр Ллойд Джордж польскому послу в Лондоне, "СССР занял территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны... Было бы актом безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии". Черчилль предвидел военное столкновение между Германией и СССР и потому, выступая по радио 1 октября 1939 года, фактически оправдал вступление советских войск в Польшу: "Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии" (Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. С. 407).

А. Яковлев заявлял, что Советский Союз вступил во Вторую мировую войну не в 41-ом году, а в сентябре 39-го (Известия. 25.12. 1989). А. Некрич пишет в своей книге "1941, 22 июня" (М. 1995): "В первый период войны Советский Союз имел с Германией как бы незавершённый военно-политический союз. Его следует считать незавершённым, поскольку не было заключено формального военного союза". По его мнению, советские войска фактически воевали на стороне Германии: "Польша пала, её территории были поделены между Германией и СССР. ...Таким образом, Советский Союз вступил во Вторую мировую войну уже 17 сентября 1939 года, а не 22 июня 1941 года, как это принято считать..." (С. 209). На самом деле во Вторую мировую войну СССР был вовлечен в 1941 году в результате внезапной агрессии Германии.

К 17 сентября немецкие войска разгромили главные группировки польской армии, которая потеряла в боях 66300 убитыми и 133700 ранеными. 17 сентября в Западную Украину и Западную Белоруссию вступили части Красной Армии.

Советское правительство изложило в ноте, врученной польскому послу в Москве В. Гжибовскому, причины этого шага: "Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым

прекратили своё действие договора, заключённые между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии" (Правда. 18.09. 1939).

Польский верховный командующий маршал Эдвард Рыдз-Смиглы 17-18 сентября предписал своим войскам: "С Советами в бои не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей, которые вошли в соприкосновение с советскими войсками. С немцами продолжить борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться выводов наших гарнизонов в Румынию и Венгрию" (Козловский Е. Военные аспекты мероприятий советского правительства в сентябре 1939 года. М. 1989. С. 8-9). Основная часть польских войск целыми соединениями сдалась в плен. С 17 сентября по 2 октября 1939 года было разоружено 452536 человек, в их числе 18729 офицеров. В кратковременных боях против советских войск части польской армии и жандармерии потеряли 3500 убитыми и 20000 ранеными. (Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941 гг. М. 2002. С. 108). За этот период наша армия безвозвратно потеряла 1475 человек.

Приход советских войск предупредил, а в ряде случаев остановил разгорающуюся резню лиц польской национальности. 20 сентября в своём донесении Сталину начальник Политуправления РККА Мехлис отметил, что польские офицеры "как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной Армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения" (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 1. Ноябрь 1938 г. - декабрь 1940 г. М. С. 75).

В. Бережков, ныне живущий в США, в книге "Рядом со Сталиным" вспоминал: "...мне как свидетелю событий, происходивших осенью 1939 года, не забыть атмосферы, царившей в те

дни в Западной Белоруссии и на Западной Украине. Нас встречали цветами, хлебом-солью, угощали фруктами, молоком. В небольших частных кафе советских офицеров кормили бесплатно. То были неподдельные чувства. В Красной Армии видели защиту от гитлеровского террора. Нечто похожее происходило и в Прибалтике". В 1999 году народы Белоруссии и Украины отметили 60-летие своего воссоединения как большой праздник.

22 октября 1939 года состоялись выборы в Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. В голосовании приняли участие 92,83 % населения Западной Украины, из них 90,93 % проголосовали за выдвинутых кандидатов. В Западной Белоруссии в выборах участвовали 96,71 % населения, 90,67 % из них проголосовали "за" (Правда. 25.10. 1939). 27 октября Народное собрание Западной Украины единогласно приняло декларации об установлении советской власти и о вхождении в состав Советского Союза. 29 октября такое же решение приняло Народное собрание Западной Белоруссии. 5-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР 1 ноября приняла постановление о включении Западной Украины в состав Украинской ССР, а 2 ноября - о включении Западной Белоруссии в состав Белорусской ССР.

Ю. Афанасьев оценил "подписание пакта Молотова - Риббентропа в августе 1939 года; парад советских и немецких войск в Бресте осенью того же года; оккупацию Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии в 1940 году; поздравления Сталиным Гитлера с каждой из одержанных побед в Европе вплоть до июня 1941 года; тосты в честь фюрера в Кремле ...как фактическое участие СССР до середины 1941 года в войне на стороне Германии против западных союзников".

Но, как отмечалось, СССР был вынужден заключить договор с Германией. Не было и "совместных военных действий" германских и советских войск в Польше. Спекулятивным остается и вопрос о "параде победы" в Бресте, который "принимали" генерал Гудериан и комбриг Кривошеин. Для Красной армии "парад" был "дипломатическим" шагом во избежание нежелательных последствий. Эту же цель преследовали тосты и поздравления Сталина Гитлеру" (Независимая газета. 27.01. 2000).

Гитлер намеревался захватить большую часть Прибалтики. 25 сентября 1939 г. он подписал секретную директиву №4, предусматривавшую "в Восточной Пруссии держать в боевой готовности силы, достаточные для быстрого захвата Литвы даже в случае вооруженного сопротивления". Включение в нацистскую Европу не сулило ничего хорошего прибалтийским народам. Г. Гиммлер, глава СС, в 1942 г. выдвинул задачу "тотального онемечивания" Прибалтики в течение 20 лет. Осенью 1939 года СССР заключил с Литвой, Латвией и Эстонией договоры о взаимопомощи и на их основе ввел в эти государства свои войска. **Это укрепило безопасность**

наших северо-западных границ, существенно помогло подготовке к отражению гитлеровской агрессии.

В настоящее время на Западе истерически кричат о преступной оккупации СССР трех республик Прибалтики в 1940 году. На самом деле там народные массы смели прогерманские правительства, установили советскую власть и приняли решение о своем вхождении в СССР. Об этом убедительно - на основе исторических документов - пишет Ю. Емельянов в статье "Оккупация или революция?" (Советская Россия. 19.06. 2010). 26 июля 1940 года лондонская "Таймс" отмечала, что "единодушное решение о присоединении к Советской России" народов Прибалтики "отражает... не давление со стороны Москвы, а искреннее признание того, что такой выход является лучшей альтернативой, чем включение в новую нацистскую Европу".

К. Коликов, плохо знающий историю, объявил, что СССР напал на Бессарабию, Литву, Латвию, Эстонию. Не нападал он на них. До 1918 года Бессарабия никогда не принадлежала Румынии, которая, воспользовавшись нашей тогдашней слабостью, захватила ее, а в 1940 году СССР возвратил ее себе, восстановив историческую справедливость. А вот Б. Соколов почему-то (видимо, в сонном состоянии) решил, что нам "стоит извиниться перед Румынией за агрессию и оккупацию".

В октябре 1939 г. Черчилль говорил советскому полпреду Майскому: "С точки зрения правильно понятых интересов Англии тот факт, что весь Восток и Юго-Восток Европы находятся вне зоны войны имеет не отрицательное, а положительное значение. Главным образом Англия не имеет оснований возражать против действий СССР в Прибалтике. Конечно, кое-кто из сентиментальных деятелей может пускать слезу по поводу русского протектората над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно" (Правда.. 11.08. 1989). Он признал: "В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной".

Советско-финская граница находилась всего лишь в 32 километрах от Ленинграда. Наше правительство предложило финнам отдалить границу от этого города. Л. Гарт рассуждал: "Русские хотели обеспечить лучшее прикрытие сухопутных подступов к Ленинграду, отодвинув финскую границу на Карельском перешейке настолько, чтобы Ленинград был вне опасности обстрела тяжелой артиллерией. Это изменение границы не затрагивало основные оборонительные сооружения линии Маннергейма. ...В обмен на все эти территориальные изменения Совет-

ский Союз предлагал уступить Финляндии районы Реболы и Порайорпи. Этот обмен даже в соответствии с финской "Белой книгой" давал Финляндии дополнительную территорию в 2134 кв. мили в качестве компенсации за уступку России территорий общей площадью 1066 кв. миль. Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии. Безусловно, все это помешало бы Германии использовать Финляндию в качестве трамплина для нападения на Россию. Вместе с тем Россия не получала какого-либо преимущества для нападения на Финляндию. Фактически же районы, которые Россия предлагала уступить Финляндии, расширили бы границы последней в самом узком месте ее территории. Однако финны отвергли и это предложение".

После этого советское правительство решило добиться более безопасной границы для Ленинграда военным путем. Вряд ли верна мысль В. Новобранца: война с Финляндией "не была объективной необходимостью. Это был личный каприз Сталина, вызванный неясными пока причинами" (Знамя. 1990. № 6. С. 171). Ярый демократ С. Липкин задал нелепый вопрос: "Почему незадолго до величайшей войны мы не сумели победить маленькую армию Финляндии?" (Общая газета. № 10. 2001). Если мы не победили ее, то почему же она отдала Советскому Союзу Карельский перешеек и город Выборг? Другое дело, что эта победа в войне с финнами была далеко не такой блестящей, на какую рассчитывало советское командование.

Высшее политическое руководство СССР сначала неверно оценило военный потенциал Финляндии. Начальник Генштаба Красной армии маршал Б. Шапошников, вызванный на Военный совет для обсуждения намечаемой войны против Финляндии, представил план, учитывавший реальные возможности финской армии и трезвую оценку трудностей прорыва её укрепленных районов. "И в соответствии с этим он предполагал сосредоточение больших сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции. Когда Шапошников назвал все эти запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, то Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете таких огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости" (А. Василевский).

Наша армия повела наступление недостаточными силами и средствами, понесла тяжелые потери и лишь через месяц подошла к самой линии Маннергейма. Когда на Военном совете обсуждался вопрос о дальнейшем ведении войны, "Шапошников доложил, по существу, тот же самый план, который он докладывал месяц назад". Он был принят. Заново начатая операция увенчалась полным успехом, линия Маннергейма была быстро прорвана.

В штабе командующего финскими войсками маршала Маннергейма был представитель Гамелена генерал Клеман-Гранкур. По словам члена французской военной миссии капитана П. Стелена, главная задача французских представителей заключалась в том, чтобы "всеми силами удерживать Финляндию в состоянии войны". (Челышев И.А. СССР - Франция: трудные годы 1938-1941. М. 1999. С. 247). 19 марта 1940 г. Даладьё заявил в парламенте, что для Франции "Московский мирный договор - это трагическое и позорное событие. Для России это великая победа". (Сиполс В. Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М. 1997. С. 197).

Гитлер 8 марта 1940 года писал Муссолини о советско-финской войне: "Принимая во внимание возможности маневра и снабжения, никакая сила в мире не смогла бы достичь таких результатов при морозе в 30-40 градусов, каких достигли русские уже в самом начале войны" (Парламентская газета. № 43. 2002). Интересно то, как Гитлер 12 апреля 1942 года объяснил провал немецкого блицкрига: "Вся война с Финляндией в 1940 году - равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами - это не что иное, как грандиозная кампания по дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой". Интересный зигзаг в мыслях фюрера. Чем он объясняется?

Доктор исторических наук А. Орлов считает советско-финскую войну "в известном смысле "ненужной", порожденной политическими просчетами обеих стран" (Великая Отечественная война, 1941-1945. Т. 1. С. 32). Но намного больше просчетов допустили финские правители, проводившие тогда недальновидную внешнюю политику. Присяга финского офицера включала такие торжественные слова: "Так же, как я верю в единого бога, верю в Великую Финляндию и ее большое будущее". Видный общественный деятель Финляндии Вяйнэ Войномаа писал своему сыну о том, как председатель фракции социал-демократов в финском парламенте Таннер говорил 19 июня 1941 года: "Неоправданно уже само существование России, и она должна быть ликвидирована", "Питер будет стерт с лица земли". Финские границы, по словам президента Рюти, будут установлены по Свири до Онежского озера и оттуда до Белого моря, "канал Сталина остается на финляндской стороне" (Литературная Россия. 04.05. 2001). Такие захватнические планы поддерживались немалой частью финского населения.

10 июля 1941 года главнокомандующий финскими вооруженными силами К. Маннергейм, бывший генерал царской России, приказал им "освободить земли карелов". После трудных боев с финнами 1 октября 1941 г. наши войска были вынуждены оставить Петрозаводск. В ноте США 11 ноября 1941 г. финское правительство заявило: "Финляндия стремится обезвредить и

занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны" (Родина. 1995. № 12. С. 117). О войне с Финляндией и партизанском движении в финском тылу Д. Гусаров создал правдивый роман "За чертой милосердия".

Кстати укажем: из 20000 русского населения Петрозаводска, захваченного финнами в 1941 году, 19000 находились в концлагере, где кормили "лошадиными трупами двухдневной давности". Не это ли имел в виду Б. Соколов, призывая нас "извиниться перед Финляндией"? Напрасно он думает, что "позиция Финляндии могла быть совершенно иной в 1941 г. Возможно, даже нейтральной". Могла быть, но отнюдь не стала бы, ибо финское правительство мечтало создать великую Финляндию.

"Действительно, усилила ли победа в финской кампании безопасность СССР в целом и Ленинграда в частности? - рассуждал Б. Соколов. - Ответ один: нет, не усилила, а, наоборот, ослабила". Он доказывает это: "В июне 1941 г. финские войска вместе с гитлеровцами напали на Советский Союз и уже 31 августа захватили печально знаменитый поселок Майнила. В какие-нибудь два-три месяца финны достигли прежней границы на Карельском перешейке и даже пересекли ее, что, правда, не вызвало падения Ленинграда".

Но этот автор, попавший в плен антисоветским миазмам, не пытался ответить на вопросы: А что было бы, если бы финские войска начали наступление с прежней границы? Где бы они находились через два-три месяца? Бережков верно рассуждал: "...что было бы, если бы граница с Финляндией проходила там, где она проходила до весны 1940 года. Вопрос еще - устоял бы Ленинград? Значит, что-то в этом было, значит, нельзя сказать, что мы только потеряли, дискредитировали себя" (Комсомольская правда. 08.08. 1989).

Отметив, что в результате победы над финнами СССР "улучшил свое стратегическое положение на северо-западе и севере, создал предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги", А. Орлов посчитал, что "территориальные выигрыши 1939-1940 гг. оборачивались крупными политическими проигрышами". Но можно безошибочно утверждать, что они с лихвой покрывались тем, что немецкие войска напали на нас с позиций, удаленных на 300-400 километров от старых границ. В ноябре 1941 года они подошли к Москве. Где бы они были, если бы границу Советский Союз не отодвинул на запад?

Л. Безыменский, осуждая политику советского правительства в 1939-1940-е годы изрек: "Сталин, казалось, мог торжествовать. Но цена полученной отсрочки оказалась страшной. После 22 июня 1941 года дивизии вермахта быстро прошли через районы Западной Белоруссии,

Западной Украины и Прибалтики, которые Красная Армия не успела освоить и приспособить к обороне".

А разве было бы лучше нашей стране, если бы Сталин не добился этой "отсрочки", если бы германские вооруженные силы в 1939 году начали наступление против советских войск с позиций вблизи Ленинграда, Минска и недалеко от Киева? Этот неотвратимый и кардинально важный вопрос Безыменский предпочел не затрагивать. А без ответа на него рассуждения и оценки уважаемого профессора теряют свою доказательность.

Генерал-полковник В. Череватов правильно заключил: "Гитлер еще до начала боевых действий против СССР проиграл И. В. Сталину две самые важные стратегические операции - **битву за Пространство и битву за Время**, чем и обрек себя на поражение уже в 1941 году" (Советская Россия. 23.04. 2005).

Глава 8. Разгром франко-английских армий

Англия и Франция вели с 3-го сентября 1939 года странную войну с Германией. И в это самое время американская компания "Стандард ойл" снабжала Гитлера нефтью, поставки которой осуществлялись через франкистскую Испанию. Американские танкеры везли нефть на Канарские острова, а оттуда уже немецкие танкеры доставляли её в Гамбург. 15 июля 1941 года военная разведка США докладывала: "Примерно 20% этих поставок предназначаются для фашистской Германии, причём команды шести судов из тех, которые осуществляют перевозки по этому маршруту, набраны преимущественно из нацистов. Нашему агенту удалось выяснить, что немецкие подводные лодки, постоянно курсирующие в районе Канарских островов, подходят туда именно с целью заправки. Этот же агент обратил внимание на следующее: до сих пор ни один из танкеров концерна "Стандард ойл" не был торпедирован ВМС Германии, в то время как суда других американских компаний, действовавших на иных маршрутах, постигла такая участь" (Хайзм Ч. Торговля с врагом. М. 1986. С. 66).

Германия в декабре 1941 года объявила войну США, но даже и в 1944 году она ежемесячно получала через Испанию 48000 тонн американской нефти и 1100 тонн вольфрама. Американский публицист Чарльз Хайэм заметил: "Нетрудно представить реакцию граждан США и Великобритании, заяви им, что в 1942 году корпорация "Стандард ойл" торговала горючим с Германией через нейтральную Швейцарию и что горючее, предназначавшееся союзникам, получал их противник. Их охватил бы справедливый гнев. Как бы они были возмущены, узнай, что после событий в Перл-Харборе "Чейз бэнк" заключал миллионные сделки с врагом в оккупированном Париже с полного ведома правления этого банка в Манхэттене; что во Франции

грузовики, предназначенные для немецких оккупационных войск, собирались на тамошних заводах Форда по прямому указанию из Дирборна (штат Мичиган), где находится дирекция этой корпорации; что полковник Состенес Бен, глава многонациональной американской телефонной корпорации ИТТ, в разгар войны отправился из Нью-Йорка в Мадрид, а оттуда в Берн, чтобы оказать помощь гитлеровцам в совершенствовании систем связи и управляемых авиабомб, которые варварски разрушали Лондон (та же компания участвовала в производстве "фоккевульфов", сбрасывавших бомбы на американские и британские войска); что шарикоподшипники, которых так недоставало на американских предприятиях, производивших военную технику, отправлялись латиноамериканским заказчикам, связанным с нацистами. Причем делалось это с тайного согласия заместителя начальника управления военного производства США, который одновременно был деловым партнёром родственника рейхсмаршала Геринга в Филадельфии. Заметим, что в Вашингтоне обо всём этом отлично знали и либо относились с одобрением, либо закрывали глаза на подобные действия". Как все это следует расценить?

Англия и Франция, объявив войну Германии, напавшей на Польшу, вели "сидячую", "странную" войну, которая фактически стала по своей сути недвусмысленной попыткой продолжить провалившуюся политику "умиротворения" агрессора. Германское командование объявило, что с сентября 1939 года по май 1940 года немецкая армия потеряла на Западном фронте всего лишь 196 человек убитыми, 356 человек ранеными, 144 человека пропавшими без вести, 11 самолетов. Такое развитие событий подтвердило правильность оценки советским правительством позиции Англии и Франции, которые, желая избежать настоящей войны с Германией, хотели столкнуть ее с СССР.

Во время советско-финской войны они планировали нападение на нашу страну, решили сформировать экспедиционный корпус в составе 150000 человек для отправки в Финляндию, подвергнуть бомбардировкам советские нефтепромыслы в Баку, Майкопе, Грозном. 12 марта 1940 года премьер-министр Даладье заявил, что Франция поставила Финляндии 145 самолётов, 496 орудий, 5000 пулемётов, 400000 винтовок и 20 млн. патронов. Чемберлен сообщил 19 марта в британском парламенте, что из Англии в Финляндию были отправлены 101 самолёт, 114 орудий, 185000 снарядов, 200 противотанковых орудий, 100 пулемётов "Виккерс", 50000 газовых снарядов, 15700 авиабомб, много обмундирования и снаряжения. (Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939-1940. М. С. 173). В Финляндию прибыли 11600 иностранных добровольцев: шведов 8680 человек, датчан 944, норвежцев 693, американских финнов 364 и венгров 346. (Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии. Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. 1998. С. 199).

Французские штабы разработали план военных действий против СССР, предусматривающий высадку англо-французского десанта в Печенге (Петсамо), воздушные удары по важным объектам на советской территории. В служебной записке начальника генштаба ВМФ Франции адмирала Дарлана премьер-министру Э. Даладье необходимость подобной операции обосновывалась так: "В районе Мурманска и в Карелии содержатся тысячи политических ссыльных, и обитатели тамошних концентрационных лагерей готовы восстать против угнетателей. Карелия могла бы в конце концов стать местом, где антисталинские силы внутри страны могли бы объединиться" (С. 248).

Заместитель начальника французского генштаба ВВС генерал Бержери в декабре 1939 г. говорил, что англо-французские союзники предпримут нападение на СССР не только на севере, в Финляндии, но и на юге, в Закавказье. "Генерал Вейган командует войсками в Сирии и Ливане. Его силы будут наступать в общем направлении на Баку с тем, чтобы лишить СССР добываемой здесь нефти. Отсюда войска Вейгана продвинуется навстречу союзникам, наступающим на Москву из Скандинавии и Финляндии". "Я был удивлён и польщён, - писал в своих мемуарах П. Стелен, - что меня конфиденциально познакомили с операцией столь крупного масштаба. Замысел операции был выражен на карте двумя изогнутыми стрелами: первая - из Финляндии, вторая - из Сирии. Заострённые наконечники этих стрел соединялись в районе на восток от Москвы". Эти поразительные по своей тупости прожекты отвлекали англичан и французов от самого главного - реального укрепления своей обороны.

Г. Гудериан указал, что в немецких "верхах надеялись избежать серьезной военной кампании. Пассивное до некоторой степени поведение французов во время зимы 1939/40 г. приводило к выводу, что желание воевать у Франции было невелико" (С. 131). На участке фронта у Саарбрюккена французы вывесили огромные плакаты: "Мы не произведём первого выстрела в этой войне!". Отмечались многочисленные случаи братания французских и немецких солдат, которые навещались друг к другу в гости, обмениваясь продовольствием и спиртными напитками. (Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М. 1973. С. 351).

Когда же один из инициативных командиров французского артиллерийского полка, занимавшего позиции в районе Бельфора, начал предварительную пристрелку возможных целей, то за это его чуть не предали военно-полевому суду. "Понимаете, что вы сделали? - распекал своего подчинённого командир корпуса. - Вы чуть-чуть не начали войну!". (Секистов В. А. Война и политика. М. 1970. С. 76). Действительной войны-то пока и не было, хотя она и объявлялась. С 3 по 27 сентября только английские военно-воздушные силы обрушили на головы немецких обывателей 18 млн. листовок. Маршал авиации А. Харрис заметил: "Я лично считаю, что един-

ственное, чего мы добились, - это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны. Многие из этих листовок были столь глупо и поребически написаны, что, пожалуй, хорошо, что их скрывали от английской общественности, даже если нам приходилось рисковать и терять напрасно экипажи и самолёты, сбрасывая эти листовки на врага" (Мэйсон Д. "Странная война". От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М. 1992. С. 82-83).

В дневнике Гальдера от 25 сентября 1939 года упоминается о предстоящем "плане фюрера предпринять наступление на Западе". 27 сентября Гитлер сообщил командующим видами вооруженных сил о своем решении "наступать на Западе как можно скорее, поскольку франко-английская армия пока еще не подготовлена". По утверждению Браухича, он даже наметил дату наступления - 12 ноября. Через два дня Гальдер сделал в дневнике пометку: фюреру необходимо пояснить, что "боевой опыт, приобретенный в Польше, не является рецептом для наступления на Западе; не годится против крепко спаянной армии".

10 мая 1940 года Германия начала стремительное генеральное наступление на Западе. Прошло лишь пять дней, и трусоватый французский премьер-министр Рейно позвонил Черчиллю и сказал: "Мы потерпели поражение". Тот сразу прилетел в Париж, чтобы переломить пораженческое настроение у союзного правительства. Но не добился успеха. Уже 22 июня Франция - после военного краха - капитулировала.

Генерал де Голль главной причиной быстрого поражения французской армии считал то, что ее командные кадры оказались во власти рутины: "В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания Первой мировой войны. ...Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом" (Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 196). Сходную оценку дал Гудериан: "Немецкое командование могло с уверенностью считать, что оборона Франции с учетом использования укреплений планируется осторожно и схематично по доктрине, основанной на выводах из первой мировой войны, т.е. на опыте позиционной войны, - высокой оценке огня и недооценке маневра" (С. 131).

Большой разницей существует в оценках того, что в июне 1940 года Гитлер позволил 300000 английских солдат эвакуироваться через Ла-Манш из Франции, отдав по радио приказ - без шифровки - остановить их окружение. Манштейн в "Утерянных победах" посчитал это большой ошибкой фюрера: он, желая "избежать войны с Англией", отказался от решающего сражения с нею "летом 1940 года и упустил единственный для него шанс", это помешало ему

позже решиться на вторжение в Англию и дало "затем возможность англичанам продолжать войну в Африке и Италии". Но Манштейн признал, что вторжение в Англию было связано тогда "с чрезвычайным риском": немцы не смогли завоевать господство в воздухе, им не доставало военно-морских сил.

Генерал-фельдмаршал Рундштедт говорил, что после дюнкерского "чуда" Гитлер "надеялся заключить с Англией мир". Французский историк А. Гутар тоже полагал: "Гитлер был убежден, что Англия... будет вынуждена заключить мир. Он имел твердое намерение облегчить англичанам это дело и предложить им чрезвычайно великодушные условия. Было ли удобно при этих условиях начать с того, чтобы захватить у них их единственную армию?" (Розанов Г. Сталин. Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939-1941. М. С. 204).

Черчилль предположил, что Гитлер, остановив наступление танковых частей на Дюнкерк, хотел дать возможность заключить мир или улучшить перспективы для Германии на заключение выгодного мира с Англией. Гудериан оспаривал эту мысль, утверждая: "...я не встречался с фактами, которые могли бы подтвердить это мнение. Несостоятельно также и другое предположение Черчилля, что танковые части якобы были остановлены по решению Рундштедта. Как участник этих боев я могу заверить, что хотя героическое сопротивление Кале заслуживает всяческого признания, но оно не оказало никакого влияния на ход боевых действий под Дюнкерком. Напротив, правильным является предположение, что Гитлер и прежде всего Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспреещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерение Великобритании заключить мир с Гитлером или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии (С. 164).

Здесь важно то, что **Гитлер и высшее германское военное командование не планировали вторгаться в Англию, хотели добиться мира с нею, а в дальнейшем использовать её и как союзницу.** Гальдер написал 21 мая 1939 года: "... основной противник... для нас - Франция. Мы ищем контактов с Англией на базе разделения сфер влияния в мире" (Т. 1. С. 412). Гарт удивлялся: "...как это ни странно, но ни Гитлер, ни немецкое верховное командование не разработали планов борьбы против Англии. Еще более странно, что ничего не было сделано даже в течение той девятимесячной паузы, после которой в 1940 году началось наступление немцев на Западе. Никакого плана не было разработано и тогда, когда неизбежным стало поражение Франции. Таким образом, очевидно, что Гитлер рассчитывал добиться согласия англий-

ского правительства на компромиссный мир на благоприятных для Англии условиях... немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию. В штабе сухопутных войск не только не планировали эту операцию, но даже не рассматривали подобную возможность" (Вторая мировая война. С. 95).

Ширер, изучивший захваченные американцами немецкие военные архивы, подтвердил эту мысль: "...ни Гитлер, ни верховное командование, ни высшие штабы сухопутных войск, ВМС и ВВС никогда всерьез не рассматривали вопрос о том, как вести и выиграть войну против Великобритании". В середине лета 1940 года Гитлер "не имел четкого представления, что делать дальше, как довести войну до победного завершения". Тогда он говорил, что "все, чего он хочет от Англии - это признания германских позиций на континенте". Его "целью является заключить с Англией мир на основе переговоров. ...Наши народы по расе и традициям едины" (Прозектор Д. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. 1985. С. 214).

Очень быстрый разгром Франции стал крайне огорчительным сюрпризом для советского правительства. К. Ворошилов признал после войны: "Мы все-таки думали, что если Германия нападет на Англию и Францию, то она там завязнет надолго" (Комсомольская правда 24.08.1988). События пошли по-иному пути, стратегическое положение СССР существенно ухудшилось. Наше политическое и военное руководство - особенно после советско-финской войны - понимало, что общая боеготовность Красной Армии была не на должном уровне, она нуждалась в боевой технике новейших образцов, надо было серьезно повысить оперативно-тактическую и техническую подготовку командиров. Еще 1 сентября 1939 года Верховный Совет СССР в обостряющейся, пахнущий военной гарью обстановке принял Закон о всеобщей воинской обязанности.

Глава 9. План "Барбаросса" подписан

22 июля 1940 года английское руководство отклонило мирное предложение Берлина. Это серьезно озадачило германскую верхушку, перед нею встал вопрос о быстрейшем выводе Англии из войны. Геббельс записал в дневнике 13 июля 1940 года: "Фюрера больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира. Он, как и мы, видит причину этого в том, что Англия ещё надеется на Россию. Поэтому он считает, что придется силой принудить Англию к миру. Однако он не охотно идет на это. Причина: если мы разгромим Англию, вся Британская империя распадется. Но Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и др."

После войны Гальдер, анализируя ситуацию 1940 года, считал, что тогда Гитлер будто бы не исключал возможности избежать войны с Россией, если та проявит "разумность" в своих устремлениях в западном направлении. Это значило: Гитлер в то время полагал, что есть возможность заставить СССР придерживаться выгодной политики для Германии, и он не будет мешать "решить вопрос об Англии". По словам Геббельса от 1 ноября 1940 года, Гитлер считал: "Тройственный пакт является не антикоминтерновским, а направленным на ликвидацию гегемонии Англии. ...Фюрер надеется, что ему удастся привлечь Россию к единому антианглийскому фронту".

12-13 ноября, принимая Молотова в Берлине, Гитлер предложил обсудить план "раздела мира" между Германией, Италией, Японией и СССР, т. е. он хотел, чтобы СССР подписал провокационный документ о его присоединении к "континентальной коалиции". Это, по задумке Гитлера, могло помочь ему добиться почетного мира с Англией, возглавляемой непреклонным Черчиллем. Этот мир потом облегчил бы Германии возможность вскоре разгромить Советский Союз и обеспечить ей расширения "жизненного пространства". Геббельс писал 14 ноября после завершения германо-советских переговоров в Берлине: "Никакого взаимосвязывающего соглашения не будет (!). ...Вопрос о Тройственном пакте. Россия согласно с пактом, но не намерена к нему присоединяться". Добиться своей цели Гитлер не смог. Молотов отверг его политические инсинуации и жестко потребовал конкретно ответить, чего добивается Берлин в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Молотов говорил Чуеву о цели этих переговоров: "На этом мы должны были их испытать, хотят ли они действительно с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать... Мы, со своей стороны, должны были прощупать его (Гитлера) более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять - не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали выводы... Он (Гитлер) хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии" (С. 127.)

Политическая игра продолжилась. Советское руководство 25 ноября сообщило Берлину о возможности принять предложенный проект Пакта четырех держав о Политическом и экономическом сотрудничестве при выполнении ряда условий: германские войска должны уйти из Финляндии, необходимо заключить договор между СССР и Болгарией о взаимопомощи, разместить советские войска в военно-морских базах в районе Босфора и Дарданелл и др.

Мельтюхов в "Упущенном шансе Сталина..." заключил: "По справедливому мнению ряда авторов, ответом на это советское предложение стало утверждение Гитлером 18 декабря директивы № 21 "План Барбаросса", которым предусматривалось напасть на СССР 16 мая 1941 г. и молниеносно разгромить его" (С. 283). Житель Берлина, "гражданин мира" А. Гогун заявил в "Русской мысли" (№ 4341. 2000), что советское руководство вынудило Германию напасть на СССР, для нее после безрезультатного исхода переговоров с Молотовым 12-13 ноября 1940 г. "стала ясной угрозой нападения Красной армии", и потому 18 декабря 1940 года Гитлер подписал план "Барбаросса".

Это фальсификация, Германия стала конкретно готовиться к агрессии против Советского Союза сразу после капитуляции Франции. Гитлер считал, что "разгром России заставит Англию прекратить борьбу", а если она на это не пойдет, тогда "Германия будет продолжать борьбу против Англии при самых благоприятных условиях". Гальдер зафиксировал в своем дневнике, что Гитлер 31 июля 1940 г. раскрыл своим генералам вариант новой стратегии Германии: "Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению... Надежда Англии - Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. ...Существование второй великой державы на Балтийском море нетерпимо. Начало - май 1941 года. Лучше всего было бы уже в этом году, однако это не даст возможности провести операцию слаженно".

В беседах с Кейтелем в июне 1940 года Гитлер предлагал предпринять "восточный поход" этой же осенью. Военные убедили его, что осень неблагоприятное время для ведения германской армией военных действий в России. В конце июля он согласился перенести начало "восточного похода" на весну 1941 года. План нападения на СССР начали разрабатывать 25 июня 1940 года. "Третий рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, - хвастливо предсказывал Гитлер, - просуществует тысячу лет". Главную идею своего плана он высказал еще в "Майн кампф": "Мы прекращаем бесконечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наши взоры в сторону земель на Востоке... Когда мы говорим сегодня о приобретении новых земель и нового пространства в Европе, то в первую очередь думаем о России и о подчиненных ей окраинных государствах... Эта колоссальная империя на Востоке созрела для ее ликвидации".

Из всего этого следует, что выход из стратегического тупика, в какой попала Германия после отказа Великобритании от предложенного ей мира, гитлеровская верхушка искала в быстром военном разгроме СССР. Мог быть осуществлен тогда и другой план: адмирал Редер предлагал захватить Египет и лишить Англию последней крупной базы в Восточном Средиземноморье, заставить Турцию вступить в союз с Германией. После этого выйти к южным границам СССР, поставить под угрозу удара вермахта советские нефтяные месторождения на Кавказе.

Д. Фуллер так оценил последствия предполагаемой потери англичанами Египта: "...вся Северная Африка перешла бы в руки итальянцев и немцев. Тогда они могли бы заставить Испанию вступить в войну, прижать Турцию, открыть дорогу в Россию через Армению и Грузию, наконец, Британия попала бы в такое отчаянное положение, что у американцев пропало бы желание поддерживать ее. Если бы произошли все эти события, причем они вовсе не были невозможными, Британии пришлось бы пойти на переговоры о мире, потому что без американской помощи - а Америка была для нее таким же важным стратегическим районом, как и ее собственные центральные графства, - Британия при всем желании не могла продолжать борьбу". Фуллер полагал, что Гитлер и его генеральный штаб тогда "не могли понять, что единственный способ вынудить Британию выйти из войны - нанести по ней косвенный, а не прямой удар, то есть подорвать ее островную безопасность войной на истощение, а не бросаться на штурм, к которому немцы были не подготовлены".

Но осуществление этого плана означало, что надо было бы отложить по меньшей мере на целый год нападение на Россию. А за это время вооруженные силы СССР могли существенно повысить свою боеспособность. Гитлер и его генералы считали тогда уничтожение Советского Союза первоочередной задачей, для всего остального, думали они, лучшее время придет.

Ширер оценил это как крупнейшую ошибку: "В конце мая 1941 года Гитлер, используя только часть своих сил, мог нанести сокрушительный, вероятно, даже роковой удар по Британской империи. Никто не понимал этого лучше, чем оказавшийся в тяжелейшем положении под давлением обстоятельств Черчилль. В письме президенту Рузвельту от 4 мая он признавал, что если Египет и Ближний Восток будут потеряны, то продолжение войны "превратится в трудную, долгую и мрачную проблему", даже при условии вступления в конфликт Соединенных Штатов. Но Гитлер этого не понял. Его слепота тем более непостижима, поскольку балканская кампания задержала операцию "Барбаросса" на несколько недель, поставив ее тем самым под угрозу. Захват России теперь предстояло осуществить в более короткие сроки, чем первоначально планировалось. Ибо существовал непреодолимый рубеж - русская зима, из-за которой

потерпели поражение Карл XII и Наполеон. У немцев оставалось только шесть месяцев до наступления зимы для захвата огромной страны, которую еще никогда не завоевывали с запада. ...Эта задержка оказалась роковой. Апологеты военного гения Гитлера утверждают, что балканская кампания не вызвала ощутимых изменений в графике осуществления плана "Барбаросса" и что перенос срока был вызван главным образом поздней оттепелью, из-за чего дороги Восточной Европы оставались месивом грязи вплоть до середины июня. ...Фельдмаршал Ф. Паулюс ...который в то время являлся главным разработчиком плана русской кампании в генеральном штабе сухопутных войск, показал на Нюрнбергском процессе, что решение Гитлера напасть на Югославию отодвинуло начало "Барбароссы" примерно на пять недель".

Однако А. Тейлор утверждал иное: "Это легенда, придуманная немецкими генералами для оправдания своего поражения в России и фактически ничем не основанная. Лишь 15 из 150 немецких дивизий, предназначенных для первого удара, были отвлечены на Балканах, вряд ли это серьезная потеря. Планы мобилизации в Германии для Восточного фронта не были выполнены к 15 мая по совершенно другой причине: вследствие недостатка снаряжения, особенно автотранспорта. ...Даже при месячной отсрочке 92 немецкие дивизии... пришлось снабжать целиком или частично из французских ресурсов" (С. 453).

Гарт указал на то, что "1941 год был исключительно неблагоприятным в отношении погоды": "Зима длилась дольше, чем обычно. Вплоть до июня на протяжении многих миль берега Буга были скрыты под водой. Такая же погода стояла и в районах, расположенных севернее. Генерал Манштейн, командовавший в то время ударным танковым корпусом в Восточной Пруссии, вспоминал, что в конце мая и начале июня там прошли сильные дожди. Если бы вторжение началось раньше, то шансы на его успех были бы невысокими, и, как заявил Гальдер, весьма сомнительно, что более ранний срок вторжения был бы более приемлемым, и поэтому задержка, связанная с кампанией на Балканах, не играет большой роли".

Роковой удар по Англии в то время Гитлер, как отмечалось, не считал первоочередной задачей, он настойчиво искал мира с нею. Самое главное: Гитлер и немецкие генералы, у которых сильно закружилась голова после блистательных побед над Польшей и Францией, были твердо уверены в том, что германским войскам 5 месяцев вполне достаточно для полного разгрома Красной Армии.

Гитлеровское руководство несколько не сомневалось в успешном осуществлении плана "Барбаросса". Об этом говорит и то, что еще весной 1941 г. оно начало разрабатывать план завоевания мирового господства. В служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17 февраля 1941 г. излагалось требование Гитлера: "После окончания восточной

кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию". Штаб ОКВ эти операции наметил провести осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. Замысел их был изложен в проекте директивы э 32 ("Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса"), направленной в сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы 11 июня 1941 г. "Проект предусматривал после разгрома Советских Вооруженных Сил захват английских колониальных владений и некоторых независимых стран в бассейне Средиземного моря, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, развертывание военных действий против Америки. Германские стратеги рассчитывали уже осенью 1941 года приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Немецко-фашистское руководство надеялось, присоединив к Германии Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Англию от ее сырьевых источников и предпринять осаду островов. Разработка директивы э 32 и других документов свидетельствует, что после разгрома СССР и решения "английской проблемы" гитлеровцы намеревались в союзе с Японией "устранить влияние англосаксов в Северной Америке". Захват Канады и Соединенных Штатов Америки предполагалось осуществить при помощи крупных морских десантов, высаженных с баз в Гренландии, Исландии, на Азорских островах и в Бразилии на восточное побережье Северной Америки и с Алеутских и Гавайских островов - на западное", - писал профессор О. Ржешевский в предисловии к труду У. Ширера "Взлет и падение третьего рейха". Но война с Советским Союзом пошла не так, как запланировали гитлеровские генералы, в конце 1941 года им пришлось думать не о завоевании Индии и США, а о том, как спасти свои войска от окончательного разгрома и уничтожения.

В. Резун в книге "Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз?" (2000) обманывает читателей, утверждая, что германские генералы "ничего не знали про наш климат и наши дороги". Г. Гудериан в "Воспоминаниях солдата" писал: "...зима и весна 1941 г. были для меня кошмаром. Новое изучение походов шведского короля Карла XII и Наполеона I показало все трудности этого театра военных действий... Все руководящие лица верховного командования вооруженных сил и главного командования сухопутных сил, с которыми мне приходилось разговаривать, проявляли непоколебимый оптимизм и не реагировали ни на какие возражения (С.193).

Фельдмаршал фон Рундштедт, прошедший большую часть Первой мировой войны на Восточном фронте, весной 1941 года будто бы спросил Гитлера, знает ли он, что значит вторгнуться в Россию, и сказал: "Война с Россией - бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца. Но если, по политическим причинам, война неизбежна, мы

должны согласиться, что ее нельзя выиграть в течение одной лишь летней кампании. ...Мы должны подготовиться к длительной войне и постепенно достигать своих целей".

На суде в Нюрнберге Кейтель заявил, что он был против войны с Россией и в своем меморандуме Гитлеру предлагал отказаться от плана нападения, "не вести войны против Советского Союза" (Нюрнбергский процесс... Т. 5. С. 384). Вестфаль утверждал: "Главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер отговаривали Гитлера от войны с Россией. С такими же предостережениями обращался к нему и генерал Кестринг, который много лет жил в России, хорошо знал её и самого Сталина".

Так ли было на самом деле? У. Ширер писал в своей книге, что еще в конце июля 1940 г. Браухич заверил Гитлера, что война с Советским Союзом "продлится от четырех до шести недель". И далее: "Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что генералы в высшем руководстве армии возражали против решения Гитлера повернуть оружие против Советского Союза... Позднее Гальдер будет с иронией писать о "русской аванюре Гитлера", утверждая, что с самого начала высшие военачальники были против этого. Однако в записях за декабрь 1940 года в его объемистом дневнике нет ни слова, которое подтвердило бы это заявление. В действительности из дневниковых записей складывается впечатление, что все военачальники были полны энтузиазма в связи с намечаемой авантурой".

На совещании высших генералов ОКБ и главного командования сухопутных войск (ОКХ) 3 февраля 1941 года Гальдер докладывал в общих чертах планы генштаба сухопутных войск, позднее он утверждал, что они с Браухичем "высказывали сомнения в правильности оценки советской военной мощи и в целом выступали против реализации плана "Барбаросса", считая его авантурой, однако ни в его дневниковых записях за эти дни, ни в официальном совершенно секретном меморандуме ОКБ по поводу совещания об этом не говорится ни слова. На самом деле из этих документов явствует, что сначала Гальдер оценивал противостоявшие русские силы приблизительно как 155 дивизий, заметив, что немецкие силы насчитывают примерно столько же, но "они куда выше по качеству". Много позднее... Гальдер и его коллеги поняли, что данные разведывательных служб о Красной Армии были ошибочными".

Решение фашистского руководства о нападении на СССР У. Ширер оценил как "самое роковое из всех его решений". Генерал Г. Блюментрит считал: "Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну". Г. Гудериан признал: "...роковой была недооценка сил противника. Гитлер не верил ни донесениям о военной мощи огромного государства, представляемым военными инстанциями, особенно нашим образцовым военным атта-

ше в Москве генералом Кестрингом, ни сообщениям о мощи промышленности и прочности государственной системы России. Зато он умел передать свой необоснованный оптимизм непосредственному военному окружению". Уже во время войны Гудериан "указал Гитлеру на то обстоятельство, что русские имеют большое превосходство в танках, которое будет увеличиваться, если потери в танках у нас будут одинаковые". Гитлер сказал ему: "Если бы я знал, что ваши данные о количестве русских танков соответствует действительности, я бы наверняка не начал эту войну" (С. 256).

С. Иванов в книге "Штаб армии, штаб фронтовой" (1990) писал: "Сталин стремился самим состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность. ...Если бы мы продемонстрировали Гитлеру нашу подлинную мощь, он, возможно, воздержался бы от войны с СССР в тот момент". Наше правительство пыталось показать Германии силу советской державы. В конце апреля оно организовало поездку военного атташе немецкого посольства в Москве и других военных экспертов на Урал и в Западную Сибирь для осмотра заводов, выпускавших танк Т-34, который был лучше все типов немецких танков, и новых бомбардировщиков, по скорости и дальности полета превосходивших "юнкерсы". Не ясно, как мы могли более наглядно продемонстрировать свою "подлинную мощь".

Фальсификатор В. Юровицкий в статье "Готовился ли второй "Брестский мир" в 41-м году?" так представил "сталинское объяснение, как произошла война": Германия предъявила к СССР претензии территориального, экономического и политического характера. Сталин отверг их, после чего она и напала на нас (Литературная газета. № 24-25. 2001). Сообщение об этих претензиях - досужая выдумка.

Начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель издал 15 февраля 1941 г. секретную "Директиву по дезинформации противника" (ее обновили 12 мая). Жуков писал: "Чтобы скрыть подготовку к операции "Барбаросса", отделом разведки и контрразведки главного штаба были разработаны и осуществлены многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось "в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию". Были напечатаны в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось "оцепление" некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш и в Норвегии. Распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках распространялись сведения в одном варианте

о том, что они идут на отдых перед вторжением в Англию, в другом - что войска будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовым названием "Акула" и "Гарпун". Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза" (Т. 1. С. 288).

25.05. 1941 г. Геббельс записал в дневнике: "В отношении России нам удалось осуществить великолепный информационный обман" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4). 06.06. 1941 года.: "Наша работа по маскировке идет безупречно. Весь мир говорит о предстоящем вскоре заключении военного пакта "Берлин-Москва". То-то удивится, узнав, что из этого выйдет!" 18.06. 1941 г.: "Маскировка от России достигла своей наивысшей точки! Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сами с трудом ориентируемся".

Глава 10. Как германская агрессия стала внезапной

"Российская газета" 18 июня 2009 г. бичевала Сталина за то, что он не поверил разведчикам, сообщавшим о нападении Германии 22 июня: "Сталин твердо знал, что главная угроза СССР исходит от Англии и уж никак не от Адольфа Гитлера". Г. Гудков в 2010 г. заявил в "Сенаторе": "Советский Союз с самого момента своего появления готовился к войне, готовился каждый день. Но только не к войне с Германией. Почему? ...Власть совершила чудовищные стратегические и тактические ошибки, она проворонила исходящую от Гитлера угрозу. Сталин несет за это полную ответственность! О неизбежности войны с Германией доносила разведка, советскую верхушку пытались убедить военные специалисты, дипломаты, но никто не мог до Сталина "докричаться", не мог повлиять на ход событий и тем самым предотвратить огромные жертвы. Вожди Советского Союза упрямо вели свой народ на заклание и они несут перед нацией и историей ответственность". Конечно, такое заявление, не подкрепленное конкретным анализом, мало чего стоит.

Со второй половины 50-х гг. распространяется миф о том, что советская разведка сообщала точную дату нападения Германии, но Сталин не внял предупреждениям. И потому наше руководство не сумело хорошо подготовиться к отражению агрессии, что привело к поражениям 1941 г. Заместитель начальника управления Генштаба генерал-полковник Г. Михайлов писал: "Вопреки некоторым бытующим представлениям в Центр регулярно поступала достоверная информация о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. С большой точностью были переданы боевой состав, численность, группировка войск противника, сообщено решение Гитлера о нападении на СССР, поступала информация о первоначальных сроках

нападения и о последующих изменениях в них. Исследования трофейных документов показали, что данные советской разведки о противнике были очень близки к реальным" (Аргументы и факты. 1989. № 4).

Соответствует ли это действительности? Сталина не раз порицали за то, что он, "осторожный и все просчитывающий политик", не доверял "не только своим Штирлицам, сообщавшим с точностью до одного-двух дней о дате нападения, но и высоким государственным европейским деятелям, подозревая их в провокации" (Литературная Россия. 16.06. 2000). В. Сафрончук не без оснований назвал ложной версию о том, "что западные державы неоднократно предупреждали Москву о готовящемся нападении Германии на Советский Союз" (Советская Россия. 10.06. 2000).

Весной 1941 года наша разведка доложила в Кремль, что британские агенты в США распускают провокационные слухи о подготовке СССР к нападению на Германию. П. Судоплатов пишет: "От нашего полпреда в Вашингтоне Уманского и резидента в Нью-Йорке Овакимяна к нам поступили сообщения, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд... сумел подсунуть "утку" в немецкое посольство в Вашингтоне. Дезинформация была отменной: если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера..." Это стало одной из причин того, что Сталин не стал доверять и поступавшей из Англии информации о немецких намерениях.

В апреле 1941 года Черчилль сообщил Сталину о фактах, говорящих о подготовке Германии к нападению на СССР. Сталин расценил это как провокацию. В. Сиполс в книге "Великая победа и дипломатия" на основе анализа секретных документов дипломатической переписки между Москвой и Лондоном показал, что исходившая от Черчилля и Идена информация была искаженной, направленной только "на то, чтобы поскорее втянуть СССР в войну с Германией".

Во время одной из бесед со Сталиным Черчилль сказал: "Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: "Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?" "Да, я действительно заявил это, - сказал я, - имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года". И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с запозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: "Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого". Стоит помнить это заявление Сталина.

В подписанной 18 декабря 1940 года Гитлером директиве № 21 - плане "Барбаросса" - ставилась задача: "Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии", устанавливался срок завершения военных приготовлений - 15 мая 1941 года - и подчёркивалось: "Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны". В. Данилов, не поверив в то, что Г. Жуков не был знаком до войны с планом "Барбаросса", бездоказательно утверждал: "Спустя 18 дней после подписания Гитлером директивы № 21 с содержанием плана "Барбаросса" уже ознакомился Сталин. И, конечно, о нем не могли не знать начальник Генштаба и нарком обороны" (Независимое военное обозрение. 22.06. 2001).

В действительности, как сообщил начальник Главного Разведывательного управления в 1963-1987 гг. генерал армии П. Ивашутин, наша разведка смогла добыть не "основные положения" плана "Барбаросса", как нередко утверждалось в советской печати, а всего лишь "данные о принятии Гитлером решения и отдаче приказа о непосредственной подготовке к войне против СССР".

Что же узнала наша разведка? Военный атташе в Берлине полковник Н. Скорняков доложил начальнику Разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенанту Ф. Голикову: ""Альта" сообщил[а], что "Ариец" от высоко информированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года". "Альта" - резидент нелегальной резидентуры Разведуправления Генштаба РККА в Берлине немецкая журналистка Ильзе Штёбе. "Ариец" - заведующий отделением информационного отдела МИД Германии Рудольф фон Шелиа. С этим донесением ознакомились Сталин, Молотов, нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Мерецков.

4 января 1941 года из Берлина поступила дополнительная информация: ""Альта" запросил[а] у "Арийца" подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 года. "Ариец" подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причём это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам... Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке" (1941 год: В 2 кн. М. 1998. С. 508).

Наша разведка разузнала, что Гитлер подписал приказ о подготовке к войне против СССР, это стало её большим успехом, но подробностей приказа она выяснить не смогла. В этих сообщениях не обошлось без дезинформации: сроком нападения на СССР назван март вместо 15 мая, утверждалось, что оно совершится лишь после победы над Англией.

Н. Хрущев пытался сделать Сталина козлом отпущения, свалить на него многие просчеты и ошибки. В докладе "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС он допустил недобросовестную манипуляцию в обращении с фактами, утверждая: "Следует сказать, что ...информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками. Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: "Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР... Главные удары будут нанесены с севера (через Финляндию и Прибалтику) и юга (через Румынию). Одновременно намечены мощные налёты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах..." (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3).

Хрущёв умолчал об оценке этих сведений наркомом Военно-морского флота адмиралом Кузнецовым: "Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР". Кузнецов имел право отнести эти сведения к ложным, вместе с тем нельзя игнорировать тот немаловажный факт, что в них верно говорилось о подготовке немцев к вторжению в СССР. 30 апреля 1941 г. Гитлер решил напасть на нас 22 июня. Дезинформацией в сообщении было и то, что основные удары будут нанесены на севере и юге. Главный удар германских войск был осуществлен на центральном направлении - против Западного военного округа. Не планировались в первые недели войны и мощные налёты авиации на Москву и Ленинград. Тогда немецкая авиация, стремясь быстрее вывести наши самолеты из строя, была нацелена преимущественно на бомбежку советских приграничных аэродромов.

11 марта 1941 г. на совещании Верховного командования вооружённых сил Германии среди решений, касающихся подготовки к войне против СССР, было принято и такое: "Штаб верховного главнокомандования вермахта желает подключить к осуществлению дезинформационной акции русского военного атташе (Воронцов) в Берлине". В докладе "О культе личности" говорилось: "В своём донесении от 22 мая 1941 г. помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что "...наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнётся и в первых числах июня...". Немцы не напали в эти сроки, информация В. Хлопова - "деза", хотя знать, что Германия скоро нападёт, было важно для советского руководства.

Советская разведка не раз называла "точные" даты нападения, но они не подтверждались. Поток разведывательных сведений шёл от руководителей подпольной антифашистской организации "Красная капелла" Харро Шульце-Бойзена ("Старшина"), служившего в германском генеральном штабе ВВС, и сотрудника Министерства хозяйства Германии Арвида Харнака ("Корсиканец"). В донесении от 09.03. 1941 г. сообщалось: "Решён вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года... от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая". 24.03: "В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая. "Старшина" при этом считает, что имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдёт, всё это вообще может оказаться блефом". 02.04: "Референт Розенберга по СССР Лейббрандт заявил Цехлину, что вопрос о вооружённом выступлении против СССР решён... Антисоветская кампания начнётся 15 апреля". 24.04: "Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план". 30.04: "Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решён окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день". 09.05: "Вопрос о нападении на Советский Союз является решённым, выступление намечено на ближайшее время... В разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь". 14.05: "Планы в отношении Советского Союза откладываются... Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны". 11.06: "Вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решён". 16.06: "Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время". Эта информация верная, но как было ей - без каких-либо сомнений - поверить, если 30.04 "Старшина" с "Корсиканцем" пообещали начало войны "со дня на день", а она ещё не началась. А в донесениях от 24.04 и 14.05 утверждалось, будто планы войны против СССР откладываются. Разведгруппа "Красная капелла" называла 15 апреля, 1 мая, 20 мая и другие числа датами нападения Германии на СССР. О её героической деятельности писал Г. Турецкий в статье "Красная капелла" (Советская Россия. 22.06. 2010).

Бывший генерал-майор вермахта Буркхарт Мюллер-Гиллебранд в книге "Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг." (2003) пишет: "Гитлер до последнего момента не объявлял своего решения о сроках фактического начала кампании против Советского Союза. Это обстоятельство приходилось учитывать при проведении подготовительных мероприятий по стратегическому развёртыванию сил". Приказ о сроке начала войны против СССР был отдан главнокомандующим Сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршалом В. фон Браухичем лишь 10

июня 1941 г.: "На основе предложения, представленного главным командованием Сухопутных войск, Верховное главнокомандование Вооружённых сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки: 1. Днём "Д" операции "Барбаросса" предлагается считать 22 июня. 2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне. 3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов: а) сигнал "Дортмунд". Он означает, что наступление, как и запланировано, начнётся 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов; б) сигнал "Альтона". Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придётся пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности. 4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления Сухопутных войск и перелёт авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то Сухопутные войска начнут наступление самостоятельно". (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 2. 1 января - 21 июня 1941 г. М. 1995. С. 358).

Доктор исторических наук А. Кошкин указал: "В публицистических статьях долгое время "гуляла" версия о том, что 15 июня 1941 года Зорге направил в Москву две телеграммы следующего содержания: "Война будет начата 22 июня. Рамзай"; "Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня. Рамзай". Хотя на сегодняшний день опубликованы практически все предвоенные донесения Зорге, телеграммы такого содержания в архивах разведки обнаружить не удалось".

16 июня 2001 года газета "Красная Звезда" опубликовала материалы "круглого стола", посвященного 60-летию начала войны. Полковник Службы внешней разведки Вл. Карпов сказал о телеграмме Р. Зорге от 15 июня 1941 года: "К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Такие "дурочки" запускаются просто: кто-то из авторов публикаций о Зорге эти радиogramмы для красного словца придумал, а остальные со ссылкой на него подхватили - и пошла писать губерния... Затем добавили психологизма, придумали мстительного Сталина... Благодаря утечке информации распространялись слухи, доходили до руководства в виде донесений о том, что Германия нападёт на Советский Союз 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня... Эти дни наступали, а война не начиналась. Ведь и Рихард Зорге называл несколько сроков, которые не подтвердились". Наша разведка не назвала точной даты нападения Германии на Советский Союз.

Р. Зорге 05.03.1941 года "прислал микроплёнку телеграммы Риббентропа послу Германии в Японии Отту с уведомлением, что Германия начнет войну против СССР в середине июня 1941 года". Он же 11.04 уведомил: "Представитель Генерального штаба в Токио заявил, что сразу же после завершения войны в Европе начнется война против Советского Союза". 02.05: "Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией" (1941 год. Кн. 2. С. 175). 19.05: "Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая. ...Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать" (С.252). 30.05: "Берлин информировал Отто, что немецкое выступление против СССР начнётся во второй половине июня. Отт уверен на 95 процентов, что война начнется..." (С. 303). 01.06: "Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привёз с собой из Берлина" (С. 304). 15.06: "...война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает - будет война или нет" (С.380). 20.06 Зорге сообщил: "Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна" (С. 398). Точной даты нападения Германии на Советский Союз Зорге не сообщил, это не его вина. Он слал информацию, полученную им в общении с германским военным атташе, с послом Отт, морским атташе и т. д.

Ложные сведения о дате начала войны сообщал военный атташе СССР в Венгрии полковник Н. Ляхтеров. 01.03. 1941 г.: "Выступление немцев против СССР в данный момент считают все невыносимым до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчёркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы... После разгрома Англии немцы выступят против СССР". 23.05: "Американский военный атташе в Румынии сказал словаку, что немцы выступят против СССР не позднее 15 июня" (С. 252).

Сванидзе заявлял, что Сталин "верил Гитлеру больше, чем собственной разведке". Доктор исторических наук М. Вылцан осуждал Сталина за то, что он "не верил тому, чему нормальный человек сразу бы поверил (например, многочисленным донесениям и сообщениям о готовящемся Гитлером нападении на СССР в июне 1941 года" (Литературная Россия 19.07. 2002). А. Райзфельд утверждал: "Абсолютно достоверные сведения о сроках нападения были проигнорированы. ...21 июня 1941 года наркомом государственной безопасности Л.П. Берия была подана на имя Сталина докладная записка, в которой нарком предлагал вызвать в СССР и "стереть в лагерную пыль" разведчиков с псевдонимами "Старшина" и "Корсиканец", якобы сеющих панику сообщениями о предстоящем в 4.00 утра 22 июня 1941 года нападении гитлеровской Германии

на СССР" (Советская Россия. 09.05. 2001). Отметим, что с 3 февраля 1941 г. по 20 июля 1941 г. НКВД разделили на два наркомата - НКВД под руководством Берия, и НКГБ под началом Меркулова. С 3 февраля 1941 г. Берия не распоряжался внешней разведкой.

В документах о Смерше за период с 1939 по 1946 год (М. МФД. Материк. 2006) читаем: "Т-щу Меркулову. Может, послать ваш "источник" из штаба герм. авиации к е... матери. Это не "источник", а дезинформатор. И. Ст."... Меркулов привел "два донесения, а Сталин негативно оценил лишь одно! Он разделил информаторов и выразил недоверие только информатору из штаба люфтваффе - "Старшине" (Шульце-Бойзену), но не информатору из министерства хозяйства - "Корсиканцу" (Харнаку). И поступить так Сталин имел все основания..." (Л. Брезкун). Но стоило ли так реагировать на сообщение "Старшины"? Шульце-Бойзена, служившего в 5-м отделе штаба оперативного руководства ВВС, - внучатого племянника гроссадмирала фон Тирпица - арестовали 30 августа 1942 года и после суда высшего военного трибунала повесили 22 декабря 1942 года. В предсмертном стихе он писал: "Нас правое дело вело, // Топор и веревка нас не страшит".

По словам Л. Терёхина, вероломное нападение, "как потом оказалось, совсем не трудно было предугадать". Это "потом оказалось", а тогда определить точную дату нападения было трудно. Сталин получал не "абсолютно достоверные сведения", а противоречивую информацию о германских планах. Советские разведчики, как отмечалось, называли многие даты начала войны: 5 апреля, конец апреля, 1 мая, 14 мая, 20 мая; конец мая, 15 июня. Можно представить, как после этого относился Сталин к новым сообщениям о сроках агрессии Германии против СССР.

Часто цитируют докладную записку Берия Сталину от 21 июня 1941 года: "Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападёт!"... Ю. Мухин в книге "Война и мы" справедливо доказывает, что этот документ - фальшивка.

Более развернуто обосновал эту мысль Брезкун: "Эта "докладная записка Берия" "не имеет даже видимости служебного документа. ...реальный Берия был не настолько туп, чтобы употреблять в докладной Сталину плоский каламбур "тупой генерал Тупиков". ...Деканозов был склонен соглашаться со своим давним коллегой, резидентом разведки НКГБ А. Кобуловым, ко-

тому немцы в целях стратегической дезинформации подставили агента-двойника Берлинкса, имевшего в НКГБ кодовое имя "Лицеист". ...никакими "дезами" насчет скорого наступления немцев Деканозов "бомбардировать" Москву не мог - он поддавался на дезинформацию агента "Лицеиста", уверявшего в обратном. Сталин разгадал эту дезу" (Комсомольская правда. 21.06.2010).

Советский военный атташе во Франции генерал Суслопаров информировал, что нападение Германии на Советский Союз назначено на 22 июня. Сталин, получивший в марте-июне 1941 года много подобных - несбывшихся - предупреждений, совершил ошибку, когда не поверил этому и написал на сообщении: "Эта информация является английской провокацией. Разузайте, кто автор этой провокации, и накажите его".

Наша разведка многое сделала, чтобы выявить подготовку Германии к нападению на СССР, но не сумела "в полной мере объективно оценить поступавшую информацию о военных приготовлениях" Германии и честно докладывать о них Сталину. Негативную роль сыграло то, что начальник Главного разведывательного управления Генштаба Ф. Голиков не подчинялся начальнику Генштаба Жукову, докладывал только Сталину и лишь иногда информировал Тимошенко. В записке Голикова Сталину от 20 марта 1941 г. раскрывался замысел операции "Барбаросса", но был сделан вывод: "слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию". В записке говорилось, что "наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира".

Сталин доверился ложным сведениям. Жуков, по его словам, "в основном верил поступавшей информации" об угрозе германского нападения, но "выводы сделал, учитывая точку зрения Сталина". Так поступали и другие наши военачальники. Жуков впоследствии самокритично признал: **"В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И. В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом"** (Т. 1. С. 294).

Через дипломатов Москве подбрасывались подготовленные Риббентропом и санкционированные Гитлером сведения о том, что вермахт концентрируется вблизи советских границ для того, чтобы оказать политическое давление на СССР, принудить его удовлетворить немецкие требования. 09.06.1941 г. Сталин прочитал в агентурном источнике: "В последние дни в Берлине распространяются слухи о том, что отношения между Германией и Советским Союзом урегулированы. Советский Союз сдаст Украину в аренду Германии. Сталин прибудет в Берлин на

встречу с Гитлером..." (Правда. 22.05. 1989). 12.06. 1941 г. другой источник сообщил: "В руководящих кругах германского министерства авиации... утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены Советскому Союзу какие-либо требования, неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара".

В донесениях "Старшины" и "Корсиканца" говорилось, что германскому нападению может предшествовать предъявление ультиматума. 5 мая: "От СССР будет потребовано Германией выступление против Англии на стороне держав "Оси". В качестве гарантии, что СССР будет бороться на стороне "Оси" до решительного конца, Германия потребует от СССР оккупации немецкой армией Украины и, возможно, также Прибалтики" (1941 год. Кн. 2. С. 152). 9 мая: "Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды... Предъявлению ультиматума будет предшествовать "война нервов" в целях деморализации Советского Союза". 9 июня: "Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского Военного флота против Англии" (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 293,295).

И. Пыхалов в своей книге "Великая оболганная война" (2005) правильно отметил: "К сожалению, эта дезинформация во многом достигла цели. ...авторы наперебой осуждают Сталина за требование "не поддаваться на провокации", хотя оно выглядит вполне логичным, если верить, что первым шагом немцев должна стать "война нервов", как это было сказано в донесении от 9 мая".

Более верными оказались донесения 3-го секретаря полпредства СССР в Румынии Г. Ерёмкина от 20 апреля 1941 г.: "Как предполагают, сроком для начала наступления на СССР называют время от 15 мая до начала июня 1941 года". 5 мая: "Один штабной офицер расположенного в Румынии восьмого немецкого авиационного корпуса, который несколько дней назад приехал из Берлина, заявил, что раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок перенесён на середину июня. Этот офицер твёрдо убеждён в предстоящем конфликте" (С. 170). 28 мая: "Военная акция Германии против СССР продолжает планомерно подготавливаться и как прежде является в высшей степени актуальной. Военные приготовления идут, как часовой механизм, и делают вероятным начало войны ещё в июне этого года. Является ли этот огромный механизм, который работает против СССР, только манёвром или прелюдией к уже решённой войне, никто не знает, кроме Гитлера и его ближайшего окружения. Ведущие военные немецкие круги тем временем придерживаются

мнения, что нужно, безусловно, считаться с немецко-русской войной в этом году. Если эта война не наступит, то это должно быть чудом или Гитлер должен играть какую-то совершенно утончённую игру" (С. 271). Такие сообщения тонули среди дезинформации. Можно понять, как должен был реагировать Сталин на сведения о разных предсказанных сроках, которые не сбывались.

Изучив многие документы, О. Вишлёв в статье "Почему же медлил Сталин в 1941 году?" писал: "В мае-июне 1941 г. в Москве ...столкивались два потока информации: один - что Германия вот-вот начнет войну против СССР, и другой - что войны может и не быть. Берлин готовит себе лишь "позицию силы" к предстоящим советско-германским переговорам. В Кремле не игнорировали ни ту, ни другую информацию, однако, принимая меры для подготовки к войне, держали курс на то, чтобы урегулировать отношения с Германией мирным путем" (Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 75).

14 июня ТАСС опубликовал Заявление, цель его - выявить отношение Берлина к информации о подготовке Германии к нападению на СССР, втянуть ее в переговоры, их следовало вести месяц-другой и тем самым сорвать немецкую агрессию в 1941 году, ибо конец лета - не самое благоприятное время для начала войны с нашей страной. Тогда бы мы получили свыше полугода для подготовки к отражению нападения. По словам Василевского, Сталин "стремясь оттянуть сроки войны, переоценил возможности дипломатии в решении этой задачи". Считая, что Гитлер не принял окончательного решения напасть на СССР, он думал: "Если мы не будем провоцировать немцев на войну - войны не будет". Нередко его осуждают за требование "не поддаваться на провокации", но оно выглядит логичным, если учесть сообщения наших разведчиков о том, что первым шагом немцев должна стать "война нервов".

В Москве знали, что в руководстве "Третьего рейха" существуют разногласия, и опасались, что германские генералы захотят наперекор политическим руководителям спровоцировать военный конфликт. Сталин ждал немецкого ультиматума и надеялся путем переговоров оттянуть войну. В Заявлении говорилось: "Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы". 15 июня Геббельс занес в дневник: "Опровержение ТАСС оказалось более сильное, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждения, что ничего не происходит, снять с себя все возможные поводы для обвинения в развязывании войны" (Военно-исторический жур-

нал. 1997. № 4. С. 36). Берлин публично не реагировал на Заявление ТАСС. Ни одна из немецких газет не обмолвилась о нем.

Это заявление разносят либералы. Главный редактор журнала "Знамя" Г. Бакланов писал, что Сталин начал "позорно задабривать врага", "прозвучало трусливое заявление ТАСС" (Знамя. 1990. № 5. С. 5). Л. Гинзбург оценил его как преступный акт "психологического разоружения армии и народа", потому что оно "сыграло не последнюю роль в том, что воинские части, дислоцированные на границе, и миллионы людей, поверившие лживым заверениям Кремля, сделанным всего за 8 дней до начала войны, были застигнуты врасплох" (Литературная газета № 34. 2001).

К. Симонов писал иное: "Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, которое, как потом много об этом говорили, кого-то демобилизовало, а чью-то бдительность усыпило, на меня, наоборот, произвело странное, тревожное впечатление - акции, имеющей сразу несколько смыслов, в том числе и весьма грозный смысл для нас" (Знамя. 1988. № 3. С. 40). Называть это Сообщение преступным актом, если верно оценить сложнейшую военно-политическую обстановку того времени и не пытаться любыми средствами чернить советских руководителей, не имеет смысла: не оно привело к тому, что нападение Германии стало для наших войск внезапным. Не помешало же оно советскому командованию привести в нужную боеготовность военно-морские силы.

А. Мартиросян пишет, что 16 июня от советского посла в Берлине Деканозова пришла информация о том, что Германия якобы дала согласие начать переговоры по урегулированию нерешенных проблем и спорных вопросов. Молотов получил команду связаться с Германией, 18 июня в Берлин было передано предложение о новом его визите, Берлин молчал. Гитлер тянул время, чтобы Сталин ждал эти переговоры и не успел привести армию в полную боевую готовность. 21 июня советская сторона по дипломатическим каналам старалась выяснить причины "недовольства Германии". В. Бережков в своих воспоминаниях, изданных в США, утверждает, что в посольстве в Берлине 21 июня 1941 года получили телеграмму от Сталина, который предложил встречу с Гитлером.

"Комсомольская правда" 21 июня 2010 г. напечатала статью С. Брезкуна, в которой сказано, что Сталин виноват без вины, что он знал о германском нападении: "Сталин 18 июня 1941 года обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций". Это факт зафиксирован 20 июня 1941 года в дневнике начальника Генштаба сухопутных войск рейха Ф. Гальдера: "Молотов хотел 18.06 говорить с фюрером" (Т. 2. С. 579). "И эта

фраза, достоверно фиксирующая факт предложения Сталина Гитлеру о срочном визите Молотова в Берлин, полностью переворачивает всю картину последних предвоенных дней! Сталин предложил - возможно, еще 17 июня 1941 года... Гитлер отказал ему не позднее 18 июня. Пойти на встречу с заместителем Сталина фюрер не мог никак. ...если бы Гитлер начал тянуть с ответом, это было бы для Сталина доказательством близости войны. Но Гитлер вообще отказал. Сразу! И Сталин понял: это война. ...Сталин войну не "проморгал". И разведывательный "Календарь сообщений "Старшины" и "Корсиканца", подготовленный разведкой НКГБ к 20 июня, остался невостребованным не потому, что Сталин не доверял этим сообщениям, а потому, что после 18 июня 1941 года в дополнительном информировании у Сталина уже не было нужды - невольным "информатором" Сталина оказался сам фюрер".

Отказу Гитлера принять Молотова придается в этих рассуждениях неоправданно расширительное значение: это-де "полностью переворачивает всю картину последних предвоенных дней". Почему? Гитлер мог сослаться на свое нездоровье и назначить срок встречи, например, на 23 июня. В этом случае нападение, начатое 22 июня, нисколько не лишалось бы эффекта внезапности. Если принять мысль о том, что невольным информатором о германском нападении стал "сам фюрер", то надо учитывать то, что в сознании Сталина это включалось в общий анализ других - немаловажных - событий и агентурных сообщениях о них.

Дата нападения переносилась много раз, сначала она реально планировалась на 15 мая 1941 года, но, как многие отметили, его отложили из-за Балканской кампании. Окончательное решение напасть на СССР 22 июня Гитлер принял только 14 июня, а приказ подписал 17 июня. Желая избежать войны или оттянуть сроки ее начала и полагая, что это ему удастся, **Сталин не соглашался на приведение войск приграничной зоны в полную боевую готовность потому, что не хотел давать даже самого малейшего повода правителям Германии обвинять СССР в агрессивности и предоставлять им предлог для нападения.** "Опасаться разного рода провокаций были все основания. Но, конечно, осторожность оказалась чрезмерной" (Г. Жуков).

Много тяжких бед принесла СССР трагическая ошибка Сталина в определении сроков германского нападения. Но насколько меньше она чреватых огромными негативными последствиями "ошибок" премьер-министра Франции Даладье и главы правительства Англии Чемберлена, которые всячески стремились ублажить ненасытные аппетиты Германии за счет европейских государств и СССР. А как можно оценить политику Гитлера по отношению к нашей стране? Каждому непредубежденному человеку ясно, что германское нападение на Советский Союз было величайшей авантюрой.

Глава 11. Ложь В. Резуна и его компании

Австрийский философ Э. Топич в книге "Война Сталина" утверждает, что советское руководство "само спровоцировало" Гитлера на нападение, дабы "предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии". Немецкий историк из Фрайбурга И. Хоффман заявил, что советская внешняя политика кануна войны была проникнута "неизменной агрессивностью", поэтому в 1941 году существовал последний шанс упредить "агрессора Сталина", планировавшего в 1942 году напасть на Германию. Эту тенденцию оправдать гитлеровскую агрессию внедряли в общественную мысль российские публицисты. С. Гагарин в статье "Правда и легенды о войне" (Вопросы литературы .1989. № 7) утверждал "вполне доказуемую истину: Сталин в большей степени виноват в разразившейся войне, нежели Гитлер". О. Кучкина и вместе с нею Б. Витман гнали, что в июне 1941 года была "вся мощь вермахта у берегов Ла-Манша", и стремились переложить вину за начало войны на СССР, объявив, что Гитлер напал на него только потому, что Сталин "вероломно готовился к войне" (Комсомольская правда .05.01. 1991). Почему вероломно? Или, выходит, надо было оставить страну беззащитной, чтобы после первого немецкого удара она капитулировала? Кому предназначаются такие сказочки? Какова их цель?

В. Хуторский в книге "История России. Советская эпоха (1917-1993)" утверждал, что в 1942 г. Сталин "надеялся завершить перевооружение армии... и напасть на Германию". Г. Попов в работе "1941-1945. Заметки о войне" (2005) заявил, что "коммунистический режим Сталина собирался первым напасть на Германию". К. Эрос клеветал: Сталин, стремясь завоевать Европу, "преднамеренно спровоцировал гитлеровскую агрессию против СССР", по его указанию был разработан план превентивного удара по Германии, копия его попала на Запад, после чего немцы напали на нашу страну (Независимое военное обозрение. № 46. 2000). 23 июня 2010 г. гайдпаркер А. Рагманін рассуждал: "Германии нужно было ...защитить себя от неминуемого вторжения большевистских орд". Такая злонамеренная ложь кочует в СМИ.

В "Независимой газете" (23.11. 1996) Б. Соколов "весьма основательно" предположил, что "сначала Сталин собирался напасть на Гитлера еще летом 1940 года, но этот план был сорван быстрым крахом Франции, подобно тому, как летом 1941 года подобный план был сорван германским вторжением". Он пишет: "Сталин планировал начать вторжение на Западе в конце июня или в начале июля, когда, по расчетам, Гитлер, начавший весной наступление против Франции, должен был увязнуть в борьбе с английскими и французскими войсками и ввести в бой все свои резервы". В своей лжи Соколов не уступает Резуну. И его постоянно приглашают участвовать в российских телепередачах, посвященных Великой Отечественной войне. Эта галimatья о советских планах нанести превентивный удар по Германии настоль эффективно про-

пагандируется, что ей поверили многие люди. В газете "Деловой вторник" (24.10. 2000) Ю. Гейко опубликовал письма читателей, поверивших тому, что Сталин готовил упреждающий удар.

М. Мельтюхов в "Упущенном шансе Сталина..." не упустил случая слиться с антисоветчиками, что расширяет возможности выступать в СМИ: "Вероятно, именно в эти критические дни в Кремле было решено отложить советское нападение на Германию, запланированное на 12 июня 1941 г. ...Видимо, у советского руководства сложилось мнение, что летом 1941 г. СССР имеет шанс вступить в войну с Германией, пока еще продолжается англо-германская война и значительная часть вермахта скована в Восточном Средиземноморье и в Западной Европе". (С. 284). "Вероятно...", "Видимо...". И при этом делаются многозначительные выводы не о мелких событиях, а о важнейших военно-политических планах советского руководства.

В 1992 году в России вышла книга В. Суворова-Резуна "Ледокол". Рекламируя эту провокационную книгу, газета "Комсомольская правда" 20 июня 1992 г. напечатала отрывок из нее и написала: "Оценивать поступок Суворова-Резуна как "выбор свободы" или "предательство Родины" - личное дело каждого". Какая деликатность по отношению к изменнику! Резун, называя себя "палачом, убивающим национальные святыни народа", признал: "Я предатель, изменник... Таких не прощают, но я все равно прошу: простите меня". Таких не прощают те, у кого есть национальное достоинство и подлинная забота о благополучии своей Родины, но это не в обычаях демократов.

Э. Радзинский в книге "Сталин" поддержал ложь Резуна о вине СССР за возникновение Второй мировой войны. Ю. Чехонадский писал о невежестве Радзинского, который в газете "Антенна" сделал ряд "открытий": "Просветитель Новиков не был соавтором Екатерины 11, как у Радзинского. Императрица не вела переписку с Руссо, которого писатель, видимо, перепутал с Вольтером. ...Ленин не отправлял в Екатеринобург телеграмму с приказом о расстреле царской фамилии" (Литературная газета. 2006. № 41). Марина Антоновна, дочь генерала Деникина, назвала Радзинского жуликом. Она подарила ему свою книгу о Григории Распутине: "И он скопировал целые страницы" (Литературная газета. 2005. № 51). И этого человека В. Путин 30 августа 2004 г. включил в Состав Совета при Президенте РФ по культуре и искусству.

Э. Вакк, выступая в "Независимой газете" 11 марта 2000 г., посчитав Резуна патриотом, откровенно хвалил его опусы. В том же номере Н. Черепанов, бывший преподаватель марксизма-ленинизма (!) в вузах, заявил, что он не считает "предателем человека, который "предал" систему, созданную предателями России - большевиками". Прочитав "Ледокол" и "День-М", он "проникся доверием к автору", "поразила широчайшей многогранности его познаний, всесто-

ронней полноте логики и выводов". Если этот невежда, хотя бы немного знал историю СССР, то мог бы понять, что Резун повторяет небывлицы, не раз доказательно разоблаченные в печати. В. Славин, бывший полковник Генштаба РФ, утверждает: "...в уме, логике и аналитическом мышлении основному двигателю идеи превентивной войны Виктору Резуну отказать нельзя. Его книги людям, интересующимся историей Второй мировой войны, прочесть необходимо" (Независимое военное обозрение. 30.04. 2008).

Б. Соколов в книге "Правда о Великой Отечественной войне" (1998) рассуждал: "После публикации книг Виктора Суворова и бурной полемики вокруг них любому непредвзятому наблюдателю стало очевидно, что советское нападение на Германию готовилось практически одновременно с операцией "Барбаросса" и абсолютно независимо от нее. Если бы Балканская кампания вермахта по каким-либо причинам затянулась, Сталин успел бы ударить первым, что, впрочем, не повлияло бы принципиальным образом ни на ход, ни на исход второй мировой войны".

Резун вознамерился "поставить советских коммунистов к стенке позора и посадить их на скамью подсудимых рядом с германскими фашистами, а то и впереди" и объявил, что вопрос "кто начал Вторую мировую войну" решается неверно. Он хочет разрушить "легенду о том, что на нас напали..." Он злонамеренно твердит: СССР был агрессором, виновником и зачинщиком Второй мировой войны.

В "Ледоколе" Резун исходит из провокационной посылки: "Еще до прихода его к власти советские лидеры нарекли Гитлера тайным титулом - Ледокол Революции... Сталин понимал, что Европа уязвима только в случае войны и что Ледокол Революции сможет сделать Европу уязвимой. Адольф Гитлер, не сознавая того, расчищал путь мировому коммунизму. Молниеносными войнами Гитлер сокрушал западные демократии".

Преднамеренно искажая историю, Резун пишет, что, блестяще подготовившись к наступлению, Сталин перенес начало войны с 1942 г. на 1941, но опоздал: Гитлер, загнанный "пактом Молотов-Риббентроп в стратегический тупик", узнав об этом, "вдруг понял, что терять ему нечего, все равно у Германии не один фронт, а два, и начал воевать на двух фронтах. Это самоубийственное решение, но другого у Гитлера не было".

Опередив СССР, Гитлер обрушил на него "превентивный удар", а к нему Германия "была катастрофически не готова": немцы даже не заготовили "тулупы, не сменили оружейное масло на незамерзающее". "Важнейшим элементом готовности Германии к войне против Советского Союза являются бараньи тулупы. Их требуется огромное количество - не менее 6000000. Голиков знал, что в Германии нет ни одной дивизии, готовой воевать в СССР. Он знал совершенно

точно, что как только Гитлер действительно решит напасть на СССР, то... генеральный штаб даст приказ промышленности начать производство миллионов тулупов. Этот момент неизбежно отразится на европейском рынке. Несмотря на войну, цены на баранье мясо должны дронуть и пойти вниз из-за одновременного уничтожения миллионов животных. В тот же момент цены на бараньи шкуры должны были резко пойти вверх". Но немцы не заготовили "тулупы и не сменили оружейное масло на незамерзающее": "Советская разведка начала настоящую охоту за грязными тряпками и промасленной бумагой, которую солдаты оставляют в местах чистки оружия... Грязные тряпки в довольно больших количествах переправлялись через границу... Кроме того, через границу легально и нелегально... переправлялись керосиновые лампы, керосины, примусы, разного рода примитивные фонари и зажигалки. Все это анализировалось сотнями советских экспертов и немедленно докладывалось Голикову, а Голиков информировал Сталина, что Гитлер подготовку к вторжению в СССР еще не начинал, а на всякие концентрации войск и на документы германского генерального штаба внимания обращать не следует".

Получалось, что нечего рассуждать о том, что немецкое командование планировало закончить войну до наступления зимы. Черчилль писал, что согласно гитлеровскому "оптимистическому графику, Советы должны были, подобно французам, потерпеть поражение в результате шестинедельной кампании". Гудериан с полным знанием плана Гитлера отметил: "В верховном командовании вооруженных сил и в главном командовании сухопутных сил так уверенно рассчитывали закончить кампанию к началу зимы, что в сухопутных войсках зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата" (С.206). Гитлер отводил на завершение операции "Барбаросса" не более 5 месяцев. Если бы ее выполнили в этот срок, то "миллионы тулупов" не понадобились бы его войскам.

Тулупный фальсификатор Резун-Суворов лжет, утверждая, что Сталин назначил "День-М" на 6 июля 1941 года. Не было приказа 12-14 июня 1941 года. о советском наступлении, не готовилась операция "Гроза" - нападение на Германию и Румынию ("Гроза" на самом деле - условный сигнал нашим войскам для введения в действие мобилизационного плана). Это подтверждают архивные документы, воспоминания военачальников, исследования ученых, показания очевидцев. Зная, что вермахт быстро концентрируется у советских границ, наше военнополитическое руководство укрепляло их обороноспособность, перебрасывало ближе к ним - на рубеж Западной Двины и Днепра - до 28 дивизий. Надо быть тупым самоубийцей, чтобы ничего не предпринимать, видя, как быстро нарастает военная угроза нашей стране.

Самарский историк М. Солонин, последователь и союзник Резуна, в книге "23 июня 1941 года" считает, что советское нападение "планировалось не 6 июля, а даже ближе - 23 июня". Но

ни Резун, ни Соломин, ни другие подобные же фальшивомонетчики не могли предъявить ни одного реального документа, где бы были какие-то указания об этом нападении 23 июня или 6 июля 1941 года.

Резун приписал генералу С. Иванову, автору книги "Начальный период войны", мысль о том, что СССР будто бы запланировал нападение на Германию, а "немецко-фашистскому командованию буквально в последние две недели удалось опередить наши войска". Мельтюхов приводит слова Молотова о "подготовке к неизбежной войне с Германией": "Иначе, зачем нам ещё в мае месяце надо было из глубины страны перебрасывать в западные приграничные округа в общей сложности семь армий? Это же силища великая! Зачем проводить тайную мобилизацию восьмисот тысяч призывников и придвигать их к границам в составе резервных дивизий военных округов?" "Время упустили, - делает вывод Молотов. - Опередил нас Гитлер!" Стремясь разоблачить политику советской власти Мельтюхов - вслед за Резуном - спрашивает: "В чем опередил?". В их головы никак не могла придти очевидная мысль: Молотов и генерал Иванов писали о том, что **немцы успели опередить нашу армию в приведении ее в боевую готовность для отражения фашистской агрессии.**

Если следовать логике геббельсят, то можно спросить: кто начал войну 7 декабря 1941 года - Япония или США? Японская авиация, поднявшись с авианосцев, внезапно атаковала тогда американцев в Перл-Харборе. Но японцы куда с большим основанием, чем немцы, могут заявить, что это был превентивный удар, ибо на самом деле американцы провоцировали их начать войну. Президент Рузвельт, военный министр Стимсон и военно-морской министр Нокс подписали план "Джей-би 335", который за четыре с половиной месяца до нападения на Перл-Харбор предусматривал удар по Японии самолетами Б-17 с баз в юго-западном Китае и на Филиппинах. Начальник генштаба армии США Маршалл заявил 15 ноября 1941 года на секретной встрече с 7 американскими журналистами о плане сжечь "бумажные города Японии".

Писатель В. Карпов в статье "Постскрипtum" (Правда. 27.05. 1995) утверждал, что Сталин столкнул Японию и США и организовал японо-американскую войну при помощи инспирированной советской разведкой неприемлемой для Японии "ноты Хэлла" от 26 ноября 1941 г. Но они столкнулись без Сталина, между ними шла жестокая борьба за сферы влияния. Государственный секретарь США Хелл 26 ноября действительно выставил такие условия прекращения запрета на поставки нефти Японии, которые были неприемлемы для нее. Именно в этот день ее армада потянулась к Перл-Харбору. Более того, 7 декабря 1941 г. близ этой базы американского флота первые выстрелы сделал крейсер США "Уорд", потопивший японскую подводную лодку. Кто же больше провоцировал войну США или СССР?

Почему на Западе не подняли кампании по разоблачению предвоенной американской политики? Почему "компетентные инстанции США по-прежнему держат в тайне от миллионов школьников и студентов правду о том, кто сделал первые выстрелы в четырехлетнем поединке"? (Правда. 12.09. 2002). Там не хотят представить в невыгодном свете своих военачальников, которые не поняли, что появление зловещих перископов близ их базы чревато "приближением массированного японского удара, и не привели свои силы в полную боевую готовность немедленно".

Почему либералы, клеветая на политику нашего правительства, поддержали фальшивку Резуна? Потому, что им хочется развенчать советский строй и отвлечь внимание людей от пагубных результатов своего правления, направить народный гнев против политических противников. Позорно то, что написанный Резуном при участии западных спецслужб "Ледокол", в котором ставится задача размыть русское национальное самосознание, попал в список литературы, рекомендованный в РГГУ для изучения студентам.

Ю. Каграманов в "Континенте" (1998. № 97), поддержав Резуна, пишет об агрессивных мотивах вступления СССР в войну. В антирусском еженедельнике "Русская мысль" (№ 4262. 1999), издаваемый на деньги ЦРУ в Париже, Д. Хмельницкий, А. Копейкин и другие продажные авторы повторяют ложь Резуна о том, что СССР - агрессор, намеревавшийся напасть на Германию, а "вермахт совершил невозможное и разгромил группировку, превосходившую его минимум втрое"

В книге Л. Безыменского "Гитлер и Сталин перед схваткой" (2000) основательно опровергнута лживая версия Резуна-Суворова. Израильский историк Г. Городецкий в книге "Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз" доказал, что идею упреждающего удара Сталин отверг. В отзыве об этом труде В. Невежин пишет, что "книги Суворова нашли ...горячий прием у многочисленных читателей. Ведь в них - и особенно в "Ледоколе" - сквозит захватывающая дух идея: у будущего генералиссимуса имелся этот сценарий, и последний предусматривал нанесение удара по Германии в 1941 году!" (Независимая газета 18.11. 1999).

Заявив, что "Суворов и его "единоверцы" стремятся выдать за непреложную истину версию, не проверенную с помощью подлинных архивных материалов", Невежин приравнял манеру его доказательств к "псевдопублицистическому подходу". Отметив, что Городецкий излагает "прямо противоположную версию генезиса войны и при этом ...опирается на документальную базу", он в то же время посчитал, что и его точка зрения - идею упреждающего удара Сталин отверг - "не выглядит более убедительной, чем суворовская", "отнюдь не является бесспорной и

потому единственной". Группа исследователей (П. Бобылев, В. Данилов, М. Мельтюхов) провела скрупулезный анализ и донныне обсуждаемых историками "Соображений..." и сделала вывод: этот документ был действующим. И данный вывод "имеет право на жизнь, пока он не будет опровергнут - более основательно, чем это делает ученый из Израиля".

Невежин считает, что Городецкий не до конца осознал значимость такого важнейшего события, как выступление Сталина на приеме выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г. в Кремле, которое стало основой "развернувшейся в стране широкой идеологической работы по подготовке Красной Армии и народа к всеокушающей наступательной войне", эта работа "обеспечивалась всей мощью пропагандистской машины ВКП(б) и советского государства". Невежин не может или не хочет вырваться из плена идеи своей книги "Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии "священных боев. 1939-1941" (1997). Недаром Копейкин хвалил эту книгу за то, что ее автор "принадлежит к редким сторонникам концепции В. Суворова о подготовке Сталиным наступательной войны" (Русская мысль. № 4214. 1998).

На самом деле 5 мая 1941 года Сталин говорил, что война надвигается, нам надо повысить возможность дать сокрушительный отпор врагу, "Красная Армия есть современная армия, а современная армия - армия наступательная". Но осталось слишком мало времени до нападения Германии на СССР для того, чтобы можно было успеть развернуть "широкую идеологическую работу" по подготовке народа к такой войне. Даже проект директивы Главпура "О задачах политической пропаганды на ближайшее время" не был полностью подготовлен. В ней подчеркивалось: "Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась, как никогда. В этих условиях ленинский лозунг "на чужой земле защищать свою землю" может в любой момент обратиться в практические действия..."

Начальник штаба 4-й армии ЗапОВО полковник Л. Сандалов в своей книге "Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны" сообщил: "19 июня, состоялся расширенный пленум областного комитета партии, в котором участвовало большое число армейских политических работников. На пленуме первый секретарь обкома тов. Тупицын обратил внимание на напряженность международной обстановки и возросшую угрозу войны. Он призывал к повышению бдительности, но одновременно указал, что по этому вопросу не нужно вести открытых разговоров и проводить какие-либо крупные мероприятия, которые могут быть замечены населением". И этот факт не подтверждает мысль о том, что у нас развернулась широкая идеологическая работа "по подготовке Красной Армии и народа к всеокушающей наступательной войне". В. Карпов в книге "Генералиссимус" (2004) ошибочно пишет об

изменении "всей агитационно-пропагандистской работы, а также всех средств массовой информации, которые стали действовать на основании указаний, полученных в ЦК РКП(б) на совещаниях 8-9 мая и 14-15 мая 1941 года".

В конце мая 1941 года мне довелось слушать московского лектора, он говорил и о наших отношениях с Германией, но не сказал ничего такого, что было бы частицей подобной идеологической подготовки. Не было и намека на это в выступлении секретаря Союза писателей А. Фадеева на встрече с общественностью города Кимры (я присутствовал на ней), куда он приехал 7 июня 1941 года. Он выступил и в клубе Савеловского машиностроительного завода, поведал о литературных делах, о новых книгах, подчеркнул их роль в воспитании патриотизма. Писатель П. Дудочкин зафиксировал: "Ваша главная мечта? - прочитал он вопрос в записке. Посмотрел в зал, признался: "Подольше бы жить без войны. Чтоб мир и лад был между народами" (Смена. 22.12. 1981). Возможно, Фадеев знал о том, что Сталин 5 мая в выступлении перед выпускниками военных академий сказал, что нападение Германии можно ожидать со дня на день.

Резун и его компания подкрепляют мысль об агрессивности СССР смехотворными аргументами: подумать только, наши люди пели оптимистические песни, заявляли о своей готовности разгромить врага. В. Лебедев-Кумач создал "Священную войну" в ночь с 22 на 23 июня 1941 года. Походной солдатской песней ее сделали патриотический пафос, маршевые интонации, уверенность в победе. В ней ощущалась внутренняя сила народа, его исторический оптимизм, простор родной земли. А. Абрамов писал, что она как бы заключала в себе в обобщенной форме "основную проблематику войны". Песня тянется к широкой эпичности, что достигается величавым зачином "Вставай, страна огромная..." и торжественным, лирически страстным рефреном "Пусть ярость благородная, // Вскипает, как волна, - // Идет война народная, // Священная война".

Она звучала как боевой призыв, отразила общее для советских людей чувство гнева и стремление победить врага. М. Осокин 28 июня 2004 года объявил по НТВ, что есть версия, что эта песня была сочинена во время Первой мировой войны. В учебном пособии "Русская литература XX века" (2002) под редакцией Л. Кременцова приведено первое четверостишие из "Священной войны": "Вставай, страна огромная...". Но чьи слова - не сказано. Почему? Дело в том, что в СМИ распространяли слухи, что написал эту песню будто бы учитель рыбинской гимназии А. Боде еще в 1916 году. Текст ее он якобы послал Лебедеву-Кумачу, а тот песню присвоил. Этой клевете поверил, видно, Кременцов, и потому он не назвал фамилию создателя песни. Исследователь песен Ю. Баранов установил, что нет никакого автографа Боде, а в архивах есть черновые варианты песни, написанные Лебедевым-Кумачом.

В "Литературной России" 12 июля 2002 г. появилась статья В. Мусатова, для которого истиной стали опусы предателя Резуна, а тот в книге "День М" отнес написание "Священной войны" на февраль 1941 г. Мусатов повторил его вранье: "Сталин планировал крупную войну по оккупации всей Европы", "Гитлер опередил Сталина всего на две-три недели". Исходя из этой лживой предпосылки, он заключил: "Предвидя же крупную агрессивную войну, Сталин, скорее всего, распорядился написать соответствующую песню и запустить ее в оборот с началом военных действий. Музыка к стихам Лебедева-Кумача, вероятно, тоже была написана до нападения Германии, потому что написать песню за тот краткий период времени, имевшийся в распоряжении композитора В. Александрова между появлением стихов в печати и их озвучиванием, было мало реально". Поражает примитивность приводимых аргументов: "скорее всего", "вероятно" - и никаких реальных фактов.

А зачем Сталину понадобилась эта песня? Он-де готовился "к агрессивным действиям" а "если мы нападём, чтобы люди не шептались по углам, мы войну объявим народной, объявим священной, придумав сказку о коварных фашистах, собравшихся нас в полон забрать, а затем пойдём сколачивать им крепкий гроб". Обосновать эти мысли Мусатов решил содержанием "Священной войны". Он комментирует процитированные слова "поля ее просторные не смеет враг топтать": "Как он мог говорить о топтании неприятелем наших полей, если вся советская пропаганда тогда однозначно утверждала - противник дальше границ не пойдет. Здесь Лебедев-Кумач должен был немедленно отправиться на нары за антисоветскую агитацию, подрыв престижа Красной Армии".

Запутавшийся фальсификатор устроил себе ловушку. Если за такое утверждение, высказанное 23 июня, надо было арестовать автора, то, по логике Мусатова, еще хуже было бы для него, если он в мирной обстановке, предполагая, что Красная Армия внезапно обрушится на Германию, стал бы говорить о вторжении чужих войск на нашу территорию. А пропаганда 22 июня заключалась в выступлении Молотова, наполненном тревогой за судьбу Родины. Он назвал начавшуюся войну Отечественной. Советские люди тогда знали, что немцы, перейдя государственную границу, ведут наступление на нашей территории. И ни советское радио, ни прессы не уверяли, что враг "дальше границ не пойдет".

В. Мусатов утверждал, не обратив никакого внимания на речь Молотова (не знал её содержания?): "С момента нападения Германии и до последних чисел июня ни о какой священной-народно-отечественной войне не могло быть и речи". Тогда Лебедев-Кумач "не мог знать и по большей части даже предполагать, что предстоит "смертный бой" и "народная война": "об этом в СССР не было известно никому, а предполагать могли лишь высшие руководители" страны,

обладавшие "всею информацией". А поэт к ней доступа не имел, мог читать лишь "сводки Совинформбюро". Мусатов обратился к сводкам за 24 и 25 июня, не имевшим отношения к созданию песни. Она была опубликована 24 июня в "Красной звезде" и "Известиях", призывно пронеслась по стране.

Большинство советских людей понимало, что идет "смертный бой", хорошо зная, как очень быстро немецкая армия разгромила войска ряда европейских государств. Совсем недавно закончилась финская война, на ней был и мой отец. Уходя 24 июня снова на войну, он предчувствовал, что она будет очень тяжелой, и даже сказал моим родным, что не суждено ему, видно, вернуться с нее домой. Мы, юноши и девушки, 28 июня поехали рыть противотанковый ров на берегу верхней Волги. Война стала народной. Талантливый поэт В. Лебедев-Кумач верно предчувствовал, понял всенародный настрой и трагизм пришедшей войны, когда писал свою знаменитую песню.

Глава 12. О методологии поисков истины

Восприятие и оценка читателями, зрителями, слушателями преподнесенных им в СМИ и художественной литературе фактов зависят от их жизненного опыта, культуры, образования, социально-политических взглядов. Различия в мировоззрении, социальном положении, в понимании важнейших общественных проблем обуславливают разное - подчас противоположное - отношение к фактам у разных людей. Это связано с законами художественного, публицистического творчества и с общефилософской теорией социального отражения, с взаимоотношениями художественной правды с правдой жизни, с проблемой объективной, относительной и абсолютной истины.

Необходимо учитывать, что, в отличие от зеркального, человеческое социальное отражение всегда частично и фрагментарно, что оно выражает "только отдельные стороны и части действительности, причем под особым углом зрения" (Живкович Л. Теория социального отражения. М. 1969. С. 85). Это обуславливает большую сложность и противоречивость процесса отражения действительности в общественном сознании, он содержит "в себе, помимо адекватного отражения, также возможность зигзагообразного и неверного, а в определенных условиях даже извращенного её отражения". Эта сложность отразилась на восприятии и понимании разными авторами событий Великой Отечественной войны.

23 июня 2010 г. гайдпаркер А. Parmanin вещал: "Очевиден факт глубокой и всесторонней подготовки к наступательной войне Советского союза и столь же очевидна слабая подготовка к войне Германии. Соотношение сил и вооружений было не в пользу последней по всем параметрам".

рам и начинать наступательную войну можно было только в случае осознания смертельной опасности, исходящей от потенциального противника. Подход же Суворова оригинален именно тем, что в основе его лежит ...поиск истины, фактов и разоблачение лживых утверждений, распространяемых официальной пропагандой". Как надо отнестись к утверждению о "слабой подготовке к войне Германии"?

Несколько раньше, 15 мая 2010 г., Рагманін изложил метод, которым пользовался Резун, оценивая "предвоенные действия будущих противников", и тщился доказать, что вывод, который он "сделал является безусловно правильным и единственно возможным". Вот суть метода: "Даже никогда не видев ни одного архивного документа, мы знаем, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, что ее началу предшествовало заключение Пакта Молотова-Риббентропа, что 17 сентября советские войска, выполняя союзнический долг с Германией, вошли на территорию Польши. Также мы знаем, что 30 ноября 1939 года Советский союз вторгся на территорию Финляндии и впоследствии как агрессор был исключен из Лиги наций. ...После окончания Зимней войны Советский союз присоединил к своей территории значительную часть Карельского перешейка. 15 июня 1940 года советские войска оккупировали Литву, 17 июня - Эстонию и Латвию. Завершилось все это насильственным присоединением Прибалтийских республик к СССР".

И потому "любому исследователю ...стоит знать только" эти сведения, "чтобы понять, проанализировать, оценить и сделать вывод о том, кто действительно готовился к войне и кто о чем мечтал долгими бессонными ночами. И не надо тут ни сведений из архивов, ни воспоминаний полководцев". Неужели так просто можно приблизиться к истине при анализе сложнейших проблем тогдашней военно-политической ситуации? "Даже если в советских архивах мы найдем документы, свидетельствующие о том, что и прибалтийские республики, и Финляндия, и Польша готовились объявить СССР войну, это не изменит факта самой войны, оккупации и присоединения. ...Только та позиция отражена в архивных документах, которая была необходима тоталитарной власти. ...в основе любого действия стоят решения людей и ни один танк или винтовка без воли человека не двинется с места и не выстрелит. ...А если вспомнить те времена, то очевидно, что единственным человеком", который мог это сделать был-де Сталин.

Таково "новое слово" в определении метода исторических исследований, поражающее своим невежеством в оценке политики советского правительства. Получается, что архивы нечего изучать, свидетельства полководцев - сущая мура. Факты брать нужно только такие, которые помогают подтвердить лживую концепцию Резуна. И, конечно, совсем не стоит принимать во внимание его предательство и сотрудничество с английской разведкой.

Разве можно понять, почему Советский Союз подписал советско-германский пакт без анализа того, что было перед его заключением? Как можно забыть о захвате Австрии, мюнхенском сговоре, уничтожении Чехословакии, немецком нападении на Польшу, Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Югославию, Грецию? Почему надо отбросить в сторону агрессивность Гитлера и безответственную - полностью провалившуюся - политику "умиротворения" Чемберлена и Даладье? На основании чего можно утверждать, что СССР "выполнял союзнический долг" перед Германией, освобождая Западную Украину и Западную Белоруссию? Только невежеством следует объяснить мысль фальсификатора о том, что Советский Союз оккупировал и насильственно присоединил Литву, Латвию и Эстонию. Как оценить его сумасбродное заявление: "Экспансия СССР на сопредельные страны продолжалась постоянно, начиная с захвата власти большевиками"?

Результаты примитивного - антинаучного - метода этого антисоветчика противоречат его заявлению: "Если исследователь по-настоящему любит свое дело, то движет им лишь необходимость в поиске и размышлении, оценке и анализе фактов и слухов, изучении источников и случайных комментариев. Тот, кто по-настоящему увлечен исследованием, не в силах искать то, чего нет на самом деле, и, находя не то, что хочется, он не станет подгонять условие задачи под ответ".

12 мая 2010 г. А. Колобов писал: "Недавно в "Гайдпарке" обнаружил опрос: "Верите ли Вы версии Второй мировой войны из книг Виктора Суворова?". И был премного удивлен - 47% респондентов ответили "верю", еще 6% - "склонен верить". Казалось бы, любому беспристрастному человеку, изучавшему историю Второй мировой, понятна нелогичность и абсурдность измышлений г-на Резуна. ...Количество опровержений г-на Резуна огромно. Однако же, как показывают данные опроса, для множества наших сограждан г-н Резун является историком с большой буквы "И", а его теория - истиной в последней инстанции".

Союзники Резуна в Гайдпарке 6 сентября 2010 г. утверждали: "Резун ...опирается на факты, причем на общедоступные, а не на закрытые, чтобы любой согласный или не согласный мог проверить их... Как к предателю Родины отношусь к Резуну отрицательно, как к историку положительно"; "...да, он предатель, но если он скажет, что $2 \times 2 = 4$, то что, это уже не верно, раз это сказал Суворов. По крайней мере, ещё никому не удалось опровергнуть Суворова. Да и невозможно это сделать, ибо он говорит правду". Согласимся с мыслью: "Опровергать Резуна действительно трудно, потому что он громоздит правду, много правды, кирпич за кирпичом, а растворчик подливает - незаметный и лживый..." Этот растворчик клеветнический. В правде

Резуна (она у каждого своя) целенаправленно воплотились изощренный антисоветизм и антипатриотический настрой, желание активно послужить антикоммунистам.

Антисоветчики с издевательской наглостью рассуждают: "А в чём выразилось предательство капитана ГРУ Резуна? Убежал в Англию - так мы тогда с Англией не воевали". Но когда офицер ГРУ бежит в чужую страну, то это в любом случае и любое время является государственной изменой. К тому же Англия - член НАТО, шла холодная война, и тот, кто вступал в борьбу с советским режимом (на самом деле со своим народом), используя спецслужбы Запада, неминуемо становился предателем Родины. Только возмущение вызывает мысль: "Резун кристально чистый и честный человек. Верный присяге. Просто он так понимал свой долг перед родиной". Выходит, можно изменять Родине и это оправдывать тем, что тебе лично выгодно так понимать свой долг перед нею. А Цибульский верно заключил: "...осуждают Сталина и Жукова те, кто жаждал победы Германии. Но победили мы, и это их доводит до иступления".

Если говорить о методологии при изучении общественных явлений, то основополагающее значение в ней приобретает требование придерживаться строгого историзма, исторической точки зрения и конкретности, объективности рассмотрения. Необходимо изучать явления в их развитии и в связи с другими явлениями. Определяющее методологическое значение для выяснения истинных путей к научному изучению проблемы имеют мысли И.В. Ленина о несостоятельности очень распространенного в области общественных явлений "приема выхватывания отдельных фактиков, игры в примеры": "Факты, если взять их в ...целом, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем ...похуже" (П. с. с. Т. 30. С. 350). Ленин считал обязательным "брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов", требовал выяснять "объективную связь и взаимозависимость исторических явлений" (Т. 30.С. 361). Этого не понимают и, главное, не принимают антисоветчики. В своих статьях они опираются на мелкие фактики, на выдуманные, оторванные от конкретной жизни концепции и не пытаются анализировать совокупность существенных фактов.

О. Верещагин справедливо отметил антисоветскую устремленность многих публицистов, рассуждающих о Великой Отечественной войне: "Кажется, что эти господа с наслаждением перероют голыми руками любую помойку, лишь бы найти хоть еще один, хоть крохотный фактик, который можно использовать для того, чтобы опорочить СССР, нашу армию и наших людей. Даже если этот фактик будет идти в разрез со всеми остальными свидетельствами очевидцев, документами, отчетами - его вытащат из дерьма, отмоют, покрасят, надуют и закричат о

"зверствах", "неумении воевать", "трусости"... Для таких тварей - иначе не скажешь - любой архивный документ "сталинская подделка". А вот брехня подонка, перебежавшего сначала к немцам, а потом и за океан, - свидетельства очевидца" (Отечественные записки. 08.11. 2008).

Такую брехню преподносит С. Гагарин, уверяя, что Сталин, "суперпалач, тиран всех времен и народов", "не видел реальной угрозы для Советской России со стороны рейха" (Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 144). Гагарин прямо-таки был вынужден в своем романе "Мясной бор" рассказать и о том, "как мы готовились сдать Москву". Доктор исторических наук В. Кулиш в этом же номере журнала убедительно опроверг его суждения: "Уже давно доказано, в том числе и на Нюрнбергском процессе, что агрессором и инициатором была фашистская Германия, а не Советский Союз и возглавлявший его Сталин"; "С научно-исторической точки зрения совершенно неграмотно изложен вопрос о взаимоотношениях между Гитлером и Сталиным. Из рассуждений С. Гагарина следует, что Гитлер стремился к миру с СССР, а Сталин своим поведением толкал его к развязыванию войны"; "Слабость С. Гагарина ... в том, что он основывается на случайных или произвольно вырванных из системы фактов, документах и свидетельствах. Естественно, что от такого подхода к изучению и освещению событий Великой Отечественной войны трудно ожидать чего-либо, кроме новых мифов и легенд".

"Резунисты" утверждают, что СССР готовил агрессивную войну, пытаются доказать эту мысль тем, что в основе подготовки нашей армии к войне лежала наступательная концепция, для её осуществления она оснащалась наступательным вооружением, штабы готовились к вторжению, были проведены военные игры в январе 1941 года. К тому же есть документы, которые требовали привести в боевую готовность Красную Армию к июню-июлю 1941 года. Но ни один из них не подтверждает наличие агрессивных планов у политического руководства Советского Союза.

В. Козлов (и не только он) подтверждал верность концепции книг Резуна "Ледокол" и "День М" тем, что многие рассуждения в них ему "показались достаточно аргументированными, помогающими понять суть происходящего", ведь "жителям СССР внушалось, что война будет преимущественно наступательной" (Молодая гвардия. 1997. № 7. С. 154). Колобов констатировал: "...в военных играх 41 г. отрабатывались наступательные операции, проводимые РККА на территории вероятного противника. Но это не доказывает, что в этих играх отрабатывалась агрессия СССР. Военные игры 41 г. МОГЛИ быть оперативными планами неспровоцированного вторжения. Могли быть оперативным планом-ответом на агрессию противника. А могли и вовсе не быть никаким оперативным планом". Непозволительно делать из этих военных игр далеко идущие политические выводы о захватнических планах руководства Советского Союза.

По уверению Резуна, советские руководители "не думали об обороне. Они к ней не готовились и не собирались готовиться. ...Накануне войны никто в Красной Армии не думал о заграждениях, все думали о преодолении заграждений на территории противника". Он лжет, утверждая, что начальник Генштаба К. Мерецков приказал: "На новых землях полосу обеспечения не создавать". Хмельницкий требует доказательств "того, что в 1941 году СССР готовился не к агрессии, а к обороне": "оппоненты Суворова не предъявили ни одного приказа о подготовке к обороне, хотя единственно это и могло бы его опровергнуть" (Русская мысль. № 4208. 1998). Копейкин заявил, что "ни к какой "отечественной" войне советские вожди не готовились": "Иначе велели бы выкопать хоть один окоп на границе. Если кто-нибудь представит сведения хоть об одной траншее в приграничной полосе, имевшейся в 1941 году, буду очень признателен". Придется привести лишь некоторые из таких - нужных Копейкину - сведений.

26 июня 1940 года было принято решение о начале строительства укрепленных районов на новой западной границе, после чего наши войска начали форсированно оборудовать их. Этим было занято около 140000 человек, до нападения Германии успели построить около 2500 железобетонных сооружений, из них 1000 была вооружена артиллерией, а остальные 1500 - только пулеметами.

8 апреля 1941 года Генеральный штаб дал директиву командующим Западным и Киевским военными округами об использовании УРов в случае нападения на СССР. В начале июня около 40 тысяч человек из приписного состава, вызванных в воинские части, были направлены в укрепрайоны. И. Баграмян в книге "Так шли мы к победе" писал, что строился Перемышльский укрепленный район, что в начале мая 1941 г. директива Наркома обороны "требовала от командования округа спешно подготовить в 30-35 километрах от границы тыловой оборонительный рубеж". 16 июня Сталин подписал постановление "Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов", в нем для их вооружения предписывалось срочно передать 7700 пулеметов.

Журналист Д. Новоплянский свидетельствовал: "После войны я был у границы в одном из железобетонных дотов сорок первого года, видел его подземные этажи, израненные стены, состоявшие под градом бронебойных снарядов. Каждый такой дот был оборудован системами связи, водоснабжения, электричеством, вентиляцией. Гарнизон младшего лейтенанта 1-й роты 150-го отдельного пулеметного батальона Ивана Чаплина удерживал свой дот восемь суток, отразил десятки атак" (Правда. 21.06. 1994).

Генерал С. Бутлар писал в книге "Мировая война 1939-1945 гг.": "После некоторых начальных успехов войска группы "Центр" натолкнулись на значительные силы противника, обо-

ронявшегося на подготовленных заранее позициях, которые кое-где имели даже бетонированные огневые точки". Манштейн признал: "К 22 июня 1941 года советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны ... Конечно, летом 1941 года Сталин не стал бы еще воевать с Германией" (С. 191). 7 мая 1941 года Геббельс записал в дневнике: "Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они развертывают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем и желать: они плотно сконцентрированы и будут легкой добычей для взятия их в плен" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 35).

Немецкий посол в Москве Ф. Шуленбург сообщил в мае 1941 г. в Берлин: "Я твердо убежден, что в международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин поставил своей целью предохранение Советского Союза от столкновения с Германией". Он доносил в Берлин 4 и 7 июня 1941 г.: "Русское правительство стремится сделать все для того, чтобы предотвратить конфликт с Германией. ... Лояльное выполнение экономического договора с Германией доказывает то же самое" (Советская Россия. 22.06. 1989). Немецкий министр финансов Крозиг считал, что СССР выполняет все условия договора и не создает никакой угрозы Германии военной силой. В записке Г. Герингу 19 апреля 1941 г. он высказал мнение, что Германии не надо начинать войну против СССР, так как это может "пагубно отразиться на судьбе немецкого народа" (Независимая газета. 19.04. 2000).

Глава 13. Были ли советские планы напасть на Германию?

В целях дискредитации советской политики сейчас продолжается кампания по оправданию нападения Германии на СССР с использованием приемов фашистской пропаганды. 22 июня 1941 г. гитлеровское правительство утверждало в своей ноте: "Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры". В тот день Риббентроп на пресс-конференции для представителей иностранной и немецкой печати, а затем и Гитлер заявили, что Германия была вынуждена предпринять наступление на СССР, чтобы предупредить советскую агрессию. На заседании Международного Военного Трибунала в Нюрнберге Риббентроп назвал войну против СССР "превентивной". Тогда А. Иодль тоже заявил, что нападение Германии было вызвано "чувством угрозы русского наступления".

Парламентская ассамблея ОБСЕ в 2010 г. цинично обвинила Советский Союз в развязывании войны наряду с фашистской Германией. В работе Резуна-Суворова "Нападение на Евро-

пу", написанный в соавторстве с Д. Хмельницким, утверждается, что СССР подготовил нападение против Европы в 1941 году, поэтому, чтобы предупредить эту агрессию, Германия атаковала его. Но как быть хотя бы с тем, что бывший руководитель немецкой прессы и радиовещания Г. Фриче на Нюрнбергском процессе сказал, что он "организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз... Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было" (Нюрнбергский процесс... Т. 5. С. 569).

По словам Бережкова, 21 июня Риббентроп передал бумагу, в которой Германия официально объявляла войну против СССР работникам нашего посольства в Берлине, и они направились к выходу. "И тут произошло неожиданное. Риббентроп торопливо засеменил за нами. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично он был против того решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать... "Передайте в Москве, что я был против нападения", - услышали мы последние слова Риббентропа... "Почему он так нервничал, этот отпетый фашист?... Куда делась его наглая самоуверенность? Конечно, он лгал, будто отговаривал Гитлера напасть на Советский Союз. Но что все же означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа на этот вопрос. А теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент, когда он официально объявлял о решении, приведшем в конечном итоге к гибели германского рейха, возможно, зародилось какое-то мрачное предчувствие..." (Новый мир. 1965. № 7. С. 168).

Либерал К. Чуприн заявил: "Красная Армия готовилась и была готова к войне с фашистской Германией. Готовилась она, вне сомнения, к войне не оборонительной, а наступательной" (Новое литературное обозрение. 22.06. 2001). Для подтверждения этой мысли используется то, что нарком обороны С. Тимошенко и начальник генштаба К. Мерецков представили 18 сентября 1940 года руководству государства "Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 годы". В дальнейшем этот план - в пяти вариантах за период конца 1940 года и начала 1941 года - мобилизационного развертывания перерабатывался, корректировался и уточнялся.

В апреле-мае 1941 года немецкие войска продолжали концентрироваться у наших границ. Тимошенко и Жуков пришли к выводу, что они готовятся к скорому нападению на СССР, и решили дополнить "Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками" мыслью об упреждающем ударе, что и сделал к 15 мая заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор А. Василев-

ский. Под текстом этого рукописного плана, подправленного генерал-лейтенантом Н. Ватутиным, нет подписи ни наркома обороны Тимошенко, ни начальника генштаба Жукова, ни тем более Сталина.

Этот документ, названный Резуном планом "Гроза", приводится как доказательство решения Сталина напасть на Германию в июле 1941 года. 4 января 1992 г. "Комсомольская правда" опубликовала отрывок из него под названием "Готовил ли Сталин нападение на Германию?", в примечаниях к нему В. Данилов заявил: Сталин мог "первым нанести удар и тем самым взять на душу грех развязывания кровавой бойни".

Вывод о задумке Сталина нанести превентивный удар основывался на отмеченном выше наброске. Поразительно, что на таком крайне неубедительном основании СССР объявляют зачинщиком войны. В таком случае как надо оценить правительство США, военное ведомство которого разработало ряд планов внезапного атомного нападения на все значительные промышленные советские города, и это при том условии, что наши войска не угрожали вторжением на американскую территорию?

О. Вишлёв в статье "Накануне 22 июня 1941 года", опубликованной в 1997 г. в журнале "Молодая гвардия", опираясь на документы, доказал, что наше руководство не планировало войны с Германией в 1941 году. В. Молотов говорил В. Карпову: "Наша задача психологически и политически заключалась в том, чтобы как можно дольше оттянуть начало войны. Мы чувствовали, знали, что были к ней не готовы" (Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. С. 77). Жуков отмечал, что все помыслы и действия Сталина в то время "были пронизаны одним желанием - избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся".

Советское командование составляло планы по отражению агрессии, предусматривало в них мощное контрнаступление, намереваясь бить врага на его территории. Чтобы подготовиться к решительному отражению противника, оно с середины мая перебрасывало ближе к границе до 28 дивизий, но политическое руководство СССР не принимало решения напасть на Германию. Сталина можно упрекнуть в другом, в том, что не все возможное было сделано, чтобы хорошо подготовиться к решительному отпору немецкой агрессии. Он, стремясь не дать Гитлеру никакого - даже самого малейшего - повода напасть на нас, опасно запоздал привести в полную боевую готовность советские войска пограничной зоны, что привело к очень тяжелым для Советского Союза последствиям.

В. Кожин в статье "Миф о 1941-м годе. (Лики и маски)" указал, что "в тексте "Соображений..." нет ни слова, которое можно понять как выражение установки на превентивную вой-

ну", речь в них идет "об ответном наступлении наших войск". Он справедливо считал нелепыми рассуждения о том, что СССР "в мае 1941 года не только готовился напасть на Германию, но и намерен был совершить это в самое ближайшее время" (Завтра. 23.01. 2001). Действительно, как можно расценить такие пункты в "Соображениях...": "начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почем и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 году на границе с Венгрией, а также продолжать строительство по линии старой госграницы" (этот пункт был написан рукой заместителя начальника Генштаба Ватутиным); "потребовать от НКПС ...строительства железных дорог по плану 41 года" (Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 37).

Но следует признать: этот документ не исключал нанесения упреждающего удара в том случае, если станет видно, что Германия уже приняла решение напасть на СССР. В нем предлагалось "упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск". Как можно объяснить "неувязки"? Видимо, у авторов "Соображений..." тлела надежда, что можно будет избежать войны в ближайшее время. Надо считаться и с тем, что документ был составлен в 1940 г., скорректирован в марте 1941 г. и представлял собой план мероприятий по укреплению нашей обороноспособности на 1941-1942 годы.

В мае его дополнили пунктами, которые подразумевали подготовку к выполнению новой задачи. Переброшенным к границе дивизиям предстояло, если это понадобится, участвовать в нанесении упреждающего удара, который не позволил бы немецким войскам беспрепятственно развернуться для нападения на нашу страну. Для этого определялось, куда они нацелены: "Вероятнее всего главные силы немецкой армии... будут развернуты... для нанесения удара в направлении - Ковель, Ровно, Киев..." Если же они опередят советский удар ("в случае нападения на СССР"), то следует "прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление".

В работах "Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается" (1999) и "Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941" (2000) М. Мельтюхов расценил эти намечаемые операции, которые были "не связаны напрямую с возможными наступательными действиями противника", как подготовку "именно первого удара".

Опираясь на статью Горькова Ю. А. "Готовил ли Сталин превентивный удар против Германии в 1941 году (Новая и новейшая история. 1993. № 10), он утверждает: "24 мая в Кремле состоялось совещание советского военно-политического руководства, на котором, скорее всего, был установлен новый срок завершения советских военных приготовлений к нападению на

Германию". И далее: "Скорее всего, 1 июля войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, в стране начался бы новый этап скрытой мобилизации, а завершение к 15 июля развертывания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты начать боевые действия против Германии, иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и развертывания Красной Армии на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию". Такие доказательства с фразами "скорее всего", "получили бы", "начался бы" оставляют простор для nepозволительных фантазий.

Мельтюхов в этих трудах изложил результаты изучения найденных им в фондах Российского государственного военного архива материалов командно-штабной игры, проводившейся в сентябре 1940 г. в штабе 6-й армии Киевского военного округа. Он считает, что в 1941 г. Красная Армия готовилась к наступлению, а не к обороне: в то время войска 6-й армии дислоцировались в районе Львова, и одной из их задач было упредить противника и нанести первыми удар на Запад, за реку Вислу. Он решил, что в этом отразился общий наступательный замысел советского командования, изложенный в докладах Тимошенко и Жукова лично Сталину.

Используя ряд документов, он раскрыл процесс развертывания наших войск у западных границ в последний предвоенный месяц в соответствии с планом от 15 мая 1941 г. Мельтюхов указывает, что первоначально удар по вермахту был намечен на 12 июня 1941 г., но затем Кремль передвинул начало операции "Гроза" на более поздний срок - 15 июля. Он сожалеет, что "советское руководство допустило роковой просчет: не напало первым". Не собиралось оно совершать эту военно-политическую глупость.

М. Мельтюхов в публикации "Идеологические документы мая - июня 1941 года о событиях Второй мировой войны" (2008) опять придерживается лживой версии резунистов: "...рассуждения в директивных документах ЦК ВКП(б) наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению, по нашему мнению, недвусмысленно свидетельствуют о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию". Вместе с тем он отверг мысль о том, что Германия начала превентивную войну против СССР, такая "возможна только в том случае, если предпринимающаяся такие действия сторона знала о намерении противника. Однако поскольку нет никаких серьезных доказательств того, что в Берлине действительно знали о советских наступательных намерениях, то весь спор о превентивной войне вообще не имеет ничего общего с исторической наукой". Но не так уж важно, знала ли гитлеровская камарилья о мнимой подготовке советского нападения на

Германию. Суть дела в более существенном - Советский Союз не готовился, не планировал тогда напасть на нее.

Многое проясняет рассказ Жукова доктору исторических наук Анфилову о том, как он и Тимошенко пришли к Сталину с этими "Соображениями...": "Услышав об упреждающем ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. "Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать?" - прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками. "Так я сказал это, - услышали мы в ответ, - чтобы воодушевить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят радио и газеты всего мира". Предложенный план Сталин утверждать не стал, тем более и подписи наши на нем отсутствовали. Однако выдвижение войск из глубины страны и создание второго стратегического эшелона, в целях противодействия готовящемуся вторжению врага и нанесения ответного удара, он разрешил продолжать, - строго предупредив, чтобы мы не дали повода для провокаций" (Независимая газета. 23.01. 2000).

В опубликованных в Интернете статьях "Новые Резуны" (о научном труде М. Мельтюхова) О. Козинкин считает "почти доказанным факт существования директивы от 18 июня 1941 года" о приведении наших войск в Западных округах в полную боевую готовность. Это "почти" позволяет считать, что, возможно, было устное распоряжение Генштаба.

Маршал М. Захаров в книге "Генеральный штаб в предвоенные годы" отметил: "Приказом НКО от 19 июня войскам предписывалось замаскировать аэродромы... а также рассредоточить самолеты на аэродромах" (С. 263). Доктор военных наук А. Цветков писал: "12-14 июня 1941 года западные приграничные военные округа получили приказ выдвинуть ближе к границе все дивизии, расположенные в глубине. 19 июня, за три дня до войны, военным советам приграничных военных округов были даны указания выделить из своего состава полевые управления Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и вывести их на полевые командные пункты соответственно в Паневежис, Обуз-Лесна и Тернополь. ...Непосредственно соединениям первого эшелона было приказано содержать в снаряженном виде весь запас боеприпасов НЗ и привести УРы в состояние повышенной боевой готовности" (Обозреватель. 2001. № 5-6. С. 12).

Бывший командующий 8-й армией генерал-лейтенант П. Собенников 18 июня 1941 г. получил от командующего войсками округа генерал-полковника Ф. Кузнецова приказ "немедленно вывести соединения на границу, а штаб армии к утру 19 июня разместить на командном пункте в 12 км юго-западнее Шяуляя". Бывший командир 11-го стрелкового корпуса 8-й армии генерал-полковник М. Шумилов сообщил: "Войска корпуса начали занимать оборону по прика-

зу командующего армией с 18 июня". Генерал-майор И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии): "19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии". Генерал-майор П. Абрамидзе, бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии, 20 июня 1941 г. получил шифровку Генштаба: "Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность". Полковник П. Новичков (бывший начальник штаба 62-й стрелковой дивизии 5-й армии): "Части дивизии на основании распоряжения штаба армии в ночь с 16 на 17 июня выступили из лагеря Киверцы. Совершив два ночных перехода, они к утру 18 июня вышли в полосу обороны..." Генерал-полковник П.П.Полубояров (перед войной начальник автобронетанковых войск ПриБОВО): "16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединений в боевую готовность... 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано... 16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус, ... который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе" (Военно-исторический журнал. 1989. № 3).

Это делалось, конечно, не без ведома Сталина и опровергает тенденциозную мысль Левандовского и Щетинова в учебнике "Россия в XX веке": "Политическое руководство упорно игнорировало информацию о подготовке германской агрессии". Еще больше дезинформируют читателей В. Дмитренко, В. Есаков, В. Шестаков в пособии для общеобразовательных учебных заведений "История отечества. XX век" (1995): "Несмотря на явные признаки подготовки фашистской агрессии против СССР, Сталин запретил военному командованию выполнять необходимые военно-мобилизационные мероприятия, осуществлять перегруппировку в приграничных округах и приводить их в боевую готовность".

В книге "Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира" В. Карпов сожалел о том, что "самый гениальный план самой крупной задуманной Жуковым операции... не был осуществлен! А если бы наша армия его осуществила, история могла пойти совсем не так, как она сложилась в сороковые годы, не говоря уже о ходе войны, ее продолжительности и потерях, понесенных нашей страной, - все это происходило бы с несомненным перевесом в нашу пользу с первых и до последних дней этой самой грандиозной войны в истории человечест-

ва". Автору "представляется: все, что произошло в первые дни на нашей земле после удара гитлеровцев, точно так же, по такому же сценарию, развернулось бы на немецкой территории. ...Но Сталин не принял предложения Жукова. ...Своим волевым и, как оказалось, некомпетентным решением Сталин предопределил неудачи наших войск в начальный период войны". М. Гареев считал, что "война шла бы для нас совсем по-другому", если бы Красная Армия в 1941 году напала первой.

Действительно, германское верховное командование не ожидало советского упреждающего удара, тогда бы план вермахта был нарушен, мы не понесли бы тех огромных потерь в людях и технике, какие имели место в первые дни войны. Но потом наша армия, недостаточно подготовленная к войне с таким сильным противником, как Германия, конечно, серьезных успехов не добилась бы.

Впоследствии Жуков одобрил Сталина за то, что он не согласился с идеей упреждающего удара: "иначе мы, учитывая состояние войск и разницу в подготовке их с немецкой армией, получили бы тогда нечто подобное Харьковской операции". **Но намного важнее были бы крайне негативные - далеко идущие - политические последствия для СССР такого превентивного удара. Такое упреждение существенно сократило бы возможность создания антигитлеровской коалиции.**

Гитлер в свое время выражал недовольство тем, что "Советский Союз невозможно спровоцировать на нападение". В книге В. Карпова "Генералиссимус" этот "самый гениальный план" Г. Жукова и "некомпетентное решение" Сталина не получили никакого освещения, видимо, автор стал справедливо оценивать их совершенно по-иному.

Глава 14. Почему Сталин "поверил" Гитлеру?

В. Быков говорил: "Для Сталина, свято поверившего в силу "договоренностей" и особенно "секретных" соглашений" внезапное нападение Германии "явилось полнейшей неожиданностью, что свидетельствует о роковом политическом невежестве, стоившем советскому народу 50 миллионов человеческих жизней" (Общая газета. № 25. 2001). Слова о "политическом невежестве" Сталина оставим суду читателей. Зная, что для большой войны СССР не готов, он полагал, что для нас лучше всего - тянуть время, укреплять обороноспособность государства. Он не переоценивал силу договора с Германией. Это подтверждает ряд фактов. Риббентроп сообщил в письме Гитлеру, что во время обсуждения условий этого пакта "Сталин, отвечая на его вопрос, заявил: "Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете

строить агрессивные планы в отношении СССР". Затем уточнил: "Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас" (Советская Россия. 24.08. 1988).

По словам А. М. Коллонтай, в ноябре 1939 года в беседе в узком кругу в Кремле Сталин говорил: "Надо практически готовиться к отпору, к войне с Гитлером". На расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в конце мая 1941 года Сталин заявил: "Обстановка обострится с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать..." Г. Жуков констатировал: "ЦК ВКП/б/ и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность использовать время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта".

20 июня 2008 года "Российская газета" опубликовала последнее письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 года, в котором он пытался "объяснить", почему сосредоточились германские войска вблизи советской границы: "При формировании войск вторжения вдали от глаз авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах, вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами. Уверю Вас честью главы государства, что это не так. Со своей стороны, я тоже с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск. Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств, на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками".

Интересны утверждения Гитлера, которые вроде бы объясняют поведение Сталина перед самой войной и в первый день войны: "Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между нами - трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций - с явным желанием втянуть весь мир в войну, убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию "братоубийственной войны" для своих целей, используя ее в своей пропаганде - и не без успеха. Оп-

позиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

...В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым. Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца. Начиная, примерно, с 15-20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам".

Из содержания и тональности этого вероломного письма следует: Гитлер хотел внушить Сталину, что концентрация германских войск у наших границ случилась "в силу сложившихся обстоятельств", что он ни в коем случае не хочет воевать с Советским Союзом, а вот его своевольные генералы могут совершать провокации, создавать опасную ситуацию на границе, и этому не стоит придавать "особого значения".

Ю. Мухин назвал это письмо ложью: "...если бы такое письмо Гитлера действительно было, то о нем бы знали, как минимум, все тогдашние члены Политбюро. ...Молотов и понятия не имел ни о каком письме Гитлера, хотя обязан был знать". Но как быть с тем, что В. Молотов в разговоре с Ф. Чуевым обмолвился, что такое письмо, кажется, было, но он не знал о его содержании. К этому добавим: Г. Жуков вспомнил, что Сталин, по его словам, "получил от Гитлера личное письмо". Он рассказал профессору Л. Безыменскому, что сам читал его.

Солженицын утверждал, что Сталин никому не доверял, а поверил только одному человеку - Гитлеру. Терёхин повторил эту мысль: "...как загипнотизированный, Сталин до последнего дня верил в миролюбие Гитлера". На самом деле Сталин знал о циничном отношении Гитлера к договорам и его агрессивным намерениям, а главные выводы делал на основе своих оценок крайне противоречивой обстановки того времени.

Можно безошибочно утверждать, что он сильно переоценил меру занятости Германии в войне с Англией и военно-политическую дальновидность Гитлера. Сталину представлялось, что фюрер должен осознавать опасную для самой Германии несвоевременность, авантюристичность плана нападения на СССР, ведь "для ведения большой войны с нами немцам... необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англию или заключить с ней мир" (Независимая газета. 26.05. 2000).

Наличие двух фронтов, рассуждал он, Гитлер еще в "Майн кампф" считал главной причиной поражения Германии в первой мировой войне, и потому он не решится напасть на СССР, не победив Англию. Однако Гитлер считал, что она, хотя и была в состоянии войны с Германией, не сможет и по-настоящему не захочет серьезно помочь СССР, а после его быстрого разгрома потеряет всякую надежду добиться победы над ней. И тогда возможны два варианта: первый - немецкие войска переправятся через Ла-Манш и разобьют англичан. Но более вероятным и очень желательным германское руководство считало иной разворот событий: Англия после разгрома СССР заключит мир на выгодных Берлину условиях.

И. Стаднюк опубликовал в "Правде" (22.06. 1993) письмо доктора технических наук А. Хрулева, опровергавшего тезис, согласно которому "Сталин старался оттянуть начало войны, принимал меры к пресечению действий, провоцирующих конфликт": "Сталин сделал все возможное (может, больше, чем допустимо), чтобы Гитлер мог напасть на СССР в момент, наиболее благоприятный для Германии, то есть тогда, когда Красная Армия и советская экономика не были достаточно подготовлены к войне. Сталин прекрасно понимал ситуацию: если в 1941 году Гитлер пойдет на Англию, он ее, без всяких сомнений, покорит. Затем Германия захватит Ближний Восток... К Германии и ее европейским сателлитам присоединятся Турция, Иран, Египет... Сомкнется Германия и с Японией... Итог мог быть тяжелейшим: в 1942 году СССР оказался бы один на один со всем капиталистическим миром, что означало его безусловную гибель. Взвесив все, Сталин... пришел к выводу: война СССР с Германией должна начаться в 1941 году, до разгрома Англии, пусть и в невыгодных для нас условиях. Они, эти условия, должны будут улучшаться в ходе войны с учетом многих факторов, что, в общем-то, оправдалось".

Молотов, ознакомившись с письмом, сказал: "Война с Германией уже не зависела от нашего желания или нежелания. А мы к ней не были готовы. А стремиться к тому, чтобы она вспыхнула скорее... Зачем?! Хотя действительно понимали: если Англия будет разгромлена, нас ждут тяжкие испытания: военные нападения уже в сорок втором-третьем годах с Запада, Юга, Дальнего Востока. ...Гитлер не хотел упустить для начала агрессии против нас момент

нашей неподготовленности к серьезному сопротивлению. Но война на два фронта все-таки отсерегала его. Он тоже понимал, что с Советским Союзом можно будет разделаться и позже, однако не ведал, как поведет себя Красная Армия, когда его войска начнут вторжение в Англию".

Несмотря на договор с Германией о ненападении, советское правительство не делало никаких заверений о своем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет наступательные операции против Англии. Только неумной жадой во что бы то ни стало очернить внешнюю политику СССР можно объяснить придумку академика В. Белоконя о том, что в 1941 г. Сталин хотел "рука об руку с Гитлером сокрушить Британскую империю и поделить с ним ее колониальные владения. Вот почему известие о нападении Германии повергло его в такое смятение" (Общая газета. 1998. № 25).

А. Осокин в книге "Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны" (2010) пошел по этому - кощунственному - пути: "Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года - превентивный удар Германии не по противнику, готовившемуся напасть, а по союзнику, вместе с которым, координируя свои действия, готовились к удару по третьей стране - Англии. Причем по союзнику, практически безоружному - не имеющему в частях боеприпасов и горючего, разоружившему (наверняка тоже в соответствии с договоренностью) укрепрайоны на старой границе". Как оценить такое разительное недомыслие?

Прочитав роман И. Стаднюка "Война", В. Молотов сказал ему, что он ошибочно приписал Сталину мысль о том, что немцы не нападут на нас ранее 1942 года, и сказал: "Я же со Сталиным общался, но я такого не помню, и никто из людей, кто близко, повседневно общался со Сталиным, не говорит об этом". К. Мерецков в книге "На службе народу" сообщил, как в ходе одной из бесед "И. В. Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны".

По сообщению профессора Г. Куманева, А. Микоян рассказал: "Когда незадолго до войны в Москву из Берлина на несколько дней приехал наш посол Деканозов, германский посол Ф. Шуленбург пригласил его на обед в посольство. На обеде, кроме них, присутствовал лично преданный Шуленбургу советник посольства Хильгер и переводчик МИД Павлов. Во время обеда, обращаясь к Деканозову, Шуленбург сказал: "Господин посол, может, этого еще не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь вам сообщить государственную тайну номер 1: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение 22 июня начать войну против СССР. Вы спросите, почему это я делаю? Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией... Обед на этом был свернут, Деканозов поспешил к Молотову. В тот же день Сталин собрал членов Политбюро и,

рассказав нам о сообщении Шуленбурга, заявил: "Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов" (Правда. 22.06. 1989).

По словам Василевского, посол Шуленбург в ноябре 1940 г. сопровождал советскую делегацию в Берлин и "обратно, нашел возможным, несмотря на всю рискованность этого его положения, на обратном пути говорить о пакте, в то же время настойчиво намекая на то, что взаимоотношения между нашими странами оставляют желать много лучшего. Короче говоря, он старался нам дать понять, что считает возможным возникновение войны". Шуленбург в 1944 г. участвовал в заговоре против Гитлера и был расстрелян. Куманев в книге "Рядом со Сталиным" писал, что он, разговаривая с Молотовым, спросил его, было ли это сообщение Шуленбурга на самом деле, тот "задумался, потом ответил: "Что-то не помню. Вряд ли...". Во время другой встречи Молотов сказал: "Кажется, что-то было. Но это не имеет особого значения. Как можно было верить Шуленбургу". (В печати сообщалось, что Шуленбург узнал о предстоящем германском нападении на СССР только 21 июня, что похоже на правду.)

Если все же так было на самом деле, как поведал Микоян, то Сталин не поверил немецкому послу, видимо, потому, что он мог подумать: Шуленбург сообщил о предстоящем нападении Германии - не по своей инициативе - для провоцирования советского руководства на необдуманные шаги. Возможно, начальство посла поставило своей целью заставить наше командование подтянуть к границе больше войск, что облегчило бы вермахту успешно выполнить план "Барбаросса".

Геббельс писал в дневнике 16 июня 1941 года: "Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это наилучшее из всего, что могло произойти, если бы они были рассредоточены подалеже внутри страны, они представляли бы собой гораздо большую опасность". Д. Фуллер отметил: "Основная сила русских заключалась в резервах, основная слабость - в командовании, которое сыграло на руку врагу, расположив слишком много войск вблизи границы". Юровицкий, прочно попав в плен чеховской "Палаты №6", с радостью обнаружил то, о чем никто не догадывался: оказывается, Сталин сам подготовил "быстрое контролируемое поражение", "Жуков создает план быстрого военного поражения. Для этого он предлагает сосредоточить почти всю армию на границе". Но где находится этот мифический план? В секретных сейфах "Литгазеты", не раз обливавшей грязью нашу армию? В фильме Е. Киселева "Мировая революция для товарища Сталина", показанном 5 февраля 2001 года по четвертому каналу, Сталин обвинялся в том, что основные силы советской армии стояли на малом расстоянии от границы, что обусловило их поражение в начале войны.

Жуков не предлагал "сосредоточить почти всю армию на границе". Он осторожно отнесся и к упрекам в том, что советские войска не были подведены ближе к границе перед германским нападением, и писал в "Воспоминаниях...": "В последние годы принято обвинять Ставку в том, что она не дала указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения врага. Не берусь утверждать, что могло получиться, если бы это было сделано: лучше или хуже. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспеченными противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, не выдержали бы рассекающих ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге страны. К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это было главной целью плана "Барбаросса" в начале войны" (Т. 2. С. 24).

Жуков, прочитав интервью Василевского от 6 декабря 1965 г., выразил свою мысль более категорично: "Думаю, что Советский Союз был бы скорее разбит, если бы мы все свои силы накануне войны развернули на границе, а немецкие войска имели в виду именно по своим планам в начале войны уничтожить их в районе госграницы. Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные силы были разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году" (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1990. Т. 2. С. 25).

Еще 5 декабря 1940 г. Гитлер, как записал Гальдер, внушал своим генералам: "Русские уступают нам в вооружении... Армия не имеет настоящих командиров... Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию, на отдельные группы и задушить их в "мешках". Если русские понесут поражения в результате ряда наших ударов, то, начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация". 26 июня 1941 года Геббельс занес в дневник: "Русские сражаются мужественно и не отводят своих войск. Это отвечает нашим планам по их разгрому у границ. Мы все опасались, что русские заранее отведут свои войска в глубь страны и ускользнут от битвы на уничтожение. Но они пока не отходят" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 38). В ряде случаев советское командование, неверно оценив зловещую

обстановку, допускало крупные операционные ошибки, не сумело вывести наши соединения на новые рубежи и избежать окружения.

СССР опоздал своевременно развернуть свои войска, в результате чего понес огромные потери, а его часто обвиняют в том, что он своей подготовкой к войне против Германии спровоцировал ее нападение. Эта ложь эффективно пропагандируется, ей поверили многие люди. Поддался ей и Б. Лебедев, считающий, что "не в чем оправдывать И. В. Сталина и наше высшее руководство, даже если ими в 41-м году планировалось напасть на фашистскую Германию" (Советская Россия. 20.01. 2000). Выходит, наши заклятые "друзья" правы в оценке СССР как агрессора и инициатора войны, а это далеко не безобидное обвинение. Б. Лебедев доказывал свою мысль: "Американцы той поры, выходит, тоже агрессоры, раз вступили в войну с фашистской Германией". Эта аргументация явно хромает: Гитлер по своей инициативе объявил войну США. Американцы готовились к войне с Японией, но не хотели прослыть ее зачинщиком. Военный министр Стимсон записал в своем дневнике: "Как бы нам сманеврировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить больших опасностей для нас самих".

Напомнив, что еще до нападения на СССР Германия оккупировала ряд стран Европы" и в глазах всего мира однозначно была признана агрессором", ветеран внешней разведки, писатель И. Прелин заключил: "Если бы в этих условиях СССР решил напасть на Германию на стороне Англии, этот шаг был бы встречен с энтузиазмом и ни в коем случае не был бы расценен как акт агрессии!" (Советская Россия. 17.02. 2000). В. Гаврилов тоже полагал, что Сталин имел "моральное право спланировать и первым начать войну против фашистской Германии": "Такая война, наступательная по способу ведения, была бы оборонительной с политической точки зрения. Она была бы оправдана не только с точки зрения военной стратегии и национальных интересов СССР, но и в общем контексте надежд и чаяний народов, оказавшихся вовлеченными во вторую мировую войну. Разве Великобритания и США нас бы за это осудили? Нет, конечно, они бы только приветствовали такое развитие событий, поскольку к этому сами подталкивали всячески Сталина. Англичане, вне всякого сомнения, приветствовали бы удар СССР по Германии, потому что он гарантировал бы их от угрозы вторжения на Британские острова" (Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 27).

В этих выводах недоучитывается чрезвычайная сложность военно-политической обстановки того времени и реальная возможность грозящей опасности иного - крайне опасного для нас - поворота событий. Дело было даже не столько в неготовности нашей страны к большой войне, сколько в позиции Англии и США. Сам Гаврилов указал: "Сталину была доложена сте-

нограмма заседания американского правительства, из которой следовало: если войну "спровоцирует" Советский Союз, то США будет сохранять нейтралитет. ...Разведка неоднократно докладывала Сталину о стремлении правящих кругов Лондона сблизиться с Германией и одновременно столкнуть ее с СССР, чтобы отвести угрозу от Британской империи". В мае 1941 г. Рузвельт заявил на совещании начальников штабов: "Если Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае - не будут вмешиваться" (Правда. № 65. 2005).

Громадной ошибкой было бы нашему руководству действовать по рецепту решительного в своих заключениях Ю. Житурчука: "...не позднее середины мая было необходимо объявить Германии ультиматум о немедленном прекращении концентрации дивизий вермахта на советских границах и отводе немецких войск в глубь страны. При отклонении ультиматума следовало объявить мобилизацию и начать сосредоточение и развертывание РККА у наших западных границ по планам прикрытия" (Дуэль. № 26. 2008). Почему не позднее середины мая? "Наиболее массовые перевозки войск на восток гитлеровское командование начало проводить с 25 мая 1941 года" (Г. Жуков). Такой ультиматум и наша мобилизация предоставили бы прекрасный материал для того, чтобы объявить СССР провокатором и зачинщиком войны. Молотов говорил: "Если бы мы в это время сами развязали войну против Германии, тогда Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира..." Это важное предположение имело под собой реальную почву.

Маршал К. Мерецков верно обрисовал исключительно противоречивую военно-политическую обстановку в 1941 г.: "Поскольку в самом начале войны Англия и США стали нашими союзниками по антигитлеровской коалиции, большинство лиц, критически рассуждающих ныне о тогдашних решениях нашего руководства, машинально оценивает их лишь в плане советско-германской войны и тем самым допускает ошибку. Ситуация же весной 1941 года была чрезвычайно сложной. В то время не существовало уверенности, что не возникнет антисоветской коалиции капиталистических держав в составе, скажем, Германии, Японии, Англии и США. Гитлер отказался в 1940 году от высадки армии в Англии. Почему? Сил не хватило? Решил разделаться с ней попозже? Или, может, велись тайные переговоры о едином антисоветском фронте? Было бы преступным легкомыслием не взвешивать всех возможных вариантов. Ведь от правильного выбора политики зависело благополучие СССР. Где возникнут фронты? Где сосредоточивать силы? Только у западной границы? Или возможна война и на южной границе? А каково будет положение на Дальнем Востоке? Это многообразие путей воз-

возможных действий при отсутствии твердой гарантии, что в данном случае удастся сразу нащупать самый правильный путь, дополнительно осложняя обстановку".

Нарком государственной безопасности СССР Меркулов сообщил 11 марта 1941 г. в ЦК ВКП(б) и СНК о данных, полученных из английского посольства в Москве, относительно подготовки фашистской Германии к нападению на СССР. Английский посол Криппс собрал английских и американских корреспондентов и, предупредив их, что его информация "носит конфиденциальный характер и не подлежит использованию для печати", заявил: "Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно, летом. ...если Гитлер убедится, что он не сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР. Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительство принять гитлеровские условия мира. В этом случае Гитлер очень быстро совершит нападение на СССР" (Ветеран войны. 2002. № 3. С. 56). Англия терпела военные неудачи, оказалась в отчаянном положении и потому всячески стремилась добиться немедленного военного столкновения Германии и Советского Союза, что для неё стало бы несомненным спасением.

Заместитель Гитлера по нацистской партии Гесс, прилетев 10 мая 1941 года в Англию, предложил английскому правительству почетный мир и совместную борьбу против СССР. Бывший обергруппенфюрер СС К. Вольф рассказал Л. Безыменскому, что "в беседе с ним в ночь с 17 на 18 апреля 1945 года Гитлер сам признался, что Гесс выполнял его волю. Чего добивался Гитлер? Склонить Англию к заключению мира с Германией и к совместным действиям против Советского Союза". Переговоры с Гессом вел прогермански настроенный лорд-канцлер Саймон. На них искали удобный повод обвинить СССР в агрессивных действиях, чтобы Англии можно было бы "достойно" выйти из войны.

12 мая Шуленбург при встрече с Деканозовым заявил о возможности скорого заключения мирного договора между Англией и Германией. Английский посол в Москве С. Криппс 12 мая направил Молотову меморандум, в котором утверждалось: "Не исключено в случае растяжения войны на продолжительный срок, что Великобритании (особенно определенным кругам в Великобритании) могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, вновь предложенной в некоторых германских кругах, при которой в Западной Европе было бы воссоздано прежнее положение, Германии же не чинилось бы препятствий в

расширении её "жизненного пространства" в восточном направлении. Такого рода идея могла бы найти последователей и в Соединенных Штатах Америки. В связи с этим следует помнить, что сохранение неприкосновенности Советского Союза не представляет собой прямого интереса для Правительства Великобритании, как, например, сохранение неприкосновенности Франции и некоторых других западноевропейских стран". В этом меморандуме выдвигалось требование к СССР прекратить снабжение Германии стратегическим сырьем, иначе может последовать заключение мира с нацистами: "Английское правительство при современных отношениях между Германией и СССР имеет достаточные основания рассматривать СССР как канал и источник снабжения Германии, что это определяет характер отношений к СССР со стороны Англии". В напечатанной в газете "Дуэль" статье "Предупреждение Черчилля..." О. Вяльцев верно расценил этот меморандум как недвусмысленную угрозу: "...если вы не хотите воевать против Гитлера вместе с нами, то мы заключим мир и вы останетесь с Германией один на один".

Британский историк Дж. Батлер в книге "Большая стратегия" (1959) утверждает, что в конце мая 1941 г. "в Лондоне сложилось мнение, что, создав угрозу кавказской нефти, можно будет наилучшим образом оказать давление на Россию". 31 мая 1941 г. "главнокомандующему английскими войсками на Ближнем Востоке было приказано провести подготовку к оккупации Ирака, что позволило бы британским королевским ВВС устроить "самый грандиозный пожар, какой кто-либо когда-либо видел" - на бакинских нефтепромыслах". 12 июня 1941 г. британский комитет начальников штабов "решил принять меры, которые позволили бы без промедления нанести силами средних бомбардировщиков воздушный удар из Мосула [север Ирака] по нефтеочистительным заводам Баку".

С. Криппс 2 июня получил телеграмму, требующую его немедленного выезда в Лондон "для консультаций". Перед отъездом он "сделал Вышинскому угрожающее заявление о том, что, хотя его отзывают для консультаций, он может и не вернуться в Москву". Его отъезд совпал с эвакуацией служащих и членов семей сотрудников посольства в обстановке усиливающихся слухов о приближающемся германо-советском столкновении. Английские газеты стали писать о "внезапном ухудшении англо-русских отношений". Такое откровенно демонстративное поведение Лондона служило возникновению и укреплению мысли, что Англия повела политику разрыва отношений с Москвой. Гитлера хотели убедить в том, что в Лондоне вскоре не только будет заключен мир, но, может быть, Англия еще и превратится в германского союзника. Английская политика тогда подстрекала Германию к нападению на СССР, если он никак не хочет начать войну против нее.

Если бы СССР первым нанес военный удар по вермахту, то это стало бы большим политическим подарком для Германии и Англии. Василевский заметил, что "преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил могла принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны дистанция огромного размера". Это, в частности, позволило бы гитлеровской пропаганде и нынешним ее неистовым продолжателям с большей эффективностью обвинять СССР в агрессивных намерениях.

Советское руководство боялось войны с Германией, а К. Коликов в желтом "Огоньке" (2000. № 23) приписал ему дерзкий план завоевать весь мир. Опыту для заведомой лжи он нашел в книгах "гениального историка" (не предателя!) Резуна, не раз разоблаченного сочинителя грязных фальшивок. Коликов заявил, что "Гроза" - это план войны не только против Германии, но и против "всего мира": "Если бы Гитлер не упредил Сталина в 1941 году, план "Гроза" реализовался бы полностью и до Берлина мы дошли бы на восьмой день войны, к Ла-Маншу вышли бы на двадцатый, а к Гибралтару - на сороковой. 16 августа война в Европе была бы закончена". Потом была бы разгромлена "подлая Британия", а "первая бомба могла бы упасть на Нью-Йорк уже в 1944 году". Невежественный Коликов уверяет, что мы "вошли в Вену" "без единого выстрела". Мне довелось 10 мая 1945 года целый день ходить по Вене и видеть следы нешуточных боев в ней.

Узнав, что в августе 1941 года советские войска вошли в Иран, Коликов решил, что это было сделано согласно плану "Гроза". Он полагает, что об этом поразительном событии "мало кто знает". Его бабушка - главврач госпиталя - вместе с нашими войсками была в Иране, но она "до самого последнего времени скрывала" это даже от него, "собственного внука". Невозможно понять, почему она так таинственно себя вела, ведь о вступлении наших войск в Иран сообщали радио и газеты. Вот такой бред публикует "Огонёк", отработывая деньги, получаемые от своих хозяев.

Потеряв способность здраво мыслить, Коликов вещал: "Разумеется, коммунизм был бы построен не на всем земном шаре, а лишь на шестой ее части - за счет ограбления остальных пяти шестых, только что присоединенных". Обвинять СССР, помогавший - нередко вопреки своим насущным интересам - многим народам, в стремлении грабить другие страны... Право же, "Огонёк", заболевший пещерным антикоммунизмом, далеко переплюнул самого Геббельса.

Журнал попросил своих единомышленников ответить на вопрос: чего бы добился Сталин, если бы он сумел привести план "Гроза" в действие в 1941 года? Заядлый либерал К. Боровой, не сомневающийся в существовании замысла Сталина захватить весь мир, посчитал, что "возникла бы трансконтинентальная империя, если бы Сталин напал первым". Профессор И. Анд-

реев рассудил: "Европу бы Сталин, конечно, взял. А вот Америку - сказать трудно". По мнению русофобского "Огонька", Сталин был хуже и опаснее Гитлера, который, напав на СССР, совершил благо, не позволил ему покорить не только Европу, но, может быть, и весь мир. Редколлегия "Огонька" хорошо знала, что она пустила по белому свету заведомую фальшивку, но ведь ее хозяевам важно испачкать историю Советского Союза, внушить читателям, что он был исчадием зла, источником агрессии, представлял угрозу всему цивилизованному миру.

Сталин говорил 3 июля 1941 года: "Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора лет и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии. Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск для короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив в глазах всего мира как кровавый агрессор. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезными длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией".

Эти мысли Сталина полностью подтвердил дальнейший ход исторических событий. Посол СССР в Великобритании И. Майский 22 июня сообщил Москве, что он посетил секретаря Идена. Тот заявил, "что объявление Германией войны Советскому Союзу ни в коей мере не меняет политику Англии, что ее действия в борьбе с Германией сейчас не только не ослабеют, но, наоборот, усилятся. ...британское правительство готово оказать нам содействие во всем, в чем оно может, и просит лишь указать, что именно нам нужно". Когда Майский прощался, Иден в раздумье произнес: "Это начало конца для Гитлера" (Правда. 22.06. 1991).

У. Черчилль в речи по радио 22 июня 1941 года сказал: "Опасность, угрожающая России - это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, - это дело свободных народов во всех частях земного шара". Конечно, он не перестал быть врагом России и тем более социалистического строя, но государственные интересы Великобритании заставляли его именно так заявлять в этот чрезвычайно ответственный для нее час.

Глава 15. Трагический просчет

В апреле-июне 1941 года немецкие самолеты нагло залетали на советскую территорию, засекая расположение наших аэродромов, войск и боевой техники. Только за май и 10 дней июня они 91 раз нарушили советскую границу. С 1 января по 10 июня 1941 года на границе задержали 2080 человек, из них были разоблачены 183 германских агента, заброшенные на нашу территорию с целью разведки. Генерал-фельдмаршал В. Кейтель после поражения Германии сказал на допросе, что самое положительное в работе немецкой разведки перед войной было то, что она "дала полную и точную картину расположения всех советских войск перед началом военных действий во всех военных округах" (Правда. 08.08. 1989).

Из разных источников в Москве скапливалось все больше очень тревожных сведений о концентрации германских войск на советской границе, все явственнее нарастала угроза агрессии. Первый секретарь советского посольства в немецкой столице В. Бережков сообщил в Москву: "В середине февраля в наше консульство в Берлине явился немецкий типографский рабочий. Он принес с собой экземпляр русско-немецкого разговорника, изданного огромным тиражом.

Содержание разговорника не оставляло сомнения в том, для каких целей он предназначался. Там можно было, например, прочесть такие фразы на русском языке, но набранные латинским шрифтом: "Где председатель колхоза?", "Ты коммунист?", "Как зовут секретаря райкома?", "Руки вверх! Буду стрелять", "Сдавайся" и тому подобное. Разговорник был сразу же переслан нами в Москву. ...В первые месяцы 1941 года мы все чаще обращали внимание на сетования немецких газет по поводу сообщений мировой прессы о "военных приготовлениях" Советского Союза на германской границе" (Новый мир. 1965. № 7. С. 162).

В конце апреля 1941 года первый секретарь посольства США в Берлине Паттерсон пригласил на коктейль В. Бережкова и познакомил его с офицером в форме германских военно-воздушных сил. Оставшись наедине с Бережковым, майор сказал ему: "Моя эскадрилья отозвана из Северной Африки, и вчера мы получили передислоцироваться в район Лодзи. ...многие другие части в последнее время перебрасываются к вашим границам. ...лично мне не хотелось бы, чтобы между моей и вашей страной что-либо произошло" (Новый мир. 1965. № 7. С. 161).

А. Василевский в книге "Дело всей жизни" писал: "В июне 1941 года в Генеральный штаб непосредственно шли донесения одно тревожнее другого... Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник приступил к разборке поставленных ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы".

Нужно было должным образом реагировать на эти зловещие факты. Но это не было сделано. "В сорок первом году Сталин ...отвечал категорическим отказом на все предложения о приведении наших войск где-то, в каких-то пограничных районах в боевую готовность. На все у него был один и тот же ответ: "Не занимайтесь провокациями" или "Не поддавайтесь на провокацию".

Сталин не давал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность потому, что считал: немцы могут воспользоваться любыми сведениями о приведении наших войск в боевую готовность для нападения на СССР. "Если бы мы шлохнули свои войска, - говорил В. Молотов, - Гитлер бы прямо сказал: "А вот видите, они уже там-то, войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия!" Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе - дали повод!".

И. Баграмян писал, что командующий Киевским округом генерал-полковник М. Кирпонос в июне 1941 г. просил Москву "разрешить хотя бы предупредительным огнем препятствовать действиям фашистских самолетов. Но его резко одернули: "Вы что - хотите спровоцировать войну?" В книге "Если бы не генералы!" Ю. Мухин утверждает: "Накануне войны Кирпонос попытался воспрепятствовать приведению войск Киевского особого военного округа в боевую готовность". Он ссылается на генерала М. Пуркаева (бывшего начальника штаба КОВО), который сообщил: "13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией. Однако на следующее утро генерал-полковник М. П. Кирпонос в присутствии члена военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну".

Такое поведение Кирпоноса - следствие давления со стороны высшего руководства. Когда Киевский округ начал развертывание по звонку Тимошенко, Сталин, узнав об этом, дал ему и Жукову "как следует нахлобучку". Она спустилась до Кирпоноса. 11 июня 1941 года Жуков направил командующему КОВО телеграмму: "Народный комиссар обороны приказал: 1) Полосу предполья без особого на то приказания полевыми и уровскими частями не занимать. Охрану сооружений организовать службой часовых и патрулированием. 2) Отданные Вами распоряжения о занятии предполья уровскими частями немедленно отменить". Этот приказ был отдан за 11 дней до фашистского нападения на СССР.

В "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза.1941-1945" написано, что Нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков "плохо разбирались в создавшейся военно-стратегической обстановке и не сумели сделать из нее правильные выводы о необходимости осуществления неотложных мер по приведению Вооруженных сил в боевую готовность"

(Т. 2. С. 10). Это бездоказательное и категоричное утверждение в должной мере не согласуется с весомыми фактами.

Тимошенко и Жуков 13 июня 1941 г. предложили привести наши западные военные округа в полную боевую готовность, но Сталин воспротивился. Можно было вывести хотя бы эшелон прикрытия, который согласно плану должен развернуться на границе, Сталин приказал подождать. Над ним довлел страх перед Германией, "он боялся германских вооруженных сил", перед которыми "все становились на колени". Он не уловил переломного момента, упустил время, когда надо было провести форсированную мобилизацию и приграничным войскам занять заранее намеченные оборонительные позиции, что стало "его серьезнейшим политическим просчетом" (А. Василевский). Маршал А. Гречко считал: "Действие фактора внезапности в начале Великой Отечественной войны можно было бы значительно уменьшить или вообще нейтрализовать, если бы в соответствии с данными разведки была проведена заблаговременная подготовка к отражению гитлеровских армий, что являлось вполне осуществимым. Тогда ход войны мог бы принять иной характер" (Новое время. 17.06. 1966).

Если бы 13 июня Сталин принял предложение Тимошенко-Жукова и тем более провел бы "форсированную мобилизацию", то появились бы сложности международного характера, "фашистское руководство в связи с этим, конечно, подняло бы шум. Да и реакция во всем мире была бы не однозначной" (М. Гареев). Сразу следует отметить, что эта "не однозначная" реакция могла иметь самые серьезные - далеко идущие - негативные последствия для СССР. Тогда намного увеличилась бы вероятность зловещего сговора Гитлера с руководителями западных держав на антисоветской почве. "Новый мюнхенский" альянс западных держав с Германией, направленный на крушение и раздел СССР, мог стать реальностью.

Вместе с тем тогда Красная Армия встретила бы вторгшиеся немецкие войска более подготовленной, им не удалось бы уже в первые дни войны нанести ей столь огромные потери в людях и технике, какие имели место, и затем далеко вторгнуться в нашу страну, быстро захватить Минск, Киев, подойти к Ленинграду и Москве. Но в то же время войска фашистской Германии превосходили наши к началу войны во многих отношениях. Серьезные неудачи у нас все равно были бы, пришлось бы и отступать, но, по словам Жукова, нашей армии "летом 41-го, возможно, удалось бы не допустить врага дальше Днепра и "Смоленских ворот".

Советские торговые суда 21 июня разгружались в немецких портах, железнодорожные составы шли на запад - в последние месяцы перед войной СССР увеличил поставки стратегического сырья и продовольствия в Германию. Из наших портов немецкие корабли заблаговремен-

но ушли, что стало настораживающим фактом. Вечером 21 июня немецкий фельдфебель-перебежчик сообщил, что завтра утром германские войска начнут наступление.

После совещания у Сталина нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков отдали директиву от 21.06. 1941 г. "О приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР", в которой говорилось: "1. В течение 22-23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий. 2. Задача наших войск - не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников".

Когда читаешь этот важнейший документ, то ловишь себя на мысли: не оказало ли какое-то воздействие на его содержание последнее письмо Гитлера Сталину?

После утверждения Сталиным директивы № 1 С. Тимошенко и Г. Жуков выехали из Кремля и прибыли в Наркомат обороны в 23 часа 21 июня. Адмирал Н. Кузнецов не без оснований отметил, что у нас было сосредоточено немало войск и авиации в приграничных округах: "Эта сила не была способна проводить наступательные операции, но она была в состоянии отражать нападение врага с 2-или 3-кратным превосходством в воздухе и на земле. Войска, уже находившиеся на передовой линии, были по своей численности в состоянии задерживать противника и медленно отступать, нанося ему большие потери, как бывает при организованном отступлении". Для этого требовалось "держать в полной готовности войска и авиацию, уже сосредоточенные на границе. У нас было достаточно самолетов и танков Т-34, и они могли не допустить господства в воздухе авиации противника и вражеских танков и мотомехколонн на земле. ...те летчики и танкисты, которые у нас были, могли выполнить эту задачу. Беда заключается в том, что... они даже не получили извещения хотя бы за 10-12 часов до начала наступления врага, для чего были все возможности. ...После того, как Тимошенко и Жуков посетили Сталина, требовался необычный способ указаний по радио и по телефону хотя бы в два-три адреса: Павлову, Кирпоносу, Попову и др." (Правда. 20.07. 1991).

К. Мерецков в книге "На службе народу" писал: "Нужно было побыстрее оповестить войска и вывести их из-под удара, перебазировать авиацию на запасные аэродромы, занять войсками первого эшелона рубежи, выгодные для отражения агрессора, начать вывод в соответствующие районы вторых эшелонов и резервов, а также вывести в намеченные районы окружные

и войсковые штабы, наладив управление войсками. ...Наркомат обороны и Генштаб не сумели решить этой задачи" (С. 209).

Работники Генштаба Красной Армии в ночь перед войной были на своих служебных местах, они озаботились передачей в округа директивы о приведении войск в боевую готовность, передача ее в округа закончилась в 0.30 22 июня, до начала войны она не успела дойти даже до всех командиров дивизий. Видимо, можно было быстрее отправить ее, использовать и телефонные аппараты ВЧ. Тимошенко и Жуков связывались по телефону с командующими округами, но беда заключалась в том, что уже не было этих "10-12 часов до наступления врага". Их было в два раза меньше, и они были использованы недостаточно рационально.

Лишь нарком Военно-Морского Флота Н. Кузнецов, его штаб и командование Одесского военного округа поступили оперативнее, отдав в 23 час. 50 мин. 21 июня 1941 г. распоряжение флотам и войскам по телефону и телеграфу: "Немедленно перейти на оперативную готовность № 1", что означало повышенную боевую готовность. "Поэтому Военно-Морской Флот, а также войска Одесского военного округа...были приведены в боевую готовность и в первый день войны не понесли серьезных потерь.

Запоздалое оповещение округов и войск поставило приграничные округа в невыгодные, тяжелые условия и в конечном счете явилось одной из причин наших неудач в начальный период Великой Отечественной войны" (К. Мерецков). М. А. Гареев, генерал армии, президент Академии военных наук, считает: "...объективно внезапности не должно было быть, ибо имелись данные и возможности, чтобы ее не было. Но она случилась. Советское политическое руководство, Наркомат обороны и Генштаб не смогли адекватно оценить сложившуюся обстановку и не приняли своевременных мер для приведения Вооруженных сил в полную боевую готовность и исключения внезапности" (Независимое военное обозрение. 18-24.06. 2010).

Глава 16. Жестокие поражения в начале войны

22 июня 1941 года рано утром немецкая авиация стала бомбить наши города и аэродромы, вермахт вторгся на советскую территорию. В тот день, выступая от имени советского правительства, В. Молотов (речь готовилась вместе с И. Сталиным) напомнил о походе Наполеона в Россию, на который "наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение", и предсказал: "Красная армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу", враг будет разбит, победа будет за нами.

Маршал К. Мерецков размышлял: "...вероятно, многие задумывались над вопросом: а что будет, если Германия нападет на Советский Союз? Большинство полагало так: если завтра вой-

на, то она принесет все беды только противнику. Мы будем воевать на его территории и малой кровью разгромим врага могучим ударом. Правда, это мнение, владевшее умами широких масс советских граждан и усиленно пропагандировавшееся, не казалось столь безусловным всему руководству РККА. Успехи германской армии в Западной Европе поневоле заставляли настаивать на "раживаться". И недавняя война с Финляндией оставила невеселый след в сознании многих наших людей.

Кинорежиссер Г. Чухрай писал: "Сегодня, глядя на фильмы о начале войны, я вижу: узнают о нападении немцев - и сразу горькие слезы. В жизни было не так. И на гражданке, и в армии никакого уныния. У всех приподнятое настроение, все были возбуждены, всем хотелось скорее наказать немцев за вероломство, все были уверены, что от немцев "через две недели ничего не останется" (Литературная Россия. 15.12. 2000). Допускаю, что кто-то был настроен именно так. Но у большинства советских людей был иной настрой. Московский школьник Лева Федотов (друг писателя Ю. Трифонова, погибший на фронте в 1943 г.) написал в дневнике 5 июня 1941 года: "Я думаю, что война начнется или во второй половине июня, или в начале июля, но не позже... Они, наверное, не будут объявлять нам войну, а нападут внезапно и неожиданно, чтобы путем внезапного вторжения захватить побольше наших земель. Как ни тяжело, но мы оставим немцам такие центры, как Житомир, Винница, Витебск..." (Новый мир. 1987. № 7. С. 239).

Вечером 21 июня 1941 г. я ехал домой в плохо освещенном плацкартном вагоне из города Кимры, где учился в педучилище, и услышал, как о чем-то задумавшийся престарелый дед, мой сосед, вдруг, словно спохватившись, бросил тревожную фразу: "Гарью пахнет. Как бы война не началась". Моя деревня и все люди, каких я тогда знал, восприняли войну как огромное бедствие. 22 июня, в жаркий солнечный полдень, прискакал на взмокшей лошади нарочный, который привез повестки мужикам, призывавшимся в армию. Вскоре все жители деревни Красненькое - стар и млад - без всяких объявлений и призывов собрались под окнами правления.

Страшная тяжесть всеобщей беды наложила резкий отпечаток на их посуровевшие скорбные лица: не слышно ни одного веселого голоса, ни обычных подковырок, шуток и прибауток, даже дети присмирели, притихли, стояли неподвижно в толпе, испуганно хлопая глазенками, невидимые токи от горестных переживаний и мрачных дум взрослых людей потянулись и к ним. Председатель колхоза П. Голубев плотнее прижал к боку перебитую на недавней финской войне левую руку, а правую со сжатым кулаком поднял кверху и с нервной горячностью выкрикнул: "Что вы, бабы, плачете? Может, наши войска уже на Берлин идут!". Худой, высокий дед Самсон, побывавший в прошлую мировую войну в немецком плену, немедленно охладил

его пыл: "Он, германец, покажет нам Берлин! Не раз мы своей кровью умоемся!". Никто ему не возразил.

Я, только сутки назад приехавший домой на каникулы из Кимрского педучилища, стоял около отца, уже познавшего войну при прорыве линии Маннергейма на Карельском перешейке, погрузившегося в неведомые мне думы, и пытался найти ответы на тягостные вопросы. Как же так: у нас с Германией заключен договор о ненападении, больше того, даже о дружбе - и она внезапно, очень подло напала на нашу страну. И как понять: немцы не закончили войну с Англией и напали на нас. Сумасшедшие, что ли они? 28 июня 1941 года я вместе с другими подростками и девушками своей деревни отправился на берег Волги недалеко от Селижарова рыть противотанковый ров. "Тверская жизнь" ошибается, утверждая: "Во второй половине июля началось строительство сооружений оборонительного характера" (23.05. 2008).

Начало войны было далеким от предвоенных заявлений наших руководителей, например: "Мы будем бить врага на той территории, откуда он пришел". П. Павленко в романе "На востоке" (1936-1937) легковесно изобразил будущую войну с Японией. Н. Шпанов в книге "Первый удар. Повесть о будущей войне" (1939) за один день разгромил германскую авиацию и уничтожил многие немецкие заводы. В первые месяцы после фашистского нападения у нас появлялись отдельные произведения, в которых говорилось о легком походе до столицы Германии: "В нашем сердце нет тревоги. Весь народ у нас един. Нам знакомы все дороги, в том числе и на Берлин" (А. Безыменский). Трагический ход войны быстро ликвидировал подобные иллюзии. У большинства наших людей было понимание неотвратимой неизбежности очень тяжелых испытаний.

Как отмечалось, одна из причин очень неудачного исхода начального периода войны - грубейший просчет политического и военного руководства СССР в отношении сроков агрессии, которая оказалась для Красной армии и советского народа внезапной. Профессор А. Мерцалов считал ее "той неожиданностью, которую ожидали. ...Внезапность - это и шок, поразивший руководство" (Коммунист. 1990. № 6. С. 60). Главную опасность вероломного нападения немцев Г. Жуков увидел в том, что "для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 104).

22 июня в 7 часов 15 минут нашим войскам была послана директива № 2, в которой приказывалось "всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить". Штабы округов и армий не смогли быстро передать свои распо-

ряжения корпусам и дивизиям. Вражеские диверсанты рвали телефонные провода, вывели из строя большое количество радиостанций, узлов и линий, убивали командиров и связистов, связь между войсками и штабами округов и армий была нарушена.

Дочь С. М. Буденного в передаче РТР 26 апреля 2005 года "Маршал Буденный. Конец легенды" обнародовала записи из дневника отца. В них говорилось о событиях вечером 21 июня в кабинете Сталина: "21 июня. Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя нам войны, могут напасть на нас завтра, т. е. 22 июня, а поэтому, что мы должны и можем предпринять до рассвета. Тимошенко и Жуков заявили, что если немцы нападут, то мы разобьем их на границе, а затем и на их территории. Сталин подумал и сказал, это несерьезно". Да, есть правда в утверждении генерала Гареева: "Идея непереносимого перенесения войны с самого её начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически не рассматривалась".

Не сумев должным образом выяснить обстановку, в какой оказались соединения нашей армии, нарком обороны в конце первого дня войны - в 9 ч.15 мин. вечера - отдал одобренную Сталиным директиву № 3, которая предписала нашим войскам перейти в наступление на главных направлениях, разгромить ударные группировки врага и перенести действия на его территорию. Эта директива совершенно не учитывала создавшейся крайне неблагоприятной обстановки, свидетельствовала о немалой растерянности высшего советского командования. Растерянность и нервозность подталкивали командиров к принятию неверных решений, которые в ходе войны было трудно исправить. Это плохо отразилось на исходе многих боевых операций Красной Армии.

В ряде публикаций это преднамеренно утрируется. В романе А. Ржешевского "Тайна расстрелянного генерала" (2000) генерал Д. Павлов рано утром 22 июня позвонил наркому и сообщил, что германская армия начала наступление, а тот приказал: "Никаких действий против немцев не предпринимать". Несколько позже, когда наши аэродромы и города подвергались бомбежке, маршал Тимошенко то же самое сказал и заместителю командующего Западным округом генералу Болдину, добавив: "Товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам". На самом деле такие неразумные приказы из Москвы тогда не поступали.

Генерал армии И. Тюленев, командующий Московским военным округом, писал в книге "Через три войны" (1960) о своем разговоре со Сталиным: "В трубке я слышу глуховатый голос: "Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?" Коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал: "Учтите, положение неспокойное, и вам следует довести боевую готовность

войск противовоздушной обороны до семидесяти пяти процентов" (С. 138). Адмирал Кузнецов за двое суток до войны получил разрешение Сталина привести Военно-морской флот в боевую готовность. В ночь на 22-е июня он прочитал телеграмму, заготовленную Жуковым для приграничных округов, и спросил: "Разрешено ли в случае нападения применять оружие?" Ответ был однозначным: "Разрешено" (Комсомольская правда. 24.08. 1988). В "Воспоминаниях и размышлениях" Жуков пишет: "В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил, что со стороны моря летят неизвестные самолеты, он решил встретить их огнем противовоздушной обороны флота". Жуков, переговорив с Тимошенко, одобрил это решение.

Внезапно обрушившись на нашу страну, немцы 22 июня использовали в первом ударе 3100 самолетов, подвергли бомбежке 66 аэродромов, уничтожили 1136 советских самолетов, в том числе 800 на земле, через неделю взяли Минск, разгромили 28 наших дивизий, а у 72 не стало половины личного состава. Самый мощный удар был нанесен в Западном округе, где в первый день советская авиация потеряла 738 самолетов (из имевшихся 1780), из них на земле - 528. Уничтожены были почти все современные истребители. По словам Е. Калашникова, с 22 июня по 30 июня наши потери составили 2548 самолетов (Независимое военное обозрение. 22.06. 2001). Это позволило германской авиации завоевать господство в воздухе.

Маршал авиации И. Пстыго, Герой Советского Союза, заметил: "Мне доводилось сталкиваться в советской художественной литературе с утверждением, будто вся наша авиация была уничтожена с воздуха в считанные часы после начала войны. Причем самолеты якобы погибли прямо на земле, так и не успев взлететь. Подобные заявления не только не верны, но и безответственны. Конечно, противнику хотелось, чтобы все обстояло именно так, и в своей пропагандистской печати он нередко желаемой выдавал за действительность. Но вот что говорят факты. Да, в Белоруссии и Прибалтике мы понесли огромные потери, Но, например, в ВВС Одесского военного округа за первые три дня на земле не сожжено ни одного самолета. Вражеская авиация предприняла несколько массированных налетов на наши основные аэродромы. И безуспешно. Потому что самолеты находились не на базовых, а на полевых аэродромах, о чем враг не знал. За неделю до вероломного вторжения гитлеровской Германии на нашу территорию начальник штаба округа генерал Захаров дал телеграммы командирам авиасоединений: перейти на полевые аэродромы. А мы, к примеру, и так были на полевом" (Наш современник. 1984. № 5. С. 129).

Участник Великой Отечественной войны П. Гранцев, служивший в июне 1941 года в Киевской области на полевом аэродроме, пишет о приказе свыше 17 июня 1941 года: "Рано утром

скоростной бомбардировочный полк поднят по тревоге. По приказу командира полка все самолеты, стоявшие на аэродроме в линию, были срочно рассредоточены и замаскированы. ...22 июня ранним утром полк вновь был поднят по тревоге. С самолётов сняли маскировочные сети, в бомбовых люках подвесили бомбы. ...23 июня был совершен первый боевой вылет всем полком (45 самолетов) ...Тогда мы еще не знали, что многие аэродромы в Киевском особом военном округе были в первые же часы уничтожены вместе с самолетами" (На пути в Берлин. Тверь. С. 22, 24).

А. Василевский писал, что перед нападением Германии на СССР "общий разрыв в военной силе был не столь велик, он намного возрос в пользу врага из-за нашего опоздания с приведением советских войск пограничной зоны в полную боевую готовность" (Правда. 08.05. 1989). Советская армия терпела жестокие поражения.

М. Ваккус в статье "Катастрофа в Белоруссии" пишет, что потери войск Западного фронта составили 417729 человек, из них безвозвратные - 341012. "В плену западнее Минска оказалось около 329 тыс., врагу досталось 3332 танка, 1809 орудий" (Независимое военное обозрение. 22.06. 2001).

Генерал армии Д. Павлов не имел должного командного общевойскового опыта и не смог в чрезвычайно неблагоприятной обстановке успешно руководить войсками фронта, на который обрушилась самая сильная группировка врага. Он добровольно вступил в Красную армию, в 1928 г. окончил Академию имени М. Ф. Фрунзе, в 1931 - академические курсы Военно-технической академии, успешно воевал в Испании, за проявленную там доблесть был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1940 году его назначили командующим Западным военным округом. Павлов доложил Сталину за две недели до начала войны, что "сведения о сосредоточении немецких войск вдоль наших границ являются провокационными". Не хватило ему мужества посмотреть правде в глаза и реально оценить зловещую обстановку на границе.

Вечером 21 июня 1941 года Д. Павлов был в театре, оттуда он приехал на свой командный пункт. Не только по его вине войска округа не успели своевременно занять подготовленные оборонительные позиции. Уже отмечалось, что Кирпонос начал развертывание войск эшелона прикрытия Киевского военного округа, но после вмешательства Сталина немедленно это прекратил, получив телефонный нагоняй из Москвы. Г. Жуков заметил, что повторить такой опыт "другие командующие не рискнули", тогда "было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина".

Проявить свою инициативу Павлов не решился. И к нему относятся слова Жукова: "Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указания свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц" (Т. 2. С. 27). Но в этом была вина и самого Жукова, и Тимошенко, и Сталина.

13 июля 1941 года, выйдя из окружения, начальник 3-го отдела 10-й армии полковой комиссар Лось направил на имя начальника 3-го Управления НКО рапорт, в котором сообщил: "21 июня в 24 часа мне позвонил член Военного Совета и просил прийти в штаб. Прибыв в штаб армии, командующий 10-й армией генерал-майор Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений не отходя от аппарата. ...к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий. Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по "ВЧ" и приказал привести войска в полную боевую готовность и сказал, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи". Из штаба Западного особого военного округа в 5.25 утра передали: "Командующим 3, 10 и 4 армий. Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: Поднять войска и действовать по-боевому. Павлов, Фоминых, Климовских". 10-я армия приказ получила к 10-11 часам утра. К этому времени войска противника уже углубились в нашу территорию местами на 5-10 километров.

В исследовании "Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки" утверждается, что "поражение Западного фронта - это беда, а не вина сорокачетырехлетнего Павлова". Но все-таки нельзя полностью отрицать его вину: боевая выучка войск округа была на низком уровне, он, возглавляя его целый год, сделал непростительно мало, чтобы лучше подготовить их к войне. В январе 1941 года при проведении военной игры в основу стратегической обстановки были положены события, которые в случае германского нападения могли развернуться на западной границе. В этой игре Павлов потерпел сокрушительное поражение от Жукова, но не сделал после нее выводов: "то, что в январе происходило на макете, словно в адском кошмаре начало воплощаться на действительных полях сражений в июне" (Независимая газета. 17.06. 2000).

Командующий генерал армии Д. Павлов сразу после нападения фашистской Германии потерял связь с 3-й и 10-й армиями и не восстановил ее до их гибели. Он принял ряд решений, не отвечавших в должной мере создавшейся критической ситуации. Войска не были приведены в боевую готовность, многие дивизии даже не вывели из зимних квартир в лагеря.

Западнее Бреста 24-й немецкий танковый корпус захватил в первые часы нападения все мосты через Буг в полной исправности. Но вскоре наши войска оправались от растерянности в силу внезапности нападения и стали оказывать упорное сопротивление врагу. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон крепости Брест, имеющей важное оперативное значение. Для подавления её защитников немцы сбрасывали на форты крепости бомбы с самолетов весом в 1800 килограммов, использовали даже отравляющие газы.

Просчеты и ошибки политического и военного руководства к началу войны поставили войска Красной Армии в крайне невыгодное положение. Многие из соединений оказались в военных городках, лагерях, артиллерия в целом ряде полков - на полигонах. В городе Бресте и Брестской крепости, в нескольких километрах от госграницы, дислоцировались две стрелковые, одна танковая дивизии и еще 15 различных соединений и частей. На следствии Павлов показал, что им "был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагерь еще в начале июня текущего года, и было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста". Но этот приказ не был выполнен, "и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более как соединения не существовали". Как следует оценить поведение командующего округом, не добившегося столь необходимого выполнения своего приказа?

Командир 100-й стрелковой дивизии И. Руссиянов к 9 часам утра вывел все части дивизии в районы сосредоточения. "Нужно было срочно связаться с командующим ЗОВО генералом армии Павловым и получить от него соответствующие обстановке указания". Он нашел его в запасном, хорошо укрепленном командном пункте штаба ЗОВО и спросил: "Какие будут оперативные указания в связи с создавшейся обстановкой?". И услышал: "Дивизии занять круговую оборону в радиусе двадцати пяти километров вокруг Минска". Выполняя этот приказ, дивизии предстояло разбросаться по фронту длиной свыше 100 километров. Это было неразумно, свидетельствовало о растерянности Павлова. Присутствовавший при этом секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. Пономаренко сказал Руссиянову: "Действуйте, исходя из обстановки". В сообщении Брестского обкома ВКП(б) говорилось о 4-й армии Западного военного округа: "При вторжении немецких войск ни одна часть и соединение не были готовы к бою. Командный состав находился на квартирах в городе. У многих бойцов 6-й, 12-й, 49-й стрелковых дивизий не было патро-

нов (они были на складах), в артполку АРГК личный состав находился в отрыве от матчасти в 150 км (в лагерях), склады с боеприпасами и оружием были захвачены врагом, ряд частей и подразделений под воздействием паники бежал с фронта" (Правда. № 65. 2005). Эти факты свидетельствуют против Павлова.

Но не только Д. Павлов был виноват в том, что в белостокском выступе допустили серьезную ошибку в образовании конфигурации советских войск. Это помогло немцам окружить их и разгромить в июне 1941 года. И не столько он, сколько советский Генштаб просчитался с оборудованием новой укрепленной полосы. Долговременные оборонительные сооружения создавались непосредственно на границе, но ее начертания были крайне не выгодны для советской армии.

В обвинительных филиппиках Ю. Мухина заметны огорчительные прорехи: "...в Белоруссии, с ее обилием лесов, болот и рек, местность для обороны была намного выгоднее, нежели в Прибалтике или на Украине. И если бы не предательство Павлова, немцы бы здесь никогда не прорвались и не вышли бы на оперативный простор". Почему Мухин забыл то, что в Белоруссии с ее обилием лесов, болот и рек в 1944 году Красная Армия, проведя блестящую операцию "Багратион", наголову разбила группу немецких армий "Центр"? И самое важное: Мухин непростительно не учитывает того, что именно на Западном фронте наступала самая сильная группа немецких армий.

Против Прибалтийского особого военного округа немцы бросили 29 дивизий, у нас там было 25 дивизий (в том числе 6 танковых и моторизованных), против Киевского особого округа 33 дивизии (из них 9 танковых и моторизованных), у нас там находились 32 стрелковые дивизии, 24 танковые и моторизованные, 2 кавалерийские дивизии. А против Западного округа немцы бросили 50 дивизий (из них 15 танковых). Им противостояли наши 24 стрелковые дивизии, 18 танковых и моторизованных, 2 кавалерийские дивизии. Нетрудно определить, что в этом округе была более существенная разница (не в нашу пользу) в количественном соотношении немецких и советских войск. В Западном округе было 791445 военнослужащих, а в германской группе "Центр" 1455900 - больше в 1,8 раза.

Почему так получилось? Генштаб Красной Армии, Б. Шапошников, К. Мерецков, А. Василевский в 1940 г. полагали, что основным будет "западный театр военных действий", учитывая это, они разработали план обороны страны. 5 октября его доложили Сталину, который не согласился с его концепцией. Он посчитал, что Гитлер "будет готовить основной удар на Юго-Западном направлении", ибо "для немцев особую важность представляют хлеб Украины, уголь Донбасса". Учтя эти замечания, Генштаб к 14 октября 1940 г. план переработал. Наши руково-

дители разведки, опираясь на донесения из-за рубежа, считали, что "немцы прежде всего попытаются захватить Украину". В апреле 1941 г. Наркомат безопасности представил Генштабу сообщение разведки: "Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток" (Правда. 20.06. 1988).

Такие сообщения также повлияли на то, что Сталин и Генштаб допустили просчет в определении главного удара агрессора и потому нашу самую сильную группировку расположили на юго-западном направлении. В начале июня 1941 г. они решили усилить его 25 дивизиями, а немцы наиболее мощную группу бросили против Западного фронта. Советское командование в то время не всегда принимало верные решения: сосредоточенные на Юго-Западном направлении наши войска, писал Василевский, "следовало бы повернуть во фланг главной немецко-фашистской группировке "Центр", а это "своевременно не было сделано" (Советская Россия. 09.05. 1995).

Значит, не только Павлов был виновен в поражении наших войск на Западном фронте, он отнюдь не принадлежал к генералам, "которые скрывали свои антисоветские настроения и предпочли героическому сопротивлению сдачу врагу". Это подтверждает даже его облик: когда он по вызову прибыл первого июля в Москву, то Жуков "его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны". Никаких поползновений сдать врагу никто у него не заметил. Напрасно Мухин посчитал его предателем. Он пошел по стопам А. Мехлиса, который, как показал И. Стаднюк в романе "Война", заявил на Военном совете, что он подозревает Павлова в сговоре с фашистами. Сталин отмел эти подозрения: "Гитлер с нетерпением ждет не дождется каких-нибудь фактов, чтобы оповестить мир о том, будто в СССР поднимается "пятая колонна"... Это, мол, был бы лучший клин между нами и нашими союзниками в борьбе с гитлеризмом...". Еще тогда, в июле 1941 года, военная коллегия Верховного Суда отмела обвинения Павлову в предательстве.

Впоследствии Д. Павлов был полностью реабилитирован "за отсутствием состава преступления", справедливо было бы наказать его, как и генералов Климовских, Клыча, Григорьева, понижением в звании и должности, не применяя крайнюю меру наказания. Показательный расстрел Павлова и других генералов делал только их виновными за катастрофу на Западном фронте. Сталин тем самым - вольно или невольно - перекладывал на них и свою собственную немалую ответственность, и серьезные просчеты советского высшего военного руководства, которые создали реальные условия для возникновения этой катастрофы. Внезапные сокрушительные поражения Красной Армии вызвали драматическую растерянность у нашего командо-

вания, высшее советское руководство металось в лихорадочных поисках и виновников этих поражений и реального выхода из создавшейся трагической обстановки.

Глава 17. Почему немцы подошли к Москве?

В 1941 году Красная Армия потерпела жесточайшие поражения, потери ее были огромны. "Из имевшихся на 22 июня 1941 года 22,6 тысяч танков к концу года осталось 2,1 тыс., из 20 тыс. боевых самолетов - 5,4 тыс., из 112,8 тыс. орудий и минометов - около 12,8 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов - 2,24 млн." (Гриф секретности снят. М. 1993. С. 351). Были уничтожены или захвачены врагом 200 складов, это составляло 52% окружных складов и складов наркомата обороны. К декабрю немецкие войска заняли территорию, которая превышала 1,5 млн. квадратных километров. На ней перед войной проживало 77,6 млн. человек, собирали 38% зерна, производили более 68% чугуна, 58% стали, добывали 63% угля.

Германским войскам уже в первые двое суток в ряде направлений удалось продвинуться на глубину до 100-120 км. Двигаясь вглубь нашей страны, они захватили важные экономические районы, огромные материальные ценности. В СССР резко снизилось производство чугуна, стали, проката, электроэнергии. К ноябрю 1941 года было потеряно 303 предприятия боеприпасов. В конце его и начале 1942 года ощущалась острая нехватка вооружения. Недоставало даже стрелкового оружия. Это многие утрируют, уверяя, что так было во все годы войны. По словам Н. Ажгихиной, будущий писатель Ф. Абрамов, "лежал под обстрелом в Синявинских болотах с одной винтовкой на десятерых" (Независимая газета. 17.03. 2000). Если оценить реально обстановку, то надо иметь в виду, что в 1941 году было произведено 1570000 штук стрелкового оружия, в 1942 - 5910000, а в 1943 - 5920000. 5 млн. автоматов, винтовок и карабинов удовлетворяли потребности нашей армии в стрелковом оружии.

Наши потери за 1941 год убитыми, пленными и без вести пропавшими составили около 3 млн. человек. М. Солонин в книге "23 июня "день М" определил потери Красной Армии в 1941 году более чем в 14 млн. человек. Подобные цифры о наших потерях блуждают в работах легковесных обличителей. В своей книге "Россия накануне XXI века" (1997) И. В. Бестужев-Лада сообщает: "Советские солдаты буквально своими телами загородили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мертвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата".

В. Соловьев и Ю. Киршин защищают исследователей, считающих "виновными за катастрофы 1941-1942 годов Сталина, Молотова, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова, Мерецкова и Жукова": "Эти полководцы не поняли содержания начального периода Второй мировой войны, допустили ошибки в планировании, в стратегическом развертывании, в определении

направления главного удара немецких войск, в прогнозировании сроков нападения фашистской Германии на СССР. Они отрицали стратегическую оборону, не разработали концепцию защиты мирного населения на оккупированной территории" (Независимое военное обозрение. 25.04.2008).

Многого они "не поняли", не раз ошибались, но разве не они внесли выдающийся вклад в ход войны, не они ли сумели добиться победы над врагом, перед которым подняли дрожащие руки вверх многие европейские государства? Почему же резвые обличители не хотят вспоминать об этом? Односторонний подход к причинам наших поражений в 1941-1942 гг. неминуемо приводит к фальсификации истории Великой Отечественной войны. Названные выше проблемы многослойны, требуют объективного анализа, отвергающего шараханье из крайности в крайность.

Ю. Мухин в книге "Если бы не генералы!", помещенной в 2007 году в Интернете, увлеченно ищет предателей среди советских генералов. К таким он отнес К. Мерецкова, который якобы "во время выпивки" сказал генералу Д. Павлову, командующему Западным военным округом, что после нападения Германии и поражения СССР "нам хуже не будет". Это занесено в протокол допроса "с пристрастием" Павлова в начале июля 1941 г. Тогда арестовали Мерецкова, но вскоре его освободили, что вызвало недоумение у Мухина, который не может понять, как это удалось ему выйти на свободу.

С августа 1940 года генерал армии К. Мерецков возглавлял Генштаб Красной Армии, в январе 1941 года его сменил на этой должности Г. Жуков. Оба они оказались в немилости у Мухина. Он бичует наш Генштаб за "неразумный" мобилизационный план, выполнение которого привело к тому, что после нападения Германии выяснилось: "...для вооружения войск катастрофически не хватает пушек. К примеру, 43-я армия начала формироваться через месяц после начала войны, отступала к Москве, в окружении не была. В марте 1942 года ей было приказано деблокировать попавшую в окружение советскую 33-ю армию. Имеется справка о наличии артиллерии в 43-й армии. В каждой из ее семи стрелковых дивизий по штату должно было быть 144 артиллерийских орудия, то есть всего 1008 стволов. А реально была едва четвертая часть - 264 пушки".

Мухин не учел того, что 43-я армия, отступая к Москве, вела бои с врагом и теряла людей и пушки. На эту армию 2 октября немцы обрушили сильнейший удар, ей пришлось с тяжелыми боями выходить из Вяземского котла. Вместе с тем обратим внимание на сообщение А. Исаева, сотрудника Института военной истории министерства обороны РФ, который в "Котлах 41-го..." отметил: "...абсолютно все ополченческие дивизии уже в начале сентября 1941 г. имели в ар-

тиллерийском полку шестнадцать 76,2-мм дивизионных пушек. Эти орудия ещё до войны были в избытке, и "трехдюймовки" были обязательным атрибутом всех новых формирований".

Наша армия потеряла 200 складов (большинство их в первый месяц войны), это сказывалось на обеспеченности нашей армии орудиями. "Нарком обороны, Генеральный штаб и я в том числе, - признал Жуков, - считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Казалась бы, это правильное решение, но ход военных событий первых недель войны показал, что мы допустили в этом вопросе ошибку. Врагу удалось прорвать фронт нашей обороны и в короткий срок захватить материально-технические запасы округов, что резко осложнило снабжение войск и мероприятия по формированию резервов".

Мухин поверил сказанным генералом Павловым во время следствия словам: "...генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактические мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже...". Не разумнее ли считать, что такой план заказов на военное время был составлен не "с целью обмана партии и правительства", как следует из версии Мухина, а отражал реальные запросы советской армии в условиях того времени.

Генштаб, учитывая опыт войны на Западе, понимал, что очень важно для Красной Армии обладать высокой подвижностью, а для этого нужно было иметь ей как можно больше автомобилей и тракторов. В своей маневренности она существенно уступала вермахту, что снижало ее боеспособность в первые годы войны. Жуков писал: "Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения, мы были правы" (Т. 1. С. 247).

Сталин признал: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас минуты отчаянного положения в 1941-1942 годах". О серьезных недостатках в работе партии и советских органов говорил Жуков на Пленуме ЦК КПСС 19.05.1956 г.: "На протяжении нескольких лет перед Отечественной войной советскому народу внушалось, что наша страна находится в постоянной готовности дать сокрушительный отпор любому агрессору. На все лады восхвалялась наша военная мощь, прививались народу опасные настроения легкости победы в будущей войне, торжественно заявлялось о том, что мы всегда готовы на удар врага ответить тройным ударом, что, несомненно, притупляло бдительность советского народа и не мобилизовало его на активную подготовку страны к обороне. Действительное же состояние подготовки нашей стра-

ны к обороне в то время было далеким от этих хвастливых заявлений, что и явилось одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в начальный период войны" (Независимая газета. 26.05. 2000).

Под влиянием предвзятой оценки, какая была дана Сталину на XX съезде партии в докладе Хрущева, Жуков заявил, что Сталин "привел страну к ...угрожающему моменту, не готовил к войне. Он понял, что вся предвоенная политика оказалась фальшивой" (Коммунист. 1989. № 6. С. 99). Многие другие суждения Жукова решительно не согласуются с этими утверждениями, их приведено немало в настоящей работе.

А. Солженицын бичевал в "Архипелаге ГУЛАГ" "слепоту и безумие" "дипломатического и военного окружения Сталина... в 1940-41 годах": "Кто ж, как не они, ввергли Россию в позорные невиданные поражения, не сравнимые с поражениями царской России в 1904 или 1915 году?". Чтобы понять главный изъян в этих яростных обличениях, достаточно вспомнить, как завершились войны с Японией в 1905 г. и Германией в 1917 г. **Предвоенная советская внешняя политика заслуживает высокой оценки. Чего стоит такой факт: Сталин сумел расколоть Запад, не позволил создать объединенный фронт капиталистических государств, направленный против СССР.**

К. Симонов в "Разных днях войны" искал ответа на важный вопрос: "...почему тогда, в первую мировую, на второй год боев, к концу пятнадцатого года, немцы заняли всего-навсего лишь территорию царства Польского и часть Прибалтики, а в эту войну на второй год дошли до Волги?". По его признанию, он сначала не учитывал того, что "Вторая мировая война столкнула Советский Союз с неизмеримо более сильным противником, чем тот, с которым воевала царская Россия". Он "забывал и о громадной разнице в соотношении сил, и о грозно выросшей быстроте реализации временных преимуществ, которые дала нападающему техника времен этой войны, по сравнению с техникой времен той". Он "забывал, что на протяжении всей первой мировой войны против русских армий на Восточном фронте... действовало максимум около трети всех сил и средств германской армии, а ее главные силы оставались на западе" (Т. 9. С. 224). В 1941 году у немцев на Западе было около одной трети военных сил, а вскоре там осталось еще меньше.

А. Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ" небрежно бросил неразумную фразу о том, что наши войска отступали "по 120 километров в день". Если бы дело обстояло так, то немцы должны были подойти к Москве не позже чем через две недели. Б. Лебедев спрашивал: "Почему мой двадцатилетний отец бежал - не отступал планоно, организованно, - а бежал в числе других солдат от Брест-Литовска до Москвы?" Стоит защитить его отца. Если бы он только бе-

жал, а не сражался с немцами, то за 5 месяцев, которые понадобились им, чтобы подойти к Москве, оказался бы за Уралом.

Все это не отменяет вопроса: так ли были неотвратимы в начале войны наши столь большие поражения? Они стали, как отмечалось, следствием ошибок нашего руководства в определении намерений нацистского правительства, германская агрессия для нашей армии и народа оказалась внезапной. А. Мерцалов утверждал: "Здесь кроется главная, если не единственная, причина поражений в начале войны" (Социалистическая индустрия. 15.05. 1988).

Р. Медведев, полностью утратив объективность, писал, что наша кадровая "армия была разбита и окружена в первые дни и недели войны из-за преступных просчетов Сталина, не сумевшего подготовить ни армию, ни страну к войне, из-за нелепых и глупых распоряжений Сталина в первый же день войны, из-за его ухода со своего поста в первую неделю войны" (Правда. 08.12. 1989). Н. Хрущев, Л. Берия, А. Микоян говорили о деморализации Сталина в первые дни войны. В. Пикуль в "Барбароссе" утверждал, что в июле 1941 г. "Сталин совсем растерялся, его воля была полностью парализована, он не думал теперь о государстве, а помышлял лишь о том, как бы ему удержаться на кремлевском престоле". М. Захарчук писал о "двухнедельной прострации вождя, когда он по существу выронил из рук власть" (Подмосковье. 10.05. 1997).

А. Уткин в своей книге "Вторая мировая война" писал, что Сталин "сразу после начала войны ушел ото всех на трое суток" (С. 198). Он нарисовал "феерическую" интригу Кремля: узнав о нападении немцев, "Сталин, посоветовавшись с Молотовым и Берией, решил отдать Германии "значительную часть Украины, Белоруссии и всю Прибалтику". Как расценить такую фантазмагорию? См. об этом в книге В. Бушина "За Родину! За Сталина!" (2003).

Вероломное нападение Германии, крупные поражения Красной Армии, конечно, не могли не повлиять на душевное состояние Сталина. Личный охранник вождя А. Рыбин заметил, что "он как-то враз почернел, осунулся, стали особенно выделяться оспины" (Советская Россия. 04.06. 1994). Но Сталин, обладая огромной силой воли, сразу взял себя в руки, 22 июня он принимал государственных руководителей, провел заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором был рассмотрен вопрос о военном положении страны. В последующие дни он, как и всю войну, напряженно работал, с 22 по 28 июня 117 раз встречался с 42 военными, партийными, государственными и хозяйственными работниками. Это отмечено в тетради, в которой вели записи дежурные в его приемной, их можно прочитать в журнале "Известия ЦК КПСС" (1990. № 6).

Юровицкий беспардонно клеветал: "Началась война. Сталин сразу же скрывается". А в это время наша "армия начала сражаться. ...И тогда Сталин выходит из укрытия, начинает действо-

вать сам и вместе с Жуковым, чтобы ускорить поражение". Такие слабоумные открытия не заслуживают полемики. В. Иващенко решил, что "при всей тактической внезапности немцы должны были остановиться к 1 июля", "вырвавшиеся вперед танковые группы Гота, Гудериана и Клейста, опередившие свою пехоту на два суточных перехода, были бы отрезаны от нее, окружены, смяты и раздавлены подавляющим превосходством Красной Армии... Так непременно произошло бы, если бы Красная Армия оказала сопротивление... Но миллионные массы бойцов и командиров перешли к немцам с оружием в руках. События лета 1941-го можно без всяких преувеличений назвать стихийным восстанием армии против Сталинской деспотии" (Литературная газета. № 24-25. 2001). Надо же докатиться кандидату военных наук (!) до такого маразма. Неужели он, например, не знал, что не "выглядела... хилой" "гитлеровская армия по количественным показателям, а в технике и по качественным, в сравнении со сталинской"?

Этот "маразм" иногда передается по наследству, воспринят рядом молодых людей. Ю. Латынина 8 мая 2010 года в эфире "Эхо Москвы" заявила, что 22 июня 1941 года "русский народ превратился в трусов, а сдаваясь в плен к немцам, солдаты голосовали против Сталина". Она бездумно восприняла общественную позицию своей мамы Аллы Латыниной, которая назвала "настоящим патриотом России" П. Струве, считающим важным, чтобы немцы во время войны "взяли Москву, поскольку это может сокрушить сталинский режим".

Чтобы верно оценить такие откровения русофобов, напомним, что перед наступлением на Москву Гитлер отдал людоедскую директиву: "Город должен быть окружен так, что ни один житель - будь то мужчина, женщина или ребенок - не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были заполнены водой". Остается гадать, как можно было технически выполнить такую директиву. Чтобы отвести навет, что русский народ превратился "в трусов", сообщим: за первую неделю войны в Москве 170000 человек подали заявления о добровольном уходе на фронт.

Сталин отдавал, случалось, недостаточно оправданные приказы, разделил с рядом генералов вину за разгром киевской группировки, но он не уходил со своего поста, не уезжал, поддавшись панике, в Куйбышев, как писал Солженицын в романе "В круге первом". Он внес огромный вклад в нашу победу, и поэтому "неправильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина" (А. Василевский). Ст. Гагарин в романе "Мясной бор" категорически оповестил о том, что никакого парада 7 ноября 1941 года не было, это лишь пропагандистская акция московского руководства. На самом деле в тот день Сталин был на параде на

Красной площади. К столице рвался лютый враг, уверенный в том, что вскоре он будет в ней праздновать победу. А наши войска шли мимо трибуны Мавзолея на защиту Москвы.

Этот парад имел огромное политическое значение, советское правительство и Сталин продемонстрировали нашим людям и всему миру непреклонную решимость разгромить врага и не допустить сдачи Москвы. В повести К. Симонова "Случай с Полюнином" полковник Полюнин, воевавший вместе с английскими летчиками в мурманском небе, говорит переводчику Гаврюшину: "Парад, - сказал он, переведи им, я за такой парад умер бы и пожалел! Вот сказали бы мне: живи, но парада не будет. Не хочу! А сказали бы, умри, но будет парад - и умер бы!"

Выясняя причины наших поражений, надо учитывать, что восточный поход вермахта опирался на военно-экономический потенциал почти всей Западной Европы. После её захвата у Германии промышленный потенциал удвоился, а сельскохозяйственный - утроился. Хозяйственные возможности Германии и оккупированных ею стран существенно превосходили экономический потенциал СССР: в 1940 году она вместе с ними произвела 43 млн. тонн стали, а Советский Союз - 18,3 млн. Он значительно отставал в производстве автомобилей, радиоаппаратуры, электротехнического оборудования, оптики.

Во Франции немцы захватили 4930 танков, 3000 самолетов. Для вооружения немецкой армии использовались австрийское оружие, отличные танки и самолеты чехословацкой армии, французские танки, гаубицы и мортиры. 22 июня 1941 года в составе германских войск, брошенных против Красной Армии, было 172 французских танка, бронетехника чешского производства составляла четвертую часть 17 немецких дивизий первого эшелона. При обстреле Ленинграда использовались гаубицы французского производства (две 340-мм, шесть 400-мм и одна 520-мм), шесть чешских 305-мм мортир. Из 894 двухкорпусных разведчиков "Фокке-Вульф-189" 393 построили в Бордо, 357 - в Праге.

СССР часто порицают за то, что он поставил Германии в 1939-1941 гг. 1700000 тонн зерна, много стратегического сырья. Но и она продала нам "образцы пикирующих бомбардировщиков, новую артиллерию, приборы управления огнем, современный крейсер" (В. Бережков). Мы получили возможность увидеть, с чем нам придется столкнуться в войне.

Историки из ФРГ Ф. Форстмайер и Х. Фолькман пишут: "В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое мнение о "существенной поддержке" германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывает того объема и ассортимента поставок, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 года СССР согласился увеличить поставки зерна в Герма-

нию на 10 процентов, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне недоставало ей самой. В ответ же на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений".

Статья С. Каменева "Игры в конспирацию" (Литературная Россия. 08.08. 1997) удивляет не только тем, что в ней говорится, как один из советских начальников постоял в Париже у стен Бастилии (восставшие французы давно разрушили и срыли ее, не оставив стен). В ней утверждается, что Сталин, посылая авиаконструктора А. Яковлева в Германию для закупки самолетов последних конструкций, дал ему "свой зашифрованный адрес: "Москва, Иванову". Немцы узнали, кто скрывался под этой фамилией. "Яковлев, ознакомившись с представленной продукцией, отправил депешу "Иванову". Вскоре пришел ответ: "Одобряю". Было куплено два бомбардировщика "Юнкерс-88", два бомбардировщика "Дорнье-215", один истребитель "Хенкель-100" и пять стервятников "Мессершмитт-109". Каменев сделал вывод: "С таким вооружением в воздухе наша страна подходила к войне. Так что всякие игры в конспирацию завершались полным провалом". О каком провале идет речь? Ведь были куплены самолеты новейших конструкций, чтобы выявить их возможности, изучить достижения германской авиапромышленности и использовать их в своей работе.

В. Анфилов сделал упрек: "Если бы Сталин более разумно использовал отпущенное договором время..." (Независимое военное обозрение. 26.12. 1999). Признав, что пакт о ненападении с Германией позволял нам "использовать отсрочку для того, чтобы укрепить свою оборону", А. Орлов решил, что "эта возможность... не была использована". Генерал-полковник авиации А. Пономарев: "Мы хотели выиграть время, а времени выиграли, к сожалению, очень мало и воспользовались им неразумно" (Правда. 11.08. 1989). Так ли это? Адмирал Н. Кузнецов рассуждал: что было бы, если бы "нам пришлось вступить в войну с Германией не в 1941 году, а в 1939-м? Мы, конечно, тогда были бы менее подготовленными, ибо за два года удалось сделать очень многое" (Советская Россия. 29.07. 1988).

В 1940 году началась реорганизация и перевооружение нашей армии с учетом западного опыта ведения войны и серьезных уроков финской кампании. В конце 30-х годов территориальную систему службы в СССР, не отвечавшую требованиям подготовки армии к современной войне, стали переводить на кадровую. Жуков говорил: "В нашей неподготовленности к войне с немцами, в числе других причин, сыграла роль и территориальная система подготовки войск, с которой мы практически распрощались только в тридцать девятом году. Наши территориальные дивизии были подготовлены из рук вон плохо, они не шли ни в какое сравнение с кадро-

выми" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 74). При этой системе бойцы "не знали, как бороться с авиацией, не знали танков, поэтому танкобоязнь ...охватила нашу армию".

Стал ошибкой пересмотр взглядов на использование танковых войск, ликвидация уже имевшихся крупных механизированных соединений. "...пошла в ход теория, что они не нужны, что танки нужны только непосредственно для поддержки пехоты. Заново крупные механизированные соединения стали создавать уже только перед войной, после того как немцы показали на деле, что такие соединения могут делать для разгрома противника. Была потеряна масса времени" (А. Василевский). Недостаток хорошо подготовленных механизированных соединений стал одной из причин поражений советских войск в 1941 году.

Жуков отметил, что "в период с 1939 по 1941 год народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшей всех сил и средств". Тогда была заложена основа нашей обороноспособности: "Развитая индустрия, колхозный строй, всеобщая грамотность, единство наций, высочайший патриотизм народа, руководство партии, готовой слить воедино фронт и тыл... Но история отвела слишком небольшой отрезок мирного времени для того, чтобы все поставить на свое место. Многие мы начали правильно и многое не успели завершить. ...Война началась в момент коренной перестройки армии. ...Гитлер знал это и очень спешил".

Советской стране очень были нужны еще год-два мирного развития, чтобы лучше подготовиться к успешному отражению агрессии. Изучив ход советско-финской войны, которая "создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны" (А. Василевский), германский генштаб пришел к выводу о том, что СССР, "вступивший на путь реорганизации и перевооружения своей армии, не готов к большой войне и его легко можно победить" (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 2. С. 8). Это заключение свидетельствовало об излишней самонадеянности немецких генералов.

В "Истории Великой Отечественной войны..." сказано: "У Красной Армии имелись все возможности для того, чтобы более организованно встретить нападение немецко-фашистских войск и дать им сокрушительный отпор". На самом деле тогда у нее многого не хватало, чтобы на равных вести с ними войну. О "всех возможностях" сказано излишне категорично, видимо, потому, что авторы пытались острее подчеркнуть вину Сталина за поражения: ведь "требовалось лишь своевременно привести войска пограничных округов в повышенную боевую готовность", а "это сделано не было". Наши войска могли встретить германское нападение "более организованно", у них было немало военной техники. Может быть, есть малая часть правды в утверждении: "Советское политическое и военное руководство не сумело разумно распорядиться

созданными средствами вооруженной борьбы, и Красная Армия оказалась неподготовленной к большой войне" (Великая Отечественная война, 1941-1945. Т. 1. С. 42).

Танков у нас было 11000, но полностью боеготовых - 3800, у Германии - 5639 танков и штурмовых орудий, соответственно самолетов - 9000 против 4400. Основная масса наших танков принадлежала к устаревшим типам, 75-80% самолетов уступали немецким по своим летно-техническим характеристикам. Новых самолетов и танков было 10-20 %. К началу войны промышленность СССР выпустила 3719 современных самолетов и 1861 танк KB и Т-34.

Чтобы хорошо освоить их, требовалось время. В западные пограничные округа поступило 1540 самолетов новых конструкций, но переподготовку успели пройти только 208 экипажей. В документе Генштаба "Соображения..." от 15 мая 1941 г. отмечалось, что из 333 имеющихся в СССР авиаполков 115 "совершенно еще небоеспособны", и на их готовность "можно рассчитывать к 1.1.42". Орудий у германской армии и у нас было примерно равное количество, но в наших войсках часть их 22 июня находилась на полигонах для испытаний. У нас намного хуже дело обстояло с радиосредствами, не хватало тягачей для орудий. Немцы, имея намного больше автотранспортных средств, значительно превосходили нас в возможности маневрировать войсками. Все звенья германской армии возглавляли хорошо подготовленные командиры, имеющие боевой опыт. В 1941 году Германия выпустила более 11000 самолетов, 5200 танков, более 7000 орудий. К июню 1941 года у нее было 8500 тыс. военнослужащих, у нас - свыше 5 миллионов человек.

С 1939 по июнь 1941 года было сформировано 125 новых советских дивизий. В армию призвали 752000 запасников. Выучка военнослужащих не вполне отвечала требованиям современной войны. В последние месяцы перед войной 16-я, 19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии были выдвинуты из внутренних округов в приграничные. В наших западных округах насчитывалось 2,9 млн. человек, Германия бросила против них 4,4 млн. солдат и офицеров. Многие советские дивизии находились в состоянии формирования.

На боевых действиях Красной Армии в начале войны отрицательно сказалось "отсутствие у нас высшего военного руководства, каким должна быть Ставка" Главного командования: "Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и, надо сказать правдиво, - в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах" (Г. Жуков). Ставку создали лишь 23 июня 1941 года, умение руководить стратегическими операциями она приобретала в ходе войны, что сказывалось на принимаемых решениях, подчас приводило к очень негативным последствиям.

Г. Жуков писал: "При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений". В действительности германская армия уже в первый день обрушила всю свою огромную мощь на наши войска, не успевшие занять оборонительные позиции. На главных направлениях немцы создали многократное превосходство в силах, сразу бросили в бои 4300 танков и штурмовых орудий. Это стало полной неожиданностью для нашего военного руководства.

Жуков самокритично писал: "Внезапный переход в наступление в таких масштабах, при этом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов" (Т. 2.С. 28). В этой обстановке многие наши командиры не смогли организовать крепкую оборону, нередко принимали ошибочные решения.

В. И. Ленин писал: "... тот кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, то войны не окончит победоносно. Таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключение" (Т. 44. С. 209). В "Истории Второй мировой войны" категорично сказано, что "из поля зрения органов военного руководства фактически выпало рассмотрение стратегической обороны, так как будущие действия Советской Армии и Военно-Морского флота представлялись исключительно как наступательные" (Т. 3. С. 415). Наше высшее военное командование действительно уделяло недостаточно внимания вопросам обороны, недальновидно отнеслось к инженерно-заградительной полосе на старой границе, где укрепленные районы стали приходить в негодность.

А. Василевский 6 декабря 1965 года говорил: "Нельзя пройти мимо и такого решения Правительства, по которому все войска западных приграничных округов подлежали немедленной передислокации из полностью оборудованных в оборонном отношении старых районов на вошедшие в состав Советского Союза новые территории. Совершенно правильным было решение немедленно приступить к инженерно-техническому оборудованию новых приграничных

районов в оборонном отношении, с постройкой в них хорошо развитых в глубину, современных по тому времени оборонительных рубежей, с переоборудованием и развертыванием в них путей сообщений и линий связи".

Однако ошибкой было "решение о разоружении и демонтаже всех укреплений, построенных с таким трудом на протяжении целого ряда лет на прежней нашей границе". Осознав это, весной 1941 года Главный военный совет решил привести в боевую готовность старые укрепленные районы как рубеж оперативной обороны, но к 22 июня 1941 года полностью выполнить эту задачу не удалось.

Вместе с тем в 1940 году в округах разрабатывался план обороны государственной границы, провели оперативно-стратегическую военную игру, где "в основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе" (Г. Жуков). А. Василевский в книге "Дело всей жизни" отметил, что в первой половине 1941 года в Генштабе "глубоко изучались как наступательные операции, так и вопросы стратегической обороны. В директиве Наркома обороны ...одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи по оборонительным операциям". Было предусмотрено "проведение зимой в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения - фронтовой оборонительной операции". Начавшаяся война помешала реализовать эти важные мероприятия.

Ошибкой советского командования и стало опоздание с принятием хорошо продуманных действенных мер по подготовке к стратегической обороне. Готовясь к отражению агрессии, наш Генштаб в своем плане предполагал нанести по наступавшему врагу мощный контрудар и перенести боевые действия на его территорию. "Военная стратегия, - указал Г. Жуков, - строилась главным образом на правильном утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессоров. В то же время другие варианты борьбы - встречные сражения, вынужденные наступательные действия, бои в условиях окружения, ночные действия рассматривались недостаточно основательно" (Т. 1. С. 265). Но "правильная в принципе установка на то, чтобы вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась односторонне" (А. Василевский), а это способствовало распространению мнения о возможности нашей легкой победы в войне.

П. Судоплатов признал, что "в разведанных была упущена качественная оценка немецкой тактики "блицкрига", "военная разведка и НКВД не смогли правильно информировать Генштаб и НКВД, что цель немецкой армии в Польше и Франции заключалась не в захвате земель, а в том, чтобы сломить и уничтожить боевую мощь противника".

Ю. Афанасьев объяснял "колоссальный масштаб потерь и поражений Красной Армии летом-осенью 1941 года" тем, что "нападение Германии произошло в тот момент, когда в СССР один план развертывания войск - оборонительный - был отменен, а другой - наступательный, упредительный - хотя и действовал, но еще не был доведен до всех тех, кто должен был его реализовать". Если это было так, то можно спросить: в чём же тогда заключается причина поражений в 1942 году?

По словам В. Данилова, намеченные в "Соображениях..." мероприятия Генштаб начал проводить в жизнь, "развернувшаяся подготовка к нанесению упреждающего удара оказала негативное влияние на способность армии дать отпор фашистской агрессии" (Независимое военное обозрение. 22.06. 2001). Но это была подготовка не к нанесению превентивного удара, а к отражению нападения. Разве призыв на сборы 752000 человек и переброска ряда дивизий из глубины страны ближе к западной границе негативно влияли на боеспособность нашей армии?

Обратившись к речи Сталина 5 мая 1941 года о воспитании войск в наступательном духе, Ю. Афанасьев заключил, что она свидетельствует о его решении "готовить упреждающий удар, имея стратегической целью сокрушение капитализма военным путем". В. Анфилов резонно возразил: о каком "сокрушении капитализма военным путем" "могла идти речь, если на западных и восточных границах СССР весной 1941 года сосредоточивались и развертывались многомиллионные армии противника? ...Идея упреждающего удара возникла у военных руководителей в середине мая 1941 года, Сталин ее отверг, и "упредительный" план не действовал и не доводился до войск" (Независимая газета. 23.06. 2000).

Причины наших поражений заключались не только в репрессиях и коварной внезапности германского нападения, большой неожиданностью для советского командования явилась чудовищная сила ее военных ударов на решающих направлениях. Немецкая армия была более мощной, чем наши вооруженные силы. К июню 1941 года ее командный состав и штабы были лучше подготовлены, она была лучше вооружена, лучше выучена, имела больше победоносного военного опыта. За недостаточную военную подготовленность нашей армии пришлось расплатиться миллионами жизней.

Глава 18. О командирах Красной Армии

Б. Соколов в книге "Неизвестный Жуков: портрет без ретуши" (2000) писал: "Красная Армия по сравнению с вермахтом или армиями США и Англии была армией прошедшей эпохи, эпохи первой мировой войны. Тот уровень насыщения техникой, которого требовала Вторая мировая война, вступал в неразрешимое противоречие как с реальным образовательным уровнем большинства красноармейцев и командиров, так и с психологией основной массы советских граждан".

Если эти обличения были бы полностью верны, то нельзя понять, как же наша армия при таком "неразрешимом противоречии" выстояла и разгромила вермахт. Германские военнослужащие превосходили наших солдат и командиров старших возрастов по уровню образования, общей и технической грамотности. Культурная революция в СССР многое сделала, чтобы Красная Армия пополнялась грамотными людьми, но, конечно, большую отсталость России в этом плане невозможно было преодолеть за короткий срок. Однако уже к 1937 году Красная Армия стала армией сплошной грамотности, наши молодые бойцы и офицеры по своему образованию и боевой подготовке не уступали зарубежным. Б. Соколов развязно лгал, говоря о маршалах и генералах Красной Армии: "не могли они быть и людьми с развитым чувством собственного достоинства".

Вместе с тем следует отметить, что в наших жестоких поражениях на самом деле немалую роль сыграла слабость командных кадров советской армии, в ней служило в то время немало офицеров и генералов, которым недоставало минимума знаний и должного умения. В сухопутных войсках не хватало 66900 командиров, их недостаток особенно остро ощущался в танковых, артиллерийских и авиационных частях. В 1940 г. было создано 42 новых военных училища. Перед войной они произвели досрочный выпуск курсантов. 14 мая 1941 г. был издан приказ о немедленной отправке их в войска. "За полтора месяца до начала войны на основании доклада полковника Кребса, военного атташе Германии в СССР, других данных фюреру доложили: русский офицерский корпус ослаблен не только количественно, но и качественно. "Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России потребуются годы, чтобы достичь его прежнего уровня" (Правда. 20.06. 1988). Это внушало Гитлеру полную уверенность в том, что Германия сможет очень быстро победить СССР.

Полковник М. Ходоренок из Генштаба писал: "Принято думать, что во многом фундамент неудачных действий РККА в первом периоде Великой Отечественной войны был заложен во время большого террора 1937-1938 годов. Однако вряд ли этот фактор носил определяющий характер. Причины коренятся гораздо глубже - в разрыве поступательного характера развития

государства и армии в 1917 году, уничтожении русского офицерского корпуса вместе с его традициями" (Независимое военное обозрение. 22.06. 2001). Так ли это?

7 октября 1918 года была воссоздана академия Генерального штаба, возглавил ее бывший генерал-лейтенант царской армии А. Климович. В ней преподавали бывшие генералы и офицеры царской армии Н. Данилов, В. Новицкий, А. Свечин, Г. Теодориди, Н. Сулейменов и др. Профессор академии Н. Корсун до революции был полковником Генштаба, главнокомандующий Вооруженными силами Советской республики стал С. Каменев, полковник царской армии, Д. Карбышев - подполковник. В. Кожин утверждал: "Глубокое и точное предвидение характера будущей войны и основы необходимой в ней стратегии разработали ...служившие в Красной армии выдающиеся военачальники Первой мировой войны - А. А. Свечин (до октября 1917-го генерал-майор, начальник штаба Северного фронта), А. Е. Снесарев (генерал-лейтенант, командующий корпусом), В. Н. Егорьев (генерал-майор, командующий корпусом) и другие".

Показательно, что "43% царских офицеров (включая генералов) предпочли служить в Красной армии, притом каждый пятый из них сначала находился в Белой армии... И еще более существен тот факт, что из военной элиты - офицеров Генерального штаба - в Красной армии служили 46%". В 1930 году арестовали 5000 высших командиров нашей армии. "И есть основание утверждать, что именно репрессии 1930 года (а не 1937-го) нанесли наиболее тяжкий ущерб нашей армии..." (В. Кожин. Россия. Век XX. 1939-1964. С. 82).

В гибели большого числа советских командиров в 1937-1938 гг. многие видят главную причину наших поражений в начале войны. К. Симонов сказал: "Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года". А. Василевский отреагировал на эту мысль: "Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел" (Знамя. 1988. № 5).

Генерал-лейтенант А. Годорский сообщил, что из-за репрессий наша армия потеряла: "из 5 маршалов - 3 (Егоров А. И., Тухачевский М. Н., Блюхер В. К.), из 5 командиров 1-го ранга - 3, из 10 командиров 2-го ранга - всех, из 57 комкоров - 50, из 186 комдивов - 154, из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга - всех!, из 28 корпусных комиссаров - 25, из 64 дивизионных комиссаров - 58, из 456 полковников - 401" (Общая газета. 1987. № 26. С. 6). Красную Армию лихорадили частые перестановки руководящего состава в центральном аппарате и военных округах. За пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генштаба, с 1936 по 1940 год - пять

начальников разведывательного управления. Это, конечно, негативно сказалось на состоянии Красной Армии.

Г. Бакланов утверждал: "Трагедия 41-го года - это результат страшного разгрома Красной Армии, который учинил Сталин в 37-м, 38-м и последующих предвоенных годах" (Московские новости. № 25. 2001). Г. Владимов фантазировал: "...если бы имели РККА, сильнейшую в мире, какой она была еще в 1936 г., а не ту повыбитую и ослабленную, какой ее сделали "чистки" 1937-1938 годов" (Русская мысль. 1999. № 4279). Эта мысль о прямой связи репрессий и катастрофы 1941 года кочует по ряду работ.

Но не всё было хорошо в советской армии до 1937 года. В 1933 году немецкая разведка невысоко оценивала командиров Красной Армии: "До сих пор армия страдает тем, что, начиная от командира взвода и кончая командиром полка, командир не является еще полноценным". На заседании Военного совета при Наркоме обороны 13 октября 1936 года маршал М. Тухачевский говорил: "Наши школы до последнего времени готовили недостаточно квалифицированных лейтенантов" и заявил, что "культурного командира" удастся вырастить в лучшем случае к 1940 году.

А. Исаев констатировал: "К началу 1941 года 7,1% командно-начальствующего состава имели высшее военное образование. До репрессий, в 1936 году, эта цифра составляла 6,6%. Академическое образование в 1936 году имели 13 тысяч лиц начсостава, в 1939 году, после фактического окончания репрессий - 23 тысяч, в 1941 году - 28 тысяч офицеров". Надо учитывать то, что с 1936 года до июня 1941-го офицерский состав вырос более чем втрое. В августе 1939 года у нас было 98 стрелковых дивизий, а в июне 1941 года их стало 198. "...только в рамках этих 100 дополнительных дивизий заново сформировали 300 стрелковых полков и 200 артиллерийских полков. Всем им нужны были командиры. Помимо стрелковых соединений формировались новые танковые дивизии, полки. Росло ...число корпусных артиллерийских полков. Те же процессы шли в авиации" (Завтра. 07.04. 2010).

Многие преувеличивают масштабы репрессий. Нет нужды опровергать бред А. Антонова-Овсеенко: "С января 1935-го по июнь 1941-го в стране репрессированы 19840000 человек, из них в первый же после ареста год казнены и погибли под пытками 7 миллионов" (Литературная газета. 03.04. 1991). В показанном 11 декабря 2000 года на РТР фильме "Расплата за предательство. Начало Отечественной..." было заявлено, что Сталин уничтожил весь командный состав Красной Армии, всех предал, из-за его предательства сдавались в плен наши бойцы. Он, воюя со своим народом, уничтожил-де больше людей, чем погибло их во время войны. В. Белоцерковский заявил, что Сталин в 1937-1938 гг. отправил в лагеря 70% командного состава (Незави-

симая газета. 29.01. 2000). Н. Сванидзе 23 июня 2010 года в Гайдпарке клеветал: "...в результате сталинских репрессий под корень был вырублен весь офицерский корпус от маршалов до ротных командиров". Ложь этих низкопробных агиток очевидна.

В. Дайнес извратил причины ареста Блюхера: "...официальная пропаганда внушала своим слушателям, что главным виновником вооруженного конфликта в районе озера Хасан являются японцы. Командующий Дальневосточным фронтом Блюхер придерживался другой точки зрения" (Аргументы и факты. 1992. № 46-47). Это и погубило его. Доказательства? Нет их. А. Деев в статье "Кто же убил Тухачевского" объявил: Сталин уничтожил "по меньшей мере 10 миллионов человек" (Тверская жизнь. 23.02. 2001). Он судит о Тухачевском, не зная даже того, что он - вопреки его словам - не был наркомом обороны.

В печати утверждалось, что Бенеш, президент Чехословакии, в мае 1937 года в личном послании Сталину сообщил о готовящемся в СССР военном перевороте в интересах Германии. Это отрицает Г. Элевтеров в статье "Страх или долг?" (Отечественные записки. 24.12. 2009). В действительности было сообщение о продолжительной беседе 4 июля 1937 г. советского полпреда Александровского с президентом Бенешем, который особо подчеркнул, что "в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщицкой деятельности с целью ниспровержения существующего строя" (Фашистский меч ковался в СССР. М. 1991. С. 350).

По версии Судоплатова, "обвинения против Тухачевского и других военных руководителей были сфабрикованы по указанию Сталина и Ворошилова". Тухачевский был заносчивый человек, по словам Берия, он и его окружение "смели думать, будто Сталин, по их предложению, снимет Ворошилова. ...В конце 20-х годов Тухачевский... вел интригу против Шапошникова с тем, чтобы занять его пост начальника Генштаба" (С. 102).

Комкор Б. Фельдман был арестован 15 мая 1937 года, ему предъявили улики и факты, свидетельствующие о том, что он - участник военно-троцкистской организации. На первом допросе 16 мая он признал свое участие в ней. Арестованный маршал Тухачевский после очных ставок с Примаковым, Путной, Фельдманом уже на втором допросе 26 мая 1937 года признал наличие возглавляемого им заговора и назвал его участников. Никаких фактов, что их пытали, нет, сами заговорщики ни разу не заявляли об этом.

Хрущев цитировал на XX съезде КПСС письмо Якира, но пропустил слова: "...все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. ...потом провал и кошмар, в непоправимый ужас предательства... я признал свою вину, я полностью раскаялся" (Военные архивы России. 1993. Вып. 1). Кого пре-

дал Якир? Видимо, в нашем военном руководстве были сомнительные в политическом отношении люди, но "теоретически и этически устранение "пятой колонны" в условиях приближения второй мировой войны было мыслимо и в других, куда более мягких формах", оно не должно было выливаться в террор, нанесший огромный ущерб нашей стране (Р. Косолапов).

По суждению Конева, Тухачевскому мешали "известный налет авантюризма" и "некоторые замашки бонапартистского оттенка". Трудно сказать, верна ли мысль Зиновьева: "...останься Тухачевский - не было бы Советского Союза к концу 1941 года". Возможно, он имел в виду то, что сказал Примаков в "последнем слове": "Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира - родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича - в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман - с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной".

Советское руководство беспокоили подброшенные из окружения Гитлера сведения о заговоре среди высшего командования Красной Армии. На взгляд В. Галайко, толчком к репрессиям в армии послужил выход в 1936 году книги Троцкого "Преданная революция", где утверждалось, что "он говорит от имени огромного числа молчаливых сторонников, находящихся в СССР. И этих сторонников больше всего могло быть в военном ведомстве, которое Троцкий возглавлял в течение семи лет. ...А тут еще в очередном "Бюллетене оппозиции" Троцкий написал о том, что "недовольство военным диктатором Сталина ставит на повестку дня" возможное выступление сторонников Льва Давидовича. И тогда Сталин принял решение" (Советская Россия. 16.02. 1993).

Документы свидетельствуют: тогда выбыло из армии 37000 командиров, около 8000 из-за естественной смерти, по возрасту, из-за морального разложения. 29000 было уволено по политическим мотивам, из них 13000 возвращено в армию, арестовано 6-8 тысяч, расстреляно 3-4 тысячи, из них немало работников Генштаба Красной Армии. См. об этом: Военно-исторический архив.1998. № 3. С. 41-44.

В еженедельнике "Независимое военное обозрение" (1998.№№23,24) опубликованы отрывки из сочинения Резуна, в котором утверждается, что число репрессированных военачальников РККА официальные советские историки неоправданно завысили. И это-де дезинформация, цель её - утаить агрессивные планы СССР. В книге "Очищение" он доказывал, что репрессии принесли-де пользу РККА, она освободилась от плохих командиров и начала войну с отличными офицерами и генералами.

Репрессии негативно сказались на состоянии нашей армии. В романе М. Шолохова "Они сражались за родину" генерал Стрельцов, незаконно арестованный и освобожденный из-под ареста перед самой войной, доискивался до причин репрессий: "На Сталина обижаюсь. Как он мог такое допустить?! ...Теперь он - признанный вождь. Он создал индустрию в стране, он провел коллективизацию. Он, безусловно, крупнейшая после Ленина личность в нашей партии, и он же нанес этой партии непоправимый урон. Я пытаюсь объективно разобраться в нем и чувствую, что не могу. ...Во всяком случае, мне кажется, что он надолго останется неразгаданным не только для меня". Стрельцов исповедуется брату: "...лучших из лучших полководцев постреляли, имена их знает весь мир. Многих упрятали в лагеря. ...Сажали, начиная с крупнейшего военачальника и кончая иной раз командиром роты. Армию, по сути, обезглавили и, употребляя военную терминологию, обескровили без боев и сражений". Он спрашивает: "...как такое могло случиться в нашей партии? Кто повинен? Я глубочайше убежден, что подавляющее большинство сидело и сидит напрасно, они - не враги". Директор МТС Дьяченко, попавший в 1937 году в тюрьму по политическому доносу, рассказал, как следователи выбивали у него "правде наперерез лживые показания" на честных друзей-коммунистов и заставляли "подписывать на себя такое, что и бабушке" его "во сне не снилось". Он подчеркнул зловещий политический смысл репрессий: "...десятки тысяч коммунистов и преданных советской власти до последнего вздоха беспартийных сидят невинно, тысячи таких же расстреляны, сотни тысяч ихних близких и друзей не верят в виноватость этих людей. А что это означает? А то означает, что они потеряли веру в советскую власть и озлобились на нее".

Считая, что М. Тухачевский, И. Якир, И. Уборевич, А. Корк, А. Егоров, Р. Эйдеман, Б. Гай, В. Примаков, Б. Фельдман, В. Путьна "принадлежали к числу лучших высших офицеров Красной Армии", Л. Никулин в книге "Тухачевский" (1964) писал: "Если бы они остались в живых и не были уничтожены некоторые другие кадры старшего и среднего звеньев командного состава, то, безусловно, в годы Великой Отечественной войны можно было достичь победы с меньшими жертвами и весь ход войны мог быть иным". Но В. Кожинов указал, что в 1937-м погибли в основном не военачальники, а так называемые комиссары (Якир, Гамарник) и не считал, что "эти люди могли бы сыграть решающую роль в Отечественной войне" (Кубань. 1989. № 8).

Среди них могли быть и талантливые военные, как К. Рокоссовский, и не способные руководить крупными операциями. Конев говорил, что Блюхер и Якир вряд ли могли успешно командовать фронтом во время современной войны. Жуков считал И. Уборевича "лучшим командующим округа", Конев с похвалой отзывался о нем, наверное, он более достойно, чем Пав-

лов, воевал бы в 1941 году. Но следует признать, что основания для репрессий все-таки имелись, Уборевич, соратник Тухачевского, был участником заговора, и трудно сказать, как бы он повел себя во время Великой Отечественной войны. Молотов сказал Карпову: "Очень хорошо, что мы успели до войны обезвредить этих заговорщиков, если бы это не сделали, во время войны были бы непредсказуемые последствия" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 27).

С другой стороны, губительные "излишества" в политической чистке армии отрицательно сказались на ее боеспособности. Василевский писал, что "имевшие место в стране накануне войны совершенно необоснованные репрессии, ...конечно, ослабили нашу оборону, боеготовность Красной Армии" (Советская Россия. 09.05. 1995). Жуков заключил: "...уровень подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще больше разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок..." (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 98). Репрессии породили у них страх, боязнь ответственности, что порождало пассивность, безынициативность. Потребовалось время, чтобы это ушло в прошлое.

Ю. А. Жданов, сын члена Политбюро А. А. Жданова, сообщил: "Анализируя итоги прошедшей войны, в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: "Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться" (Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону. 2004. С. 227).

Либералы в своих обличениях политики советской власти переходят разумную грань элементарной порядочности. Они называют невероятное количество наших людей, безвинно погибших от людоедского НКВД. Р. Медведев домыслил, что из числа арестованных в 1937-1938 гг. почти миллион человек были приговорены к расстрелу, а общее число жертв сталинизма достигло 40 млн. человек (Аргументы и факты. 1989. № 5). Гранин в экстазе восклицал: "Вдумайтесь: с 1935 по 1941 год было арестовано и сослано в ГУЛАГ двадцать миллионов человек, семь миллионов расстреляно!" (Литературная газета. № 46-47. 2004). Это непозволительный отход от исторической правды.

В 90-е годы после изучения и перепроверки архивных документов В. Земсков определил, что "в период с 1921 года по 1953 год в СССР по политическим мотивам (по статье 58 УК РСФСР) было приговорено к высшей мере наказания 643 тыс. чел. (часто встречающаяся цифра в 799 тыс. чел. включает еще свыше 156 тыс. чел., расстрелянных за бандитизм).

Далеко не все приговоренные были действительно расстреляны. Факты замены смертной казни различными сроками заключения, приведенные В. Земсковым, И. Пыхаловым, М. Поздновым, дают основание считать, что реально было расстреляно 300-350 тыс. чел. - примерно 0,1% от всех живших в тот период советских людей" (В. Литвиненко. О чем врут недруги Сталина. Отечественные записки. 24.12. 2009).

17 августа 1942 года начальник полиции и безопасности и СД в Берлине в секретном документе доложил: "Немецкие предприниматели и рабочие были очень удивлены, когда германский трудовой фронт повторно указал на то, что среди остарбайтеров нет таких, кто бы подвергался у себя в стране наказанию. Что касается насильственных методов ГПУ, которые наша пропаганда надеялась во многом еще подтвердить, то, ко всеобщему изумлению, в больших лагерях не обнаружено ни одного случая, чтобы родных остарбайтеров принудительно ссылали, арестовывали или расстреливали".

Для выяснения действительной правды о репрессиях, отметим впечатляющие факты: "В 90-е годы только убитых в России, не считая пропавших без вести, - около 800000 (что, между прочим, больше, чем приговоренных к расстрелу с 1925 по 1952 год в СССР)" (Литературная газета. № 18. 2008). В. Литвиненко указал: "В 1940 г. при населении в 193 млн. чел. в СССР было 6549 убийств, а в 2007 г. в России при населении в 142 млн. чел. убийств было почти в 4 раза (!) больше - 25400 (это не считая 30 тыс. чел., погибших в автомобильных катастрофах) (Отечественные записки. 24.12. 2009). Какие же выводы следует сделать после знакомства с этими цифрами? Понятно, что очень неприятные для нынешнего режима.

С. Викулов 20 декабря 2005 г. писал мне: "Главный козырь у палачей России - "Сталинские репрессии". Но "сталинскими" ли только они были? Вот вопрос вопросов. Меня он мучает, я ищу ответа на него". Пока Троцкий был у власти, он продвигал по служебной лестнице своих людей, особенно в армии и карательных органах. В 1937-1938 годы репрессировали 49000 троцкистов, их опасную для страны деятельность пресекли. "Только в наше время осознается зловещий смысл того, кто именно и почему уничтожил цвет именно русской интеллигенции, по сути, будущее России как социалистической державы. Именно в те же 1937-1938 годы было репрессировано большое число специалистов разного профиля, в том числе инженеров, агрономов, а также служителей православной церкви" (А. Валишев. Советская Россия. .03.08. 2006). Многие были наказаны за политические анекдоты на основе статьи 58-10 УК РСФСР - "антисоветская агитация и пропаганда". Немало невинных людей было арестовано и осуждено "в результате контррепрессий со стороны активистов антисоветского подполья, засевших по указа-

нию главарей заговорщиков в тех же самых органах НКВД. Их цель - компрометация советской власти, возбуждение среди населения недовольства".

Подполковник госбезопасности в отставке В. Черноскутов, свыше 40 лет работавший в органах КГБ СССР, в статье "Расплата. Кто вершил репрессии на Урале и кто за них наказан?" (Завтра. 27.04. 2004) конкретно показал, как осуществляли свои черные дела получившие власть в карательных органах активисты троцкистского подполья.

В Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" отмечалось: "...враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, производили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД" (Органы государственной безопасности СССР накануне Великой Отечественной войны. ...Кн. 1. М. 1995. С. 4).

Жуков в заметках "Коротко о Сталине" подчеркнул: "Особенно серьезно осложнилось положение, когда иностранная разведка вклинилась в органы государственной безопасности, когда она через свою агентуру поставляла сфабрикованные версии о якобы антисоветской деятельности наших людей, чем был нанесен непоправимый ущерб нашей Родине, обороне государства" (Правда. 20.01. 1989). Генерал-лейтенант в отставке, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ В. Серебрянников указал: "...не будь агрессивного тайного подрывного вмешательства Запада во внутренние дела СССР, не было бы такого масштаба репрессий, какие пришлось тогда осуществить. ...Репрессивные меры пресекали проникновение агентов и предателей в партию и госаппарат, особенно в их руководство. ...в отличие от многих западноевропейских стран, где "пятые колонны" открывали в годы Второй мировой войны двери для фашистского вторжения, в СССР не было стратегического предательства в высших эшелонах власти" (Правда. № 23. 2006).

В. Молотов сказал Ф. Чуеву: "Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны". Английский военный историк Д. Фуллер в книге "Вторая мировая война 1939-1945 гг." признал: "До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на "пятую колонну". Но в России, хотя и были недовольные, "пятая колонна" отсутствовала...".

Глава 19. Провал плана "Барбаросса"

П. Лебедев писал, что сталинский режим оказался "неэффективным даже обеспечить защиту собственного государства в условиях объективно вовсе не критических..." (Литературная Россия. 17.05. 2002). Как же надо убого мыслить, чтобы определить военно-политическую ситуацию второй половины 1941 г. "вовсе не критической". В. Сипполс в книге "На пути к великой победе" (1985) привел ряд оценок наших тогдашних возможностей выстоять в войне с Германией, сделанных иностранными военными и политическими деятелями. Британский объединенный разведывательный комитет 9 июня 1941 года предсказал, что Германии для захвата Украины и Москвы "потребуется от трех до шести недель, после чего наступит полный крах Советского Союза". Начальник имперского генштаба Дж. Дилл полагал, что "с русскими будет покончено в течение шести-семи недель". Британский посол С. Криппс заявил: "Россия не устоит перед Германией дольше трех или четырех недель". 23 июня военный министр США Г. Стимсон предположил, что немцы будут заняты войной с СССР "минимум один и максимум три месяца". Морской министр Ф. Нокс считал, что Германии потребуется для разгрома России "от шести недель до двух месяцев". Черчилль констатировал: "Почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения".

Важный вопрос: на что рассчитывали тогда Гитлер и его генералы? "...верховное командование думало сломить военную мощь России в течение 8-10 недель, вызвав этим и ее политический крах, - вспоминал Гудериан. - Оно было так уверено в успехе своей безумной затее, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 года были переключены на производство другой продукции. Думали даже с началом зимы вывести из России 60-80 дивизий, решив, что оставшихся дивизий будет достаточно для того, чтобы в течение зимы подавить Россию" (С. 206). Вестфаль писал в таком же духе: "Гитлер рассчитывал, что Красная Армия быстро развалится. Уверенный в своей победе, он даже приказал сократить объем продукции военной промышленности".

В начале войны политическое и военное руководство Германии откровенно торжествовало. 3 июля Гальдер написал: "Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней" (Т. 3. С. 79). 4 июля Гитлер самоуверенно заявил, что практически СССР уже проиграл войну. К концу сентября он дал указание главному командованию сухопутных войск подготовиться к расформированию 40 пехотных дивизий, чтобы ис-

пользовать эту рабочую силу в промышленности. 9 октября он громогласно провозгласил: "Я говорю об этом только сегодня потому, что сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется".

Многим на Западе в 1941 году казалось, что победа уже полностью в руках Гитлера, что нашим людям надо было по примеру ряда "цивилизованных" европейских народов проявить явно необходимое здравомыслие, послушно поднять руки вверх, смириться с немецкой победой и оккупацией: ведь все рухнуло, ничто уже не может остановить чудовищного врага и спасти Советский Союз от окончательного краха.

Немецкие войска подошли близко к Москве. Но в декабре их остановили и разбили. Почему случилось такое столь неожиданное для иностранцев "чудо"? До сих пор многие чужеземцы не могут понять наших людей, того, что русское чудо скрывалось в их душах, в их неистребимом желании быть непокоренными, отстаивать свободу и независимость своей Родины. Наша победа была обусловлена высоким моральным духом народа, его непоколебимой стойкостью, великим патриотизмом и героизмом. Огромным напряжением ума и воли, всех своих нравственно-духовных и физических сил в ходе трагически сложившейся борьбы, не дающей, казалось бы, никаких оснований рассчитывать на успех, он шаг за шагом приближался к победе.

Летом 1941 г. вермахт, нанеся ряд тяжелых поражений Красной Армии, все же не смог добиться решающих успехов. С первого дня войны она начала рушить пунктуально распланированные немецкие планы. 485 пограничных застав подверглись внезапному нападению, и ни одна из них не сдалась врагу. Многие бойцы попадали в окружение, но воевали до последней возможности. 41-я дивизия вместе с пограничниками 5 суток удерживала Раву-Русскую. Серьезный удар по немецким войскам был нанесен в районе Перемышля. Захваченный ими в ночь на 23 июня, он был освобожден 99-й стрелковой дивизией и удерживался до 28-го июня.

Советские войска целый месяц героически обороняли Брест. В одном из помещений казармы Брестской крепости после войны обнаружили надпись: "Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умрем как герои. Июль.1941". На кирпичной стене Брестской крепости были выбиты слова неизвестным солдатом: "Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20 июля 1941 года". Эта надпись была сделана на 29-й день войны.

Писатель С. С. Смирнов, тщательно расследовав многие неизвестные факты обороны Брестской крепости, в газетных публикациях, а затем в своей книге "Брестская крепость" воздал должное ряду героев. Среди них - отважный командир 44-го стрелкового полка П. М. Гаврилов, до конца выполнивший свой воинский долг, попавший в бессознательном состоянии после взрыва снаряда в плен 23 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ян-

варя 1957 г. за героизм и мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Такое же звание получил пограничник лейтенант А. М. Кижеватов, несколько раз раненный, но продолжающий сражаться с врагом, ушедший взрывать мост и героически погибший. Его мать, жена и трое маленьких детей попали в плен и были расстреляны гитлеровцами в 1942 г. В книге С. Смирнова отражено героическое поведение полкового комиссара Е. Фомина, попавшего в плен и расстрелянного немцами, командира батальона 125-го стрелкового полка В.В. Шабловского, комсорга С. М. Матевосяна, капитана И. Н. Зубачева, умершего в плену в 1944 г., секретаря комсомольской организации штаба 84-го полка А. М. Филя, воспитанника полка четырнадцатилетнего храбреца Пети Клыпы и др. В 2020 г. был создан белорусско-российский фильм "Брестская крепость", по заслугам хорошо воспринятый зрителями.

Героически бились с врагом миллионы советских людей. "Войска 3-й танковой группы, - писал в июле 1941 г. генерал Г. Гот, - понесли большие потери. Моральный дух личного состава подавлен... Противник появляется повсюду и ожесточенно обороняется" (Танковые операции. М.1961. С. 107). Гудериан в работе "Опыт войны с Россией" писал, что русские генералы и солдаты "не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года". Генерал Блюментрит поразился тем, с чем встретила немецкая армия в России: "Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои". Гальдер в первые недели войны записал в "Военном дневнике": "Следует отметить упорство русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов отказывались сдаваться в плен, взрывали себя вместе с дотами". Офицер 18-й танковой армии вермахта с тревожным удивлением зафиксировал: "Несмотря на то, что мы продвигаемся на значительные расстояния, - нет того чувства, что мы вступили в побежденную страну, которое мы испытали во Франции. Вместо этого - сопротивление, сопротивление, каким бы безнадежным оно ни казалось".

Можно ли как-то согласовать эти красноречивые показания немецких генералов и офицеров и многие приведенные выше факты с подлыми измышлениями Иващенко о том, что "миллионные массы бойцов и командиров перешли к немцам с оружием в руках"?

Более 400 советских воинов закрыли амбразуры дотов своими телами, спасая от смертельного огня товарищей. Более 70 из них - до Александра Матросова. Алексей Очкин после такого подвига остался в живых, врачи спасли его. Он написал автобиографический роман "Амбразура", в котором объяснил, почему его герой решил закрыть собой амбразуру. Накануне 60-летия Победы английская газета "Обсервер" признала: "Мощь самой сильной армии мира была истощена и, наконец, сломлена самопожертвенными подвигами русских солдат".

Немцы не смогли уничтожить главные силы Красной Армии западнее Днепра, что было основной целью плана "Барбаросса". Они окружили ряд советских дивизий, но те и в окружении продолжали отчаянно сражаться. Наши солдаты, ведущие неравные бои с врагом, даже зная, что они наверняка погибнут, бились до последней возможности, твердо веря, что Россия победит. Без этой святой веры мы бы не победили.

Д. Бедного в 1938 г. исключили из партии и Союза советских писателей (в партии его восстановили только после смерти - в 1962 г.). За две недели до войны на встрече с читателями в Кимрах, как я помню, А. Фадеева спросили "Что сейчас делает Демьян Бедный?" Немного подумав, сухо вато официально, но с оттенком горечи он ответил: "Д. Бедный что-то пишет, его никто не печатает. Живет он на то, что продает книги из своей библиотеки". Началась война - и его стихи снова появились в центральных изданиях. В ноябре 1941 г. он писал: "Пусть приняла борьба опасный поворот, // Пусть немцы тешатся фашисткою химерой, // Мы отразим врагов. Я верю в свой народ // Несокрушимою тысячелетней верой".

9 июля 1941 года "Красная Звезда" сообщила о героическом поединке командира 45-мм пушки сержанта Ивана Панфилёнка с немецкими танками. 25 июня 1941 года - в день своего двадцатилетия - он в районе города Луцка подбил 11 немецких танков, а всего его орудие уничтожило 17 танков. Три других орудия из его батареи, вставшие на пути трех танковых дивизий врага, подбили 30 танков, но были уничтожены вместе с расчетами. Оставшись один, сержант вел огонь около часа. Был тяжело ранен. Продвижение танковых дивизий было задержано на сутки.

В шести километрах от Могилева, по Бобруйскому шоссе, стоит на кургане часовня, у дороги указатель: "мемориальный комплекс "Буйничское поле". Здесь 388-й полк под командованием полковника Кутепова 12 июля 1941 года уничтожил 39 вражеских танков. Это "поле" стало в истории Великой Отечественной войны символом обороны Могилева, которая внесла свою лепту в срыве быстрого прорыва немецких войск к Москве. Могилев держался 23 дня. В областном музее сохраняется записка, найденная через 20 лет после окончания войны в проржавевшем корпусе мины: "Нас осталось в живых три человека - Михаил Фастин из Ленинграда, я с Донбасса и Владимир из Житомира. Прощайте, товарищи! Умираем, но не сдаем..." Последнее слова не дописано, оборвалось с их жизнью" (Правда. № 70. 2005).

17 июля 1941 года у моста через речку Добрость вблизи деревни Сокольниччи молодой артиллерист Сиротинин Николай Владимирович добровольно вызвался прикрыть отход наших войск. Из замаскированного в кустах орудия он расстрелял идущую на 476-м километре Московско-Варшавского шоссе колонну немецких танков и пехоты. "Его ранило еще в начале боя, и

он вел огонь, истекая кровью. ...В соседнем березовом лесочке немцы рыли 57 могил для убитых в этом поединке с русским артиллеристом" (Литературная газета. 07.01. 1960). Офицер 4-й танковой дивизии Ф. Хенфельд отметил в своем дневнике речь немецкого полковника, по приказу которого "четверо офицеров опустили в свежевырытую могилу тело героя": "Полковник перед могилой говорил, что, если бы все солдаты фюрера дрались так, как этот русский, мы завоевали бы весь мир. Три раза стреляли залпами из винтовок".

Диссидент Ж. Медведев, плохо знающий историю России, нашел, что в 1941 году Красная армия действительно героически "обороняла лишь города, которые имели какую-то символическую историческую русскую военную славу: Брест, Одессу, Севастополь, Ленинград и Москву. Киев, Минск, Смоленск, Вильнюс, Рига и многие другие сдавались без боя" (Подмосковье. 18.10. 1997). Он странно разделил города. Наши войска свыше двух месяцев стойко защищали Одессу, но ошибочно думать, что в прошлом на весах исторической значимости она прославилась больше Киева, за который в 1941 году тоже шла жестокая битва. Нельзя понять, почему Смоленск отнесен к городам без "исторической русской военной славы". Как показал И. Стаднюк в романе "Война", Сталин, узнав, что немцы вошли в Смоленск, возмущенно сказал: "Это не город, а памятник! Слава русского воинства! Триста с лишним лет назад поляки два года не могли взять Смоленск! Наполеон обломал о него зубы! А красный маршал Тимошенко позволил врагу взять Смоленск...".

Ж. Медведев ошибочно заявил, что Смоленск сдали врагу без боя. За обладание этим городом два месяца шло сражение, в ходе которого "войска Красной Армии, жители города и его окрестностей проявляли величайшую стойкость. Ожесточенная борьба шла за каждый дом и улицу, за каждый населенный пункт" (Г. Жуков). 2 июля 1941 года К. Симонов, проехав через Смоленск, отметил: "В тот вечер я почти не увидел в Смоленске разбитых бомбами зданий. Но несколько центральных кварталов было выжжено почти целиком. И вообще город был на четверть сожжен. Очевидно, немцы бомбили здесь главным образом зажигалками" (Т.8.С.59). 10 июля германские войска подошли к городу, началось Смоленское сражение, которое длилось два месяца и закончилось 10 сентября.

Задержка немецкого наступления в районе Смоленска стала важным стратегическим успехом нашей армии. Большую роль в этом сыграла 16-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин. Он родился 18 ноября 1892 г. в деревне Полтухино Калининской области Погорелов-Городищенского района Ашурского сельсовета (ныне Зубцовского района Тверской области) в семье крестьянина. Из его автобиографии: "Семья отца состояла из десяти человек. Семь человек детей. В хозяйстве было три десятины земли, одна лошадь, одна

корова, одна свинья и несколько штук овец. Своего хлеба не хватало, а потому отец на лето, а иногда и на зиму уходил на заработки - торговать мороженым и яблоками с тележки в Царское Село (ныне г. Пушкин)". Самому Михаилу пришлось начать трудовую деятельность в 14 лет. Окончив училище Министерства народного образования в деревне, он поступил в городе Торжке в учительскую семинарию, однако большие материальные затруднения вынудили его уйти с первого курса и уехать в Питер.

Там он работал "трактирным мальчиком", официантом в ресторане, продавал мороженое в Царском Селе. Жизнь в крестьянской семье, где Михаил Федорович с ранних лет приучался к труду, и последующие нелегкие трудовые "университеты" в Питере способствовали закалке его стойкого характера, умеющего преодолевать жизненные невзгоды. В 1913 г. его призвали в царскую армию, в 1916 г. он окончил 5-ую московскую школу прапорщиков, стал офицером (поручиком), командовал ротой, на фронте воевал до ноября 1917 г., был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, орденом Святой Анны 4-й степени, орденом Святого Станислава 3-й степени.

В 1918 году М. Лукин пошел добровольно в Красную армию, В том же году окончил курсы разведчиков при Полевом штабе РККА. Он вступил в ряды ВКП(б) в 1919 году. Во время гражданской войны М. Лукин был помощником начальника штаба дивизии, командиром полка и бригады, затем начальником штаба дивизии. За умелое командование и мужество его наградили двумя орденами Красного Знамени.

Продолжая служить в Красной Армии, он окончил в 1926 году курсы усовершенствования начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе. До 1929 г. Лукин - начальник штаба, затем помощник командира дивизии, начальник отдела штаба Управления РККА. С декабря 1928 года по апрель 1935-го Лукин командовал Харьковской ордена Ленина 23-й стрелковой дивизией, в 1935-1937 гг. был комендантом Москвы. От этой должности его отстранили в июле 1937 года. Ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку "за притупление классово-бдительности и личную связь с врагами народа". Понятно, что комендант Москвы в силу своих служебных обязанностей не мог не общаться и с теми военными деятелями, которые, как выяснилось позже, оказались участниками заговора.

В декабре 1937 г. М. Лукина направили работать заместителем начальника штаба Сибирского военного округа, затем он стал начальником штаба, а с 1939 г. заместителем командующего войсками Сибирского военного округа. 4 июня 1940 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенант. В Забайкалье по поручению командования он в 1940 г. сумел быстро сформировать, хорошо обучить, сплотить 16-ю армию.

В мае 1941 г. в связи с нарастающей угрозой германского нападения был получен приказ о переброске 16-й армии на запад, в Киевский особый округ, в район Шепетовки. Начало войны Лукина застало в Киеве, куда он приехал, чтобы встретить подчиненные ему части, в эшелонах ехавшие в сторону фронта. Прибыв раньше своей армии на Юго-Западный фронт, он воевал сперва под Шепетовкой, где находились главные склады боеприпасов фронта. Он по своей инициативе стал там командовать наспех собранными частями. Основа их - 109-я мотострелковая дивизия и 114 танковый полк. В книге "Так начиналась война" маршал И. Баграмян отметил: "Группа Лукина приняла на себя весь удар фашистских танковых и моторизованных войск, прорвавшихся на Острогско-Шепетовском направлении, и остановила их". Он удивлялся и восхищался тем, что она со своими скромными силами целую неделю удерживала натиск фашистской лавины. Жуков писал в 1969 г.: "Семь дней Лукин сдерживал превосходящие силы врага. Между прочим, в сводках того времени сражавшиеся под Шепетовкой наши части именовались "Оперативной группой генерала Лукина". ...Выиграть тогда у врага семь дорогих суток - это, конечно, было подвигом".

Сложившаяся обстановка заставила наше высшее командование перенаправить эшелоны с 16-й армией на смоленско-московское направление, где Красная Армия потерпела наиболее жестокие поражения. На Западный фронт отозвали и Лукина. 8 июля 1941 года он прибыл в Смоленск и возглавил его оборону. Он здесь снова принял под свое командование 16-ю армию, которая развернулась северо-западнее Смоленска и в труднейшей обстановке вместе с 20-й армией сумела остановить продвижение вражеских войск.

Но вскоре обстановка на фронте резко изменилась. Немцы захватили Витебск, вышли к Днепру, Западной Двине, заняли Велиж, Демидов, Рудню, высадили крупные десанты под Духовщиной и Ярцевом. Части 16-й армии, развернутые северо-западнее Смоленска, стойко противостояли там продвижению противника. Однако город оставался незащищенным с юга и юго-запада. Немецким войскам удалось в обход Смоленска нанести мощный удар, захватить Кричев, Починок, Ельню, Глинку, перерезать железные дороги, идущие на Рославль, Сухиничи. Вместе с тем с ходу завладеть Смоленском немцы не смогли, им не хватило сил, чтобы сломить сопротивление наших войск. Настойчивые попытки врага рассеять силы Западного фронта не увенчались успехом. Мужество, самоотверженность, стойкость советских воинов сорвали замысел фашистского командования.

Для обороны Смоленска генерал-лейтенант М. Лукин вместе с городскими органами власти спешно мобилизовал части местного гарнизона, смоленских ополченцев, сводный отряд из работников НКВД, батальон курсантов межобластной школы милиции. М. Лукин доложил

маршалу С. Тимошенко: "129 с. д., составленная из сформированных отрядов, отступивших с фронта, и отдельных подразделений других дивизий сейчас стала одной из наиболее устойчивых дивизий".

Войска 16-й и 20-й армий в июле 1941 г., героически сражавшиеся на подступах и в самом Смоленске с германскими войсками, попали в оперативное окружение северо-западнее города, но продолжали стойкое сопротивление. Все же 16 июля немцы, имея большое превосходство в силах, почти полностью захватили Смоленск, но развить этот успех не смогли. Сочетая упорную оборону с решительными контрударами, наши войска остановили наступление рвавшейся к Москве мощной военной группировки противника "Центр" и в жесточайших боях сдерживали ее более двух месяцев, не дали ей возможности продолжить немедленное наступление на нашу столицу.

8 июля германские генералы Браухич и Гальдер доложили Гитлеру, что из 164 русских стрелковых соединений 89 уничтожены и только 46 боеспособны, а вот 23 июля Гитлер заявил Браухичу, что "в условиях упорного сопротивления противника и решительности его руководства от операций с постановкой отдельных целей следует отказаться до тех пор, пока противник располагает достаточными силами для контрудара". По словам К. Симонова, "между двумя этими цитатами, датированными одна восьмым, другая двадцать третьим июля, как раз и лежит первый этап ожесточенного Смоленского сражения, ход и итоги которого породили первые разногласия в германском верховном командовании" (Т. 8. С. 149).

Смоленское сражение включало в себя серию ожесточенных операций. Командование Красной Армии попыталось вернуть Смоленск. 18 июля начальник Генерального штаба отдал директиву "о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. ...однако создать условия для полного разгрома его духовщинской группировки не удалось" (Великая Отечественная война. 1996. Кн. 1). В журнале боевых действий войск Западного фронта за 19 июля, в частности, сказано: "129 дивизия 16-й армии в течение ночи вела бой за Смоленск и к 6 часам утра овладела северо-западной частью города и аэродрома". Н.А. Булганин, член Военного Совета Западного фронта, доложил 20 июля Сталину: "В течение 17-18 июля в результате упорных боев отдельные районы города переходили из рук в руки. К утру 19 июля противник овладел большей частью города. Атакой наши войска 19 июля вновь заняли северо-западную часть города" (Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 70).

Полностью выполнить наступательный план Ставки войска Западного фронта не смогли, у немцев оказалось больше сил, 28 июля Смоленск пришлось оставить. "Известие о потере нами Смоленска было опубликовано только 13 августа. Но следует помнить, что почти весь этот и

последующий период был связан с ожесточенными боями в районе Смоленска, конец которых и немецкие военные историки датируют только пятым- восьмым числами августа. Не только мы, но и немцы называют этот период сражением, подтверждая его важное значение в ходе всей летней кампании 1941 года" (К. Симонов).

Для снабжения, пополнения и отхода войск была единственная переправа через Днепр в районе села Соловьева в 15 километрах южнее Ярцева. В июле-августе военным комендантом Соловьевской переправы был Герой Советского союза полковник А.И. Лизюков, много сделавший, чтобы враг не смог быстро захватить перешеек, через который отходили отрезанные от основных сил части нашей армии. Жестокие бои за Смоленск измотали и ослабили ударные силы группы "Центр", задержали врага на длительное время, что позволило советскому командованию подготовить новый оборонительный рубеж. Однако к концу июля противнику удалось захватить переправы через Днепр восточнее города, и наши сражавшиеся дивизии оказались в окружении.

В начале августа 1941 года 16-я и 20-я армии получили приказ прекратить оборону Смоленска и отойти на восточный берег Днепра. Группа генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, и войска 16-й и 20-й армий согласованным по времени наступлением навстречу друг другу сумели прорвать кольцо окружения, выйти к Соловьевой и Радченской переправам.

3 августа началась труднейшая переправа. Установленные нашими саперами понтоны, по которым проходили люди и техника, постоянно подвергались артиллерийскому обстрелу, в воздухе господствовала немецкая авиация, непрерывно бомбившая эти понтоны, и к середине дня все мосты были уничтожены. Наши войска восстановили их только на следующий день, 4 августа, под покровом густого тумана. Переправившись на восточный берег южнее Ярцева, армии Лукина М. и Курочкина П. соединились с главными силами фронта, заняли линию обороны и удерживали эти позиции до октября. 16 армию объединили с соединениями и частями 20-й армией, которую возглавил М. Лукин.

Разгромить окруженные советские войска в районе Смоленска немцам не удалось. Германский генерал Г. Блюментрит уныло констатировал: "...в районе Смоленска была окружена большая группа русских. ...И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вышли из окружения и ушли на восток" (Совершенно секретно! Только для командования! М. 1967).

Командующий Западным фронтом маршал С. Тимошенко доложил в сентябре 1941 г. в Ставку Верховного Главнокомандования: "Сковывание 20-й и 16-й армий стоило значительных

сил группе армий "Центр", оно не позволило ей развивать успех из района Смоленска в направлении Дорогобуж, Вязьма и в конечном счете оказало решающее значение в воссоздании сплошного фронта советских войск восточнее Смоленска, который на два с лишним месяца остановил противника на Западном направлении". Эти армии отвлекли значительные силы немецких войск от немедленного наступления на Москву.

Задержка наступления врага на московском направлении стала для советских войск, как отмечалось, крупным стратегическим успехом. Эта задержка противника на важнейшем направлении фронта позволила советскому командованию выиграть время для подготовки новых крупных резервов и осуществления оборонительных сооружений под Москвой. А. Василевский в книге "Дело всей жизни" констатировал: "Из оборонительных сражений советских войск, проведенных летом и осенью 1941 года, особое место занимает Смоленское сражение. Наряду с упорным сопротивлением, оказанным врагу в районе Луги и героической борьбой советских войск на Юго-Западном направлении, оно положило начало срыву "молниеносной войны" против Советского Союза, заставило врага вносить коррективы в пресловутый план "Барбаросса". И. Конев писал в воспоминаниях "Начало Московской битвы": "Смоленское сражение яркой страницей вошло в летопись Великой Отечественной войны" (Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 56).

5 августа 1941 года М. Лукина за отличное руководство нашими войсками и личную храбрость наградили орденом Красного Знамени. Василевский 25 декабря 1974 г. отметил: "Говоря о боях под Смоленском, нельзя не вспомнить героическую и трагическую судьбу генерала Михаила Федоровича Лукина. Личность этого неординарного человека представляет большой интерес. Его мысли, его чувства, его судьба позволяют нам лучше понять сложное переплетение российской истории в 20 веке".

Воюя с не запланированным врагом стойким упорством, Красная Армия задерживала его на большинстве участков фронта на день-два больше, чем он рассчитывал. Манштейн в "Утерянных победах" признал: дивизия "Мертвая голова" в июле в районе Себежа-Опочки "несла колоссальные потери... и после девяти дней три полка пришлось сводить в два". 5.08.1941 г. генерал артиллерии Бранд доложил: "Деятельность артиллерии противника усилилась. Управление огнем улучшилось. Наши войска в один голос требуют увеличить эффективность борьбы с артиллерией противника" (Гальдер. Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 243). Гальдер писал 3.08: "Великие Луки. Провал наступления объясняется тем, что 251-я и, по-видимому, 253-я пехотные дивизии оказались не готовыми к выполнению такой задачи. О наступлении на этом участке больше не может быть и речи. Мы вынуждены перейти здесь к обороне. ...Задача выхода к

Торопцу должна быть снята" (Т. 3. Кн. 1. С. 232). 5.08: "Фюрер заявил..., что нынешнее развитие обстановки приведет, как и в прошлую мировую войну, к стабилизации фронтов". 11.08: "То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. ...В сражение брошены наши последние силы".

Немецкий генерал К. Типпельскирх, участник фашистского похода на восток, в своей "Истории Второй мировой войны" высоко оценил стойкость советских воинов: "Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению".

В начале войны из-за просчетов Сталина и высшего командования, из-за плохой выучки бойцов и офицеров мы терпели поражения, несли огромные потери, но вместе с тем наши солдаты мужественно сражались - иначе мы бы не победили. Участник боев 1941 года писатель И. Стаднюк "с полной убежденностью" утверждал, что "в тяжких неравных боях 1941-1942 годов Красная Армия заложила фундамент победы 1945 года" (Литературная газета. 06.05. 1987). Маршал И. Баграмян говорил о первых месяцах 1941 года, что "это время было и самым героическим в ходе всей Великой Отечественной войны" (Куманев Г. Рядом со Сталиным. С. 320).

Эти мысли подтверждают признания немецких политиков и военачальников. Геббельс писал 1 июля 1941 г.: "Русские обороняются отчаянно. ...оказывают более сильное сопротивление, чем предполагалось сначала". 2 июля: "Сопротивление врага носит жестокий, отчаянный характер... Повсюду идут тяжелые, ожесточенные бои. Красный режим мобилизовал народ. К этому еще надо прибавить баснословное упрямство русских" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 40). 4 июля: "Однако русские сражаются очень упорно и ожесточенно". Гальдер 26 июня записал: "Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека". 4 июля: "Бои с русскими носят исключительно упорный характер". 11 июля: "Противник сражается ожесточенно и фанатически". 15 июля: "Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением".

В первый день войны мы потеряли около 1200 самолётов. Советские лётчики в этот день сбили более 200 немецких самолетов, совершили 16 таранов. Рано утром 22 июня 1941 года, через 25 минут после начала войны, лейтенант Иван Иванов таранил "Хейнкель - 111" близ города Дубно. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. 22 июня 1941 го-

да лейтенант Петр Рябцев таранил над Брестом "Ме -109", сам благополучно приземлился на парашюте. Он погиб 31 июля 1941 года. По два тарана совершили 25 летчиков. Герой Советского Союза А. Хлобыстов - трижды. Л. Жукова в книге "Выбираю таран" отметила, что 62 сокола воздушным тараном сбросили с неба самолеты со свастикой. ...233 таранщика благополучно приземлились на своих машинах, 176 - с парашютом. 11 - пропали без вести. 216 героев погибли, огненный наземный таран самолета "на скопление живой силы или боевой техники врага совершило 503 летчика. В первый день войны, за три дня до Николая Гастелло - Петр Чиркин. Более 10 героев чудом остались живы".

В сборнике А. Коваленко "Вершины мужества" трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб объяснил не понимающим мотива огненного тарана и считающим его "случайным падением на вражеские позиции": "12 октября 1943 года меня подбили над территорией, занятой врагом. Нет, думаю, живым не сдамся. Умирать, так с музыкой! Выбрал самое большое скопление немцев и направил туда горящий самолет. Да. Решил повторить подвиг Гастелло. Но, к счастью, набегавшим потоком воздуха пламя было сбито..". Музей школы № 3 имени Николая Гастелло в подмосковном поселке Хлебниково (г. Долгопрудный) разыскал одного из оставшихся в живых огненного таранщика - Сергея Колыбина. Он объяснил свой поступок просто: "Понял, что жребий мой таков - погибнуть. В плен - не хочу! Направил горящий самолет в самый центр вражеской переправы через Днепр. Пусть улетающие товарищи в полку и моим родным расскажут, как я погиб..." Но воздушным потоком его выбросило, герой остался живым. ...летчика наградили за подвиг орденом Ленина. ...Б. Ковзан четырежды победно ходил на таран, при последнем потерял глаз, но, даже получив увечье, продолжил воевать и сбивать врага в небе".

"Советские летчики игнорировали чувство самосохранения", - констатировал генерал люфтваффе В. Швабедиссен в книге "Сталинские соколы. Анализ действий советской авиации 1941-45 гг." Он сделал верный вывод: "Русские ВВС своей упорной решительностью и гигантскими жертвами (вспомним их тараны!) смогли предотвратить свое полное уничтожение и заложить предпосылки своего будущего возрождения".

В ночь на 8 августа 1941 года 12 наших бомбардировщиков ДБ-3, поднявшись с острова Сааремаа, прилетели к Берлину, обрушили на него бомбы и возвратились на базу. Немцы объявили, что их бомбили англичане, но те с насмешкой сообщили, что их самолеты в эту ночь отдыхали. До 4 сентября советская авиация свыше десяти раз бомбила Берлин, сбросив на него 311 тонн бомб.

В изданной в ФРГ книге "Мировая война 1939-1945 годов" (1957) сказано: "Потери немецкой авиации не были такими незначительными, как думали некоторые. За первые 14 дней боев было потеряно самолётов даже больше, чем в любой из последующих таких же отрезков времени. С 22 июня по 5 июля немецкие ВВС потеряли 807 самолётов всех типов, а за период с 6 по 19 июля - 477". По советским данным, с 22 июня по 10 июля были сбиты в воздушных боях 752 самолета врага и 348 уничтожены на аэродромах, всего - 1100. По германским данным, за первый неполный месяц боев немцы потеряли почти 1300 машин, а потери с начала войны по 31 декабря 1941 года составили 3827 самолетов.

22 июля 1941 года немецкая авиация начала ночные налеты на Москву, продолжавшиеся до ноября. В секретном донесении УНКВД от 23 июля 1941 года сообщалось: "В результате налета... в г. Москве и области... от бомб возник 1141 пожар, значительная часть которых своевременно ликвидирована". На подступах к столице и в боях над ней было сбито 278 самолётов.

К 1 декабря 1941 года число самолётов у немцев на Восточном фронте сократилось с 4980 машин до 2830. Такое положение было и в танковых частях. В "Приложении" к воспоминаниям генерала Н. Попеля "В тяжкую пору" В. Гончаров пишет: "Самым тяжелым для немцев были катастрофические потери танков... С июня по ноябрь 1941 года вермахт безвозвратно потерял 2326 танков (что больше трети всего парка) и около 800 бронемашин".

План "Барбаросса" провалился прежде всего потому, что фашистская армия встретила "массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа" (Г. Жуков).

Черчилль так оценил героическую борьбу народов СССР против фашизма: "...когда 22 июня 1941 года пробил час их испытаний, они оказались гораздо сильнее, чем воображал Гитлер. ...Сила Советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии".

Американец Ширер пришел к знаменательному выводу: "...нельзя не подчеркнуть одно обстоятельство: сколь ужасной ни была русская зима и сколь ни бесспорно, что советские войска оказались лучше подготовлены к ней, чем немцы, фактором, определившим исход сражения, явилась не погода, а ожесточенное сопротивление советских войск, их неукротимая воля не сдаваться. Это подтверждается дневниковыми записями Гальдера и донесениями командующих с фронтов, в которых постоянно находит отражение изумление перед решимостью и ожесточенностью русских атак и контратак и отчаяние по поводу немецких неудач и понесенных потерь. Нацистские генералы не могли понять, почему русские, несмотря на откровенно

тиранический режим и катастрофические последствия первых немецких ударов, выстояли, не потерпели полного краха, подобно французам и многим другим народам и государствам, которые разваливались от ударов менее мощных".

К. Симонов в романе "Живые и мертвые" писал о тысячах советских людей, в тысячах "мест сражавшихся насмерть" с поразившим немцев упорством: "Они не знали и не могли знать, что генералы еще победоносно наступавшей на Москву, Ленинград и Киев германской армии через пятнадцать лет назовут этот июль сорок первого года месяцем обманутых ожиданий, успехов, не ставших победой". Г. Жуков имел полное право отметить: **неожиданная для врага сила сопротивления советских войск не позволила ему добиться основной цели плана "Барбаросса" - "окружить и уничтожить в скоротечной кампании главные силы Красной Армии западнее Днепра, не дав им отойти в глубь страны"** (Т. 2. С. 140). Гальдер признал, что это "вызвало известный упадок духа" у германской военной верхушки, особенно ярко выразившийся "в совершенно подавленном настроении главкома" (Т. 3. С. 165).

Глава 20. Битва за Ленинград

Фельдмаршал фон Рундштедт планировал: "Прежде всего сильная группа армий "Север" должна захватить Ленинград. Это даст нам возможность соединиться с финнами, уничтожить красный Балтийский флот и усилить свое влияние в скандинавских странах". 6 августа 1941 года Гальдер зафиксировал указание Гитлера: "Вначале должен быть захвачен Ленинград". 8 сентября немцы прорвались к Ладожскому озеру, заняли Шлиссельбург, сухопутные коммуникации Ленинграда были перерезаны, он оказался в блокаде. Нависла реальная угроза захвата его вражескими войсками. Германская группа "Север" превосходила советские войска, оборонявшие Ленинград, по пехоте в 2,4 раза, по орудиям в 4 раза, по самолетам почти в 10 раз. Она блокировала город, но не смогла взять его и выполнить приказ высшего немецкого командования: соединиться с финскими войсками.

С 29 июня 1941 года до начала блокады - 27 августа - было эвакуировано из Ленинграда более 311000 детей, по железной дороге было отправлено 164320 рабочих и служащих с семьями, выезжавших с предприятиями, 104692 рабочих и служащих с семьями временно нетрудоспособных, 219690 женщин, имевших двух и более детей, 1475000 беженцев. До выхода врага к Шлиссельбургу более 700000 жителей Ленинграда были отправлены вглубь страны.

В блокаде оказалось 2484500 человек. Первые перевозки по Ладожскому озеру начались ещё до захвата немцами Шлиссельбурга, 12 сентября в порт Осиновец прибыли две баржи с 800 тоннами зёрна. За первые 30 дней навигации в порт Осиновец было доставлено 9800 тонн про-

довольствия. А город расходовал 1100 тонн муки в день. С 13 ноября рабочие стали получать по 300 граммов хлеба, а остальное население - по 150 граммов в день. В городе свирепствовал ужасный голод.

8 ноября 1941 года Гитлер провозгласил, что Ленинград сам подымет руки: "Он падет рано или поздно. Никто не освободит его, никто не сумеет пройти через созданные линии обороны. Ленинграду придется умереть голодной смертью". 7-8 сентября 2007 г. в Петербурге состоялась конференция "Ленинградская блокада: спорное и бесспорное". В ней участвовали историки и архивисты из России, Белоруссии, Великобритании, Дании, США и Финляндии. По словам историка В. Ковальчука, "в ходе боев на подступах к городу и в результате собственно блокады общие потери среди военных и населения Ленинграда составили от полутора до двух миллионов человек. Это число включает, по уточненным данным, не менее 750 тысяч горожан, умерших от голода в течение блокадной зимы 1941/42 г. Масштаб трагедии, случившейся с одним из крупнейших городов Европы привел к тому, что голод как средство ведения войны был осужден и запрещен в международном плане" (Литературная газета. № 38-39. 2007).

Очень много погибло там наших людей, но Ленинград выстоял. Великий подвиг совершили жители этого города, в том числе и священнослужители. Среди них был и Ленинградский митрополит Алексей 1, которому предлагали уехать из осажденного города, но он остался в нем, пробыв вместе с блокадниками все 900 дней. 26 июля 1941 года свое послание "Церковь зовет к защите Родины" он закончил словами: "Война - священное дело для тех, кто предпринимает её по необходимости в защиту правды... Поэтому-то церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества". 29 марта 1942 г. накануне Пасхи Алексей подчеркнул в обращении к своей пастве: "И само воинство сильно не одной численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ".

В конце 1941 года была создана через замерзающее Ладожское озеро военно-промышленная дорога, получившая название "Дорога жизни". По ней под вражескими обстрелами и бомбежками шли автомашины с продовольствием для осажденного города. Из Ленинграда по этой дороге было эвакуировано свыше 1200000 человек, всего - 1750000.

В мировой истории только три города - Карфаген, Троя и Ленинград - испытали длительную осаду, но только русский советский Ленинград победил. В сборнике "Ленинград в дни блокады" А. Фадеев поведал о судьбе женщины, у которой умер муж, сын был на фронте, она жила в голодном Ленинграде с двумя малышами и, работая на заводе, на станке обтачивала мины. Он восклицал: "Женщины Ленинграда! Найдутся ли когда-нибудь слова, способные передать все

величие твоего труда, твою преданность Родине, городу, армии, труду, семье, твою безмерную отвагу?".

В блокадном Ленинграде издали роман Н. Островского "Как закалялась сталь". Теме защиты и жизни Ленинграда в то трагическое время посвящены повести и романы "Это было в Ленинграде" и "Блокада" А. Чаковского, "В осаде" В. Кетлинской, "Балтийское небо" Н. Чуковского, его рассказ "Девочка Жизнь". Н. Тихонов, живя во время блокады в Ленинграде, написал ряд статей и цикл очерков, собранных в книгах "Ленинград принимает бой" и "Ленинградский год" (1943). В романтической поэме "Киров с нами" (1941) он правдиво и выразительно показал, как в осажденном Ленинграде люди самоотверженно роют рвы, как идут танки на фронт, формируется народное ополчение, как в невыносимо тяжелых условиях ленинградцы ведут непримиримую борьбу с жестоким врагом, они едины в своем непреклонном желании отстоять свой город. Поэма лирическая, в ней нет объективированных характеров. Личность автора объединяет в единое целое художественную ткань поэмы. А. Толстой писал, что стих поэмы "почти хрестоматийно ясен", что она - "это песня сквозь стиснутые зубы". В ней ощутим принцип балладного построения.

В 1942 году О. Берггольц опубликовала "Февральский дневник" и "Ленинградскую поэму", в центре которых - не обобщенный образ исторических событий, а их бытовые подробности, очень тяжелые блокадные условия жизни ленинградцев. В поэме В. Инбер "Пулковский меридиан" (1941-1943), посвященной ленинградской трагедии, использована форма лирического дневника, в стиле произведения большую роль играют контрасты. Бытовые мелочи переплетаются с большим трагическим планом, разговорные интонации чередуются с торжественным стилем. Автор прославляет стойкость и героизм ленинградцев, их героический труд. Они после прорыва блокады спешат восстановить свой город. Поэма завершается прославлением нашего народа: "И навсегда, отныне и вовек // Да здравствует советский человек!"

Были созданы произведения и с иным настроением. Г. Жуков писал о книге американского исследователя Г. Солсбери "900 дней. Блокада Ленинграда", вышедшей на английском языке в 1969 году, а на русском - в 1973-м: "Автор тщательно отобрал и охотно описал самые мрачные, тяжелые и отрицательные факты и эпизоды. В конечном счете создается впечатление бессмысленности и ненужности жертв, понесенных жителями Ленинграда и войсками Ленинградского фронта ради победы" (Т. 2. С. 185). Такое впечатление о бессмысленности гибели ленинградцев оставляет глава "1942 - Клавдия Шульженко" в двухтомнике "Исторические хроники с Николаем Сванидзе". Искатель антисемитов и фашистов среди русских, Сванидзе плохо знает то, о чем вещает. Жизнь И. Бунина для него - темный лес. Пришел он в редакцию газеты "Трибуна",

внушал там, что Бунин последние годы своей жизни провел в России. Его уличили в невежестве, назвали Митрофанушкой (Литературная газета. № 37. 2004).

Д. Гранина "называют образцом чести, нравственным эталоном эпохи, совестью нации" (Аргументы и факты. 2005. № 9). Либералы возмущались тем, что ему долго не присваивали звания почетного гражданина С-Петербурга. Это было крайне несправедливо. Разве он не заявлял, что Ленинград в 1941-1942 гг. не стоило защищать, не писал, что война, "когда мы вступили в Германию, ...стала грязной", разве его не наградили орденом ФРГ "Офицерский крест", разве мало он чернил советское правительство и командование Красной Армии? Разве он не кричал о "волне коммунофашизма", не склонялся "к мысли, что единая Россия нам больше не нужна"? (Советская Россия. 25.05. 1999). Как сообщили в печати, Гранин люто ненавидит "Сталина за то, что он искорежил всю его жизнь". Но в чем это выразилось? По мысли В. Бушина, "более благополучного, чем Гранин, писателя за последние сто лет в России и не было". Нет, Бушин тут не прав. Разве не унижительно терпеть то, что Радзинскому вручили орден "За заслуги перед Отечеством" второй степени, а затюкканному Гранину - только третьей степени? Есть ли хоть какая-то справедливость? Но все же надо указать, что сейчас он подчас говорит более здраво: "Наша советская жизнь ушла, и безвозвратно. Ушла во многом не от разума. Стыдно, что мы ее перечеркнули и оттолкнули от себя" (Литературная газета. 2004. № 46-47). В этом постыдном перечеркивании он сам активно участвовал.

А. Михайлов отметил в 1991 году: "С удивлением наблюдаешь, ...как один и тот же писатель приветствует избрание на руководящий пост Б. Гидаспова, через некоторое время печатно объясняется в верноподданнических чувствах М. Горбачеву и, не успев износить пару башмаков, оказывается советником Б. Ельцина. Солидно ли для писателя в семьдесят лет выглядеть такой ветреной барышней?" Это сказано о Гранине. После расстрела Белого Дома в "Известиях" от 5 октября 1993 года в своем обращении группа писателей призывала правительство закрыть оппозиционные газеты и общественные партии. Среди них был Д. Гранин.

Сванидзе на телеканале "Россия" беседовал с Граниним о шестидесятилетии снятия блокады Ленинграда. Больше всего их интересовал не великий подвиг ленинградцев, не его значение для нашей победы, а "преступления" советских государственных и военных руководителей, допустивших окружение города, смерть многих сотен тысяч людей от голода. 23 июня 2010 года, говоря в Гайдпарке об этой гибели людей, он снова утверждал: "Да, это гитлеровское преступление, но это и сталинское преступление то, что людей оставили помирать с голода"

Д. Гранин, В. Астафьев и Д. Лихачев, бывший идеолог ЦК КПСС А. Н. Яковлев, историк А. Мерцалов заявляли, что Ленинград не было смысла защищать. А что ожидало его, если бы

он был захвачен врагом? В директиве начальника штаба военно-морских сил Германии от 22 сентября 1941 года говорится: "Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. ...Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей" (Нюрнбергский процесс... Т. 7. С. 625). Жители Ленинграда были бы обречены на полное уничтожение.

Это был не просто самый большой после Москвы город в СССР, крупный промышленный центр, а **важнейший стратегический объект**, от его судьбы зависело положение Кронштадта, единственной тогда базы советского Балтийского флота. Если бы он был сдан, то соединились бы немецкие и финские войска, еще больше ухудшилась бы связь между Мурманском и остальной нашей страной. Падение Ленинграда обеспечило бы немецким войскам благоприятные условия для взятия Москвы, дало бы Германии большие военно-стратегические, политические и экономические преимущества, что привело бы к нашим дополнительным огромным потерям. В 1994 году в Нормандии на торжествах, посвященных 50-летию открытия второго фронта, президент Франции Ф. Миттеран сказал: "Не было бы защиты Ленинграда, сапог немецких солдат до сих пор бы топтал Францию" (Советская Россия . 15.02. 2007).

Гитлеровское командование всеми силами пыталось как можно быстрее захватить Ленинград. Если бы немцы сумели там добиться решающего успеха, то смогли бы быстро перебросить многие свои соединения для наступления на Москву. Это подняло бы дух немецкой армии и союзников Германии, укрепило бы их веру в скорый разгром Советского Союза. 10 сентября командовать Ленинградским фронтом стал Жуков, который внес большой вклад в успешную оборону Ленинграда, выполнив там важную военно-политическую задачу, имевшую серьезные последствия для дальнейшего хода войны. Героизм советских людей сорвал планы врага. После переброски ряда немецких частей для наступления на Москву "25 сентября штаб группы армий "Север" сообщил в главное командование сухопутных войск, что с оставшимися в его распоряжении силами он не в состоянии продолжать наступление на Ленинград" (Г. Гудериан).

Бомбежками с воздуха и артобстрелами города гитлеровцы стремились подавить волю его защитников. Пленный 240-го арtpолка Ловно Рудольф сказал об "основной задаче обстрела": "уничтожение жителей города, разрушение заводских объектов и важнейших зданий, а также моральное подавление ленинградцев" (Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 594). Трудящиеся Ленинграда и в этих крайне жестоких условиях сумели с июля и до конца 1941 г. изготовить 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч минометов, свыше 3 миллионов снарядов и бомб. Г. Жуков отметил: "Примечательно, что значительная часть изготовленной в Ленинграде важной оборонной продукции в

октябре-декабре 1941 года отправлялась самолетами нашим войскам, оборонявшим Москву. Только в последнем квартале 1941 года... ленинградцы отправили героям обороны столицы нашей Родины более тысячи полковых пушек и минометов" (Т. 2. С. 179).

Немцы не смогли выполнить свой план по соединению с финскими войсками на реке Свирь. Но 8 ноября они сумели захватить Тихвин и перерезать железную дорогу, связывавшую Ленинград и оборонявшие его войска с тылом страны. Положение осаждённого города серьезно осложнилось. Советское командование решило быстрее освободить Тихвин. Немецкое командование ставило своей задачей упорно удерживать его, придавая этому большое значение. Об этом говорилось на совещании у Гитлера 6 декабря 1941 года, отмеченном в дневнике Гальдера. Но сражение под Тихвином закончилось не в пользу немцев. Войска 4-й армии сломили их сопротивление и 9 декабря после ночного боя овладели Тихвином. Однако советский план по деблокированию Ленинграда в спланированной Синявинской операции силами 54-й армии не был выполнен. В то же время наше командование не позволило немцам обойти Ленинград и соединиться с финскими войсками к западу от Ладожского озера. Это сохранило связывавшую Ленинград с Большой землёй "Дорогу жизни".

Полковник Хартвиг Польшман, командир 284-го полка, позже признал: "Конец 1941 г. принёс немецкому командованию серьёзные кризисы и заботы. Наступательный порыв, перебросивший дивизии Волховского фронта далеко за Волхов к Тихвину и к нижнему течению реки почти до самого её впадения в Ладожское оз., исчерпал свою ударную мощь, и они откатились к исходным позициям октября. Напрасны были все потери в людях и технике, напрасен высокий боевой дух солдат. Их силы были истощены до предела, но они остались верны своему командованию. Осталось и сознание того, что противник, располагая далеко превосходящими силами, захватил инициативу". А. Исаев констатировал: "Контрнаступление под Тихвином стало этапным как в дальней, так и в ближней перспективе. Вместе с контрнаступлением под Ростовом оно знаменовало начало перехвата стратегической инициативы Красной армией в зимней кампании 1941-1942 гг.". Штурм Ленинграда был отложен навсегда.

12 января 1943 года началась наша успешная операция "Искра". В результате умело подготовленного мощного наступления на хорошо укрепленные позиции противника советские войска заняли Шлиссельбург и прорвали блокаду Ленинграда. Была восстановлена сухопутная связь со страной, значительно улучшилось снабжение продовольствием жителей города, его защитников на фронте, моряков в Кронштадте, устранена возможность соединения немецких войск с финнами. В январе 1944 года Красная Армия нанесла решительное поражение немец-

ким войскам под Ленинградом, отбросила их до Эстонии и полностью ликвидировала фашистскую блокаду.

Глава 21. Катастрофа в битве за Киев

В "Истории войн" (1997) утверждается, что Гитлер совершил непоправимую ошибку, потребовав в директиве от 21 августа сначала захватить Ленинград, Крым, Донбасс и только после этого наступать на Москву: "Ничто не спасло бы Москву от группы армий "Центр", не упусти Гитлер момент". Гудериан, очень недовольный решением о повороте 2-й танковой группы на юг, писал: "23 августа я был вызван в штаб группы армий „Центр" на совещание, в котором принимал участие начальник Генерального штаба сухопутных войск. Он сообщил нам, что Гитлер решил наступать в первую очередь не на Ленинград и не на Москву, а на Украину и Крым. Для нас было очевидно, что начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер сам глубоко потрясён тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. Мы долго совещались по вопросу о том, что можно было сделать, чтобы Гитлер все же изменил своё „окончательное решение". Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведёт к зимней кампании со всеми её трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания" (С. 267).

Ширер отметил: в июле 1941 года "в немецком верховном командовании возникли первые крупные разногласия по поводу дальнейшей стратегии, что побудило фюрера вопреки протестам со стороны высшего генералитета принять решение, которое, по мнению Гальдера, явилось "крупнейшей стратегической ошибкой в восточной кампании". ...Высшее командование сухопутных войск, возглавляемое Браухичем и Гальдером и поддерживаемое фон Боком ...и Гудерианом, настаивало на массированном наступлении на советскую столицу. ...Генеральный штаб выдвигал идею, согласно которой целью операции должно быть нанесение поражения военной мощи противника, поэтому считал следующей наиболее неотложной задачей разгром войск Тимошенко путем сосредоточения всех наличных сил в группе армий "Центр" для наступления на Москву, захвата этого центра управления вражеским сопротивлением и уничтожения новых соединений врага. ...Гитлер не отводил голодных глаз от продовольственного пояса и промышленных районов Украины и нефтеносных районов на Кавказе. Кроме того, он считал, что представилась счастливая возможность поймать в западной армии Буденного, дислоцированные к востоку от Днепра, за Киевом... Он хотел также овладеть Ленинградом и соединиться с финнами на севере. Для осуществления этих целей несколько пехотных и танковых дивизий необходимо было взять из группы армий "Центр" и перебросить на север и в группу армий "Юг".

21 августа Гитлер утвердил директиву, в которой подчеркивалось, что "важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. ...Только тогда будут созданы условия для наступления на армии Тимошенко и их успешного разгрома". Это позволяет утверждать, что в результате жестоких двухмесячных боёв с Красной армией немецкое командование вынуждено было изменить стратегию "Барбароссы", перенесло центр тяжести главных операций с московского направления на фланги советско-германского фронта. Немецким войскам, несмотря на все их усилия, не удалось захватить Ленинград. Большого успеха они добились в боях на Украине.

М. Кирпонос, командуя 70-й стрелковой дивизией, в начале 1940 года отличился в боях с финнами. В феврале 1941 года он возглавил Киевский особый военный округ. Жуков писал, что "это был очень опытный общевойсковой командир. ...жизненный опыт, трудолюбие и природная сметка гарантировали, что из Михаила Петровича выработается первоклассный командующий войсками". В первой половине июля наметилась угроза окружения 12, 26 и 6-й армий Юго-Западного фронта. Командуя этим фронтом, генерал-полковник Кирпонос предпринял энергичные контрудары на Бердичев и со стороны Коростеньского укрепленного района, что заставило группу немецких армий "Юг" приостановить свое наступление в районе Житомира. Это дало возможность вывести из-под угрозы окружения главные силы 6-й и 12-й армий.

Советские войска, ведя ожесточенные бои с врагом на киевском направлении, более месяца сдерживали германскую группу армии "Центр". Этот выигрыш во времени был важен для нашей подготовки к защите Москвы. Гудериан скептически оценил результаты сражения за Киев, считая, что они "несомненно, означали собой крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех также и крупное стратегическое значение, остается под сомнением (С. 306). Немецкие генералы Бутлар, Гальдер, Меллентин назвали сражение под Киевом "стратегической ошибкой", из-за него "немцы потеряли несколько недель для подготовки и проведения наступления на Москву, что, по-видимому, немало способствовало его провалу" (Мировая война. 1939-1945. М. 1957. С. 172).

Но в этом сражении германские войска, сокрушив киевскую оборону, окружили и разбили группу наших армий в районе Днепра: "665 тыс. советских воинов сдались в плен. Юго-Западная группа Буденного казалась полностью разгромленной". Немцы привычно преувеличили здесь число взятых в плен советских солдат. В книге "Гриф секретности снят" наши безвозвратные потери в Киевской оборонительной операции исчисляются в 616300 человек. В "Истории Великой Отечественной войны" говорится: "Перед началом Киевской операции в составе

Юго-Западного фронта насчитывалось 677085 человек. К концу операции ...насчитывалось 150541 человек... число пленных не превышало одной трети первоначального состава войск, попавших в окружение" (Т. 2. С. 111). По утверждению А. Исаева, личный состав, попавший в окружение, исчислялся в 452720 человек, вышло из окружения около 21000 человек. Враг одержал там крупную победу. Типпельскирх в "Истории второй мировой войны" заявил: "Величина успеха говорила за то, что Гитлер был прав".

Сталин категорически требовал удерживать до последней возможности фронт обороны западнее Днепра. Как писал Василевский, "при одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание". 8 августа Кирпонос заверил его: "Все наши мысли и стремления, как мои, так и Военного совета, направлены к тому, чтобы Киев противнику не отдать". Войска под его руководством героически защищали Киев, наносили сильные удары по немецким соединениям. Начальник штаба германского верховного главнокомандования фельдмаршал Кейтель констатировал 11 августа: "У Киева войска группы армий несут большие потери. Здесь их придется несколько отвести назад".

Генерал-майор А. Сергеев, воспитывающийся в пору детства и юности в семье Сталина, рассудил: "...говорят, что Жуков поспорил со Сталиным относительно Киева. Жуков - генерал. Задача генерала - выиграть сражение. Локальное киевское сражение было безнадёжным. А Сталин - политик. Его задача - выиграть войну. Украина - значительная часть Советского Союза. Нужно было показать, что защищать будут насмерть. Здесь Сталин был абсолютно прав. Да, там были большие потери. Но есть стратегия политическая и военная. Политическая может главенствовать. Там был не спор. Жукову поручено определённое направление - он отстаивал своё. А Сталину нужно выигрывать войну. И оба правы. Жуков как генерал. А Сталин как политик" (Завтра. 09.05. 2007). Противоречия между политическими интересами и военными существуют объективно, они были в отношениях между Гитлером и его генералами, были свойственны политической верхушке США и Англии и их военному руководству.

Вместе с тем во время Великой Отечественной войны политические и военные интересы у нас были очень тесно взаимосвязаны. Политические решения влияли на ход и характер боевых действий армии, и в то же время результаты крупных военных операций сказывались на решении политических проблем. В катастрофе в районе Днепра трудно отрицать вину Сталина и Ставки. Сергеев не согласен с упреком Жукова в адрес Сталина "за отказ отвести наши войска за Киев, чтобы избежать их окружения. Но такой поспешный отвод мог обернуться еще более негативными осложнениями. ...Надо было держаться любой ценой, срывать быстрое продвижение врага, собирать силы, подтягивать резервы" (Правда. № 142. 2006).

Однако Жуков, предлагая 29 июля отвести войска на левый берег Днепра, говорил не о поспешном, а о хорошо подготовленном отходе. Если бы это сделали умело и своевременно, Юго-Западный фронт избежал бы сокрушительного разгрома. И это отнюдь не мешало, наоборот, помогало бы собирать силы и подтягивать резервы. Тогда Жуков считал нужным укрепить "Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. ...За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить не менее пяти усиленных дивизий". Разумное предложение генерала Жукова оставить Киев вызвало гнев политика Сталина, который не смог правильно оценить отрицательных последствий для нашей армии и всей страны его приказа ни в коем случае не отдавать врагу Киев. Он отстранил Жукова от должности начальника Генштаба.

Не все верно, как мне представляется, в заключении А. Исаева: "Приказы удерживать Киев связаны только с одним - стремлением удержать пехотные дивизии 6-й армии на Днепре. Когда Киев был оставлен, эти пехотные дивизии сравнительно быстро переправились на восточный берег реки и приняли активное участие в рассеении и уничтожении остатков 37-й армии". Необходимо все-таки учитывать то, что наша армия оставляла Киев в большой спешке, без должной подготовки, когда весь Юго-Западный фронт оказался в крайне неблагоприятной ситуации.

Кирпонос в труднейшей обстановке допускал просчеты, но ошибочно считать, что именно только по его вине были окружены войска Юго-Западного фронта. Жуков 19 августа в телеграмме Сталину предложил для предотвращения разгрома немцами Центрального и Юго-Западного фронтов создать ударную группировку в составе "10 стрелковых дивизий, 3-4 кавалерийских дивизий, не менее тысячи танков и 400-500 самолетов". К этому времени 2-я танковая группа Гудериана протаранила оборону Центрального фронта и повернула на юго-восток, там стремительно нарастала опасная угроза окружения Юго-Западного фронта.

Советское командование провело Рославльско-Новозыбковскую наступательную операцию, которая началась 2 сентября, а через два дня она была приостановлена, не добившись успеха. Правда, она оказала некоторое воздействие на обстановку на Юго-Западном фронте. 31 августа Гальдер констатировал: "...наступательная мощь южного крыла войск Гудериана настолько понизилась, что он лишился возможности продолжать наступление".

Однако наступление танковой группы Гудериана, получившей пополнение, продолжалось. Все более явственно нарастала угроза немецкого прорыва на флангах Юго-Западного фронта. В директиве Ставки ВГК от 19 августа 1941 года приказывалось: "5 А начать отход за р. Днепр. Отход совершать ночными переходами с расчётом занятия нового оборонительного рубежа по

р. Днепр и р. Десна к утру 25. 8. 41" (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск. 40. С. 117). Ставка разрешила генералу Кирпоносу организовать оборону по левому берегу Днепра, а на правом берегу удерживать один лишь Киев. Это было сделано, но обстановка очень быстро ухудшалась,

Кирпонос посчитал необходимым немедленно отвести подчиненные ему войска на рубеж реки Псел. 9 сентября перед отбытием в Ленинград Жуков опять советовал Сталину немедленно отвести киевскую группировку на левый берег Днепра. 7 сентября штаб Юго-Западного фронта просил командующего Юго-Западным направлением С. Будённого и начальника Генштаба Красной Армии Б. Шапошникова разрешить отвести 5-й армию за Десну. 8 сентября эта просьба была удовлетворена, и в ночь на 9 сентября войска 5-й армии успели частью сил отойти за реку.

9 сентября 3-я немецкая танковая дивизия прорвалась на юг и 10 сентября захватила Ромны. Неверно то, что "11 сентября Кирпонос отверг предложение Будённого отводить войска на рубеж реки Псел и заверил Сталина, что фронт справится с ситуацией и Киев оставлять нет необходимости" (Ю. Мухин). В ночь на 11 сентября состоялись переговоры командующего войсками Юго-Западного фронта М. Кирпоноса с начальником Генштаба Б. Шапошниковым. Из них выяснилось, что Ставка Главного командования отвергла предложение Кирпоноса "о необходимости скорейшего отхода ... всем фронтом на восток". Шапошников указал, что надо "продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта. ... Необходимо Вам в течение трёх дней ликвидировать передовые части противника у Ромны. Для чего Вы сможете две дивизии с противотанковой артиллерией взять от Черкасской армии и быстро перебросить их на Лохвица навстречу мотомехчастям противника. ... Я отдал приказание Ерёменко всей массой авиации резерва Верховного командования обрушиться на 3-ю и 4-ю танковые дивизии, оперирующие в районе Бахмач - Конотоп - Ромны. Ставка считает, что сейчас ближайшей задачей Военного Совета Юго-Западного фронта будет разгром противника, пытающегося выдвинуться из района Бахмач, Конотоп на юг".

М. Кирпонос: "Создавшееся положение на участке Юго-Западного фронта характеризуется не только выходом сегодня противника в район Ромны - Гайворон, но и взломом обороны в районе Чернигов - Окуниново. 5-я армия ведёт тяжёлые бои в окружении, ... все возможности, которыми мог самостоятельно располагать Военный совет фронта, исчерпаны и оказались недостаточными в условиях сложившейся обстановки. ... взять что-либо ещё от Костенко нельзя, так как он занимает 150-километровый фронт. ... в этих условиях... у нас имеется единственная возможность, откуда мы могли бы ещё взять силы и средства для уничтожения группы против-

ника, стремящейся выйти с направления Козелец на Киев и с направления Бахмач, Конотоп на глубокий тыл фронта, - ею является КИУР". Шапошников: "Вы и так в КиУРе оставляете только четыре дивизии, больше оттуда снимать нельзя. Я считаю, что с правого берега Днепра западнее Остёр можно вывести ещё одну дивизию, 87-ю или 41-ю. Что же касается армии Костенко, то, имея в своём составе 8 стрелковых дивизий за рекой Днепром, смело можно растянуть дивизию на 25-30 километров". Кирпонос: "Если Ставка считает наши предложения не совсем правильными и приказывает выполнить только что данные Вами указания, Военный совет фронта принимает это к исполнению". (Грецов М. Д. На Юго-Западном направлении. С. 222-224).

11 сентября главком Юго-Западного направления маршал С. Будённый сделал представление в Ставку ВГК: "Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж. Начальник Генштаба КА маршал тов. Шапошников от имени Ставки Верховного главнокомандования в ответе на это предложение дал указание вывести из 26-й армии две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач, Конотоп. Одновременно указал, что Ставка Верховного командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным. ...к данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск. ...Если Ставка не имеет возможности сосредоточить такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим. ...Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства безусловно помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению противника" (Сборник боевых документов ВОВ. Вып. № 40. С. 73,74).

11 сентября Сталин сказал Кирпоносу: "... в данной обстановке на восточном берегу предлагаемый Вами отвод войск будет означать окружение наших войск". Он посчитал, что это может "создать катастрофу", и предложил такой выход: "Немедля перегруппировать силы хотя бы за счёт КИУРа и других войск и повести отчаянные атаки на Конотопскую группу противника во взаимодействии с Ерёменко. Немедленно организовать оборонительный рубеж на р. Псел, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и запад и отведя 5-6 дивизий на этот рубеж. После всего этого начать эвакуацию Киева. ...Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки..." (Грецов М. Д. С. С. 226, 227). И тут же он потребовал

"перестать, наконец, заниматься поиском рубежей для отступления, а искать пути сопротивления и только сопротивления". В тот день Василевский сказал Жукову, что "мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр".

12 сентября вместо С. Буденного, выступившего против обороны Киевского плацдарма в условиях реальной угрозы окружения, назначили С. Тимошенко командующим Юго-Западным направлением. Он заверил Верховного, что Киев будет удержан. Утром 12 сентября немецкие войска, в том числе 3 танковые и 2 моторизованные дивизии, начали стремительное наступление с Кременчугского плацдарма. К исходу дня для Юго-Западного фронта создалась угроза обхода с тыла его основных сил.

Вечером 13 сентября начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. Тупиков отправил в Генштаб и главкому Юго-Западного направления оперсводку: "Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами: Прорвавшемуся на Ромны, Лохвица и на Северный Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение идёт без сопротивления. ...Фронт обороны Кузнецова взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне. Армия Потапова также не может стабилизировать фронт. ...37-я армия сопротивляется более устойчиво, но и у неё обстановка нарастает не в её пользу. Войска 21-й армии и 5-й армии, будучи не в состоянии сдержать противника, отходят на стык войск 37-й и 26-й армий. Начало понятной вам катастрофы - дело пары дней" (Русский архив. Великая Отечественная. 1996. Т. 16. (5-1). С. 380).

Генштаб советской армии не смог верно оценить чрезвычайной опасности сложившейся обстановки на Юго-Западном фронте, прислав ошибочную директиву: "Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН. Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. ...Необходимо ...принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21 А) и Потапова (5 А) прекратить отход. 11.9. Шапошников" (Там же. С. 182). Эти указания не могли быть выполнены. Угроза окружения стала суровой реальностью. Штаб Юго-Западного фронта в ночь на 15 сентября из Прилук переместился в район Пирятина. Командование фронта продолжало настаивать на выводе войск из Киевского УРа, послав в 4 утра 15 сентября по радио следующую телеграмму: "Москва, товарищу СТАЛИНУ. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУРа со стороны Козелец, противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9 находился в 40 км от Киева. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков" (Грецов М. Д. С. 236).

Там сложилась катастрофическая обстановка. Ознакомившись с нею, утром 16 сентября после разговора с начальником Генштаба Шапошниковым Тимошенко приказал Баграмяну вылететь к Кирпоносу и передать устный приказ: "оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж". Он подчеркнул: "Основная задача - при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Лубны" (Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 335). Мухин посчитал, что Кирпонос "проигнорировал приказ Тимошенко об отводе армий фронта за Псел, мотивируя этот отказ формальной причиной отсутствия письменного приказа, хотя тылы фронта уже были отведены на этот рубеж". Стоит разобраться в этом.

Во-первых, когда получил Кирпонос этот приказ? Вылетел ли Баграмян 16 сентября на самолёте из Ахтырки в Прилуки с поручением маршала Тимошенко? Сам он писал: "Из-за непогоды мы смогли вылететь лишь на следующий день. Добирались мы очень долго. Дорога была сплошь забита машинами, обозами, передвигавшимися колоннами тыловых частей и учреждений". Получается, что "Баграмян передал приказ 17-го, в лучшем случае, во второй половине дня". Мухин не поверил маршалу, считая, что он "откровенно лжёт, и лжёт, чтобы выгородить генералов РККА", и подкрепил свое обвинение доказательством: "...когда вышло первое издание воспоминаний Баграмяна, откликнулся лётчик, переправивший его через фронт, и Баграмян, не подумавши, соблазнился в последующих изданиях поместить письмо этого живого свидетеля своего подвига. А в лётной книжке этого пилота была сделана запись: "16 сентября 1941 года. Полёт Полтава-Пирятин. Особое задание". Мухин без каких-либо сомнений заключил: "Баграмян доставил Кирпоносу приказ не 17-го вечером, а 16-го в худшем случае во второй половине дня. Баграмян лжёт, на сутки или более затягивая время получения приказа Кирпоноса".

Мухин не подумал о том, что запись лётчик сделал сразу после получения распоряжения, а выполнить его - из-за нелетной погоды - смог только на следующий день, как и указал Баграмян. Не всегда верны записи и документы. Приведу микроскопический пример из своей жизни. Мне прислали справку из Архива военно-медицинских документов в Ленинграде, в которой написано: "Огнев Александр Васильевич, 1925, должность - командир отделения 90 гв. с. п., звание - рядовой. На фронте Великой Отечественной войны получил 15 сентября 1943 г. слепое осколочное ранение легких тканей левой стопы, по поводу чего с 16 сентября 1943 г. находился на излечении в ГЛР 2950, из которого выбыл 2 ноября 1943 г. ..." Здесь невозможное совмещение: одновременно командир и рядовой. В июле 1943 года мне присвоили звание сержанта. Вот

теперь и думаю: не найдется ли некий правдолюб, который, узнав об этой справке, обвинит меня в обмане. Отмечу еще одну неточность в справке: если бы ранение получили только легкие ткани стопы, то я бы не лежал в госпитале свыше полутора месяцев. На самом деле осколки мины повредили кости стопы.

Мухин пишет о Баграмяне: "Почему лжёт? А потому что Кирпонос саботировал исполнение приказа - он не стал трансформировать его в свой приказ армиям Юго-Западного фронта и не стал передавать его войскам сразу же по получении! Кирпонос более суток цинично ждал, пока немцы окружат его армии основательнее".

17 сентября командующий Юго-западным фронтом Кирпонос отдал приказ своим армиям на выход из окружения. Он чуть промедлил (не более полусуток) отдать этот приказ об отходе не потому, что хотел никому не позволить свалить на него "вину за оставление Киева, вот он и требовал письменного указания, чтобы в этом случае бумагой оправдаться". У него возникли и мучительные размышления и сомнения: все ли верно передал Баграмян, не забыл ли он каких-то важных моментов в очень важном устном приказе Тимошенко. Этот приказ очень резко отличался от его последних указаний, который тот властно давал Кирпоносу.

Не стоит оценивать людей с захватских позиций Мухина: "...будь Кирпонос хоть немного порядочным человеком, он бы в этот момент думал не о собственной заднице, а о тех 300 тысячах советских солдат, гибель которых он приближал и приближал". Оставим слова Мухина "Кирпоносу нужно было немедленно оставить Киев, не дожидаясь никаких приказов Сталина" на его обманчивой совести.

Получив 17 сентября приказ, Кирпонос немедленно решил заручиться согласием Ставки. Он сказал Тупикову: "Подготовьте радиogramму в Ставку. Сообщите о распоряжении главкома и запросите, как поступить нам". Несколько часов для отхода наших войск было потеряно. Это можно поставить в вину Кирпоносу, но надо помнить то, что 11 сентября Сталин сказал ему: "Киев не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки". Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиogramма: "Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача - вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева. Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний". Мухин, не объяснив толком мотивов своего суда, решил: "На-

чальнику штаба фронта генералу Тупикову уже только за эту телеграмму нужно было Кирпоноса пристрелить и взять командование на себя".

Разрешение на оставление Киева было дано Ставкой 17 сентября в 23 ч. 40 мин. В ночь на 19 сентября части 37-й армии отошли на восточный берег Днепра. Все ли верно учел А. Исаев, когда писал: "М. Кирпонос проявил в организации прорыва пассивность и фактически отказался от ударов по внутреннему фронту окружения. С. Тимошенко вместо деблокировочных действий предпринял контрудар по Ромнам, замысел которого сложился задолго до окружения войск Юго-Западного фронта и уже не соответствующий обстановке".

Полковник в отставке В. Рязанцев пишет: "...командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос отказался улететь из "котла" в тыл на присланном за ним самолете. Вместо него улетели раненые" (Знамя победы. С. 234). Баграмян сообщает: "Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября". Мухин негодует: "Как это вы "тронулись в путь"?! Кирпонос "забесплатно" уничтожил управление своего фронта, причём для этого ему не потребовалось никакого письменного приказа Сталина, поскольку никакой Сталин или Тимошенко не давали ему приказа "выходить из окружения". Это вопиющий по своей наглости акт измены Родине и воинскому долгу!" Храбрый Мухин пишет о "трусливой подлости Кирпоноса", который "обезглавил фронт, прекратив командовать им".

Да, это вопиющий факт непонимания особенностей войны: приказы командующим армий отданы, пора и штабу фронта уходить, причем выходить именно уже из немецкого окружения. 17 сентября Кирпонос отдал приказ: 21-я армия должна была наносить удар в направлении на Ромны навстречу удару 2-го кавалерийского корпуса, предпринимаемому с востока; 5-й армии, задерживаясь на промежуточных рубежах для обеспечения отхода частей 21-й армии, надо предпринять вспомогательный удар в направлении Лохвица; 37-я армия, выйдя из Киевского УР, должна создать ударную группировку из 2-3 стрелковых дивизий, уходить из окружения в направлении на Яготин, Пирятин за 5-й армией; 26-ю армию обязывали постепенно отводить свои силы с рубежа Днепра, создать ударную силу до двух стрелковых дивизий и действиями её с рубежа р. Оржица в направлении на Лубны прорвать кольцо окружения. Но этот приказ не был выполнен, немецкие войска быстро рассекли войска фронта, им пришлось вырваться из кольца отдельными частями и соединениями.

Баграмян сообщил, что колонна штаба тронулась в путь в 8-9 часов вечера 18 сентября, а "во второй половине ночи", т. е. после 12 часов, они подошли к мосту через Удай. "Вражеская авиация бомбила переправу, потребовалось много труда, чтобы поддержать порядок. Преодолев реку, колонна штаба под прикрытием частей 289-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Мак-

шанова миновала Пирятин и направилась к населённому пункту Чернуха, но перед рассветом была атакована немецкими танками с севера и отсечена от стрелковых подразделений. Пришлось менять направление". Обстановка заставила сделать это. "Фашисты неоднократно пытались сбросить нас в реку, но все их атаки были отбиты. Здесь мы потеряли много машин: часть была разбита снарядами и бомбами, часть мы сами вывели из строя, чтобы сделать колонну более компактной и боеспособной. Утром 19 сентября добрались до села Городище".

Кирпонос и его штабные работники, оценив сложившуюся тогда обстановку на их фронте, решили "пробиваться через Лохвицу". Это решение бичует Мухин, а оно во многом истекало, в частности, и из того, что именно на этот пункт были - согласно приказу Кирпоноса - направлены удары некоторых наших соединений, которые должны были разорвать вражеское кольцо. Но обстановка очень быстро менялась не в пользу советских войск, этот замысел не был реализован, что и вдохновило Мухина на легковесные разоблачения.

Гудериан сообщил: "К 26 сентября закончились нашей победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов: 1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков? Ответ: Приблизительно 8 сентября. 2. Почему они после этого не оставили Киев? Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца. Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск". Этот "другой приказ", вряд ли обоснованный, был отдан отнюдь не по инициативе Кирпоноса.

Немцы окружили управление фронта. Баграмян пишет в книге "Так начиналась война": "В контратаке генерал Кирпонос был ранен в ногу. Его на руках перенесли на дно оврага, к роднику. ...Примерно в половине седьмого вечера Кирпонос, Бурмистенко и Тупиков в кругу командиров обсуждали варианты прорыва... В это время противник начал интенсивный минометный обстрел. Одна мина разорвалась возле командующего. Кирпонос без стога приник к земле. ...Генерал был ранен в грудь и голову. Через две минуты он скончался". Его адъютант майор Генный снял с кителя генерала Золотую Звезду и ордена. После окончания войны у родника, в овраге, установили мраморную плиту с надписью: "На этом месте 20 сентября 1941 года погиб командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос М. П.". В 1943 году останки генералов Кирпоноса и Тупикова были перевезены в Киев. Они покоятся в парке Вечной славы, у обелиска возле могилы Неизвестного солдата".

Исаев с излишней фаталистичностью заключил: "Стоявшие на фронте в августе советские фронты и армии были обречены. ...Задача Юго-Западного фронта состояла в том, чтобы задер-

жать наступление немецких войск группы "Юг". Стратегическое значение этого плана состояло в том, чтобы как можно дольше задержать развитие немецкого наступления для выигрыша времени, необходимого для накопления сил в общестратегическом масштабе. Отказ от борьбы за Киев означал высвобождение немецких войск для удара на Москву. ...Главным итогом сражения Юго-Западного фронта был выигрыш времени". Этот выигрыш можно было достичь с меньшими потерями у советских войск. Своевременный, хорошо подготовленный отход из Киева и восточного берега Днепра при сохранении ударной силы наших армий, разгромленных из-за просчетов Сталина и Ставки, не мог освободить многие дивизии вермахта для переброски на Московское направление.

Г. Элевтеров 2 ноября 2006 года писал в "Отечественных записках": "В своих интересных исследованиях историк-любитель Ю. Мухин утверждает, что самые тяжелые поражения Красной армии в 1941 году, "котлы" под Белостоком и Минском, под Киевом и Вязьмой фашистам удалось в результате предательства генералов Павлова, Кирпоноса и Лукина". Он посчитал, что "объяснения Ю. Мухина... исключительно логичны и никем не опровергнуты".

Цену "исключительной логичности" исследований Мухина "подтверждают" такие его мысли: "Бурмистенко, как комиссару, уже давно пора было пристрелить Кирпоноса или арестовать его... Ведь не мог Бурмистенко не видеть, что Кирпонос пытается сдать немцам в плен!". Не мог этого видеть комиссар, ибо никоим образом не пытался Кирпонос попасть в плен, все обвинения Мухин строит на песке, используя ничего реально не доказывающие предположения. Неужели можно считать логичной мысль о том, что Сталин послал генерала Баграмяна в окружение с задачей тайно расстрелять Кирпоноса? В последней редакции книги "Если бы не генералы!" Мухин пишет несколько иначе: "...историкам до сих пор и не ясно, что же на самом деле произошло с Кирпоносом и Бурмистенко - действительно они погибли от осколков или их всё же пристрелили солдаты НКВД, всё ещё остававшиеся при штабе...?"

Элевтеров нашел подтверждение версии Ю. Мухина в том, что после расстрела Павлова и "тайного расстрела Кирпоноса ... "котлов" типа 1941 года немцам устраивать уже не удавалось". Но многим ли отличается злополучный харьковский "котел" в мае 1942 года от указанных котлов "типа 1941 года"? Примерно то же самое случилось на харьковском направлении Юго-Западного фронта в марте 1943 года.

Ежели бы часть германских войск не была переброшена на юг и участвовала в немедленном наступлении на Москву, то гитлеровцы не добились бы столь удачных для себя результатов битвы за Киев. Сотни тысяч наших солдат, не попав в плен на Юго-Западе, продолжали бы сражаться с врагом. Немцы при этом могли бы быстрее прорваться к Москве, но у советских

войск, избежавших на юге большой катастрофы, возникла бы хорошая возможность провести мощный удар во фланг и тыл группы армий "Центр". Для этого могли быть использованы и резервы ставки, которые в сентябре были брошены на юго-западное направление, чтобы закрыть большие бреши в результате нашего сентябрьского поражения.

Следует добавить: если бы не была перенаправлена 4-я танковая армия вермахта для наступления на Ленинград, то он не был бы окружен. Там не погибло бы столь много наших людей, советскому командованию не надо было бы бросать туда дополнительные войска, которые могли бы участвовать в битве за Москву. Немцы могли попасть в положение, в каком оказалась Красная Армия в 1920 году под Варшавой, когда она наступала, мало заботясь о безопасных флангах.

Г. Якобсен признал: "Следует внести корректив в широко распространенное заблуждение: военная победа в 1941 году (захват Москвы) Германии! Было бы роковым заблуждением говорить здесь об "упущенной возможности". Советы, как это достаточно показали и последующие операции, еще далеко не исчерпали свои человеческие и материальные силы".

Глава 22. Поражение в Вяземском котле

Б. Соколов, с излишним усердием ищущий плохое в деятельности советского командования, представил в своих работах Жукова лебезящим перед Сталиным, винил его в том, что он предвидел удар немцев на Киев, но "тем не менее добился от Сталина согласия на проведение силами своего фронта наступления против Ельнинского плацдарма немцев, вместо того чтобы выделить несколько дивизий соседям с юга. В создавшихся условиях германское командование за Ельню держаться не стало, предпочтя окружить советские армии в районе Киева. А две недели спустя и без Ельни немцы смогли разгромить наши армии на Западе. Жуков в это время благополучно отсиживался на второстепенном Ленинградском фронте и вины за поражение не понес".

Приведенные выше факты опровергают эти надуманные обвинения. Сталин вначале высказался против Ельнинской операции и согласился провести ее по настоянию Жукова. "Задача в июле-августе 1941 года состояла в том, чтобы не только перебросить на юг наши дополнительные силы, но и сковать силы противника на западном направлении и не дать ему возможности перебрасывать новые силы на юг" (М. Гареев).

Германское командование прилагало немало усилий, чтобы удержать Ельню. Гальдер писал 4 августа: "Можно рассчитывать, что удача наступления на Рославль облегчит положение у Ельни. Не сдавать Ельню ни в коем случае. ...На переговорах с фюрером было отмечено, что

Ельня должна быть удержана..." (Т. 3. Кн. 1. С. 239). 14 августа он предостерег генерала Грейфенберга "в отношении сдачи Ельни". Но немцы терпели там поражение, и 2 сентября он отметил: "В результате обсуждения был сделан вывод о том, что следует отказаться от удержания дуги фронта у Ельни и приостановить на время дальнейшее продвижение на северном фланге группы армий".

Генерал-лейтенант А. Сапожников писал в "Записках артиллериста" (2000): "Вспоминая прошедшие четыре года войны, могу сказать, что ни под Сталинградом, ни в Донбассе, ни в Крыму, ни под Шауляем я не видел столько убитых немцев, как под Ельней в августе-сентябре 1941 года". Ельнинская операция, "как первая успешная наступательная операция, имела не только большое оперативно-стратегическое, но и морально-политическое значение. Родилась советская гвардия" (Советская Россия. 30.11. 1996).

Осенью 1941 года фашистская армия по-прежнему владела стратегической инициативой, превосходила советские войска в силах и средствах. На северо-западе немцы прорвались к южному подступу Ленинграда, затем блокировали его. Большая неудача постигла наши войска на юге советско-германского фронта, в районе Киева, стала реальной угрозой Харьковскому промышленному району и Донбассу..

Немецкий генерал Г. Блюментрит передал мнение фельдмаршала фон Клюге о направлении главного удара германских войск в 1941 году: "Москва - голова и сердце советской системы. Она не только столица, но и важный центр по производству различных видов оружия. Кроме того, Москва - важнейший узел железных дорог, которые расходятся во всех направлениях, в том числе и на Сибирь. Русские вынуждены будут бросить на защиту столицы крупные силы. ...Если мы захватим Москву до наступления холодов, можно будет считать, что мы для одного года достигли очень многого. Затем нужно будет подумать и о планах на 1942 г."

Директива № 35 Верховного командования вермахта, подписанная Гитлером 6 сентября 1941 года, ставила задачу разгромить "до наступления зимы" советские войска западного направления. 26 сентября был издан приказ о наступлении. Штаб верховного командования вермахта в своих планах исходил из того, что операция "Тайфун", а с ней и вся кампания завершится до середины ноября. Подготовив эту операцию по захвату Москвы, Гитлер в своем приказе провозгласил: "Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Сегодня начинается последнее, большое, решающее сражение этого года".

Немецкое командование стянуло на московское направление свои лучшие - огромные - силы. Группа армий "Центр" была пополнена 4-й танковой группой, скрытно переброшенной

из-под Ленинграда, двумя танковыми, двумя моторизованными дивизиями и другими соединениями. Сюда же были возвращены с юга 2-я армия и 2-я танковая группа, а также прибыло большое количество маршевого пополнения, боевой техники и 8-й авиационный корпус. Против трех наших фронтов - Западного, Резервного и Брянского - враг сосредоточил 74,5 дивизии.

Личный состав группы армий "Центр" в начале октября составлял 1929406 человек, в наступление было брошено 1700 танков и штурмовых орудий, 11000 орудий и минометов, 1320 самолетов. Общая численность личного состава войск Западного, Брянского и Резервного фронтов составляла 1250000 человек. Войска Западного фронта насчитывали 475 танков. Военно-воздушные силы Красной Армии на московском направлении не уступали противнику и насчитывали 1368 самолётов. Немцы существенно превосходили в подвижности войск, у них было значительно больше автомашин, что имело немаловажное значение для исхода боевых действий.

10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта "прочно закопаться в землю и за счёт второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную манёвренную группу для наступления в будущем". Генерал-полковник И. Конев, назначенный 12 сентября командующим войсками Западного фронта, выделил в резерв фронта 3 стрелковые дивизии, 2 танковые 1 мотострелковую дивизию. А. Василевский 18 сентября 1941 года предупредил командование Западного и Резервного фронтов о возможном наступлении немцев: "Противник продолжает сосредотачивать свои войска главным образом на ярцевском и ельнинском направлениях, видимо, готовясь к переходу в наступление. Начальник Генерального штаба считает, что созданные вами резервы - малочисленны и не смогут ликвидировать серьёзного наступления противника".

В директиве Ставки ВГК от 27 сентября 1941 года войскам Западного фронта предписывалось: "Мобилизовать все сапёрные силы фронта, армий и дивизий с целью закопаться в землю и устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями". Однако времени для выполнения этой важной и трудоемкой задачи оказалось слишком мало.

Гитлеровское военное руководство планировало прорвать оборону советских войск ударами трех мощных танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки, окружить под Вязьмой и Брянском основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, после чего без всякого промедления пехотными соединениями наступать на Москву с запада, а танковыми и моторизованными частями нанести удар в обход города с севера и юга.

30 сентября - 2 октября гитлеровцы начали операцию "Тайфун" по захвату Москвы, нанесли сильнейшие удары по советским войскам, прикрывавшим московское направление. Немецкое командование верно определило наиболее уязвимые места наших армий. Главные удары враг нанес там, где была недостаточна сосредоточенность советских войск. Создав там подавляющее превосходство в силах, немцы быстро прорвали нашу оборону. 2 октября 1941 г. 3-я танковая группа из района Духовщины повела наступление севернее шоссе Ярцево-Вязьма, в стык 19-й и 30-й армий. В этот стык противник "вбивал клин танками и мотопехотой. В результате образовался глубокий разрыв между этими армиями до 30-40 км. Сюда лавиной двинулись гитлеровские подвижные войска" (М. Лукин).

Второй сильнейший удар группа армий "Центр" наносила 4-й полевой армией с приданной ей 4-й танковой группой по 24-й и 43-й армиям восточнее Рославля. На стыке 43-й и 50-й армий они нанесли удар, используя сконцентрированную ударную группировку из 10 пехотных, 5 танковых и 2 моторизованных дивизий. Имея превосходство в живой силе в 1,4 раза, в артиллерии - в 1,8 раза, в танках - в 1,7 раза, немецкие войска пробивали зияющие бреши в советской обороне.

Для флангового контрудара по наступающей группировке противника была создана фронтовая группа генерал-лейтенанта И. Болдина. Однако в результате танкового боя в районе южнее Холм-Жирковского советские войска потерпели поражение. К 5 октября немцы продвинулись на 120 километров. 7 октября немецкая 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы и 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы замкнули кольцо окружения войск Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы. В окружение попали 4 наши армии и группа Болдина, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и управления 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий (управление 16-й армии, передав войска 19-й армии, успело выйти из окружения). На рубеж Осташков - Сычевка были отброшены 22-я, 29-я и 31-я армии. Вяземский рубеж вместе с находившимися на нем нашими армиями оказался внутри обширного "котла".

В кольцо попала и 19-я армия, которой после Конева, возглавившего 12 сентября Западный фронт, командовал Лукин, а 16-ю он передал Рокоссовскому. Лукин писал о боях 19-й армии: "...до главной линии обороны враг не был допущен... Борьба в полосе армии продолжалась 2-3 октября. Противник местами вклинился в наше расположение, но основная позиция по реке Воль оставалась за нами. ...4 октября мы прочли приказ командующего фронтом, поощряющий действия 19-й армии, призывающий других равняться на нас. ...Только 5 октября было приказано отвести войска. К исходу этого дня 19-я армия получила приказ отойти на рубеж ре-

ки Днепр. ...В ночь на 6 октября армия начала отход, прикрываясь арьергардами". (Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 34).

4 октября командующий Западным фронтом Конев доложил Сталину "об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам". 8 октября он приказал окружённым войскам пробиваться в район Гжатска. 10 октября командовать Западным фронтом стал Жуков. По его словам, 10 и 12 октября командармам окруженных войск были переданы радиотелеграммы, в них "ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией М. Ф. Лукину".

Впоследствии Лукин признал: "Надо сказать откровенно, что большое доверие не только меня не обрадовало, но и очень огорчило. Я знал, что ...войска понесли значительные потери как в людях, так и в материальной части, снаряды, горючее, продовольствие были на исходе, все медицинские учреждения переполнены ранеными, медикаментов и перевязочных материалов оставалось очень мало. ...Враг все более сжимал кольцо окружения. Мы не имели возможности никак сманеврировать. Тогда я решил наступать тремя колоннами, но ни одна из них прорваться не смогла".

Неоднократные попытки разорвать вражеское кольцо не удались. Однако эти попытки прорвать кольцо создали немцам трудные проблемы, сковали предназначенные для преследования наших войск их моторизованные соединения. 10 октября Лукину передали перехваченную радиограмму, направленную командиру 7-й немецкой танковой дивизии генералу Функу: "Почему вы топчетесь? Идите на Москву", - говорилось в ней. Отвечая на это требование, Функ сообщил: "Командующий 19-й армией русских также рвется к Москве - я едва сдерживаюсь. Я пустил своих гренадеров, используя последних, нет сил держать" (Советская Россия. 20.10.1989).

Мухин в сомнительной по оценкам ряда событий и советских полководцев книге "Если бы не генералы!", помещенной в 2007 г. в Интернете, не сумев верно оценить сложившуюся обстановку, безосновательно пишет: "Лукин немедленно прекращает управление войсками, дезорганизует их". Из-за потери управления эффективно руководить действиями окруженных армий Лукину было очень трудно, если вообще возможно, с командующим 62 армии, 220-й 18-й стрелковых дивизий не было связи.

Мухин недоумевает: "...зачем Лукин самое подвижное соединение своей армии назначил в арьергард, т. е. поставил кавалерийской дивизии задачу, которую всегда ставили только пехоте (как наиболее устойчивому в обороне роду войск)? Лукин приказал 45-й кавалерийской дивизии находиться в резерве армии потому, что её можно было быстро перебросить туда, где

возникла опасная обстановка. Пехота такой мобильностью не обладала. Тогда она обычно прокладывала путь кавалерии. Бросать кавалерию в атаку на укрепленные позиции далеко не всегда рационально.

Бывший командир 45-й кавалерийской дивизии А. Стученко в книге "Завидная наша судьба" (1964) пишет о неудачных её попытках прорваться в тыл врага, для этого пехота должна была сделать для нее "дырку". Так, в августе 1941 г. "стрелковые дивизии нас "протолкнуть" не могли, а сами мы прорвать оборону противника не имели возможности". Генерал-майор А. Стученко в начале октября был рядом с командармом. Он писал в своей книге, что 9-го октября просил М. Лукина разрешить силами 45-й дивизии "атаковать противника и этим пробить путь для всей армии. Но тот не согласился: "Твоя дивизия - последняя наша надежда. Без нее мы погибли. Я знаю, ты прорвешься, но мы не успеем пройти за тобой - немцы снова замкнут кольцо". При поисках доказательств виновности советских "генералов-предателей" Мухин делал упор на то, что они делали все, чтобы с ними оставалось все меньше наших воинов. У него эта мысль стала одной из главных. Но как связать её с тем, что Лукин не отпускал от себя наиболее боеспособную дивизию?

На свой риск Стученко 10 октября решил бросить свою дивизию в атаку, но Лукин приказал остановить её. Стученко "не мог послушаться командарма. А он боялся лишиться последней своей надежды и данной ему властью хотел удержать дивизию, которая армии уже не поможет, ибо армии уже нет..." Потом он клял себя, что выполнил приказ командарма: "Не останови он дивизию, таких страшных потерь мы не понесли бы, и, безусловно, прорвали бы вражеское кольцо". (Можно отметить: позже А. Стученко командовал 29-й гвардейской стрелковой дивизией, сыгравшей решающую роль в освобождении Ельни 30 августа 1943 года. В ней тогда воевал и автор сей работы). В отмеченной выше ситуации Лукин, возможно, ошибся, но он думал не о том, как сдать в плен, а как найти такое слабое место в немецком окружении, чтобы все, кто были в его подчинении, могли бы вырваться из него. Но такого места не нашли.

Лукина впоследствии упрекали за то, что он не отступил "своевременную". Он объяснил: "Неоднократно до 11 октября нами предпринимались попытки прорваться, но успеха они не имели. ... Не отступал я потому, что чувствовал поддержку и поощрение фронта (связь с командующим держалась непрерывная), меня ставили в пример, да и необходимости отступить не возникало, тем более что не было приказа. Это с одной стороны, а с другой - отступить мы уже не могли. Если войска покинули бы позиции и без боев двинулись походным порядком, то моторизованные части фашистов нагнали бы их, расчленили и разбили. ... Я указал дивизиям фронт прорыва шириной примерно 6-7 км. Место для выхода из окружения выбрали болоти-

стое, на котором танки не могли бы маневрировать (7-я танковая дивизия врага располагалась непосредственно перед армией)... Началась артиллерийская подготовка, дали залп "катюш", дивизия пошла в атаку и прорвала кольцо окружения. Ко мне стремительно вбегает командир 91-й стрелковой дивизии полковник И. А. Волков: "Товарищ генерал! Прорыв сделан, дивизии уходят, выводите штаб армии!" Немедленно доношу об этом в штаб фронта. В прорыв вводится артиллерия, подтягиваются другие соединения. И. А. Волкову сказал, что лично выходить не буду, пока не пропущу все или хотя бы половину войск" (Военно-исторический журнал. 1981.. № 9. С. 36-37). Вскоре кольцо окружения замкнулось вновь.

После этой неудачи М. Лукин 12 октября сказал своим командирам и комиссарам: "Товарищи, положение не безвыходное. ...Если же мы будем прорываться южнее Вязьмы, в направлении 20-й армии, то обязательно прорвемся". Он приказал "сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды, уничтожить материальные запасы и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно. ...13 октября войска армии начали разделяться на отдельные группы для самостоятельного выхода. ...Выходили группами. Со мной было около тысячи человек из штаба армии и из разных частей, вооруженных только винтовками, автоматами и пистолетами. Многие прорвались и вышли в полосу 20-й армии юго-западнее Вязьмы" (Там же).

Конев писал: "Борьба в окружении - это поистине героическая страница в действиях войск генерала Лукина, который объединил окруженную в Вяземском котле группировку. Об этом еще нужно и должно сказать в исторических исследованиях, и в художественной литературе. Надо воздать должное и самому генералу Лукину: он дрался до последнего".

Во время перестрелки с врагом Лукин был ранен в уже поврежденную до этого во время Ратчинской переправы ногу осколком мины. Идти он не мог, его несли товарищи. Во время нового нападения немцев 14 октября 1941 года он "получил еще две раны - снова в ногу и в руку... - и потерял сознание. Очнулся уже в немецком госпитале. Ему ампутировали ногу". В плену он достойно держал себя в тяжелых условиях.

Мухин в книге "Если бы не генералы!" пишет, что советские генералы, не в пример немецким, были далеки от солдат, свою жизнь своекорыстно ставили выше судьбы тысяч наших людей. Какая категоричность! Генерал Болдин во время первого окружения на Смоленщине, взвалив на плечи, вытащил своего раненного адъютанта из боя. Адъютант рассказал: "Он меня подобрал и метров двести нес на себе под огнём. Переправу занял противник. Генерал сам разведаль брод и на себе вместе с другими перетащил по грудь в воде 50 машин. ...11 августа в семь утра пошли на прорыв в 30-40 километрах северо-западнее Смоленска. Он вел людей сам, шел в

атаку впереди" (К. Симонов). В немецкий плен попали 80 советских генералов и комбригов, из них 23 погибли, 12 перешли на сторону противника, 5 сумели успешно убежать из плена (См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 32).

В ночь на 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы, в крайне опасных условиях он избрал главным рубежом сопротивления Можайскую линию обороны. Для занятия этой линии 6 и 7 октября были срочно брошены две стрелковые бригады, училища, отдельные части. К 10-12 октября оборону на этом рубеже занимали три стрелковые дивизии, три запасных полка, кавалерийский полк и два училища. Жуков считал самым опасным моментом под Москвой с 6 по 15 октября: "7 октября пути на Москву, по существу, были открыты. И закрыть их тогда было нечем. То, что располагалось на линии Волоколамск - Можайск - Малоярославец - Калуга, не могло остановить крупных сил противника" (Советская Россия. 04.01. 1997).

На можайском направлении линия обороны проходила через знаменитое Бородинское поле. Командный пункт прибывшей с Дальнего Востока 32-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях с японцами в 1938 году в районе озера Хасан, находился там, где в сентябре 1812 года был командный пункт русского полководца М. Кутузова. Командир дивизии полковник В. Полосухин сказал: "Священное место. На таком поле нельзя плохо драться с врагом". Подойдя сюда, 2-я моторизованная дивизия СС и 10-я танковая дивизия 12 октября столкнулись с 32-й стрелковой дивизией. В течение следующего дня немцы, ведя разведывательные бои, искали слабые места в её обороне.

Начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г. Блюментрит в своих воспоминаниях рассказал о четырех батальонах французских добровольцах: "У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага - России. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника. Через несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на Запад".

14 октября немцы повели наступление на Бородино, они прорвали оборону 32-й дивизии, вклинились в её расположение. "Наступил катастрофический момент дивизии - она могла быть не только окружена, а и разбита его частями. Однако командование дивизии в лице командира дивизии Полосухина и комиссара дивизии Мартынова сумели вводом в бой своих резервов восстановить положение" (Г. Жуков) С 15 октября шли упорные бои у Можайска. 19 октября в него вошли немцы. 32-я стрелковая дивизия (позже она стала 29-й гвардейской стрелковой дивизией) заняла оборону за рекой Москва. К концу октября 1941 года немецкие войска прорвали

Можайскую линию обороны. Бои на ней продолжались 7-12 дней. Это время советское командование энергично использовало для переброски новых войск для обороны столицы.

Советские соединения, попавшие в окружение, настойчиво стремясь вырваться из него, сражались с предельной стойкостью, задержали 28 немецких дивизий и выиграли драгоценное время для организации нашей новой обороны на Можайском рубеже. К. Симонов писал в романе "Живые и мертвые": "Кольцо вокруг Вязьмы... все еще сжималось и сжималось и никак не могло сжаться до конца; наши окруженные войска погибали там в последних, отчаянных боях с немецкими танковыми и пехотными корпусами. Но именно этих самых задержавшихся под Вязьмой корпусов через несколько дней не хватило Гитлеру под Москвой. Трагическое по масштабам октябрьское окружение на Западном и Брянском фронтах было в то же время непрерывной цепью поразительных по своему упорству оборон, которые, словно песок, то крупинками, то горами сыпавшийся под колеса, так и не дали немецкому бронированному катку с ходу докатиться до Москвы".

Это подтверждает журнал боевых действий группы фон Бока, в котором зафиксировано: "9/X - попытки вырваться из котла; 12 - танковая контратака в районе Усожа, Мценска; 13/X - усиление сопротивления продвижению 4-й армии; 15/X - танковые атаки в полосе 4-й армии; 16/X - усиление контратак против 4-й армии; 17 - упорное сопротивление в укрепленном районе так называемой "Московской позиции". По донесениям командиров здесь идут бои, превосходящие по своему ожесточению все, что до сих пор пришлось перенести войскам... 19/X - общее усиление "русского сопротивления"; 20/X - бои 56 танкового корпуса с выходящими из окружения частями 50-й армии...". "С удивлением и разочарованием, - писал Блюментрит, - мы обнаружили в конце октября - начале ноября, что разгромленные русские, очевидно, совершенно не осознают, что как военная сила они почти перестали существовать".

Жуков высоко ценил значение боев под Вязьмой для обороны Москвы: "Мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались ненапрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, ждет еще должной оценки".

Кое-кто утверждал, что о "самой величайшей трагедии за всю Великую Отечественную войну", которая произошла в районе Вязьмы, "умалчивалось, потому что она была следствием громадных ошибок Сталина и будущего маршала Жукова" (Литературная Россия. 08.08. 1997). Но об этом разгроме наших войск не раз писали в исторических работах и воспоминаниях военачальников. О просчетах Сталина говорилось более чем достаточно, ему приписывали такое,

чего не было, за что он не нес ответственности. 55-летие битвы под Москвой "Комсомольская правда" отметила статьей "Как Сталин готовился сдать Москву немцам". Нет причин обвинять Жукова за поражение под Вязьмой. До 6 октября 1941 г. он командовал войсками Ленинградского фронта, когда же на Западном фронте сложилась очень тяжелая обстановка, Сталин поручил ему руководить обороной столицы.

19 октября 1941 года командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Бок в приказе своим войскам, не скрывая торжества, писал: "Сражение за Вязьму и Брянск привело к обвалу эшелонированного в глубину русского фронта. Восемь русских армий в составе 73 стрелковых и кавалерийских дивизий, 13 танковых дивизий и бригад и сильная армейская артиллерия были уничтожены в тяжёлой борьбе с далеко численно превосходящим противником. Общие трофеи составили: 673098 пленных, 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий, 1009 зенитных и противотанковых пушек, 87 самолётов и огромные количества военных запасов" (Провал гитлеровского наступления на Москву. М. 1966. С. 335).

Почему Красная Армия потерпела столь жестокое поражение? А. Исаев посчитал, что у нее не было возможности избежать катастрофы: "Вермахт летом 1941 г. обладал "чудооружием". Это были крупные самостоятельные механизированные соединения - моторизованные армейские корпуса. Если в приграничном сражении июня 1941 г. РККА могла противопоставить менее эффективные, но хотя бы способные как-то маневрировать мехкорпуса, то к августу они были уничтожены. Немецкие танковые войска также понесли ощутимые потери, но они не утратили основного своего качества - подвижности. Это касалось как возможности прорыва в глубину обороны и смыкания "клещей" за спиной армий и целых фронтов, так и возможностей быстрого создания ударных группировок. Летом - осенью 1941 г. вермахт обладал стратегической инициативой. ...Моторизованные и авиационные корпуса вермахта могли перемещаться вдоль фронта, создавая подавляющее преимущество в нужной точке, без каких-либо опасений. Перегруппировка крупных механизированных соединений происходила так быстро, что разведка не могла своевременно указывать на создание ударных кулаков на том или ином участке фронта". Вряд ли со всеми этими слишком категоричными утверждениями можно безоговорочно согласиться.

Наша разведка перед наступлением немцев 30 сентября - 2 октября неплохо выполнила свою роль. М. Лукин в статье "В Вяземской операции" отметил, что советское командование в середине сентября знало: "противник подтягивает большое количество танков и артиллерии в район Духовщина, Смоленск, Рославль. ...В конце сентября разведчики доложили о сосредоточении большого количества войск, танков и артиллерии в районе Духовщины" (Военно-

исторический журнал. 1981. № 9. С. 33). Василевский в статье "Начало коренного поворота в ходе войны" писал: "...сосредоточение основных группировок врага для нанесения ударов как в районе Дорогобужа, так и в районе Рославля было установлено", но у нас "была недостаточна глубина обороны, не были отработаны планы отвода войск в случае прорыва нашей обороны на ржевско-вяземский оборонительный рубеж, а при угрозе окружения и далее на восток" (Битва за Москву. М. 1985. С. 17).

Огромное поражение в Вяземской оборонительной операции стало следствием неверных решений командования Западного фронта и неправильного определения Ставкой и Генштабом направления главных ударов противника, что привело к ошибочному построению нашей обороны. Это очень дорого обошлось советским войскам. Генштаб Красной армии предполагал, что немцы ударят вдоль шоссе, проходящего по линии Смоленск - Ярцево - Вязьма. На этом направлении была создана хорошо оборудованная система обороны. Лукин написал о ней: "Рубеж имел развитую систему обороны, подготовленную соединениями 32-й армии Резервного фронта. У моста, на шоссе и железнодорожной линии стояли морские орудия на бетонированных площадках. Их прикрывал отряд моряков (до 800 человек)" (Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 35).

По утверждению Жукова, катастрофу под Вязьмой можно было предотвратить, для чего необходимо было сосредоточить против главных ударов противника "основные силы и средства за счет пассивных участков", но "этого сделано не было" (Т. 2. С. 192). Эту мысль невозможно оспорить. Конев, анализируя причины поражения в Вяземском котле, писал о превосходстве авиации противника, отсутствии у нас "противотанковых средств, чтобы бить вражеские колонны на марше и оказывать им сопротивление на основных дорогах", о том, что "в глубине фронт не располагал достаточно сильными резервами". Это соответствует действительности. Он считал: "...один прорыв к Вязьме с севера еще мог быть нами локализован путем перегруппировки войск. Но прорыв немецко-фашистских войск через Спас-Демянск дал возможность соединениям противника выйти с юга глубоко в тыл Западного фронта".

Вместе с тем командующий Западным фронтом Конев не был достаточно самокритичным, утверждая, что "его вины в случившемся нет". "Штаб Западного фронта ...располагал довольно точными сведениями о группировка противника: было установлено, что против 8 дивизий 30 и 19 армий немцы развернули 17 своих дивизий; в полосе других армий соотношение было примерно равное. Разведанные прямо указывали на вероятное направление удара противника. Но поскольку Ставка считала, что таковым является смоленско-вяземское направление, генерал

Конеv беспрекословно сосредоточил свои главные силы не там, где требовали условия объективно..." (Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 323). Об этом Конев умалчивал.

И. Конев в статье "Начало московской битвы" упрекнул Генеральный штаб за то, что он до начала наступления противника и в ходе его "не ориентировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий фронтов. ...две армии резервного фронта располагались в первом эшелоне в одной линии с нашими армиями. ...В то же время три армии Резервного фронта (31, 49 и 32-я находившиеся в полосе Западного фронта, нам не подчинялись. ...5 октября Ставка, к сожалению, с большим опозданием подчинила Западному фронту 31-ю и 32-ю армию Резервного фронта, Будь это сделано до начала сражения, мы могли бы их использовать в качестве своего второго эшелона" (Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 61).

Ставка и Генштаб недооценили, по утверждению Конева, нависающей губительной угрозы со стороны противника: "По указанию Сталина нам пришлось во второй половине сентября передать две дивизии, дислоцированные в районе Вязьмы. Дивизии поступали в распоряжение Ставки и перебрасывались на юго-западное направление" (С. 57). В другой статье Конев писал, что "основная 49-я армия, находившаяся на Вяземском оборонительном рубеже, за сутки до наступления главных сил группы армий "Центр", за сутки - повторяю - была снята и распоряжением Ставки по докладу Генерального штаба, переброшена на юг, в связи с осложнившейся ситуацией на юго-западном направлении" (Знамя. 1987. № 11).

Доктор исторических наук А. Пономарев, один из составителей издания "Битва за Москву", встречавшийся с Жуковым, сообщил о его реакции на рукопись Конева о причинах разгрома наших войск в Вяземском котле: "Из статьи Конева И.С. можно понять, что во всем виноваты Ставка, Генеральный штаб и соседний Резервный фронт, с чем нельзя согласиться. 1. Противник к началу сражения превосходил Западный, Резервный и Брянский фронты по пехоте в 1,4 раза, в танках - в 2,2, в орудиях и минометах в 1,9 раза. Такое соотношение сил давало возможность вести успешную борьбу с наступающим противником, во всяком случае избежать окружения и полного разгрома. Слов нет, на участках главного удара врага плотность была больше, созданная им за счет пассивных участков. Но кто виноват в том, что врагу не была противопоставлена более сильная группировка войск на этих направлениях также за счет пассивных участков? Вот тут-то Конев И. С. умалчивает".

Конев утверждал, что командование Западного фронта знало о том, "где создаются группировки, состав этих группировок" и усиливало (достаточно ли?) в связи с этим "основные направления, где ожидали удара". Он писал: "Мы рассчитывали на стойкость войск. Мы рассчи-

тывали на глубину обороны - за нами находился Резервный фронт под командованием маршала Буденного. К сожалению, действия мои как командующего Западным фронтом, находящегося в первом эшелоне, и Буденного, находящегося во втором эшелоне, не были объединены. ...Теперь уже, как говорится, задним числом обдумывая события осени 1941 года, понимаешь, что еще до начала Московского сражения необходимо было объединить командование фронтами, подчинив все войска, находившиеся на Московском направлении, одному командующему. Тогда можно было бы маневрировать резервами, силами и предотвратить окружение четырех наших армий в районе Вязьмы" (Знамя. 1987. № 11. С. 40).

Советские войска, оказавшиеся в окружении в районе Вязьмы, ожесточенно сопротивлялись. В тот необычайно тяжелый для Красной Армии момент их поистине героическая борьба в окружении имела исключительное значение. Наши войска, упорно вырываясь из него, сражаясь с предельной стойкостью, сковали до 28 вражеских дивизий, выиграли, как уже отмечалось, драгоценное время для срочной организации новой обороны на Можайском рубеже. Сюда очень быстро перебрасывались силы с других фронтов и из дальних районов страны.

5 октября 1941 г. Василевский прибыл в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Он вспоминал: "Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий". Советское командование на этот рубеж сумело быстро направить 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артполков и другие части. К середине октября в 16-й, 5-й, 43-й и 49-й армиях, прикрывавших основные направления на Москву, насчитывалось уже 90 тысяч человек. На Западный фронт срочно перебрасывались три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока.

Из вяземского "котла" сумели пробиться остатки 16 дивизий. 17 ноября начальник политуправления Западного фронта Лестев сообщил армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису: "По данным отдела укомплектования фронта, вышло из окружения нач. состава 6308 человек, младшего нач. состава 9994 человека, рядового состава 68419 человек. Данные далеко не полные, ибо много бойцов, командиров и политработников, вышедших из окружения, сразу же были влиты в свои части, а также часть задержанных бойцов и командиров с оружием заградотрядами формировалось в подразделения и направлялось на передовые позиции на пополнение частей..."

Итоги октябрьских событий были очень тяжелыми для нашей армии, она понесла огромные потери. Враг продвинулся вперед почти на 250 километров. "Однако достичь целей, по-

ставленных планом "Тайфун", ему не удалось. Стойкость и мужество защитников советской столицы, помощь тружеников тыла остановили фашистские полчища. Группа армий "Центр" была вынуждена временно прекратить наступление. В этом - главный итог октябрьского периода Московской битвы, очень важного и ответственного во всем сражении за Москву" (А. Василевский).

Глава 23. Бои за Калинин

Германское командование придавало особое значение району Калинина. Еще во второй половине июля 1941 года оно предписывало группе армий "Центр" выделить 3-ю танковую группу "с задачей наступать в направлении Калинина, перерезать коммуникации, соединяющие Москву и Ленинград..." (Совершенно секретно! Только для командования! С. 297). 16 сентября 1941 года в директиве командования группы армий "Центр" о подготовке операции "Тайфун" говорилось: "9 А должна использовать все возможности для того, чтобы прорваться также через лесистую местность перед северным флангом армии и продвинуть войска в направлении Ржева" (С. 331). Приказ на продолжение операции "в направлении Москвы" от 7 октября 1941 г. ставил 9-й армии задачу вместе с 3-й танковой группой выйти на рубеж Гжатск - Сычевка, чтобы в дальнейшем наступать на Калинин и Ржев.

Штаб немецкой группы армий 8 октября считал: "...в распоряжении противника нет крупных сил, которые он мог бы противопоставить дальнейшему продвижению группы армий на Москву... Для непосредственной обороны Москвы, по показаниям военнопленных, русские располагают дивизиями народного ополчения, которые, однако, частично уже введены в бой, а также находятся в числе окружённых войск". Такая заниженная оценка состояния советских войск способствовала принятию немецким командованием решения о повороте значительных сил в направлении Калинина.

Гальдер писал в дневнике 9 октября 1941 года: "...9-я армия сосредоточивает силы на северном фланге для удара по району Ржева. ...Разговор по телефону с фон Боком. ...Я просил усилить левый фланг группы армий и направить его на Калинин. ...Севернее котла под Вязьмой наши войска перегруппировываются для дальнейшего флангового наступления на Калинин". В книге "На правом фланге Московской битвы" (1991) указано: "Под натиском превосходящих сил противника войска 22-й, 29-й, 30-й и 31-й армий отходили на рубеж Осташков - Ржев. В обороне наших войск на калининском операционном направлении образовался разрыв шириною до 80 км. В этот разрыв немецко-фашистское командование направило 3-ю танковую группу... На калининское операционное направление были нацелены и значительные силы 9-й

армии. Всего здесь действовало до 20 процентов немецко-фашистских войск, предназначенных для захвата Москвы" (С. 14).

10 октября немецкие войска вышли в район Сычевки, 3-я танковая группа повернула на калининское направление "с задачей с ходу захватить город Калинин, обойти Москву с северо-запада, а также развернуть наступление на север в тыл Северо-Западного фронта, а при благоприятных условиях нанести удар на Ярославль и Рыбинск" (История второй мировой войны 1939-1945 гг. Т. 4. С. 97).

Однако с ходу германским войскам, несмотря на их большое превосходство, не удалось ворваться в Калинин. Только после трехдневных боев они 14 октября захватили город. Казалось, что это позволит им развивать дальнейшее наступление, используя шоссейные дороги на Москву, Бежецк и Ленинград. Но войска Красной Армии отбили попытки немцев сразу после захвата Калинина наступать по Бежецкому шоссе. В этом свою роль сыграла пятая батарея 531-го артиллерийского полка под командованием лейтенанта А. Кацитадзе. Когда фашистские танки подошли к Тверецкому мосту и стали по нему переходить реку, 4 пушки батареи, скрытые за глухим забором с воротами, открыли меткий огонь по ним. Три дня батарея и группа пехотинцев не пропустили врага через мост, а затем 17 октября подошли сюда полки 256-й дивизии. Немецкое наступление в направлении на Бежецк было сорвано.

Советское военное командование в начале октября не ожидало, что появится калининское операционное направление. Надо грешить против фактов, чтобы предположить: "...может быть, Калинином просто пожертвовали ради Москвы?" И спрашивать: "Отчего мост через Тверцу был прикрыт противотанковыми орудиями, а мост через Волгу, которую, заметим, охраняли сотрудники НКВД, остался целым и невредимым? Как будто для того, чтобы загнать танковый кулак за две реки" (Вече Твери.. 30.10. 2008). Это стало результатом просчетов, неразберихи, недостатков в управлении нашими войсками. Верховный Главнокомандующий И. Сталин сразу потребовал от Конева, возглавлявшего Калининский фронт: "Уничтожить посредством авиации железнодорожный и шоссейный мосты в городе Калинине". Но многие попытки разрушить их с воздуха потерпели неудачу.

Прибывший в Калинин генерал-полковник И. Конев сумел в труднейших условиях восстановить в районе города фронт советской стратегической обороны, что имело огромное значение для успешного сражения под Москвой. Приехав в Ржев, где находился штаб 29-й армии генерала И. Масленникова, он приказал ему перегруппировать свои войска и нанести удар с запада в тыл противнику, наступавшему на Калинин: "Замысел сводился к следующему: рокировать 29-ю армию с северного на южный берег Волги и, наступая вдоль берега на восток во

взаимодействии с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизии, ударить по тылу вражеской группировки, прорывавшейся к Калинин. Быстрое и четкое выполнение этого маневра неизбежно, по моему мнению, остановило бы противника, наступавшего на Калинин с юга. Но Масленников, видимо, не разобравшись в обстановке, не выполнил поставленной задачи, тайно обжаловав мое решение имевшему с ним связь Берии. ... Вопреки моему распоряжению он двинул армию северным берегом, решив переправиться на южный берег у Калинина, притом сослался на разрешение генерала армии Г. К. Жукова, но командующий фронтом вряд ли мог отменить мой приказ, не поставив в известность меня, находившегося непосредственно в этом районе. Так или иначе, намеченный и реально возможный удар не был осуществлен" (Знамя. 1987. № 12. С. 84).

Бои за Калинин непосредственно связаны с боями за нашу столицу. Впоследствии бывший начальник штаба 4-й танковой группы генерал Шарль де Боло утверждал, что "Московская битва была проиграна 7 октября". По его мнению, все соединения его и 3-й танковой группы нужно было бросить на Москву. Он писал: "К 5 октября были созданы прекрасные перспективы для наступления на Москву", посчитал поворот 3-й танковой группы на Калинин как страшную ошибку в операции "Тайфун".

Однако командование "Центра" не без оснований не воспользовалось этой заманчивой, но рискованной перспективой: если бы сильные немецкие соединения не повернули на Калинин, то не нарушилось бы движение по железной дороге Бологое-Калинин-Москва. На помощь войскам московского направления были бы сразу брошены и те дивизии Северо-Западного фронта, которые вели жестокие бои за Калинин.

Захват и удержание Калинина давали возможность немцам обойти с севера Москву. 17 октября 1941 г. был создан Калининский фронт протяженностью в 220 километров, его возглавил генерал-полковник И. Конев. В него вошли 22, 29 и 30-я армии, переданные из состава Западного фронта, 183, 185 и 246-я стрелковые дивизии, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 46-й мотоциклетный полк и 8-я танковая бригада. Важной задачей фронта была занять район Калинина. Вокруг него шли жестокие бои. В результате почти ежедневных атак советских войск командующий группой армий "Центр" фон Бок 23 октября отдал директиву о приостановке наступления через Калинин.

Командование группы "Центр" 14 октября отдало приказ: "3-я танковая группа... удерживая Калинин, как можно быстрее достигает района Торжка и наступает отсюда без задержек в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через р. Тверца и верхнее течение р. Мста на восток. Необходимо вести усиленную

разведку до рубежа Кашин-Бежецк-Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин-Старица и южнее до подхода частей 9-й армии. 9-я армия во взаимодействии с правым флангом 3-й танковой группы уничтожает в районе Старица, Ржев, Зубцов противника, который еще оказывает сопротивление... Основное направление дальнейшего удара на Вышний Волочек" (Совершенно секретно... С. 341). 18 октября штаб группы армий "Центр" отправил в 9-ю армию телеграмму: "Командование группы армий считает необходимым ещё раз напомнить о том, что удержание г. Калинин имеет огромное значение".

К исходу 16 октября немцы вышли в район Медного, но 19-21 октября в результате успешных контрударов нашей армии он был освобожден от врага. Медное оказалось на короткое время центром боев потому, что оно закрывало путь немцам на Торжок и Вышний Волочек. Наступая на север, немцы запланировали создать ещё один "котел", окружить войска Красной Армии в верховьях Волги.

Главная роль в срыве этих далеко идущих планов принадлежит решительным контрударам войск оперативной группы Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Н. Ватутина. В нее вошли 183-я и 185-я стрелковые дивизии, 8-я танковая бригада полковника П. Ротмистрова, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии и отходившие на Калинин дивизии 22-й и 29-й армий. Всего в этой группе было более 20000 человек. 200 орудий и минометов и 20 танков. Её поддерживало 20 самолетов, выделенных Северо-Западным фронтом. В результате неожиданных для противника наступательных операций группы Н. Ватутина были разбиты 1-я танковая дивизия и 90-я моторизованная бригада противника. Были сорваны попытки врага окружить 22-ю и 29-ю армий, изолировать войска Северо-Западного фронта.

Павел Алексеевич Ротмистров родился в деревне Скорово Селижаровского уезда Тверской губернии, его родители крестьяне. В 1916 г. он закончил начальное училище. В 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию, в марте 1921 г. участвовал в подавлении восстания в Кронштадте, был награжден орденом Красного Знамени. В 1931 г. закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1937 г. стал командиром полка, а в мае 1941 г. - начальником штаба 3-го механизированного корпуса.

В начале войны этот корпус оказался в окружении. Профессор Академии военных наук А.С. Мальгин в брошюре "Выдающийся военачальник танковых войск, Почётный гражданин Твери, Герой Советского Союза, Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров" сообщил: "Часть личного состава управления и штаба корпуса, находясь в окружении, пыталась пробиться к своим войскам, двигаясь пешим порядком всё время по направлению к линии фронта. Более двух месяцев они пробирались по вражеским тылам через леса Литвы, Белорус-

сии и северной Брянщины, обходя населенные пункты и уничтожая отдельные вражеские подразделения. Только 28 августа 1941 года офицеры штаба корпуса и личный состав из других частей вышли через линию фронта к своим войскам с личным оружием и в военной форме" (С. 13). В конце августа 1941 года полковник П. Ротмистров был назначен командиром 8-й танковой бригады. 23 сентября она прибыла на Северо-Западный фронт в район Валдая. Там бригада вела успешные боевые против немцев.

Выполняя указание Ставки Верховного главнокомандования, командующий Северо-Западным фронтом создал оперативную группу под командованием начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. В нее вошло две стрелковые, две кавалерийские дивизии, одна танковая бригада и один мотоциклетный полк. 15, 16 и 17 октября 8-я танковая бригада вела напряженные бои в районе Калинина и Медного вдоль Ленинградского шоссе. Немецкие войска прорвались к Марьино, захватили переправу через реку Логовеж, намереваясь захватить Торжок. В этой критической обстановке Ротмистров принял ошибочное решение отвести бригаду в район Лихославля. Конев в телеграмме Ватутину потребовал: "Ротмистрова за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой арестовать и предать суду военного трибунала". Ватутин, проанализировав создавшуюся обстановку, приказал Ротмистрову: "Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185 с. д. стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!" (На правом фланге... С. 14). Этот приказ был выполнен. В дальнейшем П. Ротмистров не допускал таких "самовольных уходов", блестяще командовал вверенным ему соединениями и стал Главным маршалом бронетанковых войск

Следует признать, что "командование Калининского фронта допустило просчет, принимая в ответственный момент оборонительной операции расформирование оперативной группы генерала Ватутина. Это была реально действующая сила из пяти соединений. Возможность немедленных действий по освобождению города Калинина была опущена" (На правом фланге... С. 29). На это указал в отчете о боевых действиях оперативной группы генерал Н. Ватутин: "В самый ответственный момент войска оперативной группы передаются 31-й армии, которая не могла быстро наладить связь с войсками. В последующие дни следуют новые приказы от Калининского фронта для армии, по которым вся группировка войск оперативной группы раздается по армиям и часть дивизий выводится в резерв. Таким образом, войск оперативной группы Северо-Западного фронта, как единого организма, не стало. Единственная ударная сила в районе Калинина была рассредоточена по армиям. Это было ошибкой командования Калининского фронта...".

Эта немалая ошибка помешала раньше, еще в октябре месяце, освободить Калинин. Советские войска в конце октября не смогли добиться победы, но вместе с тем сумели стабилизировать фронт, немцы не смогли продолжать наступление, были вынуждены перейти к обороне.

Немаловажную роль в переломе общей обстановки в районе Калинина сыграл героический рейд 21-й танковой бригады по немецким тылам. Прибыв по железной дороге на станции Завидово и Решетниково, сосредоточившись в Тургинове, бригада получила приказ командующего 30-й армии двигаться по Волоколамскому шоссе, уничтожая резервы противника, и вместе с 5-й стрелковой дивизией овладеть Калинином. Утром 17 октября 27 танков Т-34 и 8 танков Т-60 взяли курс на Калинин, но встретили сильный огонь противотанковых орудий, подверглись непрерывной бомбардировке с воздуха. Лишь 8 танков достигли южной окраины Калинина и только танк Т-34 под командованием старшего сержанта С. Горобца прорвался в город и совершил легендарный рейд по городу. Он появился со стороны "Пролетарки", прошел через город, обстрелял комендатуру, вызвал переполох у немцев и ушел к своим войскам.

25 октября 1941 года газета "Известия" сообщила о подвиге экипажа танка старшего политрука Гмыри, который ворвался на немецкий аэродром (теперь здесь расположен жилой район Южный): "Появление советского танка вызвало здесь невероятный переполох. Один за другим стали подниматься в воздух бомбардировщики. Один бомбардировщик так и не оторвался от земли: танк Гмыри раздавил ему хвостовое оперение. Второй самолет выстрелом из пушки был подбит на взлете. Остальным все же удалось подняться в воздух... Вражеские бомбардировщики засыпали отважных танкистов бомбами...". Но подбитый танк пробился к своим.

Командование 3-й танковой группы было вынуждено отозвать продвигавшуюся на Вышний Волочек 1-ю танковую дивизию, чтобы поддержать обороняющуюся в Калинине 36-ю моторизованную дивизию. 3-я танковая группа не смогла выполнить основную задачу, ради которой она была повернута от Москвы на север. "Противник не смог развить наступление на Торжок, Лихославль и Бежецк, была ликвидирована угроза окружения 22-й и 29-й армий, изоляции войск Северо-Западного фронта, обеспечена бесперебойная работа железнодорожной линии Рыбинск-Бологое. ...Немецко-фашистское командование вынуждено было перебросить в район Калинина 6-ю, 36-ю, 161-ю пехотные и 14-ю моторизованную дивизии, сняв их с других направлений" (На правом фланге... С. 26). Значительная часть немецких войск втянулась в упорные бои вокруг Калинина и не могла участвовать в наступлении на Москву.

"Результаты боёв за Калинин для 3-й танковой группы были поистине катастрофическими. 1-я танковая дивизия на 28 сентября 1941 г. насчитывала 111 боеготовых танков. На 31 октября 1941 г. количество боеготовых машин снизилось до 36 штук. 6-я танковая дивизия на 10

сентября насчитывала боеготовыми 171 танк. 16 октября она имела в своём распоряжении всего лишь 60 готовых к использованию в бою танков" (А. Исаев).

Калининский фронт оттянул на себя 13 дивизий группы германской армии "Центр", в результате этого они не были использованы против Западного фронта. Были отбиты их попытки прорваться на Торжок - Вышний Волочек и окружить войска Северо-Западного фронта. "Однако в управлении войсками со стороны командования и штаба Калининского фронта допускались ошибки в оценке возможностей противника и своих войск. Это привело к невыполнению войсками фронта замысла главного командования. Фронту не удалось ни окружить группировку противника в Калининне в октябре, ни прикрыть московское направление в середине ноября 1941 г. В своих решениях командующий фронтом не всегда учитывал конкретную обстановку в полосе действий каждой армии. Поэтому его приказы зачастую не соответствовали реальному положению и не могли быть выполнены или выполнялись войсками армий, как правило, с опозданием" (На правом фланге... С. 40).

Недостаточно прочной была полоса обороны 30-й армии, в середине ноября в её составе были стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный полк. Оборона носила очаговый характер, резервы отсутствовали. В конце октября командующий 30-й армии доложил Коневу о том, что "армия не имеет достаточной численности боевого состава и техники, мало средств минирования...Левый фланг армии особенно слабое место". Это тем более приобрело острый характер, что становилось все более понятно: немецкое командование готовится к новому наступлению в полосе обороны 30-й армии, чтобы прорваться к Москве с северо-запада. Но командование фронта, допустив серьезный просчет, своевременно не приняло необходимых мер для укрепления обороны 30-й армии.

Утром 15 ноября превосходящие силы противника начали внезапное наступление, к исходу дня они вышли к Волге. И лишь после этого И. Конев решил усилить 30-ю армию 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой бригадой и мотоциклетным полком. Если бы это было сделано раньше, то 30-я армия, наверное, не оказалась бы в столь критическом положении, когда она была вынуждена действовать уже в трех расчлененных группировках. 17 ноября 30-я армия была передана в состав Западного фронта. "В результате ошибок, допущенных в управлении войсками со стороны командования Калининским фронтом, и неудачных действий войск 30-й армии войска фронта на этот раз задачу по прикрытию московского направления с северо-запада выполнить не смогли. Центр тяжести полностью переместился в полосу Западного фронта" (На правом фланге... С. 36).

27-29 ноября командующий Калининским фронтом И. Конев провел несколько разрозненных ударов малыми силами на отдельных направлениях, но они не имели должного успеха. По словам Жукова, Конев "явно осторожничал в момент перехода своего фронта в контрнаступление", он неверно оценил сложившуюся оперативно-стратегическую обстановку и вместо операции по разгрому правого крыла группы армий "Центр" наметил провести операцию только по овладению городом Калинином.

Ставка ВГК за подписью Сталина и Василевского подчеркнула: "Частные атаки на разных направлениях войсками Калининского фронта 27-29, неэффективны". Она отдала приказ 1.12. 1941 г.: "1. Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий, нанести удар с фронта (иск) Калинин, (иск) Судимирка в направлении Микулино Городище и Тургиново. Задача: выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта". Утром 1 декабря по указанию Верховного Главнокомандующего состоялся разговор заместителя начальника Генерального штаба Василевского с Коневым об этой директиве. Конев ссылаясь на отсутствие у него танков и нехватку сил, предлагал вместо оказания помощи Западному фронту провести местную операцию по овладению городом Калинин. Такая операция преследовала локальные интересы и фактически не учитывала общей цели.

Василевский заявил Коневу: "Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. ...Товарищ Сталин разрешил немедленно перебросить вам для этой цели еще одну, 262-ю стрелковую дивизию Северо-Западного фронта. Она начинает погрузку сегодня в 18.00. Дивизия имеет в своем составе свыше 9 тыс. человек и неплохо вооружена. Ставка Верховного Главнокомандования считает не только возможным, но и необходимым снять с фронта и сосредоточить для этого удара указанные мной дивизии. Мне непонятно ваше заявление, что все эти дивизии имеют в своем составе всего лишь по 2-3 тыс. человек. Передо мной донесение вашего штаба, полученное 24 ноября 1941 года, по которому 246-я стрелковая дивизия имеет 6 тыс. 800 человек, 119-я - 7200, 252-я - 5800, 256-я - 6000 и т. д. Если в этих дивизиях, как вы заявили, действительно слаба артиллерия, то вы сможете усилить их за счет артполков Резерва Главного Командования, которых вы имеете 9". После убедительных наставлений А. Василевского И. Конев, прося все же усилить его фронт, обещал действовать

так, как приказала Ставка: он нанесет главный удар на Тургиново, будет делать все, чтобы "обязательно прорвать оборону и выйти в тыл врага"

Ставка была очень озабочена обеспечением точного выполнения этого приказа. Василевский в книге "Дело всей жизни" вспоминал: "Днем 4 декабря, будучи на очередном докладе в Кремле у Сталина, я получил указания в ночь на 5 декабря отправиться в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней. ...12 декабря 1941 года, когда Б. М. Шапошников уже выздоровел, Верховный Главнокомандующий в нашем присутствии передал командующему Калининским фронтом по прямому проводу: "Действия вашей левой группы нас не удовлетворяют. Вместо того, чтобы навалиться всеми силами на противника и создать для себя решительный перевес, вы... вводите в дело отдельные части, давая противнику изматывать их. Требуем от вас, чтобы крохоборскую тактику заменили вы тактикой действительного наступления". Командующий попробовал сослаться на оттепель, трудности переправы через Волгу, получение немцами подкрепления и пр., но в заключение сказал: "Понял, все ясно, принято к исполнению, нажимаю вовсю".

Войска Калининского фронта начали решительное наступление 5 декабря 1941 г. В тот день Гальдер записал в дневнике: "Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина. ...В группе армий "центр" возникла некоторая неразбериха". 6 декабря: "В результате наступления противника на северный фланг 3-й танковой группы создалась необходимость отвода войск, располагавшихся южнее Волжского водохранилища, их нужно отвести к Клину". 7 декабря: "Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник также на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения пока удалось локализовать". 8 декабря: "В районе восточнее Калинина в наступление перешло семь дивизий противника. Обстановка здесь по-прежнему напряженная. Я считаю этот участок фронта самым опасным, так как здесь у нас нет никаких войск во второй линии". 9 декабря: "Крайне сильный натиск противника юго-восточнее Калинина, видимо, позволит ему вновь овладеть городом". 10 декабря: "В районе севернее Клина обстановка становится все напряженнее". 15 декабря: "В Калининне сегодня будет начата подготовка к эвакуации наших войск".

В результате тяжелых боев 31-я армия вышла на Волоколамское шоссе. Части 29-й армии прорывались к важной в оперативном отношении дороге Калинин-Старица. Это реально грозило окружением немецкой группировки в Калининне. 16 декабря 1941 года город был освобожден от врага. В 2010 г. Твери было присвоено почетное звание Города воинской славы.

Ефрейтор 161 немецкой пехотной дивизии Дидрих Бош писал своей жене: "Калинин, утро 15.12. 1941 г. Моя дорогая Гезина! Мы должны покинуть этот город. Он весь будет в полдень взорван и подожжен". Немецкий ефрейтор Ганс Лекс писал 19 октября 1941 г.: "Мы уже стояли за 5 километров от Ленинграда, сегодня мы стоим 150 километров от Москвы и теперь наступаем на Москву. ...16 октября 1941 года имели очень тяжелый бой у города Калинина... Ты пишешь, что цензура открыла мое письмо. Но это меня не волнует, потому что лучше сидеть 10 лет в тюрьме, чем остаться один месяц в России" (На правом фланге... С. 86).

В очерке "Боец" Фадеев отметил подвиг красноармейца, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза: "В 1941 году, в боях за Калинин, у вражеского дзота, не дававшего продвинуться вперед и много унесшего жизней наших людей, Падерин был тяжело ранен и в порыве великого нравственного подъема закрыл амбразуру дзота своим телом". Двадцатилетний комсомолец, младший лейтенант Е. Пичугин, летчик-истребитель, 19 марта 1942 г. таранил над Калинином "Мессершмитт-110", ему 14 февраля 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Главное управление кадров советской армии сообщило: "Политрук 190 сп. Цанов Камен Костович 15 октября 1941 г. геройски погиб в уличных боях за г. Калинин". Цанов - болгарский политэмигрант, заочно приговоренный антинародным судом Болгарии к смертной казни за его борьбу за свою свободную демократическую Родину, его занесли в списки активных "красных". После нападения фашистской Германии на СССР он на третий день войны ушел добровольцем на фронт. В его честь названа одна из улиц Твери. 17 октября 1941 года в районе города Калинина погиб командир полка Герой Советского Союза майор М.А. Лукин.

7 мая 2010 г. в Твери была открыта мемориальная доска в память о Герое Советского Союза А. Т. Севастьянове. Он родился в 1917 г. в деревне Холм Калининской области. 5 ноября 1941 г. он совершил ночной таран фашистского бомбардировщика над Ленинградом. Он погиб около станции Рахья Ленинградской области 23 апреля 1942 г., защищая "Дорогу жизни" через Ладожское озеро. 6 июня 1942 г. летчику-истребителю А. Севастьянову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Б. Полевой писал о борьбе советских людей с оккупантами в Калинине: "В городе с первого же дня начала действовать подпольная организация. ...В районе "Вагжановки" сгорели большие интендантские склады. Три дня горели, много погибло немецкого добра...Поджигались мастерские, где немцы ремонтировали подбитую технику... В офицерское казино, что помещалось в клубе "Текстильщик", бросили бомбу. Ну и двух полицаев как-то по-

весили ночью в городском саду. ...Впоследствии комендант приказал расстрелять двадцать пять заложников".

Тяжкие последствия в Калинин оставили после себя германские войска. Немцы сожгли и разрушили более 50 предприятий, 7700 зданий, мосты через Волгу и Тьмаку, драматический театр, театр филармонии, театр юного зрителя, кинотеатр "Эрмитаж", сожгли библиотеку имени Горького, многие школы, детсады. С гневом и болью А. Фадеев в статье "Изверги-разрушители и люди-созидатели" поведал о том, что натворили фашисты в Калинин: "В одном из подвалов города найдено двенадцать трупов молодых людей; двоим из них было по шестнадцать лет. Все убиты тупым предметом: у некоторых выколоты глаза, некоторых пытали, подвесив за ноги. Четыре девушки были сначала изнасилованы, потом убиты. ...В здании прекрасной хирургической больницы в Калинин была устроена конюшня" (Правда. 14.01. 1942).

Далее: "В деревне Рубцово, Моркино-Городищенского сельсовета, Калининской области немцы выгнали за околицу все население, женщин и детей, и расстреляли из пулеметов. ...Население деревень Даниловского, Некрасовского и Борисовского сельсовета, общим числом до 2000 человек немцы выгнали в лютый мороз за речку Тьмаку и стали расстреливать из автоматов и пулеметов. ...Древний русский город Старица, родина первого русского путешественника купца Афанасия Никитина, город, славившийся своим монастырем - памятником русского зодчества, город, расположенный по двум сторонам верховья Волги, необычайный по красоте своей, - разрушен и сожжен немцами почти целиком".

Полковник Н. Деев сообщил: "Разграблению и уничтожению подверглись многие калининские деревни. В колхозе "Красное звено" Калининского района немцы забрали всех лошадей, коров, овец, разорили пасеку. Забрали весь колхозный хлеб и овощи. У колхозников отобрали личный скот, теплую одежду, обувь" (На правом фланге... С. 271). Н. Кротов, уроженец села Петрянха Шатурского района Московской области, боец саперного батальона, писал о немцах, которых "прогнали далеко за Калинин": "Они колхозников разорили начисто, продукты все поели, одежду, обувь всю забрали, дома жгли, валяные сапоги снимали с ног, даже у детей, и убивали многих женщин; даже не то, что хорошее, но и чашки, ложки, чугунные лампы - все с собой забрали".

Ознакомившись с таким омерзительным поведением оккупантов, можно конкретно представить, в каких неимоверно тяжелых условиях пришлось советским людям возрождать более или менее нормальную повседневную жизнь после их освобождения от "прелестей" нового немецкого порядка.

Глава 24. Оборона Москвы

Гудериан рассуждал: "Захват Москвы для немцев в 1941 году был гораздо важнее, чем для Наполеона в 1812 году, потому что этот город уже не стоял на втором месте после Петербурга..., а стал первым и главным городом Советского Союза..., своего рода ключом ко всей советской системе". Германское руководство считало, что после взятия Москвы наши войска не смогут продолжать сопротивление. По словам генерала Г. Блюментрита, начальника штаба 4-й армии, немцам в октябре 1941 г. казалось, что "Москва вот-вот падет. В группе армий "Центр" все стали большими оптимистами. От фельдмаршала фон Бока до солдата все надеялись, что вскоре мы будем маршировать по улицам русской столицы. Гитлер даже создал специальную саперную команду, которая должна была разрушить Кремль".

Германские войска 30 ноября находились в 17 километрах от границы Москвы и в 27 километрах от Кремля, 2-3 декабря заняли станцию Крюково, в 22 км. от Москвы, подошли до станции Химки, в 16 км. от нашей столицы. 30 ноября Гитлер на весь мир объявил о том, что с немецких наблюдательных пунктов можно в бинокль различить силуэты кремлевских башен. Но радужные ожидания немцев не сбылись, они не смогли захватить столь близкую от них Москву и победоносно завершить войну.

С 10 октября Жуков возглавил оборону Москвы. А. Н. и Л. А. Мерцаловы в брошюре "Г. К. Жуков: Новое прочтение или старый миф" (1995) утверждали, что "по своему образованию, общему кругозору" Тимошенко и Жуков "могли быть всего лишь рядовыми командирами". В таком случае невозможно объяснить: как же крайне недалекий и необразованный Жуков сумел разбить под Москвой великолепные немецкие войска, возглавляемые блестящими, очень образованными генералами?

12 октября ГКО решил строить третью линию оборонительной линии, она полукругом опоясывала Москву в радиусе 15-18 километрах. Было решено эвакуировать из Москвы ряд правительственных учреждений, дипломатический корпус, крупные оборонные заводы. 13 октября собрание актива Московской партийной организации постановило: "Мобилизовать всех коммунистов и комсомольцев, всех трудящихся Москвы на отпор немецко-фашистских захватчиков на защиту Москвы, на организацию победы". В тот же день начали формировать 25 добровольческих батальонов. 14 октября митрополит Сергей обратился с воззванием: "Вторгшийся в наши пределы коварный и жестокий враг, по-видимому, напрягает все свои силы. Огнем и мечом проходит он нашу землю, грабя и разрушая наши села. Силен враг, но велик Бог Земли Русской". 8 октября ГКО принял решение об эвакуации авиазаводов Москвы и Московской области. 14 октября была принята установка эвакуировать наркоматы и ведомства. Начиная с 15

октября, многие предприятия и учреждения стали переезжать на восток. 16 октября выехал генштаб. От него была оставлена небольшая группа работников (9 человек) во главе с А. Василевским.

17 октября по поручению ЦК ВКП(б) А. Щербаков, выступая по радио, заявил: "За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови. План гитлеровцев мы должны сорвать во что бы то ни стало". По решению Государственного Комитета Оборона с 20 октября в столице и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. П. Судоплатов в воспоминаниях "Разведка и Кремль" сообщил: "На тот случай, если немцам удастся захватить город, наша бригада заминировала в Москве ряд зданий... а также важные сооружения как в столице, так и вокруг нее" (С. 158).

Ю. Походаев заявил, что "война была проиграна немцами 16 октября 1941 г., во второй половине дня". Немцы подъехали "к какой-то" реке, где был солдат с маленькой пушкой, ему помогал мальчик, они стали стрелять в немцев, попали в бронемашину. Те скрылись. "Этот случай для немцев оказался роковым. Если бы они знали, что, кроме пушечки, одного солдата и паренька, до самой Москвы никого нет, они спокойно и свободно могли бы доехать до Сокола или Белорусского вокзала. А так, что они могли подумать? Мост заминирован, берег в обороне, надо готовиться к штурму, Для этого требовалось два-три дня. За это время прямой доступ к городу перекрыли регулярные войска... Всего два дня промедления - и судьба войны была решена" (Литературная газета. № 49. 2001). Мальчиком был Походаев. Надо бы поставить ему величественный памятник, но где найти "какую-то" реку? К ней, как вытекает из статьи, подошла немецкая разведка, у врага там не было войск для наступления, и, конечно, не спас этот случай Москву и не вершил судьбу войны.

Доктора исторических наук А. Басов и Л. Гаврилов в статье "Столица-крепость" тоже объявили 16 октября 1941 г. "решающим днем битвы за Москву в Великой Отечественной войне против немецко-фашистского нашествия": тогда "ГКО решил начать немедленно эвакуацию из Москвы" (Советская Россия. 09.10. 2001). Это решение приняли раньше. Вызывает недоумение их домыслы: "Но народ, а вслед за ним и руководители партии и государства не выполнили этого постановления", им "пришлось возглавить работу по укреплению обороны города". В действительности эвакуация была проведена, а руководство страны ни на один день не уклонялось от работы по защите Москвы. Секретарь МК ВКП(б) В. Пронин в "Битве за Москву" сообщил: "За полтора месяца было эвакуировано на восток около 500 предприятий, фабрик и заводов, более миллиона рабочих, инженерных и научных работников, много учреждений, театров, музеев".

Топограф С. Голицын в "Записках беспогонника" (Наш современник. 1995. № 7) писал о "панике, безумной и стихийной, внезапно охватившей Москву" 16-18 октября: "По Ярославскому, Горьковскому, меньше по Рязанскому шоссе ринулись обезумевшие толпы на машинах и просто пешком. Учреждения прекратили работу, архивы (в том числе и архив НКВД со всеми картотеками) жглись, в магазинах то выбрасывали на прилавки все запасы, то вешали на дверях замки. На иных заводах и в учреждениях выдавали зарплату за три месяца вперед, на других сокращали поголовно всех, кроме начальства". Бывший управляющий делами СНК СССР Я. Чадаев писал: "В это время нарастала кризисная обстановка. Подняли голову притаившиеся до сих пор подонки общества, державшие за пазухой камень против советской власти. Дело дошло до того, что в один из дней на Лобном месте против Кремля устроился с винтовкой лазутчик и произвел несколько выстрелов по выезжавшей из Кремля автомашине. Стрелявший рассчитывал, что в машине ехал Микоян. Лазутчика, конечно, обезвредили" (Советская Россия. 10.10.1989). Поступали сообщения о грабежах квартир, магазинов, складов, о нарушениях общественного порядка. Для пресечения беспорядков были приняты решительные меры. Паника 16-17 октября "захватила лишь небольшие группы населения".

Были факты, когда "рабочие больших заводов и фабрик организовали охрану предприятий, не хотели эвакуироваться и требовали продолжать работу. Они первыми проявили уверенность в том, что фашисты не прорвутся в Москву", - писали Басов и Гаврилов. Вряд ли стоит напрасно искать, кто "первым" проявил такую уверенность. В. Кардин писал: "13-16 октября 12 тысяч москвичей добровольно вступили в коммунистические батальоны. Значительная часть волонтеров - "белобилетники"- студенты и беспартийная интеллигенция средних лет" (Московские новости. № 18. 2001). Они были уверены в том, что "Москва не будет сдана". В. Пронин писал, что, приступив к массовой эвакуации, Московский горком и Московский Совет "недостаточно разъяснили ее необходимость населению".

Патриотическая настроенность рабочих и уверенность в разгроме врага под Москвой были настолько сильны, что на ряде предприятий часть рабочих противилась выезду на восток. "16 октября ...рабочие 2-го часового завода не выпускали со двора нагруженные оборудованием и материалами автомашины". Пронин приехал на завод, выяснилось: рабочие не знали, что эвакуация проводится по решению правительства. 17 октября толпа жителей не пропускала на шоссе Энтузиастов идущие из города на восток автомашины. Положение нормализовалось, когда жителям "разъяснили причины эвакуации, рассказали, что руководство остается на месте, что на подступах к столице строятся укрепления и никто сдавать Москву не собирается".

Не могу верить тому, что писал Ю. Нагибин в "Свете в конце туннеля": "Вскоре подъем, испытанный оставшимся в Москве населением в связи со скорым приходом немцев и окончанием войны - никто же не сомневался, что за сдачей Москвы последует капитуляция - изменился томлением и неуверенностью. Втихоря ругали Гитлера, расплескавшего весь наступательный пыл у стен Москвы... Многие оставшиеся в городе ждали немцев..." В. Кардин утверждал, что при подходе немцев к Москве находились люди, которые "для новых хозяев составляли списки коммунистов, евреев, командирских семей". Немного было подобных предателей.

Г. Владимов бесстыдно лгал: Сталин в октябре 1941 года "только дезертир и трус, когда Жуков возвращался к ночи с позиций, укладывал его спать на кушетку и самолично стягивал с него сапоги, не забыв спросить о себе - не отъехать ли ему в Куйбышев, куда все правительство смылось" (Московские новости. № 48. 1998). По словам Жукова, Сталин "добивался почти невозможного в организации обороны Москвы". В. Литов сообщил, что в архивных документах зафиксировано: "Жуков трижды предлагал сдать Москву и даже пытался перенести свой командный пункт к Белорусскому вокзалу. Сталин резко одернул полководца и приказал ему держаться до конца" (Правда. № 142. 2006). Это весьма неожиданное сообщение (верное ли?) требует вдумчивого изучения.

Г. Попов, названный генерал-майором Б. Голышевым "ученым невеждой", в статье "Только правду, всю правду. К шестидесятилетию победы под Москвой" объявил, что инициатива создать народное ополчение возникла у московского руководства, а Сталин был "не в восторге от этой идеи", думая: "Не создают ли в виде ополчения претенденты на новое правительство России вооруженную базу для себя?" (Московский комсомолец. 14, 20, 28. 11. 2001). По мысли Попова, эти формирования "со своими авторитетными формальными и неформальными лидерами, получив оружие, могли стать опасными", Сталин боялся, что Московский ГК ВКП(б) задумал-де отстранить его от власти. Однако он еще 3 июля говорил: "Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение".

Г. Попов негодует, что "все ополчение не остается в столице, сразу же уезжает из нее на рытье окопов", и "все грандиозные затраты человеческого труда и материалов" оказались бесполезными". В "Истории Второй мировой войны" приведено донесение командира 5-го немецкого корпуса: "Используя хорошо оборудованные позиции... (не ополченцы ли создали их? - А. О.) и сильное минирование, 316-я русская дивизия... ведет поразительно упорную борьбу" (Т. 4. С. 98).

В том, что ополченцы воевали, Попов видит не суровую необходимость, а желание погубить их: "армейское командование получило приказ при первом же поводе двинуть ополченцев подальше от Москвы и бросить их в первую же мясорубку". На самом деле сформированные ополченческие подразделения были отправлены на строившуюся в тылу Можайскую линию обороны, где они занимались боевой подготовкой и строили укрепления. В сентябре они были переформированы в обычные стрелковые дивизии, в бой пошли в декабре 1941 году во время контрнаступления под Москвой. Доктор военных наук Г. Кириленко писал о дивизиях ополченцев: "Многие из них в последующем награждены орденами Ленина, Суворова и Боевого Красного Знамени, а дивизия народного ополчения Киевского района Москвы стала даже 77-й гвардейской" (Правда. № 18. 2002). По лживой версии Попова, Сталин не доверял тогда секретарю Московского горкома партии Щербакову, но как объяснить то, что вскоре он назначил его начальником Главного политического управления Красной Армии?

Когда враг угрожал Москве, когда страна была в опаснейшем положении, А. Толстой писал 7 ноября 1941 г. в "Правде": "За эти месяцы тяжелой, решающей борьбы мы все глубже понимаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, родина. ...Наша земля немало поглотила полчищ, наезжавших на нее насильников. ...Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!.." В октябре 1941 г. И. Эренбург призывал: "Мы должны выстоять. Сейчас решается судьба России. Судьба всей нашей страны. Судьба каждого из нас. Судьба наших детей... Мы выстоим: мы крепче сердцем. Мы знаем, за что воюем: за право дышать. Мы знаем, за что терпим: за наших детей. Мы знаем, за что стоим: за Россию, за Родину".

Политрук Василий Клочков, воевавший в составе 316-й стрелковой дивизии И. Панфилова, воскликнул в критическую минуту боя: "Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!" (На самом деле эти замечательные слова, правдиво отражающие тогдашний настрой советских людей, "воссоздал" 28 ноября 1941 г. А. Кривицкий в статье газеты "Красная звезда"). 28 панфиловцев совершили беспримерный - широко известный всей стране - подвиг у разъезда Дубосеково, защищая столицу. Н. Тихонов обратился к символическому образу матери-родине, прославляя их подвиг: "Смотри, родная сторона, // Как бьются братьев двадцать восемь! // Смерть удивленно их уносит: // Таких не видела она".

Ю. Жук в книге "Неизвестные страницы битвы за Москву: Крах операции "Тайфун". Неизвестное об известном. Московская битва: факты и мифы" (2008) несколько по-иному рассказал о подвиге 28 героев-панфиловцев. Он указал, что в действительности в 4-й роте капитана

Гундиловича перед боем было 130-140 человек, а 54 танка наступали на всю дивизию Панфилова. Первая атака фашистских войск была отбита, а во время второй немецкие танки разбили роту, в ней в живых осталось человек 30. Всем 28 панфиловцам присвоили звание Героя посмертно. Впоследствии выяснилось, что пятеро остались живыми. В их числе был и сержант Добробабин, попавший в плен к немцам и пошедший служить в немецкую вспомогательную полицию. После следствия и суда его лишили звания героя.

В повести А. Бека "Волоколамское шоссе" (1943-1944) изображен героизм защитников Москвы в 1941 г., в ней выведены реальные лица: командир восьмой гвардейской дивизии генерал Панфилов, командир батальона Баурджан Момыш-Улы - главный герой повести - стойкий, суровый, непреклонный, с бурным темпераментом казах. В повести стал главным мотив воспитания настоящего воина. В ней показан процесс формирования батальона как боевой единицы, массовый героизм панфиловцев в боях на подступах к Москве. Автор основное внимание уделяет переживаниям, психологии бойца во время боевых операций. Момыш-Улы, волевой, строгий, инициативный командир, говорит: "Я хочу быть скупым на слова, когда речь идет о любви к Родине". Удачным получился образ генерала Панфилова. Он воспитывал в бойцах умение мыслить на войне, внушал офицерам, что "главная обязанность, главное дело командира - думать, думать и думать".

Очень тяжкий 1941 год, жестокие бои на Западном направлении и под Москвой, массовый героизм советских людей показаны в романах К. Симонова "Живые и мертвые", В. Соколова "Вторжение" о кульминации Московской битвы, М. Бубеннова "Белая береза", И. Стаднюка "Война", Г. Бакланова "Июль 1941 года", в повестях А. Бека "Волоколамское шоссе", К. Воробьева "Убиты под Москвой", Б. Васильева "В списках не значился", В. Сальковского "На старой смоленской дороге" и др.

По словам Гарта, осенью 1941 г. "большинство немецких генералов стояли за то, чтобы прервать наступление и занять выгодные позиции на зиму". 9 ноября 1941 г. Гитлер заявил: "Признание того факта, что ни одна из сторон не способна уничтожить другую, приведет к компромиссному миру". В эти же дни командующий группой армий "Юг" фельдмаршал фон Рунштедт предложил отступить на границу с Польшей и закончить войну политическим путем. Его поддержал командующий группой армий "Север" фельдмаршал Риттер фон Лееб.

Командующий группой армий "Центр" Бок выступил за продолжение наступления на Москву, но предупредил, что его исход "будут решать последние батальоны". В поддержку идеи наступления высказались также главнокомандующий сухопутными войсками Браухич и начальник генштаба сухопутных войск Гальдер. Следует учесть упоминание в западногерманской

литературе о беседе командующего армией резерва генерал-полковника Фромма с Гальдером 24 ноября 1941 года. Фромм высказался за заключение мира с Россией с тем, чтобы "продиктовать ей условия в выгодной ситуации, которая может оказаться последней".

Немецкая армия не смогла сломить упорное сопротивление советских войск. В боях у Мценска в танковой бригаде полковника М. Катукова было всего 45 танков. Искусно используя танковые засады, катуковцы нанесли серьезное поражение немцам. За восемь суток непрерывных боев Гудериан потерял 133 танка, 2 бронемашины, 2 цистерны с горючим, 35 ПТР, 15 тягачей с боеприпасами, 6 минометов, 4 зенитных орудия, 6 самолетов и до полка пехоты. За это время бригада Катукова потеряла 19 танков, из них 7 сгорели, а 12 восстановлены.

Ширер констатировал: "Несколько генералов, в том числе Гудериан, Блюментрит и Зепп Дитрих, с удивлением писали о русском танке Т-34, о котором раньше ничего не слышали и который имел такую прочную броню, что снаряды немецких противотанковых орудий отскакивали от нее, не причиняя никакого вреда. Появление этого танка, говорил позднее Блюментрит, ознаменовало "зарождение так называемой танкобоязни". Гудериан записал в дневнике: "Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками стало совершенно очевидным".

Не удалось Гудериану - при всех его очень настойчивых попытках - захватить Тулу, хотя он, обойдя ее, вышел к Кашире. Операция "Тайфун" окончательно сбилась с победного темпа и со всей очевидностью провалилась. "И теперь, когда Москва была почти на виду, - вспоминал Блюментрит, - настроение как командиров, так и войск начинало меняться. Сопротивление противника усиливалось, бои приобретали все более ожесточенный характер... Многие из наших рот сократились до 60-70 солдат. Сказывалась нехватка исправных артиллерийских орудий и танков. Зима уже начиналась, но не было никаких намеков, что мы получим зимнее обмундирование... Далеко за линией фронта, в нашем тылу, в бескрайних лесах и болотах, стали давать о себе знать партизаны. Колонны снабжения часто попадали в засаду..."

Как правдиво показала М. Алигер в поэме "Зоя" (1942), ради своей Родины, ради счастья советских людей московская комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская отдала свою жизнь. Поэма написана как душевная беседа между автором и юной партизанкой Зоей. В трех главах поэмы изображены довоенный период жизни народной героини, во время войны и в день гибели. М. Алигер сумела передать ее духовное обаяние, ее раздумья и переживания, единство ее мыслей и чувств с мыслями и чувствами народа. Героическое поведение Зои перед смертью стало ее высокой идейно-нравственной победой, началом ее славного бессмертия. Она стала "нашей любимицей, символом правды и силы, чтоб была наша верность, как гибель твоя, высо-

ка". Зоя превратилась в олицетворение мужества и непобедимости русского народа. Трагедийность поэмы наполнилась жизнеутверждающей силой.

Глава 25. Разгром немецких войск под Москвой

В октябре 1941 года немецким войскам удалось продвинуться на 230-250 километров в направлении Москвы, но главной цели операции "Тайфун" они не достигли: Москву не взяли, наше сопротивление не сломали. 30 октября командование группы армий "Центр" выпустило директиву на продолжение операции № 2250/41: "Дальнейшее наступление пехотных соединений при поддержке 4-й танковой группы в направлении Ярославль - Рыбинск предусмотреть на случай, если позволят погодные условия и положение со снабжением. 9-й армии выяснить обстановку под Калинином, севернее Ярополец, отбросить противника на участке реки Лама и захватить переправы через западную оконечность Волжского водохранилища. В дальнейшем сосредоточить 3-ю танковую группу для наступления южнее Волжского водохранилища в направлении на северо-восток". Выполнить такую большую задачу было выше возможностей измотанных и понесших большие потери в предыдущих боях немецких войск. К середине ноября в составе немецкой авиации на московском направлении насчитывалось 580 боевых машин, а наших самолетов под Москвой - 1138.

Германская разведка не смогла точно оценить сложившуюся обстановку, узнать о подготовке к участию в боях новых советских армий. 18 ноября Гальдер записал в своём дневнике: "Вообще же фельдмаршал фон Бок, как и мы, считает, что в настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возьмёт тот, кто проявит большее упорство. Противник тоже не имеет резервов в тылу и в этом отношении наверняка находится в ещё более худшем положении, чем мы".

15 ноября 3-я танковая группа перешла в наступление южнее Калинина, которое в первые дни проходило более или менее успешно для немцев. В ночь на 16 ноября правифланговые части 30-й армии были изолированы севернее Московского моря. 19 ноября соединения 3-й танковой группы повернули на юг с целью захватить город Клин и перерезать дороги к отступлению для советской 16-й армии. За 16-20 ноября немецкие войска продвинулись к востоку от Волоколамска на 15-25 км. 22 ноября они захватили Клин. Дальнейшее наступление на восток у них затормозилось, наши войска очень стойко оборонялись.

В составе 16-й армии героически сражались бойцы 78-й стрелковой дивизии под командованием А. Белобородова. 18 ноября ей была поставлена задача контратаковать немцев, устремившихся к шоссе Волоколамск - Москва. К. Рокоссовский, командующий 16-й армией, впо-

следствии рассказал: "Сибиряки шли на врага во весь рост. Удар они нанесли во фланг. Противник был смят, опрокинут, отброшен... Лишь выдвинув на это направление новые части, немцы приостановили дальнейшее продвижение 78-й дивизии".

Только после трёх дней боёв 26-28 ноября немцы выбили советские части с истринского рубежа. В обход Истринского водохранилища через Солнечногорск на Москву двигались 2-я и 11-я немецкие танковые дивизии. Чтобы изменить неблагоприятную обстановку, Жуков приказал кавалерийской группе Доватора немедленно нанести контрудар во фланг солнечногорской группировке противника. Сюда срочно была переброшена 133-я стрелковая дивизия. Из 49-й армии Западного фронта на солнечногорское направление перебрасывалась 7-я гвардейская дивизия. В район Крюкова была перемещена 8-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с 1-й гвардейской танковой бригадой М. Катуква.

29 ноября контрударом 29-й и 50-й стрелковых бригад при поддержке артиллерии и авиации немцев отбросили на западный берег канала Москва - Волга. В этот день Гальдер записал в дневнике: "Активность противника перед фронтом 4-й армии несколько возросла. В донесениях говорится о подготовке противника к наступлению (?). На северном фланге 4-й армии и на фронте 3-й танковой группы - никаких изменений. Противник перебрасывает силы (по-видимому, снятые с участка фронта перед 9-й армией и выведенные из района Ярославля) против 7-й танковой дивизии, наступающей через канал Москва - Волга в районе Яхромы". Полученные сведения о подготовке советских войск к наступлению высшее командование вермахта не хотело воспринимать всерьёз.

Еще до начала нашего контрнаступления под Москвой ряд высших немецких деятелей стал сомневаться в успехе дальнейшей войны против СССР. 23 ноября Гальдер писал: "Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 года, мы уже никогда больше иметь не будем. ...Возможно, что война сместится из плоскости военных успехов в плоскость способности выстоять в моральном и экономическом отношении" (Т.3. Кн. 2. С. 67). Генерал-полковник К. Рейнгардт в книге "Поворот под Москвой" признал: "Планы Гитлера и перспективы успешного завершения войны Германией рухнули, видимо, в октябре 1941 года и, безусловно, с началом русского контрнаступления". Министр по делам вооружения и боеприпасов Фриц фон Тодт 29 ноября 1941 г. обратился к Гитлеру с призывом: "Мой фюрер, войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и экономическом отношении нами уже проиграна".

29 ноября немцев выбили из Ростова, что стало для них крупной неудачей. "Наши беды начались с Ростова, - признал позднее Гудериан. - Это было зловещее предзнаменование". Фельдмаршал фон Рундштедт из-за потери Ростова был снят с поста командующего на южном

направлении. "Неожиданно я получил от фюрера приказ оставаться там, где мы находимся, и не отступать дальше, - рассказал он. - Я немедленно телеграфировал в ответ: "Пытаться удержать позиции - безумие. Во-первых, войска не смогут этого сделать; во-вторых, если они не отступят, то будут уничтожены. Повторяю, этот приказ необходимо отменить или придется подыскать кого-нибудь другого на мое место". В тот же вечер от фюрера поступил ответ: "Согласен с вашей просьбой. Пожалуйста, сдайте командование".

1 декабря командующий войсками группы армий "Центр" фон Бок телеграфировал в "совершенно секретном" донесении главнокомандующему сухопутными войсками Браухичу о положении под Москвой: "Как показали бои последних 14 дней, предположение, что противостоящий группе армий противник "близок к поражению", оказалось иллюзией. ...И если бы даже невозможное стало возможным и удалось бы выиграть дополнительное пространство, то для окружения Москвы и её блокады с юго-востока, востока и северо-востока сил и вовсе бы не хватило. Следовательно, наступление теряет всякий смысл, тем более что недалеко то время, когда силы войск иссякнут. ...необходимо срочно выбрать выгодный и менее растянутый рубеж в тылу для войск Восточного фронта и соответствующими силами оборудовать его в инженерном отношении, подготовить места для расквартирования войск и тыловые коммуникации, чтобы при получении соответствующего приказа его можно было занять в течение короткого времени".

1 декабря 1941 года вышел приказ № 396 о контрнаступлении наших войск под Москвой за подписью "Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин, А. Василевский". В. Солоухин присочинил, что Г. Жуков "просил перед каждым наступлением, чтобы соотношение наших бойцов и немцев было десять к одному". В книге "Россия распятая" И. Глазунов повторил эту мысль: "Жуков... не начинал сражения, если на одного немецкого солдата у него не были десяти советских". Г. Якобсен писал: "Советы, по немецким данным, усилили свой Западный фронт 50 пехотными и 17 танковыми дивизиями" (С.33). В "Истории войн" говорится, что советские полководцы добивались успехов только при подавляющем превосходстве своих войск: "Получив сильное подкрепление в количестве 100 свежих дивизий, русские начали контрнаступление и погнали германские войска, несмотря на их отчаянное сопротивление" (Т. 3. С. 121).

14 сентября 1941 года Зорге сообщил в Москву: "Японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ на случай наступления весной будущего года в случае поражения СССР к этому времени". Это сообщение помогло нашему командованию принять решение снять ряд корпусов с Дальнего Вос-

тока и перебросить их под Москву. Но не было у нас возможности заполучить столь много - целых сто - новых дивизий.

Советское контрнаступление 5 декабря началось и проходило без превосходства в силах: "К началу декабря 1941 года противник имел под Москвой свыше 1708 тысяч человек, около 13,5 тысячи орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. У советских войск здесь было 1100 тысяч человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка (в том числе 222 средних и тяжелых) и 1000 самолетов" (История Второй мировой войны. Т. 4. С. 284). Немцы превосходили там наши войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии - в 1,8, танках - 1,5 раза, в боевых самолетах уступали в 1,6 раза.

На войне не все решает количественный фактор. И. Шафаревич удивлялся "совершенно загадочному повороту в войне": "Тогда я понял, что, кроме числа мобилизованных солдат, количества боеприпасов и других зримых материальных вещей, способно материализоваться, стать реальным фактором духовное чувство, какой-то идеалистический порыв" (Завтра. 23.05. 2001). Этот патриотический порыв, героическая самоотверженность народа и сыграли решающую роль в успехе нашего контрнаступления. Немецкие войска, полудугой вытянувшиеся вокруг Москвы, под напором сильных ударов Красной армии стали отступать. Г. Жуков вспоминал: "Когда в сражении наступил перелом, я так крепко заснул, что меня не могли разбудить. Два раза звонил Сталин, ему отвечали: "Жуков спит, не можем его добудиться..." (Советская Россия. 07.05. 1994).

К вечеру 5 декабря Гудериан информировал Бока, что его части вынуждены отходить, и Бок по телефону сообщил Гальдеру, что "силы иссякли". В 1950 году Жуков говорил: "Как выяснилось потом из документов, в ту ночь, когда мы начали свое наступление, Браухич уже отдал приказ об отступлении за реку Нара, то есть он уже понимал, что им придется отступать, что у них нет другого выхода" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 82). Браухич в отчаянии сообщил начальнику генштаба о своем решении уйти с поста главнокомандующего сухопутными войсками. 7 декабря Гальдер посчитал, что события этого дня "ужасающи и постыдны" для вермахта.

7 декабря командующий группой "Центр" фельдмаршал фон Бок проанализировал в своем дневнике причины неудачи наступления на Москву: "Ужасный день. Три обстоятельства привели к нынешнему тяжелому кризису: 1. Начавшаяся осенняя распутица. В результате её передвижение войск и их боепитание парализованы... 2. Развал железнодорожного транспорта. Недостатки эксплуатации, нехватка тягового и подвижного состава, квалифицированного персонала, рабочих. ... 3. Недооценка силы сопротивления противника, его людских и материальных

ресурсов. ...За неожиданно короткое время русские восстановили свои понесшие урон дивизии, перебросили новые дивизии из Сибири, из Ирана, с Кавказа на угрожаемые участки, попытались заменить свою утраченную артиллерию ракетными установками. Сегодня перед фронтом группы действует на двадцать четыре значительно усиленных дивизий больше, чем 15 ноября. В отличие от этого боеспособность немецких дивизий в результате непрерывных боев и трескучих морозов упала более чем наполовину. Боеспособность танковых войск еще ниже. Потери офицерского и унтер-офицерского состава ужасающи - пополнить его еще труднее, чем восполнить потери рядовых... Положение катастрофическое. ...Теперь группа армий вынуждена в тяжелейших условиях перейти к обороне". 8 декабря Гитлер подписал директиву ОКВ №39: "Преждевременное наступление холодной зимы на Восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все наступательные операции и перейти к обороне..." (Отечественные записки. 18.11. 2006).

Гитлер наставлял по телефону командующих Восточного фронта: "Русские будут следовать по пятам любой отступающей армии, не давая ей передышки, вновь и вновь атакуя ее, а армия не сможет остановиться, ибо в тылу у нас нет подготовленных рубежей. Тогда фраза "отступление Наполеона" станет реальностью". Гитлер запретил дальнейшие существенные отступления, не разрешал дивизии отступать больше чем на 5-10 километров за одну ночь.

Гарт заключил: если бы немецкие войска "начали общее отступление, оно могло бы перерасти в полный разгром. ...запрет Гитлера на сколько-нибудь значительный отвод войск способствовал восстановлению у немцев веры в свои силы и, вероятно, спас их от крупного поражения, а его требование придерживаться "круговой" обороны дало им важные преимущества в начале кампании 1942 года".

Многие немецкие генералы, указывал Ширер, "считали, что, если бы им была предоставлена свобода выбора и они отвели войска с позиций, оказавшихся непригодными для обороны, они бы в значительной степени сохранили как личный состав, так и боевую технику, располагали бы более благоприятными условиями для перегруппировки и даже для контратак. ...И тем не менее впоследствии некоторые генералы неохотно признавали, что благодаря железной воле Гитлера войска прекратили отход и сражались на каждом рубеже, тем самым, вероятно, избежав гибели среди снегов России".

Эту точку зрения лучше всего сформулировал генерал Блюментрит: "Фанатичный приказ Гитлера о том, что войска должны остановиться и сражаться на каждой позиции независимо от местности и неблагоприятных условий, несомненно был правильным. Гитлер понял, что любое отступление через снежные заносы и покрытую льдом местность в течение нескольких дней

приведет к развалу фронта". С этим соглашался генерал Типпельскирх: "Это было одним из крупных достижений Гитлера. ...Если бы началось отступление, оно могло превратиться в паническое бегство". Тогда в воздухе витал призрак бесславного отступления наполеоновской армии из Москвы в 1812 году.

О тягостном настрое в немецкой армии говорят записи Гальдера. "Очень тяжелый день" - не раз он повторял такие слова, описывая очередной прорыв советских войск. "30 декабря. Снова тяжелый день!.. Фюрер по телефону вел возбужденные переговоры с фон Клюге. Он отклонил ходатайство об отводе войск северного фланга 4-й армии". Гитлер приказал 3 января 1942 г.: "Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты - вот что требует от нас текущий момент" (Русский архив. Т. 5. С. 10). Перед этим, 20 декабря 1941 г., он отдал бесчеловечный приказ: "Населенные пункты - сжечь. У местного населения отобрать теплую одежду".

Гудериан впоследствии написал: "Наше наступление на Москву провалилось. Все жертвы и лишения наших храбрых солдат оказались напрасными. Мы потерпели серьезнейшее поражение". Блюментрит, занимавший пост начальника штаба 4-й армии, понял: "Это был поворотный пункт нашей Восточной кампании - надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. ...Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт - Московская битва, нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и военном отношениях. На Западе, то есть в нашем тылу, больше не могло быть и речи о столь необходимом нам мире с Англией. ...Масштабы поражения измерялись не только этим. Гальдер это понял, хотя и несколько позднее. "Разбит миф о непобедимости немецкой армии", - писал он. С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости. Поэтому 6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом в краткой истории Третьего рейха, причем одним из самых роковых моментов". Д. Фуллер заключил, что после поражения под Москвой "германская армия так и не вернула утраченную энергию, а в глазах всего мира она лишилась ореола непобедимой армии".

Подчеркнем важную мысль в процитированном рассуждении Гудериана: после поражения под Москвой "не могло быть и речи о столь необходимом нам мире с Англией". Длительная война одновременно на востоке и на западе вела Германию к неминуемому краху. Это понимал и сам Гитлер, и его окружение.

Как же трактуют это поражение германской армии западные исследователи и немецкие генералы? Начальник оперативного руководства вермахта А. Иодль сказал на совещании в Мюнхене 7 ноября 1943 г.: "Однако на Востоке стихийное бедствие зимы 1941 года властно

воспрепятствовало даже самой сильной воле, заставив нас остановиться" (Вторая мировая война: два взгляда. М. 1995. С. 221). Фуллер рассудил: "С полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву". В журнал боевых действий штаба группы армий "Центр" 19 октября записали: "В ночь с 18 на 19 октября на всем участке фронта группы армий прошли дожди. Состояние дорог настолько ухудшилось, что наступил тяжёлый кризис в снабжении войск продовольствием, боеприпасами и особенно горючим. Состояние дорог, условия погоды и местности в значительной мере задержали ход боевых операций". Якобсен писал в таком же духе о немецком поражении под Москвой: "Начавшийся период распутицы замедлил быстрое продвижение группы армий "Центр"... Хотя советские историки и по сей день недооценивают это обстоятельство, оно явилось важным фактором последующей неудачи. Ведь наступление на Москву на несколько недель увязло в грязи, замедлилось" (С. 33).

Но зарубежные историки и мемуаристы, указывая на раскисшие дороги как основной фактор неудач немецкой армии в октябре 1941 г., делают вид, что распутица никак не сказалась на действиях советских войск. Грязь и бездорожье очень мешали отступающим советским войскам выводить с собой орудия, автомашины, радиостанции. В докладе в штаб фронта командующий 16-й армией К. Рокоссовский сообщил: "Состояние дорог настолько плохое, что создаётся угроза невозможности вывести материальную часть артиллерии и всех типов машин" (Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 23).

4 ноября начались морозы, грязь исчезла. "Наступила русская зима, которая создала величайшие трудности для неподготовленных к таким природным условиям немецких войск" (Г. Якобсен). Неужели германский генштаб, разрабатывая план "Барбаросса", ничего не знал о том, какая погода бывает в России, что в ней бывает зима, которая создает "величайшие трудности" не только для чужих войск? **Многие на Западе все еще не хотят признать очевидной истины: в самой основе германский план нападения на СССР был авантюристичен.**

Третий том "Истории войн" характерен очевидным умалением решающей роли СССР в победе над Германией. Его составитель В. Подольников, преподнося недостоверные сведения, игнорировал советские исследования и даже западные труды, дающие более или менее объективную картину войны. К тому же он плохо знает то, о чем рассуждает. Он, например, пишет, что "советские войска достигли Дуная в Бухаресте (1 сентября)". Но Дунай течет в полусотне километров от столицы Румынии.

Перепевая оправдания гитлеровских генералов, авторы тома причины поражения немцев под Москвой видят в скверных дорогах и плохой погоде: "Осенние дожди превратили дороги в болото, а затем началась суровая русская зима". Кроме жуткой погоды и плохих дорог, виноват в провале германского наступления на Москву, конечно, Гитлер, помешавший мудрым и многоопытным немецким генералам завершить войну блистательной победой. Выносятся за скобки то, что он не помешал им за две недели разгромить Польшу, за 44 дня - Францию. В Германии есть люди, которые считают Гитлера гением, в книге американца М. Лэннинга "100 великих полководцев" он стоит среди них под № 14, расценивается выше, чем наши полководцы Петр Великий, Суворов, Конев, Жуков.

Однако Резун-Суворов в книге "Самоубийство. Зачем Гитлер напал на Советский Союз?" (2000) обрисовал Гитлера и его генералов весьма недалекими, не понимающими основ военного искусства. Выходит, был крайне низкий уровень подготовки советской армии, очень глупы были её командиры, если, воюя с неумелым, тупым противником, оснащенным к тому же негодной техникой, наши войска терпели жестокие поражения и отступили далеко на восток - до Москвы и Сталинграда. Книга ставит задачу запутать неискушенного читателя, создать в его душе хаос. Показывая нашего очень опасного врага в уничижительном плане, откровенно умаляя его силу, Резун избрал такой примитивный ракурс в освещении событий Отечественной войны для того, чтобы обесценить великий подвиг советского народа, снизить в глазах читателей значение его немеркнущей победы над фашистской Германией.

А. Еременко справедливо осуждал "стремление оглупить Гитлера и его генштаб, имевшее хождение в нашей военно-исторической литературе": "У Гитлера была масса просчетов. Вместе с тем надо признать, что многие из его решений с оперативной и подчас со стратегической точки зрения были верными. ...Перед нами был сильный, искушенный в военной науке враг" (Против фальсификации второй мировой войны. М. 1960. С. 40). Манштейн считал, что Гитлер "обладал какой-то интуицией", при решении оперативных вопросов в 1940 г. ему "оставалось только удивляться тому, с какой быстротой он разобрался в точке зрения, которую группа армий отстаивала в течение вот уже нескольких месяцев".

Победы Красной Армии серьезно снизили моральный дух немцев. За время битвы под Москвой 62000 немецких солдат и офицеров были осуждены военными трибуналами за дезертирство и самовольное отступление. Солдат А. Реннеке писал 6 января 1942 г. сестре Эльзе в Мюнхенберг: "Я весь в грязи, не брит. Вши на наших телах танцуют польку. Мы выглядим намного старше своих лет. А мне только 22 года". Унтер-офицер Георг Буркель 14 декабря 1941 года: "Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые воюют с нами, не уступают

нам ни в одном виде оружия, в некоторых даже превосходят нас". Гитлер снял с занимаемых постов 35 высших военачальников. 17 декабря он назначил себя на пост главнокомандующего сухопутными войсками Германии.

В романе "Генерал и его армия" Г. Владимов, по словам писателя В. Богомолова, фронтовика, изобразил "с наибольшей любовью и уважением" немецкого генерала Гудериана, войска которого осквернили Ясную Поляну - нашу национальную святыню: он антигитлеровец, "нежный любящий супруг", "мудрый, гуманный, высоконравственный человек" (Книжное обозрение. 1995. № 19). Но это он судил немецких генералов, выступивших в 1944 г. против Гитлера, с восторгом писал о нем в "Воспоминаниях солдата": "Гитлер - в высшей степени умный человек, он обладал исключительной памятью. Гитлер обладал необыкновенным ораторским талантом; он умел убеждать не только народные массы, но и образованных людей. ... Самым выдающимся его качеством была огромная сила воли, которая притягивала к нему людей. Эта сила воли проявлялась столь внушительно, что действовала на некоторых людей почти гипнотически" (С. 597).

Армия Гудериана оставила в 1941 г. "кровавый и разбойничий след" на нашей земле. В Ясной Поляне были дрова, но немцы топили печи книгами. Владимов с умилением писал о нем: "как христианин он не мог поднять руки на безоружного", видимо, поверив в то, как Гудериан представил себя: "Сам я противник всякого убийства. Наша христианская религия дает в этом отношении ясную заповедь". Гудериан в мемуарах "Воспоминания солдата" заявил, что он запретил в своей группе армий бесчинства в СССР, ибо грабежи и насилия подрывают воинскую дисциплину. На самом деле этот "гуманист" приказывал: "У военнопленных и местных жителей беспощадно отбирать зимнюю одежду. Все оставляемые пункты сжигать. Пленных не брать!"

В статье "Ясная Поляна в 1941 году: правда и пропаганда" Е. Константинова отрицала утверждения "советской пропаганды ... о варварстве и бесчинствах" немецких оккупантов. Ну, устроили пожар в спальне Л.Н. Толстого, комнате С.А. Толстой и библиотеке, из 14 комнат Бытового музея исчезло 93 мемориальных экспоната, 37 предметов из спальни Софьи Андреевны, из литературного музея захватчики утащили "книги, картины, скульптуры чисто идеологического содержания" (Тверская жизнь. 20, 21. 10. 1992). Вырубили в Ясной Поляне 2143 дерева, устроили кладбище немецких солдат около могилы Л. Толстого, сожгли в окрестностях имения, деревни, амбулаторию, общежитие, яснополянскую школу, построенную А.Л. Толстой и названную именем великого писателя. Ведь "война есть война". Хотелось бы заявить, что в Ясной Поляне оккупанты не "посягнули на одну из самых дорогих русских святынь", "не совершали сознательного акта надругательства", но устроенные ими пожары и грабежи уличали их в оче-

видном вандализме. Но какие же ловкачи советские журналисты: уже 13 декабря 1941 г., через 4 дня после изгнания немцев из Ясной Поляны, "Комсомольская правда" начала печатать дневник М. Щеголевой "Черные дни Ясной Поляны", и в связи с этим Константинова бросила циничную ремарку "завидная оперативность". Для нее чужд героический настрой советских людей в военное время, то, что они жили по особым законам, которые требовали от газетчиков самого быстрого отклика на злободневные проблемы.

Вызывает недоумение то, как В. Мельников в книге "Их послал на смерть Жуков?" "скромно" трактует итоги Московской битвы: "...говорить о разгроме врага под Москвой, как это постоянно отмечается в нашей исторической литературе, не приходится. Когда речь идет о разгроме - враг должен без оглядки бежать в панике... Происшедшее под Москвой можно квалифицировать как победу оперативного масштаба..." Для сведения Мельникова приведем свидетельство одного из немецких вояк Густава Вальтера: "Наше отступление от Тулы началось 14 декабря 1941 года. Связь между батальонами часто терялась, и каждый действовал самостоятельно. Начался беспорядок. Наш батальон несколько раз окружали. Часто мы отступали днем и ночью. Питание было плохое. Крайне физическое напряжение и наши потери значительно ухудшили настроение солдат" (Правда. № 46. 2001).

Наше наступление привело германскую армию к тяжкому стратегическому поражению, она отступила от Москвы на 150-300 километров, в битве за нее потеряла более 500000 человек, 1300 танков, 2500 орудий. Потери личного состава группы армий "Центр", действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 772 тысячи человек. К концу марта 1942 года в 16 танковых дивизиях, сражавшихся на Восточном фронте, осталось всего 140 боеспособных машин. В книге "Гриф секретности снят" отмечено, что в Московской оборонительной операции мы безвозвратно потеряли 514300 человек, а в контрнаступлении 139586 человек. А на РТР 5 декабря 2001 года объявили: в Московской битве погибло более двух миллионов наших солдат и офицеров, а воевали они саблями XIX века, взятыми из музеев.

А. Василевский подчеркивал: "Это была первая в Великую Отечественную крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на 100, а в ряде мест и до 250 км. Непосредственная угроза Москве и всему Московскому промышленному району была ликвидирована, и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении. Под воздействием сокрушительных ударов "план Барбаросса" рухнул, а его основа - теория молниеносной войны - потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к ведению стратегии затяжной войны".

Особое значение имело то, что после краха "блицкрига" и поражения под Москвой Германия оказалась вынужденной перейти к стратегии губительной для нее затяжной войны. Впервые у немецкой армии в войне была вырвана инициатива. Правда, в середине 1942 г. она снова захватила ее, но в битве под Сталинградом потеряла ее окончательно. Германский генерал К. Рейнгардт в исследовании о битве под Москвой пришел к выводу, что "несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил, их умение использовать климатические условия, а также своевременная переброска резервов из восточных районов страны и создание новых формирований окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера" (С. 347).

А. Исаев в своей книге "Антисуворов. Десять мифов Второй мировой" пишет: "Разработчик "Барбароссы" Ф. Паулюс считал, что в Советском Союзе "большие людские резервы из-за недостатка в командных кадрах и материального снабжения не смогут быть полностью использованы". В случае войны, по мнению Верховного командования германских сухопутных войск, Советский Союз мог в принципе отмобилизовать 11-- 12 млн. человек, однако нехватка командных кадров и техники не позволит ему сделать это. Реальной считалась мобилизация 6,2 млн. человек. Предполагалось, что СССР выставит 107 дивизий первой волны, 77 второй и 25 третьей, то есть всего 209 дивизий. План "Барбаросса" предполагал "разбить эти дивизии каскадом следовавших одна за другой операций на окружение". На самом деле в 1941 году были сформированы 336 дивизий - намного больше, чем предполагало встретить гитлеровское командование, начиная войну против СССР. А. Уткин установил: "С начала Великой Отечественной войны из внутренних округов было брошено 70 дивизий. В то же время в этих округах были сформированы еще 194 дивизии и 94 бригады" (Литературная газета. 2009. № 50).

Уже 11 августа 1941 года начальник немецкого Генштаба Гальдер пришел к огорчительному выводу: "Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину" (С. 264).

""Перманентная мобилизация" оказалась весьма неприятным сюрпризом для немцев. Теперь для достижения успеха вермахту нужно было перемалывать советские дивизии быстрее, чем их формируют и восстанавливают. Задачей советской стороны было избегать крупных катастроф и постепенно накапливать резервы для перехвата стратегической инициативы. ...Был организован непрерывный конвейер восстановления существующих и формирования новых соединений. Противопоставить стратегии "перманентной мобилизации" немцы ничего не смогли" (А. Исаев). Это заключение было особенно верно для 1941-1942 гг.

В июне 1945 года Кейтель заявил, что после поражения немецких войск под Москвой он не представлял себе "военного решения" всей восточной кампании, Гальдер назвал это поражение "катастрофой" и "началом трагедии на востоке". Блюментрит признал: "Московская битва принесла немецким войскам первое крупное поражение во второй мировой войне. Это означало конец блицкрига, который обеспечил Гитлеру и его вооруженным силам такие выдающиеся победы в Польше, Франции и на Балканах. ...Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. После молниеносных побед в Польше, Норвегии, Франции и на Балканах Гитлер был убежден, что сможет разгромить Красную армию так же легко, как своих прежних противников".

Английский военный историк А. Ситон в книге "Битва за Москву" (1980) подчеркивает, что это было "самое кровавое и жестокое сражение второй мировой войны". Есть основания считать битву под Москвой началом коренного перелома в войне. В 1985 г. на Международном научном симпозиуме в Штутгарте обсуждалась тема: "Декабрь 1941 года - поворотный пункт войны". На нем американский ученый Ч. фон Лютишоу, "признавая роль битвы под Москвой, успех советских войск объяснял... вступлением США в войну против Японии" (А. Самсонов). Но ведь ясно, что немецкий блицкриг провалился до японского нападения на США.

Адмирал Н. Кузнецов, вопреки распространенному мнению, не склонен был "битву под Москвой считать уже переломной", полагая, что она "создала известные предпосылки для перелома, но все-таки переломными являются два сражения - это под Сталинградом и Курская битва" (Советская Россия. 29.07. 1988). В этой мысли есть свой несомненный резон, но вместе с тем следует иметь в виду **огромное морально-психологическое значение победы под Москвой - и не только для советского народа. До этого фашистская Германия не знала поражений. Только Советский Союз смог остановить ее победное шествие. Разгром под Москвой потряс сознание германских войск. Он показал, что немцы не всесильны, их можно бить и побеждать, на глазах всего мира был развеян миф о их непобедимости, который**

распространялся нацистской пропагандой. Всё это укрепило нашу уверенность в победе СССР.

В конце лета 1941 г. Гитлер одобрил Памятку ОКВ о стратегическом положении. 13 сентября Гальдер писал о ее главной сути: поскольку разгром России не будет полностью достигнут "в течение 1941 года, продолжение Восточной кампании в 1942 году должно стоять сейчас на первом месте". Ширер предположил: "Гитлер ... давно понял, что его замыслы завоевать Россию - не только в шесть месяцев, но и когда-либо - сорвались. В дневниковых записях от 19 ноября 1941 г. генерал Гальдер излагает суть доклада фюрера нескольким офицерам из верховного командования. Хотя его армии находятся всего в нескольких милях от Москвы и все еще селятся захватить ее, Гитлер оставил надежду разгромить Россию в этом году и все свои помыслы направил на достижение целей в следующем году". Гальдер записал вкратце идеи фюрера. "Задачи на будущий (1942) год. В первую очередь - Кавказ. Цель - выход к южной русской границе. Срок: март - апрель".

11 декабря Германия объявила войну США. Чем было обусловлено такое неожиданное решение? Гитлер хотел всему миру и немецкому народу показать, что поражение под Москвой не имеет серьезного военного значения, что Германия настолько сильна, что может бросить вызов даже США. Свою роль играло и то, что теперь немецкие подводные лодки могли топить и американские суда в любом месте земного шара. Но главное, пожалуй, другое. Германия этим объявлением войны хотела быстрее подтолкнуть Японию к нападению на СССР, показать, что у них общие враги, общие главные интересы, значит, и они должны быть едиными в войне против них.

Глава 26. Неудачи советских войск в 1942 году

По Д. Наджафарову, найден документ о том, что "Сталин и Гитлер тайно встречались во Львове накануне второй мировой войны" (Комсомольская правда. 11.11. 1991). Этот документ - дезинформация, его подписал 17 октября 1939 г. руководитель ФБР Дж. Эдгар Гувер. Режиссер М. Розовский, откровенный космополит, 15 апреля 2007 года в телепрограмме В. Познера "Времена" использовал фальшивку о том, что по указанию Сталина наши разведчики 20 февраля 1942 года тайно встречались с представителями германского командования, обсуждали "вопросы установления сепаратного перемирия, а затем и сепаратного мира между СССР и гитлеровской Германией и даже совместной борьбы с мировым еврейством в лице США и Англии" (Правда. № 49. 2007). Эта ложь основательно разоблачена в книгах А. Мартиросяна "22 июня.

Правда Генералиссимуса" (2007) и "Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена?! Правда Сталина" (2006).

В. Карпов в первой книге "Генералиссимус" представил как подлинные документы фальшивки "Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-Социалистической рабочей партии Германии (Гестапо)" от 11 ноября 1938 года и "Предложения Германскому командованию", подписанные Сталиным 19 февраля 1942 года, рапорт Первого заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Меркулова Сталину от 27 февраля 1942 года. Не сомнительно ли хотя бы то, что Сталин набросал свои "Предложения..." 19 февраля, а уже 20 февраля наши разведчики, получив их, встретились со своими "коллегами" в Мценске, оккупированном гитлеровцами. Переговоры шли 20-27 февраля, и уже 27 февраля сверхбыстрый Меркулов написал свой рапорт. И вот что важно: американский историк У. Ширер, работая над своей двухтомной книгой "Взлет и падение третьего рейха", использовал секретные государственные архивы Германии, в том числе и архив национал-социалистической партии и тайной полиции Гиммлера. Почему же он ничего не сообщил об указанной выше встрече в Мценске?

Надо иметь в виду немаловажное значение в современной информационной войне то, о чем заявил Президиум ЦК КПРФ 19 октября 2010 г.: **"В реализации неблагоприятных целей используется вброс в архивные фонды России большого количества фальсифицированных и поддельных документов, искажающих роль Советского Союза и И.В. Сталина в истории XX века. Такого рода документы запускаются в научный оборот, используются в учебных пособиях, на их основе создаются художественные и документальные произведения"**.

К середине 1942 года утраченные мощности нашей военной промышленности - в очень трудной обстановке - были восстановлены и даже превзойдены. Явственно проявилась устремленность к объединению возможностей военных и экономических сил СССР, США и Великобритании. В целом повысилась боеспособность советских войск.

Вместе с тем, по мысли Василевского, для нашего командования "время после победы под Москвой явилось периодом головокружения от успехов". В начале 1942 года Сталин допустил стратегический просчет в оценке возможностей немцев, посчитав, что после поражения под Москвой они в растерянности и потому надо "начать как можно быстрее общее наступление на всех фронтах, от Ладожского до Черного моря" (Г. Жуков). Он рассуждал: если на каком-то направлении фронт не добьется успеха, то он все равно будет сковывать врага, а "в это время результат будет на других участках". Но недостаток военных сил и весьма ограниченные матери-

альные возможности не позволяли нашей армии успешно наступать тогда на всех фронтах. Не хватало даже снарядов и мин. На Западном фронте в период наступления "приходилось устанавливать норму расхода... боеприпасов - 1-2 выстрела на орудие в сутки" (Г. Жуков).

Жуков говорил 13 августа 1966 г. в редакции "Военно-исторического журнала": "Мы вводили много дивизий, которые совершенно не были подготовлены, были плохо вооружены, приходили сегодня на фронт - завтра мы их толкали в бой". Эта практика не могла оправдать себя. Серьезных успехов наши войска не добились, кроме Северо-Западного фронта, где они подошли к Великим Лукам. "За период зимнего наступления войска Западного фронта продвинулись всего лишь на 70-100 километров, однако несколько улучшили стратегическую обстановку на западном направлении". Предложение Жукова усилить его и продолжать там более мощное наступление Сталин не поддержал, наоборот, во время контрнаступления вместо наращивания сил оттуда забрали 1-ю ударную армию и вывели ее в резерв Ставки, а 30-ю армию передали Калининскому фронту. Впоследствии Жуков говорил, что если бы дополнительные "силы и средства были брошены на западное направление... противник был бы смят, разгромлен и отброшен по крайней мере на линию Смоленска".

В феврале 1942 года в районе Старой Руссы и юго-западнее Демянска войска Северо-Западного фронта окружили 16-ю немецкую армию, но все их попытки уничтожить ее не удалось, в апреле враг сумел ее деблокировать. А. Проханов писал, что "власовская армия, когда её сдал фашистам генерал-предатель, не восстала, сложила оружие" (Завтра. 13.12. 2006). Здесь идет речь о 2-й ударной армии. Не заслужила она того, чтобы ей прилепили столь черное пятно.

17 января 1942 года эта армия, наступая на город Любань, прорвала оборону противника в районе Мясного Бора, продвинулась вперед почти на 90 километров. Немецкое командование бросило против нее 11 дивизий, 19 марта ее окружили, но, предприняв контрудар, наши войска восстановили связь с нею. 20 марта командующий Волховским фронтом Мерецков послал своего заместителя генерала Власова во Вторую ударную армию сначала в качестве своего представителя, а несколько позже его назначили командующим этой армией. Она была снова окружена. Отрезанная от баз снабжения, она испытывала острую нужду в продовольствии и боеприпасах. 21 июня дивизионный комиссар И. Зуев докладывал Военному совету Волховского фронта: "Войска армии три недели получают по 50 гр. сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было... Люди до крайности истощены... Боеприпасов нет".

Надо было срочно разорвать кольцо окружения и вывести из него наши войска. Мерецков отметил: "Нам удалось высвободить три стрелковые бригады и ряд других частей, в том числе один танковый батальон. На эти скромные силы, сведенные в две группы, возлагалась задача

пробить коридор шириной в 1,5 - 2 км, прикрыть его с флангов и обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение. Сигнал к наступлению дали на рассвете 10 июня. Артиллерия произвела короткую подготовку. Танки и пехота двинулись в атаку. ...Но успеха не получилось. Было ясно, что имевшимися силами нам врага не сломить".

А. Василевский, по предвзятой оценке Ю. Мухина, далек от того образа мудрого полководца, какой сложился в сознании наших людей: ведь он-де сыграл "позорную роль... в истории гибели 2-й ударной". К. Мерецков в книге "На службе народу" рассказал об усилиях командования Волховского фронта обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение: "Ночью мы с А. М. Василевским снова пересмотрели все ресурсы фронта и наметили ряд частей и подразделений для переброски к месту прорыва. ...19 июня танкисты нашей 29-й танковой бригады, а за ними и пехота прорвали оборону противника и вышли на соединение с войсками 2-й ударной армии, наступавшими с запада. А через два дня ударом с востока и запада был пробит коридор шириною 300 - 400 метров вдоль железной дороги. Воспользовавшись этим коридором, из 2-й ударной армии на Мясной Бор вышла большая группа раненых бойцов и командиров". Вышло около 16000 человек.

"Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения. Попытки со стороны командования фронта сколотить из вышедших частей отряды и использовать их для обеспечения коридора также не увенчались успехом". 22 июня немцы снова замкнули кольцо окружения. Очень многим нашим военнослужащим не удалось выйти. Застрелился дивизионный комиссар И. Зуев. Генерал А. Афанасьев, начальник связи, пробился к партизанам. Б. Гаврилов в книге "Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии" (2007) пишет: "В лесу Мясной Бор в боях за коммуникации 2-й ударной армии и при выходе из окружения погибли 158000 солдат и офицеров Волховского фронта". Так ли это было в действительности?

Мухин обличает Василевского: он "без дела сидел", "просидел в штабе Мерецкова, давая Власову "на деревню дедушке" директивы, указания, информацию и наблюдая, как через узкий коридор выходит "значительная часть" армии без техники и оружия". А что ему надо было делать? Василевскому необходимо было немедленно самому броситься "организовывать сражение 2-й ударной": если бы он "возглавил 2-ю ударную армию, то ведь, возможно, спас бы 100 тысяч советских солдат". Откуда взял Мухин такую цифру? 29 июня 1942 г. Совинформбюро известило, что в этих боях до 10 тысяч наших бойцов погибло и столько же пропало без вести.

Видимо, эти цифры занижены. Немцы сообщили, что они захватили в плен 33000 советских военнослужащих. Они завысили их число. По их пути пошел и очень решительный Мухин.

Настаивая на том, что Василевский должен был броситься в пекло боев, он весьма оригинально отменяет возможные возражения: "Умники скажут - а если бы он, начальник Генштаба РККА, попал в плен? А зачем ему было попадать в плен, у него что - пистолета не было? Генерал Ефремов даже тяжело раненный сумел застрелиться".

Огромная, невосполнимая потеря была бы для советской армии, для всего нашего народа, если бы случилось такое. А. М. Василевский - сын сельского священника, бывший штабс-капитан царской армии, самоотверженно служил Родине. О его блестящем военном даровании свидетельствует и то, что за два года (1941-1943) он прошел путь от генерал-майора до маршала. В январе 1943 года Василевскому было присвоено звание генерала армии, его наградили орденом Суворова I-ой степени. В феврале 1943 года он стал маршалом.

Мало было примеров такого быстрого возвышения советских командиров в Отечественную войну. Пожалуй, вспоминается лишь путь дважды Героя Советского Союза И. Д. Черняховского, который начал войну полковником и погиб в 1945 году командующим фронтом в звании генерала армии. Можно отметить и Голованова А. А., начавшего войну в звании подполковника, а через три года он стал Главным маршалом авиации.

Г. Жуков писал: "С особым уважением И. В. Сталин относился и к А.М. Василевскому. Александр Михайлович не ошибался в оценках оперативно-стратегической обстановки. Поэтому именно его И. В. Сталин посылал на ответственные участки советско-германского фронта в качестве представителя ставки. В ходе войны во всей полноте развернулся его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. В тех случаях, когда Сталин не соглашался с мнением Александра Михайловича, Василевский умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного, что в данной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует" (Т. 2. С. 100). Но даже он, тактичный и настойчивый, не смог бы убедить Сталина в том, что опасная обстановка заставляет его лично командовать 2-й ударной армией. Такое предложение Сталин на полном основании оценил бы как странное помрачение ума начальника Генштаба РККА. А без его согласия Василевский не имел права выполнить то, до чего додумался отчаянный Мухин.

При необходимости Василевский мог идти против мнения видных военачальников. Весной 1944 года, накануне операции по освобождению Крыма, он как представитель Ставки прибыл в Кривой Рог, где 29 марта состоялась встреча с Ворошиловым, представителем Ставки при Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской военной флотилии. По распо-

ряжению Сталина ему надо было согласовать с ним взаимодействие 4-го Украинского фронта. После ознакомления с составом сил и средств этого фронта Ворошилов сказал: "Александр Михайлович, ничего у вас не выйдет. ...У противника такие мощные укрепления. А тут еще Сиваш, Перекоп". 30 марта уже в Мелитополе Ворошилов после доклада командующего 4-м Украинским фронтом Ф. Толбухина заявил, что фронт не сможет справиться со стоящими перед ним задачами. Толбухин сразу с ним согласился, хотя вместе с ним все было до этого досконально подсчитано для успешного проведения наступательной операции. После этого Василевский сказал Клименту Ефремовичу: "...я сейчас же как представитель ставки связываюсь со Сталиным, докладываю ему обо всем и буду просить о следующем: раз Толбухин отказывается в этих условиях проводить операцию, прошу меня поставить на 4-й Украинский фронт. Я сам буду проводить Крымскую операцию". Толбухин сразу: "Нет, нет... Я поспешил, не подумал". Ворошилов: "Ну, хорошо. Вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта я не буду" (Советская Россия. 09.05. 1995). Операция прошла успешно. За 25 дней наши войска прорвали мощную вражескую оборону и разгромили почти двухсоттысячную группировку противника. За эту операцию А. Василевский получил орден "Победа".

Дважды Герой Советского Союза маршал авиации Е. Савицкий вспомнил о том, как А. Василевский сказал ему в 1944 году во время боев за Крым: "...хочу напомнить: ни одна из переправ через Сиваш не должна быть разбита. Уничтожение переправ практически срывает срок выполнения наступательной операции... Милый мой Евгений Яковлевич, если вы не выполните эту задачу и переправы немцы разрушат, вы будете преданы суду военного трибунала..." (Новый мир. 1985. № 5. С. 129). При всей своей похвальной взвешенности и выдержке, внимательном и уважительном отношении к людям сама критическая обстановка заставляла отдавать такие жесткие приказы.

15 марта 1942 года Гитлер заявил, что предстоящим летом русская армия будет полностью уничтожена. "Рузвельт и военные круги США не исключали того, что в летней кампании 1942 года Германии удастся нанести поражение Советскому Союзу" (В. Сипполс. На пути к великой победе. С. 125). В июне 1942 года Рузвельт говорил министру Моргентау: "В целом ответ на вопрос: выиграем мы войну или проиграем - зависит от русских. Если русские смогут продержаться это лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев, то мы определенно сможем одержать победу". Эта мысль о том, что победа во Второй мировой войне "зависит от русских" - воспринималась как очевидная и Рузвельтом, и Черчиллем в 1941-1944 годы.

Генерал К. Цейтцлер писал, что летом 1942 года "Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ. Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное

значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию".

23 марта 1942 года советская разведка сообщила в ГКО о подготовке летнего немецкого наступления: "Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю" (История Второй мировой войны. Т. 5. С. 112). Высшее советское командование недооценило это важное для определения характера ведения военных действий в 1942 году заключение. К. Мерцков указал: "Ставка считала главной ареной будущих сражений летом 1942 года не юг, как ориентировала наша разведка, а центр, опасаясь нового наступления гитлеровцев на Москву".

Нашу Ставку бичуют за то, что она не воспользовалась полученными разведкой доподлинными сведениями о планах вермахта на летнюю кампанию 1942 г., а советские "полководцы спланировали и провели авантюрную харьковскую операцию". Генштаб не поддерживал ее, Сталин приказал считать ее "внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться", что стало "чрезвычайно большим просчетом" (А. Василевский). Юрий Александрович Василевский, сын маршала, писал о последствиях конфликта между Верховным и Генштабом при решении вопроса освободить Харьков в мае 1942 года: "И. Сталин считал возможным развернуть крупные наступательные операции в начале лета. Его решимость поддерживали К. Ворошилов, командующий Юго-Западным фронтом С. Тимошенко и член Военного совета Н. Хрущев. Однако Б. Шапошников, Г. Жуков, А. Василевский выразили несогласие с планом проведения наступательной операции на юго-западном направлении, считая, что пока не хватает сил для ее проведения".

Василевский, верно оценивая складывающееся там опасное для советских войск положение, дважды предлагал остановить уже начавшееся Харьковское наступление, но Сталин "не послушал его. Дело кончилось тем, что 19 мая противник окружил наши войска в Барвенковском выступе, и они понесли большие потери" (Правда России. № 17. 2001). Юго-Западный и Южный фронт в мае потеряли 277190 человек, из них безвозвратно 170958. Эта крупная неудача - результат ошибочных решений со стороны командующих и штабных работников. Жуков видел главную причину нашего поражения в этой операции "в недооценке серьезной опасности, кото-

рую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки" (Т. 2. С. 258).

А. Василевский в книге "Дело всей жизни" признал, что ошибка нашего командования состояла в том, что "обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены". Но тогда были и другие, казавшиеся достоверными сведения о том, что немцы решили вести главное наступление на Москву. Чтобы ввести в заблуждение нашу Ставку, они искусную дезинформировали её. Выполняя распоряжение Гитлера, командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Клюге и начальник штаба генерал Велером подписали 29 мая 1942 г. ложный приказ "Кремль" о наступлении на Москву, который стал известен нашему командованию. Оно знало, что в центре немцы держали более 70 дивизий, московский регион имел важнейшее стратегическое, политическое и экономическое значение. По словам Г. Жукова, И. Сталин "больше всего опасался за московское" направление.

Предположение Г. Жукова о нанесении врагом главного удара на юге не получило поддержки. С. Штеменко в книге "Генеральный штаб в годы войны" писал, что наши ставка и генштаб полагали: "Судьба летней кампании 1942 года ...будет решаться под Москвой. Следовательно, центральное - московское - направление станет главным, а другие стратегические направления будут на этом этапе войны играть второстепенную роль". Считалось, что удары на этих "направлениях не могли обеспечить немцам победоносное, а главное - быстрое - завершение войны", - писал А. Князьков в статье "Советская стратегия 1942 года" (Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 42). Действительный ход войны внес серьезную поправку в это представление.

Решая вопрос о летнем наступлении в 1942 году, немецкий генштаб отдавал предпочтение московскому направлению, но Гитлер, поддержанный Кейтелем и Йодлем, остановился на кавказском варианте. Директива немецкого командования № 41 (кодовое наименование "Блау"), подписанная Гитлером 5 апреля 1942 года, обязывала "сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее Дона и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет".

Бывший председатель Госплана СССР Н. Байбаков рассказал: "1 июля 1942 года на совещании группы армий "Юг" Гитлер заявил: "Если не получу нефть Майкопа и Грозного, должен буду покончить с этой войной". В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом сказал: "Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если

не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. И чуть ужесточив голос, добавил: "Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем". ...Сталин не спеша прошелся по кабинету и после некоторой паузы снова добавил: "Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем".

Тогда, когда почти снова повторялось лето 1941 года, очевидно, иначе и нельзя было говорить. Я молчал, думал и, набравшись духа, тихо сказал: "Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин". Сталин остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску: "Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте вопрос на месте". Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку". Приказ Сталина был выполнен, немцы не получили кавказской нефти.

Гитлеровское командование считало необходимым "попытаться захватить Сталинград или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия, с тем чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций". Вначале Сталинграду отводилась вспомогательная роль, но в ходе боев это направление стало основным - битва за город шла 6 с половиной месяцев.

Э. Манштейн в "Утерянных победах" отметил, что Гитлеру и главному командованию сухопутных войск "не удалось выработать единой стратегической концепции... Гитлер хотел добиться успеха на обоих флангах... ОКХ же стремилось достичь успеха в центре общего фронта" (С. 190). В первой половине 1942 г. в результате просчетов нашей Ставки и командующих фронтами враг одержал на юго-западе ряд немалых побед, снова овладел стратегической инициативой и вышел в августе к Сталинграду и на Северный Кавказ. Эти большие неудачи выявили все еще недостаточный уровень нашего военного руководства, уязвимые места в боеготовности советских войск.

По вине командующего фронтом генерал-лейтенанта Д. Козлова и представителя Ставки Л. Мехлиса в мае 1942 г. советские войска - при численном превосходстве над немцами - потерпели серьезное поражение в Крыму, покинули Керчь, за 12 дней немецкого наступления потеряли там 176566 человек. Это существенно ухудшило положение защитников Севастополя, 4 июля после героической девятимесячной обороны они оставили его. Е. Белякин выпустил книгу "Оборона Севастополя". К ноябрю 1942 года германские войска захватили территорию в

1800000 кв. километров, на которой до войны проживало около 80 млн. человек. СССР оказался в отчаянном положении.

М. Шолохов в главах романа "Они сражались за Родину" (1943-1944) изобразил душевный мир рядовых солдат в трудное для страны летнее время 1942 г. Стрелковый полк после тяжелых боев отходит, он разбит. Главные герои - шахтер Лопухин, агроном Стрельцов, комбайнер Звягинцев - много испытали и перед войной, и в армии. Но они признают неотделимость своей судьбы от народной, для них нет нормальной жизни без победы над врагом. Шолохов правдиво показал истоки народного героизма советских людей. Их стойкость и жизнелюбие отразились и в юмористических сценках. В романе бойцы часто балагурят, попадают в смешные ситуации, подтрунивают друг над другом. Автор объяснил эту особенность: "Ну, во-первых, русскому человеку свойственно посмеяться и подшутить друг над другом в самых, казалось бы, опасных ситуациях; во-вторых, люди изо дня в день видят смерть, кровь, теряют друзей и родных... От всего этого можно сойти с ума. Надо же дать возможность человеку когда-то улыбнуться, на миг отвлечься от мрачных мыслей?! А в - третьих, в жизни трагическое и комическое всегда рядом".

Большой резонанс в стране получила пьеса А. Корнейчука "Фронт" (1942), порицающая тех советских генералов, которые плохо учитывали возможности новой техники, изменившиеся условия войны. Корнейчук остро поставил вопрос о причинах неудач нашей армии, резко критиковал косность и отсталость военачальников, которые плохо учились воевать по-современному. Василевский говорил о большом общественном резонансе пьесы "Фронт": "В конце лета 1942 г. она печаталась в "Правде". В Москве, если не ошибаюсь, её поставили четыре театра одновременно. Проблема, в ней затронутая, волновала всех, но более всего командный состав сражавшейся армии. В художественной форме анализировался конфликт устаревших представлений о ведении войны с утверждавшим себя на полях новым полководческим мастерством. Вопрос стоял так: либо войю по-новому, либо ты будешь смят. ...Война переучивала и растила новых талантливых полководцев советской военной школы" (Российская газета. .09.05. 2008).

Пьеса публицистична, главное в ней - конфликт мыслей. В ней сатирическое разоблачение сочеталось с показом героической борьбы советской армии. В конфликтном столкновении раскрывают себя командующий фронтом генерал Горлов, у которого большие боевые заслуги в прошлом, но который упорствует в своем консерватизме, и командующий армией молодой генерал Огнев, умеющий хорошо схватывать новые веяния в современной войне. В гражданскую войну Горлов проявил себя храбрым и способным командиром, но война с фашизмом потребо-

вала иного кругозора. Он не умеет использовать должным образом возможности новой техники, упоен былой славой, не терпит самостоятельной инициативы, грубо пресекает ее. Не все советские генералы достойно восприняли эту острую критику в пьесе, но Сталин поддержал автора. В 1942-1943 гг. он, несмотря на свою чрезвычайную занятость, несколько раз принимал А. Корнейчука.

9 октября 1942 года был издан Указ об отмене института военных комиссаров и введении единоначалия в советской армии. Ж. Медведев предвзято оценил приказ наркома обороны № 227 от 28 июня 1942 года, посчитав, что он говорил о панике, в которую впали "Сталин и его соратники в политбюро летом 1942 года". Извращая суть приказа, Мерцаловы писали, что он "запрещал любой отход без разрешения Москвы". На самом деле запрещался отход с позиций без разрешения свыше. Этот приказ отразил острую озабоченность нашего руководства судьбой страны, сыграл несомненную положительную роль в ходе войны. По словам К. Симонова, "дух и содержание этого документа очень сильно способствовали морально-психологическому, духовному перелому ... в умах и сердцах всех, кому его тогда читали и кто держал в те дни в своих руках оружие, а значит, и судьбу Родины, да и не только Родины - человечества".

А. Чаковский в романе "Блокада" (1976) отозвался об этом приказе: "Сталин обращался со словами гневного упрека к тем, кто проникся мыслью, что возможности для отступления безграничны, напоминал им о муках вражеской оккупации, на которую обрекает советских граждан отступление Красной Армии. Требовал объявить решительную борьбу трусам, паникерам и всем иным нарушителям воинской дисциплины. Нет, это не был приказ отчаяния. В основе его лежала убежденность в том, что у Красной Армии имеются объективные возможности не только противостоять врагу, не только мужественно обороняться, но и наступать, бить захватчиков так же, как они уже были биты под Москвой".

В романе "Барбаросса" В. Пикуль писал о приказе № 227: "Я был тогда слишком глуп и наивен, но доселе помню, что каждое слово этого приказа ... буквально вписалось в сознание. Каждая его фраза глубоко западала в душу. И все мы тогда поняли, что теперь шутки в сторону, перловая там каша или овсяная, но дела нашего Отечества очень плохи, а главное сейчас: НИ ШАГУ НАЗАД... Слова приказа рушились на нас, словно тяжелые камни. ... мне и доньше кажется, что Сталин в те дни нашел самые точные, самые весомые, самые доходчивые слова, разящие каждого необходимой правдой. Без преувеличения, я до сих пор считаю приказ №227 подлинной классикой военной и партийной пропаганды...".

Маршал В. Г. Куликов в статье "Искусство победы" (Знамя. 1983. № 1) писал: "Та прямота, с которой в приказе № 227 было сказано о положении, создавшемся в июле 1942 г., развер-

нутая в связи с этим приказом партийно-политическая работа изменили настроение бойцов, командиров и политработников, их отношение к событиям на фронте, еще более подняли устойчивость войск. Подтверждается это объективным критерием - темпами продвижения неприятеля. В начале июля они состояли около 15-16 километров сутки, в августа снизились в пять раз, хотя на Сталинградском направлении была привлечена 4-я танковая армия, а число дивизий, наступающих на город, возросло с 14 до 39".

Пожалуй, справедлива мысль о том, что ко "времени появления приказа "Ни шагу назад!" страна находилась в наиболее тяжелом положении за все время войны" (В. Кожин). Наше поражение на юге было несомненно большим, но все-таки очень трудно согласиться с утверждением И. Прелина: "Наступление гитлеровских войск оказалось еще более успешным, чем в 1941 году!" (Советская Россия. 17.02. 2000).

Цейтцлер признал: "В 1942 году боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 году". Это свидетельство отражало реальность. Типпельскирх в своей "Истории Второй мировой войны" привел цифры советских потерь и заключил: "Но эти цифры были поразительно низки. Их нельзя было сравнить с потерями русских не только в 1941 году, но даже еще в сравнительно недавних боях под Харьковом. Это, несомненно, показывало, что в действительности в районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось" (С. 233).

Старший научный советник Военно-исторического института во Фрайбурге Б. Вегнер писал, что 6-я армия "неожиданно быстро" достигла территориальных целей в июне-начале июля, "главную же задачу операции - уничтожение вражеских сил, находившихся западнее Дона, - решить так и не удалось": "бои за Миллерово 16 июля закончились взятием города, но так и не увенчались достижением наметившейся цели - окружением всей вражеской группировки" (Сталинград. Событие... С. 26). Это он объяснил не тем, что наша армия стала намного лучше воевать, а нехваткой у германских войск подвижных соединений и перебоями с горючим.

Немцы планировали сначала достичь Сталинграда и потом обрушиться на Кавказ, а Гитлер решил наступать одновременно на двух направлениях. 23 июля 1942 г. Гальдер записал: "Всегда наблюдавшаяся недооценка противника принимает постепенно гротескные формы и становится опасной" (Т. 3. Кн. 2. С. 304). 24 сентября генерал-полковник Гальдер был снят с должности начальник немецкого генштаба. Паулюс сказал В. Адаму, что он не знает, почему это было сделано, но вымолвил: "Правда, мне помнится, что Гальдер многократно в моем присутствии возражал Гитлеру и высказывал собственное мнение...". Осенью 1942 г. новый начальник Генштаба генерал К. Цейтцлер признал: "Нам казалось, что наша первая главная цель

достигнута. Но, увы, это был мираж. Вскоре наше наступление было приостановлено. Пришел конец и нашим успехам на Кавказе" (Роковые решения. М. 1958. С. 155). В разговоре с ним Гитлер высказал "глубокую неудовлетворенность ходом событий на Восточном фронте и провалом наступления".

Глава 27. Битва за Сталинград

Б. Горбатов в "Письмах к товарищу", напечатанных в октябре 1941 года, восклицал: "Я очень люблю жить - и потому иду сейчас в бой. Я иду в бой за жизнь. За настоящую, а не рабскую жизнь, товарищ! ... люблю жизнь, но щадить её не буду. Я люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить как воин, и умереть, как воин, - вот как я понимаю жизнь. ... Раненый - не уйду из строя. Окруженный врагами - не сдамся. Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу - только ненависть. Лютая ненависть".

Сходные мысли были выражены в письме от 9 августа 1942 г. воевавшего под Сталинградом М. Алексеева девушке Оле: "Хочется крикнуть на всю Русь: товарищ, друг, дорогой человек! ... Бей немца, чем можешь и где только можешь! Бей - ты спасешь Родину, ты не будешь презрен поколением за то, что отдал на поругание вислозадому немцу свою могучую державу. Если у тебя, советский человек, нет под руками ничего, чем бы мог ты гвоздить немца, то вырви собственное сердце и его, раскаленное лютой ненавистью, брось в ворога.... Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и все-таки я отдам без страха эту жизнь, уже решил ее отдать... Потому что не всякой жизнью я хочу жить. Я привык жить в стране, где человек является хозяином своей судьбы" (Москва. 2003. № 5. С. 23).

Не стоит комментировать странное суждение А. Солженицына в "Архипелаге ГУЛАГ" о том, что кровь штрафных рот была "цементом фундамента Сталинградской победы", и не менее странное "открытие" В. Шаламова в "Колымских рассказах": "Армия Рокоссовского приобрела известность и популярность именно наличием в ней уголовного элемента". Откуда почерпнуты такие лживые сведения?

Бои на дальних подступах к Сталинграду начались 23 июля, враг вклинился в оборону 62-й армии, взял в кольцо около 3 дивизий. Создалась угроза окружения её основных сил. Василевский решил, что необходимо было безотлагательно нанести "по врагу контрудар силами 1-й и 4-й танковых армий": "Сам факт нанесения сильного контрудара по противнику, который намеревался овладеть городом легко, с ходу, оказал большое психологическое воздействие. Враг остановился, выдвинув крупные силы против 1-й танковой армии, и этим ослабил кольцо окружения. Группа во главе с полковником К. Журавлевым разорвала кольцо и отошла за Дон. Вре-

мя, выигранное в ходе нанесения контрудара, позволило укрепить оборону на Дону и не допустить наступления вражеских войск в тыл 62-й армии. ...План с ходу захватить Сталинград был сорван, и это сыграло важную роль в стабилизации обороны на южном крыле советско-германского фронта (Знамя. 1983. № 1. С. 178).

Удержание Сталинграда в последние дни августа и в сентябре приобрело стратегическое значение. Германское командование связывало с захватом Сталинграда надежды овладеть Кавказом и его нефтяными районами, привлечь к войне против СССР Японию и Турцию. Наши 63-я и 21-я армии ударили по 8-й итальянской армии и захватили плацдармы западнее Серафимовича и у села Верхний Мамон.

Мощные контрудары Красной Армии на Дону заставили противника усиливать войска, обеспечивавших там его оборону. Сюда были переброшены 8-я итальянская, а затем 3-я румынская армии, которые по первоначальным наметкам гитлеровского командования должны были действовать на кавказском направлении. В. Куликов подчеркнул: "...на главном, кавказском направлении, у противника осталось меньше сил, чемна Сталинградском, где группировка войск возросла с 38 до 69 дивизий, а группа армий "А" уменьшилась с 60 до 29 дивизий. Всего из этой группы с учетом 8-й итальянской и румынской армий на сталинградское направление было переброшено 38 дивизий. Такое ослабление кавказской группировки свидетельствовало о срыве плана врага на летнюю кампанию 1942 г."

В середине августа начались бои на ближних подступах к Сталинграду. Ставка ВГК направила на Сталинградское направление 1-ю гвардейскую армию, стала выдвигать 24-ю и 66-ю армии. Приказ о наступлении на Сталинград Паулюс отдал 19 августа 1942 г. 23 августа 14-й танковый немецкий корпус на побережье Дона у хутора Вертячий прорвал оборону советских войск, пробил коридор глубиной в 60 километров и в полосе около 8 километров вышел к Волге в районе поселка Рынок, 62-я армия была отрезана от главных сил Сталинградского фронта.

А. Василевский вспоминал: "...23 августа 1942 года в Сталинграде развернулось жесточайшее сражение с прорывшимися к Волге частями противника. ...Телефонно-телеграфная связь с Москвой прервалась. Сталин спрашивает по радио: "Товарищ Василевский, сообщите, где вы сейчас находитесь?". Отвечаю: "В Сталинграде, на командном пункте в штольне у реки Царица". В ответ: "Врете, сбежали, наверное, вместе с Еременко на левый берег...". Я оторопел и говорю: "Со мной Маленков, Малышев, Чуянов..." Трудно было в этой обстановке сохранять душевное равновесие. Все мы ясно понимали, какую смертельную угрозу означает падение Сталинграда. На северную окраину города были направлены все возможные воинские части, артиллерия. Обратились к населению с воззванием. Это был день наивысшего напряжения".

23 августа немецкие самолеты обрушили тысячи бомб на Сталинград, город повсеместно горел, целые кварталы превращались в развалины. К этому времени в Сталинграде оставалось около 710000 мирных жителей. В результате бомбардировок 23 августа в городе погибло не менее 71000 человек и около 142000 человек получили ранения, травмы и контузии. За время Сталинградской битвы погибло около 200000 городских граждан. Кое-кто из обличителей ищет виновников гибели столь многих мирных жителей, хочет найти их обязательно среди советских руководителей. Но ведь вполне ясно, что люди гибли прежде всего по вине Германии.

25 августа Сталинград был объявлен на осадном положении. Первый секретарь Сталинградского обкома партии А. Чуянов вспоминал, как 25 августа рабочие СТЗ встали на пути врага: "Из цехов завода шли в бой грозные Т-34. Их вели экипажи ополченцев, вели те, кто их строил... Рабочие СТЗ за одну эту тревожную ночь выпустили 69 танков и 45 арттягачей. Такой высокой производительности труда в истории завода еще не было. Рабочие "Баррикад" дали 100 пушек". Сталинградский танковый завод ежедневно поставлял боевые машины в части 64-й армии до середины сентября 1942 года.

В директиве СКВ № 45 от 23 июля 1942 г. содержалось требование "нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город... особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда". Гальдер записал слова Гитлера на совещании 31 августа 1942 года: "Сталинград: мужскую часть населения уничтожить, женщин - вывести" (Т. 3. Кн. 2. С. 334). Английский историк А. Кларк отметил, что "попытки Паулюса и Гота взять Сталинград штурмом в августе и сентябре не увенчались успехом, несмотря на трехкратное превосходство в людях, шестикратное - в танках и полное господство авиации в воздухе" (Кларк А. Барбаросса. Война России и Германии 1941-1945. С. 199).

28 августа враг был остановлен северо-западнее Сталинграда, 2 сентября - с юго-запада. Линия обороны проходила по внутреннему обводу в 3 километрах от города.

В. Попов, профессор, кандидат исторических наук, в статье "Правда Сталинградской битвы", опубликованной в 2010 г. в "Сенаторе", заявил: "В свете обнаруженных документов и новейших исторических исследований необходимо отказаться от преувеличения роли Г.К. Жукова в Сталинградской битве. Она была отнюдь не триумфальной и вовсе не решающей, а отличалась необоснованными досадными просчетами, непоследовательностью и незавершённой в достижении поставленных целей". Никаких убедительных доказательств, подтверждающих эти мысли, не было приведено, не указаны и "новейшие исследования". Нельзя принять за обоснование "досадных просчетов" прославленного маршала этокое: "В течение сентября-октября

1942 года под руководством Г. К. Жукова командования Сталинградского, Юго-западного, а затем и Донского фронтов провели, по меньшей мере, пять армейских и фронтовых операций, которые обернулись большими потерями советских войск и практически оказались безрезультатными в достижении поставленных целей".

Здесь нет учета опаснейшей угрозы падения Сталинграда, категорических верных в той ситуации решений Ставки не допустить этого. Жуков указывал: "Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода у Ставки тогда не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо" (Т. 2. С. 263).

3 сентября Ставка ВГК направила на имя Жукова директиву, в которой указывала: "Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало".

Жуков был обязан выполнить этот обусловленный самой тяжелой обстановкой приказ Ставки. 5 сентября он доложил Сталину, что в течение всего дня шло очень тяжелое сражение: "К северу от Сталинграда противник вынужден был ввести в бой новые войска, переброшенные из района Гурмака". "Продолжайте атаки, - приказал И. В. Сталин. - Ваша главная задача - оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника". ...В течение 6 сентября противник подвел из района Сталинграда новые чести" (С. 272).

В сентябре 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии дважды предпринимали здесь наступление. Однако им не удалось ликвидировать коридор и соединиться с войсками, оборонявшими непосредственно Сталинград. Вместе с тем эти операции заставили немецкое командование повернуть немалую часть сил 6-й армии фронтом на север. Это позволило задержать врага на внутреннем оборонительном обводе города.

Становилось ясно, что поспешно подготовленные удары советских соединений, не обеспеченные в должной мере танками и артиллерией, теряют смысл, поэтому Жуков сообщил Сталину 10 сентября: "Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немцев значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами в той же группировке будут бесцельны, и войска понесут новые

потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта".

12 сентября немцы подошли к окраина города. Командование вермахта для штурма его усилили 6-ю и 4-ю танковую армии. Наступление непосредственно на Сталинград началось 13 сентября. Г. Жуков писал: "13,14,15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все дальше и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше. Перелом в эти тяжелые дни и, временами казалось, последние часы был совершен 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева... После переправы в Сталинград она сразу же решительно контратаковала противника. Её удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А. Е. Голованова и С. И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев" (Т. 2. С. 278).

В. Чуйков, командующий 62-й армией, отмечал: "...если бы не было дивизии Родимцева, то город целиком оказался в руках противника приблизительно в середине сентября... городской бой в условиях, когда противник засел в городе и укрепился, - это бой за дом, здание, квартал. Операция развивается по ходам сообщения, внутри домов, в развалинах и подземными путями".

Жестокие бои в городе изображены в повестях К. Симонова "Дни и ночи", В. Некрасова "В окопах Сталинграда", в романах В. Гроссмана "Жизнь и судьба" и М. Алексеева "Мой Сталинград". Участник Сталинградского сражения В. Соколов писал в романе "Крушение" о гибели Рубена Ибаррури - сына знаменитой испанской коммунистки Долорес Ибаррури: "И когда вновь разбушевался бой, когда шквал огня залил наши позиции и фашисты бросились на этот дымящийся участок в атаку, Рубен Ибаррури произнес: "Но пасаран! Не пройдут!". Не один час гремел бой. Фашисты наседали, хотя и несли большие потери. Еще минута, другая - и гитлеровцы ворвутся в окопы. А патронов у гвардейцев мало, патроны кончаются. Поднялся Рубен Ибаррури. Вымахнул из окопа и бросился на врагов. Следом за ним бросились товарищи. Пошли врукопашную... Рубен почувствовал резкий удар в грудь. Он попытался устоять на ногах, но какая-то сила прижала его к земле..."

В. Зайцев в своих воспоминаниях "За Волгой для нас земли не было. Записки снайпера" (1981) написал: "Мамаев курган -- господствующая над городом высота. Южное плечо кургана

помечено на карте цифрой 102,0. Отсюда хорошо виден центр города, который почти полностью занят противником и весь разрушен. Поэтому легко понять наше стремление -- держаться, если не на вершине, то хотя бы на южных скатах высоты и тем самым угрожать противнику ударами во фланг и тыл. Более выгодных позиций не найдешь во всем Сталинграде. Мы буквально видели через оптические прицелы затылки гитлеровцев, которые застряли в центре города". Кроме "Мамаева кургана", в те дни названной защитниками Сталинграда главной высотой России, важную тактическую роль играл и вокзал, занимавший господствующее положение в центре города. В сентябре 1942 года он переходил из рук в руки до пятнадцати раз.

Писатель В. Ганичев, вспомнив о самых кризисных днях Сталинграда - 13-15 сентября, спросил маршала В. Чуйкова: "Что думалось? Было ли впечатление гибели?" Маршал рассердился: "Кто о гибели думал в бою? Лучше сразу ложись и помирай. Некогда об этом думать". ...Потом обрушился на меня: "Это только ваш писатель мог о любви писать, когда баржа под огнем и люди гибнут в воде. Да он и появился-то у меня второго февраля только" (Наш современник 1995. № 5. С. 122).

Рокоссовский вспоминал, как во второй половине сентября он был вызван в Москву и принят Сталиным: "Сталин был мрачен. Таким я еще его не видел. Ходил молча. Вдруг резко остановился и, глядя мне в глаза, сказал сухо, почти сердито: "Надо спасти Сталинград!" ...До предела откровенная фраза была подобна удару. Направляясь в Москву, я знал, что дела на Юго-Западном фронте идут плохо. Но такая смертельная угроза Сталинграду? Нет, не может быть!"

И. В. Сталин продолжал: "Немцы в нескольких местах прорвались к Волге. Обстановка под Сталинградом резко ухудшилась. ...Надо спасти город. Вам надо, товарищ Рокоссовский, срочно вылетать на юг и принять командование Сталинградским фронтом. Все остальное узнаете у Жукова, когда будете лететь. Туда же, на Сталинградский фронт, вылетает комиссия Ставки во главе с генералом Боковым с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. Часть военачальников уже смотрят за Волгу. Жду вашей информации о положении дел и принятых мерах. На месте виднее. Сталинград надо удержать, во что бы то ни стало".

28 сентября 1942 года генерал-лейтенанта К. Рокоссовского назначили командующим Донским фронтом, который должен был ударить по немцам с севера и между речье Волги и Дона и тем самым сковать его, облегчить положение советских войск оборонявшихся в Сталинграде. Маршал И. Баграмян пишет в своем труде "Слово о маршале Рокоссовском" (Знамя. 1981. № 4. С. 204): "В момент вступления нового командующего в должность Георгий Констан-

тинович, стремясь помочь "новичку", попытался его опекать. Однако Рокоссовский решительно потребовал представить ему самому возможность командовать войсками, выполняя общие задачи, сформулированные Ставкой, и сообразуясь с конкретной обстановкой. "Короче говоря, - заметил на это Г. К. Жуков в свойственной ему грубоватой дружеской манере, - ты хочешь сказать, что мне здесь делать нечего". В тот же день он улетел в Москву...". Отметим, что Жуков в свое время командовал бригадой в дивизии Рокоссовского.

Очерк К. Симонова "Дни и ночи" о Сталинградской битве "Правда" опубликовала осенью 1942 г. Его повесть "Дни и ночи" (1944) передает героическую атмосферу сталинградских боев, когда советские бойцы упорно сражались за каждую пядь земли. Автор показал, что подвиги защитников Сталинграда складывались из многодневного воинского труда. В начале повести написано: "Могло показаться, что защищать город дальше бесполезно, и, пожалуй, даже невозможно". Но все знали, что отступить нельзя, город ни в коем случае не должен оказаться в руках врага, здесь "лежит тот предел, через который уже нельзя переступить". Сюжетная основа повести включает в себя историю боевых действий одного стрелкового батальона со времени прибытия в район Сталинграда до 19 ноября 1942 года, когда наша армия перешла в победное наступление.

Второе наступление немцев проходило с 27 сентября по 8 октября, в результате его лишь на некоторых участках им удалось прорваться к Волге. С начала октября сюда прибыли 200000 человек нашего пополнения, до 90 артиллерийских дивизионов (до 1000 орудий), 40 саперных батальонов. Третье немецкое наступление началось 10 октября в направлении заводов - тракторного, "Баррикады" и "Красный Октябрь". Непрерывные оборонительные бои длились 4 месяца. Враг потерял 700000 убитыми и ранеными, свыше 2000 орудий и минометов, свыше 1400 самолетов.

Бросая в бои все новые дивизии, германские войска не смогли добиться своей главной цели и захватить полностью город. "За каждый дом, - приводит "Шпигель" слова немецкого офицера, - за каждый заводской цех, водонапорные башни, участки железной дороги, стены, подвалы и, наконец, за каждую грудку руин шла такая ожесточенная схватка, какой мы не знали даже во время Первой мировой войны в сражениях за материальные ценности" (Российская газета. 22.01. 2003).

Первый адъютант штаба 6-й армии полковник В. Адамс подтвердил: "Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14 корпуса. Генерал сообщал: "Соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, прояв-

ляющего исключительное мужество. Это выражается не только в строительстве оборонительных укреплений и не только в том, что заводы и большие здания превращались в крепости. Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые в спецодежде, нередко сжимая в окоченелых руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели!"

Герой Советского Союза Василий Зайцев, знаменитый снайпер, уничтожил лично 242 немецких солдат и офицеров. Он вспоминал: "Ночью наши разведчики приволокли в мешке "языка". На допросе он сообщил, что фашистское командование серьезно обеспокоено действиями наших снайперов. Из Берлина доставлен на самолете руководитель школы немецких снайперов майор Конингс, который получил задание убить прежде всего, как выразился пленный, "главного зайца". Но получилось наоборот: Зайцев перехитрил этого Конингса и уничтожил его.

Сержант Я. Павлов и 25 подчиненных ему бойцов удерживали знаменитый теперь дом в Сталинграде 58 суток. Среди них геройски сражался и одиннадцатилетний мальчик Толя Куршов, награжденный орденом Красная звезда. Германский генерал-майор Г. Дёрр в книге "Поход на Сталинград" отдал должное мужеству и умению наших защитников города: "Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в боях за отдельные дома" (С. 56). Он винил Гитлера в провале битвы за Сталинград. Дёрр писал, что Гальдер "потребовал прекращения наступления на Сталинград; 24 сентября он был уволен". Другие источники не подтверждают эту мысль, в записях Гальдера нет указаний на его радикальные (мелкие были) расхождения с Гитлером.

14 октября Гитлер приказал перейти к стратегической обороне на всех участках фронта против советских войск, но продолжать наступление на Сталинград. Однако немецкий штурм во второй половине октября и начале ноября не привел к заметному успеху. 11 ноября 1942 года пятью пехотными и двумя танковыми дивизиями Паулюс предпринял одобренное Гитлером четвертое наступление против 62-й армии Чуйкова с целью разбить, сбросить ее в Волгу и полностью захватить Сталинград. 62-я армия оказалась в тяжелейшем положении, была разделена на две части, одна из дивизий была отрезана от основных сил, враг прорвался к Волге на фронте 500-600 метров. Но и эта последняя попытка уничтожить 62-ю армию не достигла своей цели.

11 ноября В. Чуйков написал в своем дневнике: "Паулюс не использовал своего превосходства в силах и не выполнил своего замысла. Сбросить 62-ю армию в ледяную Волгу ему не удалось. Это наша еще одна крупная победа, в которой вскоре все убедятся". В книге А. Чуянова "Сталинградский дневник" приведено письмо убитого немецкого офицера, написанное 11

ноября: "Нам надо дойти до Волги еще только километр, но мы его никак не можем пройти. Мы ведём борьбу за этот километр дольше, чем войну за всю Францию. Мы уложили здесь больше солдат, чем в борьбе за Севастополь, но русские стоят, как каменные глыбы". Уже в годы войны пьесы о героизме советских солдат и офицеров создали Н. Вирта "Солдаты Сталинграда" и Ю. Чепурин "Сталинградцы".

Повесть В. Некрасова "В окопах Сталинграда" (1946) характерна локальностью изображения Сталинградской битвы. Она написана как своеобразная хроника повседневной судьбы воинского подразделения. В ней показано только то, что видел и пережил молодой лейтенант Керженцев, бывший архитектор, от лица которого ведется повествование. Автор не скрывает тяжести войны и наших больших потерь: полк воюет "каких-нибудь несчастных полтора месяца", "и вот уже ни людей, ни пушек". В повести нет риторики, высокопарной декламации, открытых авторских оценок. Для ее стиля свойственны сдержанность, лаконизм, строгость. Авторская позиция становится ясной читателю из выразительных описаний, из содержания внутренних монологов и острых диалогов, из точно отобранных деталей и мелких частности. Патриотизм героев чувствуется во всем их поведении, в их мыслях и чувствах.

В конце повести приведен отрывок из действительной речи фюрера 9 ноября 1942 года: "Сталинград наш! ...Город, носящий имя Сталина, в наших руках. Величайшая русская артерия - Волга - парализована. И нет такой силы в мире, которая может нас сдвинуть с этого места". Автор изобразил именно ту силу, которая не только сдвинула, но и сокрушила армию Паулюса. Источник нашей силы, нашей победы автор видит в советских людях, в их душевном настрое.

Это показывали и другие писатели, новое у Некрасова заключалось в характере изображения человека на войне, ее прозаической повседневности. Он показывает героиню каждодневного воинского труда. Сталинградские окопы он видит изнутри, с позиции тех, кто воевал в них: "На войне никогда ничего не знаешь, кроме того, что у тебя под самым носом творится". Военный быт отражается так, как видит его рядовой участник боев. Некрасов показал, что победу одержали обыкновенные советские люди. Свое внимание автор сосредоточил на их переживаниях, на раскрытии их душевных качеств.

В четвертой книге "Великая Отечественная война. 1941-1945" военный историк Ю. Поляков написал: "В годы войны вышли такие и поныне известные произведения, как... "В окопах Сталинграда" В. Некрасова". Эта повесть опубликована в 1946 г. В пособии "Русская литература XX века" под редакцией Л. Кременцова говорится "о фактическом запрещении книги В. Некрасова "В окопах Сталинграда". В действительности ей присудили Сталинскую премию по инициативе Сталина, в вузах ее изучали студенты. Если коснуться того, что ее уличали в "не-

достатке идейности", то тогда спорили о разных путях изображения человека на войне, были критические рассуждения и об этой повести. Какая в этом крамола?

Соавтор пособия О. Быстрова посчитала, что появление в 1946 г. "повести В. Некрасова "В окопах Сталинграда" заставило литературную общественность несколько растеряться: автор - простой офицер, никому не известный Некрасов, в самой повести нет ни слова о партии и всего несколько упоминаний о Сталине". Тогда пришли в литературу и другие подобные авторы (Г. Николаева, С. Антонов, В. Ажаев), в созданной в годы войны поэме "Василий Теркин" А. Твардовский ничего не говорил о партии и Сталине. В этом плане не было никакого повода изумляться после прочтения "В окопах Сталинграда". Быстрова использовала слухи о каком-то партийном чиновнике из ЦК КП(б) Украины, который сказал Некрасову, что у него "кишка тонка писать о Сталинграде". Не стоит тащить - тем более в учебные пособия - подобные непроверенные факты и очень легковесные доказательства.

Глава 28. И на нашей улице праздник

В ноябре 1942 года Сталин, беседуя с генерал-майором танковых войск П. Ротмистровым, спросил: "Скажите мне, товарищ Ротмистров, честно и откровенно, как коммунист коммунисту. Почему у нас столько неудач? Почему мы отступаем?" Ротмистров ответил: "Товарищ Сталин, могу доложить вам сугубо личное мнение, основанное на опыте боев с фашистами. Конечно, наш красноармеец по своим морально-боевым качествам выше солдата царской армии и тем более немецкого. Но дело в том, что в этой войне столкнулись две различные по технической оснащенности армии... Почти все немецкие дивизии, даже пехотные, моторизованы. Они быстро передвигаются на автомашинах, бронетранспортерах, мотоциклах, имея широкие возможности для маневра. У нас же стрелковая дивизия летом в лучшем случае, и то частично, следует на повозках, зимой - на санях. Используя высокую подвижность, противник легко обходит наши фланги, прорывается к нам в тыл, создает иногда видимость окружения, зная, что такая угроза психологически действует на войска. И второе. Немцы располагают превосходством в танках, тяжелой артиллерии и авиации. К примеру, мы не могли пробиться к Сталинграду прежде всего потому, что гитлеровцы организовали мощную оборону и буквально подавляли нас огнем пехотной артиллерии и ударами с воздуха". "Да, мы уступаем немцам по количеству и даже в некоторых видах по качеству в вооружении, - тихо произнес Сталин. - Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в 43 году наша промышленность догонит фашистскую Германию по выпуску самолетов, танков, орудий и минометов, а может и превзойдет её в этом отношении не только количественно, но и качественно" (Ротмистров П. А. Время и танки. М. 1972).

В 1942 году СССР, используя и быстро воссозданные на новых местах эвакуированные заводы, выпустил более 21000 боевых самолетов, более 24000 танков, более 158000 орудий и минометов. Это позволило нашему командованию восполнять потери в технике и хорошо вооружить новые дивизии. К лету 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования развертывала 120 новых дивизий. "Только с 23 июля по 1 октября 1942 года на сталинградское направление прибыло 55 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад, 7 танковых корпусов и 30 танковых бригад" (История Второй мировой войны. Т. 5. С. 104).

В начале советского наступления в районе Сталинграда (кодовое название "Уран") у наших войск было 1103000 человек (у противника 1011500 человек), в вооружении мы имели преимущество: по авиации 1,1:1, по танкам и САУ 2,2:1, по артиллерии 1,5:1. Иные цифры даны в "Истории Великой...": "у нас было 894000 человек, орудий и минометов - 13540, самолетов 1115. У немцев 675000 человек, орудий и минометов 10300, самолетов - 1216" (Т. 3. С. 26).

Ставка Верховного Главнокомандования верно учла, что 6-я и 4-я танковые немецкие армии были сосредоточены на участке фронта в районе города, а их растянутые фланги прикрывали румынские войска, не обладавшие хорошей боеспособностью. Немцы не имели здесь более или менее значительных резервов.

А. Василевский отметил: "Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы - 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии".

Наступление наших войск в районе Сталинграда стала главной операцией до конца 1942 года на германо-советском фронте. Для верховного командования вермахта оно стало неожиданным. Ставка многое сделала для достижения внезапности наступления. Чтобы добиться этой цели, уже в сентябре началась, а в октябре продолжалась демонстративная подготовка к крупному наступлению на западном направлении против немецких войск, оборонявших Ржевский выступ. Это было замечено и привело высшее гитлеровское командование к выводу о том, что на смоленском направлении советская армия нанесет свой главный удар.

В немалой степени внезапность контрнаступления под Сталинградом была обеспечена самой скрытностью его подготовки. Ставка приказала прекратить частные наступательные операции и перейти к жесткой и длительной обороне. Оборудовались позиции сплошными траншеями, прочными огневыми сооружениями, системой инженерных заграждений. Запрещались переписка и телефонные разговоры, связанные с контрнаступлением. Войска из резерва Ставки Верховного Главнокомандования сосредоточивались только ночью.

В октябре 1942 года германский генштаб полагал, что предстоящей зимой советской армии выгоднее наступать на центральном участке фронта, чем против выдвинутого далеко на восток южного фланга немецкого Восточного фронта. 5 ноября разведка Верховного командования немецких сухопутных войск доложила, что главный удар в будущих операциях русских следует ожидать на участке группы армий "Центр", против Смоленска. В этой группе оставалось около 80 дивизий, среди них 8 танковых и 5 моторизованных. Кроме того, здесь располагались две танковые дивизии стратегического резерва. В то время в группе армий "Б" было только 6 танковых дивизий и 4 моторизованные.

Успех наступления Красной Армии во многом обеспечило то, что на направлении главного удара советское командование сумело создать "решающее превосходство сил и средств: по пехоте - в 3 раза, по танкам - в 1,2 раза, по артиллерии - более чем в 10 раз" (А. Самсонов). "...на Юго-Западном фронте наши войска превосходили противника на участках прорыва по людям, орудиям, минометам и танкам - в 2 раза, а на Сталинградском фронте наше превосходство над противником было в людях - в 2,5 раза, по орудиям, минометам, танкам и САУ - в 3 раза".

19 ноября после интенсивной артиллерийской подготовки развернулось наше успешное наступление. В. Адам писал о панике в результате мощного советского удара: "Похлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевого транспорт, они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, заграждая дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затапывали, переезжали, давили. В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало спешному бегству, бросали оружие и снаряжение".

23 ноября танковые и механизированные корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калача и Советского, в окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей, входивших в состав 6-й армии и частично 4-й танковой. Было захвачено в плен 27000 солдат и офицеров.

21 ноября "Паулюс представил ОКХ предложение: сдать Сталинград, армии пробиваться на юго-запад и таким образом избежать угрожающего окружения. Группа армий "Б" поддержала перед ставкой фюрера предложение Паулюса. ...Прорыв не разрешали. Нужно удерживать Сталинград - такова была воля Гитлера и ОКХ". 22 ноября Паулюс опять предложил вырваться из котла. По словам немецкого генерал-майора Дёрра, был заготовлен приказ о сдаче Сталинграда и прорыве из него, но 24 ноября Гитлер отменил принятое им за 6 часов до этого решение сдать город. Якобсен сообщил: "23 ноября 1942 г. Паулюс в телеграмме Гитлеру просил предоставить ему "свободу действий". 26 ноября Паулюс направил письмо генерал-фельдмаршалу Манштейну". В середине декабря командование 6-й армии просило "разрешить прорыв из котла на юго-запад, согласованный во времени с атакой 4-й танковой армии, наступающей в северо-восточном направлении" (С. 122). Манштейн не дал разрешения на прорыв, Паулюс говорил Адаму: "Гитлер и ОКХ все еще хотят, чтобы мы удерживали город. И Манштейн боится дать приказ от своего имени, хотя и знает о нашем тяжелом положении" (С. 126).

Гитлер 12 декабря 1942 года заявил: "Мы ни при каких условиях не можем сдать Сталинград" (Вторая мировая война: два взгляда. С. 221). Цейтцлер отметил: "В одном из первых приказов Гитлера, отданном вскоре после того, как сомкнулись русские клещи, говорилось: "Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь будут именоваться войсками крепости Сталинград"".

Немецкий исследователь И. Видер в книге "Сталинград. Уроки истории" уличил в нечестности Манштейна, обвинившего Паулюса в том, что он не попытался вырваться из котла 18 декабря, когда Манштейн, по его словам, "отдал окончательный приказ о сдаче "твердыни на Волге". Такого приказа Паулюс не получал. Манштейн оговорил бывшего в его подчинении генерала, "пытаясь переложить на него вину за провал деблокирующей операции и все связанные с этим тяжелые последствия" (С. 419).

Попытка Паулюса самостоятельно вырваться из окружения не имела шансов на успех: горючего для машин не хватало, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее 6-ю армию от основных сил, воевать в зимней степи было намного труднее, чем в городе, в заранее оборудованных позициях, при обороне немцы "широко использовали систему наших укреплений, построенных еще летом, до боев за Сталинград" (К. Рокоссовский).

Участник Сталинградской битвы Б. Засядкин, в то время командир огневого взвода, свидетельствует, что 26 декабря немцы оборонялись юго-западнее Воропаново: "И каково было наше удивление, когда мы увидели наши бывшие оборудованные позиции, которые еще а мае-июне нами, курсантами, были оборудованы по всем правилам инженерного искусства. На войне

всякое случается, но чтобы поменяться с противником позициями и ролями - это уж слишком" (На пути в Берлин. С. 121).

Генерал пехоты Цейтцлер писал в "Роковых решениях": "В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат - значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав". Главное в его рассуждениях: в трагедии у берегов Волги был виновен Гитлер. Такое объяснение причин катастрофического поражения немецких войск под Сталинградом и в целом на советско-германском фронте давалось Гальдером, Гудерианом, Манштейном и другими гитлеровскими генералами, пытавшимися снять с себя вину за это.

Западные историки подчас утверждают, что немецкое командование знало о готовящемся контрнаступлении советских войск под Сталинградом, но по вине Гитлера не могло принять должных мер по предотвращению разгрома. Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер писал после войны: "Ужасно предвидеть надвигающуюся катастрофу и в то же время не иметь возможности предотвратить ее". Он полагал: если бы войсками управляли правильно, положение коренным образом изменилось бы. Г. Гот в книге "Танковые операции" назвал одну из глав "Гитлер проваливает план кампании". В "Истории войн" причины поражения немцев сводятся к неудачным решениям фюрера: летом 1942 года тот ошибочно "перебросил 4-ю танковую армию Гота в группу армий "А", наступавших на юге", затем он "вновь ошибся", возвратил "4-ю танковую армию для участия в боях под Сталинградом в составе группы "Б" и "приказал 11 армии Манштейна ...переместиться на север для усиления осады Ленинграда. ...Изменение планов Гитлера привело к разгрому его восточных армий" (Т. 3. С. С. 136, 138).

И ни слова о том, почему судорожно металась фюрер и его генералы. Если бы 11 армию не перебросили под Ленинград, то Синявинская операция наших войск в 1942 г. могла бы достичь своей цели - прорвать блокаду города, а гитлеровская директива № 41 ставила задачу захватить его. "Летом и осенью 1942 года в районах Волхова, Ржева, юго-восточнее озера Ильмень шли тяжелые бои, не позволявшие немцам осуществить переброску войск в интересах наступающих армий, а в район Воронежа даже заставили немецкое командование спешно перебросить из-под Сталинграда одну дивизию" (К. Типпельскирх).

Неверно все неудачи германских войск сваливать на Гитлера: он далеко не всегда единолично принимал решения. Немецкий историк Н. Вильхельм в своей книге "Две легенды" писал: "Гитлер гораздо реже действовал на свой страх и риск, чем это можно предположить" (С. 107). 30 июля 1942 г. начальник штаба оперативного руководства германского верховного командо-

вания генерал Иодль заявил, что судьба Кавказа решается под Сталинградом, поэтому необходимо перебросить часть сил из группы армий "А" в группу армий "Б". Уже на другой приказ об этом был отдан. Манштейн отметил, что Гитлер часто не прислушивался к доводам своих генералов, "приводя экономические и политические аргументы и достигая своего, так как эти аргументы обычно не в состоянии был опровергнуть фронтовой командир". Вместе с тем "иногда Гитлер проявлял готовность выслушать соображения, даже если он не был с ними согласен, и мог затем по-деловому обсуждать их" (С. 298).

На допросе после войны Кейтель признал главным недостатком немецкой разведки то, что она не установила сосредоточения большого количества советских войск под Сталинградом для наступления в ноябре 1942 года. Отметим, что здесь говорится о сосредоточении "большого количества" советских войск. Иодль говорил в таком же духе: "Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение" (Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 89).

Нет ли в этих заявлениях Кейтеля и Иодля об их полном неведении о предстоящем наступлении советской армии попыток снять с себя часть ответственности за разгром своих войск? Начальник разведывательного отдела группы армий "Б" полковник Фрайтаг-Лорингофен в начале октября 1942 г. посвятил записку "об опасности советского прорыва на Дону, который будет иметь своей тактической целью окружение 6-й армии, а оперативной целью - последующий прорыв в направлении Ростова и разгром южного фланга всего немецкого Восточного фронта". Начальник штаба 6-й армии генерал-майор А. Шмидт считал, что зимой "в действительной степени вероятна возможность окружения 6-й армии... предвидел опасность охвата с двух сторон, т.е. и одновременный прорыв на ее южном фронте, на участке 4-й танковой армии. ...мнение Шмидта было поддержано командующим 4-й танковой армией генерал-полковником Готом". Первый адъютант 6-й армии В. Адам сообщил: "...командующий группой армией "Б" генерал-фельдмаршал Вейхс и его начальник штаба генерал пехоты фон Зонденштерн разделяли опасения командования 6-й армии".

В. Адам в книге "Трудное решение" писал, что в начале ноября все дивизии в большой излучине Дона и действующая на юге 4-я танковая армия заметили подготовку советских войск к наступлению. 12 ноября немецкая разведка сделала вывод, что "в скором времени следует ожидать наступательные операции против 3-й румынской армии", но какие силы будут привлечены к этому, она не смогла определить. Начальник Федеративного Военного архива М. Кериг в статье "6-я армия в Сталинградском котле" считает, что наступление 19 ноября 1942 г. не стало

"для немцев и их союзников неожиданностью": "Командование группы армий "Б" и командование армий, действовавших в районе Сталинграда, знали о приготовлениях и целях советского наступления на Дону. Но они недооценили масштабы развертывания" (Сталинград. Событие. ...С. 85).

Верховное командование вермахта не принимало всерьез донесения 6-й армии; оно сомневалось в том, что "Красная армия вообще способна думать о контрнаступлении". Разведотдел восточных армий, который возглавлял будущий шеф западногерманской разведки Гелен, 31 октября доложил, что признаков готовящегося крупного наступления русских нигде не обнаружено. Наши зарубежные разведчики 5 ноября 1942 года передали советскому командованию оценку Красной армии, которую подготовили в генеральных штабах Германии и Венгрии. В сводке оценок был и такой вывод: "Красная армия не может быть полностью разбита в 1942 году, но она не способна на какое-либо большое наступление зимой и не будет в дальнейшем угрозой для стран "оси". ...Наступление войск Красной Армии в большом масштабе в 1942 году невозможно".

Военная разведка вермахта докладывала, что осенью "русские постараются предпринять масштабное наступление против германских войск, будут стремиться к решающему успеху. Но сил и боевого духа у них хватит лишь на краткую, ограниченную во времени пространстве операцию" (Уткин А. И. Сорок второй год. 2002). Начальник генштаба Цейтцлер по приказу Гитлера передал директиву: "Красная армия разбита, она уже не располагает сколько-нибудь значительными резервами и, следовательно, не в состоянии предпринимать серьезные наступательные действия. Из этого основополагающего тезиса надо исходить каждый раз при оценке противника". У Гитлера все еще тлела иллюзия, что Красная Армия разбита.

Командование 6-й армии во второй половине октября предложило прекратить атакующие действия в Сталинграде, отойти на позиции по линии Дон-Чир и перевести 14-й танковый корпус в резерв. Эти предложения были отвергнуты, Гитлер требовал ускорить взятие Сталинграда. Вместе с тем, пишет Кериг, в первые дни ноября он приказал перебросить с Западного фронта в район действий группы армий "Б" 6-ю танковую и несколько пехотных дивизий, чтобы "держать их наготове в качестве резерва за позициями 8-й итальянской и 3-й румынской армий". 7 ноября радиоразведка получила "новые доказательства того, что идет крупномасштабное развертывание советских соединений на плацдармах у Клетской, Серафимовича..., на основании чего разведотдел Генштаба делает вывод о возможности перехода противника в ближайшее время в наступление". 9 ноября был отдан приказ о переброске 48-го танкового корпуса в большую излучину Дона - за позиции 3-й румынской армии, началось формирование группы

Леппер для укрепления ее восточного фланга, "Карповка и Калач превращаются в укрепленные районы", "но и эти, и другие меры оказались недостаточными".

Эти факты позволяют сделать аргументированный вывод: вряд ли верно утверждение о том, что советское наступление для немцев оказалось "абсолютно внезапным. Их командование проглядело подготовку наших войск к наступлению" (А. Райзфельд). Германское командование знало, что советская армия в ноябре-декабре перейдет в наступление, не исключало и того, что оно возможно и в районе Сталинграда. Но **внезапным для него оказались время и направление нашего наступления, сосредоточение там большого количества советских дивизий, сокрушительная сила их ударов.** Германский генштаб все еще не расстался с недооценкой возросшей силы Красной Армии и возможностей советского строя. Генерал Шмидт признал: "Все мы не осознали масштаба угрозы и вновь недооценили русских".

Глава 28. Можно ли было раньше освободить Ростов?

Ш. Фосс в еженедельнике "Шпигель" определил: "Судьба 6-й армии была решена 12 сентября 1942 г. Паулюс доложил фюреру, что предполагает взять город в течение ближайших 10 дней. А когда фюрер публично заявил, что вермахт "возьмет" Сталинград, пути назад не было". Боевые действия 6-й армии в котле обрели, указал Кериг, "новую функцию - связать как можно больше советских войск и помешать нанести чреватый большой бедой удар на Ростов. ...Это задание 6-я армия выполнила" (С. 118). Она помогла немцам удержать Ростов до 14 февраля 1943 года, вывести с Северного Кавказа 1-ю танковую армию, предотвратить разгром южного крыла. Дёрр писал: "Для нас было счастьем" то, "что русские после проведения операции против 6-й армии сделали передышку для укрепления фронта окружения": "противник не использовал ...большие возможности - до подхода 1-й танковой армии. ...На пороге нового, 1943 года угроза удара противника на Ростов все еще не была устранена" (С. 106).

"Шпигель" так представил причины гибели армии Паулюса: "Для исследователей 50-х годов ответ был очевиден: ответственность за сталинградскую катастрофу лежит на Гитлере и его генералах, которые "совершили подлое преступление по отношению к своим подданным", не позволив Паулюсу попытаться вырваться из котла или позднее капитулировать. Паулюс не осмелился нарушить приказ фюрера. ...командующий корпусом генерал Вальтер фон Зайдлиц-Курцбах взывал к его совести: "Ваш долг по отношению к армии и немецкому народу принимать самостоятельные решения вопреки приказу, который вам это запрещает". Паулюс опасался, что попытка прорыва вызовет еще большую неразбериху на ослабленном фронте и тогда ему не спасти даже части своих солдат. 25 января, когда Зайдлиц позволил командирам своих дивизи-

зий прекратить сопротивление, Паулюс отстранил его от должности и назначил вместо него нацистского генерала Вальтера Хайтца. Тот пригрозил, что расстреляет каждого, кто задумает сдаться русским" (Российская газета. 02.01. 2003).

В начале 50-х годов Манштейн раскрыл жестокую логику войны, написав: "Несмотря на то, что я сам вопреки своей первой рекомендации неоднократно призывал фюрера решиться на прорыв, но убежден, что 6-я армия была обязана как можно дольше сковывать противостоявшие ей силы противника даже ценой самопожертвования". В. Чуйков так оценил сложившуюся там обстановку: "Гитлер потребовал от своих генералов, от Паулюса занять круговую оборону. Занять и держаться до последнего. Этим Гитлер приковал к окруженным дивизиям численностью в треть миллиона пять наших общевойсковых армий. Эти пять армий могли бы на оперативном просторе значительно усилить наше наступление, дать нам возможность осуществить удар на Ростов на-Дону и отрезать всю группу армий "А" на Кавказе, посадив ее в столь же глубокий мешок, как и армию Паулюса". Армия Паулюса в степи "была бы рассеяна, уничтожена и пленена в течение нескольких дней" (От Сталинграда до Берлина. С. 311).

Советское командование не ставило перед собой задачу немедленно ударить крупными танковыми силами в направлении на Ростов, по жизненно важным для немецкой группы армий переправам через Донец или по железнодорожному узлу Лихая. Манштейн считал, что "оно тем самым упустило важный шанс, так как в конце ноября - начале декабря у немцев не было сил, способных отразить подобный удар" (С. 382). По его мысли, если бы советская армия использовала выгодную ситуацию в конце 1942 г. и нанесла удар на Ростов, тогда бы Германию настигла огромная катастрофа. Он полагал, что после поражения 3-й румынской армии советские войска имели нужные силы для продвижения до нижнего течения Дона и Ростова и могли "перерезать коммуникации не только 6-й и 4-й танковых армий, но и группы армий "А" (С. 383).

В этом случае "наряду с потерей 6-й армии создавалась бы возможность потери также и группы армий "А". Их положение "должно было стать более чем критическим", была "опасность уничтожения всего южного крыла Восточного фронта. Такой результат, очевидно, решил бы исход борьбы на востоке и повлек бы за собой проигрыш войны" (С.384). Если на самом деле была такая соблазнительная возможность, обещающая столь колоссальный результат, то почему советская Ставка не воспользовалась ею? Сталин - в соответствии с планом "Уран" - считал первейшей задачей быструю ликвидацию окруженного врага, уделял этому главное внимание. Он говорил, что в Сталинграде "обещали окружить и уничтожить немцев за десять дней, а провозились с ними два с лишним месяца" (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 120).

Ставка без паузы начала операцию по уничтожению "котла". Жуков писал, что она принимала все меры к тому, чтобы быстрее покончить с ним "и высвободить войска двух фронтов, необходимых для быстрейшего разгрома отходящих войск с Кавказа и на юге нашей страны" (Т. 2. С. 320). Но наши удары с 24 по 30-е ноября не решили этой задачи. К. Рокоссовский указал: "...мы убедились, что, продолжая наступление на всем фронте окружения без специальной серьезной подготовки и дополнительных средств усиления, успеха не добиться" (Сталинградская эпопея. М. 1968. С. 169).

Вначале советское командование ошиблось в оценке сложившейся обстановки, посчитав, что в кольце оказалось 85-90 тысяч немецких солдат. И сейчас в "Истории войн" пишут, что окруженных немцев в Сталинграде было 100000, в действительности их было больше в три раза. Вместе с 6-й армией в кольцо попали 4-й армейский и 48-й танковый корпуса, а также 29-я моторизованная дивизия врага. В исследовании "Сталинградская битва. Хроника, факты, люди" (Кн. 2. С. 12) сообщается, что по уточненным данным в окружение попали 284000 человек из вражеской группировки.

Свое видение ситуации в Сталинграде Жуков доложил Сталину 29 ноября 1942 года: "Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская - Котельникова на прорыв и выход из окружения не рискнут... Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо: как можно быстрее отбросить... группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская - Тормосин - Котельниково" (Т. 2. С. 310).

Видимо, советские войска достигли бы большего результата, если бы часть сил, брошенных на ликвидацию окруженного врага, сразу была направлена на решение этой задачи. По мысли А. Еременко, "в первых числах декабря... наш внешний фронт окружения оборонялся крайне слабыми и измотанными в боях силами" (С. 145). В то время поступали предложения прекратить наступление против Паулюса, оставить на внутреннем кольце минимум войск, а остальные соединения, окружавшие немцев, бросить на Ростов и отрезать германские войска на Северном Кавказе. Это было весьма разумно, как представляется нам спустя многие годы. Правда, есть давнее изречение: "Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны".

26 ноября Василевский доложил Сталину план новой наступательной операции. Ближайшей задачей ставился разгром 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы Голлидта, а затем захват подвижными войсками переправы в районе Лихой и наступление на Ростов. 2 декабря 1942 г. Ставка решила провести Воронежским и Юго-Западным фронтами операцию

"Большой Сатурн" в направлении Миллерово-Ростов, чтобы отсечь кавказскую группировку немцев. Начало - 10 декабря. 2-ю гвардейскую армию предполагалось направить для наращивания удара из района Калача на Ростов-Таганрог. По свидетельству А. Василевского, "задержка в ликвидации войск Паулюса явилась основной причиной, изменившей оперативную обстановку на сталинградском и среднедонском направлениях не в нашу пользу и более всего повлиявшей в дальнейшем на изменение и сокращение операции "Сатурн" (Сталинградская эпопея. С. 109). Но надо ли было так торопиться с ликвидацией войск Паулюса?

В начале декабря создалась запутанная ситуация. А. Еременко, командующий тогда Сталинградским фронтом, писал: "Как только наш кавалерийский корпус 2 декабря ... подошел к Котельниково, больше сотни танков противника, поддержанных авиацией, нанесли ему серьезное поражение. Нависла страшная опасность... Оставался один выход - снять некоторые соединения с внутреннего фронта окружения. Пришлось пойти на такой риск и снять 4-й и 13-й механизированные корпуса (каждый в составе двух бригад). Оба корпуса были обессилены наступательными боями, которые они вели уже более 10 дней непрерывно". Были ли нужны эти безуспешные бои, принесшие нам немалые потери? Еременко полагал: если бы немцы "перешли в наступление из района Котельниково в период с 2 по 7 декабря 1942 года наличными силами, то нам в это время нечем было сдерживать их. ... Манштейн подарил нам 10 дней" (С. 76). Но тот медлил потому, что, видимо, обоснованно считал: у него не хватало сил, чтобы нанести мощный удар по нашим войскам, он поджидал обещанные ему подкрепления.

Наступательные действия советских войск с 24 по 30 ноября проходили медленно: хотя более чем вдвое сузили кольцо окруженной группировки противника, но не решали поставленных перед фронтами задач. Наша Ставка чуть позже снова решила быстро уничтожить "котел". Донской и Сталинградский фронты 2 декабря начали выполнять эту задачу, повторные удары наносились 4 и 8 декабря, но "время шло, а результаты наступления против окруженной группировки противника были явно неудовлетворительны" (Рокоссовский К. Сталинград: уроки истории. С. 128). Сходную оценку дал Жуков: "В первой половине декабря операция по уничтожению окруженного противника войсками Донского и Сталинградского фронтов развивались крайне медленно. ... Наступление наших войск в связи с отвлечением значительной их части для ликвидации немецкой группировки, перешедшей в наступление из района Котельниково, не давало ожидаемых результатов".

Дёрр ошибочно утверждал, что советские войска имели там огромное превосходство в силах. К 1 декабря "у нас было 479672 человека, 465 танков, 8491 орудий и минометов (без зенитной артиллерии и 50-миллиметровых минометов), а у противника соответственно: 330000, 340,

5230" (А. Василевский. Сталинградская эпопея. С. 96). Сталин обязал Василевского срочно представить на утверждение новый план ликвидации группировки Паулюса. "План "Кольцо" - немедленного, в недельный срок, уничтожения "котла" - был утвержден Ставкой 11 декабря, и в тот же день его директивой направили Василевскому для исполнения" (Литературная газета. 08.03. 1989). Но серьезно изменившаяся обстановка внесла коррективы в этот план.

12 декабря 4-я танковая армия генерала Гота перешла в наступление, пытаясь прорваться к Сталинграду и деблокировать окруженные там войска Паулюса. Этот удар получил кодовое название "Зимняя гроза". Группа Гота имела тройное превосходство в людях и артиллерии и шестикратное в танках. За семь дней боев она продвинулась на 60 километров. Вокруг местечка Верхне-Кумский кипела жесточайшая шестисуточная битва, предрешившая, по словам Василевского, "победный исход Сталинградской битвы".

Предельную степень ее напряжения показал участник этой сражения Ю. Бондарев в романе "Горячий снег". В нем командующий армией генерал Бессонов, командир дивизии полковник Деев, командир взвода Кузнецов, сержанты и солдаты Уханов, Рубин, Нечаев объединены выполнением важнейшей задачи: не пропустить немецкие войска к Сталинграду на помощь армии Паулюса. Бессонов отдает простой и ясный каждому приказ: "Ни шагу назад! И выбивать танки. Стоять - и о смерти забыть!". Он говорит Дееву: "Полкам драться в любых обстоятельствах. До последнего снаряда. До последнего патрона". Ведя кровопролитный бой, наши воины хорошо понимали, что приказ любой ценой, даже ценой собственной гибели не пропустить вражеские танковые колонны - не прихоть командующего, а приказ Родины, истории и собственной совести, ибо знали, что отступить - значит дать возможность ускользнуть армии Паулюса из окружения. Отличное понимание огромнейшего значения начавшегося сражения с группировкой Манштейна для дальнейшего хода войны рождало у Бессонова "сознательную беспощадность". Она была единственно возможной нравственной установкой в той ситуации. У Бессонова непреклонная воля, он без колебаний бросает в бой тысячи людей, прекрасно зная, что немногие из них останутся в живых. Но иных решений у него не имелось. Эта беспощадность была одной из важных составляющих гуманизма того времени, если исходить из представлений о судьбе всего нашего народа.

Л. Толкунов в статье "В низовьях Дона" пишет: "Танковый клин Маштейна 19 декабря все же прорвался на северный берег. ...Однако планы врага рухнули. Советские гвардейцы проявили в бою исключительное мужество. Прямой наводкой артиллеристы били по фашистским танкам. Отдельные наши подразделения попадали в окружение, но продолжали героически сражаться. Бойцы стрелковых частей смело шли против танков. Бронебойщик матрос Илья подбил

пять танков. В разгаре боя он был тяжело ранен, но продолжал драться и подбил еще четыре танка. Все же одному танку удалось вплотную подойти к бронейбойщику. Тогда он сорвал чеку с гранаты и пополз, еле передвигаясь, навстречу надвигавшейся машине. Раздался взрыв, бронейбойщик погиб, но не пропустил фашистский танк" (Знамя. 1973. № 7. С. 91). Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А. Еременко справедливо указал: "Бои в районе Верхне-Кумского - это ярчайший образец доблести воинов Красной Армии, насмерть стоявших на своих рубежах. Они достойны того, чтобы в истории Сталинградской битвы о них было написано золотыми буквами" (Сталинградская эпопея. С. 148).

Еременко заявил, что он не сможет противостоять натиску армии Манштейна без существенных подкреплений. Чтобы сдержать опасный напор армейской группы "Гот", Василевский обратился с просьбой перебросить 2-ю гвардейскую армию в распоряжение Сталинградского фронта. Он объяснил веские мотивы своего решения: "...положение складывалось грозное. До соединения наступавших частей Манштейна и армии Паулюса оставались считанные дни. Я считал, что пройдут еще сутки, максимум двое, и уже поздно будет этому помешать. Они соединятся, и Паулюс уйдет из Сталинграда, и это приведет не только к тому, что рухнет кольцо окружения, рухнет надежда на уничтожение группировки Паулюса в кольце, созданном с таким трудом, но и вообще это будет иметь неисчислимы последствия для всего хода военных действий" (Знамя. 1988. № 5. С. 87).

Василевский на свой страх и риск еще до решения Ставки приказал Малиновскому начать движение Второй гвардейской армии в новый район для действий против Манштейна. По его словам, "Сталин эту армию отдавать категорически не хотел, не хотел менять для нее первоначально поставленную задачу. После моих решительных настояний он сказал, что обдумает этот вопрос и даст ответ. ...Сталин в эту ночь обсуждал в ставке мое требование, и там были высказаны различные мнения. В частности, Жуков считал, что армию переадресовывать не надо, что пусть в крайнем случае Паулюс прорывается из Сталинграда навстречу Манштейну и движется дальше на запад. Все равно ничего изменять не надо, и надо в соответствии с прежним планом наносить удар Второй гвардейской армией и другими частями на Ростов. ...Наконец, в 5 часов утра Сталин позвонил мне и сказал злобно, раздраженно всего четыре слова: "Черт с вами, берите!". Против предложения Василевского выступили К. Рокоссовский и Н. Воронов. Но Жуков говорил, что он поддержал мнение Василевского о перенаправлении 2-й гвардейской армии: "учитывая тогдашнее соотношение сил..., в той обстановке, нам ничего, кроме этого, и не оставалось".

Василевский полагал: "Весь ход дальнейших событий, на наш взгляд, более чем убедительно показал, что решение Ставки о повороте 2-й гвардейской армии на котельничевское направление в создавшейся 13 декабря обстановке было наиболее правильным и целенаправленным" (Сталинградская эпопея. С. 107). Но эта трудная обстановка сложилась в результате недостаточно верных решений Сталина и Ставки.

Если бы в начале декабря не проводилось малоуспешное наступление против 6-й армии, тогда бы не понадобились "дополнительные силы для действия против" нее "из числа тех, которые предназначались" для "Большого Сатурна", и можно было не переносить эту операцию с 10 на 16 декабря. Сам Василевский считал: "если бы тот успех, который одержали войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, начав операции 16 декабря, был бы возможным при начале этой операции 10 декабря, то он, по-видимому, исключил переход в наступление войск Манштейна 12 декабря на котельническом направлении".

Бывший начальник штаба Воронежского фронта генерал армии М. Казаков писал: "...крупный успех советских войск, наступающих по плану "Сатурн" в направлении Миллерово, Каменск-Шахтинский, Ростов и Вешенская, Морозов, Ростов, имел бы далеко идущие последствия. Изъятие же 2-й гвардейской армии в силу сложившейся обстановки и отказа в связи с этим от выполнения операции "Сатурн" в полном объеме не позволили тогда завершить окружения всех войск противника, сражавшихся на Северном Кавказе" (Сталинградская эпопея. С. 514-515).

Главный маршал артиллерии Н. Воронов в воспоминаниях "На службе военной", говоря о группе Манштейна, торопившейся пробиться на выручку войскам Паулюса, считал, что лучший способ отразить ее контрудар - начать крупное наступление на Среднем Дону в направлении Ростова: "Тогда захлопнется выход немецким войскам с Северного Кавказа и они попадут в гигантскую ловушку. В таком случае и группа Манштейна окажется под угрозой окружения. Необходимо спешить! ...Возникло опасение: не считает ли теперь Ставка операцию на Среднем Дону второстепенной. ...Я несколько раз порывался позвонить Сталину, чтобы попытаться убедить его в том, что все силы теперь надо бросить на Средний Дон и как можно быстрее прорываться в Ростов. ...Я до сих пор сожалею, что ...не доложил свои суждения Верховному" (Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 111). Воронов считал, что 2-я гвардейская армия "была бы гораздо полезнее для разгрома вражеских войск на юге": "решение Ставки было ужасным просчетом", она "проявила удивительную недалекость" (С. 113).

Комментируя книгу Манштейна, Б. Переслегин рассуждал: "Г. Гот двигался узким клином, имея на флангах румын. ...Направлять в этих условиях на Мышкову 2-ю гвардейскую ар-

мию было в сложившихся условиях не обязательно. Если что и напрашивалось как само собой разумеющееся, так это, оставив часть сил охранять "лагерь военнопленных" 6-й армии в Сталинграде, снимать войска и двигать их в 51-ю и 28-ю армии, где в январе их так не хватало, где удары остались незавершенными (С. 427). Действительно, "куда бы делся Гот с перехваченными путями снабжения в зимней степи, имея на флангах 2-ю гвардейскую и 51-ю армию?"

Ввиду нехватки сил нашим танкистам не удалось с ходу взять Ростов и добиться важнейшего стратегического результата. Тогда у Маныча и Батайска шли упорные бои, 1-я танковая армия немцев пробивалась и пробилась через Ростов на север. Наши дивизии "в это время добивали 6-ю армию, только облегчая Э. Манштейну закрывать фронт" (С. 428).

К 17 января линия фронта вокруг котла сократилась со 170 до 110 километров. Однако наличных сил не хватало для окончательного разгрома врага, занявшего прочно укрепленные позиции. Окруженные в Сталинграде войска Паулюса сковывали 7 советских армий, это помогло немцам удержать до 14 февраля город Ростов. "Удерживая армии ... в Сталинграде, Гитлер оттягивал катастрофу. Он вылезал из мешка на Кавказе, вывел оттуда 1-ю танковую армию".

14 декабря "Большой Сатурн" был изменен на "Малый Сатурн", предусматривавший ликвидацию морозовской группировки противника. 16 декабря началось наступление Юго-Западного фронта, который продвинулся на двести километров, вышел на Тацинскую, Морозовск. После этого обнажился весь левый фланг немецких армий "Дон". В такой обстановке не улучшило бы их общее положение соединение армейской группы Гота с Паулюсом. Манштейн понимал, что "даже в случае успеха деблокирующей операции 6-й армии ни в коем случае нельзя будет оставаться в районе Сталинграда". Л. Толкунов заключил: "Охват левого фланга группы армий "Дон" и мощный удар по ее тылам - вот когда над Манштейном нависла реальная угроза окружения и разгрома всех войск, которые он вел на выручку Паулюса. ...только тогда гитлеровский фельдмаршал счел Сталинградскую битву проигранной" (Знамя. 1973. № 7. С.92).

Ф. Меллентин в книге "Танковые сражения 1939-1945 гг." считал, что битва на берегах реки Аксай "привела к кризису третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии". Вместе с тем он, несколько противореча себе, писал: "К 16 декабря передовые отряды Гота вышли к реке Аксай-Есауловский. Теперь их отделяло от 6-й армии расстояние менее 65 км., и мы поставили 11-й танковой дивизии задачу форсировать 17 декабря Дон и наступать в юго-восточном направлении для поддержки войск левого фланга армии Гота... В этой критической обстановке русское командование проявило глубокую стратегическую проницательность. Вместо того чтобы сконцентрировать свои резервы для отражения удара Гота, они предприняли но-

вое наступление на Среднем Дону против несчастной 8-й итальянской армии; наступление велось крупными силами и на широком фронте... Кризис на нашем собственном участке фронта и разгром итальянцев не только вынудили отказаться от наступления 11-й танковой дивизии через Дон, но и заставили фон Манштейна срочно задержать 4-ю танковую армию Гота, для того чтобы создать оборону на новом рубеже и прикрыть Ростов. Это решило судьбу 6-й армии под Сталинградом". 23 декабря Гот отдал приказ о переходе к обороне.

Чуйков в книге "Гвардейцы Сталинграда идут на Запад" сообщил, что в 1952 году Сталин спросил его: "Можно ли было нам в декабре 1942 года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там захлопнуть ее вместе с Паулюсом? Мне приходилось думать о такой возможности. У нас не было полной уверенности, что Гот не протаранит фронт окружения. Мы тогда отчетливо понимали, что рисковать - выпустить 6-ю армию из Сталинграда - мы не могли. Могло случиться так, что Манштейн влил бы окруженным силам и надежду на выход из окружения. Это сковало бы надолго наши силы вокруг Сталинграда. В таком духе я ответил Сталину. Сталин тихо проговорил: "Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!" Да, это было "мнение политика, а не Верховного главнокомандующего". Но психологически можно хорошо понять Сталина, когда он торопил быстрее ликвидировать "котел": лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Разгром немецких войск в районе Сталинграда оказал огромное воздействие на настрой людей. В повести В. Быкова "Пойти и не вернуться" (1978) партизан Антон Голубин, ушедший самовольно из партизанского отряда, думал, что судьба Сталинграда "решена, рано или поздно его возьмут немцы, как они взяли Минск, Киев, Харьков и война на том кончится. Это было невообразимо, но, по-видимому, избежать этого было невозможно. Тогда зачем они тут, в лесу? И что их ждет в скором будущем? Правда, и Сталинград еще держался. Но сколько он сможет держаться? Все это угнетало ежечасно, душа выла в тоске на заданиях, в шалаше, все дни и ночи осени". Он сказал партизанке Зоське, выполнявшей задание командования: "Если действительно Сталинград взят, то... войне конец. Или они замирятся, или... Ведь России ничего не остается. Сибирь? Но что в той Сибири? Ведь они зашли вон куда, за Москву. Ты понимаешь?" Она в раздражении бросила: "Но что ты предлагаешь? Идти к фашистам? Это же хуже смерти. Тут надо потерять всякую совесть". И неожиданно для себя через несколько дней Антон узнал, что "поперли немцев под Сталинградом". Для Зоськи это известие - великая радость: "Словно что-то свалилось с плеч, давившее ее долгие месяцы, и она почувствовала, как ей не доставало именно этого известия о Сталинграде. ...И она, заметив, как сник Антон, со злорадством поду-

мала: пусть вот утешится! Ведь он так переживал эту неудачу под Сталинградом, толкнувшую его вчера на измену, теперь пусть возрадуется".

Антон сетовал: "И надо же было ему выбрать такой неподходящий момент, нет чтобы переждать в лагере и услышать, что произошло в Сталинграде. Но кто знал, что дела в Сталинграде обернутся таким неожиданным образом и в такое именно время". Он теперь захотел вернуться в партизанский отряд, а свидетельницу его предательства отправить на тот свет: "разделавшись с Зоськой, Антон почувствовал облегчение, почти успокоение, словно свалил с плеч заботу, которая долго не давала ему покоя. Теперь свидетелей не было, никто не мог знать о его намерениях, о его постыдной попытке улизнуть от войны". Честный читатель не согласится с его оправдательной оценкой своего подлого поведения: "Он опять был чист, честен, безгрешен в отношении к Родине, людям и своим товарищам".

19 декабря 1942 года Сталин передал директиву: "Воронову как представителю Ставки и заместителю Василевского поручается представить не позднее 21 декабря в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней" (Самсонов А. Сталинградская битва. С. 437). После нового года снабжение "котла" по воздуху почти прекратилось. Он стал "лагерем вооруженных военнопленных", - сказал Р. Малиновский английскому корреспонденту А. Верту (Сталинград: уроки истории. С. 474). В. Чуйков тоже заявил, что теперь немцы в Сталинграде - "затравленные зайцы", армия Паулюса - "окруженный лагерь военнопленных" (Начало пути. С. 286). Их участь была полностью предрешена: им предстояло капитулировать или погибнуть от голода.

Генерал Цейтцлер критически отозвался о нашем наступлении, начавшемся на "крепость" в первые дни января: "Почему русские решили перейти в наступление, не дожидаясь, пока котел развалится сам по себе, без всяких потерь для них, знают лишь их генералы". Возможно, в этом заключении есть немалый смысл.

"Шпигель" констатирует: "...в котле появились умершие от голода, командование вынуждено было снизить ежедневный рацион до 350 граммов хлеба и 120 граммов мяса. К концу года солдатам выдавали лишь по куску хлеба". Войска Донского фронта под командованием К. Рокоссовского рассекли "котел" на две части. 31 января 1943 г. была ликвидирована южная группировка войск 6-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом, а 2 февраля капитулировала северная группа под командованием генерала К. Штреккера.

30 января Паулюс радировал Гитлеру: "Окончательное поражение невозможно оттянуть более чем на двадцать четыре часа". Этот сигнал подстегнул верховного главнокомандующего вермахта провести серию присвоений внеочередных званий обреченным в Сталинграде офице-

рам, очевидно, в надежде, что такие почести усилят их решимость умереть со славой в этой кровавой мясорубке. "В военной истории не зафиксировано ни одного случая пленения немецкого фельдмаршала, - заметил Гитлер Йодлю и после этого сообщил по радио о даровании Паулюсу желанного маршальского жезла". 117 других офицеров были повышены в звании.

Вечером 31 января Паулюс отправил последнее донесение в ставку Гитлера: "6-я армия, верная своей клятве и осознавая огромную важность своей миссии, держалась на занятых позициях до последнего солдата и последнего патрона во славу фюрера и отечества". В 7.45 вечера радист штаба 6-й армии направил последнюю радиограмму от своего имени: "Русские в дверях нашего бункера. Мы уничтожаем оборудование".

В книге П. Вершигоры "Люди с чистой совестью" рассказано, с каким волнением, с какой радостью воспринимали партизаны С. Ковпака принятые по радио сводки Советского Информбюро в декабре 1942 года. Всю ночь они "говорили о Красной Армии, о победе, которая казалась уже такой близкой", когда познакомились с экстренным сообщением: "Главная квартира фюрера, 3 февраля. По приказанию фюрера по всем территориям рейха объявлен трехдневный траур. Запрещены зрелища и кино. Всем женщинам носить черные траурные ленты или платья...". Комиссар С. Руднев сказал: "Вот и наступил он, праздник на нашей улице... Товарищи, вы понять не можете, что значит эта победа..."

Это поражение немецкой армии надломило ее боевой дух, потрясло Германию, в ней был объявлен трехдневный траур. Наша победа у берегов Волги означала мощный военно-политический и нравственно-психологический удар по гитлеровскому режиму.

По мнению еженедельника "Шпигель", "Сталинград стал прелюдией распада третьего рейха и личности самого фюрера. Гудериан, встретившийся в те дни с Гитлером, пишет о случившихся в нем переменах: его левая рука дрожала, спина скрючена, взгляд застывший, глаза выпучены, щеки покрыты красными пятнами. К тому времени Гитлер признавал масштаб катастрофы в котле. "Ему, - кричал Гитлер, - следовало застрелиться..." ... "ни одно другое сражение Второй мировой войны - ни танковая битва под Курском летом 43-го, ни разгром группы Центр в следующем году - не оставили... столь глубоких рубцов в душах немцев, как битва в Сталинграде. ... По сообщениям шпиков из службы безопасности СС, после Сталинграда миф о фюрере стал разваливаться. На стенах домов время от времени даже появлялись надписи вроде "Сталинградский убийца" или "Гитлер - массовый убийца". Ушла в народе и уверенность в победе. Служба безопасности доносила, что среди соотечественников в целом царит убежденность в том, что разгром 6-й армии означает "перелом в войне". Так оно, собственно, и случилось" (Российская газета. 22.01. 2003).

Гитлеровский генерал Вестфаль впоследствии констатировал: "Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск". Гарт пишет, что поражения гитлеровских армий под Сталинградом и на Кавказе показали всему миру, что "время побед Германии закончилось". В предисловии к книге Д. Джукса "Сталинград: поворотный пункт" (1968) он посчитал, что "Сталинградская битва была наиболее длительной битвой второй мировой войны и самой решающей". Он признал ее огромное влияние на последующие события: "Сталинград развенчал стратегию немецкого командования. И в моральном отношении катастрофа, которую потерпела немецкая армия под Сталинградом, имела такой эффект, от воздействия которого она уже не оправилась" (С. 458).

Заместитель военного министра США П. Паттерсон в феврале 1943 года сказал: "Оборона Сталинграда, блестящая стратегия, приведшая к переходу от обороны к наступлению, ожесточенность атаки, отбросившей назад, а затем уничтожение нацистской армии, имеет мало параллелей в истории" (Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941-1945 годов о Великой Отечественной войне. М. 1985. С. 178). Ф. Рузвельт посчитал Сталинградскую победу "поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии". Англичане подарили Сталинграду Почетный меч, на клинке которого выгравирована надпись: "Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами - гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа".

Блестящая победа в Сталинграде имело очень важное международное военно-политическое значение. Если бы мы не удержали Сталинград, то это могло бы привести к вступлению Японии и Турции в войну против СССР. Только после этой победы "в Токио хорошо поняли, что начинать войну с СССР опасно". "На мази был сепаратный сговор "демократий" с нацистской Германией, о чем свидетельствует в своих мемуарах тогдашний госсекретарь Хэлл" (В. Фалин).

В первой половине 90-х годов, изучив военно-политические документы, в том числе ранее засекреченные, профессор, американский историк У. Кимболл пришел к выводу: уже после победы под Сталинградом руководство США беспокоила выявившаяся возможность: "Красная армия добьется такого перелома, что сумеет победить немцев еще до того, как англичане и американцы смогут перебросить свои войска в Западную Францию" (Завтра. № 30. 2001).

Германские генералы Бутлар, Цейтцлер и Дёрр оценивали битву на Волге, в которой немцы потеряли пять армий, как "поворотный пункт всей Второй мировой войны". Манштейн, стремясь снять с себя вину за поражение в битве на Волге, признавая ее поворотную роль, в то

же время отрицал решающее значение ее для исхода войны. По его мнению, после нее "немцы все же могли бы свести войну к ничейному результату". Тейлор вторил ему: "Сталинград, быть может, вопреки частым утверждениям не был решающей битвой Второй мировой войны. ... Тем не менее победа русских под Сталинградом в гораздо большей мере, чем оборона Москвы, развеяла миф о непобедимости Германии" (С. 498). Старший научный советник Военно-исторического института во Фрайбурге Ю. Фёстер подхватил их мысль: "Сталинград не является вехой, обозначившей поворот во Второй мировой войне".

Эти авторы всячески стремятся принизить роль СССР в победе над фашизмом. В унисон с ними в учебнике "Новейшая история. XX век" под редакцией Кредера уделено в 5 раз больше места победе англичан под Эль-Аламейном над "Африканским корпусом" Роммеля, чем Сталинградской битве. Там итало-немецкие войска потеряли 55000 убитыми, ранеными и пленными, а в районе Сталинграда потери немцев и их союзников составили около 1,5 млн. человек.

В. Герлицц, немецкий историк, в своем труде о генеральном штабе писал, что Сталинград "явился второй Йеной и стал безусловно крупнейшим поражением, какое когда-либо терпела немецкая армия". Но, по его мысли, "Сталинград символизировал и нечто большее. Он, как Эль-Аламейн и англо-американская высадка в Северной Африке, знаменовал собой поворотный пункт во Второй мировой войне. Правда, еще последуют отчаянные удары локального характера - под Харьковом весной 1943 года, в Арденнах на рождество 1944 года, но они явятся частью оборонительной борьбы, которую немцы будут вести с огромным упорством и мужеством. Инициатива ушла из рук Гитлера и никогда к нему не вернется. Уже в ночь на 30 мая 1942 года англичане осуществили свой первый налет на Кельн, использовав тысячу самолетов; за ним последовали мощные налеты на другие города в то столь богатое событиями лето. И, наконец, в снегах Сталинграда и в знойных песках североафриканской пустыни была повержена в прах великая и ужасная нацистская идея. Оказался обреченным в результате разгрома Паулюса и Роммеля не только Третий рейх, но и отвратительный и гротескный "новый порядок", который Гитлер и эсэсовские головорезы пытались установить в завоеванных странах".

В германской армии резко возросло число дезертиров, и Гиммлер, чтобы воспрепятствовать этому, 10 сентября издал приказ: "Отдельные ненадежные элементы, очевидно, считают, что война для них закончится, как только они сдадутся врагу... Каждого дезертира... ждет справедливое возмездие. Более того, его недостойное поведение повлечет за собой самые серьезные последствия для его семьи... Ее немедленно расстреляют..."

Журнал "Знамя" опубликовал отрывки последних писем немцев из Сталинграда. В них читаем: "Вокруг все рушится, гибнет целая армия, ночь и день в огне...". "Нам говорят, что мы

тут сражаемся за Германию, но очень немногие здесь верят, что нашей Родине нужны бессмысленные жертвы". "... мы ведем тяжелейшие бои в совершенно безнадежном положении. Безысходность, холод, голод, самопожертвование, сомнения, отчаяние и чудовищная смерть". "Люди подыхают от голода, лютого холода, смерть здесь просто биологический факт... Они мрут, как мухи, и никто не заботится о них, и никто их не хоронит. Без рук, без ног, без глаз, с развороченными животами они валяются повсюду". "Мы уже три месяца под Сталинградом и до сих пор совершенно не продвинулись вперед". "Нас уже полностью вытеснили в город. Этот проклятый город... Уж скорее бы конец!" "Какое несчастье, что началась эта война! Сколько прекрасных деревень она разорила, разрушила. И поля всюду не вспаханы. Но страшнее всего, что сколько людей погибло. И теперь все они лежат во вражеской земле. Какое это огромное горе! Не радуйтесь, что война идет в далекой стране, а не нашей любимой немецкой родине. Туда она не должна прийти, чтобы горе не стало еще большим. ...Если мы уйдем отсюда, русские прорвутся и все уничтожат. Они очень жестоки и их много миллионов. Русскому мороз нипочем, а мы страшно мерзнем". "Сталинград - не военная необходимость, а политическое безумие". "Сталинград - хороший урок для немецкого народа, жаль только, что те, кто прошел обучение, вряд ли смогут использовать полученные ими знания в дальнейшей жизни". "...теперь вера в правое дело мертва. Она погибла. Погибла, как в ближайшие тридцать дней погибнут сотни тысяч, и я в том числе". Эти письма вывез один из последних немецких самолетов, вылетевших из Сталинграда. Все они до адресатов не дошли, были конфискованы немецким командованием.

А. Бланк в статье "Пленники Сталинграда" (Новый мир. 1983. № 9) писал: "То, что мы узнавали о дискуссиях среди немецких военнопленных по отдельным репликам самых откровенных врагов или, наоборот, самых доверчивых офицеров, отнюдь не увеличивало наши симпатии к временным жителям Спасо-Евфимиева монастыря, где помещался лагерь. "Это пропаганда, - говорили одни, - самая изощренная пропаганда русских. Они хотели расслабить нас, усыпить нашу бдительность, выставить фюрера лжецом и клеветником, чтобы побудить нас к измене присяги". "Русские просто боятся возмездия за плохое обращение с нами". "Они хотят иметь свой шанс на случай поражения" - были и такие голоса. Кое-кто даже разъяснял, что в этом, мол, феномене прощения нет ничего удивительного. Мягкосердечные славяне "пасуют перед народом господ, чувствуют свою неполноценность и отдают должное... рыцарям германского духа".

Были суждения и литературно-психологического порядка. "Достоевский, - говорили "интеллектуалы" , - давно объяснил русскую душу. Для нее характерен комплекс "любовь-ненависть". Кто-то даже припомнил Толстого с его непротивлением злу". "Шмидт - единствен-

ный из генералов, который все время выражал недовольство чем-нибудь, умышленно искал повода для бесконечных назойливых наглых жалоб. Целую неделю, например, он ворчал, что на гарнир к мясным блюдам подают кашу из пшенной или овсяной крупы. "Мы не куры и не лошади", - кричал он. А во время посещения лагеря комиссией из Москвы выкинул "шутку" - вдруг громко заржал по-лошадиному. "Это от овсяной каши, - объяснил он с издевкой, - а скоро начну кричать петухом - от пшена".

Профессор Г. Куницын вспомнил: "В 1965 году в ФРГ хозяин маленькой гостиницы (в г. Оберхаузене), где остановилась наша киноделегация, оказался из военнопленных, сдавшихся нам в Сталинграде зимой 1942-1943 гг. Узнав, что я тоже воевал в Сталинграде, он устроил следующее: собрал своих фронтовых товарищей и, когда я проходил вечерами через его же ресторанчик в гостиницу, эти люди приветствовали меня стоя, приглашая на ужин. Почему? Вопрос я задал им. Ответ: вы, русские, сохранили нам жизнь, а могли бы в отмщение поступить иначе... То была искренняя благодарность" (Советская культура .07.11. 1989). Писатель М. Алексеев делился своими впечатлениями: "После войны я дважды был в Германии, Восточной и Западной. И знаете, встречали меня более дружески немцы, вернувшиеся из русского плена. В один голос они говорили мне одно и то же: русские кормили нас, принесших им столько бед, кормили лучше, чем себя. Сами-то они жили впроголодь" (Москва. .2003. № 5. С. 24).

Советские войска взяли в плен свыше 91 тыс. человек, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом, противнику удалось вывезти по воздуху до 42 тыс. раненых и больных. По заявлению Керига, "согласно новым оценкам, в советском плену оказалось примерно 113000 солдат 6-й армии - немцев и румын" (С. 118).

"История войн", ничего не сказав о военно-политическом значении Сталинградской победы, утверждает, что "в Сталинграде русские понесли большие потери, чем германцы". Типпельскирх писал об уроне немцев в боях в районе Сталинграда: "Потери в технике были, конечно, значительно больше, чем у противника. Потери в личном составе следовало считать очень тяжелыми". В "Истории Великой..." об этой битве сказано: "На поле боя было подобрано и похоронено 147200 убитых немецких солдат и офицеров. "Общие потери немецко-фашистских войск с 19 ноября по 2 февраля 1943 г. составили свыше 800 тыс. человек. Всего же за время Сталинградской битвы... до полутора миллиона солдат и офицеров ...было убито, ранено и взято в плен" (Т. 3. С. С. 62, 65).

Сталинград после окончания сражения представлял собой сплошные руины. Первая перепись населения в городе вскоре зарегистрировала 10000 человек, в том числе 994 ребенка. Сейчас нет города Сталинграда, есть Волгоград. Это означает то, что противникам названия "Ста-

линград" хочется вытравить из сознания молодых людей то героическое, очень жестокое и кровавое, колоссальное по своему военно-политическому значению для всего хода Второй мировой войны, что свершилось в нем и вокруг него в 1942-1943 годы. В 74 городах Франции, в том числе и в Париже, есть улицы и площади, названные в честь Сталинграда. В Бельгии тоже есть такие улицы.

Глава 28. Ржевский гамбит и его смысл

В приказе Верховного главнокомандующего от 23 февраля 1943 года говорилось: "Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, о боях под Москвой, в районе Ржева, под Ленинградом, о сражении у стен Сталинграда". Ожесточенные бои за ржевский плацдарм до сих пор привлекают пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Книга немецкого генерала Х. Гроссмана "Ржев - краеугольный камень Восточного фронта" (1996) вызвала возмущение ветеранов войны тем, что ее издали при финансовой поддержке областной администрации. В книге оправдывается нападение Германии на СССР: "Русский большевизм оставался для Германии врагом № 1. По этим причинам Гитлер решился на поход против Советской России". А почему он обрушился на ряд государств, где совсем не пахло большевизмом?

В книге Х. Гроссмана бои за Ржев представлены как "героический эпос" немецкой истории, без стеснения восхваляются военный преступник фельдмаршал Модель и другие гитлеровские захватчики, которые устраивали массовые расстрелы наших мирных жителей и военнопленных. Газета "Известия" 12 марта 1997 года напечатала статью В. Костюковского "Ненависть у костра примирения", в которой выражалось удивление и недовольство тем, что большинство наших людей осудило и финансирование лживой книги фашистского генерала и план устройства памятника немецким солдатам в Ржеве. Может быть, он поймет причины этого осуждения хотя бы после прочтения статьи И. Болтовского "Я убит и не знаю, наш ли Ржев наконец?": "Недалеко от Ржева у обочины шоссе на дорогу выходит бронзовая женщина с девочкой на руках, напоминающая о 66 жителях села Афанасово, расстрелянных и сожженных 5 и 6 февраля 1942 года"? (Правда. № 130. 2007).

О. Кондратьев, один из составителей сборника "Ржевская битва" (2001), поместил в нем статью "Забывтая битва", где поддержал мысль о ключевом месте боев под Ржевом во Второй мировой войне и утверждал, что "в угоду чьим-то желанием битва за Ржевско-Вяземский плацдарм была раздроблена на множество локальных операций и боев". Но это объясняется самим характером длительной борьбы за плацдарм: она не вылилась, как в Сталинграде, в непрерыв-

ные бои, на месяцы затухала, превращаясь в позиционное противостояние и бои "местного значения". И потому в научных трудах нет "попытки взглянуть" на операции на Ржевско-Вяземском плацдарме "как единое целое". Они проводились в разное время, с разных исходных позиций и даже с несколько разными целями.

Кондратьев одобрил Гроссмана за то, что он назвал "Ржев (как символ, как обобщенное понятие всего плацдарма) краеугольным камнем Восточного фронта ...дал собственную периодизацию этого сражения. И первой в этом ряду Гроссман назвал схватку за Ржев в октябре 1941 года". Кондратьев понимает, что это можно оспорить: "Конечно, события осени первого года войны у Ржева - часть Московской битвы. Но ведь происходило это на тверской земле...". Тогда плацдарм еще отчетливо не образовался, и потому не стоит рассматривать эту "схватку" в составе "единого целого".

Американцы назойливо отыскивают неудачи нашей армии, им хочется доказать, что не Советский Союз, а США сыграли решающую роль в разгроме фашистской Германии. Американский историк Д. Глантц в книге "Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции "Марс", 1942" поддержал мысль Гроссмана о Ржеве как краеугольном камне всего Восточного фронта и поставил операцию "Марс", когда в декабре 1942 года наши войска предприняли там наступление, в центр советских военных усилий: "огромный масштаб и амбициозная стратегическая цель делали" ее "по меньшей мере столь же важной, как и операция "Уран", а вероятно, даже более важной". Цель этой придумки - снизить значение нашей великой победы в Сталинградской битве и очернить Г. Жукова - национального героя России.

Поддерживая Глантца, тверская исследовательница С. Герасимова пишет в сборнике "Ржевская битва": "К 19 ноября 1942 года в составе Калининского, Западного и войск Московской зоны обороны сил и средств было больше, чем в составе Юго-Западного, Донского и Сталинградского, правда, при большей протяженности фронта". Но надо ли было учитывать войска "Московской зоны обороны", которые не принимали прямого участия в операции "Марс"? Надо ли было Кондратьеву в брошюре "Ржевская битва: полвека умолчания" (1998), подкрепляя мысль Гроссмана, искусственно увеличивать число наших армий, наступавших на "ржевский плацдарм"? Он причислил к ним и 2-ю ударную армию, которая "формировалась и действовала на Волховском фронте и никаким образом не причастна к боевым действиям на плацдарме" (Н. Сошин).

Опасение за судьбу Москвы и всего центрального региона страны, которые имели чрезвычайно важное экономическое и политическое значение для хода всей войны, заставляло нашу Ставку держать там большие резервы. Ржев был удобным трамплином для немецкого наступ-

ления на Москву, но во второй половине 1942 года обстановка на фронте сильно изменилась, угроза нашей столице намного снизилась. Если бы германские войска взяли Сталинград, то они бы отрезали юг страны от центра, перерезали Волгу, важнейшую водную артерию страны.

13 ноября 1942 года Жуков и Василевский были у Сталина и предложили срочно провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и "разгромить немцев в районе ржевского выступа", чтобы германское командование не смогло "перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке". Бои за ржевский плацдарм, "по расчетам Ставки, должны были дезориентировать противника, создать впечатление, что именно здесь, а не где-либо в другом месте мы готовим зимнюю операцию". В октябре немецкий генштаб перебросил в район Великих Лук из-под Ленинграда танковую, моторизованную и пехотную дивизии. Это помогло нашим войскам провести успешную операцию "Искра" и прорвать ленинградскую блокаду. Жуков сообщил: "В район Витебска и Смоленска направлялось семь дивизий из Франции и Германии. В район Ярцева и Рославля - две танковые дивизии из-под Воронежа и Жиздры. Итого к началу ноября для усиления группы "Центр" было переброшено двенадцать дивизий" (Т. 2. С. 291).

В декабре 1942 года советские войска, перейдя в наступление, пытались окружить немецкую группировку у Ржева, но не добились успеха. Западный фронт не прорвал оборону врага. Наше командование посчитало, что основная причина неудачи крылась в недооценке "трудностей рельефа местности, которая была выбрана для нанесения главного удара". Но дело было не только в этом. У немецкой разведки был осведомитель в Москве А. Демьянов ("Гейне" - "Макс"), младший офицер связи. Она не знала, что он передавал ей дезинформацию. П. Судоплатов в книге "Разведка и Кремль" писал, что, по замыслу генерала Штеменко, важные операции нашей армии "действительно осуществлялись в 1942-1943 гг. там, где их "предсказывал" для немцев "Гейне" - "Макс", но они имели отвлекающее, вспомогательное значение". 04.11.1942 г. он сообщил им, что советские войска нанесут удар 15 ноября "не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. ...Враг был заранее информирован нами о готовящемся и начавшемся 8 декабря нашем наступлении!.. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью" (С. 188).

Это стало по своей сути ржевским гамбитом. Жуков понял, что "противник разгадал наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы с других участков", но он "так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении, поэтому бросили туда такое количество войск".

Сначала в книге "Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940-1942" (2005), а затем в журнале "Сенатор" (2007) В. Лота писал: "Жуков мастерски организовал операцию по дезинформации противника о том, что советские войска готовят крупное наступление на этом участке Восточного фронта. ...7 ноября 1942 года в ГРУ была получена радиogramма от "Доры": "ОКВ ожидает большое зимнее наступление Красной армии на участке между Великими Луками и Ржевом". Это сообщение свидетельствовало о том, что в германском генштабе поверили донесениям немецкой военной разведки о готовящемся наступлении Красной Армии на центральном участке фронта. "Жуков в процессе этой дезинформационной отвлекающей операции был одним из главных "признаков" ее серьезности, важности. Немецкая разведка внимательно следила за передвижениями по фронтам Г. К. Жукова и считала, что там, где он находится, и необходимо ждать наступления со стороны Красной Армии. 9 ноября от "Доры" поступило еще одно донесение: "ОКВ считает, что советские армии в центральном секторе фронта будут намного лучше оснащены и подготовлены, чем зимой прошлого года, и что минимум половина армий будет находиться под руководством тех генералов, которые отличились зимой прошлого года, в частности Говорова, Белова, Рокоссовского, Лелюшенко. ОКВ считает, что сильно оснащенная боевой техникой советская армия сконцентрирована у Можайска и вторая, не уступающая ей, у Волоколамска и что значительные силы готовятся для наступательных действий у Торопца и северо-восточнее Торопца, а также между Старицей и озером Селигер". Эти факты позволяют усомниться в мысли Судоплатова о том, что Жуков не узнал о "предупреждении" немцев о нашем наступлении в районе Ржева.

Глантц безапелляционно утверждал, что операция "Марс" потерпела крах. Считая, что все наши наступательные удары на ржевском плацдарме "не достигли своих главных целей", С. Герасимова в статьях, напечатанных в журнале "Вопросы истории" (2000. №4-5), сборниках "Война и воины России" (2000) и "Ржевская битва", книге "Ржев 42. Позиционная бойня" (2007) вторит ему: операция "Марс" "практически провалилась", Ржев - "это потерянная победа и нашей армии и наших полководцев, и, в первую очередь, увы, Г. К. Жукова". В 2008 г. вышло второе издание названной выше книги Герасимовой в Москве. В 2009 г. эта работа появилась в третий раз под названием "С.А. Герасимова. Ржевская бойня". Бойня! Либерально-западнические издательства и их спонсоры не жалеют денег на выпуск книг, помогающих дискредитировать нашу Победу.

Печально известный фильм А. Пивоварова "Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова" был показан каналом НТВ в 2009 г., в День защитника Отечества. Герой Советского Союза В. Карпов, воевавший в 1942 г. на Калининском фронте, в своем отзыве о нем подчеркнул, что

смотрел его с негодованием, цель его - "во что бы то ни стало опорочить действия Георгия Константиновича Жукова, доказать, что воевали мы бездарно и победа далась лишь потому, что завалили врага трупам наших воинов" (Литературная газета № 19-20. 2009). Карпов спросил: "Мои боевые товарищи, не жалея себя, сражались, чтобы приблизить Победу. Почему же в фильме НТВ все иначе? Почему этот канал занял такую антипатриотическую позицию?"

Хрущёв в докладе на XX съезде партии утверждал: "Сталин требовал непрерывных лобовых атак, с тем чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери...". Маршала Г. Жукова винят в том, что он признавал "в качестве основного метода наступления лобовые массированные атаки", и потому войска под его началом несли большие потери. Г. Попов писал, что в 1942 году в ходе Ржевско-Вяземской операции Жуков "с упрямством атаковал "в лоб" немцев" (Московский комсомолец 11.01. 2000).

Чтобы рассеять это обвинение, приведем абзац из приказа Жукова от 9 декабря 1941 г.: "Категорически запретить вести фронтальные бои ...против укрепленных позиций, против арьергардов и укрепленных позиций оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника" (Гласность. 05.12. 1991). 27 января 1942 г. Жуков негодует: "Части 49-й армии много дней преступно ведут лобовые атаки на населенные пункты Костино, Острожное, Богданово, Потапово и, неся громадные потери, не имеют никакого успеха". Он требовал: "Прекратить преступные атаки в лоб населенного пункта...". Но понятно, что подчас сама особенность обстановки может потребовать от военачальника принять решение об использовании и лобового удара.

Глантц возложил вину на Жукова за "страшные людские потери" в операции "Марс", составившие-де около 500000 человек. В книге "Гриф секретности снят" и статье генерал-полковника Г. Кривошеева в "Военно-историческом журнале" (1999. № 2) отмечено, что в этой операции участвовало 545070 советских солдат, наши общие потери достигли 215674 человека, безвозвратные - 70373. В Сталинградской наступательной операции наши войска насчитывали 1143500 человек, потеряли 485777 бойцов, безвозвратно - 154885. Эти цифры убедительно опровергают концепцию Глантца и его сторонников.

В "Ржевской битве" говорится, что эта битва "была самой кровопролитной во Второй мировой войне" (вернее считать ее одной "из самых кровопролитных"): советские потери в ней "могут приближаться к 2-м миллионам человек", "институт военной истории Министерства обороны РФ назвал число в 2,5 миллиона человек". Никто пока документально не обосновал, почему эти цифры так резко скакнули вверх.

Кондратьев привел, выделив жирным шрифтом, цитату Д. Лихачева: "И подо Ржевом, где больше всего пострадало и немцев, и русских...", заключил: "Сугубо штатский человек, филолог, историк Д. С. Лихачев лучше профессиональных исследователей Второй мировой войны знает, что плацдарм, полтора года угрожавшей Москве "вторым нашествием", был самым кровавым". Уважаемый академик не воевал, о войне имел смутные представления, его заявление не помогает научно осмыслить обсуждаемую проблему.

В книге "Гриф секретности снят" и статье Г. Кривошеева сообщается: наша армия в Ржевско-Вяземской операции (08.01 - 20.04. 42 г.), Ржевско-Сычевской (30.07 - 23.08. 42 г.), в новой Ржевско-Сычевской (25.11 - 20.12. 42 г.), Ржевско-Вяземской (02.03 - 31.03. 43 г.) и в боях у города Белого (02.07 - 27.07. 42 г.) потеряла 1345174 человека, безвозвратно - 440469. В Сталинградской битве наши общие потери составили 1129619 человек, безвозвратные - 478741. Она длилась полгода, безвозвратные потери в ней превышали те, какие понесли мы в сражениях за Ржевский плацдарм, продолжавшихся свыше года. Это свидетельствует: она была более масштабной и ожесточенной по сравнению с боями под Ржевом.

Конечно, душевную боль вызывает массовая, не всегда оправданная гибель наших солдат на фронте, было такое и под Ржевом. Но надо критически относиться к словам А. Порка: "Шли в бой с одной винтовкой на троих. Город Ржев 17 раз переходил из рук в руки", Тверская область потеряла зимой 1941/42 года "в боях под Ржевом один миллион мужиков" (Правда. № 19. 2001). И. Ладыгин, Н. Смирнов в книге "На ржевском рубеже" (1992), статьях "Долгий путь к слову "наш!" и "Фронт горел не стихая..." и вместе с ними О. Кондратьев в своих работах представили наступательные операции наших войск за овладение ржевским плацдармом в 1942 году как "побоище", "бессмысленное избиение наших плохо вооруженных частей": "в жертву амбициям" Верховного "и готовности быстрее рапортовать бессмысленно бросались на верную гибель армии, дивизии, полки, роты". Они утверждали: Верховный "совершенно не ценил человеческую жизнь". 5 мая 2010 года на канале НТВ объявили, что Сталин погубил десятки миллионов людей.

Названные выше авторы, видимо, попали под влияние утверждений Волкогонова: "Сталин никогда не жалел людей. Никогда!.. Ни в одном документе Ставки не нашла отражение озабоченность Сталина большими людскими потерями". Но как быть хотя бы с тем, что в мае 1942 года Сталин в телеграмме Хрущеву и Тимошенко требовал: "Не пора ли нам научиться воевать малой кровью?" В. Мельников в своей книге "Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова" (2009) сообщил: "Сталин потребовал от всех командующих фронтами принять решительные меры по пресечению ничем не обоснованных потерь в личном составе. Следстви-

ем этого стало появление ряда приказов, подписанных начальником Генерального штаба Красной Армии и командующими фронтами, в которых ставились конкретные задачи по сохранению жизни бойцов и командиров" (С. 523).

Но Ладыгина, Смирнова, Кондратьева захватила не столько устремленность к сущей правде, сколько мстительная мысль разоблачить Сталина и советское командование, они представили тяжкую картину боев за Ржев еще более тягостной. В их работах замечаются мелкие, но по своей сути концептуальные "неточности", говорящие об этой тенденции. Они сообщают, что 29-я армия вышла из окружения, имея в своем составе 5200 человек, что "составляет примерно половину личного состава только одной стрелковой дивизии - и это из 7 дивизий ударной группировки 29-й армии, фактически полностью погибшей в Мончаловских лесах".

У них получается, что там погибло более 70000 человек. Они умолчали о том, что во время войны в действующих войсках, за редкими исключениями, не имелось полного штатного состава. Так, в начале октября 1941 г. в стрелковых дивизиях 24-й армии в среднем было 7700 человек, в 43-й армии - 9000 человек, 50-й армии - 8500 человек, 3-й и 13-й армий - 7500 человек. В кавалерийских дивизиях насчитывалось в среднем 1500-2000 человек. К тому же надо учитывать, что некоторые группы наших солдат, оставшись в тылу врага, соединились с партизанами. Обличители утверждают, что полки "после бесплодных атак уменьшались до взвода или отделения", "в дивизиях... атаквали уже не тысячи и даже не сотни, а десятки бойцов и командиров". Не превратилась ли эта мысль в кровожадную гиперболу, которая все может съесть, в том числе и правду? Правильно ли говорить о бесплодности наших атак, если они сковали очень крупные силы врага?

Наше наступление в районе Погорелое Городище - Сычевка сначала имело успех, враг понес большие потери, был освобожден город Зубцов. Бывший командир взвода 1028-го арtpолка П. Михин сообщил, что 30 июля 1942 года немцы не выдержали нашего удара, "попятились назад, потом это превратилось в паническое бегство". К. Типпельскирх в "Истории Второй мировой войны" писал, что в районе Ржева прорыв советских войск "удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контрудара" (С. 241).

В книге есть воспоминания участников боев за Ржев, датированные 1993 годом. Кое-что в них удивляет. Например, рассуждения П. Михина: "...не было нашей победы, потому и не писали про Ржев. Только А. Твардовскому удалось напечатать стихотворение "Я убит подо Ржевом" и то, видимо, по чьему-то недосмотру". Оно было написано в 1945-1946 гг., его сразу

опубликовали в "Новом мире" (1946.№ 6), никакому остракизму стихотворение не подвергали. Твардовский в стихотворении "Я убит под Ржевом" (1945), написанном в форме монолога павшего воина, отразил горечь страшных потерь в войне. В ней за свободу, за счастье народа остались лежать на полях сражений миллионы наших людей, и поэт призывал достойно жить: "И родимой отчизне // С честью дальше служить". О боях под Ржевом писали В. Кондратьев в сборнике "Сашка: Повести и рассказы" (1981), Е. Ржевская "Под Ржевом" (1989). Известны работы В. Бойко, М. Таланова, В. Сошнева, сборник "В боях за Ржев" (1973), книги М. Папарина "В боях под Ржевом" (1961), Л. Сандалова "Погорело-Городищенская операция..." (1960), К. Иванова "Шла дивизия на Запад" (1972) и др. Так стоит ли утверждать, что "не писали про Ржев"?

С. Митчем в своей книге "Фельдмаршалы Гитлера и их битвы" (1998) утверждал, что "две безжалостные идеологии столкнулись в грязи и снегу... фанатизм - это единственное слово, которым можно охарактеризовать сражение подо Ржевом". Так оскорбительно он определил суть подвига наших воинов в Великой Отечественной войне. Подтекст ясен: фашистские солдаты и советские бойцы - одного поля ягоды. Таким публицистам претит то, что говорил В. Путин: "Это недопустимо, когда Вторая мировая война, по сути, описывается как война за мировое господство между двумя тоталитарными идеологиями".

В "Ржевской битве" представлены выписки из военного дневника 58-го пехотного полка 6-й дивизии, которой командовал генерал Гроссман. В своей книге он писал об "огромных жертвах" русских, но по какой-то странной причине умолчал о тяжелых потерях немцев, а служебный дневник фиксирует их. 1.08. 1942 г. в донесении 1-го батальона говорится: "У рот 743 инженерного батальона большие потери". 3.08 в дневнике 3-го батальона: "Два тяжелых русских танка прорвали оборону 10-й роты на правом фланге. Вследствие тяжелых потерь небольшой участок оборонительной линии не занят нашими войсками". 6.08: "Этот день принес нам страшные потери". 10.08: "Полк несет тяжелые потери... Наша атака захлебывается". 12.08: "Атака русских силами двух рот. ...Мы отражаем ее, неся большие потери". 14.08: "В долине реки Холынки и на ржаном поле два русских батальона атакуют 9 роту. В роте большие потери, так как танки уничтожили окопы и блиндажи". 16.08: "Части первой роты отступают налево к 10 роте. ...противник все-таки силен. Два танка движутся по передовой перед второй ротой, обстреливают наши траншеи. У роты - большие потери". 19.08: "Прорвались две роты противника. У взвода велосипедистов большие потери. ...сколько же бойцов погибло здесь!". 26.08: "Немецкая разведгруппа попала в руки к врагам, 11 человек убиты, 6 взяты в плен". Дневник выявляет неразбериху в германских частях. Так, 14.08 немецкие самолеты били по своим вой-

скам: "Юнкерсы бомбардируют север Русского леса. Большие потери у 2 роты 428 полка из-за бомб юнкерсов". 16.08: "Наша артиллерия бьет так, что и у нас потери". Потери своих войск немецкому генералу было намного легче установить, чем подсчитать "огромные жертвы" русских. Почему же он не сделал этого?

Глантц писал, что советские исследователи извращали историю войны, поскольку скрывали "многочисленные неудачи и поражения". Кондратьев в статье "Забытая битва" (напечатана в сборнике "Ржевская битва"), подтверждая эту мысль, пишет о немецкой операции "Зейдлиц", проведенной 2 - 12 июля 1942 года: "Еще одна печальная, забытая страница нашей истории". Но Жуков не забыл о ней, в своих "Воспоминаниях...", не упоминая названия этой операции, он анализировал действия наших воздушно-десантных частей и кавалерийского корпуса генерала П. Белова в тылу немцев: большинство частей этой группировки "вышло через прорыв, образованный 10-й армией, в распоряжение фронта". Но "была утрачена значительная часть тяжелого орудия и боевой техники". Группа войск генерал-лейтенанта М. Ефремова была разбита, большая часть ее погибла или попала в плен.

В Гайдпарке 6 сентября 2010 г. обличали Жукова: "А "talant" Жукова проявился в том, что в январе 1942 г. он, развивая наступление в сторону Ржева, направил туда 33 армию генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и 1-й кавалерийский корпус, не обеспечив их тылов и флангов, и они попали в окружение, где несколько месяцев сражались без продовольствия, боеприпасов и горючего. Ефремов и 33 армия погибли под Вязьмой, а Жуков не оказал им никакой помощи".

13 августа 1966 г. в редакции "Военно-исторического журнала" обсуждалась статья Г. Жукова "Контрнаступление под Москвой". Он ответил тогда на ряд вопросов, в частности, об операции 33-й армии: "Ефремов прошел в свободную "дырку". Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения на Угре оставил ... Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Вопрос обеспечения - это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа, что слева. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того чтобы у него тыл был обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапка была набекрень у всех тогда - и я недооценил состояние вяземской группировки противника. ...орешек оказался более твердым". Жуков признал свои упущения: "Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника".

Достоинство упомянутой выше книги В. Мельникова "Их послал на смерть Жуков?" с подзаголовком "Гибель армии генерала Ефремова" состоит в том, что автор изучил много доку-

ментов о подвиге генерала М. Ефремова и 33-й армии. Хорошо, что он отменил измышления о том, что Жуков именно из-за своей неприязни к Ефремову направил 33-ю армию в наступление на Вязьму и преднамеренно не оказал ей необходимой помощи, когда она попала в окружение. Но все-таки следы предвзятого отношения к Жукову со стороны Мельникова наблюдаются - в самом комментировании и оценках его приказов. Об этом говорит даже сам заголовок книги, вопросительный знак полностью не спасает от мысли, что Жуков сознательно послал на смерть 33-ю армию Ефремова.

Герасимова пишет о результатах операции "Зейдлиц": "Из окружения вырвались более восьми тысяч человек", но при этом "пропали без вести 47072 человека". По ее словам, "общее число пропавших приближается к немецким данным, которые говорят о 50000 пленных". Но германские источники постоянно завышали число взятых в плен наших солдат. Многие из "пропавших" пали в боях, другие соединились с партизанами, позже они оказались снова в советской армии.

Восприняв как истину концепцию Гланца, Герасимова объявила, что Жуков замалчивал ход операции "Марс" "и её страшные итоги", что она "закончилась провалом". Однако он писал о ней в "Воспоминаниях ...", отметил, что "с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены", привел директиву Калининскому и Западному фронтам от 8 декабря 1942 года, в ней ставилась задача взять Ржев 23 декабря. "Вина" Жукова лишь в том, что он опустил ее название.

Гланц странно обосновал причины "замалчивания" этой операции: "Сталин и история утвердили в качестве непреложной истины, что ржевский провал не должен запятнать подвиг Василевского в Сталинграде", "репутация Жукова осталась в неприкосновенности, и он разделил с Василевским лавры сталинградской победы". Выходит, Жуков не по праву разделил славу этой блестящей победы. Но он успешно руководил обороной Сталинграда, участвовал в разработке плана разгрома там немецких войск. Он писал: "Лично для меня оборона Сталинграда, подготовка контрнаступления и участие в решении вопросов операций на юге страны имели особо важное значение. Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволили осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки" (Т. 2. С. 336).

Когда в результате наступления советских войск немцев взяли в кольцо, Василевский послал ему донесение: "Ваш план стремлюсь выполнить в точности... Поздравляю с большой победой. Ваши труды оправданы, хотя знаю, что главное впереди" (Правда России. № 17. 2001). Как отмечалось, сам он сыграл огромную роль в разгроме сталинградской группировки врага.

Герасимова поддержала оценку Волкогонова: "Ржев можно отнести к одной из самых крупных неудач советского военного командования в Великой Отечественной войне". В книге "Великая Отечественная..." М. Гареев возразил тем, кто считает наступление Западного фронта 1942 г. "неудавшимся или по крайней мере незавершенным": "Ставка, планируя наступление в полосе Западного фронта других целей, кроме сковывания противника и воспрепятствования переброски им дополнительных сил на южное направление, и не определяла. И эта цель была достигнута".

Эту цель понимали сами участники боев. Бывший командир огневого взвода 707-го полка Г. Медведев посчитал, что поставленная перед ними задача была выполнена, потому что "поток живой силы и техники противника пошел не к Сталинграду, где назревала решающая битва войны, а к "северному Сталинграду", как называли немцы ржевский участок боев". Генерал А. Сапожников в "Записках артиллериста" сообщил, что во время боев за Ржев он "получил строгий приказ - готовиться наступать под лозунгом: "Поможем братьям сталинградцам" (С. 83).

А. Исаев в книге "Георгий Жуков. Последний довод короля" (2006) утверждал: "Марс" не был отвлекающей операцией, хотя бы потому, что в нем было задействовано больше войск, чем в "Уране". Объяснение "отвлекающая операция" было придумано потом, задним числом. Думаю, что авторство этого "объяснения" принадлежит не Жукову, а кому-то другому". Как отмечалось, на самом деле не было в "Марсе" "задействовано больше войск, чем в "Уране". Чтобы прояснить мысль об "отвлекающей операции", отметим то, что сказал Жуков командующему 3-й ударной армии генералу К. Галицкому, которая должна была наступать в районе между Великими Луками и Новосokolьниками: "Боевые действия армии органически связаны с операциями войск фронта и в целом наших вооруженных сил. Все эти улары, взаимодействуя между собой, обеспечивают начавшееся сегодня контрнаступление советских войск под Сталинградом, сковывают резервы врага. Возьмете вы Новосokolьники или нет - все равно задачу будем считать выполненной, если оттянете на себя силы врага и он не сможет снять их с вашего участка для переброски на юг. В этом главная задача 3-й ударной армии" (Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. М. 1973. С. 179-180).

Доктор военных наук М. Д. Хетчиков в статье "Вклад Калининского и Западного фронтов в разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом" отметил: "Положительным итогом операции "Марс" следует также считать срыв замыслов немецкого командования окружить и уничтожить войска Калининского фронта на осташковско-великолукском выступе. Роль и место операции "Марс" в истории Великой Отечественной войны, её вклад в Великую Победу

нам еще предстоит всесторонне оценить" (Вклад сибирских воинских формирований в разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Новокузнец-Тверь. 2005. С. 148).

В статье "Ржевский гамбит" (Правда России. 2003. № 7) я высказал мысль: **сражения под Ржевом напоминают упорные бои между немецкими и англо-французскими войсками под Верденом в 1916 году.** Тогда Германия безуспешно пыталась обескровить Францию и вывести ее из войны. Не в ее пользу закончились и Ржевские сражения, которые велись по инициативе Красной Армии. В. Кожинов верно оценил их: "...эти бои представляли собой, по существу, единственное безусловно достойное действие наших войск почти за весь 1942 год - между победой под Москвой в самом начале этого года и победой под Сталинградом в его конце. Более того: без героического - и трагедийного - противоборства под Ржевом иначе сложилась бы и ситуация под Сталинградом, что явствует из многих фактов" (Кожинов. В. Россия. Век XX. 1939-1964. С. 112). Объективный смысл в ржевском противоборстве был различным у нас и врага: "сопротивляясь под Ржевом, враг отдалял свое поражение, а мы, атакуя его, приближали свою Победу" (С. 113). Неверно утверждать, что Красная армия проиграла в 1942 г. "практически все сражения с Вермахтом", как это пытается доказать В. Бешанов в тенденциозной книге "Год 1942 - "учебный" (2003).

Не только общая обстановка на Восточном фронте, но и сами тяжелейшие бои за ржевско-вяземский плацдарм, вымотавшие и обескровившие много немецких дивизий, вынудили германское командование вывести оттуда свои войска, чтобы избежать окружения. Их заставили уйти! Важнейший плацдарм, несший в себе угрозу Москве, был ликвидирован. Третьего марта 1943 года Ржев был освобожден от гитлеровских захватчиков. В 2007 году ему по праву было присвоено почетное звание Города воинской славы.

Глава 31. Г. К. Жуков - национальный герой России

После войны Жуков и при Сталине, и при Хрущеве подвергался незаслуженной опале. Н. Павленко указал, что в третьем томе "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945" (1961) "член Военного Совета одного из фронтов Н. С. Хрущев упоминался 41 раз, а Верховный главнокомандующий И.В. Сталин 27 раз. ...в первом томе Жуков, который тогда был начальником Генерального штаба, не упомянут ни разу, но зато начальник немецкого генерального штаба Ф. Гальдер фигурирует 12 раз. Более чем сдержанное отношение к Жукову наблюдается и в материалах других томов" (Коммунист. 1989. № 6. С. 116).

Такое "сдержанное" отношение в этом труде проявилось и к Василевскому. Он удивлялся, читая многотомную "Историю Великой Отечественной войны": "В период подготовки Сталин-

градской операции и в период самой операции, ...я ездил из одной армии в другую, из одних частей в другие буквально все время в одной машине с Хрущевым. Он не вылезал из моей машины, всегда, где был я, был и он. Но вот читаешь эту историю, и в ней написано: "Товарищ Хрущев приехал туда-то", "Товарищ Хрущев прибыл на командный пункт в такой-то корпус", "Товарищ Хрущев говорил там-то и с тем-то" и так далее, и так далее. А где начальник Генерального штаба, так и остается неизвестным". Тогда на вершине власти был откровенный обожатель лести и наград Хрущев, и авторы этого труда изо всех сил выслуживались перед ним. Генерал А. Епишев будто сказал: "На кой черт она (правда) нам нужна, если она нам невыгодна" (Завтра. 25.02. 2009). Никуда не уйдешь от мысли: истории государств и войн часто пишутся в интересах правящей верхушки.

А. Н. Яковлев вещал: "Надо обрушить Жукова, тогда остальные сами повалятся". Резун в книге "Тень Победы" представил Жукова бездарным и жестоким самодуром, жадным мароде-ром, развратником. И этот мерзкий опус положительно оценил журнал "Новый мир" (2004. № 1). О. Козинкин в 2008 г. обличал Жукова в интернете: "Понравилось на дурочку выигранное сражение на Халхин-Голе, когда получилось, бросив танки с ходу на японцев, победить в "приграничной стычке". Вот и стал этот "сценарий" основой всех его побед. ...Трудно нормальному человеку поверить, что названный "Великим полководцем" Г. К. Жуков мог пойти на фактическое предательство своей Родины. Настолько ненавидел Сталина, что мог, желая поражения своей стране, организовать своими действиями и бездействиями разгром РККА, чтоб потом, обвинив в этом поражении, сместить Вождя? ...дата снятия генерала Г. К. Жукова с поста начальника Генштаба - это конец июля 1941 года, а на Резервный фронт Жуков был назначен только в начале сентября 41-го. Эти полтора месяца Жуков и Тимошенко болтались по фронтам, "устраняли" последствия своей бурной деятельности на предыдущих постах. И только после этого Жуков был назначен на должность командующего Резервным фронтом для обороны Москвы".

Не стоит комментировать кощунственные утверждения о "фактическом предательстве" Жуковым "своей Родины", о его ненависти к Сталину и желании его сместить. Но отметим очевидные несуразности в этом разное. Не ясно ли, что отнюдь не "на дурочку" были разбиты японские войска на Халхин-Голе в 1939 г. Командующим Резервным фронтом Жукова назначили 30 июля 1941 г., 6 сентября наши войска под его командованием вошли в Ельню. 10 сентября по решению ГКО он вылетел в Ленинград, а 11 октября стал командовать Западным фронтом. О его выдающейся роли в защите Ленинграда и разгроме немцев под Москвой напоминать еще раз вряд ли стоит.

Е. Кулешов 06.09. 2010 г. в Гайдпарке поставил вопрос: "Как Вы относитесь к Георгию Жукову? 567 (43%) респондентов посчитали: "Карьерист, презиравший солдат и гнавший их на смерть ради удовлетворения собственного тщеславия; 392 (30%) - "Победителей не судят"; 159 (12%) - "Георгий Победоносец"; 84 (6%) - "Воевал не умением, а числом, но цель оправдывала средства"; 84 (6%) - "Свой вариант"; 34 (3%) - "О Победе остались только воспоминания, но нынешняя плохая демографическая обстановка - результат действий советских военачальников, в т. ч. Жукова". Эти сведения помогают вернее определить настрой немалой части нашего общества и то крайнее ожесточение, с каким идет теперь идеологическая борьба.

Многие респонденты верно оценили цель этого опроса: "Из 6 поставленных вопросов: один положительный; один нейтральный; один двусмысленный (уклончивый); три негативных. Если это не предвзятость автора, то что это? ...Холодная война продолжается? Это не опрос, а очередная попытка опаскудить Победу"; "Господин Е. Кулешов, уж больно подленько Вы преподносите перечень "вопросиков" и особенно последний. В 1991 году кучка перевёртышей сделала из нормальной страны помойку с постоянными попытками всё свалить на Сталина, ну а теперь хотите свалить на Жукова Г. К. то, что бабы рожать перестали. Интересно сколько Вам заплатили за опубликование подобной гадости?" Такие оплеухи не образумили Кулешова, 26.11. 2010 г. он обратился к гайдпарковцам с вопросом: "Хотите ли Вы, чтобы А. Лукашенко не был избран на пост президента Белоруссии?" 83% из них захотели, "чтобы он остался".

Уничжительные мысли о Жукове преобладали в ответах: "Полководец", который не выиграл за ВОВ ни одной битвы!!!"; "И не нужно его спасителем Отечества представлять. К Жукову отношусь очень отрицательно. ...его лозунг: "Война все спишет". Это лозунг не полководца, которым его нам представляют, а мясника". Авторы этой акции помогают ельцинско-путинскому режиму перекладывать ответственность с нынешних правителей на тех, кто умер полвека назад: "Оказывается, во всех потерях ВОВ виноваты Сталин и Жуков... Гитлер, вообще ни причём. А эти двое заманили коварством, бедненьких солдатиков из бундесвера в СССР и утопили их в русской крови и закидали человеческим мясом. ...Опять же выяснилось, что основной целью Жукова была не победа, а истребление максимального количества соотечественников". И далее: "...сейчас политика такая - опаскудить все, что относится к тем временам".

Один из фальсификаторов пишет о начальнике Генштаба Г. Жукове: "Его за одну только потерю управления округами ...нужно было 22 июня расстрелять". Другой изгаляется: "Вор, бездарь и убийца миллионов солдат, которому просто повезло. В первую очередь нужно было расстрелять не командующего войсками Западного фронта Павлова, а Жукова, который будучи нач. генштаба проспал нападение Германии. Но что ещё страшнее, что он даже не смог органи-

зовать оборону и отражение фашистов". Если эти мысли не проявление маразма, то чем же можно их объяснить? Ненавистью к победителям? Видимо, именно этим вызвано утверждение: "Самым лучшим средством сдерживания фронта был бы расстрел Жукова". Ведь "по вине таких, как Жуков, враг ворвался на территорию СССР, и, практически не встречая организованного сопротивления, дошел до Москвы и Сталинграда!" Но почему же тогда лютей враг не взял эти города? Сыграл ли в этом свою роль Жуков? Далек заводит авторов такой лжи политическая ненависть.

Очернители винят Жукова в том, что он "не имел высшего военного образования". Да, он достигал своих высот самообразованием, что подчёркивает его мощное дарование. Можно вспомнить, что английский философ и социолог Г. Спенсер утверждал: "Человечество всего успешнее развивалось только путем самообразования". Подкрепим эту мысль высказыванием русского книговеда и писателя Н. Я. Рубакина: "Всякое настоящее образование добывается только путем самообразования".

"Жуков ... писал доносы в НКВД - это выяснилось при рассекречивании архивов". Действительно установлено, что доносы писались, только не Г. К. Жуковым, а его однофамильцем. Жуков на гнусных "храбрецов" "производит впечатление труса"; "Известно, что после победы Жуков пригнал из Германии эшелон с награбленным". Он "главный мародер": "Стандартное наказание за мародерство - смерть". Фальсификаторы, отработывая полученные доллары, встали в указанную им шеренгу и по приказу последышей Геббельса стреляют нелепицами в маршала Победы, чтобы добиться его политической и нравственно-психологической смерти.

Они бросают глупые небылицы в его адрес: "Жукова можно оценить как предателя Родины"; "В холодной войне 1946 - 1985 гг. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков воевал на стороне НАТО против СССР в режиме биоробота-зомби, на амбициях которого умело играли кукловоды, не искавшие мирской славы". Закономерны вопрос "Что за бред?" и заключение "Ещё ведро фальсифицированных помоев". Отметив "шизофренистическое и мазохистическое упорство", с каким авторы таких оценок грязнят Жукова, их оппоненты заключили: "Сколько ненависти к своей стране и своим полководцам. Страшно за будущее России", где многие одобряют "предателей, типа Суворова, обгадившего свою отчизну".

С. Лысенко возмущался: "Читаю отзывы в ужасе. Это до какого уровня надо опуститься, чтобы в исступлении поганить все, что составляет историю страны. Господа оплевывающие, с вами общаться омерзительно. Вы так страну опустили, как завещал министр пропаганды Геббельс - при слове коммунист рука автоматически должна тянуться к пистолету. Вы это сделали при упоминании слова СССР, Россия". В американских школах, средствах массовой информа-

ции пропагандируется мысль об определяющей роли США в победном завершении Второй мировой войны. "Если бы кто-то рискнул организовать подобный опрос по историческим личностям США, его через пару дней выловили бы в Гудзоне в виде утопленника. И все знали бы, почему и как он утонул и больше никто бы не рискнул лить помой в историю Америки" (В. Волков).

Клеветники не осознают, что победы "кровожадного", по их словам, Жукова дали им возможность жить: "Не было бы побед Жукова, не было бы и автора этого опроса"; "...если бы его критики появились вообще на свет, то в лучшем случае "сейчас где-нибудь в районах вечной мерзлоты вагонетки катали в забоях часов по 14 в сутки". Наполненной злобой к советскому строю М. Дейч писал: "Нет, Жуков по духу не был ни Суворовым, ни Кутузовым. Он был завзятым большевиком... И ставить Жукова на один пьедестал с Суворовым и Кутузовым - значит оскорбить светлую память о них" (Столица. 1994. № 29). Мария Жукова писала о причинах неприязненного отношения "демократов" к своему отцу: "Жуков олицетворяет все то, что они ненавидят, что жесточайше разрушают. Он маршал Советского Союза. Он четырежды Герой Советского Союза. Он - коммунист. А они - антисоветчики, антикоммунисты".

На склоне лет Жуков записал в своем блокноте: "...нет абсолютных героев, абсолютно мужественных начальников. Если изображать героя таким, что ему чужды человеческие слабости, это будет явная фальшь. Героями становятся те, кто в минуты тяжелой обстановки сумел побороть страх и не поддаться паническому настроению" (М. Жукова. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. 1999. С. 15). Конечно, не надо идеализировать Жукова, он отнюдь не без слабостей и недостатков. Рокоссовский, например, осуждал его "за грубость и бестактность по отношению к подчиненному ему командному составу". Их взаимоотношения не всегда укладывались в понятие "сердечная дружба".

Жуков был склонен оценивать людей с беспощадной прямолинейностью. Возглавляя Уральский военный округ, он принял офицера из Москвы, служившего в управлении горючесмазочных материалов: "Полковник стал быстро докладывать о состоянии складов горючего в заправочных установках и, ...желая блеснуть перед маршалом знанием тонкостей в своем деле, заговорил о мелочах...: "Понимаете, товарищ маршал Советского Союза, на многих заправочных горючее утекает. И даже здесь, на окружной заправочной, ... из-под машины - кап-кап, течет бензин. Так ведь и до ЧП недалеко...". Жуков спросил полковника о его фамилии, снял трубку в/ч и набрал номер начальника управления, где работал полковник, и сказал: "У тебя работает полковник Пилипенко? Да? Так вот прошу тебя больше не присылать ко мне таких ду-

раков" (Правда. 19.08. 1991). Сказано резко, но этот полковник действительно был недалеким человеком. И можно представить, что он будет рассказывать людям о Жукове.

Жена дважды героя Советского Союза, маршала бронетанковых войск М. Катукова, Мария Сергеевна, отметила: "Георгий Константинович нередко проявлял невыдержанность, рубил сплеча. Как-то попал ему под горячую руку и Катук. Но чувство собственного достоинства позволило Михаилу Ефимовичу сказать Жукову: "Товарищ маршал Советского Союза! Вы не подготовлены для разговора. Вам необходимо успокоиться, и тогда я буду слушать вас". В печати приведен такой эпизод: "На КП Катукова раздался телефонный звонок, и маршал Жуков сказал: "Катук, не пускай Конева, задержи его движение. Мы должны подойти к рейхстагу первыми". Это было столь неожиданным для Михаила Ефимовича, что он ответил: "Товарищ маршал, вы командующий фронтом, и маршал Конев - командующий фронтом. Вы лично с ним договоритесь, а мне эта задача не по плечу". Георгий Константинович вскипел: "Понавешивали тебе звезд, орденов и званий, уж я постараюсь их отобрать у тебя!" - и последовал грубый мат" (Подмосковье. 21.06. 1997). Если это было (было ли?) на самом деле, то такой случай не красит Жукова.

Отвечая в Гайдпарке на вопросы, С. Курганов написал: "Характер Жукова был тяжёлым,... но это совсем не умаляет его величие как военного гения, внёсшего неопределимый вклад в Победу!". Хорошо бы, если бы его характер был менее тяжелым, но... В. Соколов подчеркнул, что "полководцев следует сравнивать не по личностным качествам, а по их умению руководить войсками и вкладу в Победу, и тут рядом с грубияном Жуковым никого поставить нельзя..."

Важная часть информационной войны против России - оголтелые попытки антисоветчиков любыми способами и средствами осквернить и обесценить нашу Победу, превратить её в поражение (это декларируется), надломить русский характер, снизить духовную сопротивляемость американской агрессии и тому мерзкому, что внедряют теперь в нашу жизнь под руководством Запада российская власть и олигархи.

Невозможно принять рассуждения М. Делягина: "Наши потери в войне, понятно, на начальном этапе, когда воевать не научились, были чудовищные. И поэтому когда Жукова называют полководцем победы, можно вспомнить, что он восстановил практику децимации, введенную Троцким. Можно вспомнить о многочисленных "долинах смерти", которые у нас есть и на финском фронте под Мурманском, и под Ленинградом, и подо Ржевом" (Гайдпарк. 12.08. 2010). Какое прямое отношение имеет Жуков, например, к "долинам смерти" под Мурманском? Надо потерять рассудок, чтобы говорить о том, что он восстановил "децимацию", то есть показательный расстрел невинных бойцов.

В. Астафьев разнес Жукова: "Ох, какой это выкормыш "отца и учителя"! Какой браконьер русского народа! Он, он и товарищ Сталин сожгли в огне войны русский народ и Россию". В. Бешанов в книге "Год 1942 - "учебный" пишет: "По скорости расходования собственных солдат Георгий Константинович не имел себе равных, за что и чтят его на Руси великим полководцем".

Как можно согласовать подобную кляузу с такими фактами: "На заключительном этапе войны 1-й Белорусский фронт, руководимый маршалом Жуковым, провёл совместно с 1-м Украинским под командованием Конева Висло-Одерскую операцию (12 января - 3 февраля 1945 года), в ходе которой советские войска освободили Варшаву (17 января 1945), рассекающим ударом разгромили группу армий "А" генерала Й. Харпе и фельдмаршала Ф. Шернера. 1-й Белорусский фронт под командованием Жукова (1028900 человек) потерял 77342 человек (7,5 %), в то время 1-й Украинский под командованием Конева (1083800 человек) потерял 115783 человек (10,7%), то есть в 1,5 раза больше. 10 февраля - 4 апреля правое крыло 1-го Белорусского фронта принял участие в Восточно-Померанской операции, потеряв при этом 52303 человек из 359600 (14,5 %). 2-й Белорусский фронт под командованием Рокоссовского потерял при этом 173389 из 560900 (30,9%). 1-й Белорусский фронт закончил войну участием в Берлинской операции, потеряв при этом 179490 человек из 908500 (19,7 %), в то время как 1-й Украинский фронт потерял 113825 человек из 550900 (20,7 %)".

15 марта 1942 г. Жуков издал приказ, в котором говорится: "В армиях Западного фронта за последнее время создано совершенно недопустимое отношение к сбережению личного состава. Командармы, командиры соединений и частей, организуя бой, посылая людей на выполнение боевых задач, недостаточно ответственно подходу к сохранению бойцов и командиров, Ставка за последнее время Западному фронту дает пополнение больше других фронтов в 2-3 раза, но это пополнение при халатном, а иногда преступном отношении командиров частей к сбережению жизни и здоровья людей недопустимо быстро теряется и части вновь остаются в большом некомплекте. ...Выжечь каленым железом безответственное отношение к сбережению людей, от кого бы оно ни исходило".

Б. Соколов в книге "Неизвестный Жуков..." оценил его как бездарного военачальника, который без надобности расстреливал подчиненных, заваливал немцев трупами необученных солдат. Комок грязи бросил в него Н. Калинин: "Жестокость Жукова общеизвестна. Есть свидетельства, что он лично расстреливал в своем кабинете в Ленинграде командиров" (Известия. 07.07. 1998). На самом деле Жуков лично не расстрелял ни одного человека, но "были случаи, например, в битве под Москвой, когда за дезертирство, предательство, самовольное оставление боевых позиций" он, по его словам, "отдавал под суд ревтрибунала некоторых командиров".

Командуя Западным фронтом, Жуков проводил в жизнь очень жёстко лозунг "Ни шагу назад". 4 ноября командирам и политработникам фронта был зачитан приказ № 054 о наказании командования 133-й стрелковой дивизии за самовольный отход с занимаемых оборонительных рубежей. Штаб 5-й армии приказал занять оборону на подступах к Рузе, а командир дивизии подполковник А. Герасимов 25 октября отдал приказ частям дивизии отойти с занимаемых рубежей. В результате Руза была взята немцами без боя. После судебного разбирательства за невыполнение приказа об обороне города А. Герасимов и комиссар дивизии Г. Шабалов были расстреляны перед строем. Сейчас можно оспорить это решение, но в то время, когда враг, казалось, неудержимо рвался к столице, когда её судьба висела на волоске, оно было фактически вынужденным.

И. Мангазеев порицает меня за то, что я не отметил, что Жуков отвечал за подготовку противовоздушной обороны и не решил задачу прикрытия войск и военных объектов. За многое он тогда отвечал. "Вина" моя и в том, что я некритически привел историю с расстрелом "командира 133-й дивизии" (Вече Твери. 30.10. 2008). Я без комментариев поведал об этом, чтобы воссоздать ту тяжелейшую обстановку, в какой Жуков руководил обороной Москвы. Его жесткие решения приближали окончательную победу над врагом и в итоге уменьшали страдания и гибель многих людей.

Л. Минюк, старший генерал-адъютант Г. Жукова, Первого заместителя Верховного Главнокомандующего, в своих воспоминаниях, напечатанных в ноябре 1986 г. в "Советской России", поведал о его бескомпромиссной жесткости и вместе с тем справедливости. 12 января 1943 г. начался прорыв блокады Ленинграда, но две дивизии не добились успеха. Жуков прибыл в одну из них, приказал командиру дивизии передать ее генералу-стажеру, а ему принять командование полком. "Дивизия за день боя вклинилась в оборону противника на глубину до двух километров. Причем главную роль сыграл полк, которым командовал отстраненный Жуковым командир дивизии. ...Полковник лично повел один батальон в атаку. Вечером Георгий Константинович вызвал полковника в штаб дивизии, поблагодарил его за службу Родине, приказал возвратиться к исполнению своей прямой обязанности командира дивизии, заявил: "За проявленную храбрость вы будете представлены к боевой награде".

Минюк спросил Жукова: "Нужна ли была такая жесткость с его стороны по отношению к командиру дивизии?" Тот ответил: "Говоришь, жесткость? Да, полковник мог погибнуть, но это делалось ради тех, кто голодал в Ленинграде, ради них мы бросили крупные силы войск двух фронтов и многих солдат и офицеров недосчитались в этом сражении. Но прорвать блокаду мы обязаны были, несмотря на такие тяжелые жертвы". Это было сделано.

В повествовании А. Чаковского "Блокада" сопоставлены Ворошилов и Жуков. Ни подлинный патриотизм, ни личное бесстрашие, ни другие их высокие нравственные качества не подлежат сомнению. В человеческом плане - своей простотой, отзывчивостью, душевной теплотой - Ворошилов привлекает больше симпатий читателей. В жесткости, огромной требовательности Жукова, кажущейся порой излишней, как бы тонет то теплое, человеческое, что было ему присуще, - забота о солдате, глубокая тревога за судьбу родины. Но он превосходил Ворошилова, уступившего ему пост командующего Ленинградским фронтом, в уровне полководческого мышления, он олицетворял собой современный стиль ведения войны.

Неумным показан Жуков в "Блокаде". В присутствии А. Жданова сообщили ему о том, что "от Ленинграда в сторону Пскова движутся колонны немецкой мотопехоты. Отмечены и танки...". Для него это предстало как "чушь... или провокация!" "Он... обычным своим, не терпящим возражений тоном произнес: "Ерунда! Или врут твои разведчики, или им эти данные вражеская агентура подсунула". "Никак нет, товарищ командующий, - уважительно, но твердо возразил Евстигнеев, - я своих людей знаю. Того, что сами не видели, выдавать за факт не будут. Я подготовил срочное донесение в Генштаб. Разрешите доложить. Вот...". И, вынув из своей папки листок бумаги, он протянул его Жукову. Тот прочел, скомкал листок в кулаке, бросил в угол комнаты. "- У вас голова на плечах есть, комбриг? - взорвался он. - Немцы с часу на час могут в город ворваться, а вы преподносите Военному совету и Москве успокоительные байки об отходе противника! Никому об этом ни слова, поняли? Идите! Да проверьте хорошенько тех, кто подсунул вам такую "липу".

Эту тенденциозную картинку сочинил А. Чаковский. В своих "Воспоминаниях..." Г. Жуков в разговоре с И. Сталиным 5 октября 1941 г. сообщил: "Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление" (Т. 2. С. 187-188).

Жуков рассказал В. Пескову: "Приезжал позавчера извиняться Чаковский. Вот тут сидел, дымил вонючей своей сигарой". Чаковский обидел Жукова, изобразив его в своем романе неумолимо жестоким в критические для Ленинграда дни в 1941 г. Жуков жаловался "наверху": "Зачем же делать из меня монстра? Судьба Ленинграда висела на волоске, и гладить по головке людей, от которых зависела судьба города, я не мог". Писатель приехал мириться. "Он мне сказал: Георгий Константинович, Толстой в описании совета в Филях сказал, что Кутузов во время совета дремал". А я ему говорю: "Когда умру, пишите, что совесть позволит. А пока я живой, считаю нужным за себя постоять" (Российская газета. 23.06. 2007). Интересная деталь: Жуков не переносил дыма сигары, но разрешил Чаковскому курить при нем. А эпитет "вонючей" в

конкретном словесном контексте характеризует не совсем хорошее отношение маршала к писателю.

В разговоре с Жуковым Ганичев поинтересовался: действительно ли он "смещал Ворошилова на Ленинградском фронте так, как описано в "Блокаде" Чаковского. То есть как новый командующий, прибывший спецрейсом и довольно бесцеремонно попросивший Ворошилова освободить кресло". Жуков, отметив, что Чаковский "много наворочал", разъяснил: "Я летел, конечно спецрейсом, но без приказа о назначении командующим, - и тут же разъяснил эту суровую логику: Если немцы собьют, то только генерала, а не командующего фронтом. А в Ленинграде все тоже было по-другому. Я же не мог Клима пинком выгонять" (Наш современник. 1995. № 5).

Суровая требовательность Жукова несла в себе огромный гуманистический заряд, если иметь в виду интересы всего народа. Она основывалась на высоком осознании своего долга перед Родиной. Жуков знал, что право распоряжаться на войне - право великое и опасное, оно предполагает глубокое понимание своей ответственности за жизнь вверенных ему людей. Его жесткие решения приближали окончательную победу над врагом и в итоге уменьшали страдания и гибель многих людей.

В зависимости от конкретных общественно-исторических условий гуманизм по-разному проявляет свои содержательные функции в жизни общества и в искусстве. В годы Отечественной войны гуманизм советской литературы состоял прежде всего в призыве "избавить мир, планету от чумы. Вот гуманизм, и гуманисты мы" (В. Инбер). В структуре гуманизма преобладающее значение приобретал социально-политический аспект. Идея долга определяла поведение советских людей. Они нередко ценой своей жизни стремились отвести от Родины смертельную опасность.

Защищая Москву, один за другим гибнут молодые курсанты в повести К. Воробьева "Убиты под Москвой" (1963). Чтобы спасти жизнь многим девушкам, жертвуют собой Королев и Лиза в рассказе Н. Чуковского "Цвела земляника" (1964). В неравной схватке с немецкими диверсантами погибают молодые девушки, самой природой предназначенные для продолжения рода людского, в повести "А зори здесь тихие..." Б. Васильева. Своим героическим поведением они вносили свой вклад в священную борьбу с врагом и помогали тем самым преодолевать вызванную войной общенародную трагедию.

Вспоминаю, как недалеко от Угры, вблизи кустарника, меня со старшиной соседней роты остановил стон и усталый, наполненный предсмертным страданием голос:

- Братцы, помогите! Братцы, помогите! - Мы сразу же пошли на стон, около высокой березы увидели изуродованного взрывом солдата, руки, ноги и весь живот были в крови, мне показалось, что видны кишки. Жить бедняге оставалось совсем недолго, старшина наклонился, осмотрел ужасную глубокую рану и с извинением, с тоскливым отчаянием сказал:

- Прости, браток! Ничем не можем помочь тебе! - Он снял каску, поклонился ему и торопливо, словно хотел сбросить с себя нехорошее наваждение, пошагал к реке.

- Братцы, дорогие мои, пристрелите ради бога! Пристрелите, прошу вас! Зачем мне так мучиться? - голос раненого солдата слабел, силы оставляли его.

Я стоял рядом, смотрел ему в глаза, не зная, что делать, старшина уже входил в воду, леденящее чувство полнейшей беспомощности парализовало мою волю, мое сознание. Поняв, что я ничем не могу помочь невыносимо страдающему от чудовищно болезненной, смертельной раны солдату, и вместе с тем горько осознавая, что поступаю не по-товарищески, не по-солдатски, поспешил догонять старшину и услышал такой безысходно жалобный голос умирающего, что моя спина покрылась холодным нервным потом: "- Братцы, зачем меня бросаете?"

И как оценить мой поступок, ведь я бросил изувеченного солдата, а он ждал от меня помощи, это же предательство, преступление. Нет, ничем нельзя меня оправдать. Но, с другой стороны, кто может мне сказать, как я мог помочь этому солдату, жестоко израненному, живущему последние минуты? А мне надо было крайне срочно найти тыл батальона и доставить еду и патроны своей попавшей в отчаянное положение роте. Не раз вставал перед моими глазами несчастный умирающий солдат, которому я ничем не помог. Горько, тошно мне было от невеселых мыслей: "А если и тебя так искорежат и ты будешь из последних сил звать людей облегчить завершающую минуту своей жизни - и тебе не помогут".

Общечеловеческое в то грозное и жестокое время отходило на второй план. Тогда была очевидной мысль: "В применении к жестокой философии войны термин "общечеловеческий подход" несет в себе самоуничтожающее противоречие. Высокий гуманизм в отношении личности нередко способен обернуться безжалостностью в отношении общества. В самом деле, если во время войны ставить личные судьбы выше судеб народов и если отдельная, уцелевшая в бою жизнь может стать причиной массовой гибели других жизней, то спрашивается, в чем же здесь гуманизм" (Л. Соболев. На главном курсе. 1969. С. 240). В годы войны у человека было мало возможностей гармонизировать личное и общественное, между ними возникали резкие диссонансы.

Но война не отменяла заботы об отдельной личности. В сходных ситуациях, при одинаковом уровне военно-профессионального мышления большего успеха в бою добивался командир, у которого был выше нравственный уровень и который лучше осознавал, что каждый человек - великая ценность. Мера человечности командира на фронте лучше всего фиксирует результат руководимых им операций. Выполняя боевую задачу, он не может не посылать в огонь войны своих подчиненных, но он обязан сделать все от него зависящее, чтобы на его совести не было ни одной лишней смерти. Неподготовленная атака Барабанова в романе К. Симонова "Солдатами не рождаются" привела к бессмысленным жертвам, и горький итог ее подчеркнул серьезные нравственные и военно-профессиональные изъяны этого офицера.

Для сопоставления с высказыванием Л. Соболева приведем кредо либералов: "Жизнь каждого человека неповторима и невоспроизводима, и никому, кроме самого человека, не должно быть дано право распоряжаться ею - даже ради самых чистых идеалов, не говоря уже о догмах или амбициях" (Г. Попов. Советская культура. 07.04. 1988). С этим можно было бы согласиться, если бы не было войн, "вражды племен", эксплуатации и все люди буквально во всем руководствовались непреложными законами социальной справедливости и гуманных отношений. Но во время Отечественной войны были люди, которым очень не хотелось идти на фронт, а их туда посылали. Хуже того, были и дезертиры, своя жизнь им была дороже, чем судьба родины, и за то, что они хотели во что бы то ни стало сохранить свою неповторимую и невоспроизводимую жизнь, их наказывали - вплоть до расстрела. Сфера воздействия гуманизма должна простирается не только на отдельную личность, но и на все общество, на весь народ.

Либеральную мысль о гуманизме опровергает и такое рассуждение, в основе которого лежит мысль о необходимости убивать вторгшихся в нашу страну захватчиков: "Представьте себе, на что бы смогли пойти вы, если, просто так, без какой-либо причины, ради безумной забавы кто-то пришел бы в ваш дом убить любимого вами человека! Человека, чью улыбку вы привыкли видеть каждый день! Человека, который водил вас в детский сад, который носил вас на руках, когда вы были маленьким! Человека, без которого ваша жизнь пуста и одинока! Что бы вы сделали, если бы кто-то пришел Его убить!?? Что??! Ведь человеческая жизнь бесценна, поскольку она неповторима!" (Коммерсантъ. 10.05. 2008).

В. Анфилов свидетельствует: 4 сентября 1941 г. "Жуков, будучи уже командующим Резервным фронтом, докладывает Верховному по ВЧ: "На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал... Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, допросите его с пристрастием, а потом расстреляйте". Беседуя как-то с Георгием Константиновичем, я напомнил ему об этом эпизоде. Жуков сказал, что после допроса пленного его данные подтвердились,

и он был отправлен в тыл". В ночь на 31 декабря 1941 г. в штабы Западного фронта ушла телеграмма: "Немедленно особой важности. Жуков приказал. Не позднее 20.00 31.12.41 г. донести о взятых за день 31 городе, крупных населенных пунктах и трофеях - как подарок стране к Новому году. Соколовский". (В. Мельников. С. 305). Жуков думал о том, что надо сделать, чтобы вдохнуть в настроение миллионов наших людей оптимистическую струю.

Г. Попов в работе "Три войны Сталина" утверждает, что "даже специалисты по обыскам не обнаружили ни одной советской книги на даче Г. Жукова". Ю. Мухин заявил, что в ночь на 9 января 1948 года на ней был сделан негласный обыск, после чего будто бы выясилось: "На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке". И он сделал вывод: "Не может быть государственным деятелем, а значит и стратегом, человек, у которого на даче "нет ни одной советской книги", т. е. книг на русском языке. Гареев сообщил, что он "с группой офицеров Генштаба был на даче Жукова и увидел там труды Шапошникова, Тухачевского, Триандофилова, Верховского, повести и романы Горького, Шолохова, Фадеева, Симонова и других авторов".

В 1936 году Жуков перенес тяжелую болезнь - бруцеллез. Врачи для полного исцеления советовали ему бросить курить. "Как он поступил? На глазах у всех, кто был рядом, он смял пачку папирос и выбросил её. И ни разу не закурил потом, как бы сложно и трудно ему не было на фронте или уже после войны". Здесь невольно вспоминается Павка Корчагин, который таким же образом расстался с курением. А каково было отношение Жукова к спиртному? "Весьма прохладное. Где требовалось по этикету, среди друзей или в большой праздник - он пригубить мог рюмку. Но никто и никогда не видел его навеселе от спиртного: жизненным устоям Г. К. Жуков был верен до конца дней своих" (Русская провинция. № 23-24. 2006).

По заявлению Мухина, "Жуков вместе с Хрущевым возглавил кампанию клеветы на Сталина". Если не оценивать отношение Жукова к Сталину по вырванным из политического контекста отдельным фразам, то станет ясной несправедливость этого пассажа. Невозможно опровергнуть такие его высказывания: "Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки... Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать"; "Работал он всю войну напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941-1942 годов" (Т. 3. С. 205).

Но в то же время стоит, видимо, осторожно отнестись к утверждению Жукова: "И чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами - командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивал их "лбами", сея рознь, зависть и под-

талкивая к славе на нездоровой основе" (Правда. 20.01. 1989). Чтобы принять эту мысль, надо знать факты, которые бы убедительно обосновали её.

Таким фактом не является то, что осенью 1944 г. Сталин сказал Жукову: "1-й Белорусский фронт стоит на Берлинском направлении, мы думаем поставить на это важнейшее направление Вас, а Рокоссовского назначим на другой фронт. ...У Вас больше опыта, и впредь остаетесь моим заместителем. Что касается обиды - мы же не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским". Рокоссовский просил оставить его на 1-м Белорусском фронте. "Но Сталин заявил: "Этого сделать нельзя. На главное направление решено поставить Жукова, а Вам придется принять 2-й Белорусский фронт". Сталин действовал здесь неспроста. С этого момента между Рокоссовским и мною уже не было той сердечной дружбы, которая была между нами долгие годы".

Слово "неспроста" вряд ли включает в себя то, что вложил в него здесь Жуков. Война пришла к своему финалу, и Сталин, можно предположить, думал о том, кто будет брать Берлин и подписывать акт о капитуляции немецких войск. Выполнение этой важно задачи, содержащей в себе большой не только военный, но и политический смысл, требовало военачальника с огромным боевым опытом и непререкаемым авторитетом. Этому лучше всего отвечал Жуков, заместитель Главнокомандующего. Для Сталина личные взаимоотношения между военачальниками не имели серьезного общественного значения.

В 1942 г., когда страна находилась в опаснейшем положении, Сталин предложил Жукову занять пост заместителя Верховного Главнокомандующего. Жуков писал: "Вначале я было отказался от этого назначения, ссылаясь на свой характер, ссылаясь на то, что нам трудно будет работать вместе, но Сталин сказал: "Обстановка угрожает гибелью страны, надо спасти Родину от врага любыми средствами, любимыми жертвами. А что касается наших характеров - давайте подчиним их интересам Родины".

Г. Жуков в разговоре с Е. Ржевской осудил воспоминания И. Конева "Записки командующего фронтом" за то, что они написаны "совершенно несамокритично", автор их не заметил в своей деятельности "ни одной ошибки". Автор этой книги утверждал, что Жуков "не хотел слышать, чтобы кто-либо, кроме войск 1-го Белорусского фронта, участвовал во взятии Берлина", что в 1946 году на совещании у Сталина он "был морально подавлен, просил прощения, признал свою вину в зазнайстве, хвастовстве своими успехами и заявил, что на практической работе постарается учесть все те недостатки, на которые ему указали на Главном Военном совете" (С. 598-599). Точно ли расставлены здесь акценты?

Маршал А. Голованов говорил Ф. Чуеву: "Молотов по поручению Сталина ездил на фронт снимать Конева с поста командующего фронтом и назначать вместо него Жукова. Конева хотели судить за неудачи, и дело кончилось бы трагически для Ивана Степановича, но Жуков защитил его перед Сталиным" (Советская Россия. 27.12. 1997). Об этом вспомнил Жуков в 1966 году в разговоре с А. Пономаревым: "Звонит Сталин, встревожен, зол, как черт. "Ну, что с Коневым будем делать? - начал он разговор. С трудом удалось убедить его назначить бывшего командующего моим заместителем, поручить его заботам Калининское направление. Не случись этого, убежден, что Конева постигла бы участь Павлова... А он-то такую паршивую статью написал про меня в "Правде" после Пленума ЦК в 1957 году".

В этой статье от 3 ноября 1957 г. говорилось, что Жуков не оправдал доверия партии, склонен к авантюризму "в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза и в руководстве Министерством обороны", допускал ошибки в ходе войны. Позже Конев оправдывался: "Георгий обижается на меня за эту статью. А что я мог тогда сделать: состоялся Пленум ЦК, членом которого был и я. Решение одобрили единодушно. Меня вызвали и предложили, точнее, приказали, написать такую статью - такое вот было "партийное поручение". Но были маршалы (К. Рокоссовский, А. Василевский), по-иному отзывавшиеся на подобные "поручения".

Жуков писал: "Начиная с Курской дуги... Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими "героическими" делами при проведении операций, одновременно компрометирую действия своих соседей" (Правда. 20.01. 1989). Возможно, такая оценка, кроме правды, содержала и воздействие того, как вел себя Конев во время осуждения Жукова. Порученец Конева С. Кашурко вспоминал: "В конце жизни И. Конев, мучимый угрызениями совести, не раз пытался поговорить с Г. Жуковым. Но - тщетно: тот не желал с ним общаться". Однажды Конев горько произнес: "Признаюсь, впервые в жизни спасовал, можно сказать - струсил". В день 25-летия Победы он послал поздравление Жукову. Тот "прочел его, и ни слова не говоря, размашистым почерком начертил резолюцию: "Предательства не прощаю! Прощения проси у Бога! Грехи отмаливай в церкви! Г. Жуков" (Независимое военное обозрение. 20.12. 2002).

Но желанный "мир" пришел все-таки к ним. По словам Жукова, к нему приезжал Конев, желая "объясниться по поводу одного горького послевоенного факта. Я сказал ему: забудем! Это мелочь в сравнении с тем, что мы сделали. Мы обнялись как старые боевые товарищи" (Комсомольская правда. 30.11. 1986).

Мелочи не должны подменять главное при характеристике выдающихся деятелей, поэтому не стоит акцентировать внимание, например, на том, что славный сын русского народа И. Конев, много сделавший для нашей Победы, во время острых моментов войны, сквернословил, применял рукоприкладство, что, конечно, не могло красить его (См. об этом: Ф. Чуев. Советская Россия. 27.12. 1997).

Г. К. Жуков - лучший полководец Второй мировой войны, яркий выразитель основных черт русского национального склада души. "В его характере, - писал И. Баграмян, - в самой отчетливой форме проявились прекрасные черты, присущие русскому трудовому человеку, - активность, жизнестойкость, умение полной мерой ценить настоящую дружбу и боевой товарищество". Он видел в Жукове "воплощение широты и щедрости души великого русского народа по отношению к своим младшим братьям, всем другим народам нашей многонациональной Родины" (Знамя. 1980. № 5. С.150-151). Офицер личной охраны Г. Жукова с 1941 по 1957 год А. Дмитренко сообщил, что маршал любил пешие и конные прогулки, был заядлым охотником и рыболовом. "Как всякий русский человек, любил народные песни. С особым удовольствием пел "Степь да степь кругом", "Дорогие", "Славное море, священный Байкал, "Когда б имел золотые горы" и при этом сам подыгрывал себе на баяне" (Литературная Россия. 03.05. 1990).

Американский историк А. Акселл, автор работ по истории Второй мировой войны, опубликовал книгу "Маршал Жуков. Человек, который победил Гитлера". Маршал А. Василевский считал Г. Жукова: "самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны". Он сказал: "Георгия Константиновича в октябре 1957 года просто оболгали, оклеветали. Он настоящий и честнейший партиз. Вся эта недостойная кампания заслуживает осуждения со стороны всех честных людей. И я уверен - история рано или поздно сметет разные наветы, небылицы и грязь вокруг славного имени этого замечательного человека и полководца...". В июне 1945 года в своем обращении к "маршалу Победы" Жукову генерал Эйзенхауэр сказал, что Объединенные Нации обязаны этому великому полководцу больше, нежели любому другому генералу. Став президентом США, он писал: "Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами как человека".

Глава 32. Курская битва

Советская экономика в 1943 году со всей очевидностью показала свое превосходство над экономикой Германии. Производство в СССР возросло по сравнению с довоенным уровнем в 4,3 раза, а в Германии в 2,3 раза. Советская промышленность произвела в 1943 году на 9700 самолетов больше, чем Германия, танков в 1942-1943 гг. 44600 боевых машин, а Германия, опи-

равшаяся на ресурсы почти всей Западной Европы, только 18200, меньше нашего почти в два с половиной раза.

Фашистское руководство провело тотальную мобилизацию мужчин от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 45 лет. Весной 1943 г. германские войска стали получать танки "тигр", "пантера" и самоходные орудия "Фердинанд", которые обладали мощной броней и более совершенным вооружением, улучшенные истребители "мессершмит" Bf - 109 и "фокке-вульф" FW-109 .

Германии помогало то, что США и Англия не выполнили взятое на себя обязательство открыть второй фронт в Европе в 1943 году. Они начали активные боевые действия на Средиземноморском театре войны, летом 1943 года прекратилась отправка морских конвоев из Англии в Мурманск и Архангельск. Черчилль это объяснял тем, что не хватает кораблей для обеспечения союзных войск в Сицилии. Эта уловка свидетельствовала о том, что он проводил политику, которая бы привела к сильнейшему обескровливанию Советского Союза.

И. В. Сталин с полным правом назвал 1943 год годом "коренного перелома в ходе войны": немцы сдались в Сталинграде, потерпели поражение в великой битве под Орлом и Курском, потеряли Харьков, Киев, Смоленск, наши войска прорвали блокаду Ленинграда, успешно форсировали Днепр. Невозможно понять, почему 1943 год показался Ж. Медведеву "наиболее острым и критическим периодом войны". Да, были в начале года у Красной Армии и серьезные неудачи, но не такие, какие она терпела в предшествующее им время.

В феврале 1943 года немцы скрытно создали в полосе Юго-Западного фронта "трехкратное превосходство в авиации, а против подвижной группы - семикратное в танках. ...На харьковском направлении немцы превосходили в силах и средствах: в людях - в два раза, в артиллерии - в 2,6 раза и в танках - в 11,4 раза" (История Второй мировой войны 1939-1945 гг. Т. 3. С.С. 118, 119). В начале марта они внезапно нанесли сильный контрудар по войскам левого фланга Воронежского фронта, которые понесли тяжелые потери и отступили. 18 марта немецкая армия снова заняла Харьков. Всего там погибло и попало в плен до 240000 наших воинов.

Безмерно восхваляя немецких генералов, авторы третьего тома "Истории войн" утверждают, что в феврале-марте 1943 г. "ярким проявлением военного искусства и мудрости полководца было контрнаступление Манштейна, который сумел остановить натиск советских войск, несмотря на их численное превосходство 7:1" (Т. 3. С. 150). Этот контрудар на самом деле привел к тяжкому поражению наших войск в районе Харькова, но ложь заключается в том, что на самом деле у них не было такого превосходства над немцами.

В феврале 1943 г. был создан новый фронт - Центральный - под командованием генерал-лейтенанта К. Рокоссовского. Ставка ВГК, допустив просчет в оценке возможностей вермахта,

ознакомила его с общим планом развития наступления. 15 февраля назначалось начало сильного удара на Курском направлении, но этот срок плохо учитывал сложившуюся ситуацию. К. Рокоссовский пишет в воспоминаниях "Солдатский долг": "Между тем, обстановка складывалась все более угрожающая. Войска Брянского фронта остановились... Враг настолько усилил свою орловскую группировку, что можно ожидать контрудара каждую минуту. А штаб Воронежского фронта уже бил тревогу: противник перешел в наступление, ведет бои за Харьков, продвигается к Белгороду".

Рокоссовский изложил свои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего. В ней кратко оценивалась обстановка на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года и делались предположения о военных действиях летом: "Наиболее вероятным участком фронта, где противник попытается развернуть летом свое решающее наступление, будет Курская дуга. Здесь он постарается повторить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Этому способствует конфигурация фронта. То, что противник продолжает перебрасывать войска в районы Орла и Белгорода, выдает его намерение воспользоваться своим нависающим положением над нашими частями, расположенными на Курской дуге". В записке говорилось о настоятельной необходимости создать сильные резервы Верховного Главнокомандования, расположенные восточнее Курской дуги, - они помогут отразить удар вражеских сил на этом направлении.

Рокоссовский не брал "на себя смелость утверждать, что эта служебная записка возымела свое действие. Возможно, сама общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге. Но весной 1943 года в тылу Центрального и Воронежского фронтов был организован новый, Резервный фронт (вскоре преобразованный в Степной). Все-таки, видимо, и наше предложение о создании надежных резервов за Курским выступом было учтено..."

Немецкое командование планировало в течение лета нанести нашей армии решительное поражение и переломить ход войны на советско-германском фронте, стремилось показать способность германской армии вести крупные наступательные операции, снова захватить стратегическую инициативу, хорошо понимая, что оборонительная стратегия обрекает Германию на поражение во Второй мировой войне.

15 апреля 1943 г. Гитлер в приказе провозгласил: "Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление "Цитадель"...Этому наступлению придается решающее значение, Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года. В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении глав-

ных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира".

Гитлеровское руководство считало это наступление не только как военную, но и как очень важную политическую акцию. Именно поэтому начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал Кейтель заявил: "Мы должны наступать из политических соображений". Гиммлер сказал в Харькове офицерам танкового корпуса СС: "Здесь, на востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены как люди и как военная сила и захлебнуться в собственной крови". На секретном совещании в Восточной Пруссии 1 июля 1943 года Гитлер говорил о необходимости продемонстрировать "арийское превосходство и открыть путь под Курском к окончательной победе", предупредил своих генералов: "Операция не имеет права провалиться. Даже отход на исходные позиции означает поражение".

Немцы планировали двумя встречными ударами (один из района южнее Орла, другой из района Белгорода), направленными на Курск, окружить и разгромить там войска Центрального и Воронежского фронтов. Советская разведка сумела своевременно предупредить наше командование о зловещем сосредоточении фашистских войск, сообщить технические характеристики новых типов танков - "тигров" и "пантер". Наш Генеральный штаб и командующие фронтами решили измотать и как можно больше уничтожить вражеских соединений в преднамеренных оборонительных боях и затем перейти в решительное контрнаступление.

Жуков в докладе о возможном характере военных действий летом 1943 г. писал: "Переход наших войск в наступление в ближайшее время с целью упреждения противника считаю целесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника в нашей обороне, выйдем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника". Эту точку зрения разделяли и начальник Генерального штаба Василевский, и командующий Центральным фронтом Рокоссовский. .

Из района Орла наступала группировка армий "Центр" в составе 9-й армии генерал-полковника Моделя - 8 пехотных, 6 танковых и 1 моторизованная дивизия. В них было свыше 270000 человек, около 3500 орудий и минометов, 741 танк (в том числе 45 танков "тигр") и 280 штурмовых орудий "фердинанд". Рокоссовский сосредоточил около 70% войск там, где ожидал танковый удар немцев (район Ольховатки и Поньри). На юге Курского выступа атаковала группа армий "Юг" под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна - 6 пехотных, 8 танковых и 1 моторизованная дивизия. В них было свыше 280000 человек, около 4000 орудий и минометов, 1550 танков (в том числе 337 танков "тигр") и 253 штурмовых орудий "Фердинанд".

Ударные группировки немцев намеревались прорвать советскую оборону быстро, через два дня. Но гладко было на бумаге... Северная группировка сумела за 7 суток вклиниться в наши позиции на 10-12 километров. К 11 июля её наступление окончилось полным провалом. Понеся огромные потери и не добившись успеха, она прекратила наступление. На южном выступе германские войска вклинились на 35 километров и затем были остановлены. Манштейну, у которого было больше танков и самоходных орудий, чем у Моделя, пришлось после ожесточенного сражения под Прохоровкой отвести свои войска на прежние, подготовленные позиции к обороне. Великая битва на Курской дуге продолжалась 50 дней и завершилась победой Красной Армии. 5 августа 1943 года были освобождены Орел и Белгород, 23 августа - Харьков.

Свое весомое слово в этой битве сказали партизаны. В марте 1943 г. группа партизан под командованием М. Ромашина уничтожила охрану 300-метрового моста через реку Десну у станции Выгоничи и вывела его из строя. Через этот мост ежедневно проходило от 30 до 40 эшелонов. Движение по нему было остановлено на 28 суток. Бывший начальник транспортного управления группы армий "Центр" Г. Теске после войны писал в своих воспоминаниях, что "крупный партизанский отряд взорвал железнодорожный мост в самом центре немецкой ударной группировки, готовившейся к наступлению на Курск". По его признанию, перед началом Курской битвы, в июне, в тылу группы армий "Центр", партизаны подорвали 44 моста, повредили 298 паровозов.

Герой Советского Союза П. Брайко, бывший партизан, сообщил: 5 июня разведчик Ефрем Берсенев обнаружил, что по железной дороге Львов-Тернополь "к фронту непрерывно следуют фашистские эшелоны - и только с одними танками!.. Разведчики подсчитали: это по 49 составов в день". Ковпак и Руднев решили остановить эти эшелоны. Минер Е, Берсенев, П. Воронько и Н. Алексич уничтожили мосты на реке Гниздычко у сел Дычков и Смыковцы, остановив движение фашистских эшелонов по магистрали Львов - Тернополь - Волочиск - Жмеринка. А 6-я рота майора Дегтева вместе с минерами саперной роты Путивльского отряда капитана Абрамова Островским, Гончаровым и Кохом взорвали мосты на реке Горынь и Горынька у села Юсковцы, парализовав железную дорогу Львов - Тернополь - Шепетовка - Киев. Так в одну ночь, в один и тот же час ковпаковцы... нанесли мощный дальнобойный удар: парализовали сразу две главные железнодорожные артерии, питавшие две группы гитлеровских армий - "Юг" и "Центр". Остановили подвоз к Курской дуге более пятисот новехоньких танков, так необходимых фашистскому командованию на месте грандиозного сражения. Узнав о такой дерзости советских партизан, Гитлер даже объявил в своем рейхе суточный траур и приказал Гиммлеру немедленно, любой ценой уничтожить ковпаковцев" (Правда. № 120. 2002).

Гитлеровское командование особенно тревожил Брянский партизанский край. Он простирался с севера на юг на 180 км., с востока на запад - на 60 км. В нем находилось свыше 400 сёл с населением около 20 тыс. человек. Песня А. Софронова завершается словами: "Шумел сурово Брянский лес, // Спускались синие туманы, // И сосны слышали окрест, // Как шли с победой партизаны".

17 мая 1943 года генерал-лейтенант Борнеманн, командир 442-й дивизии особого назначения 2-й танковой армии, сообщил: "На протяжении прошедших полутора лет несколько раз наши войска пытались ликвидировать партизанские отряды в так называемых Брянских лесах. Войска доходили до центральной части района, в котором действовали партизаны, но затем в течение двадцати четырех-сорока восьми часов русские отбрасывали их на исходные позиции. Попытки истребить партизан ни разу не имели успеха, а только приносили нам большие потери. Партизаны продолжают занимать огромное пространство за спиной Второй танковой армии. В связи с этим линии движения и подвоза блокируются противником. Подобное положение больше нетерпимо. Оно представляет огромную опасность для армии".

За полтора месяца до наступления на Курск, в первой половине мая, немцы начали карательную экспедицию против брянских партизан, используя целую армейскую группу с привлечением авиации. За 26 суток непрерывных боев они потеряли более 3000 солдат и офицеров, был уничтожен и командующий карательными войсками генерал Борнеманн, но своей цели немцы не сумели достичь.

Величайшая битва на Курской дуге, длившаяся 50 дней, сыграла выдающуюся роль в истории Великой Отечественной войны. Это был важнейший исторический этап на пути к победе над Германией и её союзниками в масштабах всей мировой войны, обозначил коренной перелом в ней. После победы в этой битве наша армия полностью владела стратегической инициативой до полного разгрома врага.

В докладе 6 ноября 1943 года И. В. Сталин подвел её итоги : "Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой". А. Фролов верно заключил: "Значение Курской битвы в том, что в ней впервые в практике второй мировой войны была опровергнута германская стратегия блицкрига" (Советская Россия. 13.07. 1993). В. Давыдов в книге "Анализ Курской битвы" дал пространную картину боев в этой битве.

Военному престижу немецкой армии был нанесен огромный удар. После этого ей не удалось восстановить свой престиж у своих сателлитов и предотвратить намечавшийся распад агрессивного блока. В обращении к немецким солдатам перед началом Курской битвы Гитлер го-

ворил: "Сегодня мы начинаем великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом". Но не получилось того, чего жаждал фюрер. Действительно, наша победа на Курской дуге оказала важнейшее влияние на всю международную обстановку. Военно-политический кризис охватил весь фашистский блок, вызвал несмываемую волну отрезвления в тех "нейтральных" странах, которые перед этим явно и тайно поддерживали Германию.

Писатель Ю. Поляков заметил в "Литгазете": "Во всех странах у всех людей есть прощительная слабость: к юбилейным датам "подсветлять" минувшие события. У нас же, наоборот, их "подчерняют", причем за казенный счет. А ведь любое историческое свершение, отдаляясь, неизбежно возвышается и героизируется. У нас же почему-то наоборот - унижается и иронизируется". На телеканале "Россия" в передаче 13-14 июля 2003 года "Курская дуга" (и в ряде других) все, в том числе и надуманное, что не красило наше командование, использовалось для его поношения, а все, что приукрашивало немцев, явно подчеркивалось. Сообщалось, что поле боя под Прохоровкой осталось за ними (до 17 июля), они потеряли намного меньше танков, чем Красная Армия, прекратили наступление только потому, что американцы высадились в Сицилии. Разве можно после таких "результатов" сражения говорить о победе советских войск?

Б. Соколов писал, что под Прохоровкой ныне "стоит памятник в честь мнимой победы советского оружия. Не правильнее ли сделать его памятником скорби по нашим соотечественникам, погибшим в Курской битве?" (Известия. 12.07. 2000). Он сослался на германского исследователя К. Фризера, писавшего, что 12.07.1943 г. немцы безвозвратно потеряли под Прохоровкой "5 танков, а еще 43 танка и 12 штурмовых орудий были повреждены", а советские безвозвратные потери составили не менее 334 танков и самоходных орудий. По документам Военного архива ФРГ, "2 танковый корпус СС, наступавший на прохоровском направлении, 12 июля потерял 130 танков и 23 штурмовых орудия, правда, ни одно безвозвратно. ...Вся группа армий "Юг" потеряла за 12 июля 432 танка и штурмовых орудий, из которых 55 и 3 ...не подлежали восстановлению" (Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С.70).

В "Истории Второй мировой войны" признано, что это сражение стоило советским войскам "больших потерь в личном составе и до 400 танков" (Т. 7. С. 154). В "Великой Отечественной ..." утверждается: "Несмотря на численное превосходство, 5-й гвардейской армии не удалось добиться решительного перелома во встречном сражении, и к вечеру ее соединения перешли к обороне, потеряв около 500 танков и САУ" (Т. 2. С. 269). Многие из них были отремонтированы. Става ВГК после анализа сложившейся обстановки дала указание "перейти к обороне, в ходе которой измотать окончательно наступающие войска противника".

И. А. Родимцев, назвав утверждения Б. Соколова глупостью, писал: "Да, потери наши ...были огромны, более 300 танков (по некоторым зарубежным данным до 400)" (Советская Россия. 14.06. 2001). Но они были большие и у врага. В пояснениях к главе 14 книги Манштейна "Утерянные победы" говорится: "К вечеру (12 июля) поле боя осталось за советскими войсками. Потери их составили 300 танков. Гот потерял 400 танков".

На Прохоровском поле советское командование бросило в сражение до 850 танков (более четверти из них были легкие танки), а немцы - около 560 танков и штурмовых орудий. 13 июля представитель Ставки ВГК Василевский доложил Сталину: "Вчера лично наблюдал бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов более чем с 200 танками противника. В результате поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя до 60 процентов и 18-й танковый корпус - 30 процентов танков..."

Оценивая эту битву, Конев констатировал: "Практически Воронежский фронт был уже прорван, и сражение, в котором приняли участие взятые из состава Степного фронта 5-я гвардейская армия Жадова и 5-я танковая армия Ротмистрова, было сражением, в сущности, уже в тылу прорванной немцами линии обороны. Именно здесь, у Прохоровки, немцы были остановлены танкистами Ротмистрова и гвардейцами армии Жадова, которая оказалась по ходу событий как бы центром, к которому примкнули все другие силы, составившую эту новую линию обороны" (Знамя. 1987. № 12. С. 103).

Командующий 5-й гвардейской танковой армией П. Ротмистров за эти бои был награжден орденом Кутузова 1 степени. Он в своем труде "Танковое сражение под Прохоровкой" (1960) писал: "Атаку наших танковых корпусов противник встретил огнем артиллерии, контратакой тяжелых танков и массированными ударами авиации. В первые же минуты сражения, поднимая черные тучи пыли и дыма, навстречу друг другу двинулись две мощные лавины танков. Солнце помогало нам. Оно хорошо освещало контуры немецких танков и слепило глаза врагам.

Первый эшелон атакованных танков 5-й гвардейской танковой армии на полном ходу врезался в боевые порядки немецко-фашистских войск. Сквозная танковая атака была настолько стремительной, что передние ряды наших танков пронизывали весь строй, весь боевой порядок противника. Боевые порядки перемешались. Появление такого большого количества наших танков явилась для врага полной неожиданностью. Управление в его передовых частях и подразделениях вскоре было нарушено. Немецко-фашистские танки "тигр", лишенные в ближнем бою преимущества своего вооружения, успешно расстреливались нашими танками Т-34 с коротких расстояний и в особенности при попадании в борт... Танки насакивали друг на друга,

сцепившись уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь...".

Лопнули надежды германского командования на серьезное превосходство их "тигров" и "пантер", штурмовых орудий "фердинанд" над советскими танками. Побывавший на Курской дуге генерал Гудериан признал: "Мои опасения о недостаточной подготовленности танков "пантера" к боевым действиям на фронте подтвердились. 90 танков "тигр" фирмы Порше, использовавшихся в армии Моделя, также показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя" (С. 431).

Наша авиация завоевала господство в воздухе. А. Горовец в одном бою сбил 9 немецких бомбардировщиков. Около Прохоровки девятнадцатилетний сержант Михаил Федорович Борисов из 76-мм пушки образца 1942 года подбил семь тяжелых немецких танков, ему за этот славный подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза.

16 июня 2008 года мне посчастливилось посетить государственный военно-исторический музей заповедник "Прохоровское поле", в создании которого принял активное участие бывший председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков. Незабываемое впечатление оставили воздвигнутый в центре заповедника храм Петра и Павла и монумент Победы - звонница на знаменитой высоте 252,2 (скульптор В. М. Клыков) - в самом центре встречного танкового сражения. Там я встретил и героя Прохоровской битвы М. Ф. Борисова, ставшего поэтом, и подарил ему свою книгу, в которой говорилось и о его подвиге. Сейчас его, к глубокому сожалению, уже нет в живых.

Красочные картины о небывалом ожесточении Курско-Орловской битвы, о поражении в ней гитлеровской военной машины созданы в романах А. Ананьева "Танки идут ромбом", Л. Первомайского "Дикий мед", А. Асанова "Огненная дуга", В. Кондратенко "Курская дуга", И. Марченко "Когда решаются судьбы" и др.

В сборнике "Правда о Великой Отечественной войне" (1998) Б. Соколов самоуверенно уверял, что "с точки зрения военного искусства Красная армия Курскую битву проиграла, поскольку при том огромном превосходстве, которым она обладала, достигнутые относительно скромные результаты не оправдывают понесенные ею чудовищные потери в людях и технике". Но можно ли говорить об "огромном превосходстве" нашей армии? Действительно, наши войска имели количественное превосходство в личном составе, артиллерии и танках. Но каков был качественный состав бронетанковых войск? "Против 2394 советских средних и тяжелых танков и САУ гитлеровцы имели 2473 средних и тяжелых танков, штурмовых орудий и истребителей

танков. А в тяжелых танках преимущество врага было более чем двукратным: 175 тяжелым советским танкам КВ противостояли 374 "тигра" и "пантеры" (А. Райзфельд).

Немцы потеряли под Курском более 1500 танков и штурмовых орудий. Советские потери были больше (приводятся разные цифры, вплоть до 6000, что является явным преувеличением), но поле боя осталось за нашими войсками, и многие подбитые советские танки после ремонта вновь встали в строй. Гудериан в "Воспоминаниях солдата" признал, что в результате провала наступления "Цитадель" немцы "потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя" (С. 431). За это "достижение" Гота сняли с поста командующего 4-й танковой армией.

Советские войска после победы на Курской дуге продолжили успешное наступление в направлении Днепра, изгоняя врага с украинской земли. Как все это можно согласовать с предвзятым утверждением Б. Соколова о том, что Красная армия проиграла Курскую битву?

Явно лживыми являются утверждения о том, что Красная Армия одержала победу во время этой великой битвы только потому, что союзники высадились в Сицилии и немцы вынуждены были отправить туда ряд своих танковых соединений с Курского выступа. Г. Попов в книге "1941-1945. Заметки о войне" пишет: "К середине июля советские войска в районе Курска оказались в полуокружении . . .спасть Сталина от повторения лета 1942 г. бросились союзники. 10 июля 1943 г. - в критический момент Курской битвы - Эйзенхауэр начал десантную операцию и высадился на острове Сицилия. . .13 июля 1943 года Гитлер срочно вызвал с Курского фронта Манштейна и Клюге и заявил, что вынужден свернуть операцию "Цитадель" (так называли немцы битву на Курской дуге) из-за гораздо более важной для него Италии. . .", "дивизии "Райх", "Мертвая голова" . . .без паузы сразу же были направлены сражаться в Италию против десанта союзников". (Порочную книгу Г. Попова анализировал профессор В. Литвиненко 8 декабря 2005 г. в "Отечественных записках"). На самом деле поражение немецких войск на Курской дуге заставило германское командование перебросить 14 дивизий на советско-германский фронт. Только в августе всего лишь одна немецкая дивизия была переброшена с Восточного фронта в Италию.

Г. Жуков писал: **"Битва в районе Курска, Орла и Белгорода является одним из величайших сражений Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Здесь были не только разгромлены отборные и самые мощные группировки немцев, но и безвозвратно подорвана в немецкой армии и народе вера в гитлеровское фашистское руководство и в способность Германии противостоять все возрастающему могуществу Совет-**

ского Союза" (Т. 3. С. 57). Этот блестящий успех показал всему миру, что советские войска могут побеждать немцев не только зимой, как утверждала гитлеровская пропаганда, но и в летнее время. Немецкий исследователь П. Карель в книге "Восточный фронт" (на русском языке напечатана в двух томах в 2003 г.) писал, что не Сталинградская, а Курская битва стала "во всех отношениях судьбоносным сражением, определившим исход войны на Востоке".

Генерал-полковник А. Иодль осенью 1943 года вынужден был констатировать, что по всей Германии "шествует признак разложения". Большинство немцев потеряло веру в возможность добиться победы. Это сказалось и по их отношению к советским военнопленным.

Попавший в германский плен после тяжелого ранения С. И. Шешуков, впоследствии ставший ученым, профессором, констатировал: "Поражение под Москвой, катастрофа под Сталинградом озлобили немцев - и военных, и большинство гражданских и, встречаясь с нами здесь, в далеком тылу, они вымещали злобу на нас. Но вот после Великой Битвы и победы нашей армии на Курской дуге, меняется настроение немцев, разрушается их вера в победу. И опять это стало заметно прежде всего по их отношению к нам. Началось с того, что профашистки настроенное население перестало издеваться над нами, а те, кто нам сочувствовал и раньше, наоборот, стали встречать нас улыбочками. ...Многие часовые перестали избивать и отказывались помогать шефам подгонять нас на работе. Да и шефы стали меняться" (В поисках истины. М. 1993. С. 50). В. Семин в романе "Нагрудный знак "Ост" (1976) правдиво показал трагическую жизнь советских граждан в Германии в годы войны.

Испанский диктатор Франко после Курской битвы отозвал с советско-германского фронта свою "Голубую дивизию". Швеция объявила о прекращении перевозок германских военных грузов через свою территорию. В сентябре 1943 года вышла из войны фашистская Италия. Генеральный штаб Японии начал разрабатывать планы не наступления, а обороны, если начнут боевые действия советские войска.

Только после наших блестящих побед летом 1943 года Англия и США внесли изменения в свою политику по отношению к СССР. Американский профессор У. Кимболл писал, что "после битвы под Курском... стало ясно, что советские войска в состоянии победить Германию и в одиночку". Именно тогда, в августе 1943-го, было принято реальное "решение о создании "второго фронта", "истинная цель которого заключалась в том, чтобы пресечь или хотя бы существенно ограничить вторжение России в Европу" (Завтра. № 30. 2001). Знаменательно то, что управление стратегических служб США в августе 1943 года - после победы советских войск на Курской дуге - представило на Квебекской конференции Рузвельта и Черчилля и такой вариант

действий: "Попытаться повернуть против России всю мощь побежденной Германии, пока управляемой нацистами или генералами". Нам не стоит забывать это.

Глава 33. Победа в боях за Днепр и наши удары в 1944 году

Фельдмаршал Манштейн нашел, что в период борьбы за Украину зимой 1942/43 года советские войска имели восьмикратное численное превосходство. В "Истории войн" заявлено, что в марте-июне 1943 года "Советская армия была сильнее в четыре раза" (Т. 3. С. 150). Авторы этой работы, усердно отмечая поражения, потери наших войск, просчеты советского командования и блестящую стратегию и тактику немецких генералов, ни слова не проронили о том, как возникло такое якобы совершенно подавляющее превосходство. На самом деле, отмечалось в "Истории Великой...", "наши войска, приступая к освобождению Украины, как и в период контрнаступления под Сталинградом, имели примерно равное соотношение сил с врагом" (Т. 3. С.123). В июле 1943 года в нашей действующей армии было свыше 6,6 миллиона человек, 105000 орудий и минометов, около 2200 единиц реактивной артиллерии, более 10000 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 10300 боевых самолетов (История Второй мировой войны 1939-1945 гг. Т. 7. С. 114). В битве под Курском советские войска превосходили в людях - в 1,4, орудиях и минометах - в 1,9, в танках - в 1,2 и в самолетах - в 1,4 раза.

Манштейн назвал одну из глав своих мемуаров "Борьба с гидрой" - о поражениях немецких войск в боях в июле-августе 1943 года: "К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 282 командира батальонов... Наши ресурсы иссякли... Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также развертывания своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые".

Командование вермахта возвестило о том, что на правом берегу Днепра построен мощный оборонительный "вал", который начисто воспрепятствует успешной переправе через него советской армии. Однако наши дивизии на ряде участков успешно переправились через Днепр, чего немцы очень боялись, чему судорожно пытались воспрепятствовать всеми своими силами.

Перед этим партизанскому соединению Ковпака было спущено задание выявить, что из себя представляет этот неприступный "вал". Восемь разведывательных групп одновременно вышли на Днепр, они целую неделю тщательно изучали его берега от Речицы и Гомеля до Киева, и затем их наблюдения были сообщены советскому командованию. Руководитель этой разведки П. Вершигора писал о славной операции Красной Армии - битве за Днепр: "...в небыва-

лом в истории военного дела решения форсировать большую реку с ходу, раньше чем враг успеет занять на ней жесткую оборону, и форсировать её именно на участке Гомель - Киев есть и наша капля творческого, пытливого, осмысленного государственного труда". Наши войска создали важные плацдармы для дальнейшего наступления, после чего смогли освободить столицу Украины - Киев.

Войска Рокоссовского в наступлении под Бахмачом окружили и разбили 4 пехотных дивизии врага и "открыли дорогу на Киев, а фронт Ватутина отстал от Центрального на 100-120 км." (О. Ф. Ольфовский. К барьеру! 13.07. 2010). Рокоссовский размышлял: "Каково же было наше разочарование, когда во второй половине сентября по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами была отодвинута к северу, и Киев отошёл в полосу соседа! Нашим главным направлением теперь становилось черниговское. Я счёл своим долгом позвонить Сталину. Сказал, что не понимаю причины такого изменения разграничительной линии. Ответил он коротко: это сделано по настоянию товарищей Жукова и Хрущева, они находятся там, им виднее".

Рокоссовский добавил: "Итак, к концу сентября войска правого крыла Центрального фронта на всем протяжении достигли реки Сож и готовились к ее форсированию, а войска левого крыла - 61-я, 13-я и 60-я армии - к этому времени захватили и прочно удерживали плацдармы на западном берегу Днепра. ...Быстрое продвижение войск нашего левого крыла на киевском направлении заставило противника поспешно отводить свои дивизии, действовавшие против Воронежского фронта. Это, конечно, сильно помогло соседу. И все-таки жаль, что нам не разрешили нанести удар во фланг и тыл вражеским войскам, используя нависающее положение частей 60-й армии. Тем самым не только наша помощь соседу оказалась бы эффективнее, но мы не дали бы противнику отвести войска за Днепр".

Гудков выказал поразительную неосведомленность о конкретной обстановке при освобождении Киева: "По всем законам войны переправа через Днепр должна была начаться только после тщательной артподготовки и массированных бомбардировок немецких укреплений. Но Сталин распорядился: "Киев взять к 7 ноября любой ценой". В результате - переправлялись "на костях", сотни тысяч неоправданных жертв".

Владимов уверял, что генерал-лейтенант Чибисов "захватом плацдарма севернее Киева" "посрамил многих громких военачальников, в их числе маршала Жукова", за это, мол, и отстранили его от командования 38-й армией. Чем же он посрамил? Ах, кто-то представил "всю перипетию с днепровскими плацдармами как заранее спланированный маневр". Кто это сделал? Ничего внятного Владимов сказать об этом не мог.

Жуков в "Воспоминаниях..." писал, что "вначале предполагалось разгромить киевскую группировку и захватить Киев, нанося главный удар с букринского плацдарма. Затем от этого плана пришлось отказаться, так как противник стянул сюда крупные силы" (Т. 3. С. 82). Было принято новое решение - нанести главный удар севернее Киева с лютежского плацдарма, туда с букринского участка скрытно перебросили 3-ю гвардейскую танковую армию, много артиллерии и частей других родов войск. Чтобы сильнее запутать врага, 1 ноября с букринского плацдарма перешли в наступление 27-я и 40-я армии, немцы приняли этот удар за главный и, чтобы воспрепятствовать ему, перебросили сюда дополнительные силы. Это и нужно было советскому командованию. Начавшееся 3 ноября наше наступление на Киев с лютежского плацдарма стало совершенно неожиданным для немцев, 6 ноября 1943 года он был освобожден.

Невозможно понять, почему Владимов отнес этот блестящий "эпизод" с днепровскими плацдармами к операциям "бесславным, выполненным топорно и под топор положившим слишком уж много живого человеческого мяса". Мог ли он сказать, сколько погибло там вражеских солдат? Неужели он посчитал, что, потеряв Киев, столицу Украины, немцы могли праздновать победу? По Владимову, он рассматривал в своем романе историю с днепровскими плацдармами с "генеральской колокольни", а на самом деле - с откровенно антисоветской.

В 1944 году советские войска нанесли десять сокрушительных ударов по немецкой армии, которые предрешили окончательный разгром фашистской Германии. 9 мая 1944 года советские войска взяли Севастополь, 12 мая полностью освободили Крым. В "Истории войн" сказано, что при взятии Севастополя "большинство войск немецкого гарнизона благополучно эвакуировалось по воде" (Т. 3. С. 173). В советских военных трудах представлена иная картина. В "Великой Отечественной...": "Из 260-тысячной группировки к началу операции противнику удалось эвакуировать морем и по воздуху 137 тыс. человек. По данным штаба 17 армии, с 3 по 13 мая в море погибли 42 тыс. человек. В советском плену оказались 53 тыс. солдат и офицеров" (Т. 2. С. 51). В "Истории Второй...": "Крымская операция закончилась полным разгромом 17-й немецкой армии. ...Ее потери на суше исчислялись в 100 тыс. человек, в том числе 61587 пленными" (Т. 8. С. 109). Типпельскирх признал, что в Крыму вспомогательные части немецкой армии были эвакуированы, но ее основные силы, оборонявшие Севастополь, были уничтожены или пленены: "Русские..., пожалуй, были правы, определив потери 17-й армии убитыми и пленными цифрой в 100 тыс. человек и сообщив об огромном количестве захваченного военного снаряжения".

К началу 1944 года Германия и её союзники на советско-германском фронте имели около 5 млн. человек, 54500 орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий, более 3000 само-

летов. За первое полугодие 1944 г. германская промышленность вместе с заводами своих сателлитов выпустила более 16000 самолетов, 8300 танков. Наши заводы за это время произвели 16300 боевых самолетов, 10200 танков. За весь 1944 год они произвели 29000 танков, самолетов - более 40000. Советская армия превосходила противника в людях в 1,3, по артиллерии - в 1,7, по самолетам - в 3,3 раза. В июле на восточном фронте Германия расположила 4,3 млн. человек, 59000 орудий и минометов, 7800 танков, около 3200 самолетов. У нас в действующей армии было около 6,6 млн. солдат и офицеров, 98100 орудий и минометов, 7100 танков, около 12900 самолетов.

В начале 1944 года Красная Армия разгромила фланговые группировки противника под Ленинградом, на Правобережной Украине и в Крыму. В корсунь-шевченском выступе у немцев было 9 пехотных, 1 танковая и одна моторизованная дивизии, которые своим острием упиралась в Днепр и мешали 1-му и 2-му Украинским фронтам продолжать наступление. 12 января 1944 г. Ставка приняла решение нанести встречные удары фронтов под основание выступа, соединиться в районе Звенигородки, окружить и разгромить корсунь-шевченквскую группировку. 24-25 января эта операция началась, в результате которой эта группировка 28 января была окружена. 8 февраля ей был вручен ультиматум о сложении оружия, но на следующий день он был отклонен. 17 февраля попавшая в кольцо вражеская группировка была разгромлена, в плен было взято 18000 человек. Только небольшой части танков и транспортеров с генералами и офицерами удалось вырваться во время снежной пурги.

21 июня 1944 г. советские войска начали и стали успешно проводить Свирско-Петрозаводскую операцию и 28 июня освободили город Петрозаводск. От советского посла Коллонтай из Швеции стали поступать сигналы, что финны "созрели" для выхода из войны, но неожиданно 26 июня 1944 г., после приезда Риббентропа в Хельсинки, Рюти публично заявил: "Я, как президент Финляндской республики, заявляю, что не заключу мира с Советским Союзом иначе как по соглашению с Германской империей, и не разрешу никакому правительству Финляндии, назначенному мной, и вообще никому предпринимать переговоры о перемирии или мире, или переговоры, преследующие такую цель, иначе как по согласованию с правительством Германской империи".

В ответ на это мощные удары обрушились на финскую армию и на Карельском перешейке. Она потерпела очевидное поражение. Правительство Финляндии 4 сентября 1944 г. приняло советские условия о прекращении военных действий против СССР. Однако фронтовая операция, по выводу Сталина, прошла не так успешно, как он ожидал. За его подписью последовал приказ: "Ставка Верховного Главнокомандования считает, что последняя операция левого кры-

ла Карельского фронта закончилась неудачно в значительной степени из-за плохой организации руководства и управления войсками; одновременно Ставка отмечает засоренность фронтового аппарата бездеятельными и неспособными людьми.... Заместителя командующего Карельским фронтом генерал-полковника Ф. И. Кузнецова откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО".

Наступательная операция Карельского фронта образумила финнов, они вышли из войны, а Сталин, проявив твердость характера и справедливость в оценке командования фронта, выразил недовольство. Конечно, он хорошо понимал, что победа над Гитлером и его сателлитами не за горами. Но Сталин остался верен союзническим обязательствам: переговоры с финнами, как он настоял, вели представители СССР и Англии. 19 сентября 1944 г. соглашение о перемирии было подписано. Финляндия вынуждена была объявить о разрыве отношений с Германией.

20 августа 1944 года советские войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали Яско-Кишиневскую операцию против германо-румынских армий группы "Южная Украина" под командованием генерал-полковника Г. Фриснера, окружила и разгромила их. Гудериан признал: "Хотя Гитлер сразу дал разрешение на отход группы армий, на некоторых участках наши войска пытались удерживать фронт и медленно, с боями отступали. Чтобы избежать полного разгрома и уничтожения, необходимо было быстро отступить и удержать мосты на Дунае. Но этого не было сделано. ...Мы полностью потеряли 16 немецких дивизий - невозместимые потери в нашем и без того тяжелом положении" (С. 503).

Советские войска вступили в Румынию, в которой 23 августа был свергнут профашистский режим. Новое румынское правительство 24 августа объявило войну Германии. Сталин подписал 30 августа 1944 г. "особо важный" приказ Ставки Верховного Главнокомандования: "1. Командующему 2-м Украинским фронтом в 10.00 31.8 ввести войска в Бухарест. Войска в городе не задерживать и после прохождения через город перейти к выполнению задач, поставленных Директивой Ставки No20191, стремясь возможно быстрее занять район Крайова. При прохождении войск через Бухарест иметь в воздухе, над городом возможно большее количество самолетов. 2. Командующему 3-м Украинским фронтом моторизованный отряд 46 А, вошедший в Бухарест, направить на Джурджу с задачей занять переправы через р. Дунай... 3. Обратить внимание на порядок и дисциплину в войсках, проходящих через Бухарест...".

4 августа 2010 г. гайдпаркер Родин вещал: "Еще в 1944 году, в нарушение Ялтинских соглашений, которые предполагали проведение свободных выборов и создание демократических правительств в странах восточной Европы, Вышинский явился к королю Румынии Михаю и по-

требовал разгона демократического коалиционного правительства". Сей бойкий автор не понимает, что Крымская конференция в Ялте состоялась лишь в феврале 1945 г.

В. Кулиш заявил, что Г. Димитров "в период войны был полностью изолирован. Даже когда в 1944-м наши войска готовились вступить на территорию Болгарии, он не был своевременно информирован, хотя и являлся Генеральным секретарем Компартии Болгарии" (Комсомольская правда. 24.08. 1991). Откуда взяты такие неверные сведения? На самом деле 26 августа 1944 г. "Болгарская рабочая партия приняла решение о непосредственной подготовке вооруженного восстания болгарского народа. ...На следующий день Г. М. Димитров, который многократно беседовал с И.В. Сталиным, направил директиву Главному штабу партизанских войск, предназначенную для ЦК БРП" (С. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. С. 161). Перед вступлением наших войск в Болгарию Сталин рекомендовал Жукову повидаться с Димитровым "и выслушать его советы. Предварительно он сам переговорил с Георгием Михайловичем по телефону относительно визита Жукова" (С. 163). Жуков писал, что встреча состоялась, Димитров сказал ему: "Хотя вы едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной армии" (Т. 3. С. 160). Это предвидение полностью сбылось.

А. Трубицын заявил: "Вон, болгары - свои, славяне, казалось бы, пока турки их резали, кричали: "Иван, спаси!" А когда Иван спас, щедро оплатив спасение свой кровью, тут же напали на нас и в 1914-м, и в 1941-м" (Советская Россия. 13.01. 2000). После освобождения русскими войсками Болгарии от владычества турок в 1877-1878 гг. ее руководство проявляло неблагодарность по отношению к России. Но Болгария в октябре 1915 г. напала не на Россию, а на ее союзницу Сербию. Во Вторую мировую войну она послала 12 дивизий против югославских и греческих партизан, предоставив возможность немцам перебросить часть своих войск с Балкан на Восточный фронт. Болгария тем самым помогала немцам воевать, но ее правительство не осмелилось прямо выступить против Советского Союза.

5 сентября 1944 года СССР объявил войну Болгарии. 8 сентября советские войска вступили на ее территорию. Жуков писал об этом "...командующий 57 армией доложил, что одна из пехотных дивизий болгарской армии, построившись у дороги, встретила наши части с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Через некоторое время такие же события произошли и на других направлениях. Командармы доложили, что идет стихийное братание воинов с болгарским народом. ...Продвигаясь в глубь страны, советские войска везде и всюду встречали самое теплое отношение" (Т. 3. С. 163).

К власти в Болгарии пришли национально-патриотические силы, объявившие войну Германии. В феврале 1947 г. был заключен Мирный договор с Болгарией, содержащий пункт о выводе наших войск с ее территории в течение трех месяцев после его подписания. Но находчивый А. Ананичев решил, что они ушли оттуда потому, что "наши воины ...либо быстро переженились на восхитительных болгарочках, либо все темпераментнее начинали злоупотреблять традиционными славянскими напитками. Содержать ограниченный контингент при таком раскладе стало бессмысленным занятием" (Литературная Россия. 13.09. 2002). После прочтения этой чепухи мне, служившему в Болгарии в 1945-1947 гг., остается только развести руками.

Сейчас болгарские правители заявляют, что вступление Болгарии в НАТО - результат ее внутреннего развития, в этом нет никакой угрозы для России. Антироссийскую направленность современной политики США американцы не очень-то скрывают. Усиливает ли в какой-то мере вступление Болгарии в НАТО возможности США? Отрицать это вряд ли кто будет. Мне, воочию видевавшему, как хорошо относились к русским болгары, горько осознавать, что руководство этой братской страны уже в третий раз становится на сторону недругов России.

СССР обеспечил Болгарии границы, существовавшие до 1 января 1941 г. А перед заключением мирного договора в 1947 г. были претенденты на часть ее территории, они поддерживались Англией и рядом других государств. И потом мы немало помогали Болгарии. ТвГУ сотрудничает с болгарским Велико-Тырновским университетом, взаимно обменивается студентами и преподавателями. Одна из наших студенток, побывав в Болгарии, рассказала, что аспирант из Великого Тырнова заявил, что почти трехлетнее пребывание наших войск в ней принесло больше несчастий и бед, чем господство Турции над Болгарией в течение ряда столетий. Это можно расценить как проявление шизофрении.

Болгарские коммунисты были недовольны тем, что наше присутствие мешает им быстрее расправиться со своей буржуазией и установить подлинно демократический строй. Об этом они и мне говорили. Возможно, черная неблагодарность стала, чему не хочется верить, чертой не только прозападнически настроенной болгарской буржуазии.

Глава 34. Операция "Багратион"

6 июня 1944 года англо-американские войска начали успешную высадку на побережье в Нормандии. Это, конечно, ускорило поражение Германии, но вместе с тем серьезно не повлияло на состав немецких войск на советско-германском фронте. К началу июля из 374 дивизий, которыми располагала Германия, на восточном фронте было 228 дивизий, две трети всех бое-

способных соединений. 60 дивизий находились во Франции, Бельгии и Голландии, 26 - в Италии, 17 - в Норвегии и Дании и 10 - в Югославии, Албании и Греции.

Главный удар летом 1944 г. наша Ставка наметила нанести в Белоруссии. Советская разведка установила, что самые мощные группировки врага находятся в Западной Украине и Румынии. В них насчитывалось около 59% пехотных и 80% танковых дивизий. В Белоруссии германское командование держало менее сильную группу "Центр", которой командовал генерал-фельдмаршал Буш. Ставка ВГК пришла к правильному выводу, что немецкое командование ожидает главный удар наших войск не в Белоруссии, а на южном крыле в Румынии и на Львовском направлении.

Советское командование хорошо подготовило и блестяще провело Белорусскую наступательную операцию под кодовым названием "Багратион". К началу операции 1-й Прибалтийский фронт (командующий генерал И. Х. Баграмян), 3-й Белорусский (командующий генерал И.Д. Черняховский, 2-й Белорусский (командующий генерал Г. Ф. Захаров) и 1-й Белорусский (командующий генерал К.К. Рокоссовский) фронты имели 2400000 человек, около 36400 орудий и минометов, 53000 самолетов, 52000 танков.

План операции предусматривал быстрый прорыв обороны врага на шести направлениях - витебском, богушевском, оршанском, могилевском, свислочевском и бобруйском, глубокими ударами четырех фронтов разгромить основные силы группы "Центр" и уничтожить его войска по частям. Эта группа имела в своем распоряжении 500000 человек, 9500 орудий и минометов, 900 танков и минометов, 1300 самолетов.

Перед советскими войсками были поставлены задачи стратегического и политического характера: ликвидировать выступ врага протяженностью более 1100 километров в районе Витебска, Бобруйска, Минска, разбить и уничтожить крупную группировку немецких войск. Это стало главной задачей наших войск летом 1944 г. Намечалось создать хорошие предпосылки для последующего наступления Красной Армии в западных областях Украины, Прибалтике, Польше и Восточной Пруссии.

Наше наступление стало неожиданным для противника. Типпельскирх, тогда командующий 4-й армией, позже писал, что "возглавлявший фронт в Галиции Модель не допускал возможности наступления русских нигде, кроме как на его участке". Верховное германское командование соглашалось с ним. Оно считало возможным наше наступление и в Прибалтике. Фельдмаршал Кейтель на совещании командующих армиями в мае 1944 года заявил: "На Восточном фронте положение стабилизировалось. Можно быть спокойным, так как русские не скоро смогут начать наступление". 19 июня 1944 года Кейтель говорил, что он не верит в зна-

чительное наступление русских на центральном участке фронта. Советское командование умело дезинформировало противника. Чтобы ввести немцев в заблуждение, Ставка ВГК демонстративно "оставляла" на юге большую часть своих танковых дивизий.

Белорусская операция длилась с 23 июня 1944 года до 29 августа - свыше двух месяцев. Она охватила более тысячи двухсот километров по фронту - от Западной Двины до Припяти и до шестисот километров в глубину - от Днестра до Вислы и Нарева.

Большую роль в этом сражении сыграли партизаны. Накануне Белорусской операции "Багратион" они сообщили о расположении 33 штабов, 30 аэродромов, 70 крупных складов, о составе более 900 вражеских гарнизонов и около 240 частей, о направлении движения и характере перевозимых грузов 1642 эшелонов противника.

Рокоссовский писал: "Партизаны получили от нас конкретные задания, где и когда ударить по коммуникациям и базам немецко-фашистских войск. Они подорвали более 40000 рельсов, взрывали поезда на железнодорожных магистралях Бобруйск - Осиповичи - Минск, Барановичи - Лунинец и другие". С 26 по 28 июня партизаны пустили под откос 147 эшелонов с войсками и боевой техникой. Они участвовали в освобождении городов, своими силами заняли ряд крупных населенных пунктов.

23 июня советские войска прорвали оборону немцев. На третий день в районе Витебска были окружены пять пехотных дивизий, которые были разгромлены и 27 июня сдались в плен. Войска 1-го Белорусского фронта 27 июня взяли в кольцо бобруйскую группировку врага - до 40000 тысяч солдат и офицеров, 29 июня они были разбиты. Оборона немцев была прорвана 23-28 июня на всех направлениях 520 километрового фронта. Советские войска продвинулись на 80-150 километров, окружили и уничтожили 13 дивизий врага. Гитлер снял Э. Буша с поста командующего группой армий "Центр" и поставил на его место генерал-фельдмаршала В. Моделя.

3-го июля после ожесточенного боя советские войска освободили Минск - столицу Белоруссии. Минск был в развалинах. Немногие уцелевшие здания были заминированы и подготовлены к взрыву. Их все-таки удалось спасти, немцам помешала их взорвать стремительность ворвавшихся в город наших частей.

В кольце диаметром примерно 25 километров оказалось до 40000 гитлеровцев. К концу 7 июля окруженные под Минском 12-й, 27-й и 35-й армейские, 39-й и 41-й танковый корпуса были разгромлены. Исполняющий обязанности 4-й армией генерал Мюллер отдал приказ о капитуляции. В боях, длившихся до 11 июля, немцы потеряли свыше 70000 человек убитыми и около 35000 пленными, среди них было 12 генералов (три командира корпуса и девять командиров дивизий).

Наши войска продвинулись на 550-600 километров в полосе более 1100 километров. Это создало хорошие возможности для наступления на львовско-сандомирском направлении, в Восточной Пруссии и дальнейшего удара на Варшаву и Берлин. В результате великолепно проведенной операции "Багратион" наголову была разбита группа немецких армий "Центр". Были уничтожены 17 немецких дивизий и 3 бригады, 50 дивизий потеряли более половины своего состава. Чтобы остановить наступление советских войск, гитлеровское командование перебросило в Белоруссию 46 дивизий и 4 бригады с других участков фронта.

Истоки замечательных побед Красной Армии в 1944 году заключались не только в нашем превосходстве в людях и вооружении, но и - главным образом - в том, что советские генералы и солдаты научились хорошо воевать. Тогда восемнадцатилетний Герой Советского Союза Юрий Смирнов напросился на выполнение опасного боевого задания. Он сказал командиру роты: "Я недавно книгу прочитал "Как закалялась сталь". Павел Корчагин тоже попросился бы в этот десант". Он раненым, когда был без сознания, попал в плен. Врагу нужно было срочно узнать, какие цели поставлены перед русским танковым десантом. Но Юрий не сказал ни слова, хотя его зверски истязали целую ночь. "В иступлении, поняв, что им ничего не добиться, они прибили его гвоздями к стене блиндажа". "Десант, тайну которого сохранил Герой ценой своей жизни, выполнил поставленную задачу. Шоссе было перерезано, наступление наших войск развернулось по всему фронту..." (Советская Россия. 16.04. 2005).

После форсирования Вислы рота 220-го полка 79-й гвардейской дивизии под командованием лейтенанта В. Бурбы отбивала непрерывные атаки немецкой пехоты и танков. Из роты в живых осталось 6 человек, но занятую позицию они сумели не отдать врагу. Самопожертвенный подвиг совершил при отражении вражеской атаки В. Бурба. Когда танки подошли совсем близко, он, метнув связку гранат, подбил танк, а под второй бросился сам со связкой гранат в руке. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Боец 220-го полка П. Хлюстин в критический момент боя тоже со связкой гранат бросился под немецкий танк и помог остановить атаку врага. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вестфаль признал: "В течение лета и осени 1944 года немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское. 22 июня русские перешли в наступление на фронте группы армий "Центр". ...Вопреки предупреждению генерального штаба сухопутных сил фронт обороны, удерживаемый группой армий "Центр", был опасно ослаблен, так как Гитлер приказал за ее счет усилить группу армий, расположенную к югу, где он ожидал наступления в первую очередь. Противник во многих местах прорвал фронт группы армий "Центр", и, поскольку Гитлер строго-настрого запретил эластичную оборону, эта группа

армий была ликвидирована. Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского плена". Генерал вермахта Бутлар даже посчитал, что "разгром группы "Центр" положил конец организованному сопротивлению немцев на востоке" (Мировая война 1939-1945 гг. С. 240). В Белорусской операции германская группа армий потеряла от 300000 до 400000 убитыми. Гудериан признал: "В результате этого удара группа армий "Центр" была уничтожена. Мы понесли громадные потери - около двадцати пяти дивизий" (С. 463).

Американский исследователь М. Сефф 22.06. 2004 г. писал: "Шестьдесят лет назад, 22 июня 1944 года Красная Армия начала свою самую главную ответную кампанию. ...В историю операция вошла как "Белорусское сражение". Именно оно, а не Сталинградская и не Курская битвы в конечном счете сломало хребет фашистской армии на востоке. Штабные офицеры вермахта с неверием и возрастающим страхом наблюдали, как тактика "блицкрига", которую они с такой результативностью использовали в течение пятнадцати месяцев, чтобы захватить просторы европейской части России, обернулась против них. В течение месяца немецкая группа армий "Центр", бывшая стратегической опорой Германии в России на протяжении трех лет, была уничтожена. Танковые колонны Красной армии окружили 100 тысяч лучших солдат Германии. В общей сложности немцы потеряли 350 тысяч человек. Это было поражение, еще более крупное, чем под Сталинградом". Сефф предостерег политических и военных авантюристов: "Урок, который "Багратион" наглядно преподал фашистскому вермахту 60 лет назад, остается актуальным и по сей день. Недооценивать Россию неумно - у ее народа есть привычка побеждать, когда от него этого меньше всего ждут".

Быстрое продвижение Красной армии к нашим западным границам вызвало сильнейшую обеспокоенность Черчилля. В 1944 г. он посчитал, что "Советская Россия стала смертельной угрозой" и потому надо "немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения". Получается, что этот фронт должен быть создан не против немцев, а против нашего наступления...

Чтобы показать, насколько выросла боеспособность Советской армии, воинское умение ее генералов, офицеров и солдат, можно сделать интересное сравнение. Союзные войска высадились во Франции 6 июня 1944 года, за четыре с половиной месяца они достигли Германии, пройдя 550 километров (средняя скорость движения - 4 километра в день). Наши войска 23 июня 1944 года начали наступать от восточной границы Белоруссии и 28 августа вышли на Вислу. П. Карель в книге "Восточный фронт" зафиксировал: "За пять недель они прошли с боями 700 километров (то есть 20 км. за день!) - темпы наступления советских войск превышали темпы

продвижения танковых групп Гудериана и Гота по маршруту Брест - Смоленск - Ельня во время "блицкрига" летом 1941 года".

Сейчас в зарубежной и "нашей" - либеральной - печати бичуют советское командование за якобы жестокое отношение к военнопленным. Некие С. Липатов и В. Яременко в статье "Марш через Москву" использовали этот "марш" свыше сорока тысяч немецких военнопленных по улицам Москвы для дискредитации советского строя. Роня слезы, они писали о том, как 17 июля 1944 г. немцы "шли по улице грязные, завшивленные, оборванные". Доктор Ханс Зимер в книге "Встреча с двумя мирами" вспоминает: "Тысячи пленных шли босиком, или в одних портянках, или в парусиновых тапках". Авторам статьи можно было бы добавить, что один из пленных, увидев среди москвичей Героя Советского Союза В. Карпова, зло показал ему крепко сжатый кулак, а тот, некультурный азиат, подло поиздевался над ним, повертел пальцем у виска, давая понять ему, что он набитый дурак. Разве можно забыть такое?

"Тысячи людей за оцеплением на тротуарах отрепетированно и по команде кричали: "Гитлер капут!" и обильно плевали в колонны" (Независимое военное обозрение. 16.07. 2004). Можно подумать, что тогда сотни тысяч праздных москвичей предварительно много раз собирали в клубах и кинотеатрах и проводили репетиции под строгим присмотром НКВД. Если находились саботажники, не сразу в такт кричавшие "Смерть Гитлеру!", "Смерть фашизму!", их сразу отправляли на Колыму. Если же говорить серьезно, то понятно, что жуткие злодеяния, какие творили у нас оккупанты, не могли не вызвать у советских людей чувства ненависти к ним, и потому "нередко солдаты оцепления применяли силу или угрозу силой при попытке некоторых горячих женщин наброситься с кулаками на участников марша".

В 1942 году И. Эренбург призывал: "Нельзя стерпеть немцев". Ненависть к фашизму сливалась с ненавистью к ним. 11 апреля 1945 года он писал в "Красной звезде": "Все бегут, все мечутся, все топчут друг друга... Германии нет: есть колоссальная шайка". Через три дня в напечатанной в "Правде" статье "Товарищ Эренбург упрощает" Г. Александров критиковал его за то, что он не брал в расчет расслоение немцев, считая, что все они ответственны за преступную войну.

Липатов и Яременко оценили "марш" немецких военнопленных как "унизительное представление", "спектакль", который "явно не удался". Как понять мотивы такой недоброжелательной оценки? "Люди с удивлением смотрели на жалкие остатки того легендарного, непобедимого, всегда победоносного германского вермахта, которые теперь проходили мимо побежденных и оборванных". Немцы яростно рвались захватить Москву, намеревались устроить в ней победный парад, взорвать Кремль. Вот и предоставили им - только не как победителям - возможность

пройти по нашей столице. После этого показательного "марша" у советских людей крепло предчувствие скорой окончательной Победы.

Немецкие историки полагают, что в советском плену находились более трех миллионов немецких военнослужащих, около миллиона там погибло. Число погибших здесь явно преувеличено. В документе МВД СССР для ЦК КПСС отмечалось, что было пленено, передано в лагерь Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) и персонально учтено 2388443 немецких военнопленных. Освобождено из плена и репатрировано 2031743 человека. Умерли в плену 356687 немцев. По последним данным, во время войны наши войска захватили в плен 3777300 человек, в том числе немцев и австрийцев - 2546200, японцев 639635, венгров - 513767, румын - 187370, итальянцев - 48957, чехов и словаков - 69977, поляков - 60280, французов - 23136, югославов - 21822, молдаван -14129, китайцев 12928, евреев - 10173, корейцев - 7785, голландцев - 4729, финнов - 2377 и представителей других национальностей.

В Сталинграде были взяты в плен 110000 истощенных и обмороженных немецких солдат. Большинство из них вскоре умерло - в места постоянного заключения прибыло 18000, из них в Германию возвратилось около 6000 человек. А. Бланк в статье "Пленники Сталинграда" (Новый мир. 1983. № 9) писал: "Большинство прибывавших военнопленных были сильно истощены, что явилось причиной дистрофии. Советские врачи принимали самые различные меры, чтобы восстановить их силы и здоровье. Легко ли это было делать во время войны, когда высоко калорийные продукты ценились на вес золота? Делалось же, однако, буквально все что возможно, и результаты быстро сказывались: многие больные стали понемногу ходить, исчезала одутловатость лица.

Страшнее дистрофии сыпняк. Поголовную вшивость удалось, правда, не без трудностей, ликвидировать сравнительно быстро, но многие немцы прибыли в лагерь уже больными, переполнили лагерьный лазарет. Наши неутомимые врачи, медицинские сестры и санитарки сутками не выходили из палат. Борьба шла за каждую жизнь. В специальных госпиталях для военнопленных, находившихся неподалеку от лагеря, десятки врачей и медицинских сестер тоже спасали от смерти немецких офицеров и солдат. Многие из наших людей становились жертвами тифа. Тяжело заболели врачи Лидия Соколова и Софья Киселева, начальник медицинской части госпиталя молодой врач Валентина Миленина, медицинские сестры, переводчик Рейтман и многие другие. Несколько наших работников погибли от тифа" (С.209). Нашим недоброжелателям стоит сравнить это с тем, как относились немцы к советским военнопленным.

Глава 35. Варшавское восстание

Либеральные СМИ уже давно распространяют мысль о том, что русские виноваты во многих бедах Польши. Д. Гранин спросил: "...была ли вся эта война справедливой с первого по последний день?" И ответил: "Увы, много было такого, что нельзя отнести к этой категории: достаточно вспомнить историю варшавского восстания..." (Российская газета. 08.05. 2007). Русофобский "Мемориал" 14 сентября 1999 года осудил "постыдное бездействие советских войск на Висле в дни Варшавского восстания 1944 года". Чего здесь больше: сугубо дремучего невежества или мстительного стремления подло оплевать нашу армию? Обвинители, а их много, не хотят вникнуть в суть создавшейся в то время военной обстановки, знакомиться с реальными документами.

Руководитель Варшавского восстания генерал Бур-Комаровский сотрудничал тогда с представителями германского командования. Он заявлял: "В данном случае ослабление Германии как раз не в наших интересах. Кроме того, я вижу угрозу в лице России. Чем дальше находится русская армия, тем лучше для нас". В польских архивах обнаружен документ о переговорах офицера немецкой службы безопасности П. Фухса с командующим Армией Крайовой Т. Бур-Комаровским. Немецкий офицер попытался отговорить этого польского генерала от мысли начать восстание в Варшаве, но тот ответил ему: "Это дело престижа. Поляки при помощи Армии Крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск". Бур-Комаровский и его штаб отдали своему воинству приказ, в котором провозглашалось: "Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Большевистский враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Немцы удирают. К борьбе с Советами!".

Тейлор признал, что восстание "было скорее антирусским, чем антинемецким" (Вторая мировая война: два взгляда. С. 529). В "Истории войн" сказано о нем: "Было поднято поляками, подпольным фронтом (антикоммунистическим) во главе с генералом Т. Бур-Комаровским в надежде, что русские, находящиеся за Вислой, придут на помощь. Но они бездействовали, пока германские СС в течение 2 месяцев топили в крови восстание". И ни слова о вине Бур-Комаровского, не предупредившего наше командование о выступлении варшавян. Генерал Андерс (он в 1942 году увёл из нашей страны польские войска, которые были под его командованием, в Иран, а потом в Италию), узнав о восстании, прислал в Варшаву депешу, в которой написал: "Я лично считаю решение командующего АК (о начале восстания) несчастием... начало восстания в Варшаве в нынешней ситуации является не только глупостью, но и явным преступ-

лением". Британский корреспондент А. Верт спросил К. Рокоссовского: "Было ли Варшавское восстание оправданным...?" Тот ответил: "Нет, это была грубая ошибка... восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов... Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боёв".

Сталин хотел продолжить наступление наших войск, чтобы занять район северо-западнее Варшавы и облегчить положение восставших. В. Карпов в "Генералиссимусе" отметил: "Очень не любил Верховный, когда с ним не соглашались. Но в этом случае его можно было понять. Ему хотелось снять, сбить накал зарубежных обвинений в том, что Советская армия не пришла на помощь восставшим в Варшаве, а Жуков и Рокоссовский... не хотели ради не совсем понятных им политических интересов идти на дальнейшие жертвы и продолжать наступление, которое, как они считали, не принесет успеха" (Кн. 2. С. 51).

Наши войска нуждались в передышке, пытаясь наступать, они несли неоправданные немалые потери. Нужно было время, чтобы подтянуть отставшие тылы, подготовиться к переправе через Вислу и штурму польской столицы и к тому же предотвратить опасную угрозу со стороны нависшей с севера немецкой группировки. К. Рокоссовский заключил: "...откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое он возникло. Как будто руководители восстания нарочно выбрали момент, чтобы потерпеть поражение".

"Обстановка в Варшаве становилась все более тяжелой, начались распри среди восставших. И только тогда главари АК решились через Лондон обратиться к советскому командованию. Начальник Генерального штаба А. И. Антонов, получив депешу от них, оформил связь между нашими войсками и повстанцами. Уже на второй день после этого, 18 сентября, английское радио передало, что генерал Бур сообщил о координации действий со штабом Рокоссовского, а также о том, что советские самолеты непрерывно сбрасывают восставшим в Варшаве оружие, боеприпасы и продовольствие. Оказывается, можно было связаться с командованием 1-го Белорусского фронта. Было бы желание. А поспешил Бур установить с нами связь лишь после того, как потерпели неудачу попытка англичан снабжать повстанцев с помощью авиации. Днем над Варшавой появилось 80 самолетов "Летающая крепость" в сопровождении истребителей "Мустанг". Они проходили группами на высоте 4500 метров и сбрасывали груз. Конечно, при такой высоте он рассеивался и по назначению не попадал. Немецкие зенитки сбили два самолета. После этого случая англичане не повторили своих попыток" (Знамя. 1968. № 10. С. С.147, 148).

С 13 сентября по 1 октября 1944 года советская авиация произвела в помощь восставшим 4821 самолетовылет, в том числе с грузами для их войск - 2535. Наши самолеты по заявкам повстанцев прикрывали их районы с воздуха, бомбили и штурмовали немецкие войска в городе, сбросили им с самолетов 150 минометов, 500 противотанковых ружей, автоматы, боеприпасы, медикаменты, 120 тонн продовольствия.

Рокоссовский сообщил: "Расширяя помощь восставшим, мы решили высадить сильный десант на противоположный берег, в Варшаву, используя наплавные средства. Организацию операции взял на себя штаб 1-й польской армии. Время и место высадки, план артиллерийского и авиационного обеспечения, взаимные действия с повстанцами - все было заблаговременно обговорено с руководством восстания. 16 сентября десантные подразделения польской армии двинулись через Вислу. Они высаживались на участках берега, которые были в руках повстанческих отрядов. На том и строились все расчеты. И вдруг оказалось, что на этих участках гитлеровцы. Операция протекала тяжело. Первому броску десанта с трудом удалось уцепиться за берег. Пришлось вводить в бой все новые силы. Потери росли. А руководители повстанцев не только не оказали никакой помощи десанту, но даже не попытались связаться с ним. В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно. Я решил операцию прекратить. Помогли десантникам вернуться на наш берег. ...Вскоре мы узнали, что по распоряжению Бур-Комаровского и Монтера части и отряды АК к началу высадки десанта были отозваны с прибрежных окраин в глубь города. Их место заняли немецко-фашистские войска. При этом пострадали находившиеся здесь подразделения Армии Людовой: аковцы не предупредили их о том, что покидают прибрежную полосу" (С. 151-152). В этой операции мы потеряли 11000 воинов, 1-я армия Войска Польского - 6500. О сути и ходе Варшавского восстания обстоятельно поведал С. Штеменко в книге "Генеральный штаб в годы войны" (Кн. 2. С. 77-110).

Герой Советского Союза Иван Колос, офицер военной разведки, выполняя боевое задание, был выброшен в сентябре 1944 года в пекло боев в Варшаве, получил ранение и контузию, но, как писала Л. Щипахина, за 10 дней "сумел организовать сеть разведки, вышел на связь с руководством Армии Крайова и Армии Людова, встречался с главнокомандующим генералом Бур-Комаровским. Корректировал действия наших летчиков, которые сбрасывали восставшим оружие и продовольствие". Когда восставшие капитулировали, И. Колос уходил по канализационным трубам под Варшавой, вышел к Висле и переплыл её, доложил командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Рокоссовскому об обстановке в Варшаве и передал ценные документы.

К 60-летию Победы польское посольство пригласило И. Колоса на торжественный прием, где он услышал оскорбительные слова из уст президента А. Квасьневского в адрес СССР и нашей армии. Когда настала время получить награду из его рук, Колос сказал: "Лично я уже давно простил всех, кто мешал мне жить, простил людскую несправедливость, зависть и неблагодарность. Но лично я не могу предать всех, кто погиб за освобождение Варшавы, Польши, а их было более 600 тысяч. Не могу предать своего боевого друга Дмитрия Стенько, который погиб в Варшаве. Предать тех разведчиков, которые до меня пытались установить связь с восставшими. Склоняясь перед памятью погибших, я не могу принять памятную медаль" (Советская Россия. 30.07. 2009).

Б. Урланис своей книге "Война и народонаселение Европы" (1960) указал, что "в ходе югославского сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны) албанского - почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского - 33 тысячи (из 35 миллионов)". Кожинов заключил: "...доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании! <...> (речь идёт о павших с оружием в руках)". Поляки воевали в английских частях в Италии, в составе наших войск и в 1939 г. с немцами. Погибло за родину в 1939-1945 гг. 123 тысячи польских военнослужащих, что составляет 0,3% от всего населения. Мы потеряли около 5% населения страны.

Черчилль говорил, что "без русских армий Польша была бы уничтожена, а сама польская нация стерта с лица земли". Не за эти ли наши заслуги из Кракова убрали памятник маршалу И. Коневу? Бывший премьер правительства Польши М. Раковский написал: "Символическим актом кретинизма было свержение памятника маршалу И. Коневу и демонстративная отправка его в металллом. Памятника человеку, который спас Краков". Е. Березняк, руководитель подпольной группы "Голос", много сделавшей для спасения Кракова от разрушения немцами, был приглашен на празднование 50-летней годовщины освобождения города. А за день до праздника, 17 января 1995 г., в газете "Gras Krakova" он "прочитал о том, что 18 января 1945 года в город ворвались полураздетые, голодные солдаты маршала Конева, и начались грабежи и насилия. Далее говорилось: что те, кто завтра, 18 числа, будут возлагать на могилы оккупантов венки и цветы, могут вычеркнуть себя из списка поляков" (Литературная Россия. 28.04. 1995).

Хмельницкий кричал "о расстреле 24 тысяч польских офицерах в "мирное" лето 1939 года" в СССР и требовал от нас искупить эту вину. В "Тверской жизни" (06.05. 1998) читаем: "Никакой логикой, кроме логики злобной мести за поражение в войне 1920 года, нельзя объяс-

нить их бессмысленное и абсолютно незаконное уничтожение в мае 1940 года. Мы... несем за это историческую ответственность". Придется остановиться на этой "ответственности".

3 мая 1943 года начальник Главного управления пропаганды Хейнрик послал секретную телеграмму немецкому начальству в Краков: "Вчера из Катыни возвратилась часть делегации польского Красного креста. Они привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Геко" (Советская Россия. 06.11. 1992). Геббельс записал 8 мая 1943 года: "К несчастью, в могилах под Катынью было найдено немецкое обмундирование... Эти находки надо всегда хранить в строгом секрете. Если об этом узнали бы наши враги, вся афера с Катынью провалилась бы" (В. Краль. Преступление против Европы. 1968. С. 243). Ветеран войны И. Кривой сообщил: "С полной ответственностью и категоричностью заявляю, что я польских военнопленных видел несколько раз в 1941 году - буквально накануне войны. Я утверждаю, что польские военнопленные в Катынском лесу до занятия фашистами г. Смоленска были живы!" (Правда. № 25. 2001). Есть и другие факты, говорящие о причастности именно немцев к этому злодеянию.

Ю. Мухин в книге "Антироссийская подлость" (2003) показал, что расстреляли поляков не весной 1940 года, а осенью 1941 года, когда фашисты уже заняли Катынь. В карманах убитых были найдены документы, датированные 1941 г. Он доказал, что под видом рассекреченных архивных документов преподносятся фальшивки. Так, будто бы Особое совещание при НКВД вынесло смертный приговор польским офицерам, исполненный весной 1940 г. Но это совещание получило право принимать такие решения только в ноябре 1941 года. "То, что особое совещание не выносило смертных приговоров до начала войны, подтверждено тысячами подлинных документов, находящихся в архивах" (В. Литов. Правда. № 2. 2004).

После освобождения Катыни в 1943 году международная комиссия под председательством хирурга Бурденко установила, что поляки расстреляны немцами осенью 1941 года. См. об этом исследование Ю. Мухина "Катынский детектив" (1995), статьи В. Шведа "Вновь о Катыне" (Наш современник. № 2. 2010), А. Мартиросяна "Кто расстрелял польских офицеров в Катыни" (Правда. № 60. 2007).

В Заявлении Президиума ЦК КПРФ от 26 ноября 2010 г. говорится: "Главными документами геббельсовской версии о расстреле поляков органами НКВД СССР являются так называемые "документы", неожиданно обнаруженные осенью 1992 года. Главным из них выступает "Записка Берии И. В. Сталину от марта 1940 года, в которой якобы предлагается расстрелять 27 тысяч польских офицеров и якобы имеется положительная резолюция Сталина. При этом как содержание "записки", так и обстоятельства её появления вызывают законные сомнения в ее

подлинности. Это же относится к двум другим "доказательным" документам: выписке из решения Политбюро ЦК от 5 марта 1940 года и записке председателя КГБ СССР А. Шелепина на имя Н. Хрущева 1959 года. Все они изобилуют огромным количеством смысловых и орфографических ошибок, а также ошибок в оформлении, недопустимых для такого уровня документов. Есть достаточно оснований утверждать, что они были изготовлены в начале 1990-х годов по инициативе ельцинского окружения. Существуют неоспоримые документально подтвержденные факты и свидетельства, а также прямые вещественные доказательства, указывающие на расстрел польских офицеров не НКВД СССР весной 1940 года, а немецкими оккупационными властями осенью 1941 года, после захвата Смоленской области силами вермахта".

Ничего этого не приняла во внимание Госдума РФ. Она в декабре 2010 г. приняла Заявление "О Катынской трагедии и ее жертвах", в котором бездоказательно утверждается, что вина за расстрел польских военнопленных лежит на советских руководителях и сотрудников НКВД.

В Катыни и Тверской области сооружены мемориальные комплексы, посвященные погибшим полякам. Но не странно ли: поляки за 60000 бесследно исчезнувших русских солдат, попавших к ним в плен в 1920 году, никакой ответственности не несут. Только в Тухоли погибли 22000 пленных красноармейцев. В концлагере в Стшалково в секретном документе за номером 2015/с от 04.05. 1921 г. Второй отдел штаба армии приказал: "Руководству лагеря немедленно вернуть в лагерь русских большевистских военнопленных, занятых на сельскохозяйственных работах за пределами лагеря... Возвращению не подлежат трудовые бригады военнопленных, в отношении которых отданы специальные приказы по ликвидации" (Парламентская газета. 12.04. 2000). 9 сентября 1921 г. нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин в ноте польскому поверенному писал: "В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч".

Узнав о решении Касьянова выплачивать деньги репрессированным полякам, Е. Аргин спросил: "Кто выплачивал деньги родственникам 80000 красноармейцев, пропавших в плен после советско-польской войны в 1920 году? ...Кто выплачивал деньги родственникам тысяч советских солдат-освободителей Польши, которых подло из-за спины убивали местные националисты и им подобные?"

"Тверская жизнь" 07.11. 2009 г. не вспомнила об Октябрьской революции, а вот о польском захоронении в Медном, о репрессиях, о том, что в 2005 г. поляки наградили 3 членов "Мемориала", газета расписала аж на целой странице. Мы свою вину перед поляками, если она

была, искупили хотя бы тем, что потеряли в боях за их освобождение 500000 человек. А кое-кому кажется, что надо было потерять больше.

Профессор Варшавского университета П. Вечоркевич писал об отношении авторов польских учебников к России: "Наше видение польско-русской истории мартирологично. Без конца говорится об ущербе, который мы понесли от россиян. Хотя отрицать этот ущерб нельзя, не стоит и вырывать его из общего исторического контекста. Нельзя раздувать мифы о "москалях", которые все плохие" (Московские новости. № 20. 2001). Хотелось бы верить, что поляки в конце концов должным образом поймут, что нельзя копить одни обиды и забывать о нашем огромном вкладе в соиздание их нынешней государственности, что ненависть к России ничего хорошего им не принесет, что сама история обрекла их и русских жить в мире и дружбе.

Глава 36. Завершение разгрома Германии

Президент Клуба военачальников генерал армии А. Куликов на научно-практической конференции "Малоизвестные страницы Великой Победы", прошедшей под его руководством в Военной академии Генштаба Вооруженных сил РФ 25 мая 2010 г., сказал: "Еще в 1941 году руководством Советского Союза было принято решение об уничтожении Гитлера. Сначала это планировалось сделать в России, в Москве, в случае захвата немецкими войсками столицы. Позже был разработан план по уничтожению Гитлера в его Ставке, но неожиданно в 1943 году Сталин принимает решение не делать этого, опасаясь, что после ликвидации Гитлера его окружение заключит сепаратный мир с Англией и США без участия России. Факты ведения таких переговоров имеются". Вторая возможность ликвидировать Гитлера у СССР была в 1944 г. "Уже был подготовлен детальный план его устранения, но снова последовал неожиданный отказ Сталина. И это несмотря на то, что уже имелся подготовленный для этой акции человек, который умышленно сдался в плен и пользовался большим доверием у немцев. Эта операция имела все шансы на успех". Об этом подробно, с указанием лиц, подготовленных для покушения на Гитлера, рассказал В. Карпов во второй книге "Генералиссимус".

В 1944 г. многие гитлеровские генералы осознали, что Германия уже не может победить, что надо прекращать войну. Среди них был поклонник и любимец Гитлера фельдмаршал Эрвин фон Роммель и генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. К июню 1944 г., когда союзники высадились во Франции, был подготовлен заговор против Гитлера. К власти в Германии должны были прийти генералы, которые намеревались открыть Западный фронт и помочь американцам и англичанам оккупировать рейх и "освободить" Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Югославию, Австрию. Клюге знал об этой подготовке, но когда 20 июля 1944 г. за-

говор провалился, он отмежевался от его исполнителей. 18 августа его сняли с должности главнокомандующего войсками на Западе. Думая, что его могут привлечь к ответственности за связь с заговором, он решил покончить с собой. Перед тем как принять яд, он обратился к Гитлеру с прощальным письмом. В нем он призывал своего кумира решиться на то, "чтобы закончить войну", "положить конец безнадежной борьбе", так как "немецкий народ вынес такие неслезанные страдания, что пришло время положить этому ужасу конец".

Гудериан спрашивал: "...что произошло бы, если бы покушение удалось. Никто этого не может сказать. Одно, кажется, несомненно: в то время большая часть германского народа еще верила в Адольфа Гитлера и поэтому решила бы, что заговорщики устранили единственного человека, который, может быть, предотвратил бы полную военную катастрофу. Ненависть народа легла бы бременем в первую очередь на офицерский корпус, генералитет и генеральный штаб - и не только во время войны, но также и после нее. Ненависть и презрение народа перешли бы и на солдат, которые в разгар смертельной схватки с врагом, нарушая присягу, убивают главу государства, оставляя без капитана находящийся под угрозой государственный корабль" (С.480).

Осенью сорок четвертого года в Германии прошло несколько совещаний, которыми руководил Гитлер, а потом по его поручению - Йодль и Кейтель. Смысл их сводился к заветной надежде: если устроить американским войскам хорошую показательную взбучку, то у США и Англии возникнет больше интереса к переговорам, которые велись втайне от Москвы в 1942-1943 гг., и в итоге - к заключению сепаратного мира.

Арденнская операция замышлялась в Берлине не как операция, которая может принести желанную победу (гитлеровское руководство понимало, что это было уже вне возможностей Германии), а как попытку внести раскол в антигитлеровскую коалицию, подорвать союзнические отношения между Западом и СССР. Ставилась задача показать США и Англии все еще сохранившуюся большую военную мощь Германии и тем самым дать понять, что она может действительно помочь западным державам в их будущем военно-политическом противоборстве с Советским Союзом.

Эта перспектива, полагал Гитлер и его приближенные, должна заставить их отказаться от категорического требования безоговорочной капитуляции Германии и склонить к заключению согласованного мира. Гудериан считал: "...на карту поставлена наша вековая культура. Семьсот лет труда и борьбы немцев и их успехов были поставлены на карту! Перед таким будущим требование безоговорочной капитуляции было жестокостью, преступлением против человечности, а для солдат еще и позором, которого они не хотели, да и не могли взять на себя, пока еще

не исчезла последняя перспектива на другую возможность достижения мира" (С. 552). Правда же, немецким генералам не стоило бы молвить о жестокости и преступлениях против человечности, имея в виду требования безоговорочной капитуляции со стороны участников антигитлеровской коалиции.

16 декабря 1944 г. скрытно сосредоточенная немецкая группировка нанесла сильный удар по американским войскам в Арденнах и первоначально добилась серьезных успехов. Она к 25 декабря прорвала американский фронт на участке в 80 километров на глубину до 100 километров. В начале января немецкая армия нанесла удар в Эльзасе, что серьезно осложнило положение американских войск на Западном фронте. У союзников возникла критическая ситуация, американский генерал Д. Паттон 4 января 1945 г. сделал паническую запись в дневнике: "Мы еще можем проиграть эту войну".

6 января 1945 года Черчилль в письме Сталину сообщил о сложной обстановке у союзников и спросил, когда советские войска перейдут в наступление. Оно должно было эффективно помочь американцам и англичанам сдержать опасный для них напор германских соединений. Тогда, по утверждению Д. Фуллера, на Западном фронте действовало 75,5 немецких дивизий, а на Восточном - 179.

Гитлер лелеял надежду на то, что СССР оплатит США и Англии за затяжку "второго фронта" тем, что он не начнет большого наступления против германских войск. 9 января 1945 г. он заверял своих высших генералов: "Русские не переходят в наступление по политическим причинам". Ему страстно хотелось, чтобы объединенный фронт союзников наконец-то раскололся, что могло принести надежду на спасение третьего рейха.

При подготовке к наступлению советское командование решило замаскировать свои истинные планы. Н. Антипенко, доктор исторических наук, генерал-лейтенант, сообщил: "Г.К. Жуков ... приказал начальнику штаба фронта генералу Малину и командующему БТМБ генералу Орлу как можно быстрее организовать переправу макетов танков в светлое время суток по направлению от плацдарма в сторону Варшавы. Вскоре вдоль линии фронта стали передвигаться один за другим поезда с деревянными макетов танков. Здесь на виду у противника в светлое время суток недалеко от Праги (предместье Варшавы) их разгружали, а ночью опять грузили на платформы и по круговой дороге - через Седлец, Медзыжец, Люблин - снова попадали на вновь выстроенную дорогу, чтобы опять двигаться к Варшаве. Впоследствии выяснилось, что маневр этот имел успех: у противника не осталось сомнений, что наиболее мощный удар готовится в районе Варшавы" (Новый мир. 1981. № 5. С.218).

Черчилль просил Сталина немедленно начать наступление, чтобы отвлечь, насколько возможно, больше сил с запада и тем самым спасти союзников от поражения. Сталин пошел на встречу этой просьбе и дал указание Жукову начать наступление не 20-го, а 14 января. 12 января, раньше запланированного срока, наша армия перешла в решительное наступление, разгромила немецкие войска на важнейших участках фронта. Войска 1-го Украинского фронта прорвала немецкую оборону на расстоянии 500 км. и в глубину 120-150 км. 17 января они освободили Варшаву. 19 января заняли Краков и спасли его от намеченного немецким командованием полного разрушения.

Эйзенхауэр вспоминал о наступлении советских войск: "Для нас это был долгожданный момент. У всех стало легче на душе. ...мы были уверены, что немцы теперь уже не смогут усилить свой западный фронт". Черчилль писал, что русские совершили благородный поступок, "ускорив свое широкое наступление несомненно за счет тяжелых жертв" (Т. 6. С. 244). Копейкин критикует своего союзника в оценке опусов Резуна Радзинского, который в книге "Сталин" (1997) допустил "недоразумение": "Мол, немцы в Арденнах так дали прикурить американцам в декабре 1944 года, что они попросили Сталина досрочно ударить, чтобы помочь". И далее Копейкин привычно лжет: "В действительности сталинский удар был произведен в конце января; американцы же сами справились недели за три до этого..." (Русская мысль. № 4214. 1998).

Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант З. Вестфаль зафиксировал: "13 января 1945 года началось большое русское наступление... Влияние его немедленно сказалось на Западном фронте. Мы уже давно с тревогой ожидали переброски своих войск на Восток, и теперь она производилась с предельной быстротой. Туда была переброшена 6-я танковая армия СС с отдельными частями армейского подчинения, двумя штабами корпусов и четырьмя танковыми дивизиями СС, бригада "Фюрербеглейт" и гренадерская бригада, а также вся их артиллерия и переправочные средства". Генерал Меллетин признал: "Невозможно описать того, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного с времен гибели Римской империи".

Ширер: "Гитлер, Геринг и Йодль, потрясенные катастрофой на Востоке, посчитали лишним просить Запад о перемирии, поскольку были уверены, что западные союзники сами прибегут к ним, испугавшись последствий большевистских побед. О том, какая сцена разыгралась в ставке, дает представление сохранившаяся запись совещания 27 января у фюрера. Гитлер: Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте? Геринг: Они, конечно, не предполагали, что мы будем сдерживать их, пока русские завоюют всю Германию... Они не рассчитывали, что мы как сумасшедшие станем обороняться против них, пока русские будут продви-

гаться все глубже и глубже в Германию и фактически захватят ее всю... Иодль: Они всегда относились к русским с подозрением. Геринг: Если так будет продолжаться, через несколько дней мы получим телеграмму от англичан". И с этим в общем-то призрачным шансом - на сепаратный сговор с руководством США и Англии - главари уже разгромленного Третьего рейха связали свои надежды.

15 апреля 1945 г. Гитлер обратился с призывом к солдатам Восточного фронта: "В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ, вы, солдаты на Восточном фронте, знаете большей частью сами, какая судьба уготовлена прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные поедут в Сибирь. ...Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует как предатель своего народа. ...В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови" (Советская Россия. 07.05. 2005). Это призыв нашел отклик у большей части немцев.

Гитлеровское руководство металось в попытках найти какой-то более или менее приемлемый для него выход из сложившегося положения. Гудериан в "Воспоминаниях солдата" писал о разговоре с работником министерства иностранных дел Германии 23 января 1945 года: "Мы хотели добиться, чтобы дипломатические отношения с теми немногими государствами, с которыми они поддерживались нашим Министерством иностранных дел, были использованы для заключения хотя бы одностороннего перемирия. Мы надеялись на то, что западные противники, вероятно, поймут опасность, которая связана с быстрым продвижением русских к границам Германии, с их возможным продвижением через ее территорию, и склонятся к заключению перемирия или хотя бы к безмолвному соглашению, которое позволило бы ценой уступки западных районов использовать все остатки наших сил для обороны на Восточном фронте".

В феврале 1945 г. М. Борман собрал несколько монологов Гитлера, "имеющих ценность политического завещания": "Гитлер рассуждал о допущенных ошибках, которые привели его к поражению, и эти мысли совпадали с довоенным настроением британских и американских политиков. Кампания против России, говорил он, была неизбежна. Проблема заключалась в том, что она была развязана в малоподходящий момент. Ведение войны на двух фронтах было ошибкой, признавал фюрер, но ответственность за это лежит на американцах и англичанах, с которыми можно было договориться". (Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР Третьего рейха против СССР. 2000). Это объяснение Гитлера дает важную

основу для верного понимания его внешней политики и того, почему, как началась Вторая мировая война, как она велась - до нападения на Советский Союз - и как с выгодой для себя помогали нам США и Англия, и как, наконец, она завершилась.

Чуйков считал: нужно было в феврале 1945 г. без остановки наступать на Берлин и тогда же овладеть им, что "приблизило бы и окончание войны". Эта проблема детально рассмотрена Жуковым в третьем томе "Воспоминаний и размышлений". Войскам 1-го Белорусского фронта сначала была поставлена задача "стремительным броском 15-16 февраля взять Берлин". Но выявившаяся угроза сильного контрудара немецких войск со стороны Восточной Померании "во фланг и тыл выдвигавшейся к Одеру главной группировки фронта" заставила советское командование благоразумно отказаться от напрашивающегося немедленного наступления на германскую столицу.

На берлинском направлении было подготовлено 5 хорошо подготовленных оборонительных рубежей. Некоторые авторы называют 3 рубежа. Гитлеровское командование сосредоточило там миллион человек, 10400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, в самом Берлине формировался гарнизон, состоящий из 200000 человек. Гудериан посчитал: "Превосходство русских выразилось соотношением: по пехоте 11:1, по танкам 7:1, по артиллерийским орудиям 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и по меньшей мере о 20-кратном превосходстве в воздухе".

Наступление советских войск на столицу Германии началось 16 апреля. Перед нашей интенсивной артподготовкой немцы отвели свои главные силы в глубину обороны, на Зееловские высоты, что стало неприятной неожиданностью для советского командования. Тяжкие бои завязались за овладение этими высотами. Выполнение принятого плана нашего наступления замедлилось. Хотя тактическая оборона немцев не была прорвана, Жуков бросил в бой в первый же день две танковые армии.

Жуков считал, что нашим командованием и им самим была "допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня": "При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10-12 километрах от наших исходных рубежей, врывшись глубоко в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы от огня нашей артиллерии и бомбардировочной авиации" (Т. 3. С. 235). За 4 дня боев советские войска продвинулись на 30 кило-

метров. 20 апреля артиллерия открыла огонь по Берлину, а на следующий день наша армия ворвалась на окраины Берлина, начался мощный штурм германской столицы.

Когда после пленения допрашивали Кейтеля, он сказал: "К 22 апреля стало ясно, что Берлин падет, если не будут сняты все войска с Эльбы для переброски против наступающих русских. После совместного совещания Гитлера и Геббельса со мной и Йодлем было решено: 12-я армия оставляет против американцев слабые арьергарды и наступает против русских, окруживших Берлин". На вопрос Геббельса: можно ли военным путем предотвратить падение Берлина, Йодль ответил: "...это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска и бросим их на защиту Берлина". Это пытались сделать Гитлер и его генералы. Они приказали 12 немецкой армии развернуться фронтом на восток и продвигаться на Потсдам. Для организации наступления этой армии был направлен фельдмаршал Кейтель. Но ничего реального для предотвращения своего тотального краха они уже не могли предпринять.

24 апреля войска 1-го Белорусского фронта юго-восточнее Берлина после жестоких боев соединились с армиями 1-го Украинского фронта. Германские группировки оказались в кольце. Немецкий фронт был рассечен на две части. 27 апреля 47-я армия заняла город Потсдам.

Гитлер в апреле 1945 года присвоил Шернеру звание генерал-фельдмаршала, 22 апреля он в последний раз встретился с ним и сказал: "Необходимо сопротивляться до тех пор, пока не будет подготовлен политически благоприятный выход из войны. Имеются предпосылки для заключения сепаратного мира с Англией и США, которые не хотят, чтобы Берлином овладели русские. Не в их интересах укрепления могущества большевистской России и усиления её влияния в Европе"..

23 апреля в бункер рейхсканцелярии пришла телеграмма от Геринга, находившегося в Оберзальцберге. В ней докладывалось, что поскольку Гитлер решил остаться в Берлине, он, Геринг, готов взять "на себя общее руководство рейхом". После этого Гитлер объявил Геринга предателем нации, снял его со всех занимаемых им постов. Вскоре эсесовцы взяли его под стражу. Гиммлер через министерство иностранных дел Швеции передал декларацию командованию англо-американских войск и правительствам США и Великобритании о прекращении войны. 25 апреля, когда встретились советские и американские войска на Эльбе, министр иностранных дел Великобритании Иден и государственный секретарь Стеттиниус сообщили Черчиллю и Трумену о предложении Гиммлера. Те расценили его как попытку расколоть союзников и заявили, что капитуляция возможна лишь перед всеми тремя союзникам одновременно. Узнав об этих попытках Гиммлера, Гитлер объявил о лишении его всех званий и приказал арестовать его как предателя. Этот приказ не был выполнен.

В ночь с 28 на 29 апреля Гитлер зарегистрировал свой брак с Евой Браун, в 4 часа утра заверил свое политическое завещание, где было названо новое правительство Германии. Он заявил, что "Геринг, Гиммлер и их секретные переговоры с врагом, ведшие без моего ведома и против моей воли, а также их преступная попытка захватить государственную власть, помимо нелояльности лично ко мне, нанесли неисчислимый вред стране и всему народу". Он исключил из партии Геринга и Гиммлера, снял их со всех государственных постов. Гиммлера захватили 21 мая бывшие советские военнопленные И. Сидоров и В. Губарев. Не добившись встречи с Монтгомери, 24 мая Гиммлер раздавил стеклянную капсулу с цианистым калием и умер.

Ночью 1 мая на участке полковника Смолина появился немецкий автомобиль с большим белым флагом. Вышедший из машины немецкий офицер сказал "Капитуляция..." Его привели в штаб. Там он заявил, что вновь назначенный начальником генерального штаба Кребс "готов явиться к советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона. Советское командование согласилось принять Кребса..." (П. Трояновский). Жуков вспоминал: "В 18 часов В. Д. Соколовский доложил, что ...Геббельс и Борман отклонили требование о безоговорочной капитуляции. В ответ на это в 18 часов 30 минут с невероятной силой начался последний штурм центральной части города, где находилась имперская канцелярия и засели остатки гитлеровцев".

Утром 1 мая 1945 г. на командный пункт генерал-полковника В. Чуйкова, командующего 8-й гвардейской армией, пришел начальник генштаба сухопутных сил Германии генерал Г. Кребс и представил документ о его полномочиях, подписанных Борманом, и "политическое завещание" Гитлера. Кребс принес письмо Сталину от Геббельса, нового рейхсканцлера Германии. В нем сообщалось, что фюрер добровольно ушел из жизни, он всю власть в своем завещании передал Геббельсу и Борману. Они предложили связь с вождем советского народа, чтобы провести мирные переговоры. Ю. Емельянов ставит вопросы: "Почему эти переговоры не привели к капитуляции Германии 1 мая? По какой причине через несколько часов после прибытия Кребса с письмом от Геббельса автор письма, его жена, их дети, а также посланец к Чуйкову расстались с жизнью? Куда бесследно исчез Борман...?" (Советская Россия 25.03.2010).

Еще 10 сентября 1943 г. Геббельс записал в своем дневнике: "Перед нами стоит проблема, к какой стороне мы должны повернуть сначала - к русским или англо-американцам. Мы должны признать, что будет трудно вести войну против тех и других одновременно". Беседуя с Гитлером, он спросил его: "...не стоит ли что-либо предпринять по отношению к Сталину". Гитлер сказал, что "было бы легче договориться с англичанами, чем с Советами". 22 марта 1945 г. Геб-

бельс опять предложил Гитлеру "побеседовать с представителем Советского Союза", фюрер снова отказался.

Пытаясь продлить существование фашистского режима, Гитлер назначил новое правительство во главе с гроссадмиралом Деницем, который 1 мая выступил по фленсбургскому радио и заявил: "Моей ближайшей задачей является спасение немцев от уничтожения наступающими большевиками. Только во имя этой цели продолжаются военные действия". На заседании "правительство" решило: "Необходимо всеми средствами продолжать борьбу на Восточном фронте". В то же время поставило задачу частично капитулировать на своем западном фронте.

Советская армия успешно громила немецкие войска, воевавшие с крайним ожесточением в самом Берлине, и те дивизии, которые с внешней стороны пытались помочь им. Конев отметил немалые потери, которые несли наши танковые части от фаустпатронов: "Особенно обильно фаустпатронами были снабжены батальоны фольксштурма, в которых преобладали пожилые люди и подростки... И надо сказать, фаустники, как правило, дрались до конца; на последнем этапе войны они проявляли значительно большую стойкость, чем выдавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты. Немецкое солдаты, правда, по-прежнему сдавались в плен только тогда, когда другого выхода у них не было, то же следует сказать и об офицерах, но боевой порыв у них уже погас, оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться, пока нет приказа от капитуляции" (Знамя. 1987. № 12. С. 98). Фаустники сожгли за две недели до 1500 советских танков.

30 апреля 1945 г. войска 3-й ударной армии начали бои за рейхстаг. В тот же день сержант М. Егоров и младший сержант М. Кантария водрузили Знамя Победы над главным куполом рейхстага. К утру 2 мая остатки берлинского гарнизона были расчленены на отдельные изолированные группы и к 15 часам капитулировали. Боевые стычки завершились в городе десятью днями позже. Нашим войскам все еще сопротивлялись - наряду с немецкими войсками СС - норвежские, датские, бельгийские, голландские, люксембургские нацисты - из 15 стран.

Г. Бакланов с похвалой писал о генерале армии А. Горбатове, который "единственный осмелился сказать в своих мемуарах, что Берлин нам вовсе и не нужно было брать" (Знамя. 1990. № 5. С. 8). А. Яковлев, получивший 10 июня 2005 г. в посольстве ФРГ в Москве крест за заслуги перед Германией, осуждал в "АиФ" наше командование за то, что оно спешило взять немецкую столицу, "чтобы первыми в Берлин не вошли американцы". Вслед за ним Гудков рассудил: "Берлин готов был выкинуть белый флаг, нужно было подождать неделю. Но Сталин требовал решительных действий и ждать не стали. Снова более ста пятидесяти тысяч неоправданных жертв за несколько дней, а то и часов до Победы".

Советское командование не ставило целью взять Берлин точно и обязательно к майскому празднику. Симонов в книге "Глазами человека моего поколения" сообщил о том, как Жуков 30 апреля 1945 года "позвонил Сталину и сказал, что нам придется еще два дня повозиться с Берлином", и тот сказал: "Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. Берегите людей. Не надо лишних потерь".

Конев размышлял: "Мне приходилось встречаться с суждениями насчет того, что бои в Берлине можно было, дескать, вести с меньшей яростью, а тем самым с меньшими потерями. В этих рассуждениях есть внешняя логика, но они игнорируют самое главное - реальную обстановку, реальное напряжение боев и реальное состояние духа людей. А у людей было страстное, нетерпеливое желание быстрее покончить с войной. И тем, кто хочет судить об оправданности или неоправданности тех или иных жертв, о том, можно или нельзя было взять Берлин на день или на два позже - следует помнить об этом" (Знамя. 1987. № 12. С. 97).

Черчилля выводили из себя блестящие успехи советских войск: они участвовали в освобождении Белграда, вступили в Софию, Бухарест, взяли Будапешт, Варшаву и Вену. Ему яростно не хотелось, чтобы они вошли и в Берлин. Генерал Эйзенхауер писал английскому фельдмаршалу Монтгомери: "Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнения. Если у меня будет возможность взять Берлин, я его возьму" (Важнейшие решения. С. 318).

Гитлер в отчаянии выбросил в дни падения немецкой столицы лозунг: "Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских". Не желая капитулировать, немецкая верхушка пыталась, используя любые - даже призрачные - возможности, чтобы затянуть войну. Они очень ждали возникновения острого конфликта между союзниками, надеялись на то, что продолжающаяся оборона Берлина "может решить успех войны". Чтобы лишить их этой последней надежды и как можно быстрее закончить войну, нам надо было срочно взять Берлин. В секретной директиве штаба гитлеровского командования говорилось: "Складывая оружие в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии, мы исходим из того, что борьба западных держав потеряла смысл. На востоке, однако, борьба продолжается..." (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945". Т. 5. С. 346).

Е. Ясин, возглавляющий фонд "Либеральная миссия", лгал: Сталин "положил" миллион только на Зееловских высотах" (Известия. 24.12. 2004). Э. Володарский уверял: "600 тысяч наших солдат погибли при взятии Берлина". Г. Бакланов, обличитель советской власти и искатель фашистов среди русских, вопил: "Мы положили полмиллиона под Берлином, который нам был

совершенно не нужен". Возникает вопрос: почему же он был очень нужен Англии и США? К тому же надо поправить этих резвых авторов: на самом деле наши потери в сражении за Берлин составили 352475 человек, из них безвозвратно - 101960.

Доктор исторических наук В. Фалин признал, что он долго не находил однозначного ответа на вопрос: "Оправданы ли были столь высокие жертвы ради взятия Берлина под наш контроль?". Но потом он прочитал подлинные британские документы, недавно рассекреченные, сопоставил содержащиеся в них сведения с данными, с которыми по долгу службы приходилось знакомиться еще в 50-х годах, и прояснилось: **"За решимостью советской стороны взять Берлин... стояла не в последнюю очередь архиважная задача - предотвратить... авантюру, вынашиваемую британским лидером, не без поддержки влиятельных кругов внутри США, не допустить перерастания Второй мировой войны в Третью мировую, в которой нашими врагами стали бы наши вчерашние союзники"**.

В начале 1945 г. Черчилль приказал собирать и складировать трофейное немецкое оружие с прицелом на возможное его использование против Советского Союза и размещать сдававшихся англичанам в плен солдат и офицеров вермахта так, чтоб были сохранены дивизионные структуры. Соединения вермахта перевели в лагеря в южной Дании, где их держали в готовности до весны 1946 г. С марта 1945 г. немцы всеми силами стремились удерживать позиции вдоль всей линии советско-германского противоборства до тех пор, "пока виртуальный Западный и реальный Восточный фронт не сомкнутся, и американские и британские войска как бы примут от соединений Вермахта эстафету в отражении "советской угрозы", нависшей над Европой".

Была договоренность, что авиация США, Англии и СССР будет в своих операциях придерживаться определенных линий разграничения. А в ночь с 12 на 13 февраля 1945 года бомбардировщики союзников стерли с лица земли Дрезден, затем разрушили многие заводы в Словакии, Австрии, в будущей советской зоне оккупации Германии, чтобы они не достались нам целыми. "В инструктаже перед вылетом британских экипажей говорилось: нужно наглядно продемонстрировать Советам возможности союзнической бомбардировочной авиации".

Англичане и американцы 7 мая 1945 г. приняли сепаратную капитуляцию немецкого командования перед штабом Эйзенхауэра в Реймсе, хотя они знали, что адмирал Дениц, преемник Гитлера на посту рейхсканцлера, и генерал Кейтель отдали своим эмиссарам директиву - боевые действия на Западе прекращаются "не в ущерб сухопутным и морским операциям по отрыву от противника на Востоке". Союзники хотели 8 мая 1945 года объявить об окончании войны, на состоявшейся церемонии присутствовал наш представитель при их штабе генерал-майор И.

Суслопаров. Советское руководство настояло, чтобы Акт о капитуляции был подписан 9 мая в Берлине. В. Познер домыслил: "Суслопарова немедленно вызвали в Москву и... расстреляли" (Завтра. 26.06. 2001). По словам Штеменко, "Сталин лично по телефону сообщил Вышинскому (прибывшему в Берлин), что не имеет претензий к действиям Суслопарова". 7 июня 2001 года "Советская Россия" напечатала письмо Н. Лебедева, который в 60-е годы встречался с Суслопаровым, выступавшим в Новоуральске с лекциями от общества "Знание". Познер уличен как заурядный лжец.

Черчилль задумал "бросить Москве вызов, понуждая подчиниться диктату англосаксов или испытать тяготы еще одной войны" (В. Фалин). Он приказал срочно подготовить операцию "Немыслимое" - план войны против Советского Союза, которая должна была начаться 1 июля 1945 года: "В ней должны были принять участие американские, британские, канадские силы, польский экспедиционный корпус и 10-12 немецких дивизий". Черчилль старался вовлечь в "Немыслимое" Трумэна, ставшего президентом после кончины Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.). Трумэн не поддержал тогда эту идею, потому что ведущие американские военачальники вынуждены были посчитать необходимым продолжать сотрудничество с СССР до капитуляции Японии.

"Берлинская операция явилась реакцией на план "Немыслимое", подвиг наших солдат и офицеров при ее проведении был предупреждением Черчиллю и его единомышленникам. ...Штурм Берлина, водружение знамени Победы над рейхстагом были... не только символом или финальным аккордом войны. И меньше всего пропагандой. Для армии являлось делом принципа войти в логово врага и тем обозначить окончание самой трудной в российской истории войны".

Нашим войскам можно было окружить Берлин и ждать его капитуляции. Фалин пишет: "Так ли обязательно было водружать флаг на Рейхстаг? ...Тогда свою роль сыграли, по-видимому, соображения стратегического калибра. Западные державы, превращая Дрезден в груды развалин, пугали Москву потенциалом своей бомбардировочной авиации. Сталин наверняка хотел показать инициаторам "Немыслимого" огневую и ударную мощь советских вооруженных сил. С намеком, исход войны решается не в воздухе и на море, а на земле. **Невиданное по ожесточению и огневой мощи сражение за Берлин отрезвило многие лихие головы на Западе и тем самым выполнило свое политическое, психологическое и военное назначение**".

Глава 37. Поражение Японии

Советский Союз внес существенный вклад в разгром милитаристической Японии. В декабре 1941 года Рузвельт высказал пожелание нашему правительству о военном выступлении СССР против Японии. 17 июня 1942 года он снова призвал его начать совместные военные действия против нее, отметив, что "японское правительство, возможно, готовится к операциям против советского Приморья". Это соответствовало действительности, но провал плана "Барбаросса", наша победа под Москвой и Сталинградом охладил японецких политиков. В октябре 1943 года Сталин сказал государственному секретарю Хеллу о готовности помочь союзникам разбить Японию.

Об этой настоятельной необходимости союзники говорили в 1943 году в Тегеране, там Сталин заявил, что СССР может выступить против Японии через 6 месяцев после поражения Германии. В феврале 1945 года в Ялте он этот срок сократил до 3 месяцев. В июле 1945 года на Потсдамской конференции Трумен говорил, что "США ожидают помощи от СССР". Сталин ответил, что Советский Союз будет готов вступить в действие в середине августа.

Военный министр США Стимсон 2 июля 1945 года в записке Трумену так оценивал перспективу войны с Японией: "Начав вторжение, нам придется ...завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию". Считалось, что только американцы могут потерять 1 млн. солдат. Конец войны виделся американскому командованию в 1946 или даже в 1947 году.

Японские милитаристы выполняли задачу сковывания большого количества советских войск во время войны СССР с Германией. Немецкий посол Отт писал Риббентропу: "Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить силы с Германией". 15 мая 1942 г. Риббентроп, отметив эффективность японской политики сковывания советских войск на Дальнем Востоке, подчеркивал, что "Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения". В составе вооруженных сил Советской армии было 5493000 человек, из них 1568000 - свыше 28% - находились на Дальнем Востоке и у южных границ СССР.

В "Истории войн" говорится: "Японский фанатизм лишний раз доказывал, что без огромных потерь Японию, которую защищали 2 млн. стойких солдат, не завоевать и не покорить. Лидеры союзников ...стремились как можно быстрее вынудить Россию вступить в войну с Японией, надеясь этим приблизить конец войны и избежать дополнительных потерь и материальных ресурсов". Не получалось у них завершить войну без участия Советского Союза.

Однако в "Истории войн" сделан странный, ничем не аргументируемый вывод: "Но соглашения в Ялте и Потсдаме были неуместными и наивными", ибо "недельное участие" СССР "в войне никоим образом не приблизило ее конца" (С. 265). Представлять наивными таких выдающихся политиков, как Черчилль и Рузвельт, - это надо быть столь недалеким дилетантом, что дальше ехать некуда.

Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил войну Японии. После этого правителям Японии стало предельно ясно, что у них нет не только никакой возможности добиться перелома в войне, но и стало бессмыслицей даже простое ее затягивание. На заседании высшего военного совета 9 августа 1945 года премьер-министр Судзуки заявил: **"Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны"**. В послании императора верховного главнокомандующего Японии Хирохито "К солдатам и матросам" от 17 августа 1945 г. говорится: "Теперь, когда в войну против нас вступил Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи" (Советская Россия. 15.08.2006).

Как отметил А. Кошкин, у японского правительства были перед этим намерения "выторговать неучастие СССР в войне в обмен на добровольную уступку" Южного Сахалина и Курильских островов. Эти намерения остались только намерениями. Японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию от 26 июля 1945 г., призывавшую Японию капитулировать. Кошкин в книге "Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: Тень Цусимы длиной в век" (2004) отметил, что Сталин вступил в войну с Японией не только для того, чтобы вернуть нашей стране русские дальневосточные земли. Основным обоснованием было у Сталина выполнение союзнических обязательств и желание не допустить войска США к границам Советского Союза с Китаем и Кореей. Нынешняя напряженная обстановка заставляет нас не забывать о геополитике. Сейчас Япония настойчиво претендует на Курильские острова.

Советские войска под командованием маршала А. Василевского за 24 дня наголову разгромили японскую армию. Они потеряли в боях около 12000 человек, а японцы - 83700 убитыми, пленными - 594000 солдат и офицеров и 148 генералов. О выдающейся и очень знаменательной победе над японскими войсками повествует В. Карпов в романе "Гроза на востоке" (2006).

При завершении разгрома Квантунской армии были обнаружены недалеко от Харбина остатки лабораторий специального "Отряда 731" и "Отряда 100", которые занимались массовым

производством и средствами доставки бактерий чумы, холеры и других болезней. Имевшихся готовых к использованию бактерий "хватило бы, по словам одного из сотрудников "Отряда 731", для уничтожения всего человечества". "Авиабомбы, начиненные чумными блохами, намечалось сбросить в районах Читы, Хабаровска, Благовещенска и Уссурийска" (Правда. № 95. 2007).

2 сентября 1945 года был подписан акт о капитуляции Японии. В указе Президиума Верховного Совета СССР было объявлено: "В ознаменование победы над Японией установить, что 3 сентября является днем всенародного торжества - ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ над Японией". Напомнив об агрессивных действиях Японии в 1904, 1918, 1938 и 1939 годах, Сталин в обращении к народу говорил: "Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии".

В печати тысячи раз поднимался вопрос о том, почему США сбросили атомные бомбы на японское население Хиросимы и Нагасаки. Может быть, это заставило японцев срочно капитулировать? Но даже Черчилль заявил: "Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой". Американский генерал Макартур, возглавлявший войска союзников на Тихом океане, признал в 1960 г., что "не было никакой военной необходимости в применении атомной бомбы в 1945 г."

Это было сделано для того, чтобы запугать Советский Союз, заставить его вести политику, наиболее выгодную США и Англии. Английский ученый Блэкетт посчитал, что атомные бомбардировки были первыми залпами начинавшейся "холодной войны". Такую же мысль высказал А. Василевский: "Массовое уничтожение населения японских городов не диктовалось никакой военной необходимостью. Атомная бомба была для правящих кругов Соединенных Штатов не столько актом конца Второй мировой войны, сколько первым шагом в "холодной войне" против СССР".

Ценой невероятных усилий в труднейшей обстановке первых послевоенных лет советские люди под руководством Сталина добились, как казалось, невероятного военно-технического рывка, очень быстро ликвидировали атомную монополию США. В результате этого были сорваны крайне циничные планы американских агрессивных кругов уничтожить многие советские города атомными бомбами, а позже было заложено начало стратегического

паритета, который положил конец иллюзиям наших противников поставить на колени Советский Союз.

Глава 38. О втором фронте

Как помогали нам Англия и США во время Великой Отечественной войны? Сталин 18 июля 1941 года предложил Англии открыть второй фронт: "военное положение Советского Союза, как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если был бы создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию". Но Черчилль ответил: "Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести вам хотя бы самую малую пользу". 3 сентября 1941 г. правительство СССР опять поставило вопрос о необходимости создать второй фронт в 1941 году, который заставил бы немцев снять с восточного фронта 30-40 дивизий. Снова последовал категорический отказ. Советское руководство осенью 1941 г. предложило британскому правительству перебросить на советско-германский фронт несколько английских дивизий для совместной борьбы против общего врага. В этом нам было отказано.

Когда наш народ истекал кровью, когда для СССР было очень важно отвлечение какой-то части германских войск с нашего фронта, Черчилль 16 декабря 1941 г. рассуждал: "В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Мы еще не можем сказать, насколько велика эта катастрофа для германской армии и нацистского режима. Этот режим держался до сих пор благодаря своим успехам, достававшимся ему без труда, дешевой ценой. Теперь же вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы ему предстоит в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои, которые потребуют огромного количества вооружения и горючего. Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется играть какую-либо роль в этом деле, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку обещанных нами материалов" (У. Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 295).

Посол в Лондоне И. Майский сообщил советскому руководству, что Черчилль 18 декабря выдвинул ряд условий, выполнение которых позволит "нанести удар в Северной Франции, да и то не раньше 1943 г." (Новый мир. 1965. № 7. С. 185). "По существу Черчилль отвергал второй фронт в Северной Франции и только вуалировал свой замысел нагромождением предварительных условий".

Американский план предусматривал высадку осенью 1942 года на французском берегу Ла-Манша десанта силами 5-6 дивизий, но "только в двух случаях: если в Германии неожиданно обнаружится глубокий внутренний развал или если ситуация на советском фронте резко ухудшится" (С. 186). Американский президент Рузвельт и начальник генерального штаба Маршалл признали желательность операции "Оверлорд", но считали, что только весной 1943 года должно последовать англо-американское вторжение в Северную Францию силами 49 дивизий.

21 мая 1942 года в Лондон на самолете прибыл нарком иностранных дел В. Молотов. В разговоре с Черчиллем в течение почти недели он требовал скорейшего открытия второго фронта в 1942 году, чтобы этим было отвлечено с советского фронта по крайней мере 40 немецких дивизий. Черчилль доказывал невозможность это сделать, нет-де достаточного количества самолетов, десантных судов. Надо-де готовиться к вторжению в Германию в 1943 году.

Молотов отправился в Вашингтон, с 29 мая в течение 5 дней имел беседы с Рузвельтом, в результате было согласовано коммюнике. В нем была фраза: "При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в 1942 г."

На обратном пути Молотов еще раз остановился в Лондоне и продолжил переговоры с Черчиллем, который согласился ввести в англо-советское коммюнике фразу о втором фронте, содержащуюся в американско-советском коммюнике. На словах согласился, но при расставании Черчилль дал Молотову меморандум, в котором говорилось: "Мы делаем приготовления к высадке на континент в августе или в сентябре 1942 г.". Но отмечалось, что трудно "заранее сказать, окажется ли данная операция возможной, когда придет момент её осуществления. Поэтому мы не можем дать обещания в этом деле" (С. 187). Стало понятно, что в 1942 году второго фронта не будет.

12 июня Черчилль прибыл в Вашингтон, вручил Рузвельту меморандум, в котором говорилось, что британский кабинет высказывается против проведения операции "Оверлорд" в 1942 году. Он предложил изучить возможность операции "Факел" с целью завоевать французскую Северную Африку. Это, мол, "является лучшим способом облегчить положение на русском фронте в 1942 г."

Английский фельдмаршал Монтгомери писал в своих воспоминаниях: "Когда северо-американский проект был одобрен, все понимали, что его стоимость в объединенных ресурсах будет означать не только отказ от всяких операций в Западной Европе в 1942 г., но также невозможность закончить подготовку сил в Англии для крупной трансламаншеской атаки в 1943 г."

Возникают вопросы: "...как могли Рузвельт и Черчилль подписывать в июне коммюнике об открытии второго фронта в 1942 году, зная, что накануне, в апреле, они решили организовать второй фронт только в 1943 году? Как могли они заверять нас в открытии второго фронта в 1943 году, когда они начинали операцию "Факел" в 1942 г.?" Приведем верное суждение: "Переговоры о втором фронте служат прекрасной иллюстрацией того, как буржуазные государственные люди не на словах, а на деле понимали свои обязанности по отношению к советскому союзнику в войне против фашизма" (С. 191).

С середины июля 1942 г. немцы начали стремительное наступление на Сталинград. В Англии начали доказывать, что русские не могут устоять, "что, пожалуй, они могут начать переговоры с Германией о заключении сепаратного мира". Этого наши союзники, конечно, не хотели. Им было крайне необходимо, чтобы Советский Союз отвлекал на себя подавляющую часть сил вермахта.

23 июля 1942 года Сталин писал о Втором фронте: "Боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М. 1957. Т. 1. С. 54).

После этого письма встревоженный Черчилль обратился с просьбой к Сталину принять его 1 августа. Сталин официально пригласил его в удобное для него время "для совместного рассмотрения неотложных вопросов войны против Гитлера, угрозы со стороны которого в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы" (Переписка... Т. 1. С. 55).

В своих мемуарах Черчилль пишет: "Мы все были озабочены реакцией советского правительства на неприятное, хотя и неизбежное сообщение о том, что в 1942 году мы не сможем развернуть операции по ту сторону Ла-Манша". Англо-американцы опасались, что это может привести к сепаратному миру между СССР и Германией. В телеграмме британскому военному кабинету от 14 августа из Москвы он с удовлетворением отметил: "На протяжении всех переговоров не было ни одного, даже самого легкого намека на то, что они (СССР) могут прекратить войну". 13 августа Сталин вручил Черчиллю меморандум, где говорилось: "Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт...".

Как бы компенсировав отсутствие второго фронта, Англия и США помогали нам самолетами, танками, автомобилями. Англичане отправляли караваны судов с вооружением и стратегическими грузами в Мурманск. История с караваном РО-17 - один из крупнейших провалов военно-морских сил Великобритании в ходе второй мировой войны. 4-го июля 1942 года по приказу адмирала Далли Паунда английские крейсера и миноносцы перестали охранять торговые суда и ушли на запад, Этим воспользовались немецкие военно-морские силы и авиация, они разгромили караван, один за другим деловито уничтожая беззащитные торговые транспорты.

"Конвой "РО-17" - один из союзных конвоев во время 2-й мировой войны, понесший в июле 1943 г. самые крупные потери (23 из 35 транспортов). Главная причина - неоправданное решение английского адмиралтейства оставить транспорты в море без кораблей охранения. Факт разгрома каравана английские и американские правящие круги использовали в качестве предлога для прекращения отправки стратегических грузов в СССР в наиболее напряженный период Сталинградской битвы" (Военный энциклопедический словарь). В утонувших 23 кораблях остались на дне 335 автомобилей, 430 танков, 210 самолетов, 99316 тонн стального листа, боеприпасов, каучука. Из 188000 тонн военных грузов в советские порты прибыли только 65000 тонн. Погибли 153 человека.

"Победу на море в Берлине расценили как выигрыш крупного сражения на суше, эквивалентный разгрому сотысячной армии" (Наш современник 1984. № 7. С .131). Опираясь на этот факт разгрома торгового каравана, Черчилль написал: "Мы не считаем правильным рисковать нашим флотом метрополии к востоку от острова Медвежий или там, где он может подвергнуться нападению немецких самолетов, базирующихся на побережье".

Британское правительство, нарушая свои союзнические обязательства, заявило о нецелесообразности посылки в ближайшее время в СССР каравана РО. 23 июля Сталин ответил Черчиллю на его послание от 18 июля письмом, в котором, в частности, было сказано: "Приказ Английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорта и вернуться в Англию, транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без экспорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. ... я никак не мог предположить, что правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно тогда, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте...".

В. Пикуль написал "документальную трагедию" "Рекием каравану РО-17" (1979), где правдиво проследил судьбу кораблей, плывущих из Исландии в советские порты. Он воссоздал и подвиг советской подводной лодки "К - 21" под командованием капитана второго ранга Н. А.

Лунина, которая потопила германский эсминец и четырьмя пущенными минами (две из них попали в цель) серьезно повредила немецкий линкор "Тирпиц". Его поставили на ремонт, осенью 1944 года английские самолеты разбомбили его тяжелыми фугасными бомбами, и он перевернулся.

На север наше командование направило крупные воздушные силы для охраны караванов в Баренцево море. После протестов советского правительства вышел РО-18. 27 судов из 40 благополучно прибыли в советские порты. РО-19 вышел 22 декабря 1942 года из Исландии, из 30 судов не потерял ни одного судна и прибыл в советский порт. В 1941-1942 годы за 15 месяцев в СССР было направлено 283 транспорта (124 английских и 159 американских), из них благополучно прибыли в наши порты 219, погибло в пути 64 судна.

Положение Германии облегчалось тем, что правительства США и Англии отказались от своих обязательств открыть второй фронт и в 1943 году. Они саботировали начало боевых действий во Франции, считая выгодным для них то, что германские и советские войска подорвут свои силы в жестоких боях на восточном фронте. Летом 1943 года была прекращена отправка морских конвоев в наши северные порты. Черчилль объяснял это тем, что не хватало транспортных кораблей для обеспечения союзных войск на острове Сицилия.

А. Громыко писал в книге "Памятное...": "...и у нас в стране, и в США знали, что в самый тяжелый период Великой Отечественной войны - в ее первый год - США не поставили почти ничего, как бы ожидая, выстоит ли Советский Союз или нет. И только когда выяснили, что он выстоял - один на один - только тогда начали постепенно осуществлять кое-какие поставки". Закон о ленд-лизе конгресс США принял 11 марта 1941 года. Он предоставлял право президенту США передавать, давать займы военные материалы любой стране, если "её оборона против агрессии важна для обороны Соединенных Штатов".

С 11.03. 1942 г. по 1.08. 1945 г. поставки СССР по ленд-лизу оценивались в сумме 9800000 долларов. В книге Г. Куманева "Рядом со Сталиным" есть статья начальника Главного управления тыла Красной Армии в Отечественную войну А. Хрулева, в которой подробно написано о поставках США в Советский Союз в годы войны. Сталин в ноябре 1943 г. говорил: "Союзники регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьем, ...можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчают успехи нашей летней кампании". Разбить Германию нам помогли поставки США и Англии, составившие по артиллерии 2%, по танкам - 10%, самолетам - 12% от того количества, что выпустил СССР. Он получил 375000 грузовых автомашин, 446000 металлорежущих станков.

Не зная, видимо, этих фактов, Д. Гранин, укоряя наши средства массовой информации, считал, что надо шире оповещать "о том, чем и как нам по-настоящему помогли союзники": "Да, долго не открывали второго фронта. Но мы ели американскую тушенку, мы пользовались студебеккерами, мы летали на их самолетах и так далее. Почему мы об этом не пишем в истории войны?" (Литературная газета. 2004. № 46-47).

Пишем, давно обнародованы данные об их помощи. Но за свиную тушенку мы обильно платили своей кровью. Понятно, что тушенка не могла заменить открытие второго фронта. Цена за нее и за нашу кровь очень разная.

Если бы не победы Красной Армии, то немцы бы завоевали Англию, вряд ли устояли бы и США. Это хорошо понимали их правители, и потому их помощь СССР была фактически вынужденной и дозированной, такой, чтобы мы могли воевать, отвлекая наибольшую часть немецких войск с Запада, но им хотелось, чтобы мы несли как можно больше потерь, чтобы Советский Союз оказался в положении слабого государства.

Весной 1943 г. руководство Коминтерна объявило о самороспуске. Сталин сказал 28 мая этого года корреспонденту агентства Рейтер Кингу: "Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага - гитлеризма... разоблачает ложь гитлеровцев о том, что Москва якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и "большевизировать" их".

Глава 39. Почему мы победили

Самая кровопролитная за все время существования человечества война закончилась нашей блестящей победой, в мае 1945 года над поверженным Берлином торжественно взмыл советский флаг. Почему мы победили? Гитлеровское руководство создало для нападения на СССР самую сильную в то время армию, все ее звенья возглавляли хорошо подготовленные, имеющие немалый боевой - победный - опыт командиры. Г. Жуков отметил: "Немецкие войска вторглись в пределы нашей Родины с надеждой на легкую победу. Особенно воинственно были настроены молодые солдаты и офицеры, состоящие в фашистских организациях..." (Т. 2. С. 286). Далее: "Боеспособность немецких солдат, их воспитание и выучка во всех родах войск были высокими, но особенно хорошо были подготовлены к войне танковые и авиационные части". Немецкий солдат "был упорен, самоуверен и дисциплинирован".

Немецкое командование, казалось, все выверило, предусмотрело, чтобы победить: выбрало наиболее удобный момент для нападения, когда Красная Армия была в состоянии начавшей-

ся реорганизации и перевооружения, боевая выучка советских солдат и офицеров страдала немалыми изъянами, остро не хватало командиров, самолеты и танки - в своем большинстве - были старого типа. Оно тщательно изучило расположение наших воинских частей, аэродромов, складов, сумело ввести в заблуждение военно-политическое руководство СССР и добиться, чтобы военное нападение стало внезапным для советской армии.

Д. Гранин писал: "Объективно говоря, мы должны были проиграть немцам - по всем параметрам" (Литературная газета. № 46-47. 2004). В. Петушков поддержал эту мысль: "Выиграть войну Гитлер вполне мог, все ресурсы у него для этого были - и технические, и материальные, и в плане наличия выдающихся ученых и стратегов. Немецкая армия была оснащена на порядок лучше нашей и вела войну с информационной, разведывательной и прочих точек зрения на уровне не сороковых, а скорее шестидесятых годов, опережая остальной мир на добрых два десятка лет" (Литературная Россия. 29.04. 2005). Встает закономерный вопрос: почему же наши войска сокрушили такую великолепную армию, которая "была оснащена на порядок лучше", опережала всех "на добрых два десятка лет"?

На Западе многим представляется, что блестяще разработанный германским генштабом план "Барбаросса" был сорван неожиданными случайностями, затяжными дождями, скверными дорогами, очень суровой зимой. Ну и дилетант Гитлер со своим ефрейторским кругозором помешал опытным, мудрым немецким генералам победно, с высоко поднятой головой (не в качестве военнопленных) промаршировать по поверженной Москве. Сам же Гитлер обвинял в поражениях своих военачальников, которые погрязли в рутине и не сумели достойно реализовать его гениальные планы. Многих из них он беспощадно отстранял от командования войсками.

Полагая, что германскому поражению в войне "содействовали и необычные климатические условия", Якобсен считает: "Недооценка русских пространств, а особенно людских и материальных сил и резервов Советского Союза была одной из главных причин неудачи Гитлера" (Вторая мировая война: два взгляда. С. 34). **Большим положительным фактором было то, что наше руководство в 1939-1940 гг. сумело отодвинуть советскую границу на запад.** В. Молотов говорил: "Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать... и нам нужно иметь как можно больше территории" (Чуев. Ф. Сто сорок бесед с Молотовым). Военный исследователь А. Соколов посчитал, что "только огромные размеры страны, ее людские и материальные ресурсы, патриотизм народа позволили избежать полного краха" (Великая Отечественная... Т. 1. С. 165). Но следует признать, что эти сами по себе важные факторы не привели бы нас к торжеству победы.

Увидев причины наших первоначальных поражений в войне с Германией "в довоенном развитии советского общества", А. Соколов не сумел оценить дальновидности Сталина, который в 1931 году верно определил главную историческую задачу нашей страны: "Мы отстали от передовых стран на сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут". Выдающаяся заслуга советской власти состояла в том, что СССР в 30-е годы много сделал, чтобы существенно сократить это огромное отставание. **Без культурной революции, без коллективизации и индустриализации мы бы не победили.**

А. Фурсов считает, что коллективизация стала выходом из зашедшего в тупик мелкого землевладения, она осуществила "вариант крупного коллективного хозяйства, который в целом соответствовал традициям русского крестьянина", был реализован "при поддержке основной массы крестьян, но вопреки воле значительной (до 25%) и вовсе не худшей части самого крестьянства. Крестьянская проблема была решена большевистским режимом путём раскрестьянивания. Но так решался крестьянский вопрос в XIX-XX вв. во всём мире. Особенность раскрестьянивания в СССР не в его жестокости - здесь все рекорды бьют англосаксы, а в его сжатых сроках (5-7 лет) и в его проведении на антикапиталистической основе, т.е. в ориентации на интересы не кучки сельских и городских богачей, а основной массы сельского населения" (Завтра. 08.06. 2010).

"Британская энциклопедия" отметила: "В течение десятилетия СССР действительно был превращен из одного из самых отсталых государств в великую индустриальную державу: это был один из факторов, который обеспечил советскую победу во Второй мировой войне". Жуков хотел, чтобы молодое поколение поняло, "что темпы довоенного развития были одним из ярких свидетельств прогрессивности нашего строя", тогда были построены "заводы, производившие самолеты, авиационные двигатели, мощные артиллерийские системы, средства радиосвязи. ...С военной точки зрения исключительное значение имела линия партии на ускоренное развитие промышленности в восточных районах..." (Т. 1. С. С. 179, 248).

Важную роль в нашей победе сыграла великолепная управляемость и маневренность советской экономики: она "приобрела способность почти мгновенно развернуть военное производство". Л. Исаков верно подчеркнул: "Если мобилизация промышленности Великобритании потребовала 22 месяца, из них 9 месяцев без прямого воздействия неприятеля, если экономика США, не затронутая войной, мобилизовалась за 36 месяцев, то экономика СССР, при прямом воздействии войны, мобилизовалась за 3-4 месяца по основным производствам и за 7 - полностью" (Слово. 2002. № 2).

Великая Отечественная война для нас была чрезвычайным испытанием, которое в очень жесткой форме проверило жизнеспособность нашей общественной системы, идеологии и экономики. "Приверженцы капиталистического строя не могли понять, как нашему правительству удалось осуществить в столь крупных размерах демонтаж и перебазирование крупнейших экономических комплексов. В преимуществе социалистического строя, основанного на общественной народной собственности, и лежит ответ на загадку "русского чуда", над разрешением которой до сих пор бьются наши идеологические противники" (Г. Жуков).

С июля 1941 года по февраль 1942 года было эвакуировано на восток 2593 промышленных предприятия, и они на новом месте вскоре заработали. Можно ли было это сделать, если бы они находились в частной собственности? Не думаю, что сейчас найдется серьезный исследователь, который положительно ответит на этот вопрос. Во время войны было переброшено на восток более 20 млн. человек, проложено 10000 километров железнодорожных линий, 5000 километров автомобильных трасс, восстановлено 117000 километров железнодорожных дорог, 16000 мостов. Разве это не свидетельство очень высокого, непревзойдённого достижения организации транспорта и промышленности?

Военный исследователь Ю. Поляков сделал верный вывод: **"Советская государственная система выдержала суровую проверку, стала одним из источников силы СССР.** Нельзя сказать, что в других странах не было сильной власти. Но в СССР организованность и целеустремленность правительства оказалась намного выше" (Великая Отечественная... Т. 4. С. 19). Г. Бакланов признал: "Это чудо: в ходе войны заново создать в тылу промышленность, выковать оружие, которое превзошло немецкое оружие, превзойти врага стратегически" (Московские новости. № 25. 2001). С. Кара-Мурза: "В 1943 году промышленный потенциал СССР был в 4 раза меньше, чем тот, что работал на Германию", а он в это время уже перегнал ее и по количеству выпущенного оружия и по его качеству (Завтра. 25.07. 2000).

Тогда выпуск танковой брони для нас осуществляли советские, а не иностранные фирмы, как делается сейчас. Трудно сдержат негодование когда узнаешь, что в ближайшие годы не менее 30% военной техники в России будет поступать из стран НАТО и Израиля (См.: Советская Россия. 16.11. 2010). **Наши ученые, инженеры, рабочие совершили великий трудовой подвиг, которому нет равного во всей мировой истории.** Советская промышленность за годы войны, несмотря на потерю многих заводов, выпустила в 2,2 раза больше, чем германская, танков, в 1,25 раза самолетов, в 1,5 раза орудий, в 4,5 раза минометов. "Она произвела 119635 самолётов, а немцы произвели с помощью всей оккупированной Европы 80600 самолётов" (История Второй мировой войны... Т. 12. С. 168).

Тогда не только оставшиеся на заводах мужчины, подростки, но и миллионы женщин, проявив безмерное терпение и огромную душевную стойкость, самоотверженно работая, своим героическим трудом помогли разгромить врага. Ф. Абрамов с восхищением писал: "Ведь это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой еще в сорок первом году открыла второй фронт". Прискорбно то, что тему труда бездумно зачеркивают в нынешних учебниках по литературе.

М. Исаковский в стихотворении "Русской женщине" восклицал: "Да разве об этом расскажешь - // В какие ты годы жила!, // Какая безмерная тяжесть // На женские плечи легла!... // Весь фронт, что от моря до моря, // Кормила ты хлебом своим. // В холодные зимы, в метели, // У той у далекой черты // Солдат согрели шинели, // Что сшила заботливо ты. // Бросались в грохоте, в дыме // Советские воины в бой, // И рушились вражьи твердыни // От бомб, начиненных тобой".

Вспоминаю, как мои земляки из тверской деревни работали от зари до зари, как единодушно - без какого либо насилия и угроз - подписались зимой 1941-1942 г. на военный заем, хотя сами вели полуголодное существование. Жизни и труду наших людей в тылу посвящены романы А. Первенцева "Испытание" (1943), А. Караваевой "Огни" (1944), повесть Ф. Гладкова "Клятва" (1944), первая книга романа Ф. Панферова "Борьба за мир" (1943-1945). Они отразили патриотический подъем советских людей, обеспечивших снабжение фронта всем необходимым для победы.

Огромные трудности, которые стойчески преодолевали люди в тылу, талантливо изобразил В. Ажаев в романе "Далеко от Москвы" (1948). Основа повествования в нем - трудовой подвиг строителей дальневосточного нефтепровода. Ажаев изобразил единство фронта и тыла во время войны. Сюжет и построение романа зависят от хода этой стройки. Это верно лишь постольку, поскольку речь идет о внешней стороне сюжета. Внутренняя сторона его связана с судьбой коллектива. История создания, сплочения коллектива определяет его развитие. Ажаев показал, как прибывшие на стройку Батманов, Беридзе, Залкинд восстанавливают действенный коллектив, как он креп и превратился в мощную силу.

Удачно нарисован колоритный образ Батманова. Он, не умеющий хвалить, не скупящийся на суровые замечания, внимательный к мелочам, ни на минуту не упускает из виду государственный масштаб своей работы. У него суровая любовь к людям, любовь настоящая, но она скрыта за требовательностью, взыскательностью. Она заключена не в декларации, а прежде всего в той заботе, внимании, чуткости, которые он проявляет к строителям. Батманов - воле-

вой, властный руководитель, глубоко ощущающий свою ответственность за дела на стройке. Он привык и умеет командовать. И это оправдывалось условиями военного времени.

Э. Лаврова в пособии под редакцией Л. Кременцова пишет об этом романе: "...критики прекрасно понимали, что речь идет об ударном труде людей, оказавшихся так "далеко от Москвы" отнюдь не по своей воле. "Поэтизация созидательного труда" ...уводила автора, пережившего годы ГУЛАГа, от истинной правды жизни". О какой же правде говорится здесь? Почему к этому бесспорно талантливому роману она без каких-либо обоснований подходит с мерками художественно-документального произведения? Лаврова плохо понимает особенности художественной литературы. Когда выдвигали "Далеко от Москвы" на Сталинскую премию, Фадеев указал на то, что В. Ажаев сидел. "А Сталин сказал, но он же отсидел... Он же на свободе, а книга хорошая" (Завтра. 20.05. 2003).

В те годы святым смыслом наполнились для советских людей призывы: "Родина-мать зовет!", "Все - на защиту Родины!". О всенародном сопротивлении оккупантам свидетельствовало то, что к зиме 1941 года было собрано для воинов Красной армии 1750000 пар валенок, 500000 полушубков и свыше 4,5 млн. других теплых вещей. 4 миллиона человек вступили в народное ополчение, около двух миллионов потом стали воевать в составе Красной Армии. Много советских женщин добровольно пошли сражаться с врагом на фронт. Шестнадцатилетняя Маша Боровиченко по своему желанию пришла в 13-ю дивизию и погибла на Курской дуге, посмертно став Героем Советского Союза. О ней написал повесть "Машенька из Мышеловки" (1965) генерал А. Родимцев, герой сталинградских боев. Молодая девушка Мария Ивановна Лагунова отважно воевала механиком-водителем танка, в бою была тяжело ранена, осталась без ног, но до 1948 года служила в армии, потом работала контролером ОТК на фабрике, вышла замуж, родила двух сыновей. Сержант Мария Васильевна Октябрьская, потерявшая мужа в боях под Киевом, на свои сбережения купила танк и после военного обучения поехала на этом танке на фронт, отважно воевала на Витебском направлении, 15 марта 1944 года была смертельно ранена. Ей посмертно присвоили звание Героя СССР.

Анализируя причины нашей победы, надо учитывать силу идейных основ советского строя. Германский генерал Г. Фриснер в книге "Проигранные сражения" (1966) признал: "Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно, и, надо сказать, даже фанатично. Это было коренным отличием всей Красной армии и особенно относилось к молодым солдатам. Отнюдь не правы те, кто пишет, будто они выполняли свой долг только из страха перед подгоняющими их политическими комиссарами, которые в своем большинстве сами храбро сражались. Я собственными глазами видел, как молодые красноармейцы на поле боя, попав в

безвыходное положение, подрывали себя ручными гранатами. Это были действительно презирающие смерть солдаты... Самопожертвование советских солдат в бою не знало пределов".

Писатель Г. Газданов видел во Франции советских партизан, бежавших из плена и продолжавших сражаться с Германией. Он, воевавший в Гражданскую войну с красными, по-новому оценил Россию и те изменения, какие преобразили ее после революции: "И вот оказалось, что с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью Россия воспитала несколько поколений людей, которые были созданы для того, чтобы защитить и спасти свою родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, - вопрос о Восточном фронте очень скоро перестал бы существовать. Но эти люди были непобедимы" (Независимая газета. 12.05. 2000).

В успешном воспитании таких людей с высоким чувством патриотизма большая заслуга принадлежала нашим писателям. За это их порицают либерально настроенные авторы учебных пособий. В "Русской литературе XX века" Л. Кременцов пишет о советской литературе: "В новых произведениях воспевались гордыня ("Нам нет преград ни в море, ни на суше..."), самонадеянность ("Мы не можем ждать милостей от природы), похвальба ("Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек"), жестокость ("Если враг не сдается, его уничтожают")...". Последнее дело - оценивать содержательность литературы броской цитатой, выхваченной из общественного контекста. Кременцов не приемлет оптимизм советских произведений, выходит, нашим писателям, по его мнению, надо было не хвалить свою Родину, не воспитывать у читателей патриотизм, а чернить ее, чем и занимаются сейчас ультралибералы.

А. Фадеев призывал в годы войны: "Пусть все духовные и физические силы художников слова будут направлены к одному - воспитанию, неустанному воспитанию в каждом советском человеке страстного стремления к победе! Пусть в каждом сердце горит пламя победы!" Древний афоризм "Когда разговаривают пушки, музы молчат" был опровергнут в годы Великой Отечественной войны. Тогда советские писатели боролись с захватчиками и пером и винтовкой. 943 писателя были в Красной Армии, из них по литературной специальности - 280 человек. 300 писателей удостоились правительственных наград, погибли 225 человек.

Обличители пишут, что уровень мышления и руководства советских полководцев отличался "некомпетентностью, бюрократизмом". В. Астафьев посчитал, что советские полководцы "были очень плохие вояки, да и быть иными не могли, ибо находились и воевали в самой бездарной армии со времен сотворения рода человеческого". Если с этим согласиться, то нельзя

понять: как же они ухитрились разбить немецкую армию, сумевшую покорить почти всю Европу. Уже в начале войны в труднейшей обстановке многие наши командиры вели себя достойно, находили верные решения. Геббельс занес в дневник 26 июня 1941 г. мысль о том, что на юге Восточного фронта немецкие войска встретили "очень жестокое сопротивление, русские дерутся отчаянно и имеют хорошее командование" (Военно-исторический журнал. 1997. №4. С. 38). Гальдер написал в дневнике 11 июля 1941 г.: "Командование противника действует энергично и умело".

И. Конев писал: "У нас постепенно в ходе войны изживали себя начальники, считавшие, что чем больше можно нагнать пехоты, тем больше она сможет взять. Война отбросила тех, кто считал, что все решает число, и не понимал, что все решает огонь, что надо продвигать вперед огонь, а за ним по пятам пехоту. Конечно, число - важная вещь, но за числом всегда должно стоять и умение, как говорит старая истина, должно стоять искусство вождения войск, танков, пехоты, артиллерии. И этому мы тоже учились в ходе войны. Учились на тяжелых ошибках, просчетах, неудачах. Учились на первых дорогом давшихся успехах. Учились на первых победах, которые поначалу не всегда умели реализовать до конца" (Новый мир. 1965. № 7).

Этот вывод подтверждает высказывание генерал-фельдмаршала Пауля фон Клейста, командующего группой армий "А": "Русские показали себя как первоклассные воины... Их командование быстро извлекло уроки из своих поражений в начале войны и вскоре стало высококвалифицированным" (Роковые решения. С. 162). В ходе войны советские командиры приобрели необходимый фронтовой опыт, отточили свое тактическое и стратегическое мастерство и превзошли в профессиональном отношении немецких генералов.

Гитлер признал в декабре 1944 г.: "У русских действительно есть чему поучиться". 18 марта 1945 г. Геббельс писал в своем дневнике после прочтения книги с биографиями и фотографиями советских полководцев: "Маршалы и генералы в среднем очень молоды... За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего природного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Коротко говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге Генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился".

Наших военачальников упрекают в том, что они "заботы о солдатских жизнях производили лишь на уровне деклараций", побеждали ценой огромных потерь. В первые годы войны у нас потери были намного больше, чем у немцев. Но потом картина стала иной. **Одними трупами победы не завоеешь, она стала приходиться к нам лишь тогда, когда советские войска превосходили врага не столько в численности солдат и оружия, сколько в умении воевать.**

Этот вывод подкрепляют доказательные факты. К. Симонов отметил в "Разных днях войны": в 1940 г. во время финской войны на прорыв линии Маннергейма и взятие Выборга "понадобилось три месяца боев с тяжелейшими жертвами, а теперь всего одиннадцать суток со сравнительно небольшими потерями с нашей стороны". 5-я гвардейская дивизия в боях за Ельню с 8 августа по 6 сентября 1941 года "уничтожила около 750 солдат и офицеров противника, ...сама потеряла в этих боях 4200 человек убитыми и ранеными. Летом при разгроме немецкой группы армий "Центр" дивизия захватывает в плен 9320 немецких солдат и офицеров, сама за весь этот период боев потеряв 1500 человек. При штурме Кенигсберга дивизия захватила в плен 15100 немецких солдат и офицеров, сама потеряв во время штурма 186 человек убитыми и 571 человека ранеными". Наступая на город-крепость Кенигсберг, наши войска потеряли 4 тысячи, а немцы в десять раз больше.

Как можно расценить после этого упреки в адрес "Сталина и его советников" за то, что они "предпочитали малоэффективные лобовые удары против таких городов-крепостей, как Будапешт, Бреслау, Кенигсберг"? Иным стал и уровень технического оснащения нашей армии, и военный опыт и воинское мастерство солдат и командиров. Даже недобрый критик советского строя Мерцалов, ранее активный обличитель буржуазных фальсификаторов, признал: "К концу войны благодаря титаническим усилиям всей страны Красная Армия превзошла противника в профессиональном отношении" (Коммунист. 1990. № 6. С. 62).

Б. Соколов в книге "Неизвестный Жуков..." писал, что победа над Германией была достигнута "за счет огромного численного превосходства в людях и технике". По Типпельскирху, к началу 1945 г. германский генштаб оценивал превосходство Советской армии "по пехоте в 11 раз, по танкам в 7 раз и по артиллерии в 20 раз". В действительности разрыв в силе между немецкими и нашими войсками был не столь велик, как померещилось от страха нещадно битым гитлеровским генералам.

"Учитывая лишь войска, находящиеся на фронте, Советские вооруженные силы к началу января превосходили противостоящего противника по количеству личного состава в 2,1 раза, по орудиям и минометам - в 3,7, по танкам и самоходно-артиллерийским установкам втрое и по боевым самолетам - в 7,3 раза" (История второй мировой войны. Т. 5. С. 28). Затем немцы пере-

бросили на Восточный фронт 11 дивизий, из них 4 танковые. В то время в их войсках там было 3700000 человек, 56200 орудий и минометов, 8100 танков и штурмовых орудий, 4100 самолетов", а в нашей действующей армии насчитывалось "6700000 человек, 107300 орудий и минометов, 12100 танков и самоходно-артиллерийских установок, 14700 боевых самолетов" (Т. 10. С.С. 37,38).

Отмечая истоки "германской неудачи" в войне против СССР, Якобсен подчеркнул: "Советы провозгласили свою борьбу "Великой Отечественной войной" и тем самым пробудили в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою родину" (С. 34). Генерал Клейст высказал Гарту свое мнение о роковом просчете немцев в оценке русских, который разделяло большинство людей на Западе: "Надежды на победу в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера". Гитлер говорил Йодлю, что "нужно только ударить ногой в дверь, как вся прогнившая структура с треском развалится". Однако все его тщательно подготовленные удары по "прогнившей структуре" СССР не имели успеха, закончились очевидным провалом и крахом гитлеровского режима.

В 1941 году Сталин говорил на приеме в честь выпускников военных академий: "Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства - в этом величайшая моральная сила армии". Мы победили потому, что в СССР заботились о ее авторитете, служить в ней было почетно, тогда у нас не было иностранных агентов влияния, которые издеваются над патриотическими традициями, разлагают молодежь, внедряют антиармейские настроения.

В СССР не было "пятой колонны". Средства массовой информации служили не чужеземным интересам, а своему народу. Шесть лет назад на встрече с руководителями ведущих российских средств информации главный редактор одного из журналов заявил: "Если бы такая пресса была в 41-м, мы бы войну не выиграли!". Имелась в виду либеральная пресса. Современные СМИ, постоянно бросающие негативные оценки в адрес советской власти и коммунистов, многое сделали, чтобы кощунственно извратить суть военных событий, оболгать партию и нашу армию.

В борьбе с захватчиками советский народ опирался на героические традиции нашей Родины, сформировавшиеся в течение многих столетий в процессе собирания сил Руси, в борьбе за национальную независимость. Когда смертельная угроза нависала над народами СССР, тогда уходило в сторону эгоистическое, отбрасывались счёты к людям другой национальности, тогда

сама трагическая атмосфера жизни заставляла вспомнить - с благоговением и надеждой - о русском народе и его истории. Слова надежды, связанные с выдающейся ролью России в войне, появились в статьях публицистов до выступлений Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., где он говорил о "великой русской нации" и вспомнил о мужественном образе "наших великих предков".

В рабочем кабинете Сталина в Кремле во время войны появились, кроме портретов Маркса, Энгельса, Ленина, портреты Суворова и Кутузова. В. Кулиш, осуждавший наше правительство за августовский пакт 1939 г., рассуждал о романе В. Гроссмана "Жизнь и судьба": "Вслушиваемся в разговоры защитников дома "шесть дробь один". Нет, не образы великих предков, о которых напомнил Сталин 6 ноября 1941 года, вдохновляли их" (Литературная газета. 24.08.1988). Но если в романе не показаны важные черты нашего поведения во время войны, то это значит, что по нему нельзя верно судить об истинности мыслей и чувств русских людей того времени.

Летом 1943 года, преследуя врага, мы проходили через смоленскую деревню, оставшуюся не сожженной. Седой дед хрипловатым голосом благодарил нас за освобождение и со слезами на глазах кричал нам: "Говорил я бабам: "Придут наши сынки. Наполеон пришел в Москву, попил чаю, а потом едва ноги унес". Простые сельские жители черпали оптимизм тогда в русской истории, а Кулиш осуждал обращение к памяти о наших выдающихся предках. Он заметил, что в "Жизни и судьбе" опущен основной призыв речи Сталина: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!"

Для Кулиша русские полководцы - мифы и сусальные образы, он осудил обращение Сталина к национальным традициям: "Нельзя исключить, что утверждение русских военных традиций на примерах великих полководцев более доходчиво для масс народа. Однако это не меняет того, что такой постановкой вопроса принижались и изымались революционные, интернациональные традиции, сложившиеся в борьбе за социализм, прогресс и национальную независимость" (Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 76).

Значит: пусть угрожает смертельная угроза нашему государству и народу, но все равно нельзя в борьбе с врагом опираться на героические подвиги русских людей. Такой позицию занял В. Астафьев, который негативно оценивал великого полководца А. Суворова, писал, что "реабилитация Суворова, Кутузова, Ушакова и Нахимова не вдохновляла" солдат.

Ст. Куняев писал о книге И. Глазунова "Россия распятая": "Главная историческая фигура, вызывающая у Глазунова судорожные приступы ненависти, - конечно же, Сталин". Глазунов собрал о нем "в своей книге все слухи, всю ложь, все сплетни прошлых времён" (Дл.20.04.2005).

Н. Иванова в книге "Невеста Букера..." (2005) задалась нелепым вопросом: "почему именно Сталина так любит художник Илья Глазунов и вообще весь клан русских националистов?" (Как следует после этого оценивать её нравственную и научную состоятельность?). Её ответ: "Полагаю, что это связано с национальными особенностями русского коммунизма, в котором патриархальное сознание соединилось с националистическим, а не только с утопическим. И исключило интернационализм, главную идейную опору международного коммунистического движения" (С. 252). Но этот интернационализм без патриотизма неминуемо превращается в космополитизм.

Г. Попов предвзято заключил, что "первый шаг к выходу России из СССР был сделан шестьдесят лет назад, когда в дни битвы за Москву вместо идей и лозунгов интернационального социализма была поднята идеология спасения русского народа, русской нации". Не провозглашалась такая идеология. Достаточно посмотреть прессу того времени, чтобы вполне убедиться в том, что наша пропаганда вела речь тогда о спасении всех народов СССР. Сталин писал: "В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза".

Идеи социализма, интернационализма, равенства и дружбы народов, социальной справедливости, объединив народы СССР, сыграли огромную роль в нашей победе. Тяжелый ход Великой Отечественной войны показал, что настойчивые попытки гитлеровцев посеять вражду между ними потерпели крах. Знаменитый дом Павлова в Сталинграде 58 дней обороняли 11 русских, 6 украинцев, татарин, грузин, узбек, еврей, таджик. За проявленные мужество и доблесть в боях за Родину звания Героя Советского Союза во время войны были удостоены 8166 русских, 2069 украинцев, 309 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 18 туркмен, 15 литовцев, 14 таджиков, 13 латышей, 12 киргизов, 9 эстонцев и представители других национальностей.

Глава 40. Уходили в поход партизаны

Гитлер в "Майн кампф" обнародовал свое кредо: "Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы - русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов". Его близкий сподвижник Борман писал: "Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать. ...Размножение славян нежелательно... Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста".

Немецко-фашистские захватчики разрушили или сожгли 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, уничтожили 31850 промышленных предприятий, 6 миллионов зданий. Лишились крова около 25 миллионов человек. Диссиденты заявляли, что зверства немцев, сжигавших наши деревни, провоцировались партизанами. Но еще до войны, в марте 1941 года, были напечатаны листовки: "Военно-полевой комендант извещает, что в районе деревни Н совершен акт саботажа против германской армии: перерезан телефонный кабель. В знак наказания саботажников жители деревни расстреляны, а деревня сожжена" (Правда. 12.07. 2001).

В материалах Нюрнбергского процесса отмечен показательный факт: "...первая карательная экспедиция немцев была проведена в Старобинском районе в июле 1941 года - уничтожили около 10 тысяч мирных жителей. Там не было еще ни одного партизанского отряда". Американский обвинитель Джексон задал в Нюрнберге вопрос командующему войсками по борьбе с партизанами бригаденфюреру СС Бах-Залевскому: "На каком основании уничтожали людей, что было поводом?" Эсесовский генерал ответил: "При чем здесь повод. У нас было задание уничтожить минимум 30 миллионов славян. Мы не искали никакого повода, мы выполняли плановую работу".

Партизанское движение начиналось сразу после прихода немецких оккупантов в ту или иную советскую местность. Оно усиливалось, когда наши люди конкретно сталкивались с чудовищными злодеяниями германских солдат. С. Ковпак в своей книге "От Путивля до Карпат" писал, что "в результате фашистских зверств мирные советские люди стали страшными народными мстителями".

О кровавых деяниях немцев писала красноармейцу Короткову, воевавшему под Ржевом, его сестра: "Дорогой мой брат, Петруша! Пишет тебе письмо твоя сестра Фекла. Не узнаешь ты теперь меня, стала я седая и старая. Такого я насмотрелась, что не знаю, как в живых осталась. Как пришли к нам в деревню немцы, то первым долгом согнали всех, и старых и малых, на площадь к колхозному клубу. Привели тятеньку, всего уже избитого, не похожего на себя, привязали его за руки и за ноги толстыми веревками к танкам и на глазах у всех разорвали на части. Тятенька, пока живой был, не поддавался им, кричал, что все равно мы победим. Потом немцы загнали учителей, бригадиров, партийцев и комсомольцев в клуб и подожгли его, а чтобы горел скорее, облили стены бензином. Был там и наш младший братик Юра. Когда клуб загорелся и стала рушиться крыша, я видела два раза Юру, Он, видимо, норовил выпрыгнуть в окно, да выпрыгнуть было нельзя. Кругом стояли немцы и палили из автоматов куда ни попадя. Так и погиб наш Юра в огне. А когда дом стал догорать, немцы кинулись на народ: кололи, стреляли всех, кто попадал под руку. Я побежала с Леной к Колчиным в огород. Перескочила

через изгородь, бегу, а Лена отстала. Я оглянулась, а она висит на изгороди мертвая, Я было бросилась назад, к ней. Но немцы начали стрелять. Я упала между грядок и лежала до вечера, притворяясь, что я убитая. В потемках перелезла в погреб к Колчиным и жила там три дня в холоде, без хлеба, без воды. Вылезла из погреба, смотрю - ни немцев, ни людей, ни села - ничего нет. Братец наш, Петруша, отомсти ты им, немцам, за тятю и Юру, за Лену, за мои седые волосы..." (Тверская жизнь. 05.05. 2009).

В. Быков в повести "Знак беды" изобразил, как после ряда горьких унижений белорусский крестьянин Петрок, который до этого пытался как-то поладить с немцами и теми, кто помогал им, с внезапной решимостью закричал на них: "Чего вы ко мне цепляетесь? Гады вы, немецкие прихвостни... Стреляйте, черт вас бери!" И его жена Степанида после гибели мужа вступает в непримиримую борьбу с ними. Она приобретает бомбу, чтобы "приблизить тот час, когда на большаке грохнет. Когда разлетится на щепки этот проклятый мост", нужный немецким войскам. Когда полицаи пришли к её дому и предлагают ей: "Покажите только, где бомба. Вас мы не тронем", она "дрожащими руками выкатила тяжелую бутылку с керосином. Степанида вытащила из горловины затычку и плеснула на дверь, потом на стены, и в угол. достала спички, чиркнула спичкой по коробку. Теперь ее ничто не пугало. Она чувствовала, что скоро сгорит или раньше задохнется от дыма. ...теперь ей это было безразлично. Все свое она сделала, каких-либо надежд на спасение у нее не осталось".

18 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) постановил: "...создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, сорвать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов".

Непосредственное стратегическое руководство народной борьбой в тылу немецких войск осуществлял Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке, созданный 30 мая 1942 г. Возглавлял его 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко. В секретном приказе Наркома обороны СССР И.В. Сталина от 5 сентября 1942 г. "О задачах партизанского движения" содержались указания по тактике партизанской борьбы, требования усиления политической работы среди населения оккупированной врагом советской территории. В приказе подчеркивалось возросшее значение партизанской борьбы: "Теперь же, когда Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства, на-

родное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом".

24 февраля 1942 г. в докладе начальнику генштаба вермахта генерал-полковнику Ф. Гальдеру командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Г. Клюге, сменивший снятого с должности Гитлером фон Бока за поражение под Москвой, писал: "Если до сих пор партизаны ограничивались действиями против тыловых коммуникаций и нападением на отдельные машины и казармы, то в настоящее время всё яснее становится тенденция к созданию сплоченных соединений, которые под энергичным командованием русских офицеров, хорошо вооруженные и организованные, пытаются поставить под контроль определенные области и проводить оттуда операции более крупного значения. В связи с этим инициатива во многих местах переходит к противнику, и там, где он чувствует себя достаточно сильным, контролирует большие области, ликвидировав в них германскую администрацию и препятствуя их хозяйственному использованию" (Великая Отечественная война... Т. 2. С. 128-129).

В 1943 году германское командование использовало для борьбы с партизанами около 25 дивизий. Генерал Вестфаль писал: "Глубоко в нашем тылу, в огромных лесных и болотистых районах, начали действовать первые партизанские отряды. У нас не было достаточных сил и средств для борьбы с ними. Они нападали на транспортные колонны и поезда с предметами снабжения, заставляя наши войска на фронте терпеть большие лишения".

К зиме 1942 года, по данным штаба партизанского движения, в тылу противника действовали: в Карело-Финской ССР - 5129 партизан, в Белоруссии - 43556 партизан, на Украине - 27736, в Смоленской области - 20453, в Орловской - 17738, на Северном Кавказе - 4000. К ноябрю 1942 г. общая численность партизан возросла до 94484 человек, в январе 1943 г. она достигла свыше 100000 человек, а еще через год - 200000.

И. Докучаев и Ю. Пищиков привели иные цифры: "Во время войны в тылу врага было создано свыше 6000 партизанских отрядов, в них сражались около 1 млн. партизан. ...Партизаны уничтожили, ранили и захватили в плен свыше 1 млн. фашистов и их пособников, вывели из строя более 4000 танков и бронемашин, 65000 автомашин, 1100 самолётов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос не менее 20000 железнодорожных эшелонов" (Дуэль. 2010. № 29). Партизаны подрывали железнодорожные пути и эшелоны, уничтожали и выводили из строя мосты, что нарушало движение на железных и шоссейных дорогах.

В операции "Концерт", проведенной с 19 сентября по конец октября 1943 г. на оккупированной территории РСФСР, БССР и части УССР участвовали 193 партизанских формирования

(свыше 120 тыс. человек) Белоруссии, Прибалтики, Карелии, Крыма, Ленинградской и Калининской областей. Протяжённость операции по фронту составила около 900 км (исключая Карелию и Крым) и в глубину - свыше 400 км. Операция была тесно связана с битвой за Днепр и предстоящим наступлением советских войск на Смоленском и Гомельском направлениях. В ходе операции подорвано 148557 рельсов. Только белорусские партизаны пустили под откос 1041 эшелон, взорвали 72 железнодорожных моста, пропускная способность железных дорог снизилась на 35-40% .

Партизаны Калининской области за три года (с июля 1941 г. по 23 июля 1944 г.) пустили под откос 751 воинский эшелон с живой силой и техникой врага, 15 бронепоездов, подорвали 183 железнодорожных и 1123 шоссейных моста, вывели из строя около 40 тыс. железнодорожных рельсов, ликвидировали 118 складов, разбили 86 гарнизонов противника, уничтожили 3048 автомашин, 15 бронемашин, 88 танков, 16 самолетов, убили, ранили и взяли в плен более 100 тыс. вражеских солдат и офицеров.

Большие трудности у многих партизан возникали с вооружением и боеприпасами, с обеспечением питанием. Оружие отыскивалось на поле боя, снабжалось отобранным у противника, переправлялось при помощи самолетов из тыла страны. Партизанские формирования получили 59960 винтовок и карабинов, 34320 автоматов, 4210 ручных пулемётов, 2556 противотанковых ружей, 2184 миномёта, 539570 гранат. За годы войны было отправлено в тыл врага более 30000 подрывников, разведчиков, снайперов, специалистов связи, медицинских работников.

Население помогало партизанам продовольствием. Профессор, генерал-майор в отставке Е. С. Сиротинин в своей книге "Партизанское движение на Калининской земле в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 - июль 1944 г.)" (2010) констатировал, что местное население "было весьма надежным источником снабжения партизан": "Как правило, партизанский отряд в зависимости от своей численности закреплялся за одним из нескольких населенных пунктов, жители которых считали его своим. Устанавливались определенные нормы выделения продуктов с крестьянского двора с учетом состава и материального положения семьи, собранного урожая. При этом партизаны стремились обеспечить защиту от оккупантов проведения посевных и уборочных работ населения и сами активно участвовали в этих работах" (С. 28).

Но случалось, что "проблема продовольственного обеспечения оставалась не просто острой, а иногда и чрезвычайно острой...". 18 октября 1942 года командующий партизанским движением Крыма полковник Лобов доносил Военному совету Черноморской группы войск Закавказского фронта: "Партизанские отряды Крыма в ноябре 1941 г. насчитывали примерно 3200 чел., большинство отрядов состояло из бойцов и комсостава Красной Армии и Флота, а некото-

рые отряды были целиком военные". Он сообщил об обеспеченности партизан продовольствием: "В 3-м районе (командир Северский и комиссар Никаноров) дело дошло до катастрофы, там голодной смертью умерло 362 чел. И в одиннадцати случаях были факты людоедства" (Литературная Россия. 24.06. 1994).

Партизанская борьба не могла быть эффективной без поддержки народа. Эта поддержка была, она вызывала ярость у германских оккупантов. Имперский министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг, бывший подданный Российской империи, в одном из своих выступлений жаловался: "В результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий" и что "...позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено".

В. Быков в 1982 году размышлял: "Отечественная война для Белоруссии поистине явилась войной всенародной, с ее первого дня и до самой победы фронт борьбы с гитлеровцами проходил по каждой околице, по каждому подворью, по сердцам и душам людей. ...не было на белорусской земле самой малой деревеньки, которая бы не послала в лес хотя бы несколько своих партизан, чтобы затем содержать их, давать им прибежище в холодное время, помогать разведкой. ...Наш народ органически не мог вынести чужестранного господства на своей земле, немецкий фашизм не мог согласиться с малейшим неподчинением оккупированных народов. Итогом была смертельная схватка двух политических и социальных систем, двух идеологий".

Весной 1942 года один из подчиненных Розенберга доносил своему шефу: "Сегодня партизанская война охватывает всю Белоруссию, почти все леса заполнены партизанами, некоторые части районов находятся в их власти. Нападению подвергаются целые города. Нападают на немецкие военные отряды и на гражданские управления, проводят митинги среди гражданского населения. Партизанская война грозит превратиться в тыловой фронт немецкой армии".

А. Адамович в дилогии "Партизаны" правдиво изобразил кошмарную атмосферу в период немецкой оккупации и партизанскую борьбу в Белоруссии. В повести "Каратели" он показал трагедию белорусского поселка Борки, где за один день было уничтожено почти две тысячи ни в чем не повинных людей. "Символ безмерных испытаний белорусов - Хатынь, представляющая 136 белорусских деревень, уничтоженных в годы войны вместе с их жителями. Кровавая трагедия этого лесного поселка в 26 дворов произошла 22 марта 1943 года, когда отряд немецких карателей внезапно окружил деревню. Фашисты согнали хатынцев в сарай и подожгли его, а тех, кто пытался спастись от огня, расстреляли из пулеметов. 149 человек, из них 76 детей, навечно остались в этой адской могиле" (В. Быков).

В. Ганичев сделал обоснованный вывод: "Белорусская Хатынь - всем нам напоминание о жертвах, в России такого - нет, а между тем, в одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь 19! Бухенвальдов" (Российский писатель. № 7-9. 2010).

В захваченной территории оккупанты стремились использовать для борьбы с партизанами недовольных советской властью людей, тех, кто был репрессирован, чем-то обижен ею, в частности, в результате политики раскулачивания. В повести "Знак беды" В. Быкова выведен белорусский крестьянин Гуж, который в коллективизацию удрал от раскулачивания, а после прихода немцев в село "появился с винтовкой, чтобы пить водку да мстить людям" за прошлое. Он говорил: "Мне надо рассчитаться с некоторыми. С колхозничками! За то, что роскошествовали, когда мой батька на Соловках доходил!" Став полицаем, Гуж "вместе с немецкой командой уничтожил евреев, разграбил их имущество". Колонденок, ненавидимый всей деревней, в начале войны по мобилизации ушел в армию, "месяц спустя вернулся, говорили, что немцы отпустили его из лагеря. ...надел на рукав полицейскую повязку, считался лишь с немцами и своим начальником, старшим полицейским Гужом".

Были и такие, которые по малодушию посчитали, что Германия уже окончательно победила и надо как-то устраивать свою жизнь при "новом порядке". Во фронтовых записях А. Шевченко "Годы гнева" (1964) безымянный старик рассказывает о предателях, повешенных за свои злодеяния: "А два других могли бы и не висеть. Подлецами они сделались уже при немцах. Советская власть, думали, уже не вернется, приспособливались, сперва немного пакостили, а потом распоясались. Иначе быть не могло. Пошли на службу врагу - сами врагами стали".

Немцы в ряде захваченных мест проводили насильственную мобилизацию в отряды для борьбы с партизанами. Они использовали для такой мобилизации экономические посулы, репрессивные угрозы. В Калининской области действовали 9 антисоветских отрядов, укомплектованных изменниками Родины. Они жгли деревни, убивали коммунистов, отправляли молодежь в Германию. Они нагоняли страх на оккупированное население, внушали людям, что никогда советская власть уже не вернется.

Были предатели, называвшие себя "партизанами", которые занимались грабежами, поборами, истреблением населения. Они своим мародерством и гнусными издевательствами над людьми дискредитировали партизанское движение.

31 августа 1942 г. руководители партизанских отрядов были приняты Верховным Главнокомандующим. Об этом поведал А. Н. Сабуров в книге "Силы неисчислимы". На вопрос Сталина о силах немцев Ковпак ответил: "Немцев в наших краях (в северной части Украины - А.О.)

не так уж много. На охрану коммуникаций, городов районных центров и отдельных объектов гитлеровцы чаще всего ставят своих сателлитов и полицию из местных предателей..." Сталин спросил: "А правда ли, что на Украине идет массовое формирование казачьих полков? Геббельсовская пропаганда подняла такой шум по этому поводу". Ковпак сказал: "Действительно, Гитлер хотел иметь такие казачьи полки. Но никто не идет в них. Все, кто способен держать оружие, уходят в леса, несмотря на террор и репрессии. Гитлер провалился с этими формированиями, не помогли и такие матерые националистические вожаки, как Мельник и Бандера". Сабуров дополнил: "Подтверждаю, что ни с какими фактами массового формирования немцами казачьих полков мы никогда не сталкивались. Правда, в прошлом месяце столкнулись с так называемыми казаками. Во время боя к нам сразу же перебежало более сорока из них. И тут выяснилось, что в этом одном-единственном полку, который укомплектован гитлеровцам, были люди более десяти национальностей, но всем им под страхом смерти приказано было называть себя украинцами".

В художественно-документальной повести участника Великой Отечественной войны И. Скаринкина "Помнить запрещено" воскрешается одна из страниц партизанского движения в Белоруссии, трагическая судьба талантливого советского командира Владимира Гиля, попавшего в немецкий плен после тяжелого ранения. Гиль, окончивший академию имени Фрунзе, был начальником штаба 229-й дивизии, его бабушка - обрусевшая немка, он знал немецкий язык. Его взял на заметку В. Шелленберг, один из руководителей Главного управления имперской безопасности. Гиль изменил присяге, Родине, учился в гестаповской спецшколе, стал офицером в форме СС. Но у него тлел план создать настоящую воинскую часть, которую можно было бы использовать для того, чтобы найти путь к соединению с Родиной.

Гиля вывезли на встречу к генералу Власову и предложили стать у того помощником командующего Русской освободительной армии. Гиль отказался сотрудничать с ним. Из повести вытекает, что это было в конце 1941 г. или в начале 1942 г. Но тут вышла неувязка: Власов сдался в плен 11 июля 1942 года.

Весной 1942 г. эсэсовцы в Сувалках стали формировать 1-й русский вооруженный отряд СС "Дружина", Гиль согласился её возглавить. В этой дружине насчитывалось полтысячи бывших советских военнопленных и больше сотни немцев-эсэсовцев. Основная обязанность этой вооруженной воинской части - охрана железной дороги на участке Быхов - Тошица. В. Гиль, получивший вторую фамилию Родионов, имел большие полномочия, мог наказывать любого из подчиненных, даже если речь шла о немцах.

Если искать причины его измены, то надо учитывать, что поначалу, возможно, были у него идейные завихрения, "в свое время он поддался дурману". Он сражался за Германию, против партизан, против Советского Союза. "По существу он, конечно, служит немцам, своим врагам. Сколько он об этом передумал, вроде не против был все переиграть. На машинах они, как каратели, мотаются по району... Но ведь они прибыли сюда только для охраны железной дороги и мостов. Хотя их иногда бросают против партизан, против мирных жителей, требуют прочесать тот или иной населенный пункт, а то и сжечь его...".

Начальник штаба охранного батальона Еремеев со своим командиром полковником Рубанским убежали из бригады к партизанам, их отправили на Большую землю. Еремеев 19 августа 1943 года на вопрос: "...что вам известно о Гиль-Родионове", ответил: "Он был для нас человеком, которому можно было верить. И на которого можно было надеяться, что он придумает способ всем нам вернуться в ряды Красной Армии. ...У него в части было много офицеров высокой квалификации. Он сам их подбирал в лагерях, и создал специальную роту из таких офицеров. ...Вся эта рота и некоторые офицеры из других рот вдруг ушли к партизанам". И далее: "Он дал согласие "делать" из него вождя русского национального движения, чтобы спастись самому и спасти военнопленных".

Из повести вытекает, что свою роль в начале его открытой борьбы с немецкими оккупантами сыграли победы наших войск. После разгрома немцев на Курской дуге бригада СС "Дружина" перешла на сторону партизан, и 16 августа 1943 г. превратилась в "1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду", она отважно сражалась с фашистами. В. Гиль-Родионов, получивший за боевые заслуги орден Красной Звезды и звание полковника, погиб в бою. В конце повести подчеркнуто, что Гиль - патриот, человек большой души. Жизнь его не одноцветная, последний героический этап её многое снимает из того несомненно позорного, что было у него в конце 1941-го и до середины 1943 г.

Правдивые документально-художественные произведения И. Козлова "В крымском подполье" (1947), А. Федорова "Подпольный обком действует" (1947), С. Ковпака "От Путивля до Карпат" (1946), Д. Медведева "Это было под Ровно" (1948) о борьбе в тылу врага написаны непосредственными участниками войны.

В книге "Люди с чистой совестью" (1946) П. Вершигора, мудрый, честный, много выдавший человек, нашел верные, точные интонации. Здесь нет полутонов, вся ясно, определенно, публицистика - неотъемлемая часть стилевой манеры произведения. В книге выведен обаятельный образ комиссара Руднева, "совесть отряда". Военная выправка, подтянутость, требовательность к себе и подчиненным сочетались у него с задушевностью и хорошим знанием солдат-

ской души. Это прирожденный агитатор и воспитатель. Каждое простое, обыкновенное слово было проникнуто у него страстностью и целеустремленностью. Руднев был убежден, что справедливая война "закаляет характер, соскабливает грязь себялюбия, обмана и угодничества, вырабатывает волю, учит ценить жизнь". Эти постулаты не опровергает случай, который сегодня вызовет у большинства читателей впечатление излишней жестокости Руднева.

Рота партизан получила приказ взорвать железнодорожный и шоссе́нный мост, командир роты Петя К., обнаружив в одном из сел склад водки, вдруг загулял. Подрывники не выполнили приказ, через невредимый мост "прошли автомашины, пехота и танки, которые вот-вот могли обрушиться" на партизан. Ковпак все-таки сумел вывести свое соединение из-под удара". После этого решалась судьба Пети. "Дело было ясное. Но Петя К., или просто Петро, был хорошим парнем, он пришел к Ковпаку еще в 1942 году, пришел с партбилетом и орденом Красного Знамени, которые он сумел уберечь, проходя через немецкие полицейские заставы. И надо сказать, что Ковпак, обычно суровый в таких случаях, сильно колебался. Один только Руднев был непоколебим. Он сам продиктовал приказ о расстреле". Петя был расстрелян, а сам Руднев после этого плакал. Такова суровая диалектика партизанской войны.

Руднев выбивал из партизан ненужную жестокость, воспитывал терпеливость, высмеивал трусов, пьяниц и особенно яростно боролся с мародерами. Ведь только связь с народом дает силу партизанам. Руднев напоминал Вершигоре горьковского Данко, который вырвал из своей груди сердце, чтобы осветить путь людям. Это действительно человек с чистой совестью. Глубокое уважение вызывает и Ковпак, умный, хитрый, проживший нелегкую жизнь, ненавидящий ложь, хорошо понимающий людей. Героизм людей на войне изображается в книге как типичное явление. Партизаны совершали, казалось бы, невероятные, полуфантастические подвиги. Это писатель изобразил честно, так правдиво, что читатель верил в их реальность.

Свыше 184000 партизан были награждены орденами и медалями Советского Союза, 249 удостоены звания Героя Советского Союза, а С.А. Ковпак и А.Ф. Федоров - дважды.

К сожалению, уже после публикации настоящей работы в печати я ознакомился с интересной, полезной, хотя и несколько разностильной книгой В. И. Смирнова "Есть у каждого свой корень" (Тверь. 2008), в которой приведено много убедительных фактов о поистине героической борьбе партизан с фашистскими оккупантами в Калининской области.

Глава 40. Советская молодежь и война

Не загадка ли: в предвоенное время мы, деревенские школьники, жили в тяжелых материальных условиях, но крепко верили в свое счастливое будущее, в справедливость советской

власти. Когда крестьяне порицали ее за гонения на религию, нехватку товаров повседневного спроса, за тяжкую жизнь на грани голода, я пропускал это мимо ушей. Моя вера в то, что советская власть лучше, чем царская, подкреплялась тем, что раньше в нашей деревне не было школы, взрослые были неграмотными и малограмотными, а теперь можно учиться в техникумах и институтах. В 30-е годы молодой человек, выйдя из самых глубин народа, сам пробивал себе дорогу в жизни, без чьей-либо помощи находил в ней свое место. Мы в своем подавляющем большинстве вырастали идеалистами, непритязательными к бытовым удобствам, деньги для нас не имели того большого значения, которое придают им современные молодые люди.

В 1942 г. мне, единственному комсомольцу в своей деревне, райком поручил создать в ней комсомольскую организацию. Собрав молодежь, я произнес первую в своей жизни публичную, очень краткую речь: "Враг сейчас у Ржева и Осташкова. Каждый, кто хочет, чтобы он не пришел к нам, кто желает нашей победы, должен быть комсомольцем". Сразу же 8 заявлений было написано о вступлении в комсомол, лишь одна девушка не откликнулась на мой призыв. Все вступившие в комсомол достойно прожили свою жизнь. Сейчас никого из них не осталось в живых.

Очень стеснительный, постыдно бездарный в любовных делах, еще не целовавшийся с девушками - таким я был в 17 лет, когда меня призвали в армию в январе 1943 г. И, конечно, таким был не только я... Вскоре вместе со своими ровесниками 1925 года рождения я принял участие в боях с немцами. Мы, тогда очень молодые, хотели полнокровно жить, любить, учиться, искать свой честный путь в жизни, свое сокровенное счастье. Но неумолимый Молох войны требовал от нас личных жертв.

Это наше поколение имел в виду Г. Жуков, отвечая на вопрос, почему мы победили: **"Мы победили потому, что у нас был лучший молодой солдат. ...Да, когда война пошла вовсю, когда мельница заработала, все решил молодой, обученный, идеологически подготовленный солдат"**.

Этот молодой солдат воспитывался на книгах Н. Островского. В феврале 1944 г. на пленуме Союза советских писателей Н. Тихонов в своем докладе отметил, что у наших бойцов "Как закалялась сталь" стала "своего рода евангелием... Ее читают и перечитывают во всех ротах и батальонах". Книги Островского вызвали острые раздумья у Зои Космодемьянской, принимавшей решение стать партизанкой. Молодые солдаты в годы войны сверяли свое поведение с проникновенными словами Н. Островского: "Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое". В печати справедливо на-

звали невежественными пошляками работников образования, выбросивших роман "Как закалялась сталь" из списка изучаемых в школе художественных произведений.

Маршал Г. Жуков, призывая молодежь "бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной", писал: "Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко - подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: 19 - 20 лет - лучший возраст для человека - все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь" (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1983. Т. 3. С. 348).

Командир 29-й гв. стрелковой дивизии генерал-майор А. Стученко на построении щедро (мне казалось, что излишне щедро) хвалил нас после взятия Ельни 30 августа 1943 года (не 28 августа, как преподнес А. Уткин в своей книге "Вторая мировая война"). В воспоминаниях "Завидная наша судьба" Стученко писал: "Первые же часы боя принесли успех, чем мы немало были обязаны молодежи... Молодые солдаты, ловкие, юркие, неутомимые, не обращая внимания на огонь, всюду, через все щели боевого порядка противника проникали в глубь его обороны и своим неожиданным появлением вызывали панику среди гитлеровцев".

На следующий день после освобождения Ельни рано утром 49 немецких бомбардировщиков сбросили бомбы на город. Через 15 минут снова столько же вражеских самолетов совершили налет. И такие безнаказанные налеты - через каждые 15 минут - продолжались до позднего вечера, пока не наступила темнота. Город лежал в руинах, в нем погибло много наших солдат.

Не раз я собирался и по разным причинам откладывал поездку на места былых сражений, в которых мне довелось участвовать и которые навсегда ярко запечатлелись в моей душе. Наконец собрался, поехал, прибыл в Смоленск, через час-другой сел на поезд, направляющийся в Ельню. Когда он миновал маленькую станцию Глинку, я со смутным чувством беспокойства и тайной надеждой прильнул к окну и стал жадно всматриваться в проплывающую перед моим взором холмистую местность, пытаюсь найти склон возвышенности, где был ранен 15 сентября 1943 года. Вижу: впереди, чуть справа, нависает крутая горка, с которой мы в мгlistом тумане, пороховом дыму спустились к водной преграде, вот и мост, тогда он был взорван, вместо него лежал набросанный саперами деревянный настил.

Поразительный сюрприз: теперь здесь нет никакого водохранилища, никакой речки, куда же она делась, высохла, что ли? Впоследствии я выяснил, что это была речка Устром. Справа, где в мою ногу вонзились немецкие осколки, раскинулось то ли поле, то ли не скошенный луг, вдали во время войны стояло полуразрушенное кирпичное здание, а сейчас там виднелись большие деревья.

При наступлении на Смоленск 15 сентября 1943 года я, командир стрелкового отделения, во время атаки вошел в холодную зеленую жижу. Дальше - чистая вода, она все глубже и глубже. Поднимаю вверх автомат. Иду... Стоп... Вода по горло. Отпрянул назад. Что же делать? Будем стоять - перебьют, как беззащитных куропаток. За мной голова в голову стоят пять бойцов. Ждут, что же я решу. Позади с ревом разорвался снаряд, над нашими головами просвистели осколки. Слева поднялся водный фонтанчик - грохнула тяжелая мина или снаряд. Самый высокий среди нас - Пискунов. Приказываю: "Пискунов! Вперед! Ищи брод! Мы за тобой!" В его глазах мольба: "Не посылайте! Почему обязательно должен я идти?" "Быстрее!" - Как можно громче повторяю я приказ. Совсем близко разорвался снаряд, угрожающе противно свистят осколки. Пискунов не двигается, застыл на месте, только бледные губы беззвучно шевелятся. "Иди! Не пойдешь - застрелю!" - ору, что есть силы, и навожу автомат прямо в голову Пискунова, кладу палец на спусковой крючок. Испуганно перекрестившись, Пискунов пошел сначала вправо - глубоко, не пройдешь. "Быстрее!" - тороплю я его. Он пошел влево, там вода по пояс. Есть брод! Я снова вышел в голову отделения. Много раз позднее мысленно возвращался к этому случаю, благодарил Пискунова за то, что он подчинился моему приказу. А если бы не подчинился? Что было бы?... Он был вдвое старше меня, восемнадцатилетнего сержанта.

Уютная, спокойная Ельня встретила меня, словно нарядившись к празднику, сплошным белым цветом яблонь и вишен. Как удивительно тихо в ней, ничто не напоминало о былом страшном визге и грохоте разрывающихся бомб, об истошном крике и отчаянном стоне раненых. Пришел на берег Десны (как будто она шире стала), где в наскоро вырытых мокрых окопчиках мы целый день пытались спастись от немецких бомб. Пристально осмотрел все кругом, ищу глазами приметы военных лет и сталкиваюсь с еще одной удивившей меня новостью: недалеко от реки, на возвышении, стоял костел, резко выделяющийся своей массивностью среди других зданий города, а теперь нет ничего такого, чтоб напоминало бы о нем. Тогда в пойме реки сиротливо жались к земле маленькие кустики, а сейчас на меня равнодушно взирали высокие деревья, они зримо свидетельствовали о непрерывном беге времени, еще раз напомнили мне о том, что прошло, промелькнуло очень много лет с того незабываемого дня, когда мы вышвырнули из города немецких захватчиков.

Три вечера я сидел на скамье около памятника погибшим солдатам. Несколько раз прочитал длинный список воинов, оставшихся навечно лежать в Ельне, но не нашел в нем фамилии Ирхина Сергея, разорванного на моих глазах фашистской бомбой. Почему так случилось, почему его (и только ли его?) не внесли в список, теперь не установишь, виновных не найдешь, отвечать некому. В Лощемльской НСШ за одной партией со мной сидели Вася Седов, Володя Пав-

лов и Коля Цветков, все они не вернулись с войны. Но в книге "Памяти Тверской области" их нет.. Почему? Отдав себя во власть печальных раздумий, я сидел перед памятником, многое вспомнил, целиком погрузился в то невозвратно далекое, покрытое трагической дымкой время, мысленно беседовал с товарищами, давно погибшими в боях за отчужденную землю, просил прощения у них за то, что слишком долго собирался навестить их.

На днях просмотрел весь список Героев Советского Союза. И с удовольствием выяснил, что мальчишки 1925 г. рождения дали Героев не меньше, чем родившиеся в любой другой год. А в живых осталось сейчас лишь несколько человек. Остальные погибли, главное время их смерти - с июля по октябрь 1943 г., в то время мы участвовали в жестоких сражениях, устилая своими - и чужими - трупами родную землю, гнали оккупантов на запад.

Вспомнился декабрь 1943 года, когда наша 10-я гвардейская армия скрытно перебрасывалась из-под Орши в район юго-западнее Невеля. Мы шли только ночью, днем отдыхали в лесу, в снегу, и это в нешуточные морозы. По меркам нашего мирного времени это был нереальный, условный отдых и сон: хотя и разводили огонь, накрывались плащ-палатками, еловыми ветками, плотно жались друг к другу, но уснуть можно было лишь на несколько минут: жгучий холод приниживал до самых костей.

Иногда мне кажется, что там был не я, а какой-то другой, очень крепкий духом, исключительно здоровый физически мальчишка, присвоивший мой облик. Правда, под новый, 1944 год, нашему взводу здорово повезло, мы наткнулись на брошенную кем-то землянку, сразу же оккупировали ее, развели там огонь, едкий дым больно ел наши глаза, но все же это было несравнимо с голым снегом под елкой или сосной. Мы выпили по сто грамм водки-сырца за нашу победу. И на 10-15 минут даже засыпали.

После освобождения Ельни из приехавших со мной на фронт в живых осталось мало восемнадцатилетних ребят. Мне, донельзя измотанному тяжелыми боями, стало казаться, что теперь, во время предстоящего наступления, наступит мой роковой черед. И я написал домой прощальное письмо: "Здравствуй, дорогая мама! Завтра идем в бой. Он будет трудный. Это письмо я оставляю в планшете. Если погибну, то надеюсь, что мои товарищи отошлют его тебе. Не хочется умирать в 18 лет. Но война есть война. Милая мама! Тебе очень трудно будет одной поднимать четверых детей. Но я очень надеюсь: родная страна не забудет того, что наша семья отдала две жизни за нее, и поможет тебе. Прощай, моя родная! Прости меня за то, что в жизни не раз тебя огорчал. Это по глупости. Прощайте, мои дорогие сестрички! Помогайте маме! Живите дружно! 14 сентября 1943 г. Твой сын Александр".

После ночного марша наш 90-й гвардейский стрелковый полк 15 сентября 1943 г. занял исходные позиции в глубокой траншее для атаки. Утром, когда осталось мало времени до начала артиллерийской подготовки, я, видно, вспомнив, как в давние времена русские воины перед боем меняли старое белье на новое, тихо-тихо, стараясь не показаться на глаза товарищам, спустился с горюшки вниз за свои позиции, нашел укромное место среди хвойного кустарника, разделся, наспех надел чистые подштанники и нижнюю рубашку, а старое белье оставил среди молодых елочек. В тот день я был ранен.

Даже маленькие мальчишки в то время стремились принять участие в войне, они тоже внесли свой вклад в нашу Победу, что получило художественное отражение в литературе. А. Платонов в рассказе "Маленький солдат" (1943) изобразил мальчика Сережу Лобкова, который "втянулся в войну", бывал в тылу у немцев, совершал подвиги, остался без родителей, дальнейшая судьба его неизвестна: он куда-то ушел.

Ваня Солнцев - герой повести В. Катаева "Сын полка" (1945) - тоже испытал много страшного. Когда он спал, то "по его измученному лицу судорожно пробегали отражения кошмаров, которые преследовали мальчика во сне. Каждую минуту его лицо меняло выражение: то оно застывало в ужасе; то нечеловеческое отчаяние искажало его; то резкие, глубокие черты безысходного горя прорезались вокруг его впалого рта". У Вани погибли отец, мать, бабушка и маленькая сестренка, родная деревня уничтожена фашистами, он два года прятался в лесах.

Однако у него все-таки сохранилась детская наивность и непосредственность, чего нет у его ровесника и тезки Ивана Буслова из рассказа В. Богомолова "Иван" (1958). Ваня Солнцев попал в руки к немцам, но его спасли наши войска. Он приехал учиться в суворовское училище. Буслов же, не раз выполнявший опасные, важные боевые задания советского командования, схваченный врагами, погиб с гордо поднятой головой, никак не скрывая своей ненависти к ним.

Приведем факты из самой жизни. Валя Котик, украинский мальчишка-партизан, которому шел четырнадцатый год, установил, где находится телефонный кабель в ставку Гитлера. Кабель подорвали. Попав в окружение, он был тяжело ранен и погиб. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Пятнадцатилетний партизан Леонид Голиков за подвиги в бою получил звание Героя Советского Союза. Ю. Корольков написал о нем книгу "Партизан Лёня Голиков". Шестнадцатилетний партизан Саша Чекалин был схвачен в родном доме, фашисты зверски истязали мальчишку, пытаясь узнать от него, где располагаются партизаны. Они его повесили, ничего не добившись. Ему присвоено звание Героя СССР. Марат Казей (1929-1944) - юный партизан, разведчик, Герой Советского Союза. 11 мая 1944 г. его окружили немцы, он

подорвал себя гранатой у деревни Хоромецкое Минской области. В Минске установлен ему памятник.

В годы войны подпольные молодежные организации были созданы и боролись с немецкими оккупантами в Таганроге, Дорогобуже и Краснодаре. Подпольная комсомольская организация в Дорогобуже, созданная осенью 1941 г., приняла название "Юная гвардия", ее гимном стала песня "Вперед заре навстречу...". К январю 1942 г. она увеличилась до 20 человек, юногвардейцы собрали 600 винтовок, 1500 гранат, пушку и пулемет. Они вошли в состав партизанского отряда, распространяли листовки, проводили разведывательные операции, участвовали в уничтожении немецкой автобазы, поджоге казармы с карателями. При выполнении боевого задания группу юногвардейцев схватили фашисты. После освобождения Дорогобужа у входа в двухэтажное здание бывшей школы была вывешена мемориальная доска: "Здесь пытали героев-комсомольцев г. Дорогобужа Кириллова Дмитрия, Ермакова Василия, Пчелина Николая, Иванова Владимира, Степочкина Василия, Тимошенко Ольгу. Их расстреляли фашисты в феврале 1942 года". Подпольная комсомольская организация была создана в Таганроге. Члены ее вели героическую борьбу с фашистами и приняли трагическую смерть. Этому посвящена документальная повесть Г. Гофмана "Братья молодогвардейцев" (1966).

Чайкина Елизавета Ивановна, секретарь Пеновского подпольного райкома комсомола Калининской области, разведчица партизанского отряда, отважно боролась с фашистами, казнена 22 ноября 1941 г., ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. М. Комисарова написала о ней поэму "Лиза Чайкина" (1986).

В краснодонской "Молодой гвардии" состояло около 70 человек. М. Волина в "Курантах" (23.11.1991) без причин отрицала правдивость событий, изображенных в романе А. Фадеева "Молодая гвардия". Она предположила, что Олег Кошевой жив, ибо спустя три года после освобождения Донбасса от фашистов он приходил к матери. Член подпольной организации "Молодая гвардия" В. Борц писала: "Этот бред возник после съемок нового художественно-публицистического фильма "По следам фильма "Молодая гвардия"... Во время съемок этого фильма артист В. Иванов, сыгравший ... в герасимовском фильме "Молодая гвардия" роль Олега Кошевого, пришел на могилу мамы Олега и возложил цветы. А в нем-то и "узнали возмужавшего Кошевого", тем более что артист Иванов действительно внешне был похож на Олега. Абсурдные слухи ... молниеносно пошли гулять по городам и весям: мол, жив Олег!" (Правда. 05.11. 1988).

Участником этой организации, как сообщил секретарь музея "Молодая гвардия" в Краснодаре Р. Аптекарь, был и Николай Талуев, который родился 2 мая 1920 г. в Калининской об-

ласти, в Молодом Туде, окончил Ржевский педтехникум, работал учителем в Селижаровском районе, был секретарем комсомольской организации школы. В феврале 1940 г. ушел в армию, воевал, был командиром взвода на курсах младших лейтенантов в прифронтовом Краснодоне. Летом 1942 г. во время боев на донской земле он попал в окружение, пробрался в Краснодон, устроился плотником в электромеханические мастерские, где работали руководители подполья Лютиков и Бараков. Заслуга Талуева была в том, что "в мастерских и на шахтах города постоянно проводились диверсии и саботаж, с перебоями работали крайне необходимые для оккупантов системы водоснабжения и энергоподачи... Он обучал молодых патриотов обращению с оружием, тактике открытого боя с врагом, правилам подготовки боевых операций". В 1943 году немцы расстреляли его у шурфа шахты №5, он был похоронен в братской могиле героев "Молодой гвардии" в Краснодоне. В освобождении Краснодона принял участие и младший сержант Василий Епланов, уроженец Липновского сельсовета, деревни Б. Хорошева, призывавшийся в армию Рамешковским райвоенкоматом Калининской области.

Выдающимся произведением стал роман А.Фадеева "Молодая гвардия" (1945), посвященный героической борьбе молодогвардейцев.

Глава 40. Война и православная церковь

Большую роль в духовной мобилизации нашего народа на борьбу с врагом сыграла Православная церковь. Подавляющая часть духовенства враждебно отнеслась к Октябрьской революции, многие священнослужители участвовали в белогвардейском движении. Репрессии против них были направлены не из-за религиозных убеждений, а из-за того, что они были противники власти и своей пропагандой или прямо оружием стремились свергнуть эту власть. Вместе с белыми и иностранными интервентами воевали против советской республики полки "Архангела Михаила", "Богородицы" и "Иисуса Христа", созданные из служителей культа.

Но были и другие факты. "Правда" (2004. № 106) сообщила о существовании Тасеевской партизанской республики в 400 километрах от Красноярска, которая вела вооруженную борьбу с колчаковцами. Краевед В. Манин писал: "...даже служители церкви, когда зародилась легендарная Тасеевская республика, были на стороне восставших. Священник Орлов с крестом и Евангелием произносил большевистские проповеди, а его последователь священник Вашкорин призывал записываться в Красную Армию, сам первым начертал в списке добровольцев свое имя, а затем возглавил агитационный отдел партизанской армии".

В 1921-1922 гг. во время жестокого голода в Поволжье из-за засухи церковь не захотела истратить свои сокровища на закупку зерна. После этого Совет народных комиссаров, возглав-

ляемый В.И. Лениным, издал декрет о насильственном изъятии церковных ценностей и использовании их на продовольствие для голодающих.

В 20-30-е годы служители культа подвергались гонениям. Был взорван заложенный в 1839 году Храм Христа Спасителя - величественный памятник победы русского народа над Наполеоном. Был разрушен Зачатьевский монастырь на Остоженке, основанный митрополитом Алексеем в первой половине 14 века при Дмитрии Донском. В наше время это справедливо осуждается. Но в печати публиковались и спекулятивные сообщения. 12 сентября 1989 г. "Комсомольская правда" "открыла", что в годы Гражданской войны большевики уничтожили 320000 священников, а всех их в России было намного меньше. По отчету обер-прокурора Священного Синода, в ней "за год до октябрьских событий - на 1916-й - количество священнослужителей оставалось ...66140" (Завтра. 30.10. 2001).

В. Соловьев в передаче "К барьеру!" 6 марта 2008 г. лгал, сообщив, что Сталин уничтожил сотни тысяч священников. "Литературная Россия" объявила: "В 20-30-е годы физически уничтожены сотни тысяч служителей Русской Православной церкви. В тюрьмы и ссылки отправлены еще полмиллиона" (21.12.2001). В те годы служителей церкви было во много раз меньше. С. Гмыря писал: "Работая в архиве, я изучал, например, что представляло собой "Общество святого Гермогена" в Харькове. Оказывается, члены этого общества, священники, лично расстреливали людей, Ну а потом, когда пришли красные, расстреливали этих священников. Но ведь не как священников, а как палачей" (Правда. № 69. 2003).

Стоит подчеркнуть, что Сталин не инициировал гонения на церковь. По словам Молотова, он "не был воинствующим безбожником". 12 сентября 1933 года была адресована "строго секретная" директива Менжинскому В.Р. за подписью "секретаря ЦК" И. Сталина, в которой указывалось: "В период с 1920 до 1930 года в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 ... (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планы архитектурных построек предусматривают снос более чем 500 оставшихся храмов и церквей. На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества. Органы советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны применять меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников древнего русского зодчества".

11 ноября 1929 г. под председательством Сталина на заседании Политбюро ЦК было принято решение: "1. Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части

арестов служителей русской православной церкви, преследование верующих. 2. Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за №13666-2 "О борьбе с попами и религией", адресованное пред ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих, - отменить. 3. НКВД СССР провести ревизию осужденных граждан, связанных с богослужительской деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти". Эти документы опубликованы в книге В. Карпова "Генералиссимус" (2003). В период с 1941 по 1953 год было открыто вновь 22000 приходов, Академия, семинарии.

Началась Отечественная война, и сразу, 22 июня 1941 года, Митрополит Московский и Коломенский, глава Православной церкви в России Сергей в обращении к "Пастырям и Пасомым Христовой Православной церкви" благословил "всех православных на защиту священных границ нашей родины". Он напомнил: "Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны и смиренно жертвовали ...самой жизнью своей". В течение всей войны в наших церквях во время богослужения люди молились за победу российских воинов. Русская православная церковь духовно освящала борьбу с врагом, собирала деньги в фонд помощи фронту, передала крупные ценности в фонд государства.

Митрополиты Сергей, Алексей и Николай были приняты Сталиным 4 сентября 1943 г. Он поддержал их предложения о лучшем функционировании православной церкви и, в частности, открытие религиозных учебных заведений. 5 сентября 1943 г. "Правда" сообщила об этом: "Митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной" церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий". Сталин высоко оценил патриотическую роль церкви в войне, считал необходимым поощрить её деятельность.

Настораживает то, что вещал Игумен Филипп: "В целом к моменту нападения Германии на Советский Союз на территории нашей страны, в границах до 1939 года, оставались действующими не более 300 храмов, было четыре правящих епископа и не более 500 не репрессированных священнослужителей. ...Массовое возрождение церковной жизни на оккупированной немцами территории (оккупационными властями было открыто около 9000 храмов, тогда как

Сталин отдал Церкви всего 718 храмов" (Завтра. № 1. 2010). Хотелось бы знать источники этих бездумно (или с умыслом?) заимствованных явно лукавых цифр.

Прочитируем краткие выдержки из секретного, государственной важности приказа начальника Главного управления полиции безопасности и СД п. п. Гейдриха от 16.08.1941 г., адресованного начальникам оперативных групп А, Б, Ц и Д: "Содержание: Разрешение церковного вопроса в оккупированных областях Советского Союза. ...2. О поощрении православной церкви также не может идти речи. ...Однако с германской стороны ни в коем случае не должны демонстративно поощряться церковная жизнь, устраиваться богослужения или проводиться массовые крещения. ...В отношении так называемой "живой церкви", которая находилась под значительным советским влиянием, необходимо занять особо осторожную позицию. ...В этой связи особенно желательно, при занятии Москвы, если бы это удалось, арестовать патриарха "живой церкви" СЕРГИЯ, конфисковать и изучить находящийся у него архивный материал". По словам депутата Московской областной думы Н. Еремейцевой, на фильм "Поп" была опубликована рецензия в газете "Щёлковчанка", официальном органе администрации г. Щёлково, в которой говорится, что "в Псковской области, где разворачивается действие фильма, к моменту прихода германской армии не было ни одной церкви и ни одного священника, который совершал бы богослужение".

Конечно, это бессовестная ложь. Вряд ли там положение с церквями разительно отличалось от ситуации, например, в Максатихинском районе Калининской области. В семи километрах от моей деревни Красненькое действовала церковь в селе Загородье, а в девяти - в Лоцемле. Правда, в селе Топальском (в шести километрах от нас) была взорвана в 1938 г. красивая церковь, которая раньше обслуживала крупного царского чиновника. В нашей деревне был снят колокол с часовни, её превратили в магазин. У меня мать была верующей, никаких трудностей в посещении церкви она не испытывала.

К сожалению, ряд православных священников и на территории СССР, и особенно за рубежом воспринимал немецкое вторжение как освобождение от большевиков. Уже в июне 1941 г. митрополит Анастасий неоднократно просил у Берлина помощи в возрождении прежних православных традиций на оккупированных советских землях. А в Париже митрополит РПЦЗ Серафим Лукьянов и вовсе молил Всевышнего "благословить великого вождя германского народа, поднявшего меч на врагов самого Бога... Да исчезнут с лица земли масонская звезда, серп и молот".

Русская православная церковь за границей с рядом своих священников обслуживала Гитлера. Они не считали генерала Власова предателем, по заявлению синода, "в русском зарубежье,

частью которого стали и уцелевшие участники Русской освободительной армии (РОА), генерал Власов был и остается своего рода символом сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения исторической России".

Сам Власов описывал советскому суду свою поездку в 1943 г. с целью создать положительные впечатления о РОА: "Возвращаясь в Берлин, я остановился в Риге и выступил с анти-советским докладом перед русской интеллигенцией города, а также имел беседу с проживавшим в Риге митрополитом Сергием (Воскресенским, главой православной миссии). Встреча с митрополитом Сергием мне была организована немецким офицером, который ведал пропагандой в Риге, с целью установления контакта с русской православной церковью и использования духовенства для совместной борьбы с советской властью. Сергей согласился со мной о необходимости усилить борьбу против советской власти, сказал, что он намерен создать синод в областях, оккупированных немцами".

Вечером 1 мая 1943 года к Власову были приглашены видные члены православной миссии, протоиереи Кирилл Заяц и Николай Жунда, священник Георгий Бенигсен и Н.Д. Сабуров. Генерал просил поддержать РОА. Митрополит Воскресенский дал "добро" на помощь Власову. После этой беседы представители управления миссии о. Г. Бенигсен, К. Кравченко, В. Караваев и А. Перминов стали периодически участвовать в деятельности власовского "Русского комитета".

Но надо подчеркнуть: "...подавляющее большинство священнослужителей РПЦ в годы Великой Отечественной войны не только не имели никакого отношения к коллаборационизму и предательству, но и внесли немалый вклад в Победу. Были они и в партизанских отрядах, были и участниками подполья, были и те, кто погиб в гестапо... Все порядочные священнослужители собирали средства для Красной Армии, призывали народ к активной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками" (Советская Россия. 08.05. 2010). Святейший Патриарх Алексий I, когда был еще митрополитом, не уехал из осажденного Ленинграда, хотя ему предлагали эвакуироваться из него. Испытывая тяжкие бедствия, которые обрушились на блокадников, он постоянно вел богослужение в действующих храмах Ленинграда. Он был награжден медалями "За оборону Ленинграда", "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны", четырьмя орденами Трудового Красного Знамени.

9 мая 1945 г. патриарх Алексий обратился к верующим с посланием, где, в частности, говорил: "Если во время войны в непоколебимой вере в конечное торжество правого дела мы победоносно преодолели все трудности, все лишения, все тяготы на фронте и в тылу, то с какой же удвоенной силой мы примемся за воссоздание наших городов, из которых каждый - герой

войны; наших дорогих и священных памятников, всего того, что создала могучая воля и державная мощь нашего великого народа".

Для православного сознания характерны главенство духовных качеств над материальными благами, примат нравственных категорий над рациональными и политическими. Православная вера укрепляет нравственность, семейные устои, любовь к родине, веру в идеалы добра и справедливости, совесть, отзывчивость, желание помочь другому. Она противостоит западной экспансии. Это не нравится либералам и нашим зарубежным "друзьям". Правозащитник А. Сахаров выступил против надежд на возрождение православия. Это устремление есть якобы "националистическая и изоляционистская направленность" и "религиозно-патриархальный романтизм", они являются "утопичными и потенциально опасными" (Наш современник. 1990. № 4. С. 173). Г. Старовойтова была недовольна тем, что "православная церковь тоже отнюдь не способствует мировому, широкому, космополитическому взгляду на вещи" (Советская Россия 23.09.1995). З. Бжезинский, ненавистник России, заявил, что "после разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское православие".

К сожалению, в последнее время в деятельности некоторых руководителей православной церкви наблюдаются тревожные тенденции. Скандальный телепроект "Дом - 2" под руководством К. Собчак целенаправленно ведет работу по разрушению нравственности молодого поколения. И неожиданно председатель Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоирей Всеволод Чаплин на пресс-конференции в РИА "Новости" причислил Собчак к совести русской нации и объявил: "Мы любим и уважаем Ксению Анатольевну Собчак, она очень умный человек. Надеюсь, что мы доживем до тех лет, когда она станет серьезным человеком с точки зрения образцов морали, и будет бороться за нравственность. ...Мы не против, чтобы Ксения приняла участие в соборе, наоборот, мы будем очень рады видеть её, с удовольствием с ней подискутируем. Я уже попросил, чтобы Ксению пригласили" (Советская Россия. 25.05. 2010).

За какие же заслуги она удостоилась такого почетного приглашения на Всемирный русский народный собор, посвященный теме "Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества"? За то, что она поносит Сталина, развращает молодежь? Или это - следствие стремления ряда священнослужителей непосредственно участвовать в политической борьбе на стороне "демократов"? Но чем это закончится? Неужели служители церкви не извлекли должных уроков из прошлой истории России?

В газете "Завтра" (№ 1. 2010) А. Проханов вопрошал митрополита Илариона, одного из высших иерархов русской Церкви: "Почему, поливая смолой Сталина, иерархи боготворят Ель-

цина, разрушителя великой России? Почему церковные орден сияют на груди олигархов, палачей народа? Почему, ударяя в Сталина копьём и поднося к его устам уксус, они не заступаются за исчезающий на глазах народ: бедный, поруганный, с топором в спине? Почему не пригрозят анафемой власти, которая в ответе за русское горе?.. Почему они ополчились на икону с изображением Сталина и молчат как рыбы, когда иконой России делают Ксению Собчак, растленных певцов, гомосексуальных модельеров?" (Завтра. 08.06. 2010).

Только через 5 месяцев пришёл ответ помощника Иллариона, заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата игумена Филиппа (Рябых). Ответ поражает своей крайней озлобленностью, фальсификацией русской истории, уходом от острых проблем, поставленных газетой "Завтра". Надо ли полемизировать с такой чушью: "Режим, созданный Сталиным, держался на терроре, насилии, подавлении человеческой личности, лжи и доносительстве...; При Сталине была создана бесчеловечная система, и ничто ее не может оправдать: ни индустриализация, ни атомная бомба, ни сохранение государственных границ, ни даже победа в Великой Отечественной войне, ибо всего этого добился не Сталин, а наш многонациональный народ"; "...победа в Великой Отечественной войне была одержана нашим народом не благодаря руководству Сталина".

Газета "Завтра" отозвалась на эти неумные сплетения игумена Филиппа: "Но что за народ такой - "многонациональный"? По всей видимости, за этой удивительной идиомой скрывается определенное устоявшееся в истории понятие. Но тогда почему батюшке не сказать бы в простоте: "войну выиграл советский народ..." Правда, подобная фраза имеет законное продолжение: "...под руководством товарища Сталина". Но этого как раз не хочется, отсюда паллиатив - "многонациональный". Если один народ победил, значит, другой народ - проиграл. Стремясь к сугубой политкорректности, отец Филипп подводит нас к жёсткому позиционированию: "Войну проиграл не Гитлер, а немецкий народ!" Можно еще добавить: "Немецкий народ проиграл войну вопреки военному гению фюрера!"

Историческая Россия" закончилась не в октябре, а в феврале 1917 г. "И в её низвержении участвовали и духовенство, и верхушка армии. Политические последствия февральского переворота: распад империи, развал армии, инфляция, вакуум власти, разгул анархии. Но о духовных последствиях Февраля почему-то не любит говорить современное священство. Может быть, потому, что прямые наследники февраля 1917 года сидят сегодня в Кремле, с августа 1991 года определяя стратегический курс страны?" (Завтра. 08.06. 2010).

Когда в мае 2007 г. в московском Храме Христа Спасителя митрополиты Алексей Второй и Лавр подписали Акт о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ, забрезжила надежда, что сторо-

ны придут к единому мнению в том числе и в отношении войны против фашистской Германии. Акт гласил, что "Русская Православная Церковь за границей... пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви".

К сожалению, уже в 2009 году фактическая реабилитация изменника Власова на сентябрьских заседаниях Архиерейского Синода РПЦЗ показала, что этим надеждам в ближайшее время осуществиться не дано: "На вопрос: "Был ли ген. А.

А. Власов и его сподвижники - предателями России?" дан ответ "...нет, нимало. Все, что было ими предпринято - делалось именно для Отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведет к воссозданию мощной национальной России". Надо ли напоминать, что в памяти нашего народа эти люди навсегда справедливо остались как презренные предатели, изменившие присяге. Но куда втягивают многострадальную Россию подобные - лишенные исторической мудрости - служители церкви?

Глава 39. Война, система и партия

В СМИ публикуется много неправды о советской общественной системе, партии и Сталине. Сейчас даже некоторые патриотические деятели не всегда отделяют зерна от плевел и оказываются в ряду с разрушителями в охаивании СССР. По сути дела они помогают им уничтожать Россию как самостоятельную державу, глушить ростки русского национального самосознания, которое, говорил А. Солженицын, "считается в мире еще большей опасностью, чем коммунизм".

Сложные противоречия военной поры ускользают от В. Бондаренко, когда он пишет о трагической доле Настены из повести Распутина "Живи и помни". По его мысли, "бесчеловечная система" обрекла ее на гибель, помогая мужу, убежавшему из армии, покончив жизнь самоубийством, она бросила вызов "большевистской власти": "Она ушла от комиссаров в воду. Она сбежала от лагерей и увела сына от тюремного приюта и спецприемника" (Дружба народов. 1992. № 22). Если бы критик лучше знал и понимал то время, то осознал бы, что Настена не противостояла "системе", а почувствовала тяжкую для себя угрозу быть исключенной из мира, общества. Не комиссары "преследовали" ее, а свои односельчане, убежденные в том, что никто не должен дезертировать с поля боя. Ничто, кроме общественного осуждения, не грозило Настене и ее ребенку, постановление о репрессиях против семей дезертиров на практике не применялось. Если учесть, что война закончилась, то смерть не угрожала и Гуськову.

По мысли Бондаренко, Распутин "опровергает логику всей предыдущей советской литературы, навязывающей нам жен, предающих своих мужей во имя идеи ("Любовь Яровая"), детей,

предающих родителей, отцов, самолично расстреливающих сыновей, логику семидесятилетней гражданской войны, не затихающей ни на секунду". Но и в давние времена можно найти то самое, что приписывается советской литературе. Во имя "идеи" Петр 1 расправился со своим сыном. А как пришли к власти Екатерина 2 и Александр 1? Черчилль способствовал любовному увлечению жены своего сына Рандольфа Черчилля Пампелы с эмиссаром Рузвельта для того, чтобы "узнавать все о тайной стратегии Вашингтона во время второй мировой войны. В итоге была разрушена семья сына, но соблюдены государственные интересы Великобритании, которые глава Даунинг-стрит ставил выше всего на свете" (Подмосковье. 22.03. 1997).

В начале ноября 1940 г. "премьеру Черчиллю доложили расшифрованные немецкие военные телеграммы: 14 ноября Ковентри подвергнется налету люфтваффе. Как быть? Предупредить население? Но тогда станет известно, что англичане смогли разгадать код секретных шифротелеграмм, что тщательно скрывалось. Военный кабинет Великобритании порешил - молчать. В назначенное время фашистские бомбардировщики разрушили и сожгли город. Сотни убитых женщин и детей. Тысячи раненных и искалеченных" (А. Самсонов).

Обратимся к литературе. В рассказе П. Мериме "Матео Фальконе" крестьянин убил своего сына за то, что тот выдал жандармам разбойника. Гарун в поэме Ю. Лермонтова "Беглец" струсил в бою, и его отвергли близкие люди. В повести Н. Гоголя "Тарас Бульба" оправдывается убийство отцом своего сына, предавшего казачество, родину, веру.

Чрезмерные издержки "классовой борьбы" в годы советской власти подрывали жизнеспособность нации, ее возможность сокрушить захватчиков. Полунасильственная коллективизация, голод 1932-1933 гг., репрессии снизили у части людей веру в справедливость нашего общественного устройства. Один из героев романа Солженицына "В круге первом" рассуждает: "Герцен спрашивает, ...где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?". Отношение к власти должно диктоваться учетом двух важных факторов: укрепляет или ослабляет она государство, лучше или хуже при ней живет народ. Если она антинародна, то надо пытаться предусмотреть, как устранить ее, не разрушая традиционных скрепов национальной жизни, кардинальных государственных устоев.

Информационно-дискуссионный портал 5 мая 2010 г. сообщил о потугах Ю. Кузнецова оторвать советское государство от народа: "Ни один историк не подвергает сомнению, что советское государство во Второй Мировой войне окрепло, а народ как раз и получил десятки миллионов смертей, невиданную разруху, лагеря, послевоенный голод, тягучий беспросвет и убожество на десятилетия жизни в условиях тоталитарной Системы. Так кто победил, Система

или народ? ...В итоге войны Сталин стал абсолютно неприступным властителем, Система обеспечила себе нерушимость на десятилетия, а народ... Единственным субъектом истории, власти, экономики, права в России была и остается Система, а не народ, потому произносить "мы", имея в виду и народ, и Систему также глупо, как говорить обманутому игроку, что "мы с наперсточником победили". Какое беспроектное озлобление, какое убожество!

В годы Отечественной войны советская система сумела эффективно направить все силы народа на борьбу с врагом. Она пришла в соответствие с определяющим настроением общества, всех честных людей, они отбрасывали тогда наносное и эгоистическое, свои личные обиды от власти и делали все, чтобы Родина выстояла в борьбе с фашистами. Настоящий патриот не мог не поддерживать тогда наше правительство. В корне фальшива высказанная в романе И. Одоевцевой "Оставь надежду навсегда" мысль: "Ты не России изменяешь, а только советской власти". В Отечественную войну власть, Россия и народ были единым целым, между "красными" и "белыми", подлинными патриотами, наступил мир, и тот, кто вступал в борьбу с советским режимом (на самом деле со своим народом), становился предателем Родины.

Тогда было крайне необходимо национальное единство, которое "глубже единства классов, партий... Судьба России бесконечно дороже судьбы классов и партий, доктрин и учений" (Н. Бердяев). Это требовало отбросить в сторону междоусобицу, то, что мешало чувству национально-государственного патриотизма. Без этого не было бы нашей Великой Победы.

Американский журналист Г. Солсбери утверждал, что "Россия была спасена не благодаря своей коммунистической системе, а вопреки ей". Белоцерковский заявил: "Победу в конечном счете Красная Армия одержала не благодаря Сталину и его режиму, а вопреки им, за счет того, что немецкая армия оказалась распыленной на гигантской территории Западной и Восточной Европы, плюс ненависть, поднявшаяся в народе (ко второй половине войны) к жестоким оккупантам, плюс помощь США и Англии..." (Независимая газета. 29.01. 2000). Сванидзе с пафосом говорил на радиостанции "Эхо Москвы" 14 августа 2007 г.: "...вопреки власти КПСС, преступной власти - повторяю - преступной, - советский народ выиграл эту войну. Выиграл вопреки преступникам, которые стояли во главе этого народа". Не лишила ли его звериная ненависть к советской власти остатков разума?

Г. Бордюков и А. Афанасьев посчитали, что советская "система в первые же военные недели и месяцы обнаружила свою недееспособность": "Оформленный в печах сталинизма монолит, как стало ясно достаточно быстро, был просто не в состоянии вести войну" (Комсомольская правда. 05.05. 1990). Если бы это было так, то как же СССР выстоял и победил Германию и

ее вассалов, которые использовали в войне людские и материальные ресурсы почти всей Европы? Какое государство, где у власти была "демократия", оказалось, по сравнению с ним, более способным успешно воевать?

В первые часы войны Япония вывела из строя 8 американских линкоров, 6 крейсеров, эс-минец, около 200 самолетов, а потери японцев - 29 самолетов. А ведь она расположена далеко от Гавайских островов, 12 дней плыли ее авианосцы, чтобы нанести удар. Польша провоевала чуть больше двух недель. Ширер: "Примерно через 40 часов польские военно-воздушные силы перестали существовать, большая часть из 500 самолетов первой линии были уничтожены на аэродромах бомбовыми ударами, не успев подняться в воздух". В "Истории войн" констатируется: "Германские бронетанковые войска, формирующие острие армии, прошли сквозь эшелон 6 польских армий (около 800 тыс. человек) ...как нож сквозь масло... К третьему дню польские вооруженные силы прекратили свое существование" (Т. 3. С. 70). Польша потеряла убитыми 60000, а немцы - 10570. Французская армия, считавшаяся лучшей не только в Европе, была разгромлена за 44 дня. Она потеряла 84000 убитыми, 1547000 солдат и офицеров оказались в германском плену. Потери вермахта - 27074 убитых.

Сейчас часто противопоставляют наших солдат полководцам, армию - народу. В Гайдпарке 06.09. 2010 г. восклицали: "Войну выиграл - Русский Солдат !!!" Другие поправляли: "Русский солдат - наверно, один из лучших солдат в мире (был в то время), но при плохих полководцах - это - просто толпа храбрых (и не всегда) людей". Верна мысль: "С плохим полководцем героизм солдат не спасает от поражения".

В. Астафьев считал, что "не армия победили фашизм, а народ наш многострадальный". 23 июня 2010 г. в Гайдпарке Сванидзе вещал: "профессиональная армия прекратила свое существование в первые месяцы Великой отечественной войны. И дальше воевала уже не армия, дальше воевал народ", "не мудрость руководства сломала хребет по сути непобедимой германской армии, а мученический и героический подвиг всего народа". Но как можно отделить Красную Армию от народа, как можно было добиться Победы над фашистской армией, опиравшейся на военную и экономическую мощь почти всей Европы, без "мудрого руководства"?

Сам ход войны и наша победа убедительно раскрыли силу советской общественной системы. Манштейн признал, что Гитлер и германский генштаб недооценили не только "ресурсы Советского Союза и боеспособность Красной армии", но и "прочность советской системы" (С. 189). Г. Якобсен отметил, что "большевистский режим оказался более способным к сопротивлению, чем предполагалось". В. Кейтель в "Размышлениях перед казнью" написал: "Гитлер...

знал, что такое война на два фронта! Он взял на себя эту войну потому, что недооценил большевизм и государство Сталина, и тем сам разрушил созданный им "Третий рейх".

Политолог С. Кургинян признал: "Ядром тех ценностей, вокруг которых сплотились народы СССР, были ценности коммунистические, советские. Все остальное тонким образом прилеплялось к этому ядру, обогащая потенциал системы. Но не более того. Каждый, кто видит процесс иначе и считает, что только альтернативная идеология в ее религиозной ипостаси спасла ужасную ситуацию, должен объяснить, почему эта идеология не спасла ситуацию в 1914-1917 годах. Притом, что тогда ситуация была намного более щадящей. В той войне союзники реально воевали под Ипром и под Верденом. Наш фронт был не первым и главным, а вторым (хотя и весьма существенным). Церкви звонили во все колокола. Религия была не легитимированной инновацией, а нормой. Основой офицерского корпуса были дворяне (образованные люди, интегрированные в традиционные ценности, хранящие семейные воинские реликвии и так далее). Почему всё это "навернулось" тогда, а в 1945 году мы, наоборот, оказались в Берлине? Откуда взялась в Великую Отечественную сверхмобилизованная поддержка всего народа, претерпевшего невероятные тяготы?" (Завтра. 07.05. 2008).

Много измышлений обнародовали либералы об идеологической основе нашей Победы. 22 июня 2000 г. на ТВЦ В. Ерофеев говорил, что "коммунистическая идеология оказалась несостоятельной". А. Яковлев во вступительной статье к "Черной книге" писал о "фашистском существе" советского режима и утверждал, что "коммунизм не в меньшей степени, чем нацизм, виноват в преступлениях против человечности". Для В. Войновича "между коммунистами и фашистами никакой разницы нет". Продажные публицисты писали: "Для России было исторической катастрофой, что борьба с гитлеровским нашествием велась в противоестественной спайке с большевизмом, под руководством "сталинской партии" (Литературная газета. 20.12. 1996). С. Луконин настаивает: "Нельзя же, согласитесь, долдонить, как это делалось на протяжении советского периода, что Советский Союз победил во Второй мировой войне благодаря усилиям "родной коммунистической партии" (Литературная газета. № 29. 2004).

Конечно, не только героическая деятельность партии принесла СССР победу, но надо и преуменьшать ее выдающейся роли в мобилизации и направлении всех сил нашего народа на борьбу с врагом. Немало правды в словах А. Зиновьева: "Великую Отечественную войну мы смогли выдержать только благодаря коммунистической системе". Фашизм разгромил советский народ, руководимый именно партией коммунистов. Невозможно, если искать истину, отделить нашу Победу от деятельности партии. Три миллионов коммунистов погибли в боях за

Родину - 45% от всех убитых в боях против врага. Около 71% воинов, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, были коммунистами.

Первым закрыл амбразуру дота своим телом 24 августа 1941 года политрук 125-го танкового полка А. Панкратов около Новгорода. Г. Зюганов отметил: "В здании Госдумы на размещенной здесь выставке можно видеть фотографию, которая стала одним из символов Великой Отечественной войны. Снимок был сделан в 1941 году на поле боя у села Хорошее (ныне Луганской области): как только щелкнул затвор фотоаппарат, осколок разбил объектив. Но пленка уцелела, и снимок стал историческим. На нем Алексей Гордеевич Ерёменко, младший политрук одной из рот 220-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии. Подняв пистолет и полуобернувшись к бойца, он поднимает их в контратаку. Это была последняя его фотография - он погиб во время рукопашной, ворвавшись в немецкую траншею. И вот мимо этой фотографии, мимо других документальных снимков, на которых развевается алое Знамя Победы, без зазрения совести проходят те, кто пытается отрицать значение партии коммунистов в той великой войне" (Советская Россия. 27.04. 2010).

Командование вооруженных сил Германии (ОКВ) в приложении к директиве от 8 сентября 1941 года зафиксировало: "Впервые в этой войне немецкому солдату противостоит противник, подготовленный не только как солдат, но и как политический противник, который видит в коммунизме свой идеал, а в национал-социализме - своего злейшего врага". Черчилль писал: "...коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм евангелием, которое она с собой несла". Коммунисты цементировали общество, обеспечивали идейное единство наших людей. В романе "Мой Сталинград" М. Алексеев показал, как в острую минуту боя политрук скомандовал "Коммунисты, вперед!", и добавил: "И что бы ни говорили циники, все было именно так!"

А. Василевский вспоминал о потоке заявлений с просьбой о приеме в ряды ленинской партии: "Только на Сталинградском фронте, где мне довелось бывать больше всего, за сентябрь - ноябрь вступило в партию более 14 тыс. воинов" (С. 226). В годы войны в армии и на флоте кандидатами в члены партии вступило около 5100000, а членами партии стали около 3300000 человек. На фронт ушли 3500000 комсомольцев.

В. Астафьев в романе "Прокляты и убиты" не мог сдержать своей ненависти к коммунистам, рисуя анекдотические сценки вступления в партию воинов на фронте. У него "кандидат в партийцы" твердил: "Раз сулятся семье помочь в случае моей смерти, я согласен идти в партию". Или: "Некоторые бойцы и младшие командиры, уцелев на плацдарме, выжив в госпиталях, измотавшись в боях, позабыли, что подмахнули заявление в партию, уже после войны, до-

ма, куда в качестве подарка присылалось "партийное дело", с негодованием и ужасом узнавали, что за несколько лет накопились партийные взносы...".

М. Постол привел действительные факты: "Три дня вел неравный бой с противником сержант Тихон Бурлак. Получил рану в руку и голову. Когда кончились патроны, Тихон выстрелил из ракетницы и при свете ракеты бросил гранату в самую гущу гитлеровцев. А потом второй взорвал себя вместе с пулеметом и набежавшими гитлеровцами. На рассвете противник был отброшен. В полуразрушенном доме товарищи нашли мертвого бойца, а в его карманах фотографию девушки и записку: "Погибаю за родину. Считайте меня коммунистом. Лене передайте, что свое обещание я выполнил, а любовь её унес с собой...". В жестокой схватке с врагом у деревни Устиново на Западном фронте погиб боец Степан Волков. В медальоне его нашли после боя записку: "Если погибну в бою, прошу считать меня коммунистом...". В тяжелом бою смертью героя погиб сержант-комсомолец Яков Бондарь. В его гимнастерке товарищи нашли письмо-завещание: "Прошу считать меня коммунистом..." (Советская Россия. 23.06. 2001).

В октябре 1943 г. перед уходом в крайне опасную операцию разведчик Н. Кузнецов написал завещание и просил своих боевых друзей вскрыть конверт, если он погибнет. Выдержка из него: "Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце. Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны...". Эти слова привел в своей книге "Сильные духом" Герой Советского Союза Дм. Медведев.

С этой святой памятью ведут подлую борьбу демократы. Современные СМИ, постоянно бросающие негативные оценки в адрес советской власти, многое сделали, чтобы в сознании наших людей кощунственно оболгать партию и нашу армию.

Власть и ее информационная служба пытаются использовать в своих целях для создания стабильности в стране объединительный пафос Победы как высшей исторической ценности. Но честно ли признавать эту великую ценность и в то же время повседневно чернить советский государственный строй, который привел нас к великой Победе? Либерал Е. Кончаловский в интервью перед показом серии "Личное отношение" для канала "Звезда" бездоказательно, без знания исторических фактов заявил: "Бездарность и идеологическая муть, присущие советской власти и компартии Советского Союза, очень серьезно помешали войне..."

Во имя чего постоянно чернят и клеветают СМИ на СССР, его руководство, на советскую власть? Какова цель этого? Почему это делается синхронно с западными средствами печати? Не

объясняется ли это стремлением выполнить тлетворную задачу: до конца разрушить государственность России, раздробить ее на мелкие части?

Глава 44. И. В. Сталин

В 2003 году центр международных социологических исследований "ИСОМАР" сообщил, что роль Сталина в истории России положительно оценивают 77% опрошенных, отрицательно 8%, затруднились ответить 15%. Тележурналисты, используя телефонное голосование, решили выбрать "Имя России". Газета "Известия" 17 июля 2008 года с неудовольствием сообщила: "До итогов, которые подведут в декабре, еще далеко. Сейчас же первое место прочно удерживает Иосиф Сталин".

В 1939 году в беседе с А. М. Коллонтай И. В. Сталин предсказал: "...многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже... И мое имя тоже будет оболгано и оклеветано..." (Диалог. 1998. № 8). Это предсказание сбылось. Либералы ненавидят Сталина прежде всего потому, что результаты его правления разоблачают их разрушительную деятельность, их предательство России и коренных интересов ее народов. Их ненависть к нему отражает ненависть временщиков к "этой стране", к нашей государственности и устремленности создать великую Россию.

НТВ 23 июня 2008 г. в связи со смертью Н. Бехтеревой объявило (вслед за О. Морозом и П. Судоплатовым), что ее знаменитый дед-психиатр установил: Сталин болел паранойей. Но она еще в 1995 году опровергла эту ложь: "Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе бы мы знали. Дедушку действительно отравили, но из-за другого. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг" (Аргументы и факты. № 39. 1995.).

Образ Сталина негативно представлен в произведениях А. Рыбакова "Дети Арбата", Ф. Искандера "Пираты Валтасара", А. Синявского "Спокойной ночи", Вл. Сорокина "Голубое сало", В. Аксенова "Московская сага" и ряде других авторов. В "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицын откликнулся на смерть Сталина: "Скорёжился злодей! ...Хочется вопить перед репродуктором, даже отплясать дикарский танец". "В круге первом" он утверждал: Сталин - "незаконный сын, приписанный захудалому пьянице-сапожнику", у него "не было умения к ремеслу или воровству, не было удачи стать любовником богатой дамы", "не было наклонностей к наукам или к искусствам" (на самом деле в юности он писал стихи, 5 его стихотворений были опубликованы в

газете "Иверия", которую редактировал известный поэт Илья Чавчавадзе), вот потому он и стал ...революционером. Какое недомыслие!

Борьба Солженицына с советским режимом помогала тем, кто вел холодную войну против России. В 90-е годы он с горечью стал говорить о том, что страной правит олигархия, развалена могучая держава, разграблено "под видом приватизации национальное достояние", острота социального расслоения достигла наивысшего предела. В рассказе "На изломах" (1996) он, словно забыв о своем неприятии советской власти, разделяет мысль героя о том "настоящем горе", которое пришло тогда, когда "разогнали Партию", она "была наш Рычаг. Наша Опора". Ненависть к Сталину теперь переплетается у Солженицына с оценкой его как великого государственника: "И все понимали, что потеряли Величайшего человека, Но нет, и тогда еще Дмитрий не понимал до конца, какого Великого, - надо было еще годам пройти, чтобы осознать, как от него получила вся страна Разгон в Будущее". Такие мысли высказывал Рубин в романе "В круге первом": "Это величайший человек! ...Это вместе - и Робеспьер и Наполеон нашей революции. Он - мудр. Он - действительно мудр! Он видит так далеко, как не захватывают наши куцые взгляды".

К. Собчак, лидер молодежного движения "Все свободны", вместе с М. Гельманом, А. Бартевым, М. Прохоровым, В. Сорокиным. Ю. Латыниной 27 мая 2010 г. участвовала в акции "Люди против Сталина", организованной журналом "Сноб". Эта группа, причисляющая себя к тем, кто возвышается над остальными людьми, якобы обладает особыми достоинствами и возможностями. Сейчас она всячески чернит Советский Союз и нашу победу в Великой Отечественной войне.

К. Собчак - дочь А. Собчака, сумевшего (при помощи друзей) избежать справедливого суда за свои неприглядные махинации. При освещении тбилисских событий 9 апреля 1989 г. он оплевал нашу армию, заявив, что тогда "отравляющими газами и саперными лопатами было убито 19 человек". Но, как свидетельствуют бывший министр обороны И. Родионов, документы и очевидцы, вызывающие доверие, в действительности ни один человек не умер ни от газов, ни от саперных лопаток.

27 мая 2010 г. гайдпаркер Т. Канделаки, член Общественной Палаты, сообщила: "Вчера на Пионерских чтениях в какой-то момент, когда Ксения Собчак читала колонку про Сталина, в "Республике" повисла тишина, которой там отродясь не было. Все были в шоке, что вдруг Ксения Собчак заговорила о Сталине, причем вслух озвучила то, что каждый про себя думал. Она сказала, что Сталина надо признать преступником, и это должно быть однозначно. И только после этого праздновать День победы". "Каждый" относится к самой Канделаки и её союзникам, но не к подавляющему большинству наших людей.

Белоцерковский нашел, что в истории "не найти фигуры более негативной, более опасной для собственного народа и человечества, нежели Сталин..." (Независимая газета. 29.01. 2000). Информационно дискуссионный портал Интернета 20.04.2010 г. процитировал письмо неких ветеранов: "Сталин - это разгром руководства армии, уничтожение профессиональных военных кадров в 1937-1938 годах. Сталин - это бессудное уничтожение в 1930-е годы сотен тысяч наших соотечественников, которые могли бы в 1941-м встать в ряды защитников Родины. Сталин - это развал оборонной промышленности, расстрелы и аресты ведущих организаторов, конструкторов и инженеров. Сталин - это преступный и позорный сговор с Гитлером в 1939 году, снабжение гитлеровской Германии советским сырьем и агрессивная политика, за которую Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Сталин - это чудовищная политическая близорукость, приведшая к катастрофе первых месяцев войны, когда гитлеровцы оккупировали огромные территории и захватили в плен миллионы наших солдат. Для этих успехов фашистских войск Сталин сделал больше, чем все немецкие фельдмаршалы и генералы. Сталин - это невиданный в истории пример предательства: солдаты, попавшие в плен по вине главнокомандующего, были объявлены изменниками". Но вот вопрос, разоблачающий эту беспардонную ложь: как же при таком мерзком руководителе СССР победил фашизм и стал второй по военно-политическому значению державой в мире?

Г. Померанец пытается дать ответ на него: "Можно ли было - после чудовищных потерь 41-го и 42-го года - дойти до Берлина? Да, можно, дошли, но за счет глубокого искажения народной души. С помощью вставшего из могилы призрака всемирного завоевателя, Батгя, Чингисхана. Такая победа - напиток ведьм. И народ, проглотивший его, долго остается отравленным и через несколько поколений отравы выступает сыпью - портретами Сталина на ветровых стеклах" (Знамя. 1993. № 8. С. 163). Выходит, нам надо было поднять, дрожа от страха, руки вверх, тогда бы померанцы нас похвалили. Для них любовь к России - "напиток ведьм".

Волкогонов в книге "Триумф и трагедия" заявил, что катастрофические материальные и людские потери "смог вынести лишь советский народ, который устоял не благодаря, а вопреки и "гению" Сталина". Д. Дондурей повторил эту мысль о Победе: "Да мы заплатили самую большую цену и кричали: "За родину, за Сталина!" Но победили не благодаря, а вопреки тирану" (Российская газета. 07.05. 2007). Поразительная логика: если наши войска терпели поражения - в этом была вина прежде всего Сталина, если побеждали - он не имел к этому никакого отношения. Профессор Р. Косолапов верно сказал: "Заявления типа "Победа была достигнута не благодаря, а, наоборот, вопреки руководству Сталина" следует по справедливости отнести к порождениям злобствующей глупости" (Советская Россия. 15.01. 1998).

Сталин при всех сложностях своего характера был великим государственным деятелем, много сделавшим для укрепления могущества нашей державы. В нем соединился в одном лице мудрый политик и дипломат, выдающийся военачальник и великий строитель. Его деятельность отвечала главным историческим интересам России. Он понимал, что она может существовать только как великая держава. Он выше всего ставил геополитические интересы России, отказался от идеи всемирной революции еще в 30-е гг. 23 июня 2010 г. Парманін лепетал в Гайдпарке: "Сталин был безусловно фанатиком идеи распространения коммунизма на весь мир и не мог не понимать, что только всеобщая "советизация" планеты может спасти коммунистическую идею и большевистское государство, которые рано или поздно неминуемо уйдут в прошлое, если хоть где-то идеи свободы личности и гуманистических ценностей будут существовать".

Этому лжецу напомним о беседе Сталина с Рой Говардом, председателем американского газетного объединения "Скрипс-Говард Ньюспейперс", состоявшейся первого марта 1936 года. Говард спросил: "Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?" "Сталин. Таких планов и намерений у нас никогда не было". "Говард. Мне кажется, ...что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление". "Сталин. Это является плодом недоразумения". "Говард. Трагическим недоразумением?" "Сталин. Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим. ...Экспорт революции - это чепуха" (Правда. 05.03. 1936).

Сталин в своей деятельности ориентировался в годы войны на народную мораль. И. Стаднюк в романе "Война" показал переживания Сталина после получения известия о том, что его сын Яков попал в плен. "Конечно, хорошо бы спасти Яшу... Но что нам скажут многие тысячи наших бойцов, которых мы не выкрадем и не обменяем?.."

Полная самоотдача, самопожертвование, подчинение личных интересов государственным, желание разделить с народом трагическую тягость военных испытаний, умение принять равное с простолюдными участие в преодолении трудностей, обрушившихся на родину, - это в понимании русских людей обязательно и для верховных правителей. Такое представление идет из седых глубин нашей истории. Как писал Н. Карамзин в "Истории государства российского", русские люди "осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные области, думая о личной безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства" (Москва. 1989. № 2. С. 125).

Н. Разгуляев задал глупый вопрос: "...давайте подумаем хотя бы над тем, почему люди всего мира, которые считают и Гитлера и Сталина тиранами, не находят оправдания для первого, но находят что-то хорошее в деяниях второго?" (Гайдпарк. 12.08. 2010). М. Делягин рассу-

дил: "Принципиальное отличие сталинизма от гитлеризма, то, почему их нельзя ставить на одну доску, заключается в том, что немцы совершали преступления против других. А мы совершали их против себя. Поэтому мы имеем право себя и ругать, и осуждать, - но другие права такого не имеют. Это не их тема и не их трагедия. Это наше, внутреннее дело". С именем Сталина связаны великие свершения в России. Вряд ли у нас есть право только поносить его, лучше всего стоит глубоко вникнуть в суть его деятельности в переломный и очень сложный период жизни в нашей стране и многому поучиться у него.

Нравственное разложение, тотальная коррупция, потеря чести, совести, долга, уважения к святыням поразили сейчас правящие кланы России. Им бы стоило руководствоваться мудрым принципом Сталина, который говорил: "Кадры решают все", руководить должны наиболее компетентные деятели, а не "артель личных друзей". Он сумел создать элиту достойных руководителей, вышедших из гущи народа.

Хрущев в докладе на XX съезде намекал на причастность Сталина к смерти Кирова. Судоплатов писал, что "документов и свидетельств, подтверждающих причастность Сталина или аппарата НКВД к убийству Кирова, не существует". Рокоссовский, несколько лет сидевший в тюрьме по клеветническому навету, отказался от предложения Хрущева написать чернящую Сталина статью и сказал при этом: "Сталин для меня святой". Он был снят с должности заместителя министра обороны в 1962 г. У Василевского резко изменились отношения с Хрущевым после того, как он "не поддержал его высказывание о том, что И.В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий".

Сталин не "руководил фронтами по глобусу", как клеветал Хрущев. Василевский в книге "Дело всей жизни" подчеркнул: Сталин, "особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми усилиями страны". Вместе с тем он допускал ошибки и просчеты в годы войны, вначале недооценивал работу аппарата Генштаба, недостаточно учитывал коллективный опыт командующих фронтами. "Поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего явился сентябрь 1942 года, когда создалась очень трудная обстановка и особенно потребовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями".

У Сталина была великолепная память, "гениальный ум", сильная воля и "на редкость нелегкий, вспыльчивый, непостоянный" характер. В пору серьезных неудач на фронте он "часто выходил из себя, срывая гнев и на людях, которых трудно было винить". Он бывал и "непозво-

лительно, нестерпимо груб и несправедлив". Это испытал на себе Василевский, который признал: "...я видел Сталина в разных видах и, не преувеличивая, могу сказать, что знаю его вдоль и поперек. И если говорить о людях, которые натерпелись от него, то я натерпелся от него как никто" (С. 445).

В то же время Василевского поражала забота Сталина о людях в условиях крайне тяжелой обстановки. "В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться не может. В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для меня отдых от 4 до 10 часов утра и проверял, выполняется ли это его требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для меня разговоры" (Знамя. 1988. № 5. С. 128).

Сталин приказал выделить дачу Василевскому. У него не было связи с отцом-священником, испытывавшим материальную нужду. Сталин осудил его за это: "Он же ваш отец. Съездите, навестите". Сталин разрешил ему побывать у отца. Когда Василевский приехал к отцу, тот стал благодарить "его за помощь: "Спасибо, сынок, что ты помогаешь, деньги шлешь!" Василевский промолчал. "А потом Сталин показал ему квитанции. Вот кто помогал, оказывается" (Советская Россия. 15.12. 1999).

В его памяти Сталин остался "суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния". Сын Василевского, Игорь Александрович, сказал о Сталине после встречи с ним: "...это был внешне визит доброго человека, умеющего мгновенно покорить собеседника. У меня сохранилось впечатление о нем, как о неординарной, сильной личности" (Российская газета. 22.04. 2010). В воспоминаниях "Солдатский долг" Рокоссовский заметил: "Не могу умолчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним..."

Академик А. Сахаров отозвался о Сталине: "Я под впечатлением смерти великого человека. Думаю о его человечности". У Черчилль писал: "Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял такой гений и непоколебимый полководец, как Иосиф Сталин. Сталин был человеком необыкновенной энергии и негибкой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать свои мысли. Статьи и речи Сталин всегда писал сам, и в них звучала исполинская сила. Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все мы,

словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой мудростью и чуждой всякой панике логикой. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безнадежного положения. В самые трагические моменты, как и в дни торжеств, Сталин был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием".

Либералы делают все, чтобы национально-государственная идея не стала притягательной духовной силой, вокруг которой бы сплотились народы России. Сталин для многих людей олицетворяет величие нашей государственности, и это бесит очернителей. "Британская энциклопедия" писала о нем: "Он был создателем плановой экономики; он принял Россию с деревянными плугами и оставил ее с атомными реакторами; он был "отцом Победы". По словам Н. Федоренко, переводчика Сталина во время встречи с Мао Цзе Дуном, он обладал "какой-то гипнотической силой, грозностью, державностью".

Зиновьев определил: "Сталин был великий стратег военный. Он не полководец, как Жуков. Жуков - великий полководец. Но если бы Жуков стал во главе страны, страна была бы разгромлена. ...Все свое место" (Советская Россия. 16.09. 1997). Эту мысль вряд ли можно оспорить. Давая оценку роли Сталина в годы войны, следует учитывать то, что он контролировал важные нити народного хозяйства страны, проделал колоссальную работу по созданию стратегических резервов и материально-технических средств. Мерецков подчеркнул, что "практически ни одна военная или военно-экономическая проблема, стоявшая перед страной, не решалась без прямого участия Генерального секретаря ЦК ВКП(б)" (С. 169).

Можно удивляться недалекости Н. Болтянской, изрыгавшей 5 мая 2010 г. в Информационно-дискуссионном портале: "День Победы почему-то вдруг стал личной заслугой товарища Сталина. Как и сама Великая Победа. ...Перечислю аргументы, которые мне в передачу присылают сталинисты всех мастей - добровольные и платные: "Критикуя Сталина, вы доказываете свою ненависть к России. Критика человека, с чьим именем на устах шли в бой и погибали за Родину - плевок в лицо всем, кто погиб за Родину?" Маленький человек бросался на амбразуру и спасал этим жизни своих однополчан. Маленький человек шел дорогами войны и водружал знамя над рейхстагом. Большой человек сидел в ставке и распоряжался чужими жизнями. ...Но это не означает, что война была победоносной именно в силу гения того, кого меньше всего волновало, десять человек погибнет или тысяча. Кто-то должен был стать иконой. Сражаться шли за Родину. За близких, оставленных в блокадном Ленинграде и оккупированном Киеве, за,

черт возьми, околицу собственной деревни и мамину улыбку... За детей, которых многие войны страны-победителя уже не увидели. ...Какой военный подвиг лично совершил товарищ Сталин? Кому сегодня пытаются отдать "спасибо" за зажигательные бомбы, которые тушил на крыше дома мой папа?". Это похоже на нечто такое, что разительно выходит за пределы разумного.

В декабре 1946 г. после единичного посещения урока по литературе в Кимрском педучилище я написал в своем дневнике: "Преподаватель говорил учащимся много абсурда, стараясь воспитать их какими-то фанатиками. ...Нашу родину спас товарищ Сталин". Ведь каждому понятно, что один человек ни в коем случае не может спасти государство, разбить вражескую армию". Сейчас мне ясно, что и один человек, руководитель России, может многое сделать для спасения родины или для ее гибели.

Т. Хренников назвал Сталина, "величайшим человеком, который нашу Родину превратил в такое государство, которое стало величайшим в мире". Он писал об измышлениях либералов: "Вообще пишут такую белиберду, что трудно представить, чтобы нормальный грамотный человек мог придумать такую штуку, как сейчас придумывают о советских руководителях, писателях" (Завтра. 27.09. 2006).

Черчилль писал о встрече с членами советского правительства и Сталиным в Москве во время войны: "Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали".

Сталина упрекают в том, что он не терпел чужого мнения, не считался с ним. Жуков оспаривал мысль о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения: "...если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений" (Т. 3. С. 57). Василевский заметил, что "в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается. Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами" (С. 451). Министр сельского хозяйства И. Бенедиктов, нарком вооружений Д. Устинов, председатель Госплана СССР А. Байбаков говорили, что Сталин уважал "возражающих", "самостоятельных", "независимых".

В печати отмечалось, что Сталин высоко ставил откровенность и прямоту. Конструктор орудий, "гений пушкарного дела", В. Грабин вспоминал о своем вызове в 1942 г. в ГКО: "Из слов выступавшего генерала я понял, что вся работа по модернизации пушек и новой технологии подвергается не только критике, но и резкому осуждению. ...После каждого выступления товарищ Сталин... подходил ко мне и спрашивал: "Товарищ Грабин, что вы на это скажете?" - "Товарищ Сталин, пушки надо делать только по новым модернизированным чертежам..." Следующий оратор еще энергичнее и красочнее говорил о том, что пушки могут подвести в бою. Гляжу, Сталин опять идет ко мне... И вот, когда он подошел в шестой раз и спросил: "Товарищ Грабин, что вы на это скажете? - я не вытерпел, встал и по-военному отрапортовал: "Товарищ Сталин, по каким чертежам прикажете, по такими будем делать пушки!" - "Вы страну без артиллерии оставите! У вас конструкторский зуд! Вы хотите все менять и менять! Работайте, как работали раньше! - в его голосе были раздражение и гнев. Он подошел к своему стулу, взял его за спинку и, приподняв, грохнул им об пол. Я никогда не видел Сталина таким раздраженным. Одним словом, ГКО постановил: пушки делать по старой технологии... Ночью звонок от Сталина. Он поздоровался и, как ни в чем не бывало, подчеркнуто вежливо сказал: "Вы правы. То, что вы сделали, сразу не понять и по достоинству не оценить... Ведь это революция в технике. ЦК, ГКО и я высоко ценим ваши достижения. Спокойно заканчивайте начатое дело!" (Советская Россия. 15.11. 2007).

В. Путин в 2002 году сказал польским корреспондентам о Сталине: он был жестокий диктатор, но вместе с тем надо признать, что он много сделал для победы над фашистской Германией. Польский писатель В. Миньковский после беседы с А. Керенским написал: "Керенский очень высоко оценил роль Сталина в истории, считал, что сравнить его можно только с Петром Великим, да и то не в пользу Петра, сетовал, что ему не хватило мужества действовать так, как действовал Сталин. Да, народу пришлось перенести страдания, но государство было укреплено" (Литературная Россия. 18.11. 1988).

По этому пути пошла мысль политолога В. Третьякова: "Сталин, безусловно, один из величайших политиков мира в XX веке... ..если бы Петр Великий, фигура, безусловно, исполинская и традиционно положительная и в писаной русской истории, и в фольклоре ...встал из гроба и оглянул нашу историю от сегодняшних дней назад, кого бы он мог назвать своим настоящим и полноправным наследником? ...Только Сталина. Ибо именно Сталин воплотил в жизнь как геополитические, так и индустриальные заветы Петра Великого. Более того - даже превзошел их. ...Петр Великий был еще реформатором... А если и диктатор, то просвещенный. А разве Сталин не был реформатором? Разве не был просвещенным? Кто еще из правителей России в

XX веке мог весьма профессионально рецензировать произведения литературы, кинематографии, театра, архитектуры, музыки? Кто мог даже направлять ход искусства? ...Вот Петр Великий мог. А в XX веке? Даже Ленин, будучи куда как образованней Сталина, не мог и опасался. ...Что такое, по сути, Сталин? Жестко и жестоко целеустремленный прагматик. ...Если бы Сталин жил сегодня, никаких концлагерей, конечно, не было бы. Сталин знал границы допустимого в собственной стране и в мире для каждой исторической эпохи" (Независимая газета. 22.12.1999).

До сих пор мелькают в печати мысли о том, что Сталин был "русским шовинистом". А. Яковлев утверждал иную несурязицу: "Сталин презирал русский народ, стремился его уничтожить" (Литературная газета. № 41. 2001). В подтверждение этой мысли кое-то указывает на уничтожение после войны Н. Вознесенского, А. Кузнецова, П. Попкова и других общественных деятелей, придерживающихся "русской ориентации". В этом факте отразилась сильнейшая нетерпимость вождя к националистическим веяниям, которые он ошибочно усмотрел в их настрое. Ципко считает, что "Сталин никогда не был и не смог бы стать русским, в подлинном смысле этого слова, патриотом по той простой причине, что он, как и Ленин и Троцкий, страдал укорененным, марксистским синдромом ненависти к мужику, к крестьянину, к православному миру" (Наш современник. 1997. № 11. С. 22). Ципко бездумно или преднамеренно соединил Ленина и Троцкого.

При оценке отношения Сталина к крестьянству надо учитывать конкретное положение нашего государства во время его правления. В 30-е годы коллективизация и индустриализация острее всего сказались на положении деревни. Но если бы это не было сделано, мы бы не победили Германию. Во многом за счет деревни было проведено восстановление разрушенных городов и промышленных предприятий после окончания войны. Но и в этой очень тяжелой обстановке, видимо, можно было внимательнее отнестись к сельскому хозяйству, к насущным нуждам деревни.

В молодые годы я относился к Сталину со смутной критичностью. Социалистические идеалы были усвоены и приняты всей моей душой, но они подчас контрастировали с тем, что было в действительности. В моей деревне перед войной была полуголодная жизнь. И это направляло мою мысль на критическую оценку деятельности советского правительства.

В 1933 году моего отца сняли с должности агротехника и отлучили от партии после того, как на собрании районного актива он осудил директиву, требующую сверххранного посева льна. Вскоре сама жизнь показала, что он был прав. Он, участник финской войны 1939-1940 гг., был по подлому навету арестован в начале 1941 г., сидел в тюрьме 3 месяца, был освобожден и по-

гиб в 1941 г. на фронте. Мой дядя, Огнёв Михаил Трофимович, учился в Вышневолоцком педучилище, возглавлял в нем комсомольское бюро, осудившее двух комсомольцев за стрельбу из духового ружья в портреты вождей, а от городских органов он это скрыл и в 1936 году получил три года тюрьмы. Во время войны на фронте его приняли в партию, он стал офицером.

Меня раздражали подобные факты, свидетельствующие, как мне казалось, о несправедливости, я не мог понять, почему такое возможно. Я еще в школьные годы пристрастился читать газеты, политика крепко схватила меня тогда и не отпускает до сих пор. Недоуменные вопросы вызвали у меня репрессии 30-х годов.

Веру в гениальное предвидение Сталина подрывали некоторые его предсказания. В речи 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве он сказал: "Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Ещё несколько месяцев, ещё полгода, может быть годик, - и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений". В яростной борьбе проходил "годик", второй, а Германия не лопалась, продолжала упорно воевать.

В 1952 г. директор школы № 58 города Астрахани сказал мне: "Надо от имени выпускников послать приветственную телеграмму товарищу Сталину". "Зачем? - возразил я, учитель и секретарь бюро партийной организации школы. - У него и так много важных дел, зачем ему тратить время на чтение нашей телеграммы?" "Вы не хотите послать приветствие товарищу Сталину?" Зловещий тон вопроса, угрюмое выражение лица директора (к этому времени у нас с ним сложились напряженные отношения) сразу отрезвили меня, и я ответил: "Посылайте, не возражаю".

XX съезд КПСС потряс меня, вызвал горькие раздумья, усилил негативное мнение о Сталине, он в моем сознании нес главную ответственность за репрессии. Но постепенно ко мне стало приходить понимание чрезвычайной сложности советской жизни в 30-е годы и сути этих отнюдь не только "сталинских" репрессий.

А после лжедемократических "реформ", разваливших великую державу, ввергнувших в нищество большинство народа, у меня укрепилась мысль: **Сталин - при всех неоднозначных сложностях его характера и деятельности - был великим государственным и гениальным руководителем, много сделавшим для укрепления могущества нашей державы.**

Многомерный образ Сталина создан в трилогии К. Симонова "Живые и мертвые", романах Ю. Бондарева "Горячий снег", И. Стаднюка "Война", А Чаковского "Блокада" и "Победа", В. Успенского "Тайный советник вождя", в книге В. Карпова "Генералиссимус" (2002), вызвавшей негодование либералов. Карпов в книгах "Маршал Жуков" и "Опала" отрицательно оценивал Сталина, а в этой работе пишет о нем как о выдающемся стратеге и мудром государствен-

ном политике. Образ Сталина как гениального государственного деятеля нарисован в романе А. Чаковского "Победа", центром которого является Потсдамская конференция.

Шолохов говорил: "Это был внимательный, мудрый и терпеливый читатель "Тихого Дона" с гениальной памятью. ...Сталин удивил меня своей памятью, цитируя отдельные сцены и целые страницы моего романа, не заглядывая в книгу. Мы полемизировали с ним по многим проблемам "Тихого Дона". И всегда Сталин приятно поражал меня внутренним обаянием, глубиной мысли и своей корректностью. В беседах со мной не было и тени "нажима", "диктата" или "вмешательства" в мой творческий замысел".

Близко наблюдавший Сталина после войны В. Кружков заметил, что при награждении Сталинскими премиями он "проявлял такую осведомленность, что Фадееву было трудно отвечать на его вопросы. Сталин знал новинки лучше" (Литературная Россия. 28.12. 2001).

Композитор Т. Хренков, высоко оценивал не только государственные заслуги вождя, он сделал неожиданный для многих людей вывод: "Сталин, по-моему, музыку знал лучше, чем кто-либо из нас. Он постоянно ходил на спектакли Большого театра и часто водил туда Политбюро - воспитывал, так сказать, своих сотрудников".

С. Михалков писал о Сталине: "Он был во всём мощный человек. У него был мощный ум. Пусть он был жестоким человеком, но он был жестоким не избирательно. Он был жестоким к самому себе. Он был жестоким к детям своим. Он был жестоким к своим друзьям. Время было такое жестокое. ...Со слов председателя комитета по премиям, Александра Фадеева, ...я знаю то, что он обо мне говорил. ...Список читал Маленков. Вот они доходят до фамилии Михалков... Михалков Сергей Владимирович - Сталинская премия второй степени - за басни. А Сталин ходит по кабинету и слушает. Все ждут его реакции. Все знают, что первые басни я послал ему. После того, как я написал Гимн и был уже два раза лауреатом Сталинской премии. ...И вот доходят до фамилии Михалков, ждут, что скажет Сталин. А Сталин неожиданно говорит: "Михалков - прекрасный детский писатель". Всё. И я не получаю премию за басни... Он это сделал правильно. Это я потом понял. Если бы он поддержал жанр басни, тогда бы все кинулись писать. Это был мудрый шаг. ...Он смотрел в корень. Поддерживал тенденцию... И этим он тоже был велик" (Завтра. 20.05. 2003).

28 мая 2010 г. в Гайдпарке либерал В. Красуля в своей статье "Кто предал Сталина?" остановился на Постановлении XXII съезда КПСС "О Мавзолее Владимира Ильича Ленина". В этом решении говорилось: "Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие дей-

ствия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина".

Основываясь на этих утверждениях, Красуля рассудил: "Если встать на точку зрения сегодняшних поклонников Сталина, военные уж точно должны были бы обидеться за осквернение памяти главнокомандующего, воля которого вела их к Рейхстагу, и благодаря гению которого, по мнению некоторых современных историков, мы и победили. Среди делегатов были маршалы Рокоссовский, Малиновский, знаменитые генералы минувшей войны Батов, Конев, Плиев и еще пара десятков генералов, занимавших высшие должности в Советской Армии. ...Все они проголосовали за резолюцию". Почему маршал И. Конев разжалован в генералы? "Был среди депутатов Юрий Гагарин, был писатель Михаил Шолохов ...подозревать, что они кривили душой, голосовали под давлением, из корысти или страха, нелепо. Делегаты съезда ...единодушно отвергли особую роль Сталина в истории страны, в том числе и великой Отечественной Войне". Сей разоблачитель не заметил, что в этом решении ничего не было сказано о Великой Отечественной войне. Для Хрущева и его приближенных главное было - отделить Сталина от Ленина. Право же, когда в саркофаге лежат два человека, то это можно при желании расценить как нарушение общечеловеческих представлений о нравственности.

Надо помнить и то, что Хрущев жестоко расправлялся с теми, кто перечил ему. Например, он вероломно и несправедливо поступил по отношению к маршалу Жукову. Голосовать на съезде против предложенной резолюции, зная, что ты скорее всего будешь единственным несогласным с ней делегатом, значило стать в позицию, которая ничего хорошего не обещала ни тебе самому, ни в конечном счете стране и народу. И самое главное - общественная обстановка диктует свои нравственно-психологические правила, которые довлеют над поведением человека.

Когда разоблачительный вал по отношению к Сталину поднялся столь высоко, что в печати нельзя было написать о нем ничего положительного, Шолохов не поддался этой волне, он искал многомерную правду об этом выдающемся историческом деятеле. Он верил суждениям Жукова о нем, о его вкладе в нашу победу во время войны и считал, что "нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период": "Во-первых, это нечестно, а во-вторых, вредно для страны, для советских людей. И не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что "ниспровержение" не отвечает истине" (Мировое значение творчества М. Шолохова. М. 1976. С. 9).

Глава 45. Писатели в борьбе с врагом

В годы Великой Отечественной войны тесная связь писателей с жизнью народа выказалась прежде всего в том, что они изо дня в день откликались на возникающие тогда животрепещущие проблемы. Прямое осмысление происходящих событий вызвало сильную публицистическую струю. П. Павленко писал в своем дневнике: "Слово писателя, его призыв, его песни, его лозунги доходят сейчас до таких слоев народа, до каких ранее он даже не мечтал дойти. Потому что никогда еще художник не был так нужен людям, как сейчас. Потому что никогда так не любил человек свою культуру, свой язык, свою песню, как любит сейчас, в дни тягостных страданий родины". Американский журналист А. Верт в книге "Россия в войне 1941-45" (1967) заметил: "Россия также, пожалуй, единственная страна, где стихи читают миллионы людей..."

В течение всей войны на страницах газет и журналов печатались произведения, зовущие советских людей на боевые подвиги. Они способствовали сплочению всех сил народа, укрепляли веру в нашей победе. В них не было упадничества, растерянности, отчаяния, пессимизма. Советская литература стала тогда литературой воюющего народа. В 1942 г. А. Толстой подчеркнул, что "советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа".

Мобилизующая сила советской литературы основывалась на бесстрашной правде. Н. Тихонов говорил в феврале 1944 года на IХ пленуме Союза писателей: "Главным героем нашей литературы, как в дни мирного строительства, так и в дни Отечественной войны, является правда. Мы не хотим скрывать ни дней тягостного отступления, ни дней жестоких боев, ни огромного напряжения сил страны на пути к победе. Мы не хотим рядить наших воинов, наших офицеров в пышные одежды сказочных удалцов или ограничиваться картинками строго батальных описаний. Правда о войне - это рассказ, который должен потрясти души и сердца, раскрыть все моральные богатства, всю глубину могучего духа советского человека". А. Сурков утверждал, что "лишь слово правды, честное, простое готовы мы принять в свои сердца". Он считал: "Не надо пытаться перекричать войну. Чтобы живой человеческий голос не затерялся в хаосе звуков войны, надо разговаривать с воюющими людьми нормальным человеческим голосом. Но голос этот будет услышан, если говорящий и пишущий стоит близко, у сердца воюющего человека".

В. Быков подчеркнул: "...проблема героизма во время войны является решающей, главной. Смелость, отвага, презрение к смерти - вот те основные качества, которыми определяется достоинство воина. Великая Отечественная война советского народа против немецкого фашиз-

ма длилась четыре года, но ее духовно-физический "концентрат составляет целую эпоху в нашей истории".

Героем литературы стал рядовой участник войны, отразивший характерные черты народа на войне. В поэме-эпопее "Василий Теркин" Твардовский прославил подвиг святого и грешного русского человека, который хорошо знал, что "Россию, мать-старуху, нам терять нельзя никак". Эренбург писал, что на фронте "мы защищаем нашу мать - Россию", что ее миссия "всегда мнилась лучшим сынам русского народа в утверждении братства, добра, всечеловеческих идеалов". Симонов гордился тем, что на русской земле "умереть мне завещано, // Что русская мать нас на свет родила, // Что, в бой провожая нас, русская женщина // По-русски три раза меня обняла". В стихотворении "Родина" он пишет, что на все можно идти, можно переносить холод и голод, "но эти три березы при жизни никому нельзя отдать".

О. Берггольц клялась: "Мы победим, клянусь тебе, Россия, от имени российских матерей". В ее поэзии представал суровый образ Родины: "Родина моя в венце терновом, с темной радугой над головой". П. Коган со всей искренностью молодости восклицал: "Я патриот. Я воздух русский. Я землю русскую люблю". В стихотворении "Родина" Сурков писал: "Ты всех милее, всех дороже, русская // Суглинистая, жесткая земля". В лирической поэме А. Прокофьева "Россия" отражены раздолье русских полей, красота бесконечных лесов, отразившихся в душе русского народа. Родина воспринимается в ней в романтическом ключе: "Сколько звезд, сколько синих, // Сколько линий прошло, сколько гроз. // Соловьиное горло - Россия, // Белоногие пуши берез; // Да широкая русская песня, // Вдруг с каких-то дорожек и троп // Сразу брызнувшая в поднебесье // По-родному, по-русски - захлеб..."

Образ Родины занял центральное место в литературе. В годы войны он стал душевнее, теплее, интимнее. Для А. Ахматовой высшей святыней была Россия, и могучее чувство патриотизма помогло ей не разделить судьбу тех, кто бросил Родину. В годы войны она сильнее и непосредственнее ощутила свою связь с народом. "Мы детям клянемся, клянемся могилам, // Что нас покориться никто не заставит!" - клялась она от имени миллионов советских людей и предсказывала: "Вражье знамя растает, как дым. // Право за нами, - и мы победим!" В поэзии Ахматовой выражалась уверенность в том, что в жестокой схватке с врагом мы сумеем сохранить свое национальное достоинство, "русскую речь, великое русское слово" и передать внукам его "свободным и чистым".

Поразительно скромный, М. Исаковский был истым патриотом, ему не нужен был "берег турецкий", для него "Россия лучше всех". Во время войны он мучительно переживал свою невозможность из-за серьезной болезни быть на фронте, но он был участником великой битвы:

его замечательные песни согревали души наших людей, поднимали их настроение, укрепляли их веру в победу над заклятым врагом. Уже в первые дни войны комсомольцы уходили на фронт с новой песней Исаковского: "Наступил великий час расплаты, // Нам вручил оружие народ. // До свидания, города и хаты, - // На заре мы двинемся в поход".

Солдаты на фронте любили петь его проникновенные песни "Огонек", "Ой, туманы, мои растуманы". Стало популярным его стихотворение "В лесу прифронтовом", которое неразрывно связывало личные надежды и переживания с судьбой Родины: "Пусть свет и радость прежних встреч // Нам светит в трудный час, // А колья придется в землю лечь, // Так это ж только раз".

"Песней о Родине можно назвать всю лирику Исаковского" (А. Абрамов). Лирика Исаковского сюжетна, его стихотворения нередко построены в форме монолога, обращенного к читателям от лица участника событий. Задушевность лирической мелодии, жизнеутверждающий юмор, тонкий психологизм, народно-песенный ритм, точный, выразительный язык, удивительная конкретность, правдивость - все это делало его поэзию подлинно народной по содержанию и форме. В 1943 г. Исаковскому присудили Сталинскую премию.

Б. Ручьев оказался в заключении по необоснованному обвинению. Он рвался на фронт, но ему отказывали в праве сражаться с врагом с оружием в руках. Но он и на Колыме писал стихи, прославляющие мать-родину. В "Стихах о далеких битвах" он сетовал на горькую судьбу: "У дальнего моря я долю клян, // Что в горькой разлуке живу я в войну, // Что в первой цепи не шагаю в бою // И люди не знают про доблесть мою". В 1942-1943 годы он написал трагедийную поэму "Невидимка", в которой звучит народный голос мужества и гнева. Несправедливо наказанный поэт остается верным своему долгу даже в трагических условиях.

В стихотворении А. Яшина "Любовь" образ Родины и образ верной подруги сливаются в единое целое: "Ты и Россия для меня одно". Любовным переживаниям посвящены стихотворения М. Исаковского, К. Симонова, А. Суркова, М. Алигер, О. Берггольц, С. Щипачева и др. Интимная лирика нередко была связана с отношением к жизни и смерти. Счастье героев обусловлено общим, народным счастьем. От победы над захватчиками зависит и личное счастье. Любовная лирика, задушевная, искренне правдивая, приобретала гражданский, общественный характер. Основные мотивы ее - клятва в верности, надежда на встречу и счастье, тоска из-за разлуки с любимой. Стихотворения тех лет запечатлели и тоску, и ревность. Верность представляла символом подлинной человечности, измена воспринималась не только как личное оскорбление, но и как антиобщественный поступок. Обманывать воина, лишая его светлых надежд - это преступление. В "Открытом письме" К. Симонова морально осуждалось эгоистическое понима-

ние счастья, бичевалась измена жены сражающемуся на фронте солдату. В стихотворении "Жди меня" он призывал любимую: "Жди меня, и я вернусь. // Только очень жди".

Сильное воздействие на русскую литературу оказывала фольклорная традиция, помогавшая писателям говорить с народом на языке, близком его эстетическим вкусам, традициям и национальным особенностям мышления. Это отчетливо проявилась в поэзии А. Твардовского, М. Исаковского, А. Суркова. "Все, что было украшено фразой, суесловием, высокопарностью и прочими литературными красотами... тотчас обнаруживало свою беспочвенность... Характерно, например, что все сторонники сложного, ассоциативного стиха, построенного на игре слов и переменчивости смыслов, в первые же месяцы войны вынуждены были отказаться от него" (А. Павловский). Б. Пастернак, по его словам, стал впадать в "неслыханную простоту". Сам время требовало народной простоты: "Вот стихи, а все понятно..." (А. Твардовский). Это осознал И. Сельвинский, который очень хотел, чтобы ему верили. Он писал: "Тогда лишь стих народу нужен, // Когда и дышит вместе с ним". Его стихотворение-исповедь "Я это видел!" о фашистских зверствах, призывающее к возмездию, начиналось так: "Можно не слушать народных сказаний, // Не верить газетным столбцам, // Но я это видел. Своими глазами. // Понимаете? Видел. Сам".

В годы войны поэты использовали в своем творчестве разные жанры - короткое стихотворение, боевой лозунг, поэму, песню, лирическое послание. Н. Тихонов, А. Твардовский, А. Сурков, К. Симонов, И. Сельвинский создавали баллады, в которых они, используя присущие этому жанру острую сюжетность и драматическую напряженность конфликта, показывали войну в событийных проявлениях. Д. Бедный создал ряд сатирических портретов врага ("Хвастливый котенок", "Ряженный бандит"), басни ("Обиженный вор", "Волк-моралист"). Сатирические стихотворения, фельетоны, памфлеты, эпиграммы, частушки создавали Д. Бедный, С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Михалков, С. Васильев и др. Во фронтовых газетах были уголки сатиры под заголовками "Прямой наводкой", "Штык к бою", "На мушку". Выпускались сатирические приложения, издавались сборники "Фронтной юмор", "Бойцы смеются".

Конев вспоминал: "Вскоре в 19-ю армию прибыли наши уважаемые писатели: Шолохов, Фадеев, Петров и много корреспондентов и кинооператоров. Их визит был для нашей армии серьезной моральной поддержкой и вообще большим событием не только для нашей армии, но и для всего Западного фронта" (Знамя. 1987. № 11. С. 38). Мерецков в книге "На службе народу" писал, что "редакциям фронтовой, армейских, корпусных и дивизионных газет приходилось работать в трудных условиях": "Я нередко наблюдал, как военные журналисты размещаются где-нибудь на краю лесной поляны. Пишущая машинка стоит на ящике, а машинистка на коле-

нях. Вернувшийся с переднего края сотрудник, сидя на корточках, диктует ей свежую информацию. В стороне перед наборной кассой со шрифтом, поставленной на козлы, работают молодые ребята, готовя набор очередного номера. Рядом с ними торчит воткнутая в землю палка с дощечкой, на которой написано "Редакция". Вскоре еще пахнущая краской газета увозится в подразделения и части". Он отметил, что, например, газета "Фронтальная правда" широко освещала подвиги воинов, армейскую жизнь и "играла большую роль в воспитании воинов, в мобилизации их на разгром врага", но она "в войска поступала порой на пятый день после выпуска, а в период прорыва ленинградской блокады не помещала материалов о наступательных боях. ...Меры приняли немедленно, и вскоре "Фронтальная правда" начала поступать в части в день выхода. ...В газете стали чаще выступать писатели Всеволод Вишневский, Александр Чаковский, Всеволод Рождественский, Павел Шубин, Александр Гитович, Анатолий Чивилихин. Стихотворения поэтов, посвященные сражениям в новгородских болотах, у Мясного Бора, под Синявином, печатались в виде отдельных листовок и распространялись в войсках политотделами армий".

Для А. Суркова, К. Симонова, П. Антокольского, О. Берггольц годы войны стали вершиной их поэтического творчества. Тогда Твардовский создал лучшую поэму XX века "Василий Теркин". С. Михалков утверждал: "Я считаю "Василия Тёркина" шедевром мировой культуры на все времена. Великая поэма". Лауреат Нобелевской премии И. Бунин писал Н. Телешеву из Парижа в 1947 г. после прочтения "Василия Теркина" Твардовского: "...не могу удержаться - прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом - это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык - ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!"

"Василий Теркин" стал бессмертным поэтическим воплощением образа русского советского солдата. Ф. Абрамов писал: "За всю историю русской литературы ...не было столь популярного в народе героя, как Василий Теркин". Он был "духовной опорой и подмогой в самую страшную годину его испытаний - в Великую Отечественную войну" (Литературная газета. 19.06. 1985).

Художественную цельность придают поэме раздумья о Родине, образ которой неразрывно связан с Теркиным и лирическим героем. В третьей части книги, где Теркин иногда как бы внешне исчезает, повышается эмоциональная насыщенность, лирическая форма изложения стала важнейшим средством раскрытия эпического содержания. Твардовский, "будучи уроженцем

Смоленщины, связанный с нею многими личными биографическими связями", "не мог не увидеть героя своим личным земляком". Они своими мыслями и чувствами близки друг другу, это позволило герою от своего лица высказывать то, что мог сказать и сам поэт. А тот подчас выдает авторские мысли и чувства, поэтому нередко трудно отделить одного от другого. Это создает ощущение слитности поэта с народом. Он говорит читателю: "Я ограблен и унижен, // Как и ты, одним врагом".

В авторских отступлениях ярко отразился нравственно-духовный облик самого поэта, его любовь к отчей земле. Он гордится тем, что "Вот Европа, а спасибо // Все на русском говорят", что наша армия несет освобождение от вражеского плена ее народам: "По велению нашей силы, // Русской, собственной своей. // Ну-ка, где она, Россия, // У каких гремит дверей!"

"Василий Теркин" - поэма с характерными чертами эпопеи. В ней ставятся коренные проблемы бытия: жизнь и смерть, война и мир, изображается великое историческое событие, широко показана жизнь военного времени. Содержание эпопеи - критический момент в судьбе народа. По словам Гегеля, "эпический характер приобретает только та война, которая имеет всемирно-историческое оправдание". Такой и была война нашего народа с фашизмом. Эпопея постигает героический дух народа в поворотные моменты истории, освещает коренные начала в его жизни, устойчивые нравственные национальные качества. В ней изображается крупная личность из народа в соотнесенности с эпохой. Это свойственно "Василию Теркину".

Твардовский заметил: "Теркин" был "моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю". Он использовал в книге многообразие художественных средств. В ней есть и публицистический пафос, и лирическая задушевность, и комические сценки, и трагические положения, и фантастические случаи. Жуткие сцены, смертельные схватки, невыносимо тяжкие испытания подчас сменяются шутивными ситуациями, смешными рассказами. Это помогало раскрыть стоическое терпение, мужество, духовную мощь нашего народа. Обилие шуточных сцен, когда в начале войны было очень много горького и трагического, объяснялось тем, что автор понимал: если воссоздашь в книге страшное, то это неизбежно станет накладываться на трагическое в самой жизни, что не повышало бы нравственного тонуса читателей.

В конце войны обстановка изменилась: всем было ясно, что наша победа не за горами. В книгу вошла и горькая трагедия войны, глава "Про солдата-сироту" говорит о лихой судьбе солдата, который на месте родной деревни нашел "глушь, бурьян солдату в рост, да на столбике дощечка, мол, деревня Красный мост". В неизбывном горе он возвратился в свою часть: "Ел солдат свой суп холодный после всех и плакал он". От этой трагической главы тянутся нити к

стихотворению Исаковского "Враги сожгли родную хату" и рассказу Шолохова "Судьба человека".

В августе 1943 года солдатам 90 гвардейского стрелкового полка во время крайне утомительного перехода разрешили короткий отдых, мы повалились на землю, а вблизи сидели бойцы другой части. Высокий политрук с наслаждением читал им стихи о Василии Теркине, приковавшие к себе мое внимание. Тогда мне довелось воевать на Смоленщине, переходить реки Угру, Десну, штурмовать Ельню - все они названы в произведениях Твардовского. При наступлении на станцию Глинку, отмеченную поэтом, я был ранен. В "Родине и чужбине" он вспомнил ельнинский большак, сожженное немцами село Язвино, где ему выдали метрическую справку о рождении. Когда я передвигался вместе с госпиталем 29-50 к Смоленску, в мою память врезалось село Белый Холм, на горوشке выделялось в нем трехэтажное белое здание. В Бело-Холмской школе одно время учился Твардовский. Тогда я ничего не знал об этом, не ведал и о Ляховской начальной школе, где учился Твардовский, который в речи на всероссийском съезде учителей 7 июля 1960 года тепло отозвался о своей учительнице из этой школы Ульяне Карповне.

Стало народной песней стихотворение Исаковского "Враги сожгли родную хату" (1945) о трагедии солдата-победителя, который пришел с фронта домой и оказался в горьком одиночестве, без надежды на счастливую жизнь: "Враги сожгли родную хату, // Сгубили всю его семью, // Куда ж теперь идти солдату, // Кому нести печаль свою?"

В одном из писем военных лет Исаковский с горечью сообщил Твардовскому о вечере, устроенном в Чистополе поэтами С. Кирсановым, Б. Пастернаком и другими "классиками". "Мне, - пишет он, - было сказано, что поэты будут читать на вечере "ранние стихи". Таковыми должен быть представлен и я. И как-то в голову сразу не пришло - в чем тут дело. А дело было в том, что "ранними стихами" люди пытались отгородиться от современности, от войны. Это я особенно остро почувствовал на самом вечере. Публика тоже подбиралась "подходящая", Некоторым весьма замысловатым поэтам она аплодировала вовсе не потому, что понимала прочитанное, а потому, что это прочитанное было не теперешним и пр. Но так или иначе пришлось выступить и мне. И тут я с горечью вспомнил тот анекдот, который ты рассказал про себя. А именно: одна девушка спросила свою подругу - знает ли она стихи Твардовского? И та ответила, как же, мол, знаю, - это тот, что пишет про хомуты и вожжи". Так было и со мной. Я ведь тоже пишу про "хомуты", и я почувствовал, что здесь, среди "изящных словес" мои хомуты и оглобли никому не нужны, что выступал я зря. Ушел я домой крайне огорченный" (Дружба народов. 1976. № 8. С. 269).

Как можно оценить эту "прохладцу", с какой относились некоторые "классики" к той изнурительно страшной борьбе, какую вел, истекая кровью, наш народ с врагом во время войны? В советской литературе были деятели, которые придерживались космополитических позиций (когда интернационализм лишается патриотического чувства, он превращается в космополитизм), пренебрежительно относились к русским писателям, не проявляли бережного отношения к их национальным чувствам.

За четыре года войны был создан целый ряд талантливых поэм, оставивших свой отчетливый след в литературе. Тогда жизнь человека и всей страны наполнялась такими переживаниями и событиями, которые невозможно было хорошо осветить в лирическом стихотворении. Они лучше осмысливались в более сложных литературных формах. Широкая и многосторонняя связь человека с трагическими явлениями военного времени требовала освещения в более емкой литературной форме, отсюда проистекало появление ряда поэм.

Если М. Алигер в поэме "Зоя" использовала хронологическое воспроизведение событий, то П. Антокольский написал "Сын" как романтическую поэму-эпитафию. Он поведал о своем сыне, младшем лейтенанте, погибшем в 1942 году. Поэма представляет собой трагический монолог, страстный разговор автора с самим собой и погибшим сыном. Сюжет несколько размыт, он захвачен впечатлениями отца, ведущего взволнованную речь о своем горе. В поэме советская общественная система, которая воспитывает настоящих людей, противопоставлена фашистской, порождающей палачей, убийц. Поэт обращается к отцу немецкого убийцы: "Мой сын был комсомольцем. // Твой - фашистом. // Мой мальчик - человек. // А твой - палач".

Существенная черта литературы военного времени - необыкновенная оперативность, быстрота отклика на события и непосредственность контактов. Тихонов, вспоминая в 1944 г. дни ленинградской блокады, говорил: "Бывали дни, когда листовка была важнее рассказа, важнее любой поэмы, причем нужно было, как говорил один генерал на фронте, "исполнить немедленно, а если можно, то и ранее". На первый план выдвинулись малые жанры. Статьи, очерки, рассказы писали А. Толстой, Л. Леонов, И. Эренбург, М. Шолохов, Н. Тихонов, А. Фадеев, Вс. Вишневский, Б. Полевой и др. Б. Горбатов создал проникнутые задушевностью пять "Писем товарищу". Публицистические статьи и очерки, наполненные страстным патриотическим чувством, оперативно откликались на быстро меняющуюся обстановку на фронте. Им были присущи документальность, фактичность. Писатели добивались, чтобы у читателей создавалась вера в подлинность описываемых событий и людей. Для этого они широко использовали факты самой жизни.

Во время войны А. Толстой написал ряд прекрасных публицистических статей и рассказов, помогающих нашим людям воевать. Лучшие статьи его - "Родина", "Разгневанная Россия", "Несокрушимая крепость", "Русские воины". "Что мы защищаем?" Для публицистики Толстого свойственны эпические тенденции, масштабность, экскурсы в историю, широта охвата событий и историзм. В статье "Родина" он пишет: "Родина - это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и неколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле". Главная основа уверенности в победе над врагом у Толстого - история русского народа, славные военные традиции, величие русской литературы, русского языка, красота русского склада души. Он подчеркивает: русская литература была "достоинством и умом народа. Она становилась и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью: ни один народ не владеет таким богатством".

Л. Леонов в своих страстных статьях писал о национальных традициях русских, об их культуре ("Слава России", "Судьба поэта"), изобличал преступления гитлеровцев ("Расправа", "Ярость"). В письмах "Неизвестному американскому другу" (1942-1943) Леонов обращался к американцам с призывом понять смертельную угрозу человечеству, какую несла с собой фашистская Германия, и быстрее открыть второй фронт в Европе, что необходимо не только России, но и США. Для его публикаций характерен торжественно-приподнятый стиль, он часто использовал инверсии, риторические вопросы и восклицания, фольклорные образы и мотивы.

Отметим с чувством признательности интенсивную публицистическую работу И. Эренбурга. Его статьи были проникнуты острейшей ненавистью к захватчикам, беспощадной иронией и сарказмом. Яростная ненависть к врагу, глубокая забота за судьбу советской и мировой культуры, за будущее человечества, резкая ясность оценок, контрастность сопоставлений, сжатость изложения, краткость фразы - таковы особенности статей Эренбурга. Главный мотив их - защита всечеловеческих ценностей.

Широкое распространение в годы войны получил рассказ. Он стал действенным средством духовной мобилизации советских людей. При изображении советского воина в рассказах того времени основное внимание уделялось раскрытию его патриотизма, мужества, стойкости. Великая сила героизма и любви к Отчизне измерялась умением сражаться с врагом, находить ключ к победе в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Писатели избирали установку на агитационную публицистичность, они показывали героизм советских людей в прямом его выражении - через подвиг. Образы фашистских солдат и разного рода предателей и трусов дава-

лись сатирически, часто в плакатном стиле, они вызывали чувство омерзения и ненависть. Идейный замысел произведения проверялся одним важнейшим критерием - способностью воодушевлять людей на самоотверженную защиту Родины. В рассказе "Наука ненависти" (1942) Шолохов показал злодеяния фашистов, вызывающие жгучую ненависть к ним. Герой рассказа лейтенант Герасимов говорит: "И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются..."

Героическое начало было главным в литературе Отечественной войны, естественно, что на первое место выступили традиции Л. Толстого. В изображении войны они помогали писателям избегать внешней красоты, выпренности, картинной парадности в батальных описаниях, всякого рода эксцентричных эффектов. Писатели стремились выявить исторический смысл военных событий, правдиво показать решающую силу народно-патриотического подъема.

М. Пришвин в цикле "Рассказы о прекрасной маме" (1943) пишет о том, как война и бесчеловечный фашизм лишили радостей детства малышей, принесли им много горя. Детей, эвакуированных из Ленинграда, приютили приемные матери. Это спасение детей Пришвин связывает со спасением будущего страны. В "Повести нашего времени" (1943-1944) он ставит вопрос о справедливости на земле, о правде человеческого поведения. В октябре 1944 года в письме в редакцию журнала "Знамя" он писал: "Может быть, и вся повесть написана именно затем, чтобы противостоять ожесточению нравов, порождаемого войной, выставить творчески организующую силу любви" (Т. 6. С. 802). Он отмечал различие понятий "мести" и "возмездия". "Нестор в веревочных очках", "старинный русский человек", самородок-правдоискатель, любитель решать нравственные вопросы, которые ставила русская литература, вместе с автором не приемлет мести, слепой ненависти, этому он противопоставляет идею возмездия, чтобы "справедливостью связать времена". Идея активной творческой любви к людям противопоставляется безнравственности фашистской идеологии. Путь активной борьбы со злом выше, гуманнее, чем путь внутреннего самоусовершенствования.

Сами события войны с их необычайным динамизмом, необыкновенным проявлением героического начала, полуфантастические боевые подвиги советских бойцов направляли писателей к использованию приемов и средств романтического письма. Устремленность раскрыть героическую в исключительных ситуациях, создать возвышенные, патетические образы героев и картин, прославляющие советских воинов, проявилась в прозе и поэзии Н. Тихонова, поэмах и стихах П. Антокольского.

Романтический стиль наиболее отчетливо выразился в рассказах цикла "Морская душа" (1941-1942) Л. Соболева с их героико-возвышенным, патетическим тоном. Герои в них показаны

ны в исключительных ситуациях, большую роль в развитии сюжета играют случайности и контрасты. Профессор И. К. Кузьмичев писал о рассказе "Соловей", посвященном советским морякам: "Перед нами - живая легенда, рожденная войной, героизмом советских людей, отстаивающих свое отечество" (Герой и народ. 1973. С. 134). Соболев в 1942 г. утверждал, что его моряк в рассказе "Соловей" - "совершенно реальный человек". В публицистическом вступлении к циклу он дал обобщенный образ "морской души": "Морская душа - это решительность, находчивость, упрямая отвага и непоколебимая стойкость... Морская душа - это огромная любовь к жизни... Морская душа - это стремление к победе... В ней - в отважной, мужественной и гордой морской душе - один из источников победы". Соболев подчеркнул беспримерную храбрость, отвагу и мужество советских моряков в борьбе с врагами.

Для автора "не важна вся сложность отношений, порой противоречивых, свойственная реальным людям. ...Его герои лишены индивидуальных черт. ...В обрисовке образов - ни одной бытовой или психологической детали, свойственной для индивидуализированного образа. ...Художник не заботится и о психологической или иной мотивировке поведения своих героев. Их поведение априорно объясняется характером "морской души". ...Романтические герои Л. Соболева - натуры цельные. Они целиком поглощены борьбой, не задумываясь, отдают жизнь за Отчизну. Борьба для них - жизненная необходимость, а героизм - естественное проявление этой борьбы. Победа - цель и вознаграждение за ратный труд. Кристально-чистые, они не жалуются, не сомневаются, выше мелочных подозрений, доверчивы и великодушны. Чувство товарищества - священо".

Для очерков и многих рассказов свойственна опора на действительные случаи и конкретных людей. Подлинность тех или иных жизненных фактов, от которых отталкивается писатель в своей работе над произведением, может привести и к статье, и к очерку, и к лирическому стихотворению, и к рассказу - документальному, романтическому, реалистическому. Очень важно, как она будет интерпретироваться, на что писатель обратит главное внимание, как его фантазия будет трансформировать эти факты, по каким - реалистическим или романтическим - законам он будет создавать свое произведение. Тут главное пафос, особенности типизации, стилистическая атмосфера, его тональность.

В литературе военного времени герои, характерные своей внутренней противоречивостью, отсутствовали. Потребности общества не нацеливали писателей на изучение "сложностей и тонкостей" таких натур. Центральное место тогда заняли характеры цельные, самобытные. Человек в первую очередь мерился не содержанием духовной жизни, а его активностью в борьбе с врагом.

В. Гроссман в 1942 г. создал повесть "Народ бессмертен" о начальном периоде войны, когда наша армия была вынуждена отступать. И в то же время народ духовно крепнет, он полагает, как высказался один из персонажей повести: "Есть одна норма, и эта норма - победа". Народная масса представлена в ней как движущаяся сила истории. В образе красноармейца Игнатьева, бывшего крестьянина, показаны характерные черты русского солдата-труженика: ловкое умение работать, уверенность в победе, любовь к шутке даже в трудных обстоятельствах.

Многие писатели стремились реалистически передать героику фронтовых будней, показать войну как тяжелый труд миллионов людей. Они типизировали главным образом не исключительное, а широко распространенное, массовое, повседневные явления жизни ("Дни и ночи", "Они сражались за Родину" "Волоколамское шоссе"). Герои этих произведений преимущественно люди самые обыкновенные, внешне ничем не приметные. Рядовой солдат представлен как героическая фигура. Его подвиг утверждается как массовое явление.

Борьба и страдания наших людей на оккупированной врагом территории - в одном из промышленных городов Донбасса - показана в повести Б. Горбатова "Непокоренные" (1943). Жизнь людей стала сплошной чудовищной пыткой. В семью Тараса Яценко, рабочего-металлиста, как будто не пришла еще беда, но жить стало страшно трудно из-за ощущения полного бесправия: "Могли ворваться ночью, могли схватить среди белого дня на улице. Могли швырнуть в вагон и угнать в Германию. Могли без вины и суда поставить к стенке; могли расстрелять, а могли отпустить, посмеявшись над тем, как человек на глазах седеет. Они все могли". Настоящий человек и в такой невыносимой обстановке чувствует себя духовно непокоренным. Тарасу не удалось замкнуться в своей квартире, после чего он открыто показывает всем, что он не хочет работать на врага, он олицетворяет собой мужество, несгибаемость народной воли. Повесть характерна публицистичностью, повышенной эмоциональностью, напряженностью повествования, риторическими вопросами и восклицаниями, резкой экспрессивностью, высоким романтико-патетическим стилем.

Повесть Леонова "Взятие Великошумска" (1944) отличается суровым драматизмом, лирико-философским характером, насыщенностью мыслями об ответственном моральном долге наших людей. В центре ее - судьба танкового экипажа Т-34, который состоит из опытного командира танка лейтенанта Соболякова, необстрелянного механика-водителя Литовченко, радиста Дыбка, башнера Обрядина. Рейд танка по тылам врага - один из эпизодов Истории. Танковый бой видится из танковой щели и с командного пункта командира корпуса генерала Литовченко. "Но есть еще и третий пункт осмысления действительности - с нравственно-эстетической высоты художника, где и тот и другой планы совмещаются. Это и придает изображению ту стерео-

скопичность, когда остро переживаемая современность предстает во всей ее полноте и рельефности" (Л. Ершов). Здесь столкнулись два мира, две социальные системы, одна угрожает существованию всего чистого, истинно человеческого. Другая несет освобождение от гитлеровской чумы, от чужеземного насилия и рабства. Генерал Литовченко говорит: "Никогда не покидала народ вера в правду, что постучится однажды в окошко мира".

Значительное место в советской литературе заняли исторические произведения. Главной темой их была борьба народа за укрепление русского государства, за национальную независимость. В. Ян полагал: "Исторический роман прежде всего должен быть учителем героики". В романе "Батый" (1942) он изобразил разорение русских земель во время татаро-монгольского ига, отчаянную борьбу с захватчиками. А. Толстой продолжил работу над третьей книгой романа "Петр 1". В. Костылев создавал роман "Иван Грозный" (1943-1947). С. Голубов написал повесть "Багратион" (1943), в которой показал патриотический подъем народа в 1812 г., нарисовал правдивый образ Багратиона, блестящего полководца суворовской школы. С. Сергеев-Ценский создал роман "Брусиловский прорыв" (1943-1944) об успешном наступлении русских армий летом 1916 года на Юго-Западном фронте.

Важным достижением русской исторической прозы стал роман А. Степанова "Порт-Артур" (1941-1944) о героической обороне крепости Порт-Артур во время русско-японской войны 1904-1905 гг. В романе показан легендарный подвиг матросов на миноносце "Стерегищий", в честь их поставлен памятник в Петербурге. В образах адмирала Макарова, генерала Кондратенко, офицеров Борейко, Звонарева и Фролова, солдат Блохина, Лепехина, Родионова автор занимательно раскрыл основные черты русского характера. С умным, честным и отчаянно храбрым Блохиным перекликается поручик Борейко. Их роднят любовь к Родине, мужество, бесшабашная удаля, страстная устремленность к свободе и ненависть к насилию, человечность, благородное отношение к женщине. Русские солдаты шли на самые опасные операции, их бесстрашие, готовность к подвигу ошеломляли врагов. Простодушные и грубоватые с виду, они тянутся к свету и знаниям, хорошо чувствуют поэтическую прелесть стихов Пушкина и Некрасова. Они жаждут социальной справедливости, презирают чиновничество и подхалимство, не выносят произвола, не хотят безропотно сносить издевательства.

В период войны драматурги написали ряд значительных пьес: "У стен Ленинграда" Вс. Вишневского, "Песнь о черноморцах" Б. Лавренева и др. Эпоху 1812 г. воссоздает пьеса К. Тренева "Полководец". Тема патриотизма, массового героизма главенствует в героико-лирической драме Симонова "Русские люди" (1942). Персонажи в ней - самые обыкновенные люди: капитан Сафонов, который был второстепенным персонажем довоенной пьесы Симонова "Парень из

нашего города", военфельдшер Глоба, девушка-шофер Валя, простая русская женщина Мария Николаевна, плюющая перед казнью в лицо фашисту. Батальон под командованием Сафонова попал в окружение и мужественно сражается с врагом. Образ Сафонова занимает центральное место в пьесе. Это - скромный, цельный, чистый, мягкий по натуре, душевно богатый молодой человек, смелый и находчивый в боях. Его не смогли сломить трагические бедствия: немцы повесили его мать Марфу Петровну, расстреляли друга Глобу, тяжело ранили невесту Валю. Глоба, уходя на задание, знает, что ему грозит смерть. Попрощавшись с товарищами, он пошел, запевая старую солдатскую песню "Соловей, соловей, пташечка". Сафонов обращается к политруку Панину: "Ты слышал или нет, как русские люди на смерть уходят?" Умирая, Глоба заслонил собой от автоматной очереди истерзанную фашистами Валю. Участник 4 войн майор Васин олицетворяет лучшие традиции старой русской армии. Перед своей смертью он воскликнул: "Последний раз в жизни хочу сказать: слава русскому оружию! Вы слышите: слава русскому оружию!" Пьеса полна суровой правды, острого драматизма, и вместе с тем в ней героика слилась с задушевной тональностью. Герои показываются через повседневность фронтового быта, их речь лишена ложной напыщенности.

Леонов в 1943 г. писал: "...никогда не требовалось от русских писателей, от русских драматургов такой большой страстности, такого идейного накала их произведений, как сегодня, когда народ наш ведет с гитлеризмом историческую борьбу за свободу и счастье Родины, за прогресс человечества". Он создал выдающуюся пьесу "Нашествие" (1941-1942), в которой ярко показано трагическое положение советских людей на территории, захваченной врагом. Действие развивается в маленьком городе западнее Москвы в начале войны. В нем участвуют скромный врач Таланов, его жена Анна Николаевна, их дочь Ольга, старушка-няня Демидьевна, крестьяне Егоров и Татаров, руководитель партизанского отряда коммунист Колесников. Автор убедительно раскрыл сложные конфликты. Федор Таланов, один из героев пьесы, возвратился домой после трехлетнего заключения, он совершил перед войной преступление: стрелял в женщину на почве ревности. (В рукописном варианте пьесы Федор был жертвой репрессий 1937 г.). Жизнь требует полной ясности, а он, замкнувшийся в себе, озлобленный, не доверяет людям, даже родной семье. И ему не верят, не принимают в партизанский отряд.

Когда немцы вошли в город, Федор внутренне спорит с советской властью, с народом. А кругом бесчинствуют фашисты, жгут деревни, "девочек распинают, старух на перекладыны тащат". Совесть забунтовала в Федоре, не может он в такое время спорить с обществом, Он просит помощи у отца: "Дай мне лекарство, отец, спалило все внутри..." Отец, врач Таланов, дал нужное ему лекарство: он показал маленькую Аниску, изнасилованную немцами. "Ей пятна-

дцать, - напоминает он. - Их было много, рыжих беспощадных. Твоя мать нашла ее уже на дровах, в сарае. Всю в занозах". Федор решил активно бороться с врагом. В третьем акте на допросе он гордо говорит о себе: "Я русский. Защищаю Родину". Он уничтожил гитлеровского коменданта, превратился в Колесникова, взял на себя его дело, его имя и его героическую гибель. Федор стал частицей сражающегося с врагом народа. Бывший купец Фаюнин вернулся с немцами в город. В пути он повстречал молодого солдата, принявшего его за беженца. Он выскочил из рядов отступающих советских войск, обнял Фаюнина и ободрил его: "Не горюй, дедушка. Русские вернутся. Русские всегда возвращаются". Фаюнин почувствовал, что так и будет. Пьеса полна оптимизма, публицистического пафоса. Конфликтное действие развивается стремительно и напряженно, герои обрисованы рельефно, выразительны их речевые характеристики.

Драматургия военных лет отличалась публицистичностью, стремительным развитием событий, напряженностью драматических ситуаций, глубоко взволнованным диалогом. По мысли Н. Погодина, "дали тон и оказали огромное влияние на всю военную драматургию пьесы "Русские люди", "Нашествие" и "Фронт" (Литературная газета. 22.05. 1945). Эти пьесы - в первую очередь - составили яркую страницу в истории советской драматургии.

Опыт Великой Отечественной войны говорит о том, какой огромной социально организующей силой может быть литература, всемерно помогающая народу в борьбе за независимость. Русская литература отличалась тогда повышенным чувством ответственности за судьбу Родины, стремлением отразить беспощадную правду, глубоким оптимизмом, действенным гуманизмом, обилием героических характеров, стремлением к действенности художественного слова, глубокой народностью в содержании и самой форме. В учебнике "История русской советской литературы. 40-70-е годы" (1980) профессор А. Метченко отметил, что "четыре года Великой Отечественной войны справедливо приравниваются к столетию", тогда "советская литература показала пример служению народу, не имеющей аналогии в истории мировой литературы". **Творчество наших писателей в годы Великой Отечественной войны было неразрывно связано с борьбой советского народа против фашизма, стало "важным оружием военного времени", о чем с осуждением писали американские советологи. Тогда была особенно короткая, особо интенсивная связь у наших писателей с жизнью, с ее животрепещущими проблемами, что придало советской литературе особый настрой, особый пафос, связанный с открыто выраженной страстной любовью к отчей земле и испепеляющей ненавистью к захватчикам**

Глава 46. Русский характер

Национальное своеобразие литературы зависит от особенностей национального характера, который представляет собой систему философских, эстетических, нравственных представлений и социально-психологических особенностей, несет в себе сложную диалектическую противоречивость, в нем сталкиваются прогрессивные и консервативные, активные и пассивные общественные силы. В русском характере отражается совокупность условий жизни нашего народа на протяжении всей его истории, духовно-нравственный опыт предшествующих поколений и его вековая борьба за государственную независимость и социальную свободу и вместе с тем особенности климата и природы и социально-экономическое, культурное и эстетическое влияние других народов. Многие нации прошли схожий исторический путь и живут в более или менее одинаковых географических, климатических условиях. Находясь в постоянном и разнообразном общении, они влияют друг на друга. Нравственные нормы поведения и социально-философские представления у них во многом схожи.

И. Солоневич писал: "История народа объясняется главным образом его характером. Но, с другой стороны, именно в истории виден народный характер. Все второстепенное и наносное, все преходящее и случайное - сглаживается и уравнивается" (Наш современник. 1990. № 3. С. 166). В разных сочинениях, художественных произведениях "есть тенденция изображать русский народ кротким, пассивным страстоперцем, слабым, безвольным и тупым, неспособным достичь высот культуры" (В. Чивилихин). Немецким правителям казалось, что правы те, кто пишет об извечной покорности русских, об их сугубой пассивности как о постоянной национальной черте русского народа. Они не учитывали того, что такое представление не согласуется с фактами всемирно-исторического значения: стремясь добиться политической свободы, социальной справедливости, он на протяжении всего лишь двух десятилетий совершил три революции.

На Нюрнбергском процессе Геринг роковой ошибкой правителей Германии, решивших напасть на СССР, посчитал то, что они "не знали и не поняли советских русских" и утверждал: "русский человек всегда был загадкой для иностранцев. Наполеон тоже его не понял, мы лишь повторили ошибку Наполеона". На Западе написано много плохого о русских. В книге "Россия в 1839 году" А. де Кюстин говорил об отсутствии у них волевого начала и утверждал: "Весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания". Американский публицист Г. Смит в книге "Русские" пишет об извечной покорности и пассивности русских.

Академик Е. Чельшев рассудил: "Умение ценить сложившийся порядок вещей, стабильность и устойчивость жизни, понимание того, что трудности и страдания есть жизненная неиз-

бежность, дали столь заметную черту, как долготерпение русских" (Литературная газета. 2006. № 44). Говоря о долготерпении русских, нельзя забывать об их внутренней, духовной свободе, такой, какая есть не всех других народов. И. Ильин писал: "Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь... Мы родились в этой внутренней свободе, мы дышали ею, от природы несли ее в себе". По мысли Карамзина, русские привыкли подчиняться своей власти перед лицом извечной внешней опасности, но устремленность к свободе, вольнолюбие не раз поднимало их на борьбу с внутренним насилием. Н. Бердяев считал, что в "русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибылью и земного благоустройства" (Бердяев. Н. Судьба России. 1999. С. 281).

Мысль о пассивности русских доказательно опроверг Солоневич: "В начале Второй мировой войны немцы писали об энергии таких динамических рас, как немцы и японцы, и о государственной и прочей пассивности русского народа. И я ставил вопрос: если это так, то как вы объясните и мне и себе то обстоятельство, что пассивные русские люди - по тайге и тундрам - прошли десять тысяч верст от Москвы до Камчатки и Сахалина, а динамическая японская раса не ухитрилась переправиться через 50 верст Лаперузова пролива?... Или как это самый пассивный народ в Европе - русские - смогли обзавестись 21 миллионом кв. км., а динамические немцы так и остались на своих 450000" (Наш современник. 1990. № 6. С. 174).

Русские за многие века своей истории соприкасались в повседневной жизни со многими народностями, научились без предубежденности, добродушно относиться к людям иных национальностей, привыкли жить в согласии, мире и дружбе с ними. М. Горький не раз высоко отзывался о своем народе, о его исторической молодости, его исключительной талантливости, огромных жизненных силах, трудоспособности, неукротимом стремлении к свободе и социальной справедливости. В его сознании русский народ был могучим исполином, поднявшимся на борьбу, чтобы обеспечить себе свободную жизнь, полное раскрытие созидательных способностей. Ему казались характерными для судьбы всего нашего народа жизнь и удивительные творческие достижения Ф. Шаляпина. Для писателя он был символом великих сил, мощи, таланта русского народа, "ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она, Русь, вот каков ее народ - дорогу ему, свободу ему" (Т. 29. С. 187).

Для православного сознания характерно главенство духовных качеств над материальными благами, нравственных категорий над рациональными и политическими. С этим связаны и свойственные русским идеализм и максимализм, мечта о всеобщем братстве и устремленность к поискам правды и счастливой доли для всех людей. В. Личутин отметил: "Европейцы-католики, покупающие индульгенции, верящие лишь в деньги и рай на земле, никак не могут быть духом

устремлены в зенит. ...Русский же взгляд постоянно устремлен в небо, русские верят в вознесение души и в воскресение и потому не стяжательны, отсюда и заповедь, которая бытовала сотни лет: "Богатым деньги Бог дает нищих ради". ...от грехов народ не откупался у батюшки, но каялся и праведными поступками старался исправить, поновить душу свою" (Российский писатель. № 18. 2004). Католическая вера воспитывает у людей преимущественную сосредоточенность на своем "я". Православие основано на приоритете коллективного самосознания. С. Небольсин писал, имея в виду М. Бахтина: "Несущая и крепящая основа, дух и сущность культуры - это и не карнавал вообще, а хоровод. ...Знал русский ученый, что в нашем хороводе не "я" плюс "ты", а "мы" драгоценно, что именно оно делает нашу русскость" (Литературная газета. № 31. 2004).

Блюментрит рассуждал: "Житель Востока многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, и эта покорность подает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, так и к смерти. Его образ жизни очень прост, даже примитивен по сравнению с нашими стандартами. Жители Востока придают мало значения тому, что они едят и во что одеваются. Просто удивительно, как долго могут они существовать на том, что для европейца означало бы голодную смерть. Русский близок к природе. Жара и холод почти не действуют на него. Зимой он защищает себя от сильной стужи всем, что только попадает под руку. Он мастер на выдумку. Чтобы обогреться, он не нуждается в сложных сооружениях и оборудовании". Как нетрудно заметить, немецкий генерал свысока отзывается о "жителях Востока", они для него предстают примитивными и не совсем полноценными в сравнении с людьми Запада. 5 декабря 1940 г. Гитлер говорил своим генералам: "Русский человек - неполноценен". Война показала липовую цену этой расистской уверенности в нашей неполноценности. Перед своим самоубийством он сказал А. Аксману, активному деятелю "Гитлерюгенд": "Мы не сумели оценить силу русских и все еще мерили их на старый лад".

Солдат дивизии "Великая Германия" Ги Сайер в своих мемуарах "Последний солдат Третьего рейха" припомнил главу "из школьной хрестоматии, которая называется "Русский". В ней сказано: "Русский белокур, ленив, хитер, любит пить и петь". Вот и все. Так примитивно оценивали нас немцы. После участия в боях на Украине в 1943 году Сайер признал: "Даже слепой видел, что русскими движет отчаянный героизм, и даже гибель миллионов соотечественников их не остановит". Фельдмаршал Ф. Паулюс сказал советскому офицеру: "А я вот уже в плену прочитал "Как закалялась сталь" и подумал: если бы там отчетливо представляли себе, что в Красной Армии немало таких Корчагиных, в наши расчеты были бы внесены существенные изменения".

Американский писатель Н. Мейлер говорил: "Русские не переносят, когда им навязывают чужую волю" (Литературная газета. 23.02. 1987). Война в полную силу раскрыла патриотизм, героизм, самоотверженность, стойкость русских солдат. Английский историк М. Гастингс признал: "Русские были беспощадны в рукопашной, и особенно грозными противниками являлись в ночном бою. Все немецкие солдаты, побывавшие на Восточном фронте, а затем оказавшиеся на Западном, в один голос отмечают, что во время боев с американцами и англичанами они могли свободно передвигаться по ночам, тогда как русские ни на минуту не давали покоя врагу".

Блюментрит отметил: "...в обороне русская армия отличалась замечательной стойкостью. Русские мастерски и очень быстро строили фортификационные сооружения и оборудовали оборонительные позиции. Их солдаты показали большое умение вести бой ночью и в лесу. Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление. Таков русский солдат, которого мы узнали и к которому прониклись уважением еще четверть века назад. С тех пор большевики систематически перевоспитывали молодежь своей страны, и было бы логично предположить, что Красная армия стала более крепким орешком, чем царская армия".

Это он написал после поражения Германии. Немецкие генералы не предполагали, что русские будут сражаться за независимость своего государства с беззаветным мужеством и беспримерной стойкостью, что наши бойцы проявят массовый героизм и самопожертвование, что наши люди в тылу будут работать через силу, через нельзя.

В раздумьях о судьбе родины во время войны Шолохов опирался на славные страницы русской истории. 23 июня 1941 года на митинге в Вешенской он говорил: "Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников". Он предсказывал: "Но на этот раз мы их побьем так, как их еще никогда не бивали, и на штыках победоносной Красной Армии принесем свободу поработанной Европе". 24 июня Шолохов, обращаясь к мобилизованным в армию казакам, сказал: "Со времен татарского ига русский народ никогда не бывал побежденным, и в этой Отечественной войне он несомненно выйдет победителем". Он выразил уверенность, что казаки продолжают "славные традиции предков" и будут бить врага так, как их "прадеды бивали Наполеона", как отцы их "громили кайзеровские войска".

В это очень опасное для Родины время советские писатели искали в русском характере "и находили именно те черты, которые говорили о стойкости и выносливости русского человека, о

его умении не отчаиваться ни при каких обстоятельствах" (К. Симонов). Б. Полевой в "Повести о настоящем человеке" вывел Героя Советского Союза Маресьева, летчика-истребителя (в повести он стал Мересьевым). В его исключительной судьбе отразились черты, характерные для миллионов наших людей. В воздушном бою Алексей Мересьев израсходовал все боеприпасы; мессеры окружили его, решили заставить сесть, чтобы взять советского летчика в плен живым. Он попытался вырваться из клещей, его сбили. Он 18 дней ползком, с перебитыми, отмороженными ногами добирался до приютивших его советских людей. Ему пришлось перенести нечеловеческие лишения: он боролся с медведем, страшно голодал, ел сырое мясо ежа. Что дает ему силу? Любовь к жизни? (Вспоминается рассказ Д. Лондона с таким названием, его любил Б. Полевой.)

Жизнестойкость Мересьева питается не только обычным страхом смерти, биологическим инстинктом самосохранения. Немалую роль в этом играет чувство долга, желание быть полезным Родине. Мересьев испытал страшную душевную депрессию после операции, когда ему ампутировали ступни: "Ему никогда больше не поднимать самолет в воздух, не бросаться в воздушный бой..." Под воздействием комиссара Воробьева, названного в повести "настоящим человеком", он загорелся мыслью снова возвратиться в боевой строй. Поверив в такую возможность, он очень цепко борется за это труднейшее возвращение, он жаждет сражаться, мстить врагу, побеждать, служить родине. И в конце концов он добился своего.

Алексей Петрович Маресьев родился 20 мая 1916 г. в городе Камышине в семье бедняка. Через год после его рождения умирает отец, мать осталась с тремя детьми, ей пришлось их поднимать на ноги одной. Алексей закончил семилетку, потом школу ФЗО (фабрично-заводского обучения), получив специальность токаря по металлу. В 1934 г. по комсомольской путевке он поехал строить Комсомольск-на-Амуре. В 1937 г. его призвали в ряды Красной Армии, в 1939 г. он стал курсантом Читинской летной школы, после её окончания получил звание летчика-инструктора. Началась Великая Отечественная война, Маресьев подал рапорт с просьбой отправить его на фронт, вскоре он становится летчиком-истребителем 292-го полка. В 1942 г. за боевые успехи его награждают орденом Красного Знамени. Маресьева сбили в бою, дальнейшее его возвращение в строй показано в книге Б. Полевого. Это был "настоящий подвиг советского патриота. Его повторили в годы Великой Отечественной войны более двухсот человек, о которых было интересно рассказано в книге под выразительным названием "Сколько у нас Маресьевых?" (Советская Россия. 23.05. 2006).

За время войны Маресьев сбил 11 немецких самолетов: 4 до ранения и 7 - с ампутированными ногами. 28 августа 1943 г. старшему лейтенанту Алексею Петровичу Маресьеву было

присвоено звание Героя Советского Союза. После войны он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, успешно защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. В 1968 г. он стал почетным гражданином города Камышина.

Когда "Повесть о настоящем человеке" вышла за пределами СССР, один из американских газетчиков попросил Б. Полевого стать арбитром в пари между ним и двумя чехословацкими журналистами. Они сказали ему, что Алексей Маресьев - реальный человек. Он уверен, что этого быть не может, и выложил свои аргументы: "Прежде всего, это физически вряд ли возможно. Я сам вожу спортивный самолет и знаю, что это за капризная девица! А тут военный истребитель! И не только вести, но и сражаться на нем! И не только сражаться, но и побеждать ассов Геринга, людей здоровых, отлично натренированных, сидящих в великолепных машинах! Кто же в это поверит? Ну, хорошо, пусть ваш предполагаемый друг совершил невозможное, невероятное, что никогда, никто и нигде не совершал. Что он получил за это? Высокий военный чин? Богатство? Положение в обществе? Вы же пишете, что он остался старшим лейтенантом и единственное, что он добился, это возможность сесть в самолет и снова и снова рисковать жизнью. Какой же, простите, дурак будет прилагать для этого столь много нечеловеческих усилий?! Где логика? Где, наконец, здравый смысл?"

Спор показался Б. Полевому принципиальным, а доводы заокеанского коллеги типичными. Он побеспокоил Алексея Петровича, и они "оба не без злорадства следили за тем, как проигравший отсчитывал" его "чехословацким друзьям свои доллары, которых он лишился из-за неверия в творческие силы и правдивость советской литературы" (Октябрь. 1957. № 2).

Но здесь обойден главный фактор, который принудил Героев Советского Союза А. Маресьева, летчиков Л. Белоусова, З. Сорокина, И. Маликова, В. Буркова, потерявших ноги, снова идти воевать. Об этом В. Путин в 2004 г. сказал: "Конечно, и в годы Великой Отечественной войны тоже было немало случаев ...самопожертвования, но тогда эти воины шли на свои подвиги под дулами винтовок и автоматов заградотрядов" (Правда. № 93. 2004). Бесспорно, он был прав. Конечно, наших 560 летчиков, протаранивших немецкие самолеты, сопровождали на "яках" заградотрядчики с автоматами в руках. И. Драченко, Герой СССР, полный кавалер ордена Славы, с осени 1943 г. летал с одним глазом, а второй "потерял в плену, в который он попал без сознания после посадки на горящем Ил-2. Гитлеровцы, озверевшие от молчания советского летчика на допросах, беспощадно били его и, чтобы не смог больше подниматься в воздух, вырезали глаз. Плен закончился дерзким побегом" (Правда. № 93. 2002). После нескольких опера-

ций ему подобрали протез, Драченко добился разрешения сражаться с фашистами и воевал до самого конца войны. Он снова начал воевать только потому, что ему угрожали расстрелом.

Теперь понятно, почему в то время было 264 таких подвигов, какой совершил Александр Матросов. Крестьянин Матвей Кузьмин в 84 года повторил подвиг Ивана Сусанина только потому, что в него была направлена винтовка заградотрядника. Отважно сражался с фашистами минометный расчет шестерых братьев Шумовых. У каждого из них был орден Славы 3 степени и медаль "За отвагу". В. Шморгун в книге "Красный сокол" сообщает о Герое Советского Союза, получившем 6 орденов Отечественной войны Иване Евграфовиче Федорове, который "сбил вражеских самолетов больше, чем трижды Герои Иван Кожедуб и Александр Покрышкин, вместе взятые" (Литературная газета. № 18. 2006). Если же говорить серьезно, то, конечно, истоки подвигов наших воинов не имели ничего общего с заградительными отрядами. Дело было в другом, весьма важном факторе - в патриотизме, в желании защитить государственность Родины.

В годы Отечественной войны писатели стремились лучше понять и оценить русский характер. В стихотворении "Август сорок второго года" О. Берггольц писала о своей душе: "Такое испытанье ей досталось, что будь она не русскою душой, - ее давно бы насмерть искромсало неверием, отчаянием, тоской...". В статье "Что мы защищаем?" А. Толстой отметил: "В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые години легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек - так себе, потребовалось от него быть героем - герой...". Он считает, что "нет такого лиха, которое бы уселось прочно на плечи русского человека". Его "Рассказы Ивана Сударева" (1942-1944) посвящены выявлению особенностей русского характера, отвечают на вопрос о причинах нашей победы. В рассказе А. Толстого "Русский характер" главное не описание военных событий самих по себе, а создание образа героя войны, не только храброго воина, но и человека со всеми присущими русскому человеку качествами. Рассказ заканчивается словами: "Да, вот они, русские характеры! Кажется прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила - человеческая красота". Эту великую силу раскрывали Н. Тихонов в "Ленинградских рассказах", Л. Соболев в "Морской душе", В. Кожевников в "Марте - апреле". Гордость за наших людей, сумевших выстоять в первую блокадную зиму в Ленинграде, привела Фадеева к мысли: "Мне кажется, есть на свете вещи, которые в силах вынести только русский человек".

Г. Свиридов писал: "Периодом духовного подъема была и война со всеми ее ужасами. Она дала прекрасные образцы творчества, из которых на первое место я ставлю "Василия Теркина" - гениальную поэму, воплотившую дух нации в роковой момент истории". По признанию Симо-

нова, самое недостижимое для него - это "Теркин": "Равного этой поэме нет не только в нашей поэзии, но и в прозе и драматургии. Такого глубокого и подлинно народного характера не удалось создать никому...". Эту мысль высказывал и С. Смирнов: "...по моему глубокому убеждению, произведение, наиболее полно отразившее самый дух и характер Великой Отечественной войны, - это поэма А. Твардовского "Василий Теркин". И в этом плане - плане постижения характера народа на войне - к поэме не приближается ни одно произведение прозы". Можно лишь удивляться "открытию" К. Раша: "Твардовский в "Василии Теркине" не смог подняться до понимания народной судьбы, потому что его герой - рядовой, в то время как лейтенант был заглавной фигурой войны" (Завтра. № 2. 1997).

Василий Теркин, человек-труженик, ставший по необходимости солдатом, принявший войну как опасный, тяжелый труд, стал народным героем, национальным типом русского человека. Жизнерадостный, смелый, терпеливый Теркин отразил в себе устойчивые качества русского национального характера, он много балагурит, в опасный момент шуткой помогает бороться с малодушием. Он даже смерть принудил отступить, выказав неукротимое желание прибыть в свой дом и возратить жизнь родной земле, всему тому, что разрушил враг. Автор сочетал в поэме принципы былинно-героического и сказочно-бытового повествования.

Собирательный герой Теркин олицетворяет собой народ, обобщает его национальные, идейные, этические черты. Е. Исаев говорил о Теркине: "В нем есть от Буслаева, от Дениса Давыдова, от Чапаевского Петьки или - что тоже не исключаю - от самого Василия Ивановича Чапаева". Всеобщность образа Теркина поддерживается его поведением, портретом, самим мышлением и речью. Он не женат, у него нет друга, он "Иваныч". В его внешности нет подчеркнутой характерности: даже "рыжесть Теркину нейдет", он "не высок, не то чтоб мал", "красотою наделен не был он отменной", в то же время он "герой - героем". Личные качества помогают раскрывать собирательное начало. Особенность поэмы состоит в том, что эта высокая обобщенность очень конкретна, герой во всех ситуациях ведет себя как человек военного времени и своего фронтового круга людей.

Теркин - из "матушки-пехоты", из самого массового рода войск. Автор подчеркнул: "И, однако, на войне // Первый ряд - пехоте". В дневнике Твардовского 1940 года говорилось об этом герое: "В нем пафос пехоты, войска, самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти...". Симонов в 1943 году писал: "Если поставить памятник самой большой силе на свете - силе народной души, то должен быть на том памятнике изваян идущий по снегу в нахлобученной шапке, немного согнувшийся, с вещмешком и винтовкой на спине русский пехотинец".

Шолохов в рассказе "Судьба человека" (1956) вывел главным героем Андрея Соколова, который вопреки своей трагической судьбе выдюжил, стал победителем, не растеряв своих гуманистических, идейно-нравственных ценностей, сохранив свою жизнестойкость, до конца выполнив свой солдатский и гражданский долг. Читателя потрясает его скорбное величие, его благородная бездонная тоска, неистребимое жизнелюбие, поразительная мощь его натуры. Шолохов со своим героем Соколовым противостоит тем, кто искажает суть русского национального характера.

В. Войнович оплевал советскую армию в глумливом романе "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" (1963 - 1969), получил из рук В. Путина государственную премию. Войнович изобразил главного "героя" маленьким, кривоногим, с красными ушами, глупым и забитым, а режиссер Э. Рязанов, для которого "коммунизм является синонимом фашизма", назвал его "подлинным народным типом, подлинно русским характером".

По-иному видел русский народ Шолохов, отметивший в нем те великолепные качества, которые помогли выстоять ему в смертельной схватке с фашизмом: способность беззаветно трудиться, с непревзойденным героизмом сражаться с захватчиками, отдавать "последний кусок хлеба и фронтовые тридцать граммов сахара осиротевшему в грозные годы войны ребенку", своим телом самоотверженно прикрывать "товарища, спасая его от неминуемой гибели", стиснув зубы, переносить "все лишения и невзгоды, идя на подвиг во имя родины".

В 1939 г. в разговоре с А. Коллонтай Сталин сказал: "...русский народ - великий народ. Русский народ - это добрый народ. У русского народа ясный ум. Он как бы рожден помогать другим народам. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него - стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Поэтому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ - неодолим, неисчерпаем" (Диалог. 1998. № 8. С. 94).

Вскоре трагические военные испытания воочию подтвердили эти высокие оценки. 24 мая 1945 г. Сталин в своем победном тосте отметил, что русскому народу присущи ясный ум, стойкий характер и терпение, и подчеркнул его выдающуюся роль во время Великой Отечественной войны. Либералы осуждают эту речь за высказанные в ней добрые суждения о русской нации. Азадовский и Егоров бичевали Сталина за то, что после 1945 г. он "со своей кликой ...начал ...выпячивать "русский народ", ставить его на пьедестал и возвышать над другими нациями в СССР" (Новое литературное обозрение. 1999. №.36. С. 86). Стоит ли вступать с ними в дискуссию? Сама жизнь хорошо показала, кто есть кто.

Идеологи ельцинско-путинского режима многие беды нашей страны видят в плохих свойствах характера русских крестьян. Е. Конюшенко сочинил: "...крестьянину очень трудно быть патриотом империи, большой, сложной (социально, этнически, географически) страны. Слишком ограничен опыт крестьянина своим двором, своей землей, своей деревней, своей маленькой личной выгодой" (День литературы. 26.06. 2006). Об А. Кончаловском известно, что его "мать говорила всю жизнь по-английски", что ему в "этой стране жить стыдно", при первой возможности он убегал из России, в своих генах он "действительно чувствовал что-то от немцев". Он посчитал, что в России лишь сильная государственность "может сдерживать частнособственнические компрадорские инстинкты, свойственные крестьянину" (Независимая газета .2004. 12. 03). Надо очень ненавидеть русских крестьян, чтобы умудриться найти у них такие инстинкты.

В. И. Ленин в 1920 году привел слова нижегородского мужика о том, что "мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте", и подчеркнул, что "патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это - настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы" (Т. 42. С. 124). Ленин писал: "Патриотизм - одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств" (Т. 37. С. 190).

После продолжительного разговора с тверской колхозницей А. Фадеев сказал: "Такие люди - клад для писателя. Она, можно сказать, выразительница народной точки зрения, народной нравственности. И вообще удивительный народ наши крестьяне. Это Л. Толстой очень хорошо чувствовал и замечательно показал в своих произведениях. А как беззаветно любят Родину! Среди крестьян много героев, людей высокой нравственности...". На X Всемирном Русском Народном Соборе В. Распутин подчеркнул: "Мужика в деревне не надо было учить патриотизму - он был у него в крови, мужик не нуждался в понуждении к национальному чувству - он весь из него состоял...".

По Конюшенко, крестьяне пришли в город и стали "там во время сталинской революции (1928-1938) собственно советской властью... Красная империя, основанная большевиками-интернационалистами и подхваченная после сталинской революции большевизированными крестьянами (последние из них, видные фигуранты новейшей истории - М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Яковлев, В. Черномырдин и др.), не продержалась и семидесяти лет (1922-1991). Не те, не имперские кадры оказались у руля!"

В его представлении "подлинные жизненные инстинкты" крестьян "оказались слишком простыми, и на этой упрощенной базе сохранить империю и тем более преобразовать ее из то-

талитарной в национальную, не удалось ни сибирскому крестьянину Е. Лигачеву, ни донецкому крестьянину Н. Рыжкову, ни ярославскому крестьянину А. Яковлеву".

Сильной разрухой в голове этого публициста можно объяснить то, что для него предатель Горбачев видится только "смешным ставропольским крестьянином", пытавшимся "играть в либерала и "европейца". Он причислил патологически властолюбивого маргинала Ельцина к типичным крестьянам, который "сразу же преобразовал имперское государство в мафиозную "семью", - форму для бывшего крестьянина более привычную, удобную и понятную". Странно то, что он поставил в один ряд Лигачева, Рыжкова и Яковлева.

Сталин сформировал элиту достойных руководителей, среди них были и талантливые выходцы из крестьян (М. Калинин, Н. Вознесенский, М. Суслов, А. Андреев, К. Мазуров, Ф. Козлов, П. Лобанов, Д. Коротченко, Д. Полянский и др.), которые внесли свой весомый вклад в индустриализацию страны и победу в Великой Отечественной войне, а после нее - в восстановление и развитие нашего народного хозяйства.

Ципко узрел корни слабостей Горбачева в его происхождении: "крестьянского сына... легче, чем другого, соблазнить мировой славой, "дружбой" с Бушем или Колем. Крестьянский сын по природе более слаб к почестям, чем человек, от рождения знающий себе цену".

Странно искать истоки измены Горбачева в его сельском детстве. Маршалы Г. Жуков, И. Конев, К. Мерецков, В. Соколовский, С. Тимошенко, С. Буденный, П. Чуйков, С. Ахромеев, Н. Огарков, Главный маршал авиации П. Жигарев, маршал бронетанковых войск М. Катюков, адмиралы флота И. Исаков и Н. Кузнецов,, генералы Ф. Ватутин, М. Ефремов, М. Лукин, А. Родимцев, А. Белобородов, А. Сапожников, П. Курочкин, И. Третьяк, И. Кожедуб, М. Водопьянов, разведчик Н. Кузнецов и другие видные военные деятели - все они Герои Советского Союза - были сыновьями крестьян. И все они честно и самоотверженно служили советской Родине.

Бердяев определил: "Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто дже - увы! - чуждо национальное достоинство" (Судьба России.С.277). Горький не без оснований писал о низком национальном самолюбии русских. Встречаясь с видными русскими людьми, он пришел к выводу, что они часто занижают свою действительную ценность, свои творческие способности. В 1900 году он писал Чехову: "Это ужасно трагично, что все русские люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом". Такое суждение он высказывал неоднократно. По словам А. Куприна, для русских характерны "врожденный стыд перед громкой фразой или красивым жестом, и полнейшая неспособность к оценке собственного подвига", у них есть смесь "героизма со смирением".

Горький писал о том, что русский человек привык "ругать себя на все корки". Недовольство собой, острая национальная самокритика отражена в статьях и письмах Достоевского, Горького, Чехова, Твардовского, Шукшина, Абрамова, Распутина, Астафьева и других писателей. Эта черта нашего национального характера использовалась противниками советского строя. Их критика имеющихся в СССР недостатков, замешанная на лживых выводах, воспринималась русскими как закономерное желание исправить допущенные ошибки. Реформаторы, поставив своей целью изменить общественный строй в СССР, учли эту склонность русских к жесткой самокритике, их устремленность к полной правде, социальной справедливости и братству народов.

Для русских очень важно нравственное содержание власти, и потому они поддержали призывы бороться с привилегиями, добиваться полной гласности в делах властных структур. Вместе с тем развившееся как массовое настроение самобичевание несет самые негативные последствия, рождает презрительное отношение к русским, все более усиливает разрушительный порыв, который может смести Россию как самостоятельное государство.

А. Савин заметил: "Еще в самом начале "демократических преобразований", в 1994 году, советник Ельцина Б. Ракилов связывал их успех с тем, удастся ли "сломать цивилизационное ядро России", превратить самобытную русскую цивилизацию с тысячелетней историей в "этнографический материал" (Завтра. 08.04. 2003). По мнению либерального историка М. Гефтера, ни "либерализация", ни "демократизация" России невозможны без трансформации ее этнического сознания. И потому на страницах газет и журналов, в телепередачах и радио русский народ "целенаправленно лишают его великого прошлого, дискриминируя в настоящем и готовя к уничтожению в будущем". Об этом говорит и язык публикаций и передач в СМИ. Самое главное в этом уничтожении России как самостоятельного субъекта в мировой политике играют "демократические" реформы, которые обусловили деинструлизацию страны, разгром сельского хозяйства, науки, разрушение системы образования, дезорганизацию армии, правоохранительных органов.

Национальный характер изменяется под воздействием изменившихся исторических условий. Но при этом сохраняется традиционная константа. Традиции - исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы. Не только в развитии литературы, но и вообще в жизни народов традиции играют огромную роль. Для британца они превыше всего. Евреи как нация сохранились в результате того, что они в своих семьях настойчиво воспитывали преклонение перед еврейскими национальными традициями. В

Великую Отечественную войну стало особенно ясно, что разгромить врага могут действительно помочь традиции русской армии, то лучшее, что есть в русском национальном характере.

В русском характере есть устойчивые качества, без них немислимо существование народа. Но эта устойчивость - не застывшая неизменность: в силу новых общественно-исторических условий она приобретает нечто иное или что-то теряет, вместе с этими "прибавлениями" и "исчезновениями" национальный характер в какой-то мере меняется, получает новые краски, но все это, если народ хорошо понимает свою историческую задачу и верно реагирует на чуждые влияния, не может разрушить сути его основополагающего нравственно-психологического ядра.

При выталкивании "на сверхнациональный уровень" нельзя терять своей определяющей основы, например, предавать забвению мысль о социальной справедливости и великодержавности. Если воспримем это в качестве нашей национальной идеи, то оно может скреплять то инонациональное, что вкрапляется в наш характер, и не терять то ценное, что уже приобретено за всю историю России. Эти устойчивые качества целенаправленно - под руководством "вашингтонского обкома" - разрушают либеральные западники, используя СМИ, реформы образования, армии, новые законы и положения о народном хозяйстве.

Глава 47. Патриотизм и космополитизм

Когда стремятся выбить русское самосознание из традиции, то делают ставку прежде всего на то, чтобы лишить нас патриотизма - главной ценности нашей культуры. Совет национальной безопасности США в директиве 20/1 ставил задачу подрывать "прирожденное мужество, выдержку и патриотизм русского населения", чтобы сделать Россию слабой в политическом, военном и психологическом отношении.

А. Сахаров считал, что "призыв к патриотизму - это уже совсем из арсенала официозной пропаганды", ему "ничто так не претило, как пробуждение русского самосознания!" Получается, что "всякий русский, как только выявит себя русским патриотом, - уже империалист" (Новый мир. 1998. № 9). В 90-е гг. "Комсомольская правда" объявила: "Патриотизм сегодня - это анахронизм". "Литгазета" сообщила, что "патриотизм надежно опорочен". Режиссер О. Ефремов признал, что в театр "Современник" не допускались актеры "с душком патриотизма". А. Иванченко предложил изъять "из обращения самые крупные купюры - народ, Россия, Родина, патриотизм".

М. Золотоносов приветствовал писателей, которые не используют в своем творчестве термины "Россия", "Родина", "народ". А. Андрюшкин объяснял громадные достижения России со-

ветского периода тем, что в ней сильной оставалась интернациональная, общечеловеческая сторона социализма", "сам советский социализм бы, пожалуй, явлением, скорее, положительным, чем отрицательным - и именно поскольку отвергал российскую традиционность" (Литературная газета. 29.09. 1993). Вывод однозначен: ничего хорошего нет в традиционных формах русской жизни. Для либералов типа Е. Добренко космополитизм является "признаком социального здоровья нации, крепости ее демократических институтов, реального приоритета общечеловеческих ценностей над узконациональными" (Литературная газета. 06.11. 1991).

Изменения в общественном мнении, настроении народа, сильнейший кризис западнических идей привели к тому, что в последнее время российская власть и ее идеологические выразители вынуждены возвращаться к некоторым прежним идеологическим ценностям, они пытаются трактовать патриотизм так, чтобы он вошел в их идеологическую систему. Патриотизм, по трактовке А. Курчаткина, "в своей потаенной сути" "очень корыстное чувство", которое "перестало быть связанным с понятиями "государство" и "держава" (Известия. 16.04. 1998). Для либералов личное выше общественного, индивидуум выше коллектива.

Для Б. Березовского патриотизм означает приоритет "Родины над приоритетом любого другого государства": "Патриоты - это политически наиболее активная часть людей, готовых отстаивать интересы своей страны. Но когда говорят, что интересы страны патриоты должны ставить выше своих собственных, здесь я категорически не согласен. Не любя себя, невозможно любить своих близких и такую абстракцию, как Родина" (Завтра. 08.10. 2002). М. Ефремов повторил подобные мысли: "Что такое "патриотизм, я, честно говоря, не очень понимаю. На мой взгляд, это опасная абстракция" (Литературная газета. № 26. 2008). Патриотизм для либералов стал "опасной абстракцией". А. Проханов резонно возразил: "Человек, не готовый пожертвовать своими интересами в период войны, в период бедствий, в период распада, перестает быть патриотом. ...человек, который любит Родину больше, чем самого себя, понимает, что он умрет неизбежно, а Родина останется, останутся дети, останется культура, останется народ... Такой человек и есть патриот" (Завтра. 08.10. 2002).

В. Зайцев в книге "За Волгой для нас земли не было. Записки снайпера" сообщил: "В комсомольском билете Александр Грязев оставил завещание своему сыну: "Не тот патриот, кто много говорит о Родине, а тот, кто готов отдать за нее жизнь... Во имя Родины и твоей, сынок, жизни я готов на все. Расти, дорогой мой малыш, учись. Родину люби не словами -- трудом люби". Многие сотни тысяч советских людей добровольно ушли на фронт, разве не ставили они выше всего интересы своей страны? Они понимали: если не победить врага, то их жизнь будет трагичной под пятой оккупантов.

Ж. Медведев заявил: в тяжелое время войны Сталин и его сподвижники "поняли, что ни "советский патриотизм", ни Красная армия не смогут обеспечить победу над немецкой армией, пропитанной духом немецкого "расового национализма". Либералы считают, что "для войны с могущественным внешним врагом коммунистическая идея бессильна, нужна идея национальная, русская. ..."Вождь народов" хитро решил, что советское надо представить как русское" (Общая газета. 2000. № 10). К. Азадовский и Б. Егоров осудили Сталина за то, что во время войны он "открыто заигрывал с русским народом, демонстрируя свой патриотизм, скорее, русский, нежели классово-советский" (Новое литературное обозрение. 1999. №. 36. С. 86). Коммунистическая идея была отнюдь не бессильной, но недостаточной для наиболее успешного ведения Отечественной войны.

После Октябрьской революции было похвальным объявлять все, что связано со старым общественным строем ненужным. В середине 30-х гг. эта тенденция стала получать отпор. Политбюро ЦК ВКП(б) взяло курс на восстановление ряда ценностей дореволюционного прошлого, на признание традиционных достижений русской культуры. 14 декабря 1936 г. в постановлении комитета искусств при Совнаркоме пьеса Д. Бедного "Богатыри" оценивалась "как чуждая советскому искусству", которая "огульно чернит богатырей русского былинного этапа в истории русского народа, "Киевской Руси". В принятом в 1937 г. постановлении правления Союза советских писателей унижающие Россию стихотворения были названы политически вредными. В парижской газете "Последние новости" от 20 мая 1937 г. Г. Адамович заметил: "...несколько лет назад любовь к отечеству не входила в число неперемных обязанностей советского гражданина. Теперь патриотизм - именно обязанность" (Вопросы литературы. 2002. Март-апрель).

В 1938 г. вышел на экраны патриотический фильм о победе А. Невского над немецкими рыцарями в 1242 г. на Чудском озере, в 1937-1939 гг. был создан фильм "Петр Первый", в 1939 г. - "Минин и Пожарский". Видный деятель партии кадетов П. Милюков подчеркнул в 1939 г.: "Сталин является гениальным политиком, поскольку он прочувствовал одну важнейшую вещь для любого политика: Сталин вернул Россию в русло традиционного общества" (Советская Россия. 04.03. 2000). 20 апреля 1941 г. Г. Димитров записал высказывание Сталина: "Теперь на первый план выступают национальные задачи для каждой страны". Огромная заслуга Сталина состоит в том, что он соединил воедино силу социалистической идеологии и государственный патриотизм.

М. Шолохов, А. Толстой, Л. Леонов, А. Фадеев, А. Твардовский, М. Исаковский, Д. Бедный, А. Ахматова, И. Эренбург, А. Прокофьев, А. Сурков, Н. Рыленков, К. Симонов и другие видные художники слова обращались в годы Великой Отечественной войны в своих произве-

дениях к героическим страницам национальной истории, писали о России с восхищением и верой в ее могучие силы и возможности. Шолохов высоко ценил А. Толстого за то, что он, "писатель большой русской души и разностороннего яркого дарования... находил простые, задушевные слова, чтобы выразить свою любовь к советской отчизне, к ее людям, ко всему, что дорого сердцу русского человека". В то время наполнились новыми красками понятия "патриотизм", "Родина".

Национальный пафос отразился и в заглавиях произведений: "Русский характер", "Русские воины", "Русская сила", "Разгневанная Россия", "Откуда пошла русская земля" А. Толстого, "Слава России" Л.Леонова, "Русской женщине" М. Исаковского, "Россия" А. Прокофьева, "Русские люди" К. Симонова, "Мы - русские" Вс. Вишневского, "Иван Никулин - русский матрос" Л. Соловьева и др. В те годы были изданы сборники "Русские народные песни", "Русские поэты о Родине", брошюра Н. Пиксанова "Русская художественная литература о всенародной борьбе с Наполеоном", исследование В. Грекова "Борьба Руси за создание своего государства", Д. Лихачева "Оборона древнерусских городов", работы А. Еголина "Величие русской литературы", "Патриотизм Пушкина", "Некрасов и Родина".

Во время войны отметили 700-летие победы А. Невского на льду Чудского озера в 1242 году. Об этой знаменательной победе 5-го апреля опубликовали статьи "Правда" ("К 700-летию ледового побоища") и "Труд" ("Славные традиции русского оружия").

Ж. Медведев заявил, что "уже в августе или в начале сентября 1942 г. Сталин резко изменил курс всей внутренней политики, начав восстановление российских исторических традиций, в первую очередь в армии". Для доказательств этой мысли он использует странное "открытие": "Были восстановлены традиционные российские воинские звания: сержант, лейтенант, капитан, майор и полковник (генеральские и адмиральские звания были введены еще в 1940 г.)". Перечисленные здесь звания были введены ЦИК и СНК СССР еще 22 сентября 1935 г. Возвращение к ряду атрибутов старой русской армии Ж. Медведев посчитал за националистические реформы, что получает у него негативную оценку.

Важную грань идеологической атмосферы военного времени выявляет решение, принятое 13 января 1944 года исполкомом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся: "Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, Исполнительный комитет Ленинградского Совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования" ряда улиц, проспектов, набережных и площадей города. Существующие наимено-

вания "Проспект 25 Октября", "Улица 3 июля", "Проспект Красных командиров" и др. были заменены старыми названиями "Невский проспект", "Садовая улица", "Измайловский проспект".

В основе патриотизма лежит любовь к своему Отчеству, историческое право народа на сохранение своей национально-государственной самобытности. Фадеев в 1943 г. отметил, что тогда некоторые деятели культуры недостаточно осознавали, почему заострялся "вопрос о национальной гордости русского народа", что среди известных кругов интеллигенции было "еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе... Мне кажется, что Эренбург не вполне, однако, понимает всего значения национального вопроса в области культуры и, сам того не замечая, противопоставляет всечеловеческое значение подлинной культуры ее национальным корням" (Молодая гвардия. 1994. № 4. С. 186-187).

Д. Самойлов писал 6 сентября 1944 г. С. Наровчатову о своих разногласиях с К. Симоновым: "Наше отличие от него настолько принципиально, что идейного сближения я не предвижу. Суть в том, что Симонов за Россией не видит Революции. Для нас Россия есть воплощение Революции". Несколько позже он подчеркнул: "Мы гордимся Россией за то, что она породила коммунизм, а не за то, что русский квас лучше мюнхенского пива" (Литературная газета. № 25. 2008). Выдающееся прошлое России, ее великие достижения в культурном, литературном, духовном развитии за многие века своей государственности для него слишком мало что значит. Космополитический настрой привел Самуйлова к тому, что за Революцией, коммунизмом он не хотел видеть национальной России, лучших традиций русского народа.

Симонов с осуждением отмечал, что некоторые литераторы желали "умалить то, что сделал и продолжал делать А. Твардовский своим "Теркиным". Не обходилось без размышлений на тему: что такое "общечеловеческое", что такое "крестьянское", что такое "советское". Причем "крестьянское" и "русское" отдавалось "Теркину", а "советское" и общечеловеческое" оставлялось на долю других литераторов и других произведений" (Вопросы литературы. 1974. № 2. С. 176).

С этим Твардовский столкнулся и после публикации своей книги "Родина и чужбина" в 1947 г. (большая часть ее была создана в годы войны), в которой он писал о своей малой родине: "Каждый километр пути, каждая деревушка, перелесок, речка - все это для человека, здесь родившегося и проведшего первые годы юности, свято особой, кровной святостью". С тем клочком земли, где он родился, "связано все лучшее, что есть в нем". Он скорбел, отмечая страшный урон, нанесенный фашистами родине: "Россия, Россия-страдалица, что с тобой делают!" Восхищаясь русским человеком, писатель связывал его поведение с нетленным опытом былых победных сражений за Россию: "Кажется, вся беспримерная сила, бодрость и выносли-

вость русского воина на походе и в бою явились нынче в людях, неустанно преследующих врага на путях, отмеченных древней славой побед над захватчиками-иноземцами".

Твардовский показал раскулаченного старика, побывавшего на севере; оказавшись на оккупированной земле, он начал бороться с захватчиками, так объяснив мотивы своего поведения: "Она была своя, русская, строгая власть. Она надо мной была поставлена народом, а не Германией". Его сыновья стали уважаемыми людьми, а трое из них защищали родину. Секретарь правления Союза писателей Л. Субоцкий критиковал Твардовского за "идеалистическое изображение" отношений "кулака с советской властью", не желая понять, что в годы войны, когда решалась судьба родины, отчетливо выказала свою силу способность русских отбрасывать обиды на власть и все отдавать делу защиты своей страны.

Ярые интернационалисты били эту книгу за то, что в ней веет "дореволюционной и доколхозной деревней, которая не имеет ничего общего с сознанием передовых советских людей" (Вопросы литературы. 1991. № 9-10). Как легко, оказывается, можно разорвать традиции, забыть, откуда мы вышли. Н. Атаров не принял то глубинное, что шло из далеких веков, сказавшись в русском характере, ему не понравился национальный колорит в показанных Твардовским людях и картинах. Он упрекал его в том, что "он изобразил все в дедовских и прадедовских традициях, нетленных, сохраненных с давних дней", что "любимая земля" писателя "изображена так, как можно было изобразить в некрасовские времена".

Л. Левин нашел "крестьянскую ограниченность" не только у Твардовского, но и у других авторов, которые "больше отмечали национальное, чем советское", когда "говорили о защите родины, патриотизме". Вспомнив стихотворение Симонова "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...", слова "все-таки Родина - не дом городской, где я празднично жил", он сказал: "Я прочел ...эти строки, и меня сразу кольнуло: почему родина - это проселки, а не дом городской? Это ограниченное представление, что Россия - это просто Русь". Левин не заметил того, что эти проселки были "дедами пройдены" и не принял глубинные истоки русского патриотизма.

Нападки на "Родину и чужбину" показывают, что космополитам претил русский патриотизм, связанный с корневыми традициями, и потому Данин осудил книгу за то, что он не увидел в ней "не только тени коммунистического интернационализма, но чувствовал национальную ограниченность". Вспомнив стихи М. Светлова, в которых герой гражданской войны поет: "Я рад, что в огне мирового пожара мой маленький домик горит", он поучал: "Пусть и Твардовский этому радуется". Да, нас учили идти воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать, чтобы навести справедливость в других странах, а в это время приходила в запустение Россия.

На обсуждении в СП СССР белой вороной выглядел В. Архипов, сказавший: "Во время войны я вдруг почувствовал, что я русский. И это тогда, когда к русским приставляли двойную охрану, когда говорили: "Русских расстреливать, а других еще подождем". Это тогда, когда я прочел в статье Ильи Эренбурга, что сволочь немец менял двух непокоренных русских девушек на одну эстонку; тогда я почувствовал, что я русский. Это почувствовал и Твардовский, и об этом он сказал, и это неплохо. Немцы видели в русских своих главных врагов, и естественно, что нарастание национального момента не могло не сказаться в "Василии Теркине". В ответ ему бросили: "Вы систематически поддерживаете все реакционное". Значит, быть русским, сказать об этом - поступить непозволительно, проявить ретроградские позиции. И это обсуждение проходило не в США, не в Израиле, а в России...

Симонов в книге "Глазами человека моего поколения" верно отметил: "Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей - у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой". В 1978 году Шолохов писал Л. Брежневу: "Принижена роль русской культуры в историческом духовном процессе, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. ...Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру". Он считал, что "становится очевидной необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил, правильном освещении ее истории в печати, кино и телевидении, раскрытию ее прогрессивного характера, исторической роли в создании, укреплении и развитии русского государства". Он возмущался тем, что о "России русские не имеют права громко говорить, только шопотом". Эти тенденции очень наглядно проявились в "перестроечное" время.

Шолохов был убежден, что патриотизм надо воспитывать "с ползункового возраста", чтобы человек пронес "любовь к родине через всю жизнь". Его произведения наполнены горячими думами о русской земле, о ее будущем. Любовь к родине питала его мужество и честность, помогала ему жить по высшим законам совести. После получения Нобелевской премии он сказал о своем настроении: "Тут преобладает чувство радости оттого, что я - хоть в какой-то мере - способствую прославлению своей Родины и партии, в рядах которой я нахожусь больше половины своей жизни, и, конечно, родной советской литературы". Он писал: "И, будучи патриотом своей могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного

Донского края". Русская литература воспитывает в читателях любовь и уважение к своей Родине.

Патриотизм означает, что человек, любя Родину, может жертвовать своими интересами ради ее благополучия, ощущает единство со своими предками, чувствует персональную ответственность за судьбу своего народа, глубоко уважает его святыни и традиции. Когда патриотизм лишается национального начала, тогда он приобретает черты космополитизма. Если же в патриотизме отсутствует интернациональная составляющая, то он превращается в крайние формы национализма и в конечном счете - в шовинизм. В нашей стране есть патриоты разных политических убеждений, они любят "свою" Россию: одни - социалистическую, другие - либерально-буржуазную, третьи - компрадорскую, полуколониальную. Следует помнить это, но беречь Россию надо обязательно (исчезнет она - все остальное в политике отпадет само собой).

Именно Россия - первооснова нашей любви. Когда это перестает быть главным, тогда на первый план выступают политические взгляды, партийный патриотизм в этом случае может игнорировать интересы Родины. В. Распутин заметил: "Когда требуется защита Отечества, в ополчение идут, не считаясь, кто монархист, кто анархист, а кто коммунист, а у нас партийные интересы оказываются сплошь и рядом выше России". Это демонстрируют сейчас российские либералы, которые защиту своих классовых интересов, свое предательство камуфлируют лозунгами свободы и демократии. Они, спекулирующие на антикоммунизме, жертвуют Россией и интересами нашего народа ради собственной выгоды.

В США учрежден новый государственный праздник: каждый год 11 сентября отмечается как "День патриота". Для американца не прослыть патриотом - означает многое потерять в праве на благополучную жизнь. Для российских либералов привлекательно поносить русский патриотизм. В. Пруссаков, уехавший в 1973 г. в США, отметил: "Я немало путешествовал, но нигде не видел таких патриотов Америки как в СССР". Сейчас их стало больше. Предательство родной земли привычно для либералов.

Кое-кто ухватился за слова Л. Толстого "патриотизм - это рабство" и посчитал, что они раскрывают суть патриотизма и отношение к нему великого писателя. Но он под влиянием конкретной обстановки подчас высказывал парадоксальные мысли, не придавая им обобщающего значения. Сила патриотического чувства Толстого сказалась во время его участия в обороне Севастополя, в его творчестве, эпопее "Война и мир", в ряде его высказываний. Так, Александра Толстая вспомнила: "Шла война с Японией. Лев Николаевич очень близко к сердцу принимал наши военные поражения, и когда пришло известие о сдаче Порт-Артура, он воскликнул: "Надо было взорвать крепость! Как можно было сдаться!". В очерке "Севастополь в декабре 1904 го-

да", говоря о героизме, мужестве, стойкости наших солдат, он подчеркнул, что истоки этого "есть чувство редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, - любовь к родине". Нет, не годится он в союзники космополитам.

Цель ряда учебных пособий по литературе - внедрить в сознание студентов отрицательное отношение к России, подорвать чувство патриотизма. В них снижается значение творчества Шолохова. А. Толстого, Леонова, Исаковского, выдающихся современных прозаиков - Белова, Бондарева, Распутина. Учебное пособие К. Д. Гордович "История отечественной литературы XX века" (1997) отражает подобную тенденцию. Гордович с подозрением и осуждением относится к писателям (например, к Ю. Бондареву), которые стремятся воспитать у читателей любовь к России. Не случайно она "забыла" о стихотворении Ахматовой, которое явственно отразило ее патриотическую позицию: "Не с теми я, кто бросил землю..."

В учебнике "История русской литературы XX века (20-90 гг.)" под редакцией профессора С. Кормилова освещение литературных событий дается с антипатриотических позиций. В нем хвалят роман Владимова "Генерал и его армия", стихотворение Бродского "На смерть Жукова". Кормилов представил А. Толстого писателем "без лишней скромности", у него неудачные финалы, "его внутренняя нестойкость принесла многие поражения как художнику", "наиболее независимые люди, как Ахматова и Пастернак, относились к нему неприязненно. В 1934 г. бывший граф получил пощечину от нищенствующего еврея О. Мандельштама. М. Булгаков высмеял его в образе Фиалкова ("Театральный роман")".

Кормилов мог бы сослаться на Е. Добренко, который слишком свободно манипулирует фактами и утверждает, что Толстой вернулся на родину прежде всего потому, что у него возник конфликт "с кредиторами, от которых А. Толстой бежал вначале из Парижа, а затем из Берлина" (Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 59-60). Читал ли Добренко его повесть "Детство Никиты", наполненную пронзительной тоской по утраченной родине? Если он читал ее и не почувствовал этой тоски, то это не удивительно: ему безразлично где жить - то ли в Одессе, то ли в США. Лишь бы платили больше долларов.

В учебнике Кормилова опущено самое главное - патриотизм А. Толстого, который был основой и стимулом его общественно-литературной деятельности. Осознав, что после гражданской войны лишь одна советская власть отстаивает национальные интересы России, он приехал на родину и отдал весь свой великолепный талант делу укрепления ее благополучия и могущества, что особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны.

Глава 48. Об антисемитизме и русофобии

16 апреля 2002 г. на РТР Сванидзе распинался о десятилетиях "государственного антисемитизма" в России. 30 ноября 1936 г. Сталин заявил в "Правде": "В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам смертной казнью".

Азадовский и Егоров нашли, "что к насаждению антисемитизма в нашей стране Сталин имел самое прямое отношение". Они сослались на книгу: Пикер Г. "Застольные разговоры Гитлера", где приведен разговор Сталина с Риббентропом в 1939 г. "Совершенно не скрывая своего антисемитизма", он "признался собеседнику в том, что хотел бы избавиться от "еврейского засилья" и ждет не дождется того времени, когда в СССР созреет "своя" интеллигенция" (Новое литературное обозрение. 1999. № 36).

Возможно, была бы некая справедливость в этом желании (если Сталин его высказал, что сомнительно) выдвигать русские кадры: в августе 1942 г. в докладной записке руководителя Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александрова говорилось, что "во многих учреждениях русского искусства русские люди оказались в нацменьшинстве", "руководящий состав целиком нерусский", "в Большом театре, в Московской государственной консерватории, Ленинградской государственной консерватории, Московской филармонии, в газетах "Правда", "Известия", "Вечерняя Москва", "Литература и искусство" во главе отделов литературы и искусства стоят нерусские". Нормально ли то, что русские не оказались в руководстве ряда отраслей культуры, многих газет?

24 марта 1953 г. секретари Союза советских писателей Фадеев, Сурков и Симонов направили в ЦК КПСС письмо "О мерах секретариата Союза писателей по освобождению писательской организации от балласта", где утверждалось: "При создании Союза советских писателей в 1934 г. - в московскую писательскую организацию было принято 351 человек, из них писателей еврейской национальности - 85 человек (34,8%), в 1941-1946 гг. принято 265 человек, из них писателей еврейской национальности 75 человек (28,4%). В 1947-1952 гг. принято 241 человек, из них писателей еврейской национальности - 40 человек (20,3%). Такой искусственно завышенный прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности" (Независимая газета. 29.09. 2000).

Г. Телятников в "Очерках о Великой Отечественной войне" обнаружил, что в "завершающий период войны начал осуществляться государственный антисемитизм": "Началось это с ре-

шения кадровых вопросов, прежде всего, в органах военной печати". В. Оскоцкий нашел, что антисемитские поветрия в годы войны "начали обретать в обществе все более устойчивый, корректируемый и направляемый характер" (Вопросы литературы. 1988. № 10). И не привел ни единого факта. Л. Чащина уверяла, что в апреле 1943 года "гонения на "космополитов" уже были декларированы как государственная акция" (Нева. 1990. № 10. С. 182).

Вот бы и привести эту декларацию! Но как это сделаешь, если ее не было? Обманывая читателей, Чащина совершает сальто-мортале, утверждая: "В августе... газета "Литература и искусство" опубликовала статью В. Ермилова "О традициях национальной гордости в русской литературе". С этого времени страшный механизм уничтожения "вредного слоя" общества начал набирать обороты".

Эта статья - ответ на директиву о воспитании патриотизма на примерах героического прошлого русского народа, направленную в войска 25 мая 1943 г. главным политическим управлением Красной армии. Неумно приравнивать ее к антисемитской акции. А. Гербер с осуждением говорила, что во время войны "началась "чистка" в оркестрах Большого театра, ... "чистка" актеров" (Советская Россия. 04.03. 1995). Армии требовались солдаты, "чистились" многие учреждения, почему же нельзя было призывать в армию работников оркестров и артистов?

В 1943 г. заместителем художественного руководителя киностудии в Алма-Ате (в ней работали ленфильмовцы и мосфильмовцы) назначили И. Пырьева, на что Г. Раппорт отозвался: "До сих пор у нас были весьма культурные худруки, а это товарищ из другого класса..." М. Левин: "Студия от искусства этого русского мужика охамеет". Военкомат объявил Вайнштоку о его разбронировании, и Волчек, Трауберг, Эрмлер и Левин бросились спасать его от призыва в армию и с помощью профессора Захаревича его признали "ограниченно годным". Они задались целью снять Пырьева с руководящей должности. Он писал тогда И. Большакову: "Снова на киностудии из группы Трауберга и Эрмлера поползли слухи, провоцирующие "антисемитизм". Да и сам Трауберг несколько раз в общественных местах говорил, что трудно стало жить евреям с русскими" (Дружба народов. 1993. № 31).

Лживую байку о том, что Сталин перед смертью хотел выселить всех евреев из Москвы куда-то в Сибирь пропагандировали Шейнис З. в "Провокации века" (1992), Ваксберг А. в "Нераскрытых тайнах" (1993) и другие фальсификаторы. М. Дейч повторил устаревшую ложь: "Идея переселения всех советских евреев в район дальнего (крайнего?) Севера у Сталина действительно была. Осуществить, правда, не успел: помер" (Московский комсомолец. 31.07. 2002). Хитроумный Дейч в "Независимой газете" спросил: "Зачем я вру"? В его ответе была часть

правды: "Натура такая. ...По привычке. Клевету даже". Он скрыл то, что его ложь очень хорошо оплачивается.

В действительности в это время по поручению именно Сталина была создана комиссия, которой было поручено очень тщательно и объективно заняться делом "врачей-отравителей". Н. Месяцев писал о том, как ему поручили расследовать дело арестованных врачей: "В присутствии министра государственной безопасности С. Игнатьева и секретаря ЦК А. Аристова Г. Маленков - тогда второе лицо после Сталина в государстве - мне сказал: "Центральный комитет партии путают, вводят в заблуждение. Товарищ Сталин просит, чтобы вы докопались до истины". Фактически по его инициативе все было подготовлено для их реабилитации, хотя он и "не дожил до освобождения врачей из-под стражи" (Комсомольская правда. 07.02. 1992).

Г. Костырченко в книге "В плену у красного фараона" назвал слухи о массовой депортации евреев абсолютной выдумкой. Э. Финкельштейн: "Для Сталина важно было уничтожить космополитизм. ...Космополитизм был на первом месте, а евреи - просто носителями этого космополитизма. В какой-то мере это было так. Это был народ, у которого были связи с границей. Я думаю, что правильный ответ, с моей точки зрения, заключается в том, что у Сталина, конечно, не было никаких особых антипатий к евреям" (Советская Россия. 23.12. 1995).

В 1943 г. И. Ферер, С. Михоэлс, Ш. Эпштейн поставили перед Молотовым вопрос о создании еврейской республики на территории Крыма или немцев Поволжья. "Что касается Крыма, - сказал он, - то пишите письмо, и мы его рассмотрим". 16 октября 1952 г. Сталин, выступая на пленуме ЦК КПСС, посчитал ошибкой Молотова предложение передать Крым евреям: "У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? ...А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий... Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому решению, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. ...А ее окружают друзья, которым нельзя доверять". Примечание "Правды": "Говоря о друзьях жены Молотова, П.С. Жемчужиной, Сталин имел в виду националистические еврейские круги, на которые большое влияние оказывала тогдашний посол Израиля в СССР Голда Меир" (13.01. 2000).

Т. Воротник писал, что мы "запустили антисемитизм" и предложил: "Поищите евреев в органах власти, много ли там найдете?" (Советская культура. 30.09. 1989). "Правда" 2 октября 1985 г. сообщила, что "еврейское население, составляя 0,69% от всего населения страны, представлено в ее политической и культурной жизни в масштабах не менее 10-20%". "На тысячу человек, занимавших высшие должности в иерархии Советского Союза приходилось... около 800 евреев и всего 100 с небольшим русских" (Советская Россия. 12.11. 1998). Писатель Эд. Тополь

констатировал в конце 90-х годов: "Впервые за тысячу лет с момента поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране", "все, или почти все, деньги этой страны оказались в еврейских руках" (Аргументы и факты. № 38. 1998).

Журнал "Октябрь" опубликовал в 1989 г. повесть В. Гроссмана "Все течет", в которой утверждает, что "русская душа - тысячелетняя раба", и потому она ничего не может дать миру. Гроссман пишет, что "высшей святыней русской революции", Октября была свобода, а ее предал Ленин, его нетерпимость к политической свободе идет от русского характера. Он-де "признавал незыблемость русского рабства", "связь русского развития с несвободой крепости". Если принять эту мысль, то тогда евреи Троцкий, Зиновьев, Свердлов, грузин Сталин, поляк Дзержинский тоже предавали свободу, и их нетерпимость объяснялась еврейским, грузинским и польским характерами.

В. Жук доказывал в "Октябре" (1989. №12) справедливость мысли Гроссмана о русской душе как тысячелетней рабе тем, что у Лермонтова, Чаадаева есть упоминание о "печати рабства", которую несет в себе русский народ. Он вспомнил слова Пушкина "Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом", сказанные в горькую минуту своей жизни и не выражавшие его действительного отношения к родной стране. Жук не принял во внимание высказывания Пушкина, на корню подрубающие попытки использовать его имя для дискредитации России. Например: "Я клянусь своей честью, что ни за что на свете я не захотел бы ни переменить отечество, не иметь другой истории, как ту, которую имели наши предки, которую нам дал Бог".

В. Гроссман в романе "Жизнь и судьба" остро переживал беды евреев, рассматривая первую половину XX века как эпоху "поголовного истребления огромных слоев еврейского населения, основанного на социальных и расовых теориях". Но, сосредоточив исключительное внимание на трагедии евреев, он забыл о страшной участи других народов, поэтому есть резон в вопросах А. Казинцева: "Почему писатель, бережно выделяющий один народ, доверяет говорить о патриотизме другого народа отъявленным мерзавцам, трусам и глупцам? Почему, говоря об "общей судьбе" евреев, Гроссман рассматривает рассуждения об общей судьбе других народов как проявление черносотенства, либо фашизма" (Наш современник 1988. № 11. С. 176). А вот Оскоцкий "нашел" у многих русских писателей недоброе отношение к евреям, ему жаль, что в журнальную публикацию "Жизни и судьбы" не вошла глава об антисемитизме (Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 91). Подлинный гуманизм предполагает любовь к своей нации и вместе с тем доброжелательное отношение ко всем народам, умение видеть их боль и беды. Этого недостает роману "Жизнь и судьба".

Твардовский был государственным-почвенником, а в редколлегии "Нового мира", который он возглавлял, преобладающую роль играли либералы-западники. В критических выступлениях этого журнала была недооценка значения патриотических традиций, идеалов социалистического общества. 12 ноября 1962 г. Твардовский написал в своей рабочей тетради: "Нет у меня в редакции человека, для которого журнал был бы главной заботой, интересом его жизни, которого бы снабжал и советами, и помощью...". Перед этим, 26 сентября 1962 года, он пришел к заключению: "...все эти Данины, Анны Самойловны ...вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там - в Пастернаке и Гроссмани...".

Диссидент Е. Эткинд посчитал, что Твардовский "в отношении Гроссмана ...вел себя недостойно", что А. Берзер, много лет работавшая вместе с ним, "высоко чтит мужественного и пронизательного редактора "Нового мира" - и с безжалостной правдивостью" показала, "как Твардовский предал Гроссмана еще в пору обсуждений романа "За правое дело". Оказывается, "во время борьбы с "космополитами" и в преддверии травли "убийц в белых халатах", - он стал обличать Гроссмана, самокритически уверяя будто бы "не усмотрел, что эта доморощенная философичность проникает и в ткань художественно-изобразительную, а идеи Гроссмана восходят "к каким-то обветшалым и глубоко чуждым нашему духу, глубоко чуждым ленинизму теориям и идеям о неизменности человеческого мира..." (Литературная газета. 01.05. 1991). В действительности честнейший Твардовский совершал ошибки, его взгляды в какой-то мере менялись, не останавливались на одной точке, они могли не удовлетворять многих Эткиндов, но он был верен своему народу и все свои силы отдавал делу улучшения его жизни.

В России вольготно чувствует себя русофобия. Л. Никитинский, используя шпаргалки Геббельса, объявил СССР "колоссом на глиняных ногах", "последней колониальной державой" и посчитал, что "демократическое и процветающее государство вовсе не обязано быть географически огромным" (Комсомольская правда. 14.12. 1991). С. Рассадин вопрошал: "...чего это мы так боимся перестать огромными?" (Литературная газета. 04.12. 1991). Он упрекал Пушкина в том, что он неосмотрительно "тешил национальное самолюбие: "Или мало нас? Или от Перми до Тавриды?" А. Соболевский вторил ему: "...почему России надлежит быть от Балтики до Хоккайдо?" (Литературная газета. 02.09. 1993).

Преподаватели и выпускники МГУ обратились 10.09. 2009 г. к депутату Московской городской думы Н. Губенко с просьбой поддержать их требование: изъять из обращения книжки одиозного сочинителя В. Ерофеева "Энциклопедия русской души", где он, например, писал: "Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене".

Но это обращение могло появиться раньше. В журнале "Огонёк" (№29. 2008) Ерофеев, узнав о результатах опроса о Сталине, написал: "Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях". В какой стране, кроме России, можно назвать свой народ быдлом и плевать ему в лицо?

А. Герман утверждает, что "мы живем в воровской, националистической державе, в которой в итоге победит фашизм". А. Яковлев в предисловии в книге Дейча "Фашизм в России больше чем фашизм" (2003) на вопрос, откуда корчиневые появились в России, победившей фашизм, ответил: "Верно, боролись и разгромили. Но боролись не со своим и победили не свой. До сих пор таскаем по улицам портреты Ленина и Сталина - отцов фашизма прошлого и нынешнего столетия". Какое циничное бесчестие у бывшего идеолога КПСС! Б. Васильев нашел, что "советский фашизм страшнее немецкого, значительно страшнее. Вот в чем беда" (Литературная газета. 11-17.09. 2002). М. Швыдкой, будучи министром культуры, организовал на телеканале "Культура" передачу 26 сентября 2002 года под названием "Русский фашизм страшнее немецкого", перед этим провел обсуждение "Патриотизм - последнее прибежище негодяев".

"Единая Россия" для борьбы с патриотизмом придумала "антифашистский пакт". Даже А. Солженицын отметил: "Ксенофобия исторически не была свойством русских, иначе не устояла бы империя из 120 наций. А словом "фашизм" у нас кидаются безответственно как удобным бранным словом, чтобы не дать встать русскому самосознанию. Но германский национал-социализм основывался на самопревознесении германской нации (вскормленном задолго и до Гитлера) - такого упрека не бросишь нынешнему униженному и вымирающему русскому народу" (Московские новости. 28.04. 2006).

Социологи выявили такой настрой русских: "В том, что их Родина имеет все права гордиться своей наукой, духовностью, искусством, местом, занимаемым в мире, решаются говорить ...от силы 3-6% граждан. Даже по сравнению с родственной нам славянской Польшей историческое сознание русских выглядит сильно обкраденным" (Родина. 1989. № 9. С. 83). А в средствах массовой информации часто бездоказательно утверждают, что русские превозносятся за счет других народов, принцип интернационализма ими третируется, что все больше плодится людей, которые любят всем "русским" и отвергают все чужое, особенно западное, выступают с позиций великодержавного шовинизма и антисемитизма.

Обвинение русских в тяготении к фашистской идеологии не имеет под собой ничего общего с русскими традициями интернационализма, культурой нашего народа, носит кощунст-

венный характер по отношению к миллионам наших соотечественников, павших в борьбе с немецким фашизмом в Великой Отечественной войне.

Глава 49. Нужно ли каяться русскому народу?

Активный перестройщик М. Веллер, участник многих телепередач, посчитал, что "СССР воевал жестоко, цинично, беспощадно, как ни одна страна в мире" (Комсомольская правда. 27.04. 2010). Некий Александр, свихнувшийся на ненависти к России, предложил "вспомнить о наших бесчисленных военных преступлениях", нашел, что они были совершены в "Польше - 1939-53, Пруссии - 1945, Балтии и Украины (с 1944 по 1960), кончая Вьетнамом" (Общая газета. № 30. 2001). Д. Драгунский заявил: "Россия всегда была агрессивным фактором на карте мира" (Дружба народов. 1992. № 10. С. 179). Но вот факты: "После окончания второй мировой войны ядерные государства непосредственно выступали агрессорами в войнах и вооруженных конфликтах: Великобритания - 40 раз, США - 30 раз, Франция - 28 раз, СССР - 4 раза, Китай - 1 раз" (Комсомольская правда. 28.01. 1993). Значит, западные страны были в 7-10 раз агрессивнее, чем СССР. В 1983 году бывший госсекретарь США Д. Шульц признал, что после Второй мировой войны США "185 раз посылали вооруженные силы для разрешения ситуаций, угрожающих американским политическим и экономическим интересам".

Хмельницкий, "забыв" о том, что Советская армия спасла человечество от коричневой чумы, писал о ее "бесчисленных преступлениях" против человечества, "о диком политическом терроре на освобожденных от немцев территориях" (Русская мысль. № 4262. 1999). Он словно бы и не слышал о Майданеке и Освенциме, о миллионах людей, уничтоженных в фашистских душегубках. На Западе не хотят помнить, что немцы оставляли после себя выжженную землю, уничтожили 16 миллионов мирных советских людей. В секретном приказе Гимmlера № 174/43 от 7 сентября 1943 года высшему руководству войск СС и полиции на Украине читаем: "Необходимо добиться, того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена из строя на долгие годы; чтобы не осталось ни одного колодца, который не был бы отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну".

Солженицын призывал к всенародному покаянию. На конференции "Солженицын и мы" прозвучали голоса о том, что "русский народ виноват во всех глобальных бедах XX века... он имеет право существовать далее, лишь покайся перед всем человечеством в своих грехах" (Московский литератор. 08.06. 1990). Один из руководителей НТС Зубов, процедил: "...через

акт всенародного покаяния, аналогичный покаянию немецкого народа в преступлениях нацизма, мы сможем наконец-то дистанцироваться от преступлений советского времени" (Завтра. 17.03. 2010).

Духовный власовец С. Савельев в Гайдпарке 30.10. 2020 г. известил: "Но можно ли ожидать покаяния от тех, кто 70 лет жил под большевиками, из кого вытравили понятия "совесть" и "грех", для кого вранье стало нормой жизни, а правда о преступлениях отцов и дедов раздражает даже внуков и детей?" У подобных клеветников нет даже подобия совести. Подкармливаемый либеральными деньгами М. Солонин в своём сборнике статей "Нет блага на войне" (2010) заметил, "что признать свою неправоту может только духовно СИЛЬНЫЙ народ. У нашего народа такой духовной силы в настоящий момент НЕТ. И уважения поэтому ему нет".

Что тут подделаешь, если у нас такой скверный народ, если у оставшихся пока в живых советских солдат, получивших ранения и потерявших своих близких и родных в войне с фашистами, нет желания и причины извиняться перед ними. Мы, наивные, полагаем, что у немецкой нации действительно была огромная вина перед советским народом и поэтому не стоит в этом плане ставить знак тождества между ними. Савельев, говоря о решениях Нюрнбергского международного трибунала, крайне недоволен тем, что в них "нацизму вменяли в вину подготовку и развязывание агрессии против Польши, а большевизму, который во всем это участвовал на равных (!) с нацизмом, это же в вину тот же Трибунал не вменил". Вот о чем горько сожалеют современные власовцы, крайне недовольные итогами Второй мировой войны.

31 октября 2010 г. в Гайдпарке А. Ключников поместил опус "Грабежи "непобедимой и легендарной" ...". Он визжал: "Враньё, враньё! - вся наша история - сплошной обман!". Он не знает сути того, о чем рассуждает. У него, к примеру, указан "Г. К. Жуков, начальник Генштаба, будучи заодно и командующим 1-м Белорусским фронтом...". Начальником Генштаба Жуков перестал быть 30 июля 1941 года.

В 1945 году жителям Берлина в качестве первой помощи советское правительство выделило 96000 тонн зерна, 60000 тонн картофеля, сахар, жиры и другие продукты, хотя всего этого не хватало нашему населению. Знал ли об этом М. Дейч, заявлявший, что Советский Союз "в годы Отечественной войны ограбил Германию"? (Столица. 1994. № 29).

Несусветный лгун Ключников бичует Красную Армию за грабежи в 1945 г., считает, что "по грабёжам военнослужащие СССР явно превзошли военнослужащих вермахта!" Что же дало повод сделать этот мерзкий вывод? По словам этого клеветника, массовый грабёж среди солдат вермахта "был вызван борьбой за выживание! ...Весь грабёж был ограничен возможностью желудка немецкого солдата". На самом деле мародёры фашистской армии регулярно отправляли

посылки с разными ценностями и барахлом в Германию и Австрию. Немцы создали специальные отряды по вывозу имущества из оккупированных территорий СССР, не только Янтарную комнату, но даже наш чернозем отправляли в свой фатерлянд.

Во время войны немцы угнали на работы в Германию 5269513 человек. Они разграбили в России 427 музеев, 43 тысячи библиотек, а потом ставили вопрос о передаче Германии культурных ценностей, изъятых у нее в счет компенсации потерь, понесенных нашим народом во время войны. В 1986-87 гг. в Германии рассуждали "о том, в какой мере Холокост является всего лишь ответом на архипелаг Гулаг, а тем самым террор, развязанный национал-социалистами, оказывается ответом на большевистский террор" (Независимая газета. 15.05. 2001). Там пытаются отрицать вклад СССР в разгром нацизма и приписать ему последствия фашистских злодеяний.

В январе 1945 года появился приказ, разрешающий военнослужащим Красной Армии посылать домой из реквизированного и бесхозного, брошенного добра одну посылку в месяц. Но среди наших солдат и офицеров была немного таких, которые воспользовались этим разрешением. Когда мы стояли в Австрии, солдаты на политинформации спросили меня: "Почему подполковник Амелёхин послал в этом месяце две посылки, а нам разрешают только одну?". Я ответил, что не знаю, чем занимается заместитель командира полка по политчасти, а сам я не отправил ни одной посылки и в дальнейшем не буду заниматься этим.

Однако остановимся на доказательстве Ключникова: "Один из фронтовиков, наш односельчанин, умудрился доставить с войны две телеги (!) "трофеев", т.е. наше государство явно помогло ему дотащить столько барахла аж до Самарской области, села Багряш". Было ли это на самом деле? Такой вопрос возник потому, что Ключников, беспардонно топчет своими грязными ногами факты. Он пытается всучить читателям явную галиматью для подтверждения мысли о наших грабежах: "...никто не в силах представить ситуацию, когда немецкие танкисты возят в снарядных гильзах вино под видом боекомплекта... Так делал мой сосед Иван Бурнаев в Болгарии". В Болгарии у нас были добрые отношения с населением. Вино там можно было купить на каждом шагу. А вино в гильзах... Автору такого открытия надо срочно лечь в психбольницу.

Вспоминаю, как 254-й истребительно-противотанковый полк вступил в Болгарию, уехав из австрийского города Леобена, куда входили американские войска. Болгарские крестьяне стояли у дороги, приветствовали нас и, показывая принесенные фрукты, вино, знаками и словами просили остановиться и отведать их. Слышал я тогда притворно громкие вздохи своих солдат, сидящих в кузове автомашины: "Как плохо, что командир попался нам не пьющий"

Я служил в Болгарии почти два года и могу вспомнить лишь один предосудительный случай со стороны наших военнослужащих. Когда я был помощником дежурного по гарнизону в Софии, два советских офицера, напившись, чуть не сорвали встречу министра внутренних дел Болгарии Антона Югова с иностранными гостями на пригородной вилле. Тогда болгарский милиционер приехал на грузовике к нам за помощью, оказывается, офицеры якобы устроили у самой виллы на берегу озера бесцельную стрельбу, один из них как будто вздумал даже раздеться, чтобы искупаться. Захватив с собой старшину и двух дежурных солдат, я отправился туда. Подъехали мы к вилле, офицеры, по словам милиционера, потешались за нею, через кухню нам не разрешили пройти, пришлось идти через небольшой холл, где сидели за столами Югов и иностранные чиновники. Мне показалось, что они посматривали на нас с пренебрежением. Мы вышли из виллы, туда, где набедокурили офицеры, а одного из них там уже не оказалось, он успел смыться. Второй, старший лейтенант, с неохотой отдал мне пистолет. Нам удалось уговорить хозяина ресторана разрешить пройти через кухню, и мы воспользовались этим.

Осенью 1945 года мне приказали выехать с четырьмя автомашинами в болгарское селение километров за сто от Софии и привести оттуда дрова партизанским вдовам. Горная дорога, петляя, устраивала причудливый серпантин, при поездке по ней нужна особая осмотрительность, иначе сорвешься в пропасть. Приехали мы в указанное место, болгары нагружают машины, а шоферы, быстро нашедшие общий язык с ними, куда-то один за другим уходят и приходят. Вдруг я замечаю, что у них подозрительно весело блестят глаза, подошел к одному вплотную - попахивает вином. Меня передернуло от возмущения, даже в голове сильнее зашумело (давала знать фронтовая контузия): как же теперь ехать с тяжелым грузом по горной дороге, на которой столь много крутых спусков и коварных поворотов? В сердцах отругал я шоферов и заодно радужных болгар. Назад мы ехали медленно-медленно, я сидел в первой машине и, опасаясь беды, не давал, особенно на извилинах и резких спусках, повышать шоферу скорость, прибыли в Софию уже в полной темноте.

Были случаи недостойного поведения советских солдат в первые месяцы вступления Красной Армии на территорию Германии, но наше командование пресекало безобразия по отношению к мирному населению, особенно к женщинам и детям. Насильники подлежали суду военного трибунала. 19 января 1945 г. Верховный Главнокомандующий Сталин подписал приказ, который требовал не допускать неоправданного отношения к местному населению. После этого Жуков отдал приказ, требующий отдавать насильников под трибунал и расстреливать. Рокоссовский, командующий 2-м Белорусским фронтом, приказал мародёров и насильников расстреливать на месте.

В романе "Оставь надежду навсегда" И. Одоевцева утверждала, что после победы русский "народ-герой" превратился в "народ-преступник", он виновен в "чудовищных насилиях, зверских грабежах, невообразимом хулиганстве, затопившем слезами, кровью и позором Берлин". В. Брюханов лгал: "В Германии ... в 1945 году все (!) женщины на территории, занятой советскими войсками, были изнасилованы" (Литературная Россия. 16.06. 2000). Г. Андреев непостижимым образом определил, что "численность одного из самых отвратительных преступлений - изнасилований, совершенных немецкими солдатами в России, неизмеримо меньше, чем русскими в восточной Германии" (Русская мысль. № 4295. 2000).

В "Великой Отечественной..." сообщается, что, "по данным ФРГ, в советской зоне оккупации от военнослужащих Красной Армии немецкие женщины родили около 292 тысяч детей". А перед этим сказано: в конце 1942 года ставка Гитлера узнала, что "от немецких военнослужащих родилось около 3 млн. детей на советской территории" (Т. 3. С. 290). Если эти цифры несут в себе хоть какую-то толику правды, то кто же больше - наши солдаты или немецкие - вели себя более достойно?

1 мая 2002 года в Британии появился опус Э. Бивера "Падение Берлина" о якобы чинившихся Советской армией жутких злодеяниях в Германии после краха нацистского режима. Бивер утверждает, что советские солдаты изнасиловали большое количество русских и польских женщин, которые были узниками концентрационных лагерей, а также "всех немок в возрасте от 8 до 80 лет" ("The Guardian"). Всех!

Придумывая лживые подробности, чернит нашу армию руководитель мемориального комплекса "Хоэншенхаузен" Х. Кнабе в книге "День освобождения? Конец войны в Восточной Германии" (2005): "В результате захвата территории Красной армией погибло 2,5 миллиона немцев, бежавших, изгнанных или угнанных". 21 марта 2005 г. в статье "Два конца войны" ("Welt am Sonntag") он заявил: "На Западе солдаты раздавали шоколад. На Востоке они изнасиловали почти 2 миллиона женщин и расстреляли десятки тысяч мирных жителей".

Из таких публикаций Ключникову стало "достоверно известно", "что насиливание женщин от старух до детей в Восточной Пруссии носило массовый, а не единичный характер". Один из его союзников переступил порог самой смелой вероятности, заявив: "В 1945 году, перейдя госграницу СССР на запад, "освободители" ...грабили и насиловали. Судя по секретным рапортам и жалобам немцев, только за одни сутки 16 июня 1945 года было изнасиловано около двух миллионов немцев, включая мальчиков и младенцев". Боже мой! За одни сутки! К тому же перешли "госграницу СССР" наши войска в 1944 г. И такой бред кочует по Интернету...

"Когда-то давно, когда не было ещё Интернета, - доложил Ключников, - я читал статью, в которой был пример немецкой деревни, захваченной РККА на пару дней и потом опять отбитой вермахтом. ...в той деревне поголовно ВСЁ население оказалось уничтоженным, причём зверски, и немцы подняли шум. Это сделали эсэсовцы - утверждала статья. Я тогда поверил. Потом стал постарше и прикинул: во-первых, подобную акцию надо спланировать заранее, и очень ловко подгадать ситуацию: ведь фашистам эту деревню надо было не только отдать, но ещё и отбить обратно. ...Теперь же выясняется, что подобный случай геноцида (?) был далеко не единственным, это творилось СИСТЕМАТИЧЕСКИ (!)".

Какие же факты прояснили это? Не могло ли быть по-иному: эсэсовцы совершили подлую провокацию уже после того, как немецким войскам удалось захватить эту деревню. Фашистам хотелось напугать свое население злодеяниями Красной Армии. Отметим загадочную фразу "Когда-то давно...". То, что наплел Ключников, напоминает фантазии британского историка М. Гастингса, который в книге "Армагеддон: битва за Германию, 1944-1945" (2004) живописует фантастические зверства наших воинов: "Первое вторжение русских в восточные районы Германии произошло в октябре 1944 г., когда части Красной Армии захватили несколько приграничных деревень. Через пять дней они были выбиты оттуда, и перед глазами гитлеровских солдат предстала неопишуемая картина. Едва ли хоть один гражданский избежал смерти от рук русских солдат. Женщин распинали на дверях сараев и перевернутых телегах, или, изнасиловав, давили гусеницами танков. Их детей зверски убили. "Во дворе фермы стояла телега, к которой, в позе распятых, были прибиты гвоздями за руки еще несколько голых женщин, - докладывал немецкий фольксштурмовец К. Потрек. - Возле большого двора находится сарай; к каждой из двух его дверей была в позе распятой прибита гвоздями голая женщина. В жилых домах мы обнаружили в общей сложности 72 женщин и девочек, а также одного мужчину 74 лет - все они были убиты зверским образом...". Английский историк создает вид, что он опирается на рассказы немецкого фольксштурмовца К. Потрека и некоего Михаэля Вика. Если учитывать, как в современной информационной войне фальсификаторы постоянно оплевывают советских воинов, то приходишь к выводу о чепухе в клеветнических живописаниях Гастингса. И на них-то зиждется шизофренический бред Ключникова.

Действительно, самые "отвратительные мародеры... те, кто, как автор данного пасквиля, пытается украсть подвиг советского солдата и всего народа, обливая их грязью". Ключников "протитутурует на клевете и обливании помоями всего, что связано с СССР, хочет выделиться на фоне всех этих моральных уродов - вдруг заметят его усилия и назначат в ряды "десталинизаторов". А. Анищенко объявил ему: "Хочу встретиться с тобой, чтобы вырвать твой грязный язык

и отрубить обе твои руки по локоть, чтобы ты не мог клеветать на Красную Армию ни языком, ни пером".

В статье Г. Резанова и Г. Хорошиловой "Кто сказал, что их вальс устарел" (Комсомольская правда. 19.02. 1991) господствует настрой: в Австрии все прекрасно, если и было что-то плохое в ней после войны, то это связано с советскими солдатами. Поставлен им памятник, но может ли он вызвать признательность к тем, кто ценой немалых жертв (на австрийской земле погибло 26000 наших воинов) освободил страну от фашизма, если учесть подчеркнутую подробность: "В Вене стояла "дикая" монгольская дивизия. Так что можете представить, что здесь было..." Мне, служившему первые месяцы после войны в Австрии, невозможно представить то гаденькое, на что авторы намекнули в статье, я впервые слышу о существовании "диких" дивизий в нашей армии.

Помню лишь об одном случае недостойного поведения в Австрии нашего солдата, который отнял часы у австрийки. После жалобы этой женщины часы нашли и возвратили ей. Командир части полковник Ильяш с негодованием позорил этого солдата-доходягу перед строем и объявил ему 20 суток строгой гауптвахты. Были интимные связи у ряда наших военнослужащих с австрийками (они сами напрашивались на это), но я не слышал ни об одном насилии над ними.

Обнародную свое самое большое преступление в Австрии. 11-го мая 1945 г. мы с младшим лейтенантом Мишиным поздно вечером приехали на попутной автомашине из Бадена, где находился штаб Третьего Украинского фронта, в австрийский город Леобен. Нашли коменданта, представились и спросили, как нам добраться до нашей части. Майор рассудил, что сейчас уже темно, в полку нас никто в позднюю пору не ждет. Он отправил нас с запиской в отель, в ней обязал его владельца выделить нам номер для ночевки. Мы хорошо выспались в двухместном номере, утром поздоровались с хозяйкой, отдали ей ключи, сказали "Danke" и собрались уходить. Но не тут-то было. Покраснев от возмущения, она потребовала оплатить проживание, а у нас не было ни рублей, ни австрийских шиллингов. Хозяйка зарыдала, когда мы объяснили ей, что у нас нет денег. Комендант нам ничего не сказал о том, что надо будет расплатиться.

Мишин взорвался, на ломаном немецком языке напомнил хозяйке, что делали в России ее соотечественники: рушили города и села, грабили и убивали ни за что ни про что мирных жителей. И мы сами потеряли на войне своих отцов и получили по куску немецкого свинца.

Ничего этого она не хотела знать, ушли мы из отеля с чувством вины. Получив через три недели жалованье в шиллингах, мы решили расплатиться с нею. Но, можно сказать, не успели, в тот день наш полк потрясла смерть 12 солдат из соседней батареи во главе со старшиной

Фроловым, награжденным двумя орденами Славы. Они приобрели у австрийца спирт, вечером распилили его, и в страшных муках все скончались, кроме одного солдата, который ослеп, но остался в живых. Этот случай так остро обжег наши души, что мы не пошли к хозяйке отеля расплачиваться.

Профессор Г. Белая клеймила расстрел советской армией "безоружных людей" в 1956 году в Будапеште (Независимая газета. 29.09. 2000). 24 октября 2010 г. журналистка на НТВ сообщила о том, что в этот день в 1956 году в Будапеште бедные студенты вышли на мирную демонстрацию, а советские войска их расстреляли. С какой целью она рассказала об этом? Она, видно, не знала, что в то время на вокзале Келети в Будапеште сотни наших демобилизованных солдат ожидали поезда для отправки домой, и на них "безоружные" молодчики напали и зверски убивали. Им претила наша Победа 1945 г. Они убили и ранили свыше двух тысяч наших солдат.

Тех, кто пытается обвинить Россию за 1956 год, мы можем спросить, а что заставило Венгрию объявить СССР войну 27 июня 1941 г. и сражаться на стороне Германии до 1945 г.? Несет ли она вину за сотни тысяч советских людей, убитых ее солдатами? Не справедливо ли высказанное в нашей печати рассуждение: "Извинились ли венгры к 50-летию нападения на СССР? А к 60-летию? А сопоставить масштабы событий 1941- 45 годов и осени 1956 невозможно. Как же могло получиться, что мы в итоге остались с ЧУВСТВОМ ВИНЫ, а венгры, все в белом, и с высоты своего положения нет-нет да Россию этой виной и одернут!?"

Все-таки сообщу о своем нехорошем поступке в Венгрии. В начале мая 1945 г. вагон, в котором мы ехали на фронт, застрял перед Будапештом на полустанке. Три дня мы ничего не ели. Вблизи стояло село, я и Мишин, по примеру других, решили пойти туда и попросить накормить нас. Около крестьянского дома, покрытого желтой черепицей, нам объяснили, что у них нет муки, не работает мельница, и подсказали, что нам следует сходить в дом учителя, там найдется еда. Мы так и поступили. Пришли, поздоровались на немецком языке, объяснили, что с нами случилось. Хозяин на нашу просьбу откликнулся, покормил нас, похвалился тем, что его сын Иштван сумел написать на чистом листе по-русски большими буквами "Ленин", "Сталин". Пообедав, мы поблагодарили хозяев и ушли в свой вагон. Расплатиться с ними мы не могли, у нас не было никаких денег.

Совет безопасности США в принятой в 1961 году программе ставил задачу разжечь национализм в СССР "и в опоре на национально-религиозный экстремизм взорвать страну изнутри". В ее осуществлении США добились немалых успехов, даже Кавказ, Прибалтику и Среднюю Азию объявили зоной своих национальных интересов.

14 ноября 1989 г. Верховный Совет принял декларацию "О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав". Плохо понимали обстановку военного времени авторы этой акции. Можно понять тех, кто осуждает наших руководителей за выселение немцев, не следовало считать всех их сторонниками врага. Но вместе с тем надо учитывать лихорадочную обстановку того времени. Кто мог тогда поручиться за то, что немцы - в своем большинстве - не стали бы помогать германским войскам? Чуев сообщил: "Л. Д. Петров, друживший с зятем Молотова, рассказал мне, как во время войны в Автономную Республику Немцев Поволжья наши выбросили десант, переодетый в фашистскую форму. "Своих" встретили как своих - ожидали..." (Наш современник. 1997. № 5).

В художественно-документальной книге "Люди с чистой совестью" П. Вершигора писал о немецких колонистах на Украине: "...вероятно, добрая половина их обслуживала немецкую разведку. Колонна наша проходила через хутора, и почти из каждого окна стреляли... Процентом двадцать-тридцать украинского и русского населения, оставшегося там, были превращены немецкими колонистами... в рабов. Рабы эти с утра до ночи работали в хозяйствах немцев. Все мужское население фольксдейчей было вооружено винтовками, сведено во взводы, роты, батальоны. Оно служило надежным заслоном центральных коммуникаций, идущих через Украину от Полесья". Стоит ли это сбрасывать со счетов? Но надо учитывать и другую сторону.

Мне довелось в Малеевке (Доме творчества писателей) два вечера по душам разговаривать с доцентом Новосибирского пединститута Кляйном, высоким, сильным, красивым мужчиной, немцем по национальности. С глубоко выстрадавшим возмущением он выкладывал мне свои обиды: во время войны его вместе с родителями выселили из города Энгельса, там остался его дом, в котором живут теперь чужие люди. Крайне тяжело начиналась его жизнь на новом месте, немало трудностей было у советских немцев и впоследствии в удовлетворении насущных культурных потребностей. На долю немцев из Поволжья действительно выпала несправедливость, им нанесена душевная травма, от последствий которой очень трудно, скорее всего, полностью невозможно избавиться.

Понимаю это, сочувствую Кляйну, но не сразу, после ряда серьезных доказательств он согласился с тем, что положение деревенских жителей из тверского края, из всего нечерноземного региона, право же, мало чем лучше. В семье Кляеа во время войны было немало черных дней, но все в ней выжили, а мой отец погиб на фронте. В моей деревне вернулись домой всего семь мужчин, шестая часть. В 1961 году, после XXII съезда КПСС, меня послали с лекциями в

Славгородский район Алтайского края. Приехал в немецкий колхоз, в клубе собралось до 100 человек – одни мужчины. Такого чуда не могло быть ни в одном из тверских колхозов.

Ж. Медведев уверял: "Целые нации насильственно выселялись из Европейской части СССР именно потому, что они были мусульманскими" (Тверские ведомости. 1997. № 21). Но были выселены немцы Поволжья, греки и калмыки, не имевшие отношения к мусульманской религии. Башкиры и татары в Поволжье - мусульманские нации - спокойно жили на своей земле. Значит, дело было не в религии. Конечно, бесчеловечно наказывать целые народы. Но это было менее жестоко по сравнению с тем, что натворили в наше время "демократы" в Чечне.

Белоцерковский, житель Берлина, сокрушается тем, что "никто не принимает во внимание историческую вину России перед чеченским народом (Московские новости.1999. № 47). Он считает, что Басаев заслуживает Нобелевской премии. Прискорбно то, что правозащитники, заботясь о судьбе обиженных народов, забывают о десятках тысяч русских жителей, уничтоженных кавказскими бандитами. Сколько русских живет сейчас в Чечне?

С. Лорсанукае в статье "Исповедь вечного переселенца" (Правда. №№ 36, 37. 2001) поведал о том, что при выселении чеченцев он, будучи маленьким, не понимал, почему отца, у которого старшие сыновья "на смерть бились с немецко-фашистскими захватчиками", "увели солдаты, изолировали от семьи". Почему случилось это?

"Согласно записке Кобулова от 9 ноября 1943 г., из 14576 ингушей и чеченцев, мобилизованных в марте 1942 г., дезертировали или не явились на призывные пункты 13560 человек. В Красной Армии за время Великой Отечественной войны погибли и пропали без вести 2,3 тысячи вайнахов, антиправительственные формирования на территории ЧИАССР только в 1941-1944 годах потеряли 4532 человека убитыми и пленными, то есть вдвое больше!" (И. Пыхалов). Можно ли было тогда спокойно относиться к этим фактам?

"Группы А. Хамгаева и А. Бельтоева укрыли у себя парашютный десант немецкого офицера-разведчика Ланге. Фашисты забрасывали и других своих эмиссаров, суливших чечено-ингушским лидерам полную государственную независимость и расширение территории за счет соседей. Они же сбрасывали с воздуха оружие и снаряжение" (Наш современник. 2000. № 6). В августе-сентябре 1942 г. в Чечено-Ингушетии "бросили работу и бежали в горы 16 секретарей райкомов партии, 8 руководителей райисполкомов, 14 председателей колхозов. ...В октябре массовые вооруженные выступления начались в ряде районов. ...Даже в ноябре 1943 года здесь насчитывалось 35 действующих банд".

Профессор А. Авторханов работал в институте языка и литературы, перешел в 1942 г. на сторону немцев, организовал отряд для борьбы с партизанами, а после войны 30 лет работал в

американских разведывательных школах. Он писал в "Мемуарах", что в 1941-1942 гг. в Чечено-Ингушетии были восстания против советской власти: его руководители "Исраилов и Шерипов планировали расширить зону восстания в горную Грузию, горный Дагестан и в Осетию, Кабардино-Балкарию и Карачай. На подавление восстания было брошено несколько дивизий" (Октябрь 1992. № 10-12). Во время высылки чеченцев и ингушей, доложил Берия Сталину 1 марта 1944 г., было "изъято огнестрельного оружия 20072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов 479".

Лорсанукаев осуждал то, что чеченцев "затолкали в железнодорожные теплушки. Больше месяца в страшной давке везли нас, как арестантов, устлая дорогу трупами, кормили баландой". А потом "был каторжный, невыносимый" труд. Но все мы тогда питались баландой, работали до изнеможения, в теплушках ехали на фронт и в госпитали, потому что у власти не было возможности возить нас в пассажирских вагонах. В тяжком положении оказались в то время миллионы людей. Из документов вытекает: было выслано чеченцев и ингушей - 496460, умерло при этом 1272 человека, а Липкин лгал, что "в каждом высланном народе погибала в пути треть, а то и половина депортированных" (Общая газета. 2000. № 10). Он не отметил, что "в местах поселения было подготовлено 75 тыс. жилых помещений. Как правило, каждая семья получала отдельную комнату", "каждая чеченская и ингушская семья получала корову" (Наш современник. 2000. № 6). Лорсанукаев утверждал, что "в сталинской ссылке погибло более полумиллиона чеченцев и ингушей". Как же погибло их больше, чем было выслано?

Кожин писал, что даже в январе 1945 г. 10000 крымских татар сражались вместе с немцами против Красной Армии. "А всего крымских татар было до войны около 200 тысяч, мужчин, естественно, примерно, 100 тысяч, из них солдатского возраста - около 50. Значит, каждый пятый татарин, воевал на стороне нашего врага".

В справке Главного командования вермахта от 20 марта 1942 г. говорилось: "при численности населения около 200000 человек татары выделили в распоряжение нашей армии около 20000 человек". Замнаркома госбезопасности Б. Кобулов в докладной записке от 22 апреля 1944 г. сообщил, что в Крыму: призвали в Красную Армию 90000 человек, "в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали". Возмездие не заставило себя ждать. Справедливо ли оно? Ответ на этот вопрос не однозначен.

При выселении в 1944 г. и в первые послевоенные годы среди крымских татар (и не только среди них) было немало безвинно пострадавших. В начале 1949 г. во время отчетной комсомольской конференции Ферганской области случился казус с секретарем обкома комсомола, крымским татаринцем. Он, умный, тактичный, участник Великой Отечественной войны, хорошо

работал и пользовался у нас авторитетом. И неожиданно его не включили в число избираемых комсомольских руководителей. Это нас неприятно удивило, мы запротестовали, проголосовали за него. Дважды после этого выступил первый секретарь Ферганского обкома партии, стремясь переломить наш настрой. Этому он сумел добиться только после второго выступления, в котором он заявил, что его, крымского татарина, не следует избирать на политические должности (таковы руководящие инструкции), что ему будет предоставлена серьезная хозяйственная работа. Кратко выступил и сам "смутьян", поблагодаривший делегатов конференции за доброе к нему отношение и вместе с тем попросивший нас не настаивать на его избрании в руководящие органы обкома комсомола.

В разгроме СССР сыграла свою роль свойственная народам "способность откликаться на заботы и нужды других, но приобретшая, пожалуй что, гипертрофированные размеры в России - всемирная отзывчивость. ...то, что в основу жизни народа положено свойство переживать чужое как свое в таких масштабах и в такой укорененности, - это и есть главное в русском человеке и русском народе" (Е. Чельшев). Наша вина заключается в том, что мы со своей отзывчивостью, доверчивостью и долготерпением не смогли эффективно противостоять разрушительной пропаганде либералов и их зарубежных хозяев, допустили к власти предателей, сумевших посеять зерна национальной вражды среди ряда народов России.

Для оздоровления общественной и нравственно-психологической атмосферы жизни надо всем нам - не только русским - делать шаги навстречу друг другу. Необходимо хорошо осознавать, что Запад и мусульманские экстремисты целенаправленно разжигают межнациональные разногласия в России, используют их как разменную карту в геополитической борьбе, цель которой - раздробить нашу страну.

Глава 50. За что и с кем мы воевали в 1941-1945 годы?

Гальдер записал выступление Гитлера перед нападением на СССР: "Война против России такова, что ее не следует вести по законам рыцарства. Это прежде всего борьба идеологий и рас, поэтому ее необходимо вести с беспрецедентной, неумолимой жестокостью". Свидетель Эрвин Лахузен на заседании Международного Военного Трибунала 30 ноября 1945 г. подтвердил, что генерал Рейнеке на совещании в 1941 г. указал: "Красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении наших западных противников. Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению" (Нюрнбергский процесс... Т.3. С. 114).

Фашизм и социализм столкнулись тогда в смертельной схватке, воевали не только армии, но и антагонистические социальные системы, несовместимые экономические и политические идеологии. После совещания у Гитлера 30 марта 1941 г. Гальдер записал: "Наши задачи в России: разбить вооруженные силы, уничтожить государство... Борьба двух идеологий... Огромная опасность коммунизма для будущего. ...Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение". "Угроза большевизма" усиленно использовалась гитлеровским руководством как обоснование внешней (и внутренней) политики Германии.

О социально-политическом размежевании в Прибалтике говорят такие факты: в ходе войны немцы сформировали, помимо карательных частей, 3 дивизии СС (2 латышские и 1 эстонскую). Лояльность Советскому государству образованных на базе национальных армий прибалтийских стран 22-го эстонского, 24-го латышского и 29-го литовского стрелковых корпусов, как выяснилось в первые же дни войны, оказалась невысокой. Вместе с тем созданные позднее 130-й латышский стрелковый корпус в составе 201-й (впоследствии преобразованной в 43-ю гвардейскую) и 308-й стрелковых дивизий, 8-й эстонский стрелковый корпус, состоявший из 7-й и 249-й стрелковых дивизий, а также 16-я литовская стрелковая дивизия действовали достойно. В 1944-1945 гг. все эти соединения участвовали в освобождении Прибалтики. В рядах Красной Армии погибли 21,2 тысячи эстонцев, 11,6 тысячи латышей и 11,6 тысячи литовцев. (Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М. 2001. С. 238).

Война с фашизмом была непримиримой политической борьбой. Были у нас люди, обиженные советской властью во время Октябрьской революции, коллективизации, которые не хотели победы Красной Армии. И в Германии был Э. Тельман, коммунисты из "Красной капеллы", враги гитлеровцев. В. Хуземан, член КПГ, казненный 13 мая 1943 г., в последнем письме писал отцу: "Дорогой отец! Будь сильным! Я умираю так же, как жил: борцом за дело рабочего класса! Легко называть себя коммунистом, пока не надо отдавать за это свою кровь. А вот коммунист ли ты, можно доказать только, когда пришел час испытаний. Я коммунист, отец. И я никому не доставлю удовольствия видеть меня слабым. Покажи себя достойным своего сына, отец! Превозмоги свою боль! Не сгибайся! Лучше почетная смерть под топором палача, чем позорная жизнь под игом фашизма!" (Советская Россия. 22.06. 2010).

С. Кара-Мурза поражался неискренностью "белых идеологов", которые "притворяются, что не понимают простых, всем известных вещей. Вот В. Бондаренко излагает общий для всех них тезис: "Я считаю ту великую Победу не красной победой, а Отечественной Победой... Победила там, на полях сражений, не красная Россия, а русская Россия". Если это говорится ис-

кренне, то перед нами тяжелый случай группового отказа мыслительного аппарата - и у немалой группы. ...Если же речь идет о войне, когда стреляют твердыми пулями, то Отечество воплощено в конкретно-исторические формы, и противопоставлять дух этим формам просто глупо. Белые непрерывно проклинали советскую индустриализацию - а Отечественную Победу любят. Но ведь и ежу ясно, что без индустриализации и коллективизации этой победы быть бы не могло" (Завтра. № 30. 2000). Зиновьев подчеркивал, что "войну вел и одержал победу не просто народ, а народ советский... Это исторический факт, игнорирование которого означает идеологически преднамеренную фальсификацию истории".

Иногда читаешь: "Мы воевали не с немецким народом, мы воевали с фашистами и их приспешниками" (Советская Россия. 20.02.2001). Сколько было их? Многие миллионы? Были или не были они частью немецкого народа? Кто же потерпел поражение в войне против Советского Союза? Для Б. Васильева "фашисты - это одно, немцы совсем другое" (Литературная газета. 11-17.09. 2002). И другие авторы осуждают людей, которые "не разделяют немецкий народ (солдат) и фашистских главарей, заставивших этот народ воевать против СССР. А смешивать их в одно целое нельзя, об этом еще в дни войны предупреждал И. Сталин" (Тверская жизнь. 22.02. 2001). Он говорил 3 июля 1941 г.: "В этой великой войне мы будем иметь верных союзников... в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами". 23 февраля 1942 г. он подчеркнул: "Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством".

В начале войны кое-кто у нас питал иллюзии о том, что немецкие рабочие и крестьяне, "поработанные гитлеровскими заправилами", не станут поддерживать фашистскую верхушку и перейдут на сторону СССР. В предвоенной книге Н. Шпанова "Первый удар" немецкие рабочие авиазавода "Доренье" поют "Интернационал" и с нетерпением ожидают, когда будут сброшены советские бомбы на их завод. В повести Е. Носова "Усвятские шлемоносцы" (1977) лектор внушал нашим крестьянам, что "немецкие солдаты такие же, как и мы с вами, простые труженики", "никак не заинтересованы воевать против нас, своих же братьев", они "повернут штыки против своих хозяев". Война быстро развеяла эти надежды.

В романе М. Бубеннова "Белая береза" (1947) выведен спокойный деревенский парень, скромный, застенчивый, краснеющий в разговоре с девушками Андрей Лопухов. В характере миролюбивого, доброго Андрея есть национально-русские черты. В начале войны он добр и по отношению к врагу. Когда привели пленного немецкого летчика, который только что в упор расстреливал наших женщин и детей, Андрей торопится накормить его. Но кровавый ход жес-

токой войны быстро выбил из него благодушие по отношению к беспощадному врагу, сделал его настоящим солдатом.

В фронтовых записях "Годы гнева" А. Шевченко повествует о том, как солдат Русанов и его трое товарищей пошли "за языком". После жестокой стычки с четырьмя немцами они захватили их, одного из них допросили, после чего их связали, усадили в ряд вдоль стены сарая и оставили их живыми, подарили им "жизнь до следующей встречи". Затем уже отряд столкнулся в кровавой схватке с немцами. Обнаружен немец в кювете, он стонет. Русанов приказал не трогать его и даже перевязать и оставить в живых. В конце войны, в Берлине, тяжело раненный Русанов лежит в постели, в комнату входит вооруженный немецкий офицер. Хозяйка квартиры немка встала перед ним, заслонила Русанова, на которого тот навел автомат, и что-то затараторила. Немец надевает принесенные ею свитер, брюки, туфли, берет автомат. "Он будет убивать! Собрав все силы, я приподнялся, крикнул: "Хальт!" - и нажал на спусковой крючок" пистолета". По-иному стал рассуждать наученный самой войной Русанов.

Д. Гранина наградили орденом ФРГ "Офицерский крест" "за большие заслуги в деле примирения и взаимопонимания между Германией и Россией". Он создал "Общество милосердия", с удовольствием вспомнил эпизод, случившийся в начале войны: "Мы наткнулись на немцев - четырех солдат. Видно, что они уставшие, замызганные грязью. Они свалились в кусты и спали. И наш командир, тогда еще из ополченцев, сказал: "Не будем стрелять в спящих". Его тогда чуть не отдали под суд" (Литературная газета. 2004. № 46-47). Гранин на стороне этого гуманиста, всецело исходит из морали мирной жизни. Но на войне действуют совсем другие - жестокие - законы. Понятно, что эти четыре солдата, пришедшие с оружием в руках с задачей покорить Россию, выспавшись, будут губить наших людей.

В повести Б. Васильева "В списках не значился" только что окончивший военное училище, прибывший в крепость Брест молодой офицер Плужников, пожалев, отпустил взятого в плен немецкого солдата, рабочего, отца троих детей, а он потом убил хромоногую беременную Мирру. В повести Э. Казакевича "Звезда" разведчики из отряда молодого лейтенанта Травкина, действуя в тылу врага, взяли в плен немецкого солдата, от него узнали важные сведения о танковой дивизии "Викинг". Немец до войны был рабочим. "Травкин с младенческих лет был воспитан в любви и уважении к рабочим людям, но этого наборщика из Лейпцига надо было убить". Такова жестокая суть войны, будешь гуманным, оставишь его в живых - подставишь под удар весь отряд.

Рассуждаю я как будто правильно, но сама жизнь сложнее этих верных постулатов. Вспоминаю случай из своей жизни в сентябре 1943 года, когда мой полк рано утром подготовился к

атаке. Хорошо были видны серо-бурые высоты и впереди и слева, а справа - полотно железной дороги. Впереди метрах в двухстах от нас два немца с ведром спускаются с горки, спокойно останавливаются у какого-то источника воды, видимо, у бывшего колодца, деловито опускают на веревке ведро, поднимают его. Их можно срезать из винтовки или даже из автомата. Но никто этого не делает. Почему же на самом деле мне не отправить фрицев в загробный рай? Стреляю неплохо. Но как-то неловко, неудобно убить людей, которые, не таясь, словно взывая к нашей гуманности, идут за водой. Немцы, не особенно торопясь, будто они и не на передовой, будто им сейчас ничто и не угрожает, будто и войны уже нет, отправились назад к себе.

Война была противоестественна нашему человеку, трагизм заключался и в том, что вопреки своей гуманистической сути он вынужден был убивать.

Е. Конюшенко рассуждает: "В одной начальной фразе "Веселого солдата" раскрывается глубинная психология астафьевского восприятия войны: "Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне". Самое сильное и неожиданное слово здесь - "человека". Человек убил другого человека. В этом неискупимая вина любой войны как вселенского грехопадения, как вселенского человекоубийства. Все остальные атрибуты "человека", которые собственно и являются оправданием его убийства на войне (немец, фашист, шел на "веселого солдата" с оружием в руках не брататься с ним, а убивать) - для Астафьева вторичны и по смыслу, и по положению в этом высказывании. Такое отношение к войне можно назвать пацифизмом, и Астафьев, пожалуй, наиболее последовательный и убежденный пацифист в современной литературе" (Диалог. 26.06. 2006). Не будем возражать против этой мысли, но спросим: что было бы с нашим народом, если бы в годы Великой Отечественной войны такие пацифистские взгляды стали бы полностью определять общественный настрой в России?

Кое-кто считает, что "очень многие, если не большинство, в немецкой армии, чувствуя несправедливость войны, были нашими врагами по принуждению" (Тверская жизнь. 22.02. 2001). Да, не все немцы одобряли решение напасть на СССР. 22 июня 1941 г. Геббельс зафиксировал в дневнике: "У нас в народе несколько подавленное настроение" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 37). Но никуда не уйти от вывода: во время войны подавляющее большинство немцев жаждало победы над СССР. Даже в окружении немецкие солдаты сражались до последней возможности. И это только по принуждению?

В книге К. Симонова "Разные дни войны" зафиксированы ответы немецких военнопленных в феврале 1945 года на вопросы наших офицеров. Генерал-лейтенант: "Если обратиться к доводам разума, то ожидать немецкой победы уже нельзя. Но представить немецкое поражение

очень уж тяжело. Хочется еще верить в победу. И поэтому веришь в обещание нового оружия, веришь в возможность чуда. Впрочем, терять нам, немцам, уже нечего. Все равно в случае поражения Германия погибнет. Поэтому лучше уж погибнуть с честью". Обер-фельдфебель, летчик: "Я считаю положение весьма печальным. Надеюсь только на новое секретное оружие, которое скоро будет применено. Больше надеяться не на что. Но мы, немцы, все равно уже все потеряли, остается только драться до последнего. Погибать придется так или иначе. Все равно в случае поражения в Германии наступит страшный голод, женщины и дети будут вымирать, а мужчин угонят. Таким образом, у нас действительно нет никаких надежд в случае, если мы сдадимся". Генерал Мантейфель: "В своей массе солдаты все еще верили в Адольфа Гитлера. Так или иначе, думали они, а он снова сотворит чудо, хотя бы при помощи обещанного удивительного оружия и новых подводных лодок или каким-нибудь другим образом. А сейчас нужно было выиграть время".

Х. Кнабе в статье "Два конца войны" ("Welt am Sonntag". 21.03. 2005) отметил, что до последнего момента немцы "подчинялись своему фюреру и отчаянно боролись за него. Только в рядах НСДАП насчитывалось 8,5 миллионов членов. За исключением меньшей части населения, преследовавшейся по расовым или политическим мотивам и желавшей победы союзников, было немного немцев, которых можно было освободить. На самом деле речь шла о том, чтобы победить Германию, принудить ее к безоговорочной капитуляции и оккупировать. не для того, чтобы немцы смогли выбрать себе лучшее руководство, а для того, чтобы лишить их возможности в ближайшие 50 лет снова начать войну. 8 мая был капитуляцией, однако этот день принес стране свободу и демократию. И поэтому он был днем освобождения, хотя и вопреки воле освобожденных".

Для оправдания своей агрессии против СССР гитлеровцы кричали о том, что они воюют с коммунизмом, а не с русским народом. О несостоятельности этой уловки говорит и то, что они напали на ряд государств, в которых власть не была в руках коммунистов. Как относился к этой захватнической политике немецкий народ, была ли его вина в чудовищном разорении многих тысяч наших городов и деревень, в уничтожении 27 миллионов советских людей?

В 1971 г. германский историк С. Хаффнер писал о настроении немцев в 1920-1930-х годах: "Они ничего не имели против создания Великой германской империи... Однако ...они не видели пути, обещающего успех в достижении заветной цели. Но его видел Гитлер. И когда позже этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему" (Самоубийство германской империи. М. 1972. С. 27-28). Многие немцы считали Россию своим врагом, а русских чуждыми, неполноценными людьми.

Ширер констатировал: "Нацизм и третий рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории". Он считал, что в фашизации Германии были вина и самих немцев, широкие массы населения поддержали агрессивную программу нацистов. Корни их чудовищных преступлений он видел в том, что германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия.

В августе 1943 г. при наступлении на Ельню мы взяли в плен немецкого ефрейтора. Он, бывший рабочий, согласился с тем, что война для него закончилась, но на вопрос: "Гитлер капут?" (его трижды повторили) не проронил ни слова.

Фельдмаршал Паулюс, оказавшись в плену, сказал нашему офицеру о Гитлере: "...он начал побеждать, и... голоса недовольных стихли. Он пытался сделать Германию великой, и ему это удалось. По крайней мере до начала восточного похода, а это нравилось всем. ...Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, и призывала их складывать оружие и перебежать в Красную армию. ...Многие ли перешли к вам? ...если хотите знать, кто сильнее всех поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне" (Новый мир. 1983. № 9. С. 224). Эти слова наталкивают на серьезные размышления.

Главной целью фашистской агрессии было завоевание жизненного пространства, а это должно было привести к германизации захваченных территорий России после насильственного изгнания "расово неполноценного" коренного населения и замены его представителями арийской расы. Гитлер в "Майн Кампф" писал: "Уроки прошлого еще и еще раз учат нас только одному: целью всей нашей внешней политики должно являться приобретение новых земель. ...При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии". Манштейн отметил: "Политик Гитлер был одержим идеей жизненного пространства, которое он считал себя обязанным обеспечить немецкому народу. Это жизненное пространство он мог искать только на Востоке".

Огромную роль играл в Великой Отечественной войне национально-государственный, геополитический фактор. Писатель В. Кондратьев говорил: "...воевали мы за Отечество, за Россию. Мне вообще думается, что идеология не играла особой роли на войне. Что такое двадцать четыре года в тысячелетней истории народа... Извечная, передающаяся в генах любовь народа к своей Родине - вот истоки нашей победы" (Коммунист. 1990. № 7. С. 124). Не в 1942 г., как писал Ж. Медведев, а уже в первые месяцы войны становилось ясно, что война шла не только между разными социальными системами, между "фашизмом и коммуниз-

мом", но и "между немцами и русскими, между Германией и Россией" (Подмосковье. 18.10. 1997).

26 августа 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление "Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области" (Органы Госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 550). 29 августа 1941 г. Молотов, Маленков, Косыгин и Жданов направили Сталину телеграмму: "Сообщаем, что нами принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тысяч человек". Этого требовала военная обстановка. 30 августа замнаркома МВД В. Меркулов сообщил из Ленинграда наркому Л. Берия: "...в связи с близостью линии фронта финское и немецкое население частично уходит в леса, ожидая прихода немцев, в то время как русское население стекается в Ленинград" (С. 561).

Командование Южного фронта 3 августа 1941 г. доложило Сталину и Главкому Южного направления Буденному: "Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам" (С. 447). В 1941 г. выслали немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан. Постановление Совнаркома и ЦК партии обязывало соответствующие советские органы "в течение 1941-1942 гг. выдать переселяемым колхозам и колхозникам по месту их расселения скот (кроме лошадей) в количестве сданного ими".

Как вели себя другие правительства в сходной ситуации? В США в начале войны почти 120000 американцев японского происхождения оказались в концлагерях, где пробыли несколько лет. В Англии в таком же положении очутились 50000 человек. Насколько нравственно поступил президент США Г. Трумен, который, зная, что в Хиросиме сотни американских пленных, приказал сбросить на нее атомную бомбу? Как можно оценить уничтожение жителей этого города и Нагасаки в то время, когда капитуляция Японии была предрешена? Как относиться к тому, что англо-американская авиация уничтожила во время войны более 3 миллионов гражданского населения Германии?

Г. Попов писал об Отечественной войне: "Стало ясно, что речь идет о судьбе русского народа, о судьбе России как таковой. Битва идет не за или против советской власти в России, а за саму Россию, за ее независимость, за право иметь свое государство, свою культуру, свой язык" (Московский комсомолец. 20.11. 2001). На самом деле **война велась и за Россию, и за советскую власть, она была отечественной и в то же время политической.**

В статье "Чудо Сталинграда", опубликованной 07.10. 1942 г. в журнале "Новый путь", издававшемся за рубежом под редакцией одного из лидеров русских меньшевиков Ф. Дана, говорилось: "Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих

падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях, революция, начавшаяся четверть века тому назад, вошла в плоть и кровь народных масс; что при всех невзгодах, лишениях, страданиях... она дала им какие-то достижения, и, быть может, еще больше - какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею - идею социального освобождения".

Гудериан поведал о старом отставном царском генерале, которого он встретил в Орле. "Если бы вы пришли двадцать лет назад, - говорил генерал Гудериану, - мы бы вас встречали с распростертыми объятиями. Но теперь слишком поздно. Мы только что начали вставать на ноги, и тут появляетесь вы и отбрасываете нас на двадцать лет назад, так что нам снова придется начинать все сначала. Теперь мы сражаемся за Россию, а в этом деле мы все едины" (С. 339).

Либералы заявляют, что в Отечественную войну мы воевали не за правое дело. Б. Окуджава, для которого "патриотизм - чувство несложное... биологическое, оно есть и у кошки", каялся: "И когда я понял, что ведь на фронте я, по существу, защищал сталинизм, тоталитаризм - мне стало страшно. Выходит, и я виноват!". Выброшенный за границу В. Некрасов сказал о своей работе на радиостанции "Свобода": "Клевету помаленьку... На историческую родину. ...Жить-то надо!" (Литературная газета. 31.08. 1988). Не это ли вызвало его заявление в "Русской мысли" в 1981 г.: "...дело наше оказалось неправое. В этом трагедия моего поколения".

Зерно таких рассуждений бросил Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ": "Полтавская победа была несчастьем для России: она потянула за собой два столетия великих напряжений, разорений, несвободы - и новых, и новых войн. Полтавское поражение было спасительно для шведов: потеряв охоту воевать, шведы стали самым процветающим и свободным народом в Европе". Но если бы история России пошла так, как хотелось Солженицыну, то Россия не стала бы великой державой; если бы она вообще сохранилась как государство, то ограничивалась бы размерами нескольких центральных областей, ей не было бы выхода ни в Балтийское море, ни в Черное. "Мы настолько привыкли гордиться нашей победой над Наполеоном, что упускаем: именно благодаря ей освобождение крестьянства не произошло на полстолетие раньше (французская же оккупация не была для России реальностью). ...Крымская война - из всех войн счастливейшая для России - принесла не только освобождение крестьян и александровские реформы, - одновременно с ними родилось в России мощное общественное мнение". Подобные постулаты Солженицына - опорные в либеральной идеологии.

А. Солженицын заявил: "На второй мировой войне Запад отстаивал свою свободу и отстаивал ее для себя, а нас (и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины". Считая нашу победу "пирровой", писатель Н. Калинин, у которого отец во время оккупации был полицаем, заключил: "Народная масса сделала свой выбор - защищать Родину. Так было и в 1812 году. Но, как и тогда, народ защищал несвободу" (Известия. 07.07. 1998). Выходит, фашисты несли нам свободу?

Резун гордится тем, что он разрушает "представление о войне как о войне великой, освободительной". Копейкин 17 сентября 1999 г. на заседании Сената Польши говорил, что "так называемая великая отечественная война" "искусственно, в политических и идеологических целях выделенный отрезок Второй мировой войны". Эту мысль 5,6,7 мая 2010 г. внушала радиостанция "Свобода": "Великая Отечественная война - понятие пропагандистское; Вторая мировая война - понятие историческое". Энтээсовцы в журнале "Посев" утверждают, что войну 1941 - 1945 гг. нельзя называть Великой Отечественной, а необходимо именовать "советско-германской".

Копейкин спрашивал: "Какое отечество защищала Красная Армия в 1945 году, когда она перешла границы СССР?" (Русская мысль. № 4262. 1999). Тогда мы защищали свою Родину, Россию, она для русофобов чужая, и потому они Отечественную войну относят к "так называемой" и пишут с маленькой буквы. По их логике, советским войскам надо было подойти к своей границе и ожидать, когда Германия очухается от разящих ударов, наберется сил и снова ринется на нас.

Ю. Слепухин: "Самый трагический аспект этой войны (Великой Отечественной) в том, что нашему народу пришлось тогда, защищая свое национальное существование, защищать и свое рабство; освобождая другие народы от вражеской военной оккупации, обрекать их на политическую кабалу" (Советская культура. 07.11. 1989). Для Гранина "с первого дня наша война была справедливой". Признав это, он свернул на либеральную тропинку: "Не могу не согласиться со Львом Толстым, писавшим, что Отечественная война 1812 года была справедливой и освободительной лишь до перехода русскими войсками Березины. С того момента она стала иной" (Российская газета. 08.05. 2007).

Е. Боннэр в интервью А. Караулову 15 октября 1995 г. лепетала: "Есть два вида патриотизма: вот патриотизм защиты - истинный, высокий, чистый патриотизм. Таковой была наша война сорок первого - сорок третьего года. И есть патриотизм негодяев". И дальше она оценивает поведение советских солдат, освобождавших Германию от фашизма: "Ведь мы себя совсем по-другому вели на той территории. Мы все время забываем о трех миллионов байстрюков не-

мецких, которые родились после изнасилований... нашими солдатами" (Советская Россия. 08.08. 1996). Фантазия этой госпожи безгранична и не ограничена никакими нравственными нормами.

Бондарев писал о возмущении Боннэр сексуальными вакханалиями наших "солдат на территории Германии в конце войны": "Нет особого резона опровергать нелепую сенсацию госпожи Боннэр, если бы она не высказывалась тут же о том, что Советской Армии надо было прекратить наступление в 1943 году, не переходить государственную границу. Но мы границу перешли и мгновенно стали ... "патриотами-негодяями", "захватчиками", "насильниками". Он разъяснил этой "очень гуманной госпоже": если наши войска остановились бы на границе, "то оправившийся от поражений в России немецкий фашизм, быть может, не проиграл бы войну так сокрушительно. И тогда бы, не дай Бог, либерально-красноречивым гуманистам самых различных направлений пришлось бы измерять жизнь не количеством расшатанных болтовней трибун, а страданиями и пытками за колючей проволокой в глобальных концлагерях и цивилизованно оборудованных, удобных для смерти крематориях" (Советская Россия. 11.03. 1999).

Кожин подчеркивал, что Великая Отечественная война была событием "самого глубокого и масштабного геополитического значения": "немцы шли для того, чтобы сокрушить нас как геополитическую силу, и превратить в источник сырья и продукции для Европы. Для Германии и, что самое интересное, - для всей Европы" (Диалог. 26.06. 2006). Зиновьев поддержал мысль о том, что в 1941-1945 гг. "Запад руками Германии пытался задушить нас". Это подтверждают факты. Геббельс писал в 1941 г.: "В Европе создается что-то вроде одного фронта, вспыхивают идеи "крестового похода против России. Это очень нужно для нас" (Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 38).

Гитлеровская пропаганда представила агрессию против СССР "всеевропейской освободительной войной". Ю. Мухин писал в "Крестовом походе на Восток": "... всего в гитлеровскую армию вступили со всей Европы 1800 тыс. добровольцев, сформировав 59 дивизий, 23 бригады и несколько национальных полков и легионов". Генерал Вестфаль: "В ходе войны немцев поддерживали румынские, венгерские, словацкие, хорватские, итальянские, французские, бельгийские, голландские, испанские и скандинавские части и соединения. На крайнем севере Советскому Союзу объявила войну Финляндия. Казалось, почти вся Европа поднялась, чтобы нанести поражение "красному колоссу". К 1941 году Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Югославия и Греция были захвачены Германией, ей помогали Болгария, марионеточные государства Словакия и Хорватия. С Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция.

На самом деле получилось вроде "крестового похода". Австрийский историк С. Карнер в книге "Архипелаг ГУПВИ" (2002) отметил, что в советском плену оказалось 23136 французов, 69977 чехословаков, 60272 поляка. Они воевали против СССР. Если исключить Англию, которая была в состоянии войны с Германией, а также Югославию (немцы держали в ней 10 дивизий), Грецию и Албанию, где развернулось партизанское движение, остальная часть Европы фактически помогала воевать немцам с Советским Союзом. На них работали Франция, Чехия и другие европейские страны - до 370 миллионов человек. Во французском сопротивлении за 5 лет погибли 20000 человек, но за это время погибли от 40 до 50 тысяч французов, сражавшихся за интересы Германии.

После нападения Германии на СССР чешский президент протектората Гаха писал: "Для того чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внес свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 миллиардов крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне". Более 2,5 миллионов рабочих и инженеров Чехии работали на немцев. К моменту нападения на СССР 23% танков вермахта были чешского производства. За годы войны чешские заводы поставили для вермахта много разной отличной военной техники: истребителей танков "Хетцер" 2700 штук, самолетов (истребителей Мессершмитт Bf.109), артиллерийских орудий. Швеция снабжала Германию железной рудой, Швейцария точными приборами. Тейлор отметил, что их не бомбили, и потому они "могли приносить Германии больше пользы, чем если бы оказались в положении побежденных".

Немецкий историк Р. Рюруп отмечал, что в составленном в мае 1941 года секретном документе нападение на СССР характеризовалось как "защита европейской культуры от московско-азиатского потока. ... Такие взгляды были свойственны даже тем офицерам и солдатам, которые не являлись убежденными или восторженными нацистами. Они также разделяли представления о "вечной борьбе" германцев... о защите европейской культуры от "азиатских орд", о культурном призвании и праве господства немцев на Востоке" (Другая война. 1939-1945. С. 363).

Гитлер в сентябре 1941 г. говорил: "Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно - за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-

летней азиатчины закончен... Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья" (Прозектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. 1985. С.С. 303, 304).

В этих представлениях были точки соприкосновения с концепцией Черчилля, который в октябре 1942 г., когда СССР был в тяжелейшем положении, утверждал, что Россия, а не Германия - истинный враг Европы, и писал: "...произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое".

Еще до окончания войны Черчилль строил планы создать объединенную Европу, противостоящую России. Идеи Гитлера и Черчилля о такой Европе сейчас быстро осуществляются, войска США и НАТО вплотную приблизились к нашим усеченным границам, размещают свои военные базы в Чехии, Польше, Грузии, Азербайджане, Литве, Латвии, Эстонии, Болгарии, Румынии. Против кого они направлены? "Эта геополитическая постановка вопроса Черчиллем целиком и полностью соответствовала гитлеровской: европейские государства и нации - единая "семья", противостоящая "варварской России". Только лидеры для этой "семьи" предлагались другие, что и осуществилось после войны" (Советская Россия. 30.12. 2000).

Глава 51. Проблема правды о Великой Отечественной войне

Непреодолимый нерв советской литературы о Великой Отечественной войне - правда. В поэме "Василий Теркин" А. Твардовский утверждал: "А всего иного пуце // Не прожить наверняка - // Без чего? Без правды сущей, // Правды, прямо в душу бьющей...". Маршал Б. Шапошников в 1942 г. заявил: "Эта война, какой еще не знало человечество, позже, когда нас на свете не будет, привлечет обостренное внимание историков. Потому нельзя оставлять после себя одни белые пятна, преступно говорить только об успехах, скрывая жесточайшую правду. И пусть потомки увидят не только мужество солдат наших, но и трагические просчеты генералов...". Поэт Вл. Жуков писал: "Мы просим об одном тебя, историк: // Копаясь в уцелевших дневниках, // Не умоляй ни радости, ни горя - // Ведь ложь, она как гвозди в сапогах".

Но сейчас под видом правды печатается много несуразностей. Нередко это - следствие незнания. Телятников утверждал, что "войска Северо-Западного фронта освободили ...Осташков". Немецкая армия не смогла занять этот город, освободить его не было надобности. "Литературная Россия" сообщила, что солдат из ФРГ хотел попасть в Вышний Волочек, где он "тридцать с чем-то лет назад мерз в окопах" (21.01. 2000). Не мог он там быть: немцев остановили за сотню километров от этого города. Оторопь берет, когда читаешь о боях на окраине ...Нижнего

Новгорода: "На берегу Волги валялись растерзанные люди, свиньи. ...И послали нас разузнать, где фрицы окопались" (Литературная Россия. 15.09. 2000).

Путин 22 июня 2001 г. сказал о необходимости защищать правду о Великой Отечественной войне и "бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя исказить и ее уроки должны быть усвоены". Нелепости часто выдаются потому, что фальсификаторы сознательно ставят перед собой цель обгадить позиции своих идейных противников.

Владимов сочинил: Сталин велел "затопить метро водами Шпрее, и это было сделано" (Московские новости. № 5. 1999). На самом деле это был бесчеловечный приказ Гитлера. Никакого таланта не требуется, чтобы сочинять такие слабоумные выдумки. Берберова докатилась до поразительной несурезицы: "...в первые месяцы советско-германской войны сотни тысяч советских бойцов без боя перешли к немцам" (Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 280). Она уверяла, что "в один и тот же день были сданы Севастополь и Кронштадт". Даже Кронштадт сдала врагу эта невежда, которой при немцах "наконец-то свободно" дышалось во Франции. Когда в апреле 1941 г. Германия напала на Югославию, она возмущалась: "Подумайте, какие мерзавцы сербы! Смеют сопротивляться!" (Новое литературное обозрение. 1999. № 39).

Профессор Г. Белая заявила, что "жизнь - нормальная, частная - была советской властью отменена" и только "в 1942 году, чуть ли не директивно, была введена тема любви к женщине, "малой родине" - своему дому. Но уже с 1943 года, когда советские войска вышли за границы Советского Союза, река вновь начала подмерзать" (Независимая газета. 29.09. 2000). Надо бы все-таки было знать, что не выходили наши войска в 1943 году за пределы СССР. Не отменяла советская власть частную жизнь: опираясь на народную нравственность, она запретила гомосексуализм, проституцию, объявила семью важной ячейкой общества. Тема любви к женщине и родному дому обострилась в годы войны в результате воздействия самой обстановки, никто специально не требовал вводить ее в 1942 году, а потом замораживать.

Симонов писал о "глубоко личном стихотворении" "Жди меня": "В декабре сорок первого года, прибыв с фронта, я зашел повидаться с П. Н. Поспеловым. В разговоре он спросил, нет ли у меня каких-нибудь стихов для "Правды". У меня не было ничего подходящего. Есть, правда, одно стихотворение, сказал я, но оно интимное". Его опубликовали, оно стало популярным. Сходная история у "Землянки" Суркова. Он вспоминал: "Возникло стихотворение, из которого родилась эта песня, случайно. Оно не собиралось быть песней. И даже не претендовало стать печатаемым стихотворением. Это были шестнадцать "домашних" строк из письма жене. Письмо было написано в ноябре 1941 г., после одного очень трудного для меня фронтового дня под

Истрой, когда нам пришлось ночью после тяжелого боя пробиваться из окружения с одним из полков". Очень простое, правдивое стихотворение стало распространенной песней. Переживания лирического героя вобрали в себя настроения миллионов людей. Нежное лирическое стихотворение наполнено глубокой трагедийностью: счастье плутает, а "до смерти четыре шага". Либералы объявили, что песня "Землянка" "за упадничество была запрещена" (Литературная Россия. 26.04. 2002). На самом деле никто ее не запрещал.

При оценке рассказа Шолохова "Судьба человека" (1956) не раз затрагивалась проблема правдивого изображения жизни. Солженицын заявил, что в нем "избран самый некриминальный случай плена - без памяти, чтобы сделать его "бесспорным", обойти всю остроту проблемы". И потом: "Главная проблема плена представлена не в том, что родина нас покинула, отреклась, прокляла (об этом у Шолохова вообще ни слова) и именно это создает безысходность, - а в том, что там среди нас выявляются предатели", и вот-де нужно покопаться и объяснить, почему они появились.

Но родина не проклинала Карбышева и Лукина, поэта Джалиля и других бывших военнопленных, не запятнавших себя сотрудничеством с врагом. Совет: выявить причины предательства - не для "Судьбы человека" (здесь иной авторский замысел), а для другого - более объемного - произведения. У Шолохова и Солженицына разное отношение к советской власти, отсюда и разное понимание правды об Отечественной войне.

Один из читателей сказал сыну Шолохова о содержании "Судьбы человека": "Правда была другая. Правда в том, что после плена нам еще пришлось хлебнуть. ...Может, конечно, и такое было... Соколов-то солдатик, рядовой. ...Только все равно правда не в этом. Правда одна". Выслушав это, Шолохов разъяснил: "Значит, говорит, правда одна? Нет, сын мой. Это лишь для того, кто и знать не хочет, что такое правда. Одной правды для всех нет и быть не может. Хотя того, кто ее ищет, понять и несложно. Их, по крайней мере, две - на пользу и во вред. Ложь во спасение есть? Только неумный и бессердечный человек будет ее отрицать. А раз так, то как же вредоносной правде не быть?".

И далее писатель сказал о художественной правде применительно к "Судьбе человека": "Ты что же, полагаешь, я не знаю, что бывало в плену или после него? Что мне не известны крайние степени человеческой низости, жестокости, подлости? Или считаешь, что, зная это, я сам подличаю? Или судьбы таких, как М. Н., меня меньше трогают, чем судьба Соколовых? Или уж ты, вместе с М. Н., хочешь сказать, что Андрей Соколов - неправда?...Иной с таким наслаждением смакует всякую пакость. ...И не задумывается даже, что от его убогого понимания правды до настоящей художественной правды - как до звезды небесной... Сколько умения надо

на то, чтобы говорить людям правду... Дураку прямо в лицо можно сказать правду, что он - дурак. Но можно сказать это так, что у него, пусть и слабенько, но дрогнет сердчишко и захочется ему, дураку, хоть немножко поумнеть. А можно и так, что это приведет лишь к озлоблению, к упрямому желанию остаться самим собой, ответить обидой на обиду. Можно, наконец, и так, что это не вызовет ничего, кроме глухой тоски, - ничего, дескать, не исправишь, такой уж я дурак... Искру божию надо иметь, чтобы так поговорить с людьми, когда бы у каждого своя искорка затеплилась. А без этого что же? Одна суета сует и томление духа. Многоправдолюбие, которое умножает скорбь..." (Дон.. 1995. № 5. С. 161). Шолохов говорил, что самое главное заключается в том, "как наиболее точно эту правду написать..."

Авторы лживых сенсаций уверяют, что они добиваются правды. Но правда публикации связана с общественными позициями автора, с его идеалом, с тем, чего он хочет для России. Чтобы раскрыть правду о войне, автору необходимо не только доскональное знание души воюющего солдата, подробностей фронтового быта, но и глубокое постижение центрального нерва войны, соотносённости отдельного эпизода с общим ходом событий. Здесь определяющую роль играют идейно-эстетические позиции писателя, его представления о добре и зле, важно, куда он зовет, что для него дорого, а что отрицает.

В. Астафьев писал: "Правда войны - это правда и А. Платонова, и В. Некрасова, и К. Воробьева, и В. Кондратьева, и В. Курочкина, и Е. Носова, и В. Быкова, и, смею верить, моя тоже". Он не назвал здесь Шолохова, Симонова и Бондарева, видимо, из-за идеологических пристрастий. Он не раз возвращался к мысли о том, что нужна полная правда о войне, справедливо не верил, например, тому, что солдат-пехотинец мог пройти невредимым от Москвы до Берлина. Однако, читая его высказывания о литературе, приходишь к выводу, что вопрос о художественной правде и правдоподобию представлялся ему порой слишком простым: "...есть вещи бесспорные: правда - это правда, неправда - это неправда". Но где границы между правдой и неправдой?

Астафьев писал о том, как 92-я бригада с честью выдержала "пять часов невыносимо трудного боя. Из 48 орудий осталось полтора (одно без колеса). Противник потерял более семьдесят танков, тучу пехоты...". Для писателя это было правдой, но позже выяснилось, что "92-я бригада тремя дивизионами уничтожила 20 танков". В одном из интервью он сказал: "В 1942 году, когда враг был в Кунцево, под Москвой...". Не были немцы в Кунцево. Как видим, даже при полной устремленности к сущей правде можно и ошибиться. Когда Астафьев уверял, что "сгубили боеспособные армии под Сталинградом", то можно сказать: да, там погибло много наших людей, но враг понес еще более страшные потери. Никто не будет отрицать, что 6-я ар-

мия Паулюса и 4-я танковая армия Гота, уничтоженные в районе Сталинграда, принадлежали к лучшим военным соединениям Германии.

Б. Никитин утверждал, что бесспорное достоинство "Проклятых и убитых" - полное "читательское доверие к каждому слову писателя" (День. №7. 1993). Затем, противореча себе, он заявил, что Астафьев пошел "труднейшим, во многом неблагодарным путем. Этого не поймут даже те, кто кормил вшей на нарах рядом с Астафьевым, гнил в медсанбатах, голодал в окопах. Просто забыли. Победа заслонила все". Выходит, не все будут доверять Астафьеву. Но стоит ли считаться с теми, кто не мог даже понять, каким "необъяснимым вихрем" они были захвачены в военное время.

Среди них был и я, пришедший в армию в январе 1943 г., то есть тогда, когда герои романа Астафьева еще не уехали на фронт. Спасибо Никитину, который подсказал, что моя жизнь тогда не отличалась от жизни моих "современников в сталинских лагерях". Ведь в армии "все устроено так, чтобы превратить новобранца в скоточеловека, в нерассуждающее двуногое существо". Мы и не подозревали, что стали существами, лишенными человеческого облика. "По своей деревенской темноте", как он написал, мы думали, что тяготы военной службы надо стойко переносить, что воюем за независимость и благополучие нашего народа, за светлое завтра своей родины и всего человечества. Мы не предполагали, что наступит время, когда будут говорить, что самое ценное - индивидуальные интересы человека, а судьба родины - дело третьестепенное.

Астафьев предупредил: "Автор хорошо и давно знает, в какой стране он живет и с каким читателем встретится, какой отклик его ждет, в первую голову от военных людей, поэтому посчитал нужным назвать точное место действия первой книги романа "Прокляты и убиты", номера частей и военного округа". Он заверил читателей: "Я лично выдумывать и врать не хочу... ни одной лживой строки, ни одного неверного слова не напишу". Если он говорит о документальной точности своего произведения, то можно проверить его самой жизнью, чтобы выяснить, все ли в нем истинно.

И тут нас подстерегают сюрпризы. Одна из героинь романа оказалась медалисткой в 1943 г., а медали за отличное окончание школы стали выдавать значительно позже. В книге сообщается, что 3 января 1943 г. солдатам выдали погоны, через некоторое время младший лейтенант Щусь, участник боев на Хасане в 1938 г., получивший там орден Красной Звезды, "просмотрел газеты, послушал радио: "Сталинград изнемогал, но держался; на других фронтах кое-где остановили и даже чуть попятити немца". После этого солдаты две недели пробыли на зимней уборке хлеба, формируется маршевая рота, и в это время, "к сожалению, там под Сталинградом,

Воронежем, на центральном направлении свежие части прямо с колес гонят в бой, чтобы хоть день, хоть два продержаться в Сталинграде, провисеть на клочке волжского берега". Диву даешься, как мог забыть Астафьев то, что 19 ноября 1942 г. началось наше наступление в районе Сталинграда, немецкие войска были окружены, 2 февраля они сдались.

Да, не раз бросали в бой полки "прямо с колес". Это изобразил М. Алексеев в романе "Мой Сталинград", в котором точно схвачена полынно-горькая правда о наших поражениях и чувствуются тягостные переживания автора за гибнущую матушку-пехоту, ненависть к тем, кто зверствовал на нашей земле. А в книге В. Астафьева столь много черных красок при изображении нашей армии, его так сильно захватила ненависть к советскому строю, что он потерял объективность в изображении противоречивой действительности того времени, и не показал, в частности, с должной ясностью того, что же помогло нам победить. Ю. Бондарев сказал о романе "Прокляты и убиты": "Мало сказать, что это слабо написанная вещь. Там же такая несправедливость, такая безмерная злоба и ненависть к парторганам, политработникам..." (Правда. 2009. № 25).

Астафьев, оживив в своей памяти обиду на советскую власть за высылку его деда-мельника в Игарку, вспомнив свои ухабы в жизни после демобилизации из армии, поддерживал тех, кто обездолил трудящихся и разваливает Россию. Поэт Б. Куликов, друживший с Астафьевым, перед своей смертью заявил в открытом письме к нему: "Признаться, я не верю, что вы напишете правдивый рассказ о Сталинграде, коли не перемените своих взглядов на русский народ (по вашему, ...он - "дегенерат"), на русскую армию, на русских военачальников" (День. № 16. 1993). Это предсказание сбылось. А. Михайлов бросил: "...кто теперь скажет или доскажет всю правду о войне?! Ушло наше поколение. А обозники получили возможность плести о ней небылицы".

Объявив, что Астафьев - его друг, Михайлов подчеркнул, что не по дружбе, а по своему знанию и пониманию художественной правды в его романе "Прокляты и убиты" он защищает от односторонней критики это произведение: "Речь идет о романе, акцент в котором сделан на теневой стороне войны, на том, что все-таки недостаточно было показано, - в силу цензурных возможностей! - нашей замечательной и богатой талантами прозе о войне. В ней преобладало героическое начало, но критики романа меня удивляют тем, что они не замечают, не хотят заметить это героическое в романе Астафьева. Да, там никто не кидается на амбразуру, не водружает флаг над высоткой - там не видные на миру подвиги совершают солдаты и офицеры, и эти страницы прекрасны! Но этого не хотят видеть, а видят только грязь, кровь, трупы, бездарное

командование - что тоже было на войне в обилии! - но о чем не хотят вспоминать наши генералы и привыкшие к шаблонному восприятию войны критики" (День литературы. № 1. 2002).

Михайлов предложил отодвинуть в сторону политику, тут у него "с Виктором не все и не всегда было в согласии". Но при анализе романа "Прокляты и убиты" невозможно обойтись без политики, ибо она обусловила его идейную концепцию. Неверно то, что Астафьев "политикой не занимался абсолютно". Он наверняка понимал, почему к нему благоволило окружение Ельцина, выделившее деньги для издания его собрания сочинений в 15 томах. Он удостоился Пушкинской премии, учрежденной в Германии, получил премию "Триумф", основанную на подачках Березовского. Такие люди, как Березовский, без выгоды не дадут денег.

После расстрела Белого Дома газета "Известия" напечатала обращение, которое Астафьев подписал вместе с Граниным, Баклановым, Окуджавой, Приставкиным и другими писателями. В нем они призывали правительство закрыть оппозиционные газеты и общественные партии. Он поддержал письмо Ельцину против объединения России с Белоруссией, не хотел вставить при исполнении нового гимна. Русский народ стал для него "маразматиком", а о бывших фронтовиках, шедших с красными знаменами к могиле Неизвестного солдата, заявил: "Мало били. Надо было разогнать толпу этих бездельников".

Астафьев пишет о выступлении политработника перед солдатами: "Навострил бойцов на подвиги политический начальник, заработал еще один орден, прибавку в чине и добавку в жратве". О начальнике политотдела дивизии полковнике Мусенко: "У человека-карлика были крупные, старые черты лица, лопушистые уши, нос в черноватых ямках свищей, широкий нали-тый рот с глубокими складками бабы-сплетницы в углах, голос с жестяным звяком". Даже при остром желании очернить политруков надо знать меру. Среди них были и неважные работники, но были и отважные воины и отличные воспитатели, их выступления несли ценную для солдат информацию. В изображенное Астафьевым время даже на фронте скуповато давали ордена, а в тылу... В его книге взяла верх тенденция, ведущая не столько к постижению сложной правды о войне, сколько к неумному бичеванию всего, что связано с советской властью.

Гранин возмущался: "Мы не публиковали до самых последних лет потери по фронтам, по годам, по полководцам. Тот или иной маршал одержал победу, за которую получал ордена и салюты. Но какой ценой? Это не учитывалось. Правду потерь скрывали..." (Литературная газета. 2004. № 46-47). Во время войны все правительства воюющих государств уменьшали в сводках свои потери, наше военное командование вряд ли бы разумно поступило, если бы обнародовало полную правду о них. В. Личутин полагает: "Попробуйте писать правду во время войны - и вы сдадите государство врагу". Но сейчас сведения о наших потерях "по фронтам, по годам"

опубликованы в книге "Гриф секретности снят" (1993) и других публикациях. Зачем же столь эмоционально реагировать на то, что было много лет назад?

Гранин выступил против того, что при разговоре о войне мы "брали только наши победы": "До последнего времени не говорили о том, что ...были блестящие операции противника. Что это были за разгромы наших войск под Киевом, под Харьковом - "харьковский котел"? Крымская операция?". Стоит напомнить ему о том, что о поражениях нашей армии "под Киевом, под Харьковом", в Крыму писали Г. Жуков, А. Василевский, И. Конев, К. Рокоссовский, В. Чуйков, С. Штеменко, авторы трудов "История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.", "История Второй мировой войны 1939-1945 гг.", "Советская Военная Энциклопедия", "Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки".

Невозможно оспорить мысль о том, что для патриотического воспитания молодежи лучше всего подходят именно наши победы. Кинорежиссер В. Меньшов рассуждал: "Франция позорно проиграла войну Германии, четыре года пребывали они в состоянии коллаборационизма с фашистским режимом, но сейчас они вспоминают только о Соппротивлении, хотя участвовали в нем ничтожное число французов. Не поддержат ни немцы, ни японцы разговоры об их военных поражениях. Мы же с непонятным упорством берем старые раны, посыпаем их солью и кричим, встречая похоронные процессии: "Таскать вам и не перетаскать!" (Литературная газета. № 50. 2004).

Надо учитывать то, что после разгрома фашизма США и их западные союзники навязали нам тяжелую холодную войну. А на войне, как на войне. Почему США не хотят раскрыть правду о своем участии в развязывании Второй мировой войны, о том, как они начали, используя подлую провокацию, войну против Вьетнама, как под надуманным предлогом мерзко растерзали Югославию, как "гуманно" устраивают выгодную для себя "демократию" в Ираке?

Для Шолохова самое важное в правде - отражение душевных качеств человека: "Правда... Человек - не зеркало, которое все отражает, что перед ним. Тем более что перед ним никакой правды быть не может, там может быть какой-то голый факт. Правда в человеке, в нем самом. Он в муках рождает правду, если это его правда держится на человечности, на сострадании, на чувстве долга и ответственности перед людьми, на доброй воле делать что-то для них. А если этого в человеке нет, то его правдоискательство - ханжество. В таком случае оно может держаться лишь на мелочном тщеславии - посмотрите, дескать, какой я великий правдолюб, насколько я честнее, мужественнее, неподкупнее других... Это - страшная правда. Хоть вера - вместе с царем и отечеством - хоть что-нибудь вроде равенства, свободы... Благо народа... Так же и правда. Усердием бездумных приверженцев все подобные "штучки" превращаются просто в

мертвого идола, во имя которого - "к вящей славе божьей" - его правомерные служители готовы и живого человека распять, и в душах ничего святого не оставить. ...Лучше уж пусть будет проклят свет...Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман. Только ошибался здесь Пушкин. Обман - он и есть обман, каждый видит его. Поэтому обманом, если это именно обман, никого не возвысишь... настоящая правда всегда - возвышающая. И наоборот - все, что человек принял сердцем и что помогло ему распрямиться, улыбнуться, вздохнуть поглубже, - это и есть правда. Истина может быть и низкой, и угнетающей..." (Дон.. 1995. № 5. С. 161).

Все это и объясняет художественную правду "Судьбы человека", выбор автором главного героя, его трагической судьбы. Простой русский человек Андрей Соколов воплотил в себе огромную народную беду военного времени. У него есть подлинное нравственное величие, чистая и благородная душа, огромная сила воли, недюжинное самообладание, высокое чувство собственного достоинства, отличное понимание своего солдатского долга перед родиной. Истый патриот, стойкий и бесстрашный человек, он способен сильно чувствовать, глубоко переживать невозвратные потери близких людей, мудро подходить к сложным явлениям жизни.

Глава 52. О судьбе пленных

В 1941 г. в плен к немцам попало 2 млн. наших солдат, а В. Кардин "установил": "Лишь в 1941 году Красная Армия потеряла около 3 млн. пленными, убитыми - 1,5 - 2,5 млн" (Московские новости. № 18 2001). В книге "Россия распятая" И. Глазунов объявил, что "в первые два месяца войны пять миллионов советских солдат попало в плен". Г. Гудков прогудел, что "к ноябрю 1941 года свыше 4 миллионов советских солдат и офицеров оказались захваченными в плен". По Ю. Афанасьеву, в первые дни войны "немцы уничтожили и пленили более 3 млн. советских солдат и офицеров", на самом деле мы столько потеряли за весь 1941 год. Какую цель преследуют эти авторы, беззастенчиво увеличивая наши потери?

По официальным немецким данным, в плен попало 5,27 млн. наших воинов. Немцы объявляли пленными и тех советских людей, которые не служили в Красной Армии. Гудериан 11 мая 1943 г. отдал приказ по 2-й танковой группе: "При занятии населенных пунктов нужно немедленно захватить мужчин в возрасте от 15 до 65 лет и объявить им, что они впредь будут считаться военнопленными, а при попытке к бегству будут расстреливаться". В "Великой Отечественной..." указано, что в плену оказалось наших граждан: "в 1941 г. - 2 млн. (49%), в 1942 г. - 1 млн. 339 (33%), в 1943 г. - 487 тыс. (12%), в 1944 - 203 тыс. (5%), в 1945 - 40,6 тыс. (1%)". В немецких застенках погибли почти 3,3 млн. советских военнопленных.

Приведу пример того, как порой увеличивали число погибших военнослужащих. В "Книгу памяти. Тверская область" (1993) занесено: "Бойков Василий Григорьевич, род.1914, дер. Пестово. Призван в 1941. Красноармеец. Пропал без вести, июнь 1943 г." (С.391). А на стр. 384 читаем: "Байков Василий Григорьевич..." Далее сказано то, что написано на С.391. Дважды говорится об одном и том же человеке - моем дяде по материнской линии. Осенью 1941 года он попал в плен, немцы его вместе с группой советских солдат сожгли в конюшне.

А. Яковлев вешал: "А после войны потрясла меня лютость к пленным. За что? Из гитлеровских лагерей смерти - в концлагеря сталинские. Только Георгий Константинович Жуков попытался заступиться за трижды несчастных людей, но напрасно. Сам и попал в опалу" (Известия. 25.04. 1995). Участвуя в формировании антисоветского настроения у молодого поколения, авторы ряда учебников не только преувеличивают число попавших в плен, но и грубо искажают их дальнейшую судьбу. В. Барабанов, И. Николаев, Б. Рожков в "Справочнике для школьника. История России" сообщают, что "80% военнопленных, вернувшихся на Родину из германских концлагерей, были отправлены в советские лагеря". В учебнике для 11-го класса общеобразовательных учреждений "История России. XX - начало XXI века" (Н. Загладин, С. Козленко, С. Минаков, Ю. Петров), выпущенном в 2008 г., утверждается, что "около 2 млн. человек оказалось в лагерях". Но более 1 млн. человек, вернувшихся из плена, направили "для прохождения службы в Красной армии, 600 тыс. - для работы в промышленности в составе рабочих батальонов и 339 тыс., в том числе и часть гражданских лиц, - в лагеря НКВД" (Великая Отечественная...Т.4. С. 189). В исследовании "Социология Великой Победы" сообщается, что наказаны были 235,4 тысячи человек. Значит, "в лагеря и ссылку" отправили менее пятой части советских военнопленных и сотрудничавших с врагом граждан СССР.

Яркий пример того, как складывалась судьба вернувшегося из немецкого плена офицера - история лётчика Владимира Дмитриевича Лавриненкова. 1 мая 1943 г. ему присвоили звание Героя Советского Союза. 23 августа 1943 г. старший лейтенант Лавриненков таранил немецкий самолёт, после чего был вынужден выбраться с парашютом над территорией, занятой противником, и попал в плен. Его отправили в Берлин для допроса, но в пути он вместе с другим лётчиком, В. Карюкиным, выпрыгнул ночью из идущего на полной скорости поезда и скрылся. Пробираясь к линии фронта, лётчики наткнулись на партизанский отряд, действовавший в районе Переяслава, и присоединились к нему (Бобров Н. Н. Дважды Герой Советского Союза В. Д. Лавриненков. М. 1950. С. 31). В одном из боёв В. Карюкин погиб. Лавриненков же в течение трёх месяцев воевал в партизанском отряде, а после прихода Красной Армии вернулся в свой полк. Вопреки стереотипам либеральной пропаганды, он не подвергся никаким репрессиям.

Ему было присвоено очередное воинское звание, а 1 июля 1944 г. Лавриненков стал дважды Героем Советского Союза. Впоследствии он также не подвергался преследованиям за своё пребывание в плену. В 1948 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1954-м - Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова и закончил свою карьеру генерал-полковником авиации.

В. Кардину нравится, что "в современной Америке медаль "За плен" - одна из высших боевых наград". Не всё то, что хорошо для США, приемлемо для нас. Жизнь показала, что были разные пленные, заслуживающие разного отношения. Краснов и Власов по приговору советского суда закончили свою жизнь на виселице. Попавшие в плен генералы Д. Карбышев, М. Лукин, писатель М. Джалиль были удостоены высшей воинской награды - звания Героя Советского Союза.

Татарский поэт Муса Джалиль, оказавшись в плену, писал в ноябре 1943 г. в стихотворении "Палачу": "Не преклоню колен, палач, перед тобою, // Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей. // Придет мой час - умру. Но знай: умру я стоя, // Хотя ты голову отрубишь мне, злодей". Поэт И. Ковалевский, после контузии попавший в плен, в немецком застенке писал стихи, наполненные верой в победу нашего народа: "Пускай за это, буду я расстрелян, // Но верю: Гитлер // Будет истреблен".

С. Злобин, автор романов "Салават Юлаев", "Степан Разин", "Пропавшие без вести", в 1941 г. был ранен и попал в плен. В фашистском лагере он выпускал подпольную газету "Пленная правда", в которой призывал не прекращать борьбы с врагом. В июле 1942 г. он вынашивал план побега, но его предали, записную книжку он зарыл в землю и после войны смог найти ее. В ней, в частности, С. Злобин писал, готовясь к побегу: "Прощайте, родные, любимые! Хочется жить, хочется, Галка, вместе работать, вместе растить Налимку. Хочется участвовать в огромной жизни СССР, в победу которого я верю все время неизменно и всегда заставляю верить других. ...Помни, сын, Павлик, что твой отец погиб тогда, когда пошел добровольно на защиту Родины. Ее всегда надо беречь и защищать, как всегда надо беречь и защищать мать. ...Сумей защищать ее, как сумел бы беречь и защищать ее я..." (Литературная Россия. 28.09. 1966).

Летчик М. Девятаев, попав в 1944 г. в плен, в феврале 1945 г. с 9 советскими заключенными совершил дерзкий побег на немецком бомбардировщике из лагеря Пенемюнде. Он стал Героем СССР. Федор Полетаев, бежавший из плена и сражавшийся с немцами в отряде итальянских партизан, отважно бросился на врагов и погиб смертью храбрых. Он Герой Италии и Герой Советского Союза.

Когда 10 сентября 1939 г. на открытом партийном собрании Академии Генштаба в партию принимали Д. М. Карбышева, он сказал: "Время тяжелое. Будут еще тяжелей. И, шагая через

высокий порог, я хочу пережить это грозное время вместе с партией, а если нужно будет, то и умереть за партию в её рядах". Дмитрий Михайлович родился 26 сентября 1880 г. в городе Омске в многодетной семье, находившейся под надзором полиции. С 1891 по 1898 год был воспитанником Омского кадетского корпуса, учился великолепно, потом поступил в столичное Николаевское военно-инженерное училище. После его окончания он был послан на Дальний Восток, в 1903 г. получил звание поручика. Во время войны с Японией за боевые заслуги его наградили пятью орденами. Затем его уволили из армии за политическую неблагонадежность, в 1907 г. возвратили в её ряды, ему присвоили звание штабс-капитана и поставили во главе саперной роты. Вскоре он поступил в Николаевскую инженерную академию. В Первую мировую войну он стал командиром батальон, был ранен, в апреле 1916 г. ему досрочно присвоили чин подполковника.

После Октябрьской революции он в рядах Красной армии сражался с белыми, участвовал в походе Красной Армии в Сибирь, а затем в разгроме войск Врангеля. С 1923 г. был в военной Академии РККА, в 1926 г. начал вести педагогическую работу в Академии имени М.Ф. Фрунзе. Написал свыше 100 научных работ, в 1938 г. стал доктором технических наук, профессором. 4 июня 1940 г. ему присвоили звание генерал-лейтенант инженерных войск. 7 июня 1941 г. он был направлен в Западный военный округ для проверки строительства укрепрайонов на рубеже реки Неман.

В июне-июле 1941 г. Карбышев в течение месяца пробивался на восток. Одна из авиабомб разорвалась около генерала, он был контужен, засыпан землей, в бессознательном состоянии попал в немецкий плен. Немцы пытались привлечь его на свою сторону. Но у них ничего не получилось, хотя фашисты и подвергли его зверским испытаниям. Он погиб 17 февраля 1945 года.

"На дворе стоял двенадцатиградусный мороз, дул резкий северный ветер. Одной группе вновь прибывших в Маутхаузен, в которой был и Дмитрий Михайлович, гитлеровские палачи уготовили мучительную казнь. Узников раздели догола и выгнали на лагерный плац. Здесь они простояли несколько часов. Оставшихся в живых загнали в баню под горячий душ, а затем снова вытолкнули на лагерный плац под леденящие, сбивавшие с ног струи из мощных брандспойтов. Попытки повторялись снова и снова. Очевидец поведал, что один из истязуемых, седовласый человек, стоял под струями воды, прислонившись к стене. Преодолевая поистине нечеловеческие муки, Дмитрий Карбышев - русский советский генерал - на глазах многих людей превращался в обледенелый памятник воинской стойкости и верности долгу" (И. Х. Баграмян).

Ю. Пиляр в повести "Пять часов до рассвета" (1972) правдиво показал поведение Д. Карбышева, оказавшегося в немецком концлагере. В последний раз судьба доставила ему право вы-

бора, от него самого зависит: то ли он умрет как верный солдат Родины, ничуть не запятнав своей чести, то ли останется жить, но к радости врагов поступится своей совестью, собственным достоинством. Советский генерал ни на йоту не отказался от Родины, от своих убеждений и выиграл в нравственно-философском, мировоззренческом плане свой последний в жизни бой. Мученическая, героическая смерть стала началом его славного бессмертия.

Бывший узник Маутхаузена канадский майор Селдон де Сент-Клер оставил письменное свидетельство о страшной смерти Карбышева: "...память о генерале Карбышеве для меня свята. Я вспоминаю о нем как о самом большом патриоте, самом честном солдате и самом благородном человеке, которого я встречал в своей жизни... О Красной армии и советском народе он говорил с такой любовью, с такой глубокой убежденностью, что ему нельзя было не верить" (Советская Россия. 19.02. 2000).

29 апреля 1945 г. американские войска освободили М. Лукина из плена в лагере Моссбург, в июне передали советской стороне. После возвращения Лукина в мае 1945 г. из плена в Москву соответствующие органы тщательно проверили его поведение в общении с немцами. 31 августа 1945 г. Абакумов написал Сталину: "Что же касается генерал-лейтенанта Лукина М. Ф. - бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога)", на которого "в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным" его "освободить и обеспечить агентурным наблюдением" (Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 25).

Мухин обвинил Лукина в том, что во время допроса 14 декабря 1941 года он "предал и свою присягу, и свой народ", "сообщил немцам время формирования, численность и боеготовность советских резервов, ...темп и места производства танков и их марку, ...мощности авиапромышленности, проинформировал их об установках залпового огня ("Катюшах)". На самом деле ничего, что могло бы реально помочь немцам в войне против СССР, он не сказал: "С сентября этого года, на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно и больше, но никак не меньше 150. ...Через 4-5 месяцев эти дивизии или закончат свое формирование, или уже будут на фронте. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строятся 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это, включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были эвакуированы на Восток страны. Основные типы строящихся танков "Т-34" и "КВ". Так же строятся около 20 самолетов в сутки... На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки".

Никакой пользы из этих предположений немцы не могли выудить. В те декабрьские дни у Лукина сложилось тяжелое представление о военном положении страны. О его здоровье сказано: "С ним уже раз беседовали, но говорили немного вследствие его тяжелого ранения". В его сообщениях о больших возможностях советской страны угадывается и сокровенное желание укрепить свою уверенность в ее несокрушимости, и намерение показать немцам, что им далеко не просто, даже невозможно будет добиться полной победы над Советским Союзом, и потому им надо изменить бесчеловечную политику по отношению к русскому народу.

Был ли на самом деле этот разговор? Если все-таки он был, то, конечно, выдержки из протокола допроса М. Лукина, приведенные в "Хрестоматии по отечественной истории (1914-1945 гг.)" (1996), его немецкий собеседник так целенаправленно "отредактировал", чтобы их можно было отправить "с оккупированной германскими войсками территории СССР в Берлин для ознакомления Гитлеру". В них Лукин якобы выразил недовольство репрессивной большевистской системой, характером коллективизации, что в общем-то можно верно понять. Вместе с тем в выдержках из протокола допроса записана его мысль о том, что он не верит немцам в том, что они несут свободу русскому народу, что "вторгнувшийся враг - это агрессор, и с ним надо бороться", что "все это сказал россиянин, который любит свой народ". Эта неустранимая любовь к своему народу не позволила Лукину стать предателем.

Полунасильственная коллективизация, голод 1932-1933 годов, репрессии снизили у части советских людей веру в справедливость нашего общественного устройства. Осенью 1943 г. казак, лежавший со мной в госпитале, говорил: "Никогда не прощу советской власти голод 33-го года. Зачем губили людей? А к немцам не перейду, они враги России". Тогда было немало людей, которые не принимали советский строй, но отбрасывали в сторону свои личные обиды, нанесенные властью, и делали все, чтобы Родина выстояла в борьбе с фашистами. Они самоотверженно воевали именно за Россию, мысленно пытались отделить ее от советского строя, но объективно получалось, что разъединить их в то критическое для нас время было невозможно: война велась за советскую Россию.

В справке о Лукине: "Показаниями арестованных Главным управлением "Смерш" одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагере военнопленных в городах Цитенхорст и Вустрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Лу-

кин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность".

На самом деле у Лукина не было никакой "преступной связи" с изменниками. В протокол советского следователя от 25 мая 1945 г. занесены слова предателя Власова о встрече в немецком концлагере с Лукиным: "После того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и мое предложение не принял. Потерпев неудачу, я больше ни к кому из военнопленных генералов Красной Армии не обращался".

Лукин рассказал о разговоре с ним в январе 1943 года: Власов "вытащил из кармана бумагу и театральным жестом протянул ее мне: "Прошу вас прочитать, господин генерал!" ...я молча взял бумагу и стал читать. Это было так называемое "Воззвание к русскому народу". В нем партия и вся Советская власть объявлялись враждебными народу нашей страны, а далее говорилось о том, что в скором времени будет сформирована "русская освободительная армия" (РОА), которая пойдет освобождать Россию. "Ну и что?" - спросил я, окончив чтение. "Прошу подписать эту бумагу!" - торжественно провозгласил Власов. - Вам доверяется высокая честь - быть командующим РОА!" "Вот что, Власов, - сказал я громко, так, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, были мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры Советской Армии. - ...Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберешь под свое бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей".

Бывший начальник штаба 19-й армии Малышкин пытался склонить Лукина перейти на сторону власовцев. Лукин посоветовал ему явиться с повинной советской власти или в сортире удавиться ремнем. Л. Решин и В. Степанов сообщили: "В сотнях томов следственных дел, заведенных на советских генералов и офицеров - действительных и мнимых предателей, - не содержится и намек на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами и их пособниками" (Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 26).

Жуков, назвав Лукина "великолепным советским полководцем и поистине неустранимым героем", писал в "Литгазете" 6 мая 1970 г.: "Не так давно мы виделись с Михаилом Федоровичем. Конечно, говорили о былом, пережитом. Признаться, я испытывал и испытываю чувство восхищения его стойкостью и мужеством. Он перенес тяжелое военное лихолетье, мучительные физические страдания и остался таким, каким был, - скромным, немногословным, испытанным героем Отечественной войны и нашей Победы". Конев в 1971 г. отметил: "Всей группой войск

под Вязмой командовал командарм-19, один из талантливых наших военачальников и мужественных героев Отечественной войны генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин... Бесмертный подвиг Лукина навсегда сохранится в истории нашей Родины". На личном деле Лукина была резолюция Сталина: "Преданный человек, в звании восстановить, если желает - направить на учебу, по службе не ущемлять".

В печати сообщалось о том, что Сталин просил передать Лукину "спасибо за Москву", имея в виду героические усилия командарма во время Смоленского сражения. М. Лукина восстановили на воинской службе. Ему возвратили воинское звание, орден Ленина, пять орденов Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени, Красной Звезды. В 1946 году генерал-лейтенант М.Ф. Лукин ушел в отставку по состоянию здоровья. Жил в Москве.

Выдающиеся советские военачальники отмечали большие заслуги Лукина перед Отечеством. В 1966 г. маршалы Советского Союза С. Тимошенко, К. Рокоссовский, И. Конев, А. Еременко и генерал армии П. Курочкин обратились с письмом к Л. Брежневу. В нем были такие слова: "Убедительно просим Вас поддержать наше ходатайство о присвоении генерал-лейтенанту в отставке Лукину Михаилу Федоровичу звания Героя Советского Союза. Мы глубоко убеждены, что генерал-лейтенант Лукин М. Ф. вполне заслужил это высокое звание, проявив великолепное мужество, личный героизм и замечательное мастерство полководца во время Смоленско-Вяземского сражения, сыгравшего огромную роль в битве за Москву. В этот трудный период войны против фашистских захватчиков 16-я армия Лукина вместе с 19-й и 20-й армиями, сочетая упорную оборону с решительными контратаками, остановила наступление рвавшейся к Москве мощной военной группировки противника и в ожесточенных кровопролитных боях сдерживала ее более двух месяцев. Мы считаем, что присвоение генерал-лейтенанту в отставке Лукину высокого звания Героя Советского Союза явится справедливым признанием и оценкой его больших заслуг перед нашим государством, партией и народом". 1 октября 1993 года М. Ф. Лукину присвоили посмертно звание Героя Советского Союза "за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов".

В 1988 году исполком Смоленского городского Совета народных депутатов присвоил М. Ф. Лукину звание "Почетный гражданин города-героя Смоленска" (посмертно). Именем Михаила Фёдоровича Лукина названы улицы в городах Смоленске и Зубцове. О мужестве и отваге воинов, сражавшихся под командованием генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, напоминает обелиск - четырехгранный винтовочный штык из нержавеющей стали. На нем надпись: "Трудя-

щиеся Смоленска воинам 16-й армии, 152-й, 12-й, 46-й, 127-й, 158-й стрелковых дивизий и частей усиления, мужественно сражавшихся с фашистскими захватчиками за город в июле 1941 г."

Трудная и славная судьба и личность Лукина интересовала Симонова, который неоднократно встречался с ним. Шолохов в первый раз видел Лукина на фронте в 1941 году, после войны установил с ним дружеские отношения. Михаил Федорович приезжал к нему в Вёшенскую, чтобы погостить у него и поделиться своими впечатлениями о войне. Лукин стал прототипом генерала Стрельцова - героя романа Шолохова "Они сражались за Родину". Шолохов в 1972 г. написал: "Война - это всегда трагедия для народа, а тем более для отдельных людей... Люди обретают себя в подвигах, но подвиги эти бывают разные... Такие, как Лукин, обретают себя как личности и в трагических обстоятельствах..."

Уйдя в отставку, Лукин писал работу о жесточайших сражениях под Смоленском и Вязьмой. Используя богатые личные впечатления, свидетельства фронтовых соратников, сохранившиеся документы военных лет, он пытался воссоздать правдивую картину тех славных и трагических событий. Закончить свой труд он не успел. Умер М. Ф. Лукин в Москве 25 мая 1970 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Глава 53. О штрафбатах и потерях

Война стала по своему зловещему смыслу огромной трагедией, принесла людям неимоверные страдания, уничтожала и уродовала их физически, противостояла их личному счастью, разрушала их домашний очаг, лишала их родных и близких. Народная трагедия складывалась из многих тысяч личных трагедий. У человека не было права уйти в сторону, сделать вид, что война тебя не касается. Тогда было очень трудно везде - и на фронте, и в тылу.

Профессор Н. Нарочницкая заметила: "Ушло фронтовое поколение, которое было наиболее почвенническим. ...Благодаря им мы и продержались сорок лет без войн и потрясений. Но затем возобладали совсем другие силы" (Литературная газета. № 44. 2004). Эти "силы" развалили СССР, разрушили важнейшие отрасли нашей промышленности и сельское хозяйство, присвоили государственное имущество, ограбили народ. Чтобы не лишиться неправомерно приобретенного богатства, возможности властвовать, они чернят социалистический строй, их главной целью стало стремление зачеркнуть в сознании людей великие достижения советской власти. В эти "силы" входят и создатели ряда фильмов, развенчивающих подвиг нашего народа в Отечественной войне.

В 2001 г. в кинотеатрах показывали голливудский фильм-пасквиль "Враг у ворот", где злобно изображены советские участники Сталинградского сражения. Герой Советского Союза

В. Карпов дал уничтожающую оценку сериалу "Диверсант": "Все показываемое в этом фильме настолько безграмотно, примитивно, что просто немеешь, не находишь каких-то иных слов. Абсолютно ничего не соответствует действительности. Это касается не только каждой серии, но буквально каждого эпизода. ...Очернен весь командный состав, эти начальники либо дураки, либо бессердечные садисты. Они поданы на уровне каких-то прихвостней, каких-то стукачей, каких-то нелучших кагабешных персонажей" (Литературная газета. № 36. 2004).

Эти верные оценки человека, хорошо знающего войну, можно с полным правом отнести к тошнотворным телесериалам "Штрафбат", "Последний бронепоезд" и уродливому, лживому, позорящему нашу страну фильму "Сволочи", которому услужливые русофобы, составившие жюри "Киноград MTV", присудили премию "Золотой Орёл". Как это можно объяснить? Как понять позицию правительственной "Российской газеты", которая поддерживает подобные фильмы? Сценарист М. Васильев одобрил повторный показ Первым телеканалом фильма "Диверсант", а член президиума Международной академии телевидения и радио В. Любовцев отнес "Штрафбат" к лучшим многосерийным фильмам прошлого сезона и приветствовал новый показ его по телеканалу в 2008 г. (Российская газета. 19.10. 2007).

Сценарист Э. Володарский, режиссер Н. Досталь при работе над "Штрафбатом" использовали тот путь создания и концентрации в нем невыносимых "ужасов", который в свое время осудил Ленин в отзыве о романе В. Винниченко "Заветы отцов" (1914): "Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких "ужасов", собрать воедино и "порок" и "сифилис" и романтическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницу) и суд над доктором! ...Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из "ужасов", что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и таким образом - значит, малевать ужасы, пугать и свое воображение и читателя, "забивать" себя и его" (Т. 48. С. 294-295).

Но и "поодиночке" показанных в "Штафбате" ужасов не было в действительности. Авторы фильма, совершенно не зная войны, действительного настроения наших людей того времени, так "модернизируют" их, что можно только поражаться тем несуразностям, какие они преподносят зрителям. В фильме глупое, трусливое советское командование посылает штрафников в атаку по заминированному полю, а их, даже раненных, расстреливает заградотряд. Садисты из карательных органов не знают никакого предела в своих издевательствах над людьми. Штрафникам вручили судьбу нашего города на три дня, подчеркнув, что там есть жратва, бабы и прочее. Они в нем пьянствуют, девушку, уберегшую свою честь при немцах, насилуют, она покончила жизнь самоубийством. Начальник Особого отдела дивизии откровенный подлец Харченко зна-

ет, что один из штрафников, в прошлом уголовник, надругался над девушкой и убил ни за что своего солдата, и его он делает своим осведомителем.

Создатели фильма уверяют, что честным людям жить в СССР невозможно. Это раскрыто на судьбе умного, порядочного комбата из штрафников Твердохлебова, которого унижают и избивают, доводят до попытки самоубийства следователи Особого отдела. На самом деле командирами штрафных батальонов и рот назначались наиболее опытные, ни в чем не провинившиеся офицеры.

В фильме даны вкрапления, рисующие жизнь героев до штрафбата, их разговоры на политические темы. Главная мысль их привычна для российских либералов: советская власть бесчеловечная, антихристианская, антинародная, держится только за счет репрессий. С большим сочувствием показан власовец, не раз осуждается Сталин, обличаются гонения на церковь, антисемитизм (в годы войны не было их). В финале фильма бригада штрафников (свыше тысячи человек) брошена командованием на заведомую гибель. Оценку этому преступлению дают немецкие генералы, один из них прямо заявил, что они никогда не решились бы так бесполезно губить людей. Фильм завершает длинный список штрафных батальонов и рот, этим подчеркивается мысль о напрасной гибели очень многих наших людей по вине бездарного командования и советского режима. Насмотревшись подобных фильмов, один из читателей газеты "Коммерсантъ" (10.05. 2008) рассудил: "Люди шли на смерть, поскольку сзади тоже была смерть в виде заградотрядов НКВД, политрук говорил командиру: "Давай быстрее израсходуем живую силу, чтобы можно было отступить на переформирование!". Отсюда и огромные потери".

Создатели "Штрафбата" все усилия сосредоточили не на изображении героической борьбы нашего народа с фашизмом, а на своей политической войне с советской властью и потому густо мазали ее дегтем. И к этому фильму-пасквилю справедлив вывод главного редактора "Литгазеты" Ю. Полякова: "доходящая до нелепости концентрация негатива, что предлагают нам создатели "Диверсанта" - это ...черный миф о народной войне, причем с отчетливым русофобским оттенком. ...Когда я смотрю то, что наше телевидение делает к 60-летию Победы, у меня иногда возникает ощущение, будто оно готовит своего рода Антипобеду" (Литературная газета. № 37. 2004).

А. Райсфельд справедливо заключил: "Те, кто снимает кинофильмы о войне в наше время, по большей части не собираются доносить правду о войне до людей. Они не только не хотят знать, как все было на самом деле, они ставят перед собой цель снять фильм о войне так, как им бы хотелось, чтобы происходили событий тех лет. Не пытаются восстановить исторические события, а хотят сочинять небылицу о тех годах" (Советская Россия. 09.07. 2009). У ряда читате-

лей возник вопрос: как понять государство, которое само финансирует черный пиар против себя? Как случилось, что телевидение России выступает против национальных интересов своего государства? Посмотрев насквозь фальшивый, далекий от жизни "Штрафбат", возникает мысль: а нет ли секретного постановления об усилении антипатриотической пропаганды?

В телевидении главную роль играют замшелые либералы, для них неприемлем русский патриотизм, и потому они не перестают сражаться с советским образом жизни и его идеологией. 3 сентября 2004 г. В. Познер (его наградил президент Путин орденом) закончил обсуждение политических проблем России во "Временах" цитатой Чаадаева: "Любовь к Родине приносит вражду". Вот так! Подобные русофобы развенчивают военный подвиг нашего народа, чернят все, что связано с советским общественным строем. Ныне это служит разрушению российской государственности.

Д. Дондурей провозгласил, что основное - глубина в постижении истины и отсутствие фальши и лжи: "Если авторы фильма, например "Сволочи", действительно пошли против правды, это непростительно. Художник... должен не врать по отношению к сути событий. А вот факты должны быть незыблемы. Я рад, что сняли сериал "Штрафбат". Ведь более тысячи батальонов штрафников воевали и пожертвовали собой ради Великой Победы. И были это не изверги и негодяи, хотя среди штрафников немало уголовников. В большинстве случаев они умирали ради своей семьи и родины" (Российская газета. 07.05. 2007).

Но ведь факты в этом фильме искажают суть исторических событий. "Литгазета", обсуждая "Штрафбат", писала: "И вот о чем следует не забывать всем нам - сегодня Победу наших отцов пытаются у нас отнять, призывая мир не участвовать в праздновании ее 60-летия годовщины. Поэтому долг каждого из нас встать на защиту победителей. И в этом должен быть главный смысл самых горячих споров о том, как это было на войне" (2004. № 51-52). Однако вопреки этому верному призыву газета тут же предоставила право Володарскому, автору насквозь лживого фильма, оскорблять фронтовиков: "А вы знаете, господин Бушин, что такое разведка боем? Это когда бросали сотни солдат на минные поля, на сильно укрепленную оборону противника, чтобы выявить огневые точки противника? То есть бросали на заведомую смерть. Не знали?"

Не дико ли: не воевавший, не побывавший на фронте человек с непостижимым апломбом "уличает" фронтовика в незнании войны. Он не верит справочникам, "в которых данные о потерях сознательно занижались в пять-десять раз", не считается с тем, что сейчас почти все, связанное с Отечественной войной, перепроверено. По его словам, в нем "живут рассказы фронтовиков", с которыми он "жил все свое детство и юность". Он "выпивал с ними часто, с безрукими

и безногими, и только слушал людей, изливавших боль души". Он "почти ничего не выдумывал - многие из этих рассказов и вошли в "Штрафбат". Но во время выпивки бывшие воины могли не всегда точно воспроизводить то, что было на фронте. А способен ли был подвыпивший мальчик верно осознать услышанное? Не создавалась ли ситуация испорченного телефона?

И почему нельзя верить пока еще живым участникам войны? Мы знаем то, что может не ведать молодежь. "Литгазета" писала: "Во время Великой Отечественной у каждого солдата были медальоны, призванные идентифицировать солдата в случае его гибели" (2004. № 32-33). Не было медальона у каждого солдата, с 1943 г. их не вручали военнослужащим. В другой газете напечатали фотографию офицера, которую отнесли к 1944 г., но знаки отличия видны на его петличках. А в начале 1943 г. мы стали носить погоны. По словам Володарского, в приказе № 227 Сталина "во всех грехах, в трусости и малодушии был обвинен русский солдат". Зачем понадобилось исказить суть приказа? Зачем утверждать и такую заведомую неправду: летом 1942 г. "фронта как такового не существовало"? С этим можно было бы согласиться, если бы говорилось об отдельных участках фронта в короткое конкретное время. Весь 1942 год линия фронта от Воронежа до Мурманска существенно не изменялась. Он заявил, что "почти вся Европейская часть Советского Союза к осени 42-го была под немцем". В этом "почти" могла разместиться вся Западная Европа.

"Претензии В. Бушина к фильму, - пишет "Литгазета", - не учитывают того простого обстоятельства, что речь идет о художественном произведении, а не об историческом документальном исследовании. А у произведения искусства свои законы. И то, что в реальности встречалось в исключительных случаях, представляет собой интерес для художника. И нельзя его за это осуждать. Потому что его право выбирать те ситуации и тех героев, которые дадут ему возможность создать впечатляющую работу". Здесь обойден важнейший вопрос: есть ли право у автора использовать лживые мифы, придумывать такое, что искажает события и суть войны? Сейчас Великая Отечественная война для большинства людей - история. Когда писатель хочет показать существенные моменты в ней, он не может не считаться с тем, как она на самом деле происходила.

"Исключительные случаи" можно брать лишь в том случае, если они помогают выявить истинный смысл войны. Дело не столько в том, как убеждена "Литгазета", что автор должен создать впечатляющую работу, самое главное - во имя чего она создана, хочет он прославить или принизить нашу Победу, приблизиться к правде о войне или исказить ее, будет исходить в ее трактовке из принципа "одна баба сказала" или поставит задачей глубоко выяснить ее осо-

бенности, изучая исторические источники, справочники, воспоминания участников войны, и не только таких, которые под воздействием выпивки трактуют ее в угоду ущербной концепции.

В пору военных потрясений солдат становился на самую грань жизни и смерти, отрешался от всего обыденного, взвешивал свои поступки на самых высоких нравственных весах, он всем своим существом чувствовал нерасторжимую слитность своей судьбы с судьбой Родины. Глубокое понимание правоты нашей священной борьбы с врагом давало ему силы преодолевать немыслимые в мирных условиях трудности, вдохновляло его на подвиги. На фронте он ставился в такие обстоятельства, что у него было только два решения: либо, героически сражаясь, победить врага, либо, струсив, предать свой народ, а иного пути не было.

В. Быков в 1975 г. рассуждал о человеке, оказавшемся перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств: "На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно? ...никому не хотелось лишаться своей дорогой ему жизни, и только необходимость до конца оставаться человеком, заставляла идти на смерть. В то же время находились люди, которые пытались совместить несовместимое - сохранить жизнь и не погрешить против человечности, что в трагических обстоятельствах оказывалось невероятно трудным, если не совсем безнадежным".

Эти мысли привели его к осознанию нравственной идеи, послужившей основой повести "Сотников": "В качестве основных героев я взял двух партизан, почти товарищей, но не друзей, не хороших и не плохих - разных. ...Но неумолимая сила военных обстоятельств вынудила каждого сделать самый решающий в человеческой жизни выбор - умереть достойно или остаться жить подло. И каждый выбрал свое".

Сотникову свойственны человеческая жесткость, аскетический максимализм. Позади у него - разгром полка, плен, побег, болезнь, ранение и новый плен. Оказавшись в смертельной ситуации, Сотников решил "взять все на себя. Завтра он скажет следователю, что ходил в разведку, имел задание, в перестрелке ранил полицая, что он - командир Красной Армии и противник фашизма, пусть расстреляют его. Он жертвовал собой ради спасения других, но не менее, чем другим, это пожертвование было необходимо и ему самому".

Рыбак в плену "не теряет надежды на спасение, хотя и не совсем благовидным путем. ...он хочет жить вопреки возможностям, в трудную минуту игнорируя интересы ближнего, заботясь лишь о себе. ...И вдруг ему открылось чрезвычайно четко и счастливо: если Сотников умрет, то его, Рыбака, шансы значительно улучшатся. Он сможет сказать, что вздумается, других здесь свидетелей нет. Он понимал бесчеловечность этого открытия, но, сколько ни думал, неизменно возвращался к мысли, что так будет лучше ему, Рыбаку, да и самому Сотникову, которому по-

сле всего, что случилось, все равно уже не жить". Рыбак решил выжить любой ценой, но после того, как он принял участие в расправе над Сотниковым, "его оглушила мысль: удирать некуда. ...Рыбак понял, что этой ликвидацией его скрутили надежнее, чем ременной супонью".

Г. Кривошеев, руководитель авторского коллектива книги "Гриф секретности снят", сообщил, что "за злостное дезертирство осуждено 376250 человек" (Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94). Всего осудили 994,3 тыс., около 400 тыс. срок исполнения был отодвинут до окончания военных действий с направлением их в штрафные роты. В романе Астафьева "Прокляты и убиты" рассказывается о двух братьях Снегиревых, которые убежали из воинской части, пробыли дома несколько дней и затем на четвертый день возвратились на службу. После этого их судили и расстреляли, посадили в тюрьму их мать, где она "умом тронулась". Невозможно поверить в это. Большинство пойманных во время войны дезертиров отправлялось в штрафные роты. А братья Снегиревы сами (!) вернулись в свою часть.

Летом 1942 г. мне, семнадцатилетнему мальчишке, довелось участвовать в поимке дезертира. В 1946 г., когда я приехал на побывку домой, моя мать, придя в праздник от соседей, сказала мне: "Сегодня я с твоим дезертиром за столом сидела. Он благодарит тебя, не поймали бы его - умер бы он в своей яме, болел сильно". После войны он жил на карельском перешейке. Этот пример я привожу для того, чтобы как-то противостоять лжи, которой верят молодые люди.

Мой военный опыт и мои мысли и чувства не согласуются с тем, что писал Гранин: "Самострелов" и замышлявших перебежать к противнику расстреливали перед строем, помню несколько таких случаев. Эта жестокость вызывала лишь ужас и ощущение несправедливости: ведь в основном стреляли в себя необстрелянные новобранцы, только прибывшие на фронт" (Российская газета. 08.05. 2007). Летом 1943 г. 700 восемнадцатилетних бойцов приехало в эшелоне на фронт, и среди них не оказалось ни одного отставшего. И все достойно вели себя в боях. Среди нас, конечно, не было ни одного самострела.

Резун в книге "Последняя республика" объявил, что Сталин проиграл Вторую мировую войну. Энтаэссовцы убеждены, что огромные потери нашей армии, которыми "куплена победа мая 1945 г.", послужат "самым страшным обвинением компартии, активно участвовавшей (!) в развязывании Второй мировой войны и принесшей десятки миллионов в жертву собственному идеологическому господству. С выдвижением обвинения рухнет и последний номенклатурный миф о "Великой Победе", празднику которой в будущей России неизбежно суждено превратиться в День Скорби и Памяти" (Завтра. 17.03. 2010).

Эти мысли о "мифе" развивал Ю. Кузнецов, откровенничавший в Информационно-дискуссионном портале 5 мая 2010 г.: "Стало признаком хорошего тона для журналистов, критикующих непомерную цену, заплаченную за победу в Великой Отечественной войне, начинать свои статьи с реверанса: "То, что мы победили, ни у кого в здравом уме не вызывает сомнений..." (Б. Соколов, "Как победила Россия" и многие другие авторы). Я не считаю, что мы победили в той войне, а потерпели поражение, и готов отстаивать свою точку зрения, насколько мой "нездравый ум" мне это позволит. Я думаю, что "нездравый ум" как раз у тех, что считает "победой" планетарные похороны: по разным подсчетам - от 20 до 50 миллионов прямых безвозвратных человеческих потерь, а уж разрушений городов, деревень, промышленности, жилья, хозяйства не перечесть. Такого армагеддона в истории планеты Земля еще не было".

Такой попавший в явную прострацию "нездравый ум" вряд ли требует внимания. Но все-таки подчеркнем, что сей автор был бы доволен, посчитал бы нашей победой иной исход Великой Отечественной войны: нам нужно было сразу после нападения Германии трусливо поднять дрожащие руки вверх и жить тихо-смирно под иноземным господством.

Бичуя советскую систему, Сталина, руководство Красной Армии, либералы беспардонно преувеличивают наши потери в войне. В. Барабанов, И. Николаев, Б. Рожков в "Справочнике для школьника. История России" (2008) пишут: "Огромным было число погибших советских военнослужащих - 14,7 млн. бойцов и командиров. Немецкие вооруженные силы потеряли на советско-германском фронте приблизительно как 5:1". 2 сентября 2010 года телеканал "Россия" известил, что во Вторую мировую войну СССР потерял от 15 до двадцати миллионов солдат. Сванидзе оценил в Гайдпарке "число оставшихся на полях сражений" в ходе Второй мировой войны советских военнослужащих в 30 миллионов человек. Над такими цифрами иронизировали: "По последним данным потери составили более миллиарда человек..."; "А по самым последним 2 млрд. Ну, а где 2, там и 5. Метод Сванидзе-Говорухина в действии".

Б. Соколов в "Новой газете" от 22 июня 2009 г. опубликовал статью "43 миллиона. Сколько мы потеряли в Великой Отечественной войне и как фальсифицируют историю", в которой утверждает, что Красная Армия потеряла погибшими в войне 26,3 - 29,6 млн. человек, а немецкая армия в 10 раз меньше (2,8 млн. человек). Профессор В. Литвиненко в статье "Изыскания при потере совести" (Советская Россия. 16.07. 2009) уличил его в мошенничестве, невежестве и вопиющей методической и математической безграмотности. Установлено, что на самом деле наши вооруженные силы потеряли в Великой Отечественной войне 8668400 человек. Новейшие исследователи отечественных и западных документов считают, что эти потери составили 8649500 человек. Боевые потери в войне СССР и Германии соотносятся как 1,3:1.

20 июня 2010 г. Интерфакс сообщил, что, отвечая на вопрос, "на ком, по Вашему мнению, лежит основная ответственность за наши многомиллионные потери в этой войне", 30% вспомнили Сталина. 28% россиян считают, что ответственность лежит только на немецкой стороне, 20% - "на коммунистической партии и руководстве СССР", 11% - "на всех вместе". Задав этот же вопрос, Гайдпарк получил такие ответы: 44% на империалистических кругах Запада, отказавшихся вместе с СССР противодействовать фашистской Германии накануне войны; 24% - на коммунистической партии и руководстве СССР; 14% - на Сталине; 6% - на всех вместе; 5% - на немцах-фашистах. Результаты массовой антипатриотической пропаганды компрадорских средств массовой информации налицо.

Глава 54. Был ли "третий" путь?

Идеалы социальной справедливости, свободы, равенства, братства оказались привлекательными для большинства русских людей. У белых была идея великой неделимой России, в гражданскую войну среди них сражалось немало субъективно честных людей. Они опирались на помощь других государств, вмешавшихся в нашу междоусобицу. Казак Григорий Мелехов в эпопее Шолохова "Тихий Дон" размышлял: "...союзники присылают офицеров, танки, вон даже мулов прислали! А потом будут за все это требовать длинный рубль". Он сказал английскому офицеру, прикомандированному к белым: "Езжай-ка ты поскорей домой, пока тебе тут голову не свернули. В наши дела вам незачем мешаться". В этом проявился народный патриотизм, понимание того, что постыдно России быть зависимой от иностранцев.

Григорий мечтал о таких порядках, которые учитывали бы народные представления о справедливом мироустройстве жизни, приносили бы полное нравственное удовлетворение. В своих метаниях, неустанных поисках он пришел к выводу, что путь к такой жизни лежит между белыми и красными. Ему показалось, что стоит казачеству попытаться отвоевать себе независимость от России. Но в действительности казацкую демократию быстро подмяла контрреволюция, сразу же после соединения с повстанцами белые стали наводить свои привычные порядки. Попытка реализовать на деле идею независимого демократического казацкого государства выявила свою бесперспективность. Третьего пути не оказалось.

Шолохов сурово отозвался о генерале Краснове: такие "политические пройдохи" говорили о любви к родине "и одновременно приглашали на донскую землю немецких оккупантов и потом так называемых "союзников" - англичан и французов. Говорили о любви к родине и одновременно торговали кровью казаков, обменивали ее на предметы вооружения для борьбы с советской властью, с русским народом".

К. Новиков обвинил Сталина в том, что в "военном столкновении... возле Пулковских высот" он так испугался "натиска казачьих войск, ...что своего испуга не простил Краснову и через три десятилетия". (Литературная Россия. 10.09. 1993). Но как поверить в это, если казаков разбили, а генерал Краснов попал в плен? Он дал честное слово, что больше не будет участвовать в борьбе против революционного народа, после чего его отпустили, поверив ему, а он свое слово не сдержал.

В. Христофоров в статье "От австрийской Каринтии до подвалов на Лубянке" (Литературная Россия.. 23.01. 1998) пытался обелить П. Краснова и его сподвижников. Статья открывается цитатой из циркулярного письма "Об отношении к казакам", принятого Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г.: "...признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления". Исполнение этой несправедливой, крайне жестокой директивы (через 2 месяца ее отменили, об этом демократы умалчивают) вылилось в уничтожение многих не повинных людей и спровоцировало Вешенское восстание.

Христофоров опечален судьбой "легендарных героев гражданской войны" Краснова, Шкуро, винит английский суд, который потребовал от Н. Толстого-Милославского, написавшего "яркую 500-страничную книгу о насильственной репатриации английскими военными властями многих десятков тысяч российских казаков", возместить моральный ущерб за унижение чести и достоинства английской короны суммой около 3 млн. долларов.

Помощник главного военного прокурора В. Крук считает, что нельзя было судить Краснова за сотрудничество с немцами, "оно ограничивалось лишь во многом декоративной должностью начальника Главного управления казачьих войск. Никакого участия в боевых действиях Краснов не принимал". И далее: "Как лицо без гражданства (он никогда не был гражданином РСФСР), он волен был выбирать любую армию для борьбы с большевизмом. Белый генерал выбрал вермахт. Однако он не попадает под статью об измене Родине..." Такие же - сугубо формальные - зацепки приводит Крук, говоря о других предателях. Все-таки Россия родина или нет для Краснова? И для него не измена - выступать против России в рядах воюющей с нею армии? Крук не понимает, что воюют не только с шашкой в руке. Сколько казачьих душ смутил Краснов своими призывами и подставил их карающему мечу!

В статье Христофорова дважды подчеркнуто слово "добровольно" при описании сдачи 20-тысячного казачьего корпуса генерала Панвица: "В одночасье вся эта людская масса добровольно сдалась английским войскам...". Это было 8 мая 1945 г. Почему же раньше, пока шла война, эта "масса" не сдалась "добровольно"? Теперь говорят, что этот генерал осужден необоснованно: "В соответствии с пунктом "а" статьи 3 Закона РФ "О реабилитации жертв политиче-

ских репрессий" от 18.10. 1991 г. фон Панвица "следует считать реабилитированным". Утверждают, что он и подчиненные ему части не допускали зверств и насилий в отношении мирного советского населения и пленных красноармейцев. Но ранее сообщалось, что со стороны его войск "имели место случаи репрессий в отношении поддерживающих партизан местных жителей", "по согласованию с фон Панвицем были повешены 15 югославских граждан". Н. Краснов, внук П. Краснова, в книге "Незабываемое, 1945 - 1956" (1957) писал о казаках из соединения Панвица: "Они занимались грабежом и бандитизмом на больших дорогах. Они насильовали женщин и жгли селения". Разве за это Панвиц не несет ответственности? Генерал Иодль казнен как военный преступник. Под такое определение подходит и фашистский генерал Панвиц.

Ст. Куняев ответил одной из читательниц: "В журнале "Новый мир", действительно, Солженицын опубликовал свое письмо Елизавете 11, Королеве Великобритании, в котором писал, что "в 1945 и 1946 годах правительство Великобритании и его военное командование, ведшее до того времени, кажется, войну за всеобщую свободу, - по тайному соглашению с администрацией Сталина передали на расправу ему десятки тысяч и даже сотни тысяч беженцев из СССР...". Ранее в "Архипелаге ГУЛАГ" он без сомнений утверждал ту же цифру: "И какой военный и политический резон для них имела сдача на смерть в руки Сталина несколько сот тысяч вооруженных советских граждан, решительно не хотевших сдаваться?" Куняев, приведя цифры из книги Н. Толстого "Жертвы Ялты", написал: "Из всего сказанного Вы сами можете понять, что Солженицын лжет, говоря о "нескольких сотнях тысяч"... Кстати, книга Н. Толстого вышла в 1988 г. в серии под общей редакцией самого Солженицына. Видимо, Александр Исаевич сам забыл о цифрах из книги Н. Толстого и, как это с ним часто бывало, придумал новые. Неправду говорит он также и о том, что все они были "беженцы": многие из них были перебежчиками, изменниками, нарушившими присягу и ставшими под знамена фашистской Германии, и отношение к ним, если принимать законы военного времени, естественно были гораздо более суровым, нежели к обычным немецким военнопленным. Они воевали в рядах врага против своей страны и своего народа. ... никакой "некрасивой сделки" между Сталиным и англичанами не было. Зачем англичанам было заботиться о судьбе наших коллаборационистов да еще воевавших в немецких частях против тех же англичан? ...Так что цифра "несколько сотен тысяч" имеет столь же мифический и пропагандистский смысл, как "60 миллионов" наших граждан, которыми якобы пожертвовал советский режим, чтобы "завалить трупами" немцев, как якобы "десятки миллионов" сидевших в ГУЛАГе, или как "шесть миллионов" евреев, погибших в гитлеровских концлагерях" (Наш современник 2001. № 10. С. 191).

Газета "Сегодня" 08.06.1998 г. сообщила об отдании воинских почестей и церковном поминании Краснова, Шкуро, Даманова, фон Панвица и 10000 казаков и членов их семей, погибших из-за войны. Их защитникам мешает то, что "материалы следствия и суда, хранящиеся в Главной военной прокуратуре РФ, могут быть преданы огласке лишь через 75 лет". Такая практика существует не только в России. 10 мая 1941 г. заместитель Гитлера по нацистской партии Гесс, прилетев в Англию, вел секретные переговоры с ее правительством. Эти материалы - по принятым законам - следует уже обнародовать, но они снова засекречены до 2017 года.

В. Соловьев и Ю. Киршин протестуют против того, что "до сих пор от исследователей скрыты многие документы, связанные с самой кровопролитной войной человечества. ...сокрытие документов - сродни фальсификации, точнее сказать - пассивной фальсификации. Ибо утаивание правды ущербно для исторической науки в не меньшей степени, чем собственно ложная трактовка событий" (Независимое военное обозрение. 25.04. 2008). Дэвид Э. Мерфи, руководитель советского отдела ЦРУ в 1963-1968 гг., в своей книге "Что знал Сталин? Загадка плана Барбаросса" (2009) призвал российское правительство опубликовать все архивные материалы предвоенного периода. Эти мысли стоило бы одобрить, если бы другие государства придерживались такой же позиции, не скрывали важные документы от историков и общественности. Так надо ли нам публично "заголяться", когда правители других стран держат свои тайны за семью печатями?

В начале 2008 г. депутат Госдумы от "Единой России", атаман Всевеликого Войска Донского В. Водолацкий предложил реабилитировать Краснова. Его заместитель по идеологии В. Воронин заявил, что "реабилитация Краснова - это реабилитация всех погибших и репрессированных казаков". В. Бондаренко справедливо возразил: "Немало пострадавших в годы гражданской войны и в период расказачивания, даже из бывших белогвардейцев, из отсидевших в лагерях, позже доблестно сражались в советских казачьих дивизиях. Это признавал и сам генерал Краснов уже в период служения Гитлеру: "Донские казаки не восстали против жидовской власти, они кинулись в безумную атаку на немецкие пулеметы, они погибли за "батюшку Сталина" и за "свою" народную, советскую власть, возглавляемую жидами..." (Завтра. 06.02. 2008).

На НТВ 27 января 2008 г. Воронин, писатель Веллер, епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (Ашурков) сочувственно отнеслись к идее реабилитации Краснова. В годы Великой Отечественной войны Краснов был Начальником Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных территорий Третьего рейха. Бондаренко писал: "С легкой руки умных немцев, иные казаки заявили о том, что они потомки готов, германского племени, и к русскому народу не имеют никакого отношения. Эта вздорная идея о германских корнях каза-

чества приглянулась самому фюреру, который лично 15 апреля 1942 г. разрешил использовать казаков в военных действиях, как "равноправных союзников".

Краснов призывал в своем манифесте 2 июля 1942 г.: "Пока Москва корёжится в судорогах большевизма, и её нужно покорять железной рукой немецкого солдата, - примем с осознанием всей важности и величия подвига самоотречения иную формулу. Единственно жизненную в настоящее время: "Здравствуй, фюрер, в Великой Германии, и мы, казаки, на Тихом Дону". 25 января 1943 г. он в своем обращении призвал казаков воевать с советской Россией, утверждая: "Недуг большевизма поразил в основном русские области России, казачество наиболее стойко противостояло "красной заразе". Спасать здоровое необходимо, жертвуя больным, при этом имея в виду, что наиболее многочисленный больной народ (русский) может поразить народ здоровый". Он внушал казакам: "Помните, вы не русские, вы Казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам. Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою независимую от Москвы жизнь". Показательно, что в гражданскую войну сторонник "единой и неделимой" России генерал Деникин, заняв казачьи области, "приказал повесить на центральной улице Ростова наиболее оголтелых самостийников, борцов за Казакию".

А. Кожедуб рассказал о печальной судьбе советских десантников, заброшенных в тыл врага на Кубани: "Из двадцати десантников в живых остались лишь дядя Вася и испанец Хуан. У испанца были перебиты ноги. Дядя Вася перетащил его в хлев на хуторе, забросал коровьими лепешками, рядом с собой посадил хозяев, деда с бабкой, и держал их на мушке автомата, пока немцы шарили по соседним хуторам. "Один местный сунулся было в хлев, но бабка сказала, что никого у них нет. Всех остальных десантников казачки выдали немцам" (ЛГ.№21-22.2005).

Ю. Квицинский писал: "С появлением немцев в казачьих поселениях вскоре обнаружались большие группы людей, которые быстро обрядились в казачью форму, стали создавать по станицам вооруженные части. Объявился старый полевой атаман Кулаков - друг и сподвижник Шкуро. Он отправился в Полтаву к немецкому командованию, чтобы уговорить начать создание добровольных казачьих частей. В них набирали казаков-станичников, а также добровольцев из лагерей военнопленных. По станицам прокатилась волна "праздников освобождения", немцы разрешали объявлять районы казачьих поселений зонами самообороны. Благодарные отцы-атаманы засыпали немцев подарками, гнали в Германию эшелоны скота и хлеба. Казачьи сотни брали на себя охрану и обеспечение коммуникаций немецких войск... Вместе с немецкими пособниками из числа калмыков они прикрывали фланги растянутых фронтов дивизий вермахта, беспощадно уничтожали разрозненные группы отступавших советских войск, охотно

помогали немцам в разного рода прочесываниях и прочих полицейских акциях" (Отечественные записки. 07.08. 2007). После разгрома немецких войск в районе Сталинграда вместе с ними "бросились бежать и казаки-колaborационисты, прежде всего те, кто сильно замазался сотрудничеством с оккупантами".

Обласканный ельцинско-путинской властью Н. Михалков сочувствует Краснову, он же стал воевать-де против советской армии исключительно потому, что очень хотел увидеть Россию. Исследователь творчества Шолохова К. Прийма встретился с П. Плешаковым, который рассказал об участии своего родственника Анисима: в 1942 году Краснов приезжал на Дон и "вкуче с фашистами повесил его за отказ служить Гитлеру. Верой и правдой когда-то служил Анисим генералу Краснову. Отступал с ним, а в 1922 году вернулся домой" (Литературная газета. 29.07. 1962).

В 1991 году журнал "Север" напечатал роман "Предатель" советолога Р. Редлиха, служившего во время войны в дивизии СС. Публикация предварена хвалебным сопровождением Ю. Линника, ее одобрил М. Макеев в "Новом мире" (1992. № 11). Но рецензента беспокоит, как читатель воспримет восхваление предательства, ему не хочется, чтобы "ответом была гневная отповедь, плевков оскорблением даже от тех, кто больше всех задет системой авторских взглядов". Но как же надо относиться к прислужникам фашистов? Простить измену - и дело с концом? Мы можем так поступить, но погибшие по их вине люди не давали нам права на такой жест, таящий в себе глубокую несправедливость.

Но попытаемся выяснить, какую же "новую правду о нашем горестном прошлом" открывает автор в "великолепной, ...пронзительной в своей правдивости книге большого писателя и мыслителя". Оказывается, "летом сорок первого года немцы продвигались без атак". Но почему они, так комфортно шествуя по России, не вошли в Москву? Для Редлиха нет ни защитников, ни захватчиков, между ними нет разницы. Его "герой" видел, что "все рушится и советской власти конец... За что же воевать-то? За Сталина, за усатого сатану!" Редлих утверждает, что самое страшное для наших людей - "возвращение советской власти". Но как верить в это, если я сам видел, как русские люди со слезами на глазах благодарили нас, солдат, за то, что мы вызволили их из немецкой неволи?

Вот как "герой" Редлиха оказался у немцев: "Я едва догнал их, чтобы наконец сдаться. Я три раза бежал за ними, криком "Сталин капут!" надеясь остановить их". Автор хвалит его за то, что он пришел в плен "добровольно и обрадованно, как на праздник". По его уверению, такие изменники и создали армию Власова. Как кощунство воспринимаю слова Линника: "публикация романа Р. Н. Редлиха "Предатель" в России восстанавливает справедливость по отноше-

нию к миллионам оклеветанных русских людей. Эти люди беззаветно любили Родину". На самом деле они дрожали только за свою продажную шкуру.

"Радио России" в 1992 г. внушало слушателям, что Власов был патриотом: "Смоленская декларация" Комитета освобождения России, принятая в декабре 1942 г., утверждала, что "Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма". Это ложь. Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ" заявил, что Власов был идейным борцом, он мог бы собрать многомиллионную армию, если бы не мешал Гитлер. Поражают утверждения и Г. Калужного: "...было время, когда Власов... мог сформировать в течение нескольких месяцев десятимиллионную армию из советских военнопленных и русских эмигрантов" (Мл.28.09. 1990). Но за всю войну к немцам попало в плен не более 5,27 млн. наших солдат, из них 3,7 млн. погибло в фашистских лагерях. Служить у Власова согласилась очень малая часть военнопленных, остальные предпочли умереть от голода и истязаний гитлеровцев, но не изменять Родине.

Полупьяный Хмельницкий сочинил, что "до четверти состава немецких дивизий, воевавших на Восточном фронте, составляли русские" (Русская мысль. № 4323. 2000). За ложь ему платят доллары хозяева газеты. Но странно звучали слова А. Гурова 22 февраля 2000 года на радиостанции "Маяк" о том, что на стороне Германии воевали 3 млн. граждан Советского Союза. Он забыл, что сначала надо удостовериться в истинности факта и только потом обнародовать его.

М. Семиряга в книге "Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны" (2000) писал, что, по некоторым сведениям, на германских фашистов работало до 1,5 млн. предателей. Комиссия американского генерала Вуда, захватившая документы Управления по делам военнопленных Германии, пришла к выводу: в плен попало 4 млн. советских солдат и офицеров и в гитлеровских формированиях было 100 тыс. человек (Независимая газета.29.10. 1991). Фактически РОА в начале 1945 г. состояла из двух дивизий. Типпельскирх назвал власовскую армию "мертворожденным плодом".

В. Круглов видит корни предательства в "национализации частной собственности после революции" и раскулачивании крестьян во время коллективизации: "Это поколение уже не сможет забыть о своей исковерканной судьбе. ...Власов, вчерашний крестьянский сын из зажиточных, никогда не питал симпатий к советской власти" (Литературная Россия. 31.05. 2002).

Мне рассказали, что в начале войны во время проводов мужчин в армию наша соседка, отцу которой нанесли обиду во время коллективизации, провожая мужа, будто бы сказала ему: "Не воюй за эту власть, сдайся в плен". Через полгода прокатилась по деревне печальная молва: на самом деле он попал в плен, то ли добровольно, то ли так несчастливо сложились обстоя-

тельства, и вместе с другими пленными немцы при отступлении заперли его в конюшне, подожгли ее и, и все они сгорели в огне.

Неправомерно делать упор на крестьянском происхождении Власова при выяснении истоков его измены. Потомки крестьян, "пострадавших в свое время" от советской власти, Горбачев, Ельцин действительно осуществили то, за что боролся Власов. Связь этих предателей с "заслугами" власовцев верна. Но направляли их либералы-западники, "почувствовавшие власть собственности". По сути дела об их деяниях писал Круглов: "Они пойдут на сговор хоть с НАТО, хоть с чертом ради своей собственности, если видят в ее умножении смысл жизни. Любой ценой, ссылаясь при этом на необходимость защиты свободы и прав человека".

Крестьяне не разваливали СССР, не выступали против советского строя, демократы указами сверху рушили колхозы вопреки их желанию. Чтобы понять, кто продолжил дело Власова, я просмотрел книгу "Отчизны верные сыны. Писатели России - участники Великой Отечественной войны" (2000). Выяснилось, что родившиеся в деревне писатели М. Алексеев, В. Бушин, П. Выходцев, Л. Ершов, С. Викулов, Е. Исаев, В. Кочетков, М. Лобанов, И. Швецов, С. Шуртков выступили против буржуазного переворота 1991-1993 гг. Уроженцы же городов либералы А. Ананьев, Г. Бакланов, А. Борщаговский, Б. Васильев, Д. Гранин, Д. Данин, В. Кардин, Л. Копелев, Ю. Левитанский, С. Липкин, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, А. Рыбаков активно поддержали его. Такое политическое размежевание наблюдается и в более молодом поколении литераторов.

Владимов в статье "Новое следствие, приговор старый" сожалел, что Гудериан и Власов во время войны не встретились и не объединились для того, чтобы "ударить по России" (Знамя. 1994. № 8). В романе "Генерал и его армия" он писал о Власове: "человеку с таким лицом можно было довериться безоглядно". Солженицын, преследуя политические цели, восхваляет роман "Генерал и его армия": "Автор имеет честность и мужество назвать его (и показать это) "подмосковным спасителем", ему отдает, по заслуге, поворот всех боев под Москвой: "Он навсегда входил в историю спасителем русской столицы, куда четыре года спустя привезут его судить и казнить"; "из такого можно было сделать народного вождя" (Новый мир. 2004. № 2. С. 145). В. Петушков пишет о высокой "командирской выучке" Власова: "один контрудар под Москвой чего стоит" Е. Данилов назвал его "талантливым полководцем, спасителем Москвы" (Независимая газета. 10.03. 2005).

Но следует знать, что Власов командовал 20-й армией около месяца, остальное время лечился в госпитале после ранения. "Ни в формировании 20-й армии, действовавшей в декабре на солнчегорско-волоколамском направлении (он был назначен 20 ноября 1941 года командую-

щим этой армией), ни в тяжелейших оборонительных боях под Москвой, ни в первом периоде наступления под Москвой (5-19 дек. 1941 г.) Власов не участвовал: был болен" (В. Федин).

Петушков лгал, заявляя, что переход на сторону немцев имел для Власова "сакральный, неполитический характер", что он "стремился служить чему-то высокому, итоговому на земле" и по сути не участвовал "в войне против своих". Участвовал. Вопреки истине Петушков считает, что "никакой личной выгоды в сотрудничестве с немцами Власов не искал" (Литературная Россия. 26.07. 2002). На самом деле его пугал путь Карбышева и других советских военнопленных, гибнувших от голода и издевательств в фашистских лагерях.

Петушков уверяет, что советский режим "сеет смерть среди людей, обрекая их на духовное опустошение", это "бесчеловечный, дьявольский Молох, перемалывающий миллионы тех самых оболваненных масс, которые с молоком матери впитали в себя "сталинский патриотизм" и в глубине души жаждут избавления. Власов и рассчитывал выступить такого рода избавителем от гнета, от пережестывающей через край тирании. ...В Гитлере он увидел лишь благоприятный способ избавить свой заблудший народ от мрака и духовного вырождения. ...Подвинуть Россию стряхнуть оковы, стать свободной... Чем дальше его демарш отодвигается во времени, тем решительней мы склонны оправдывать неблагоприятные действия с высоты нашего нового, более изощренного понимания".

Более "изощренно" и более гнусно фальсифицировать Отечественную войну невозможно. Неужели Петушков не знает, что несли с собой фашисты, какое будущее было бы у России в случае их победы? Петушков пишет о тех "слепцах", которые, "стиснув зубы, продолжали оставаться в окопах, тем самым поддерживая преступную власть. Которые не прониклись более поздней, грядущей истиной о том, что успех в войне приведет не к тем результатам, и тот, кто отказался в ней участвовать, оказывается, достоин восхищения". Он полагает, что "мотив подвига может быть насквозь эгоистичен... Мотив же предательства, наоборот, "благороден" (предвидение, что победивший антинародный режим принесет людям океан новых бед)". Клеветник Петушков назвал солдат Отечественной войны "слепцами", наши подвиги, оказывается, были "насквозь эгоистичными". Вот такой бред печатает "Литературная Россия", 27 декабря 2002 г. она объявила, что Петушков стал ее лауреатом, главным его успехом названа эта шизофреническая статья.

Скажу немного о юных "слепцах". На семинаре комсогов 29 гвардейской стрелковой дивизии выступил политработник из штаба 10 гвардейской армии, и он, в частности, отметил, что сейчас трудно подобрать офицеру денщика: молодые солдаты, закончившие хотя бы семилетку, не хотят прислуживать кому-либо. После окончания ускоренного курса обучения в Днепропет-

ровском артучилище мне, младшему лейтенанту, в штабе Третьего Украинского фронта предложили занять должность адъютанта командира бригады, но я решительно отверг эту возможность и попросил назначить меня командиром огневого взвода. Мне тогда казалось, что работа адъютанта сопряжена с прислуживанием...

Советская власть укрепила в людях чувство собственного достоинства. Петушкову не нравится определение "советский патриотизм", ему понадобилось назвать его "сталинским". Но такой патриотизм был присущ и философу Бердяеву, и писателю Бунину, и многим бывшим белоэмигрантам, ранее боровшимся с большевистским режимом, и, конечно, подавляющей массе наших людей.

Какой же "океан новых бед" после нашей победы принесла советская власть? Нашему народному хозяйству война нанесла ужасный ущерб. Восстановление его жизни проходило в очень тяжелых условиях. Во время войны немцы разрушили 1710 наших городов, 70000 сел и деревень, уничтожили 32000 промышленных предприятий. Но уже в 1947 г. в СССР отменили карточную систему. В 1950 г. довоенный уровень (1940 г.) по валовой продукции промышленности был превышен на 73%, национальный доход - на 64%.

Наш народ получил свыше сорока лет мирной жизни, СССР стал великой державой, с его голосом не могло не считаться ни одно государство, из года в год улучшалось материальное положение трудящихся, многое делалось в сфере науки, образования, культуры. По данным ВЦИОМ, в 2000 году почти 80% населения считали, что при "брежневском застое" люди жили комфортнее, чем в нынешних условиях.

В путаных статьях "Кто он, генерал Власов?" (Литературная Россия. 17.05. 2002) и "Давайте разберемся" (Литературная Россия. 28.06. 2002) В. Мусатов пытался убедить читателей, что Власов не был предателем, потому что он не сразу сдался в плен, сначала воевал с немцами. Странное доказательство. Действительно, он поднял руки тогда, когда испугался ответственности за разгром возглавляемой им 2-й ударной армии. По Мусатову, "единственная ошибка генерала Власова ...то, что он чересчур полагал использовать поддержку немцев". Но логика войны неумолима: либо будь верен Родине и сопротивляйся врагу, либо изменяй ей и становись его пособником.

О том, в какой обстановке Власов сдался немцам, стало известно из записей в трофейных документах. Это случилось 11 июля 1942 г. В дневнике немецкого офицера "записано, что Власов сидел в избе, спокойно ожидая появления немцев. Когда они вошли в горницу, он закричал: "Не стреляйте, я - генерал Власов!" "...можно предположить, что трудное положение, в которое попали войска, возможность наказания за поражение парализовали волю Власова. И в этой кри-

тической ситуации инстинкт самосохранения оказался выше долга солдата и гражданина. Ради спасения собственной жизни Власов бросил вверенные ему войска на произвол судьбы" (В. Чернухин. Советская Россия. 05.10. 1991). Мерецков на вопрос: "как же все-таки случилось, что Власов оказался предателем?" ответил, что "Власов был беспринципным карьеристом". Власов сам напросился на сотрудничество с фашистами. 3 августа 1942 года в письме к германским властям он выразил свою готовность бороться против советской власти.

Фашисты несли с собой смерть и порабощение. Воевать вместе с ними - значило изменять Родине. В памятке германскому солдату и офицеру говорилось: "...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, - убивай, этим ты спасешь от гибели себя, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься на века". Гитлер в начале войны объявил, что надо лишить восточные народы "какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры... Эти народы имеют одно-единственное оправдание своего существования - быть полезным для нас в экономическом отношении" (Правда. 24.06. 1991). Вот какой жизни хотят для нас те "демократы", которые откровенничали: "Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше бы - в 1941-м!".

Мусатов сожалел о том, что Германия и власовцы потерпели поражение. Оторвавшись от реальной обстановки, он рисует фантастическую картину их победы: "И был бы у нас совсем другой 1945 год, гораздо более полезный для России". В этом случае Власов бы обратился "к немцам, вы, господа фашисты, свое дело сделали и гуляйте в свои пределы, иначе моя армия выступит против вас, меня поддержит все население". Мусатов спросил: "Разве не мог такой сценарий иметь место?" Ни в коем случае не мог. Этому мешало всенародное сопротивление советских людей врагу, а жалкое сборище власовцев контролировало немецкое командование, у них не было возможности выступать в качестве самостоятельной военной и политической силы.

В. Филатов в статье "Сколько было лиц у генерала Власова?" заявил, что было сформировано целых 50 власовских дивизий, в 1943 году они находились на Курской дуге, потом "немцы сняли с советско-германского фронта до миллиона русских "добровольцев" и перебросили их на запад" (Молодая гвардия. 1995. № 4-8. С. 45). В боях с ними "американцы потеряли почти 500 тысяч солдат и офицеров". Но известно, что США потеряли на войне 405000, а Англия - 375000 военнослужащих.

Филатов утверждал, что Власов "до конца дней своих только защищал Россию", с ним связана "умная и талантливая, многовариантная и психологически точно выверенная" наша по-

беда. Он, мол, сдался в плен по приказу высших советских руководителей, его действиями руководила Москва, Жуков "точно знал, что Власов делал великое русское дело", предателем Родины он "был только в пропаганде сионистов". Налицо попытка создать из гитлеровского холуя героя России. Эта фантастическая концепция лишена достоверной опоры, стала игрой безответственного воображения. Выдвигать ее можно только при плохом знании летней обстановки 1942 года, она была не менее опасной, чем в 1941-м.

Власов, сотрудничая с фашистами, проводил разрушительную работу, разъединял русских людей в политическом плане. Уверяя, что он был "мужественным человеком", "выдающимся дипломатом", Авторханов увидел его заслугу в том, что он "спас от верной гибели миллионы советских военнопленных" (Октябрь. 1992. № 10). А в действительности призывы Власова (от его имени выпустили 100 миллионов экземпляров листовок) выступить против советской власти мучили души неустойчивых солдат, это не спасало, а губило их, помогало врагу вести войну, приводило к нашим дополнительным жертвам. Советские командиры проводили немалую работу в войсках, чтобы нейтрализовать влияние листовок, где Власов был снят вместе с немецкими генералами (на фронте я читал их), где призывали нас переходить на сторону врага и бороться с советским режимом.

Н. Калинин, у которого "отец во время оккупации был полицаем" и ушел с немцами, полагает, что объективный приговор Власову "вынесет время, которое еще не настало": "Полуправда войны связала нас по рукам и ногам... Эта полуправда в каждом участнике боев" (Известия. 07.07. 1998). Выходит, полную правду постигли только те, у кого отцы служили фашистам. Организация "За веру и Отечество" безуспешно инициировала пересмотр дела Власова. "Московский комсомолец" выразил сочувствие тем, кто считает, что он заслуживает частичной реабилитации: "Власов, как и другие военнопленные, не мог рассчитывать на безопасное возвращение в Красную армию. Ведь сам факт попадания в плен уже считался изменой, и на родине генерала ждал либо расстрел, либо 25 лет каторжных работ" (29.06. 2000). Что Власов заслужил, то и получил. Как уже отмечалось, более миллиона наших военнослужащих, побывавших в плену, вернулись в Советскую армию.

В начале мая 1945 г. группа чешских офицеров "подписала с командиром 1-й дивизии РОА Буняченко соглашение о совместной борьбе с большевизмом и фашизмом" (Литературная газета. № 19. 2007). 5 мая повстанцы захватили радио Праги и призвали чехов выступить против оккупантов. "Радио Праги взывало к 1-й дивизии РОА: "Власовцы! Вы же - славяне, вы же - русские люди. Помогите нам! Спасите нас!" Вечером 6 мая власовцы вошли в город. Немецкий историк И. Хоффман в "Истории власовской армии" (1986) пишет: "1-я дивизия рассекла Прагу

на две части. Во многих местах солдатам РОА приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление, драться буквально за каждый дом". Затем случилось неожиданное. Чешский национальный совет подписал с немецким комендантом генералом Туссенем "двухстороннее соглашение, вступившее в силу с 18.00 8 мая". Оно обеспечивало немецким войскам беспрепятственный отход из Праги на запад до вступления туда советских частей. К вечеру 7 мая, когда нужда во власовцах отпала, пражское радио заявило, "что действия генерала Власова и его частей против немецких войск являются личным делом этих частей, а ЧНС не имеет с ними никакого политического соглашения". Как будто и не было соглашения, подписанного с Буняченко. Произошла метаморфоза. "Утром 8 мая дивизия Буняченко покидала город под злобными взглядами и оскорбительными выкриками тех, кого она спасала. Около 300 власовцев осталось лежать на пражских кладбищах, а более 200 раненых - в городских больницах и госпиталях" (А. Кондрашов).

В книге "Великая война и несостоявшийся мир 1941-1945-1994; Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям" (1999) В. Похлебкин писал, что Власов "сдался американским войскам" и был выдан СССР. На самом деле Власов прибыл в Прагу по приказу генерала Шернера, понял, что он не в силах управлять своими войсками, и решил бежать на Запад, но советский капитан М. Якушев, командир мотострелкового батальона 162-й танковой бригады, обнаружил его и арестовал.

Из Праги в эфир летели просьбы: "Мы обращаемся с пламенным призывом к героической Красной Армии: пошлите нам на помощь танки и самолеты. Мы будем сражаться до последнего издыхания, но нам нужна ваша помощь. Не дайте погибнуть нашему городу - Праге". Советские войска вошли в Прагу 9 мая. И. Конев писал: "И в то время как на одних улицах наших танкистов встречало торжествующее пражское население, на других, особенно окраинных, танковые экипажи вынуждены были с ходу вступать в бой и выбивать из Праги фашистов" (Новый мир. 1965. № 7. С. 128). На Ольшанском кладбище похоронено 436 наших соотечественников, на других погостах Праги покоится еще около 400 советских солдат. И на большинстве надгробий дата - 9. 05. 1945".

Как согласовать с этой датой утверждение Тейлора: "Прага была спасена русскими - не Советской Армией, а предателями. Советские войска лишь 12 мая вступили в Прагу"? (С. 544). Президент В. Гавел 5 мая 1995 г. сказал: "До недавнего времени от общественности, и особенно от молодежи, скрывались некоторые обстоятельства нашего освобождения. Поэтому сегодня надо ясно и публично заявить, что, хотя сталинский Советский Союз ценой огромных и отчасти

даже излишних потерь освободил большую часть нашей страны, эта акция сопровождалась весьма неблагоприятным стремлением заменить одно иго другим". Так подло, кощунственно он отозвался о подвиге наших воинов, освободителей Чехии.

Г. Попов издал книгу "Вызываю дух генерала Власова" (2008), в которой поставил вопрос о полной реабилитации этого предателя. Он нашел большие заслуги у Власова перед теми, кто совершил антинародную контрреволюцию и захватил народные богатства. Попов обращается к духу генерала: "В вас я вижу предтечу антисоциалистической народной революции 1989-1991 годов. Вы были родоначальником того варианта антисталинизма и антисоветизма, который основан на идеях, актуальных и сейчас. И пока наше современное демократическое движение не осознает своего родства именно с вами, оно не будет прочным и перспективным".

"Независимая газета", "Московский комсомолец" и другие издания с сочувствием преподносили Власова, Краснова, пропагандировали книги Резуна "Ледокол", "День "М", "Аквариум", "Контроль", "Освободитель", вытравливающие чувство патриотизма у наших людей. Либералы защищают предателей потому, что для них борьба с советской властью стала ширмой для борьбы с Россией, их пораженческие позиции в ходе холодной войны стали государственной изменой. Бывший генерал КГБ О. Калугин выдал секретную информацию и наших разведчиков - и за это был расхвален "Комсомольской правдой" и "АиФ", он показал-де "образец служения народу". Теперь Калугин, обосновавшийся в США и получивший американское гражданство, осужден российским судом на 15 лет лишения свободы за государственную измену.

Да, "тяжело видеть героев, которых называют преступниками, и преступников, прославляемых как героев" (В. Путин). Но можно предсказать, что антипатриотической прессе не удастся - при всех ее ухищрениях - полностью оправдать в народном сознании предателей Родины.

Глава 49. Война и писатели эмиграции

Н. Бердяев писал: "Вторжение немцев в русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась смертельной опасности, она могла быть расчленена и порабощена. ...Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной армии". Бердяев не соглашался встречаться с людьми, желающими победы Германии, считая их изменниками. Он вспоминал: "В русской среде в Париже были элементы германофильские, которые ждали от Гитлера освобождения от большевизма. Это вызывало во мне глубокое отвращение" (Бердяев Н. Самопознание. 1991. С. 335).

Наша соотечественница Марина Марутаева, жена русского эмигранта, мать двоих сыновей, проживая в Бельгии, в 1939 г. получила советский паспорт, мечтала вернуться на родину, в СССР, но оккупация Бельгии Германией в 1940 году нарушила этот план. Она и ее муж Юрий вступили в ряды Бельгийской армии партизан. "8 декабря 1941 г. перед зданием немецкой комендатуры она ударом ножа смертельно ранила майора - заместителя военного коменданта Брюсселя. Пользуясь толкотней и растерянностью немцев, вскочила в трамвай и уехала незамеченной. В ответ 9 декабря в Брюсселе фашистами было захвачено 60 заложников. Немецкое командование заявило, что если до 17 декабря убийца не будет найден, всех заложников расстреляют. Она - мать двух малолетних сыновей ...16 декабря отправилась в центр города, чтобы сдаться. И, увидев первого попавшегося немецкого офицера, ударила его ножом. Марину схватили. В окружившей ее толпе Марина заявила, что она русская и что это она убила немецкого майора" (Советская Россия 30.11. 2006).

В 1923 г. всемирно известный ученый П. Сорокин принял гражданство США, он, "как и многие русские в годы войны, восхищался героизмом Красной Армии и советского народа" (А. А. Громько. Памятное. Т.1. С. 191). П. Н. Милюков в газете "Последние новости", выходившей в Париже, 23 июня 1941 г. писал: "Все мы, кто сражался под белыми знаменами в Гражданскую войну, должны встать на защиту Советского Союза и Сталина. Если мы это не сделаем, мы предадим свои идеалы, за которые боролись в Гражданскую войну" (Литературная газета. № 26. 2009). "Единая и неделимая Россия" - такой был лозунг белых.

Твардовский считал эмиграцию "поистине трагическим рубежом в биографии Бунина, порвавшего навсегда с родной русской землей, которой он был, как редко кто, привязан "любовью до боли сердечной". 20 сентября 1959 г. Твардовский написал, имея в виду его "Воспоминания" и "Темные аллеи", о "непристойных и недостойных большого писателя высказываниях и замечаниях по адресу Советской власти, Ленина и др. ...Странно думать, что многие эти штучки писались во время войны - где же раздумья старого писателя о судьбах Родины, России, человечества...". Это суждение грешит односторонностью.

И. Бунин остро переживал поражения Советской армии, радовался ее победам. Он написал в дневнике 13 июля 1941 г.: "Взят Витебск. Больно...". Когда советские самолеты подвергли бомбардировке Берлин, он с радостью отозвался на это 9 августа 1941 г.: "Наши бомбили Берлин. Намяли русские холку фашистам, еще не то будет - Красная армия в Берлин еще придет! Я вам прежде говорил, что так оно и будет!". 23 июня 1944 г.: "Взяли Псков. Освобождена уже вся Россия! Совершенно истинно гигантское дело!"

В. Солоухин писал, что Бунин "дал себя уговорить и посетил советское посольство во время приема по случаю Победы в мае 1945 года ...и никогда не мог простить себе этой слабости. Ведь там... был поднят тост за... Сталина... и что же было делать Бунину: поднимать бокал или не поднимать, пить или не пить? ...Нигде не зафиксировано документально и мемуарно: выпил Бунин за Сталина или демонстративно поставил бокал" (Наш современник. 1997. № 7. С. 38). Однако Симонов, встречавшийся с Буниным, утверждал, что "в сорок шестом году Сталин был для него после победы над немцами национальным героем России во всей ее единности и неделимости" (Знамя. 1988. № 3. С. 48).

Из дневника Бунина известно, что он беспокоился за жизнь Сталина, когда тот в 1943 г. выехал в Тегеран на конференцию: "Нет, вы подумайте до чего дошло - Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай Бог, чего в дороге не случилось..." (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 398). "Война потрясла и испугала Бунина: испугала за участь России на десятилетия и даже столетия вперед, и этот глубинный страх заслонил в его сознании все то, что в советском строе по-прежнему оставалось для него неприемлемо" (С. 24). Великий писатель, не принявший Октябрьскую революцию и большевистский режим, понимал, что гибель Сталина в то время отрицательно скажется на ходе войны.

Это осознавал и всемирно известный ученый В. Вернадский, записавший в своем дневнике 16 ноября 1941 г.: "...смерть Сталина может свергнуть страну в неизвестное" (Литературная Россия.. 12.03. 1993). Он определил 5 августа 1941 г.: "Сейчас исторически ясно, что, несмотря на многие грехи и ненужные - их разлагающие жестокости, ...они (большевики) вывели Россию на новый путь. ...есть все основания думать, что борьба с Гитлером кончится победой, - исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути" (Литературная газета. 16.03. 1988).

В. Агеносов в статье "Прокляты и забыты" (Литературная газета. № 44. 2005) очень озабочен судьбой русских писателей второй эмиграции. Это он связал с участием военнопленных и подчеркнул, что литературоведу С. И. Шешекову повезло: избежал советского ГУЛАГАа, защитил докторскую диссертацию, ему "позволили, хотя и не без сопротивления, издать ставшую литературоведческой сенсацией книгу "Неистовые ревнители". И даже наградили орденом Трудового Красного Знамени. Правда, орден Ленина не дали: все-таки был в плену". Слова - "не без сопротивления", "орден Ленина не дали": "все-таки был в плену" можно отнести к стремлению автора найти не истину, а услужить власти. Мало ли книг выходило у нас "не без сопротивления" чиновников? И плен при этом не играл никакой роли.

В книге бывшего главного редактора журнала "Наш современник" С. Викулова "На русском направлении" есть немало фактов, свидетельствующих о том, как подчас ему было трудно

пробить препоны цензуры, чтобы напечатать произведение острого социального содержания. Коснемся награждения. Чтобы прояснить тенденциозность Агеносова, отмечу: для научного изучения литературы и воспитания студенчества очень много сделали (не меньше С. И. Шешукова) отважно воевавшие и избежавшие плена профессора П. С. Выходцев и Л. Ф. Ершов, но их весьма плодотворный труд не отметили никакими наградами.

Агеносов нагоняет страсти: "Американские и британские солдаты загоняли людей в машины и везли к поездам, где доставленных ожидали составы, прямиком отправляющиеся в Гулаг. Стоны и плач сопровождали эти картины". Но я сам видел, как в Австрии американцы привозили на автомашинах в город Леобен наших военнопленных, они были рады встрече со своей армией. Художественная самодеятельность из бывших военнопленных выступила перед нами. Среди них был молодой поэт, прочитавший нам свои патриотические стихи. Агеносов прибегнул к "натяжкам" для утверждения либеральной "правды" о советском злодействе: "Другим бывшим военнопленным повезло меньше. Одни прямо из фашистских лагерей переместились в советские. Другие отправились в штрафные батальоны кровью смывать несуществующую вину". Почему он полагает, что у тех, кого наказывали, не было вины?

В учебнике "Русская литература XX века" под редакцией С. Тиминой написано о послевоенных невозвращенцах: "Новые литераторы-эмигранты принесли с собой страшный человеческий опыт жизни в тоталитарной стране - почти у всех за плечами были пережитые репрессии: аресты, заключения и тюрьмы и лагеря, ссылки или жизнь на полулегальном положении. Все они сделали свой выбор, став эмигрантами". Здесь использован надоевший мотив: Родина виновата в том, что они помогали врагам. Истинные патриоты не мстили своему народу и государству, если даже они терпели от власти несправедливости. Маршалы К. Рокоссовский, К. Мерецков, генерал А. Горбатов, писатель В. Карпов безвинно сидели в тюрьме, но им в голову не приходило изменить своей родине.

Многие из эмигрантов второй волны сотрудничали с фашистами и бежали вместе с ними. После разгрома Германии они, получая доллары за служение Западу, боролись с Россией. В. Максимов рассказывал, как под видом Фонда Шпрингера его журнал "Континент" финансировали спецслужбы. Да и "посевовцы" из НТС немало "порассказывали о благотворительных фондах, используемых спецслужбами Запада, дабы идеологически влиять на наших сограждан" (День литературы. 16.01.2001). В. Аксенов играл роль подсадной утки в руках американских спецслужб, они отказались от него, когда США при помощи диссидентов и клики - Горбачев, Яковлев, Ельцин - выполнили свою стратегическую задачу по развалу СССР.

Агеносов пишет, что мы "не вспоминаем о тех, кто не по своей вине оказался в неволе, а затем на чужбине". Как это понять? Кто хотел вернуться на родину, тот это мог сделать. В Аргументах и фактах (2003. № 21) сообщили о судьбе И. Кирилова, который после неудачных побегов из немецкого плена оказался в Освенциме, его освободили американцы, обрядили в форму армии США, решили сделать его - вместе с другими русскими пленными - американским солдатом. В лагерь прибыл советский майор, встретившийся с ними. Он "произнес перед строем соотечественников короткую речь, которую закончил словами: "Кто хочет вернуться на Родину - два шага вперед". Вперед шагнули все триста человек... Иван Кирилов два года после освобождения служил в советской части, стоящей в Германии".

Агеносов порицает советскую власть и союзников: "На родине оставшихся в эмиграции заклеями кличкой предателей, на Западе о них предпочитали не говорить: слишком позорны были для западной демократии массовые насильственные выдачи советских военнопленных..., оказавшихся в лагерях на территории оккупационных войск США и Великобритании органам НКВД". Среди этих эмигрантов были и такие, по вине которых проливалась русская кровь. Разве они не были предателями? Никакого позора и вероломства со стороны англичан и американцев не было в том, что после окончания войны они - согласно требованиям Ялтинского соглашения, союзнических обязательств - передали нашим властям белоэмигрантов и казаков, воевавших против СССР. Многие из них нарушили военную присягу и стали под фашистские знамена. Они воевали против своей страны и своего народа. Англичанам не было нужды заботиться о судьбе наших предателей, воевавших в немецких частях и против них.

Агеносов недоволен тем, что "уже несколько лет лежит в одном из издательств панорамный, почти детективный роман Владимира Юрасова "Параллакс", рассказывающий о трудной судьбе советского офицера, оказавшегося после войны в Германии, и его семьи в России". А сколько не опубликовано произведений бывших фронтовиков, живущих в России? Он ставит "вопрос перед Академией наук о создании специальной программы изучения творчества наших соотечественников, оказавшихся за рубежом в годы Второй мировой войны?! Большинство из них уже нет на свете. Они так и умерли, проклятые и забытые своей Родиной. Тем более важно выполнить наш долг перед их памятью".

В чем же мой долг и моя вина перед предателями? Или вина моего отца, погибшего, возможно, от пули одного из тех, о ком печется Агеносов? Почему он не проявляет заботы о советских поэтах, участниках войны? А. Михайлов писал: "Что-то неудержимо вновь потянуло к стихам Федора Сухова, Сергея Орлова, Павла Шубина... Но с горечью обнаружил, что почти все поэты фронтового поколения ныне почти забыты. А ведь это была славная русская литера-

тура" (Литературная Россия. 26.05. 2000). "Было 60-летие Победы, мы столкнулись с тем, что невозможно найти "Василия Теркина". В нашей школьной библиотеке этого текста нет" (Е. Мирошниченко).

После публикации моей статьи "Почему надо заботиться о предателях?" (Советская Россия. 19.01. 2006) Агеносов в "Литгазете" (2006. № 20), не вступая со мной в прямую полемику, напечатал статью под демонстративным названием "Мощь второй волны", в которой хвалит книгу М. Бабичевой "Писатели второй волны русской эмиграции: Библиографические очерки" (2005). Деньги на такие работы найдутся, как нашлись на книги, восхваляющие предателя Власова. Агеносов призывает: "Пора прекращать разговоры о малозначимости литературы послевоенной эмиграции!". Правда, он критически отнесся к утверждению Бабичевой о том, что "Теркин после войны" В. Юрасова является "выдающимся стихотворным произведением". Отметим: этот опус был издан в Нью-Йорке, в нем цитируется Твардовский и добавляется строфа: " - Может, в лагерь посадили - // Нынче Теркиным нельзя... // В сорок пятом, - говорили, // Что на Запад подался". На эти прибавления Твардовский отозвался: "Эта кощунственная попытка судьбу заслуженного советского воина, героя-победителя уподобить - хотя бы предположительно - своей презренной биографии перебежчика, изменника родины, естественно, способна вызвать только омерзение".

Но подобные ляпы, говорящие об антисоветской и антирусской направленности работы Бабичевой, по мысли Агеносова, "не снижают огромной значимости книги". Он надеется, "что вскоре появятся новые работы как Майи Бабичевой, так и других исследователей этого материка русской литературы". Конечно, появятся, потому что олигархам и правящей антинародной верхушке нужны работы, чернящие советский строй. Но надо вникнуть в положение Агеносова: он же консультант фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, ездил в составе делегации писателей в Китай. Если он не будет хулить советский строй, то может лишиться предоставленных ему привилегий. Ведь не случайно в состав делегации, поехавший в Китай, не вошел ни один из членов Союза писателей России. В нее попали В. Агеносов, В. Аксенов, А. Архангельский, Дм. Быков, А. Варламов, Р. Казакова, В. Маканин, Э. Радзинский...

Глава 50. Поражение в холодной войне

Недрузи России пишут, что "Североатлантический союз НАТО возник в ответ на угрозу агрессии СССР в Европе". "История войн" повторяет привычную для Запада мысль: "холодная война, жестокость и насилие и еще многие негативные события послевоенного периода связаны со скрытым международным коммунизмом". Г. Попов в книге "1941-1945. Заметки о войне" ут-

верждает: "сталинская экспансия социализма" "заставила демократические страны Запада начать "холодную войну" для отражения сталинской агрессии". По заявлению А. Мерцалова, "имперские тенденции сталинской дипломатии, общая ее профессиональная ограниченность явилась одной из предпосылок возникновения "холодной войны" (Коммунист. 1990. № 6. С. 56). В. Путин убеждал: "После войны мы так напугали своей мощью западные страны, что они поспешили объединиться в Североатлантический союз". Чем же СССР напугал их? Тем, что спас мир от фашистской чумы? Или тем, что за несколько лет после ужасной по людским потерям и разрушениям войны восстановил свою экономику?

Чтобы понять, кто развязал холодную, вспомним ряд фактов. Г. Гопкинс, советник Рузвельта, записал в 1945 году, что кое-кому за океаном "очень хотелось, чтобы наши (американские) армии, пройдя через Германию, начали войну с Россией после поражения Германии". Жуков в Берлине принял американского генерала Паттона, который после встречи с маршалом отметил, что у Жукова "доисторическая нижняя челюсть, как у обезьяны". Тогда "доисторический" по своей убогой нравственности Паттон записал в своем дневнике: "Я не слишком заинтересован в достижении понимания с русскими, разве убедиться, сколько нужно свинца или железа, чтобы перебить их". Он предлагал направить войска США через Польшу и Украину к Сталинграду, чтобы завершить войну там, где потерпела поражение 6-я армия Гитлера.

9 мая 1945 г., в день празднования долгожданной Победы, американский корреспондент Р. Паркер встретился в Москве с главным советником посольства США Дж. Кеннаном: "Он молча наблюдал за толпой ликующих людей, по праву гордившихся своей страной, армией и их вождем-генералиссимусом. Я заметил на лице Кеннана странно-раздраженное выражение. Бросив последний взгляд на людей, он, отойдя от окна, злобно сказал: "Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается" (Бомье Ж. От Гитлера до Трумена. 1951).

25 марта 1945 г. в последнем послании к конгрессу США Ф. Рузвельт говорил: либо американцы возьмут на себя ответственность за международное сотрудничество - в выполнении решений Тегерана и Ялты, либо они будут нести ответственность за новый мировой конфликт. После его смерти Г. Трумэн и его окружение полагали, что пора подводить черту под антигитлеровской коалицией. Они рассчитывали использовать огромное экономическое превосходство и военную мощь США для того, чтобы вторая половина XX столетия стала "американским веком".

Дж. Грю, помощник госсекретаря США, 19 мая 1945 г. направил Трумэну меморандум, в котором утверждалось: "Если есть что-то в мире неотвратимое, то таким неотвратимым является война между США и Советским Союзом"; "Гораздо лучше и надежнее иметь столкновение

прежде, чем Россия сможет провести восстановительные работы и развить свой огромный потенциал военной, экономической и территориальной мощи". Грю рекомендовал "ужесточить американскую политику по отношению к Советской России по всем линиям". В таком плане и пошел демонтаж важнейших обязательств США по тегеранским и ялтинским соглашениям.

А. Тейлор, считая, что "обвинение американцев в агрессивности имело больше оснований", указал: "Все действия Сталина во время войны, например во Франции, в Италии, Китае, показывали, что любое распространение коммунизма за пределы сферы влияния Советской России было для него совершенно неприемлемо. Установление коммунистического правления в государствах, граничивших с Россией, было следствием "холодной войны" (Вторая мировая война: два взгляда. С. 554).

5 марта 1946 г. Черчилль в американском городе Фултоне выступил с демагогической речью, в которой говорил: "Война и тирания опять угрожает миру. От Штеттине на Балтике до Триеста на Адриатике опустился железный занавес. За этим занавесом Советский Союз уничтожает свободу и демократию". Черчилль обвинил СССР в том, что он "стремится к неограниченной экспансии своей силы и своей доктрины", и заявил, что США и Англия обязаны спасти западную цивилизацию от тоталитаризма.

Г. Попов в книге "1941-1945. Заметки о войне" заявил, что "заключительный этап Отечественной войны Сталин сделал первым этапом уже новой "холодной войны", началом подготовки к третьей мировой войне". К. Закорецкий в книге "Третья мировая война Сталина" и гайдпаркер Е. Родин, союзники Резуна, тоже тщились доказать, что с первых дней окончания Второй мировой войны Сталин стал готовить Третью мировую. Они вырывают из мирового общеполитического контекста отдельные факты и пытаются выстроить лживую концепцию. Эти писуны полагают, что фултонская речь Черчилля не сыграла никакой роли в начале "холодной войны": "Он не был должностным лицом Великобритании и высказывал свое личное мнение. Правящая лейбористская партия не поддержала Черчилля. Постулаты фултонской речи отверг и президент США Трумэн".

Говорить, что эта речь Черчилля была только личным его мнением, - значит принимать читателей за идиотов и унижать этого выдающегося политика XX века, давнего недруга России. Неужели этим антисоветчикам не известно, что Трумэн организовал выступление бывшего английского премьера? Он привез Черчилля на своем поезде в Фултон, по дороге прочитал текст его речи и одобрил её.

Сталин 14 марта 1946 г. расценил речь Черчилля "как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничест-

во". Он подчеркнул, что Черчилль и его единомышленники в Англии и США "предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, - в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР".

В меморандуме № 329 от 4.09. 1945 г. - сразу после капитуляции Японии - объединенный разведкомитет США поставил целью "отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и контролируемой им территории". По разработанному плану "Троян" объектами атомной бомбардировки стали 70 советских городов. Составленный Комитетом начальников штабов США в 1949 г. план "Дропшот" предусматривал уничтожение 100 наших городов. Начало военных действий - 1 января 1957 г. И лишь возросшая советская мощь охладила горячие головы в США. Какую бы свистопляску затеяли российские либералы, если бы существовал хотя бы один - пусть в малых очертаниях - похожий на "Дропшот" советский план нападения на какую-то страну!

04.04. 1949 г. десять стран Европы, Канада и США создали военный союз НАТО. Только в ответ на это 14.05. 1955 г. был подписан Варшавский договор. Советскому Союзу навязали холодную войну, шедшую свыше 40 лет. Ни один наш самолет не вторгся на землю США. "Но за пятьдесят лет противостояния над территорией СССР было сбито более тридцати!!! боевых и разведывательных самолетов США. В воздушных боях над нашей территорией мы потеряли 5 боевых самолетов, американцами было сбито несколько наших транспортно-пассажирских бортов. А всего было зафиксировано более пяти тысяч нарушений нашей государственной границы американскими самолетами" (В. Шурыгин. Завтра. № 8. 2002).

Сколько раз американское правительство беспардонно обманывало мировое общественное мнение. Вспомним, как оно начало войну во Вьетнаме, как лгало на правительство Ирака при развязывании агрессии против этого государства. Антирусский космополит Г. Попов торжествует: "Нетрудно понять, что точечные бомбардировки разрушили не только режим Хусейна. Они нанесли сокрушительный удар по планам тех, кто мечтает о новом "народном" режиме для России. Теперь ясно, что даже если они захватят и восстановят советскую власть - это будет сугубо временная акция. А дальше - точечные удары и трибунал" (Московский комсомолец. 24.04. 2003). Трудно представить, что у бывшего советского профессора и российской газеты может быть такая лютая ненависть к своей Родине.

В настоящее время НАТО все больше расширяется, все ближе продвигает к границам России свои войска, окружает ее военными базами, все более явно проявляет свою агрессивную суть. С какой целью? Неужели жизненным интересам Запада угрожала Югославия? Почему же

с варварской жестокостью растерзали и расчленили ее? В мае 2010 г. США установили зенитно-ракетный комплекс "Пэтриот" в Польше в 60 километрах от российской границы. 5 ноября 2008 г. Д. Медведев в обращении к Федеральному собранию объявил, что в ответ на американскую ПРО в Польше Россия разместит в Калининградской области ракетный комплекс "Искандер". Об этом он теперь не вспоминает, разглагольствует о мифическом сближении США и России.

Поражение СССР в холодной войне объясняется не только разрушительным воздействием Запада. Сильным ударом по идеологическим основам советского общества стал недальновидный и недобросовестный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, который внес смятение в души людей, предоставил "агентам влияния" хорошие возможности для разрушительной идеологической деятельности среди нашего населения. Гранин же расхвалил Хрущева: от него "потребовалось колоссальное мужество, чтобы осмелиться на антисталинский доклад. Без сомнения, это был героический поступок" (Аргументы и факты. 2005. № 9). Но подтверждает ли эту героичность Хрущева то, что он, обличая Сталина, скрыл свое участие в репрессиях?

Комиссия Политбюро ЦК КПСС в 1988 г. установила: "В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущева к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области... Он, в частности, сам направлял документы с предложением об аресте руководящих работников Моссовета, Московского горкома партии. Всего за 1936-1937 годы органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек" (Советская Россия. 21.09. 2010). После избрания Хрущева Первым секретарем ЦК КП(б)У он санкционировал репрессии в отношении несколько сот человек. В 1938 г. он послал жалобу Сталину: "Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2-3 тысяч. Прошу принять срочные меры".

Хрущев отрезал от России Крым и передал его Украине, поправ историческую справедливость. Немалый вред принесли его волюнтаристские начинания, непродуманное обещание быстро построить в нашей стране коммунизм, безоглядная кукурузная инициатива, неумное разделение обкомов партии на сельские и промышленные, расправы с руководителями, которые смели иметь собственные суждения. Это обесценивало социалистические идеалы, питало диссидентские настроения.

Военное давление Запада на СССР сочеталось с мощной политической и нравственно-психологической войной. А. Зиновьев в книге "Гибель русского коммунизма" подчеркнул, что на нашу страну был обрушен поток пропаганды: "Происходило разрушение идеологии, менталитета, психологии населения нашей страны. ...Произошел психологический, идеологический

кризис в результате "холодной войны", в Советском Союзе сложилась мощная "пятая колонна" Запада, которой удалось создать такую атмосферу в нашей стране, что массы населения были склонены к предательству". Во время референдума 17 марта 1991 г. три четверти взрослого населения страны высказалось за сохранение СССР, а в декабре 1991 года, когда СМИ, руководимые ставленниками Яковлева, создали хаос в умах людей, народ не проявил откровенного недовольства, когда либералы развалили Советский Союз. Запутавшийся в идейных опорах Астафьев признал, что "казавшееся очистительным и обнадеживающим время перестройки было с самого начала поразительно фальшивым": "Ни при каком застое никто не лгал так беззастенчиво и самозабвенно, никогда не было столько агрессивности и злобы, как в журнальных и газетных статьях 80-х - начала 90-х годов" (Литературная Россия. 13.10. 2000).

Приход Горбачева к высшей власти и перестройка ввергли нашу страну в состояние кризиса и краха. Он, выступая за границей в 1999 году, откровенничал: "Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма... Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. ...Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы".

Самый одиозный из политических диверсантов А. Яковлев в 1998 г. в "Известиях" признал, что он стал работать в ЦК КПСС для того, чтобы разрушить советский режим изнутри, используя для этого партийную дисциплину и слабые стороны его структуры. В своем предисловии к "Черной книге коммунизма" пишет о своих коллегах по работе: "...все были циники. Все до единого, я в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святой, истинные убеждения держали при себе". После XX съезда они выбрали такой путь разрушения советской идеологии: "...авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и "нравственным" социализмом - по революционаризму вообще..."

Чтобы потерпеть поражение в военном сражении, достаточно иметь одного предателя в штабе армии, а в руководстве СССР оказалась целая свора изменников. Объявив себя демократами, они предали идеи социализма, миллионы тружеников и геополитические интересы России. Писатель И. Васильев, лауреат Ленинской премии, сделал верный вывод: "Небывалый в истории факт: Держава развалена руками своих злодеев-руководителей" (Наш современник. 2000. № 7). По словам Зиновьева, "страну убили": "Это убийство извне, и убийцы нашли сообщников внутри страны, и такими убийцами стали высшие руководители страны, определенные слои интеллектуальной элиты и высших слоев общества" (Советская Россия. 04.07. 1994).

Ответственный руководитель советской разведки генерал Ю. Дроздов писал: "В итоге перестройки и реформ 90-х годов система обеспечения безопасности нашего государства была нарушена. Непродуманностью, поспешностью, поддаваясь на вроде бы дружеские рекомендации Запада, мы нанесли ущерб самим себе. Несколько лет назад бывший американский разведчик, которого я хорошо знал, приехав в Москву, за ужином в ресторане на Остоженке бросил такую фразу: "Вы хорошие парни. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы можете гордиться. Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху" (Российская газета. 31.08. 2007).

Председатель КГБ СССР В. Крючков сообщил, что уже с 1989 г. стали поступать "крайне тревожные" сведения о связи Яковлева с американскими спецслужбами. Он познакомил Горбачева с этими сведениями, тот предложил ему поговорить с Яковлевым, что и было сделано. "Вид у Яковлева... был неважнецкий, он был явно растерян и ничего не мог выдать из себя в ответ. ...судя по всему, для него этот разговор явился полной неожиданностью" (Советская Россия. 13.02. 1993). Но "Горбачев добро на проверку сигнала так и не дал, посоветовав поговорить с Яковлевым еще раз". И этот разговор оказался пустым. "На том и дело и кончилось - молчал Горбачев, молчал Яковлев". Вопрос о сотрудничестве Яковлева "с американскими спецслужбами так и повис в воздухе", его отношения с Горбачевым "не претерпели никаких изменений, они по-прежнему отличались высокой степенью доверительности..." Пусть читатели сами сделают выводы из этих крайне важных фактов.

"Правда-5" осенью 1995 г. опубликовала запись беседы А. Козырева с госсекретарем США Дж. Бейкером от 9 июня 1992 г. В ходе беседы представители России втайне от своего народа, "игнорируя мнения специалистов ВПК, Генерального штаба, ГРУ и Службы внешней разведки", договаривались с вероятным противником об уничтожении плодов многолетних усилий своего народа своих лучших, межконтинентальных ракет. Это была государственная измена. Договор СНВ-2 был полностью в интересах США, Козырев обещал, что "попытается этот вариант отстоять. Взамен он просил "Помогите России стать демократическим государством - и тогда очень многое станет возможным". И предупреждал: "Не говорите вслух то, что сейчас я сказал, на данном этапе это опасно". Нужны ли здесь комментарии?

Наше поражение в холодной войне было вызвано и предательством верхов, и рядом политических и экономических причин. О них я писал в книге "Контрреволюция и литература" (2007). Западные страны, имевшие больше сил, преуспели в проведении диверсионных операций против нас. В 1985 году экономический потенциал США составлял 3947 млрд. долл., а у СССР - 1390 млрд. долл. "Мы тратили тогда ежегодно порядка 300 млрд. долл. на "сверхдер-

жавность", включая сюда военные расходы, поддержку союзников и клиентов по всему миру... А имели право тратить не более 250 млрд. долл., с учетом необходимого "запаса прочности" - и того меньше, порядка 150 млрд. долл. Это "сверхдержавное" перенапряжение советского общества в ходе "холодной войны" и было, на мой взгляд, одной из главных причин уничтожения СССР в ходе "перестройки" и последующих "рыночных реформ" (О. Арин. Завтра. 25.02. 2003).

М. Горбачев отверг такой вывод: "...это несерьезно. Советский Союз мог бы выдержать гонку вооружений" (Литературная газета. 2004. № 25-26). Н. Рыжков убежден в том, что не было тотальных оснований разрушения СССР: "Мы были великой, мощной страной с гигантской территорией, с образованным народом. У нас были необъятные запасы полезных ископаемых. ...Надо было лишь исправлять то, что устарело, отжило своё. А мы взяли и разрушили все до основания. ...мы в 88-м году вдруг начали заниматься не только экономикой, но еще и модернизацией государственного устройства, общественной и политической жизни. ...Ни одно государство в мире, которое проводило реформирование экономики, не ослабляло государственное устройство, никогда!" (Литературная газета. № 21. 2009).

Если делать упор на кризисе, поразившем советскую систему, то не меньший кризис настиг и США в начале 30-х годов. Выдающуюся роль в его преодолении сыграл Ф. Рузвельт. Сумел преодолеть тяжелый кризис и Китай в 80-е годы. Можно было преодолеть кризис и в СССР, но у нас не нашлось своего Дэн Сяопина, который бы определил пути реформирования советской системы без разрушения государственности.

Лауреат Нобелевской премии академик Ж. Алфёров убежден: "Разрушение СССР - величайшая трагедия для человечества". В 2010 году Левада-центр провел опрос граждан России об отношении к распаду СССР и желании восстановить социалистическую систему. Выявились: о его развале сожалеют 62% респондентов, не сожалеют 28%, затрудняются ответить 10%. 31% полагают, что распад был неизбежен, 59% - что его можно было избежать. Восстановить Советский Союз и социалистический строй хотели бы 60% участников опроса.

Заключение

За пять последних тысячелетий произошло около 15000 войн. В них погибли четыре миллиарда человек. Самой разрушительной, самой кровавой была Великая Отечественная война, длившаяся 1417 дней. После ее завершения Шолохов писал в статье "Победа, какой не знала история": "**...никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной армии, не одерживала побед более блистательных, ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и**

величия. ...Пройдут века, но человечество навсегда будет хранить благодарную память о героической Красной армии".

Теперь, когда разрушен Советский Союз, кое-кто спрашивает: "За что, за какую идею, за чью землю погибали советские воины?" Они воевали ради свободы родины, ради ее счастья и процветания, вели "смертный бой не ради славы, ради жизни на земле". "Люди сознательно шли на смерть потому, что дома у них были Дети! Внуки! Жены! Родители! Которых они, как и все нормальные люди, безумно любили! Люди сражались за Их Жизнь! За то, чтобы их дети и внуки просто элементарно Жили на этой Земле! И жили Людьми!" (Коммерсантъ. 10.05. 2008).

После нашей блестящей победы СССР получил справедливое геополитическое пространство, укрепил государственные границы, в качестве соседей появились дружественные нам государства. Европа освободилась от нацистского господства, изменилась вся мировая карта, ослабла и рухнула колониальная система в Азии, Африке и Латинской Америке.

Для врагов России и ниспровергателей идей социализма мысль о том, что Красная Армия освободила Европу - "опасная фальсификация". Председатель парламентской комиссии по иностранным делам Эстонии Свен Миксер заявил: "Целью Советского Союза была экспансия. Так называемое освобождение Европы на самом деле было завоеванием и аннексией". В 2005 г. американский президент Буш заявил, что "советская оккупация Прибалтики и Восточной Европы - величайшее зло в истории, что Ялтинские соглашения продлили свою зловещую тень в наши дни".

Используя лживые измышления, русофобы зачеркивают спасительную миссию нашей армии по отношению к народам всего мира и "забывают", что ценой миллионов русских жизней была одержана победа во Второй мировой войне. Какова была бы судьба Европы (и не только ее), если бы победил фашизм? Эмигрант первой волны Г. Иванов в 1945 г. писал: "Над облаками и веками // Бессмертной музыки хвала - // Россия русскими руками // Себя спасла и мир спасла".

11 июня 2004 г. в статье "Спасти рядового Ивана" ("The Guardian") преподаватель истории в Калифорнийском университете Майк Дэйвис отметил: "В борьбе с фашизмом на каждого погибшего рядового Райана приходится примерно 40 русских Иванов". Американский историк А. Акселл в статье "Кто и почему не желает признавать победу России во Второй мировой войне" (Российская газета. 03.12. 2004) писал: "Ведь именно героизм российского народа и то огромное число жертв, которые были принесены им на алтарь победы в этой войне, спасли цивилизацию от чумы гитлеровского фашизма".

Когда Д. Гранину напомнили о том, что "на Западе принижается роль участия во Второй мировой войне Советского Союза, а то и совсем умалчивается", он ответил: "Мы, победители, можем позволить себе быть абсолютно честными". Но разве США потерпели поражение в той войне? Почему же они далеки от такой честности? Были ли честными союзники, когда они затягивали открытие второго фронта? Был ли честным президент Клинтон на праздновании юбилея высадки союзников в Нормандии, когда поблагодарил Россию "за помощь в победе Америки над Германией"? США, получается, победили, а мы только помогали им.

5 февраля 2010 г. в здании Европарламента на встрече представителей коммунистических и рабочих партий при обсуждении темы "Операция по искажению истории Второй мировой войны в сфере образования" выражалось беспокойство тем, что "принижается роль Советского Союза в спасении человечества от угрозы всеобщего порабощения и уничтожения миллионов людей. Представители Польши, Хорватии, Ирландии заявляли, что в учебниках, по которым учатся в их странах, не найти ни слова о Московской, Сталинградской, Курской битвах, а также о других сражениях, ставшими решающими для исхода Второй мировой войны" (Советская Россия. 20.05. 2010).

19 октября 2010 г. Президиум ЦК КПРФ отметил: "Фальсификация истории советского периода стала одним из главных инструментов идеологической войны, непрерывно ведущейся против народов России недружественными зарубежными и внутренними силами. Уже вполне откровенно предпринимаются попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны и роль Советского Союза в победе над фашистской Германией и её сателлитами. Страну, внёсшую основной вклад в спасение человечества от коричневой чумы, упорно пытаются поставить на одну доску с агрессором".

В западных СМИ проводится мысль об определяющей роли США в победном завершении Второй мировой войны, утверждается, что исход ее решили 11 битв, из них только Сталинградская была на советско-германском фронте. Факты опровергают эту фальшивую концепцию. Рафаэль Пош 5 июня 2004 г. писал: "...истинно переломными моментами той войны стали битвы за Москву, Ленинград, Сталинград и Курск. ...англо-американцы высаживались в отдаленных местах, которые практически не могли ослабить давление на Советский Союз. Сначала на севере Африки (в ноябре 1942 г.), затем в Сицилии (июль 1943 г.), впоследствии еще дважды в континентальной Италии (в сентябре 1943 г. и январе 1944 г.), и лишь менее чем за год до окончания войны (в июне 1944 года) - в Нормандии" ("La Vanguardia". Испания).

Гитлер сказал на совещании немецких генералов 28 марта 1942 г.: "Исход войны решается на Востоке". Начальник оперативного отдела Штаба Западного фронта генерал-лейтенант Б.

Циммерман писал: "Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику". А. Тейлор признал, что русские " всю войну сковывали три четверти немецких сухопутных войск". **Наши войска разгромили свыше 600 вражеских дивизий, а англо-американские - 176 соединений вермахта. На советско-германском фронте Германия потеряла 72% военнослужащих, до 75% танков, 75% самолетов.** Немецкий историк Р. Оверманс в книге "Немецкие военные потери во Второй мировой войне" установил, что безвозвратные потери вермахта составили 5300000 солдат и офицеров. В боях против западных стран он потерял 340000 человек, "то есть лишь 6,4% от своих общих потерь, погибшими".

Теперь в Германии укрепляется мысль о желательности пересмотра итогов Второй мировой войны. Немецкий военный историк Рольф-Дитер Мюллер пришел к выводу: для современных немцев "отныне урок Сталинграда звучит не как раньше "Войны не должно быть больше никогда!", а как "Никогда больше не должно быть такой войны", в которой немецкое правительство "загоняет своих солдат в аналогичную фатальную ситуацию" (Российская газета. 22.01. 2003). Значит, победоносная война в умах многих немцев снова становится возможной.

Директор одной из программ Германского совета по внешней политике А. Рар отметил: "...комплекс унижения, испытанной частью германской элиты, сейчас выходит наружу. И направлен он преимущественно против России, которую многие немецкие интеллектуалы считают страной отсталой, неевропейской, не вписывающейся в европейские ценности, слишком большой и неопределенной. ...Россия должна допустить "автономное плавание" Калининграда - по крайней мере в экономических вопросах" (Литературная газета. № 22. 2004). В 2004 г. группа депутатов бундестага выдвинула проект "Пруссия", в котором требовалось воссоздать "историческую германскую область Восточная Пруссия", основой ее должна быть наша Калининградская область. Может быть, нам не стоит об этом забывать?

В 2002 г. Вашингтон принял на вооружение доктрину превентивного удара. Войска США расположились в 120 странах мира, в 45 государствах у них есть военные базы, а Россия покинула базу материально-технического обеспечения Тихоокеанского флота в бухте Камрань во Вьетнаме, закрыла станцию слежения на Кубе. Американцы построили ПРО в Чехии и Польше, втягивают в НАТО Украину и Грузию. Идеи Гитлера об объединенной Европе, противостоящей России, форсированно осуществляются, войска США и НАТО демонстративно утраиваются у наших усеченных границ. Вокруг России создается кольцо санитарного кордона. Её загнали в стратегический тупик. Она оттесняется от Балтики и Черного моря. То, что не удалось немцам,

сделали англосаксы. Только наивный человек может верить пропагандистским декларациям США. Неужели история России и трагический день 22 июня 1941 г. нас ничему не научили?

Конгресс Соединенных Штатов в 2005 году утвердил "Стратегию национальной безопасности США", где сделана ставка на доминирующую военную силу: "Обеспечить безопасный доступ к ключевым районам мира, стратегическим коммуникациям и глобальным ресурсам". Л. Ивашов так оценил этот документ: "По сути, это новая формула американского мирового господства". Сейчас США, желая быть единственным вершителем судьбы всего мира, ставят себе целью не допустить возрождения России как великой державы.

Н. Нарочницкая в работе "За что и с кем мы воевали?" (2007) пишет: "Современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период "холодной войны". Пока общественное сознание России не освободится от иллюзий "вхождения в так называемое цивилизованное сообщество", которое ее совсем не ждет, именно это сообщество будет все так же триумфально пожинать плоды нашего национального упадка и безволия. ...Окончательное крушение всей русской истории - вот назначенная цена за мнимое место в мировой олигархии для той постперестроечной элиты, что до сих пор почитает "нецивилизованным" даже слабо возражать против уничтожения уже не только российского великодержавия, но и самой русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях".

Русофоб З. Бжезинский утверждал, что "Россия будет раздробленной и под опекой", он назвал ее "главной разменной картой американской геополитики" и объявил: "Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России". Он посчитал, что прошлая жизнь России "заслуживает того, чтобы её похоронили навсегда". Американцы включили Россию (вместе с Беларусью, Венесуэлой, Китаем, Ираном) в "ось зла" и назвали врагом США. Над Россией нависла смертельная опасность. На 9-м Всемирном Русском соборе В. Распутин справедливо сказал: "Никогда еще так грозно не подступал вопрос: быть или не быть России?".

Превращать Россию в сырьевой придаток Запада русофобам мешает наша память о ее былом могуществе. Чтобы уничтожить российскую государственность, они искажают и оскверняют историю Великой Отечественной войны. Память о ней священна для каждого нашего честного человека. В то время русская нация, сплотившая вокруг себя народы Советского Союза для защиты Родины от захватчиков, совершила подвиг, которым восхищается весь мир. **Наша великая Победа подтверждает огромную историческую значимость и большие возможности России, представляет собой непреходящую социально-политическую и нравственно-**

психологическую ценность и является для нас важным стимулом государственного развития. И потому она встала поперек горла у тех, кто унижает и разрушает нашу Родину.

Оглядываясь назад, лучше разбираясь в том, что было в годы Великой Отечественной войны, мы должны поставить уроки прошлого на службу настоящему, хорошо осознать нашу силу и наши слабости, понять, почему мы смогли одолеть столь сильного врага. Очернители сочиняют фальшивки о том времени для того, чтобы духовно подавить наш народ, уничтожить в нем национально-государственный императив, веру в возможность достижения социальной справедливости, вытравить чувство коллективизма и любви к Родине, задушить нашу устремленность к свободе и восстановлению великой державы. **Вся история России, ее советский период, годы Великой Отечественной войны, "перестроечное" время со всей очевидностью подтверждают мысль о том, что для ее успешного развития национальные интересы должны ставиться выше интересов отдельной личности.** Теперь, когда остро ощущается потребность в восстановлении нашей нарушенной государственной целостности, наглядно раскрылась вопиющая ущербность для русской нации агрессивного индивидуализма, антиколлективистской психологии, антигосударственной ориентации в общественной мысли и поведении людей.

26 мая 2010 г. в Гайдпарке ставился вопрос: "Если завтра война. ...кто будет воевать за Родину? И за какие идеалы пойдут в бой молодые ребята, оторвавшись от компьютеров, "Клинского" и изучения менеджмента в целях отъезда за границу". Действительно, "трудно представить, как перед атакой боец... говорит своему командиру: "В случае смерти, прошу считать меня членом "Единой России", что "молодой человек из движения "Наши" или "Местные" так и поступит. ...И с криком "За Родину, за Абрамовича!", побежит на ...противника... в суровой реальности все будет не так. На временно оккупированных территориях бывшие члены партии быстренько займут места полицаев и старост. Они до этого столько раз перебежали из одной партии в другую, что еще раз изменить ориентацию им раз плюнуть". На вопрос "Стали бы вы воевать за нынешнюю Россию?" - ответили отрицательно 54% респондентов призывного возраста. 29% молодых мужчин не смогли ответить на этот вопрос. И лишь оставшаяся группа сказала "да".

Сейчас налицо драматический разрыв между поколениями. Нам, воспитавшимся на идеях социальной справедливости, трудно найти общий язык с подросшими за последние десятилетия людьми, подготовленными школой, радио, телевидением для другой - непонятной и неприятной нам - жизни. Актуальная задача - восстановить разорванную связь времен и поколений, целенаправленно воспитывать патриотизм, возбуждать общественную активность, поднимать на-

ших людей на борьбу за возвышенные ценности, за социальную справедливость, за восстановление России как великой державы.

Надо каждому из нас осознать, что **дальнейшая судьба России зависит именно от нашего поведения, от силы нашего сопротивления вражескому нашествию.** К сожалению, русские еще не выработали спасительную для нашего государства отчетливую идею национальных интересов. На судьбе русского народа отразились присущие ему идеализм и максимализм, известная безалаберность, доверчивость, недостаточное умение проводить хорошие задумки в жизнь, вера в возможность быстрого изменения жизни в результате выдвижения и осуществления привлекательных лозунгов.

Русскому народу нужно срочно восстановить в своем сознании исторический оптимизм и присущий ему с давних времен коллективизм и - что исключительно важно для будущего России - как можно быстрее преодолеть зловещую демографическую катастрофу, реально угрожающую нашему государству полным его развалом и уничтожением. В России в 1992-2010 годы вымерло 18 млн. русских, к 2020 году "русских станет менее половины населения России, и тем самым оформятся объективные условия к началу её последнего распада!" (Советская Россия 21.09. 2010). Любое правительство России, если оно действительно озабочено судьбой нашего государства, должно предпринять все мыслимые эффективнее шаги к пресечению этой трагической перспективы.

Каждому из нас надо сделать все возможное, чтобы помогать возрождению былой славы и могущества нашего Отечества. Весьма актуально звучат ныне, в очень трудной, трагической, очень опасной для судьбы многострадальной России обстановке, патриотические мысли великого поэта-государственника Александра Твардовского: "Нынче мы в ответе // За Россию, за народ // И за все на свете".

Список основной литературы.

1. Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. М. 1998.1999.
2. Вторая мировая война в воспоминаниях. М. 1995.
3. Вторая мировая война: два взгляда. М. 1995.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза.1941-1945. В 5 т. М. 1961 -1965.
5. История второй мировой войны. 1935-1945. В 12 т. М. 1973-1982.
6. История войн. В 3 т. Ростов н/Д. 1997.
7. Мировая война 1939-1945 гг. М. 1957.

8. Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого. М. 1997.
9. Адам. В. Трудное решение. М. 1967.
10. Баграмян И. Х. Так начиналась война. М. 1971.
11. Битва за Москву. М. 1985.
12. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди: В 2-х кн. М. 2001.
13. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М. 2004.
14. Бушин В. За Родину! За Сталина! М. 2003.
15. Важнейшие решения. М. 1964.
16. Василевский А. Дело всей жизни. М. 1984.
17. Видер. И. Катастрофа на Волге. М. 1965.
18. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. М. 1989.
19. Гальдер Ф. Военный дневник. М. 1969-1971.
20. Городецкий. Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М. 1999.
21. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999 .
22. Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. М. 1973.
23. Дёрр Г. Поход на Сталинград. М. 1956.
24. Другая война 1939-1945. М. 1996.
25. Еременко А. Против фальсификации Второй мировой войны. М. 1960.
26. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М. 1983.
27. Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М. 2004.
28. Карель П. Восточный фронт. М. 2003.
29. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. М. 2002.
30. Карпов. В. Генералиссимус. В 2. кн. М. 2004.
31. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск. 2000
32. Кларк А. Бабаросса. Война России и Германии. 1941-1945. М. 1998.
33. Кожин В. Великая война России. М. 2005.
34. Конев И. Записки командующего фронтом. М. 1991.
35. Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М. 1995.
36. Куманев Г. Рядом со Сталиным. М. 2004.
37. Куняев С. Ю. Русский полонез. М. 2006.
38. Лиддел-Гарт Б. Г. Вторая мировая война. СПб. 2002.
39. Манштейн Э. Утерянные победы. М. 1999.

40. Маршал Жуков. Каким мы его помним. М. 1989.
41. Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. М. 1957.
42. Мельтюхов. М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. М. 2002.
43. Мерецков К. На службе народу. М. 1971.
44. На правом фланге Московской битвы. М. 1991.
45. Некрич А. М. 1941. 22 июня. М. 1995.
46. Нюрнбергский процесс над немецкими военными преступниками. М. 1957-1961.
47. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 2. 1 января - 21 июня 1941 г. М. 1995.
48. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР. Смоленск. 2000.
49. Провал гитлеровского наступления на Москву. М.1966.
50. Проэктор. Д. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. 1995.
51. Пыхалов И. Великая оболганная война. М. 2005.
52. Рейнгарт К. Поворот под Москвой. М. 1980.
53. Ржевская битва. Тверь. 2001.
54. Розанов Г. Л. Сталин. Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939-1941. М. 1991.
55. Роковые решения. М. 1958.
56. Рокоссовский К. К. Сталинград: уроки истории. М.1989.
57. Самоубийство германской империи. М. 1972.
58. Самсонов А. Сталинградская битва. М. 1989.
59. Сиполс. В. На пути к великой победе. М. 1985.
60. Совершенно секретно! Только для командования! М. 1967.
61. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1950.
62. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М. 1994.
63. Сталинградская эпопея. М. 1968.
64. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. М. 2002.
65. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М. 1997.
66. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М. 1992.
67. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.1956.
68. Уткин А. И. Сорок второй год. Смоленск. 2002.

69. Фуллер Д. Вторая мировая война 1939-1945 годов. М. 1956.
70. Черчилль У. Вторая мировая война. М. 1991.
71. Чуев. Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991.
72. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М. 1991.
73. Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. М. 1989.
74. Якобсен Г. А. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы. М. 1995.

